

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855294 4

QCA
MESKVI'YANNIN
Digitized by Google

МОСКВИТАНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1853.

ТОМЪ IV.

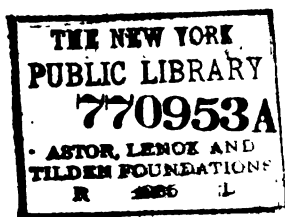

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: УНИВЕРСИТЕТСКОЙ, ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

1853.

ROY W. B.
CLUB
VIA DELI

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 2-го дня 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

МОСКВИТАНИНЪ

1855.

№ 13.

Июль.

Кн. 1.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИНТРИГА.

I.

Весною одного изъ прошедшихъ годовъ , пользуясь приглашеніемъ одного моего знакомаго , я переехалъ на все лѣто въ его имѣніе , лежавшее въ недалекомъ разстояніи отъ столицы; самъ онъ жилъ въ другомъ своемъ имѣніи. Я не желалъ уѣзжать далеко отъ города , чтобы пользоваться нѣкоторыми его удобствами, получать книги и журналы , и вмѣстѣ съ этимъ хотѣлъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи. Кончившаяся зима оставила во мнѣ много непріятныхъ воспоминаній; откровенно признаться, я былъ влюбленъ , и влюбленъ неудачно. Житейскія неудачи внушаютъ на нѣкоторое время досаду на общество и расположеніе къ пустынноческой жизни. Въ уединеніи отдохнешь, и приготовишься къ новымъ ощущеніямъ; проживши вдали отъ свѣта , лучше обсудишь свое прошедшее, поймешь свои ошибки, примиришься съ судьбою и воротишься въ общество умнѣе и снисходительнѣе; горечь неудачъ пройдетъ, останется одинъ лишній опытъ, который впрочемъ никогда не бываетъ лишнимъ.

По сосѣдству съ деревнею , въ которой я поселился , и въ близкомъ отъ нея разстояніи, находилось много другихъ деревень, въ которыхъ лѣтомъ жили помѣщики; къ-счастью, я никого изъ нихъ не зналъ, и въ этомъ-то состояла одна изъ главнѣйшихъ выгодъ , заставившая меня поселиться здѣсь, а не у себя дома, гдѣ я былъ бы окруженъ знакомыми сосѣдями. Я не хотѣлъ дѣлать новыхъ знакомствъ, и даже избѣгалъ случаевъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Я велѣлъ своимъ людямъ говорить , что я больной и лечусь

PERL JAN 21 1935

холодною водою, — ложь, объяснявшая мой уединенный образ жизни. Господскій домъ, въ которомъ я жилъ одинъ, стоялъ на краю селенія; при немъ находился довольно обширный садъ, куда былъ выходъ прямо изъ занимаемыхъ мною комнатъ; изъ сада я могъ ходить прямо въ поле, чрезъ боковую калитку; остававшуюся постоянно отворенной; садъ былъ не фруктовый, и его никто не стерегъ. Я могъ жить какъ хотѣлъ; никто меня не беспокоилъ, и если бы не было моихъ людей, то крестьяне и дворовые люди скоро забыли бы обо мнѣ вовсе.

Цѣлые дни я проводилъ въ чтеніи и прогулкахъ; за новыми книгами я иногда ѣздилъ самъ въ городъ, гдѣ оставался не долго и видѣлся только съ короткими знакомыми. Въ саду были старыя, густыя, тѣнистыя аллеи; окрестности селенія были довольно хороши, хотя не имѣли ничего особеннаго; за садомъ начинались поля, засѣянные хлѣбомъ; въ нѣкоторомъ отдаленіи лѣсъ; въ долину, по теченію рѣчки, видѣлись деревни, а изъ-за вершинъ холмовъ кресты колоколенъ. Время было превосходное. Я находилъ удовольствіе прогуливаться по проселочнымъ, глухимъ дорогамъ, или по широкимъ межамъ полей, между высокими стѣнами ржи, которыя колышутся будто въ раздумьѣ подъ лѣнивымъ дуновеніемъ вѣтра. Непорушимая тишина передаетъ въ душу успокоеніе, и вмѣстѣ съ природою отдыхаешь въ нѣгѣ полуденнаго жара. Молчаніе прерывается изрѣдка пѣснію жаворонка, или, къ вечеру, отдаленнымъ звономъ церковнаго колокола, или шумомъ и побрякушками возвращающагося стада. Иногда я ходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, но никогда почти не стрѣлялъ; чаще всего я просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ тѣни, читая книгу.

Я сначала полагалъ, что такая уединенная жизнь скоро мнѣ наскучитъ; она даже, можетъ быть, немного и наскучила мнѣ; но теперь, по прошествіи нѣкотораго времени, я вспоминаю о ней, какъ объ однихъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни. Я понимаю теперь, что, послѣ общественныхъ тревоженій, человѣкъ можетъ находить отраду въ отшельнической жизни, — и почему есть люди,

которые бвгутъ въ глушь лѣсовъ, въ пустыни, далеко отъ общества. Это можетъ назваться боязнію несчастія, но во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что въ нашей жизни болѣе горя, чѣмъ радостей, и что мы находимъ наконецъ несомнѣнное счастье въ совершенномъ спокойствіи. Я прожилъ такимъ образомъ болѣе мѣсяца. Но трудно, чтобы жизнь не приняла опять обыкновеннаго направленія, чтобы не встрѣтились обыкновенные случаи, если не уйдешь отъ людей въ глухія степи. Поэзія моего уединенія была наконецъ нарушена однимъ случаемъ, который сначала казался мнѣ даже скучнымъ.

Однажды вечеромъ, когда начинало смеркаться, я сидѣлъ дома и пилъ чай; человѣкъ доложилъ мнѣ, что пришла какая-то крестьянка съ ягодами. Я велѣлъ взять; но человѣкъ отвѣчалъ, что она просила доложить мнѣ самому; я велѣлъ позвать ее.

Крестьянка вошла робко и поклонилась. Она была довольно большаго роста, молода и недурна, сколько я могъ разглядѣть ее въ начинавшейся темнотѣ.

— Спасибо, любезная, сказалъ я, подходя къ ней ближе; сколько тебѣ надобно за ягоды?

— Гривенникъ, отвѣчала она.

Голось ея былъ нѣженъ и звученъ. Не смотря на свои отшельническія намѣренія, я не могъ устоять противъ любопытства рассмотреть ее лучше, и велѣлъ подать свѣчи. Я очень долго оставался одинъ, ни съ кѣмъ почти не говорилъ, и мнѣ казалось простительнымъ поговорить съ хорошенькой крестьянкой, тѣмъ болѣе, что я не давалъ обещанія ни себѣ, ни кому другому, не говорить и даже не любезничать съ женщинами. Когда принесли свѣчи, я убѣдился, что она очень недурна, хотя повязанный на головѣ платокъ скрывалъ большую часть ея лба и щекъ. Я замѣтилъ, что она также разсматривала меня съ любопытствомъ.

— Не хочешь ли чаю? сказалъ я. — Надобно тебя чѣмъ-нибудь поблагодарить за посѣщеніе.

— Благодарю; я не пью чаю, отвѣчала она.

— Ты изъ здѣшней деревни?

— Изъ здѣшней.

— Ты замужняя?

— Замужняя.

— Какъ же мужъ пускаетъ тебя, такую хорошенькую, поздно и одну?

— Чего ему бояться? надобно продать кому-нибудь ягоды; да его теперь нѣтъ дома: онъ уѣхалъ на мельницу, и не знаетъ, что я понесла ягоды къ вамъ.

— И ты ему не скажешь этого?

— Можетъ быть не скажу, отвѣчала она улыбаясь.

— Такъ онъ ревнивый? Не говори, а не то онъ въ другой разъ не пуститъ тебя. Я надѣюсь, что ты принесешь еще.

— Какъ прикажете.

— Принеси непременно. Я хоть поговорю съ тобою немного. Я живу одинъ, и мнѣ становится скучно.

— Зачѣмъ же вы сидите все дома, и прогуливаетесь только въ полѣ и въ лѣсу?

— А ты знаешь, что я прогуливаюсь только въ поляхъ?

— Какъ не знать.

— Ты меня видѣла когда-нибудь?

— Видѣла:

— Гдѣ?

— Съ гумна, когда вы проходили позади селенія.

— Ты, можетъ быть, пришла ко мнѣ потому, что тебѣ стало меня жаль?

Она улыбнулась немного насмѣшливо, и отвѣчала: — за что мнѣ васъ жалѣть! я принесла вамъ ягодъ.

— За то, что я живу одинъ и скучаю. Пожалуйста приноси чаще, сама, а не присылай съ другими.

— Мнѣ некого посылать.

— Тѣмъ лучше.

Она поклонилась, чтобы выйти.

— Когда же ты придешь?

— Когда наберу ягодъ. Можетъ-быть послѣ-завтра.

Я заплатилъ ей деньги. Она вышла садомъ, а не дворомъ, повернула въ селеніе, и поспѣшно скрылась за ближайшими домами. Было замѣтно, что она боялась съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, и я подозревалъ, что въ ея посѣщеніи было не одно желаніе продать мнѣ ягоды. Крестьянки въ окрестностяхъ столицъ вообще гораздо смѣлѣе съ господами, чѣмъ женщины отдаленныхъ губерній. Желаніе познакомиться съ молодымъ бариномъ— вещь очень обыкновенная. Моему самолюбію не могло лѣстить вниманіе моей новой знакомки; но она была молода и хороша, и я не находилъ причинъ быть недовольнымъ ея посѣщеніемъ, хотя нисколько не имѣлъ въ виду познакомиться съ нею короче. Если я просилъ ее приносить ягоды, то это была болѣе привычка говорить съ молодыми женщинами любезнѣе, чѣмъ съ старухами и мужчинами; брюзга и дикарь улыбнется ласково, смотря на улыбающіяся, свѣжія губки. Трудно не заплатить нѣкоторымъ вниманіемъ тѣмъ, которые показываютъ намъ вниманіе сами. — На другой день я забылъ о хорошенькой крестьянкѣ, и по обыкновенію продолжалъ свои прогулки и чтеніе.

Однако же она исполнила обещаніе и пришла въ назначенный день вечеромъ. Она опять прошла садомъ, съ большими предосторожностями, такъ что ее никто не видѣлъ. Когда мнѣ доложили о ней, я былъ занятъ письмами, и не очень обрадовался ея посѣщенію. Войдя, она, кажется, замѣтила это, и съ робкимъ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ глаза, стараясь разгадать мои мысли. Но какія чувства не прояснятся отъ свѣтлаго взгляда и хорошенькаго личика!

— Покажи, милая, свои ягоды, сказалъ я, стараясь казаться ласковѣе;—такія ли свѣжія, какъ ты сама.

Эта сельская любезность развеселила ее. Она передала мнѣ кузовокъ, на который я посмотрѣлъ изъ приличія, и передалъ его челоуѣку. Когда мы остались одни, я уговорилъ ее сѣсть; она согласилась, послѣ небольшого сопротивленія, которое было дѣлаемо видимо изъ однихъ перемѣнъ. Я сѣлъ возлѣ нея, какъ можно ближе; мнѣ хотѣлось рассмотреть ее хорошенько, чтобы рѣшиться промѣнять свое

удиненіе на это деревенское развлеченіе. Она дѣйствительно была очень недурна. Ея влажные глаза имѣли умное выраженіе; черты лица были правильны, губы изящно обрисованы, полныя щеки горѣли румянцемъ; ей было отъ 18 до 20 лѣтъ; она будто дышала здоровьемъ и изобильною жизнію, которая въ эти годы, въ деревняхъ, подъ чистымъ небомъ, достигаетъ роскошнаго развитія.

— Послушай, миленькая, сказалъ я, разсматривая ее съ любопытствомъ:—ты, видно, боишься ходить черезъ дворъ? Ты боишься, чтобы тебя не замѣтили?

— Да, боюсь.

— Кого ты боишься? мужа?

— Развѣ одного мужа надо бояться.

— Кто же тебя пугаетъ?

— А что скажутъ люди? Мужъ, повѣрить, что я носила ягоды, а всѣхъ людей не увѣришь; другіе Богъ знаетъ что подумаютъ.

— И ты этого очень боишься?

— Очень.

— А если наконецъ замѣтятъ, что ты ко мнѣ ходишь?

— Сохрани Господи!

— Отчего же ты не приносишь ягоды днемъ, если такъ боишься людскаго мнѣнія?

— Мнѣ некогда приходитъ днемъ: я цѣлый день работаю, или собираю ягоды, и могу отнести ихъ только вечеромъ.

— Я по крайней мѣрѣ радъ, что ты не боишься меня.

— Чего же мнѣ васъ бояться?

— Ты полагаешь? А если бы я тебя поцѣловалъ?

— Вотъ что! Вы думаете, это такъ легко? отвѣчала она немого плутовски.

— Если ты позволишь, будетъ не трудно. Ты такая хорошенькая, что чѣмъ больше на тебя смотришь, тѣмъ болѣе хочется тебя поцѣловать.

— Я къ вамъ не за тѣмъ пришла, сказала она вставая.— Да видно вамъ не очень хочется и поцѣловать меня.

— Ошибаешься, ошибаешься, миленькая, сказалъ я, взявъ ее за руку и усаживая опять.

Она поспѣшно отняла руку и спрятала ее въ широкій платокъ, которымъ были покрыты ея голова и плечи. Я сѣлъ еще ближе къ ней, продолжая разсматривать ее съ вниманіемъ, которое, признаюсь, увеличивалось все болѣе. Я сталъ понимать, что она можетъ быть очень опасна для моего отшельничества.

— Какія у тебя свѣженькія губки и щеки, сказалъ я, смотря ей въ лицо;—какіе зубки, какіе глаза! Ты, право, прехорошенькая! Если тебя нарядить барыней, ты сдѣлаешься вполне красавицей.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала она, немного недовольная моею хладнокровною оцѣнкою.—Развѣ однѣ барыни бываютъ хороши? Я думала, что вы скромный и добрый, а не то я не пришла бы къ вамъ; вы смѣтаете надо мною.

— Увѣрю тебя, не смѣюсь. Ты видишь, если бы ты была дурна, я не сталъ бы и разговаривать съ тобою. Ты, должно быть, превосходно сложена; зачѣмъ ты закутываешься такъ въ платокъ; сними его; я полюбуюсь на тебя.

Я хотѣлъ снять съ нея платокъ, но она закуталась въ него еще болѣе.

— Не надо, сказала она:—здѣсь холодно.

— Напротивъ, здѣсь жарко; смотри, какъ ты разгорѣлась.—Какъ тебя зовутъ, миленькая?

— Марьей.

— Что, твой мужъ молодъ или старъ?

— Ужъ не молодой.

— И ты его не любишь?

— Нѣтъ, люблю.

— Но вѣрно за тобой ухаживаютъ молодые парни?

— Пусть ихъ ухаживаютъ.

— И тебя никто не нравится?

— Никто; да у насъ и нѣтъ красивыхъ.

— Очень радъ; можетъ быть я понравлюсь тебѣ

— Зачѣмъ я вамъ? Вы живете въ городѣ, гдѣ много красавицъ, госпожъ; куда мнѣ съ ними равняться.

— Ты умница и хорошенькая, не хуже всякой госпожи. Въ тебя можно влюбиться не на шутку.

— Напрасно. Извольте заплатить деньги, и прощайте. Я отдалъ ей деньги.

— Я жду тебя, Мама. Твои ягоды становятся съ каждымъ днемъ вкуснѣе. Принесешь?

— Хорошо съ.

Она поклонилась и пошла къ дверямъ.

— Послушай, сказалъ я, останавливая ее:—въ слѣдующій разъ я непременно тебя поцѣлую.

Она улыбнулась и вышла.

II.

Что же дѣлать! подумалъ я; будемъ волочиться за крестьянкой. Эта стоить труда. Будемъ выгонять клинъ клиномъ. Чтобы забыть свои огорченія, надо сдѣлать ихъ пошлыми въ своихъ глазахъ; чтобы уронить свои прошедшія чувства, надо уронить самого себя, или по крайней мѣрѣ свести себя на ступень обыкновенной, пустой жизни. Для меня было полезно пересилить свои огорченія. Напротивъ, есть чувства, которыя болѣе оскорбляютъ, чѣмъ огорчаютъ, и въ сердцѣ всегда найдется уголокъ для мщенія, которое пересилить цѣломудріе несчастія, уединеніе грусти. Я еще молодъ, и сознаюсь, на мои философическія разсужденія имѣло вліяніе отчасти и хорошенькое личико моей новой знакомки. Я не имѣлъ твердаго намѣренія ухаживать за нею, но рѣшился не сопротивляться ей. Къ тому же, сельская интрига, ея неискуственныя чувства и простыя событія могутъ быть самымъ лучшимъ лекарствомъ противъ свѣтской любви, точно такъ же, какъ воздухъ полей полезенъ для груди, ослабленной нечистымъ городскимъ воздухомъ. Судя по наружности и по обращенію, Мама казалась мнѣ довольно скромною женщиною, и я, можетъ быть изъ само-

любія, приписывалъ ей желаніе познакомиться со мною не одной бойкой шаловливости, а немного истинному чувству. Почему знать, можетъ быть въ ея поступкѣ я открою настоящую любовь? Ея молодость и свѣжесть не допускали предположенія, что она развратная женщина.

Она не приходила ни на другой, ни на третій день, и въ этотъ разъ я о ней вспомнилъ; мнѣ стало досадно при мысли, что я, можетъ быть, болѣе не увижу ее, и что она приходила ко мнѣ только съ намѣреніемъ выгоднѣе продать свои ягоды, и замѣтивъ, что я начинаю очень пристально посматривать, рѣшилась болѣе не приходить. Это обстоятельство подтверждалось тѣмъ, что въ послѣдніе дни мнѣ подавали ягоды, приносимыя мальчиками и дѣвочками селенія.

Когда она пришла, я очень обрадовался и принялъ ее гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде.

— Маша, сказалъ я, — я о тебѣ соскучился; что ты такъ долго не приходила?

— Было некогда, отвѣчала она; — и не было ягодъ.

— Такъ когда онѣ кончатся, ты совсѣмъ перестанешь приходить ко мнѣ?

— Зачѣмъ же я буду къ вамъ ходить.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя миленькая; ты мнѣ нравишься, и если перестанешь приходить, я отыщу тебя самъ.

— Вы меня не найдете.

— Я пошлю за тобой челоуѣка.

— Что вы! Сохрани васъ Господи! Если вы это сдѣлаете, я больше къ вамъ не приду.

— Хорошо, не бойся; только приходи.

Я обнялъ ее и поцѣловалъ. Хотя она сопротивлялась немного, но моя вольность привела ее въ искреннее смущеніе.

— Когда тебя цѣлуешь, ты становишься еще лучше, Маша. Позволь еще разъ?

— Довольно съ васъ и одного раза, отвѣчала она отступая.

— Я тебѣ говорилъ, что поцѣлую тебя.

— Я вамъ не обѣщала позволить. Да и зачѣмъ?

— Я хочу, чтобы ты меня полюбила.

— Къ чему я васъ полюблю? Вы скоро уѣдете отсюда, и не подумаете обо мнѣ.

— Тебя забыть! Увѣрю тебя, что тебя не скоро забудешь.

— Вы все шутите.

— Я здѣсь останусь цѣлое лѣто; развѣ этого мало. Ты до осени сама меня забудешь.

— А вы куда отсюда уѣдете?

— Въ Г.....

— Вы тамъ всегда живете?

— Всегда. Ты можешь пріѣзжать ко мнѣ въ гости даже зимою.

— Отсюда далеко. Въ городѣ я покажусь вамъ гораздо хуже, чѣмъ въ деревнѣ.

— Твое свѣжее личико покажется тамъ еще лучше, чѣмъ здѣсь.

Я хотѣлъ обнять ея станъ, и взялъ ея руку. Защищаясь отъ моихъ обниманій, она забыла отнять руку, и я, пожимая ея, замѣтилъ, что она мала, мягка и гладка какъ бархатъ.

— Послушай, Маша, да у тебя ручки хорошенькія какъ у барышни, сказалъ я, наклоняясь и разсматривая ея руку.

Это замѣчаніе смутило ея; она поспѣшно спрятала руку, но я опять овладѣлъ ею.

— Теперь ужъ поздно, сказалъ я. Скажи пожалуйста, что это значить? Ты блоручка?

— Я не работаю въ полѣ, отвѣчала она съ замѣшательствомъ; — у насъ въ деревнѣ занимаются ремесломъ.

— Какимъ? спросилъ я смѣясь.

— Послушайте, отвѣчала она съ рѣшимостію, потупивъ глаза и краснѣя, — я вамъ скажу всю правду: я не крестьянка.

— Кто же ты?

— Я горничная изъ сосѣдней деревни.

— А, а, а! Вотъ что! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, это не пришло мнѣ въ голову! Ты бывае и нѣжныя крестьянокъ; ты очень мало загорѣла; да ты и говоришь не покрестьянски. Я это только теперь и сообразилъ.

Это открытіе было мнѣ не совсѣмъ пріятно. Маша упала въ моихъ глазахъ на столько, на сколько горничныя превышаютъ деревенскихъ бабъ своею бойкостью и опытностію въ интригахъ. Я ожидалъ найти простое чувство, которое превозмогло стыдливость, и нахожу обыкновенную смѣлость служанки, которая привыкла предпочитать господъ мужикамъ. Она вѣроятно отгадала мои мысли. Я выпустилъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза совершенно равнодушно.

— Изъ которой ты деревни? сталъ я спрашивать ее.

— Изъ

— Твои господа живутъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Какъ же тебя пускаютъ по вечерамъ?

— Я ухожу къ своей теткѣ, а отъ нея сюда.

— Вы гдѣ живете зимою? Въ деревнѣ?

— Нѣтъ, въ городѣ...

— Такъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Чего же ты боялась, нилая. Теперь у насъ дѣло пойдетъ на ладъ скорѣе. Мы можемъ видѣться и зимою.

Я подсылъ къ ней еще ближе, ожидая теперь меньшаго сопротивленія, но она остановила мои попытки съ спокойнымъ достоинствомъ, которое заставило меня улыбнуться.

— Ты теперь стала важничать, Маша; ты теперь стала надмѣнна, какъ городская горничная.

— Вы полагаете, что горничныя хуже крестьянокъ?

— Какъ случится.

— Вы смѣетесь, можетъ быть, напрасно. Вы полагаете, что если я къ вамъ пришла, такъ обо мнѣ можно все думать?

— Я надѣюсь, что ты не пришла къ своему дядѣ.

— Я пришла къ вамъ такъ, потому что мнѣ скучно въ деревнѣ. Я знаю, что я сдѣлала глупость, да не большую. Я къ вамъ больше не приду, вы меня никогда не увидите, и никто не узнаетъ, что я къ вамъ приходила.

— Чтѣ ты, Маша! Увѣряю тебя, ты мнѣ такъ же нравишься теперь, какъ прежде. Ты такая же хорошенькая гор-

ничная, какъ была хорошенькая крестьянка. Развѣ горничныя не бываютъ лучше крестьянокъ? Главное, чтобы ты меня любила.

— Не надѣюсь и не хочу.

— А ты другаго никого не любишь?

— Зачѣмъ вамъ?

— Ты меня видѣла прежде?

— Я вамъ говорила, что видѣла.

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы я тебѣ нравился! Докажи, что я тебѣ нравлюсь!

Я ее обнялъ и сталъ цѣловать въ обѣ щеки и губы. Ея щеки и губы были нѣжны, станъ гибокъ, грудь имѣла свѣжесть юности; она во всякомъ случаѣ была цѣнная находка, и я невольно примирился съ мыслию, что она служанка.

— Оставьте меня, сказала она съ неудовольствіемъ, стараясь освободиться отъ моихъ объятій.

— Маша, говорилъ я, продолжая ее цѣловать, — ты миленькая, хорошенькая, чудесная дѣвочка! Увѣрю, я влюбленъ въ тебя!

Моя настойчивость будто обезсилила ее; и она съ смиреніемъ, но съ видимымъ неудовольствіемъ, отдалась моимъ ласкамъ, такъ что я испугался огорчить и обидѣть ее, еслибы позволилъ себѣ болѣе. Я остановился. Въ самомъ смиреніи ея, мнѣ казалось, было цѣломудріе, которое мнѣ хотѣлось сберечь, поддержать, какъ скупцу, который открываетъ сокровище. Въ ней было что-то, не позволявшее сдѣлать о ней совѣтъ невыгодное заключеніе. Ея поведеніе безъ сомнѣнія было опрометчиво; но ея робость, видимая непривычка къ вольности моего обращенія, когда я позволялъ себѣ быть вольнымъ, показывали, что знакомство съ мужчиною было для нея довольно ново. Подъ наружною бойкостію я все-таки видѣлъ въ ней неопытность, подозревалъ искреннюю стыдливость. Въ ней были какія-то сомнѣнія, нерѣшительность; она будто не знала, что ей дѣлать. Въ ея уступчивости была даже гордость, и скорѣе эта гордость

была натуральна , а уступчивость искусственна. Мужчина, немного опытный съ женщинами, легко отличить искреннюю скромность отъ изученной. Я былъ старѣе, безъ сомнѣнiя гораздо опытнѣе ея, и не могъ казаться ей новичкомъ, — сознанiе, которое внушаетъ женщины чувство своей слабости или превосходства передъ мужчиною, робость или смѣлость разыгрывать спокойно тѣ чувства, которыя велить ей рас-считать. Однимъ словомъ, я не видѣлъ болѣе въ ней той на-глости, которую подозрѣвалъ, узнавъ, что она служанка, Впрочемъ могъ ли я ожидать и требовать большаго досто-инства въ поведенiи горничной! Иначе, я никогда не узналъ бы ее.

Я взялъ обѣ ея руки, которыхъ она не отнимала.

— Ты недовольна мною, Маша? сказалъ я. — Хорошо, я не буду тебя сердить. Я буду дѣлать все, чтобы тебѣ понравиться. Ты увидишь, какой я буду скромный и по-корный; ты изъ меня сдѣлаешь все, чего пожелаешь. Будемъ друзьями и станемъ жить чинно, смирно, тихо. Мы полю-бимъ другъ друга какъ голубки; я буду лелѣять тебя какъ отецъ. — Ты вѣрно не занимаешься никакими черными работами? продолжалъ я, рассматривая ея руки.

— Я училась въ магазинѣ, отвѣчала она, — и только на свою барыню.

— Гдѣ ты училась?

— Въ....., въ магазинѣ М.

— Такъ ты должна быть совсѣмъ свѣтская дѣвушка. Это одинъ изъ самыхъ модныхъ магазиновъ. Ты долго оставалась въ немъ?

— Три года.

— Три года! не выучилась ли ты тамъ по-французски?

— Нѣтъ.

— Въдѣ магазинщица французенка. Но я увѣренъ, что ты танцуешь польку.

— Нѣтъ, не танцую.

— Удивительно. Послушай, Маша, ты пойдешь сама въ лѣсъ за ягодами?

— Сама? Зачѣмъ вамъ это?

— Я хотѣлъ бы видѣться съ тобою въ лѣсу!

— Въ лѣсу? спросила она съ удивленіемъ; къ-чему вамъ видѣться со мною въ лѣсу?

— Я хотѣлъ бы посмотреть на тебя днемъ. Ты вѣрно покажешься еще лучше.

— А! вы думаете, что днемъ я покажусь хуже!

— Свиданія въ лѣсу всегда бываютъ пріятны; подъ открытымъ небомъ лучше чувствуешь. Мы тамъ вѣрно скоро полюбимъ другъ друга.

— Хорошо, я буду въ лѣсу.

— Когда?

— Завтра, въ 11 часовъ до обѣда, въ той \рощѣ, что виднѣется за вашимъ садомъ. Только вы не разговаривайте со мною, не подходите ко мнѣ близко; я буду съ другою дѣвушкою; если она и далеко будетъ, все-таки можетъ замѣтить.

— Только, чтобы отыскать тебя. Какъ ты будешь одѣта?

— Какъ одѣваюсь всегда, въ городское платье.

Она ушла, и на прощанье я поцѣловалъ ее еще разъ.

На другой день я отправился въ лѣсъ съ ружьемъ за плечами и съ книгою въ карманѣ. День былъ превосходный; солнышко грѣло и располагало къ нѣжнымъ ощущеніямъ, внушало охоту любить. Уединеніе придавало свиданію характеръ ночной тайны, которую украдкой вырываемъ изъ цѣпи свѣтскихъ приличій. Эти свиданія и безъ любви имѣютъ прелесть, и если не волнуютъ чувствъ, не поднимаютъ глубину жизни, то все-таки покрываютъ блескомъ ея поверхность, какъ гладкое зеркало спокойныхъ водъ. Окружающая природа невольно внушала сравненіе ожидаемой встрѣчи съ свѣжимъ полевымъ цвѣткомъ, не имѣющимъ особенной красоты, но нѣкоторую прелесть, встрѣчающимся одинокимъ среди глухого поля, между однообразною зеленью; онъ самъ будто тяготится своимъ одиночествомъ, радуется вамъ, и доволенъ, когда его срываютъ.

Я слышалъ въ отдаленіи протяжное ау, которое теря-

лось въ густотѣ вѣтвистаго свода; ему откликнулось другое, ближе; я пошелъ въ ту сторону, и вскорѣ увидѣлъ Машу. Она шла тихо, смотря въ землю, вѣроятно отыскивая ягоды. Она была одѣта въ городское, свѣжее платье, съ нѣкоторою роскошью и съ видимымъ кокетствомъ, какъ горничная хорошаго столичнаго дома. На ея головѣ и плечахъ не было ни платка, ни шляпки; густые, русые волосы просто причесаны; платье охватывало плотно, высоко, до шеи, молодую, роскошную грудь; станъ былъ зашнурованъ, тонокъ и строенъ, какъ молодое дерево, которое стремится скорѣе вырваться изъ густаго лѣса къ свѣтлому небу, гдѣ горитъ солнце и разлита теплота, какъ любовь, которой оно жаждетъ. Она услышала мои шаги, обернулась и вспыхнула, будто увидѣла меня въ первый разъ.

— Здравствуй, Маша, сказалъ я тихо.

Она поклонилась, приложила палецъ къ губамъ, робко осматриваясь кругомъ, показывая мнѣ, чтобы я былъ остороженъ.

— Здѣсь никого нѣтъ, продолжалъ я, подходя къ ней ближе;—твоя подруга далеко.

— Не подходите близко, проходите скорѣе мимо.

— Чего ты боишься? кто насъ можетъ здѣсь увидѣть?

— Почему знать, можетъ быть кто-нибудь увидитъ.

Я хотѣлъ взять ея руку, но она въ испугѣ поспѣшно отступила.

— Пожалуйста уйдите далѣе; надобно, чтобы васъ никто не видѣлъ близко меня. Уйдите совсѣмъ изъ лѣса.

— Такъ скоро! Чтó же это за свиданіе!

— Сей-часъ!

Она говорила голосомъ, не допускавшимъ противорѣчій. Я остался въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи.

— Но развѣ я не могъ встрѣтить тебя случайно?

— Все равно, уходите.

— Ты чудесная дѣвочка, Маша. Ты днемъ лучше, чѣмъ вечеромъ. Какая ты свѣженькая, блѣденькая, хорошенькая! какія у тебя губки! какъ ты сложена! Ты просто загляденье!

— Уходите же скорѣе!

— Когда ты ко мнѣ придешь?

— На этихъ дняхъ.

Сегодня?

— Сегодня нельзя; когда - нибудь послѣ. Идите домой; прощайте.

Она ласково улыбнулась, смотря съ любопытствомъ мнѣ въ глаза, будто желая отгадать мои намѣренія и чувства, и поспѣшно пошла въ ту сторону, гдѣ была ея подруга. Я долго оставался на мѣстѣ, любуясь ея походкою и станомъ, пока она не скрылась за кустами. Я не боялся, что насъ увидитъ бывшая вмѣстѣ съ нею въ лѣсу другая дѣвушка, но не хотѣлъ разсердить ее, хотя бы ея желаніе была одна прихоть. Она была такъ хороша въ городскомъ платьѣ, что я готовъ былъ дѣлать ей всѣ уступки, чтобы продлить наше знакомство. Ея красота окончательно утвердила меня въ мнѣніи, что лучшее средство забыть свои огорченія — это новыя чувства, новыя волненія, какъ бы они ни были легки; къ-тому же въ знакомствѣ съ нею, мнѣ казалось, я ничемъ не рисковалъ, и не предвидѣлъ новыхъ огорченій. Я ушелъ изъ лѣса и воротился домой.

III.

На другой день вечеромъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ ея посѣщенія; но она не приходила ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе три дни. Не знаю, помѣшали ли ей какія-нибудь обстоятельства, или раздумье, сомнѣнія, нерѣшительность. Можетъ быть, это была женская уловка, желаніе придать себѣ большую цѣну, заставить подождать себя, разжечь мою любовь;—искусство нравиться, котораго правила просты и одинаково развиты у молодыхъ и старыхъ, у крестьянокъ и свѣтскихъ женщинъ; искусство, которымъ иногда неопытность владѣетъ болѣе чѣмъ опытность, простота болѣе чѣмъ изысканность, потому что въ немъ высшая степень въ естественности, болѣшая прелесть въ свѣжести чувствъ; молодость и неопытность всегда достигаютъ скорѣе цѣли. Какъ бы то ни было, Маша начала мнѣ казаться очень сто-

ющею вниманія. Мнѣ было напрасно входить въ глубокомысленныя разсужденія о человѣческомъ непостоянствѣ. Если въ непостоянствѣ нѣтъ мудрости, то въ разнообразіи есть красота. Утомившись въ жаркихъ пустыняхъ страсти, съ удовольствіемъ отдыхаешь подъ теплотою легкихъ чувствъ, охлаждаемыхъ вѣтромъ непостоянства.

Наконецъ на пятый день, Маша пришла вечеромъ, одѣтая опять крестьянкой. Ей, какъ она говорила, нельзя было приходить ко мнѣ въ обыкновенномъ своемъ одѣянніи, чтобы не быть узнанной. Она берегла свою честь, и, какъ видно, не считала ее вещью ничтожной. Я ее принялъ въ совершенно счастливомъ расположеніи духа; она могла видѣть, какъ я искренно радъ ей. Она была гораздо смѣлѣе, чѣмъ прежде, гораздо развязнѣе, не принуждала себя казаться крестьянкой и была очень ловкая горничная, съ довольно гладкими манерами; это ей очень шло, но не всѣмъ меня радовало. Сомнѣніе, что она имѣла городской опытности болѣе, чѣмъ было бы надобно для ея невинности, невольно приходило мнѣ въ голову. Обороте ея мыслей, ея разговоръ показывали чувство нѣкоторыхъ приличій. Она съ любопытствомъ разсматривала разныя вещицы, лежавшія у меня на столѣ, книги, которыя я читалъ; я видѣлъ въ ней желаніе узнать образъ моей жизни, мои привычки, хотя она мало спрашивала меня и была во всемъ очень осторожна. Я полагалъ, что она позволитъ мнѣ быть съ нею гораздо короче, сбросивъ съ себя личину крестьянской робости; но ошибся. При первой попыткѣ обнять и поцѣловать ее, она меня остановила, безъ жеманства, кротко, даже съ боязнію огорчить.

— Развѣ послѣ нашего свиданія въ лѣсу, сказалъ я, я тебѣ менѣе нравлюсь? Я воротился оттуда совершенно влюбленный въ тебя.

— Не вѣрю, отвѣчала она.

— Если бы я не послушался тебя тамъ, и расцѣловалъ бы, ты повѣрила бы.

— Нѣтъ, нѣтъ, не потому.

— Почему же?

— Я увѣрена, что вы теперь влюблены въ другую.

— Въ кого же? Не въ здѣшнюю ли ключницу?

— Не знаю; говорятъ, что вы были влюблены; да это и видно.

— Кто говорить? и какъ это видно?

— Не думаю, чтобы вамъ нравилась ключница. Вы здѣсь ни кого не знаете; вы пріѣхали изъ города, и заперлись у себя дома. По вашему лицу было видно, что вы отъ чего-то печальны.

— Ты знатокъ, Маша; ты вѣрно была сама влюблена.

— Можетъ быть; признайтесь, что я отгадала.

— Можетъ быть; да зачѣмъ тебѣ это знать?

— Зачѣмъ? А, значить, это правда! Я слышала, что вы были влюблены въ городъ.

— Это мнѣ не помѣшаетъ любить тебя здѣсь.

— Вы думаете ухаживать за мной и быть влюбленнымъ въ другую! сказала она, тихо отнимая у меня свою руку, которую я держалъ.

— Я хочу полюбить тебя, Маша. Ты можешь заставить забыть всякую другую.

— Вы сюда пріѣхали потому, что поссорились съ тою, въ которую влюблены. Я слышала, вы не любите сидѣть только дома и читать книги; вы здѣсь все грустили; можетъ быть, вы иногда даже плачете о ней.

Я разсмѣялся.

— Признайтесь откровенно, продолжала она, — вы очень влюблены?

— Я влюбляюсь въ тебя, Маша, все болѣе и болѣе. Лучше скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

— Что, она хороша?

— Ты лучше ея.

— А! вы признаетесь! Что, она замужняя или дѣвица?

— Зачѣмъ тебѣ это знать.

— Вы стали задумчивѣе; вамъ грустно о ней вспоминать; вы и теперь еще влюблены въ нее.

— Постарайся, чтобы я вовсе о ней забылъ.

— Вы думаете, что со мною не стоить и говорить серьезно!

— Мужчина может любить только ту женщину, которая его любит.

— А женщины?

— Если ты полюбишь меня, и я буду тебя любить.

— Еще будете! — Отчего вы не хотите быть со мною откровенны? Может быть, я кое-что знаю; может быть, я кое-что расскажу вам о ней. Почему вы знаете, может быть, я къ вамъ по этому и приходила.

Я посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— Ты меня пугаешь, Маша! Я постараюсь тебя упрямить, чтобы ты приходила только для меня.

— Значить, вы поссорились не на шутку и не хотите помириться. А если бы она этого желала? если она еще любить васъ?

— Я не промѣняю тебя на нее.

— Сомнѣваюсь. Говорятъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ; вы съ нею встрѣтитесь, и не вспомните обо мнѣ.

— А что бы ты сдѣлала, если бы я въ самомъ дѣлѣ былъ еще влюбленъ?

— Я пожелала бы вамъ счастья.

— Ты не пожелала бы меня утѣшить?

— Утѣшить? отвѣчала она съ скрытою надмѣнностію.

— Будь моимъ другомъ; ты меня пожалѣешь.

— Вашимъ другомъ? Горничная вашимъ другомъ! Вы смѣетесь надо мною!

— Ты восхитительна, Маша! Будемъ любить другъ друга и будемъ счастливы!

— Будьте откровенны.

— Хорошо. Только докажи прежде, что я хотя немного тебя нравлюсь!

Я обнялъ и поцѣловалъ ее. Она почти не сопротивлялась; я поцѣловалъ ее еще и еще нѣсколько разъ, и мнѣ

казалось, что она почти убѣдилась въ моей любви, потому что чувствовала искренній жаръ моихъ объятій, отъ которыхъ кровь бросилась ей въ голову.

— Довольно, довольно, сказала она; теперь расскажите откровенно, какъ вы были влюблены? Влюблены ли вы теперь?

— Да, я былъ влюбленъ; но теперь между нами все кончено; я былъ боленъ, здѣсь сталъ лечиться, и ты вылечила меня совершенно.

— Счастливы вы, что ваши болѣзни такъ скоро проходятъ!

— Лучше, если бы ихъ вовсе не было, сказалъ я, невольно вздыхая.

— Право, мнѣ васъ жаль: вы и теперь еще влюблены; я не вѣрю, что вы такой непостоянный. Любовь не скоро забывается.

— А ты знаешь это? Ты была влюблена?

— О, до безумія!

— Правда? Бѣдная дѣвочка! Если ты и теперь еще немножко страдаешь, то судьба кстати свела насъ.

— Нѣтъ, теперь я не влюблена.

— Даже и въ меня? Я на тебя не похожъ, Маша. Я замѣчаю, что я могу быть влюбленнымъ не одинъ разъ. Три мѣсяца тому назадъ я былъ влюбленъ въ одну, теперь влюбленъ въ другую.

— А черезъ три мѣсяца будете влюблены въ третью.

— Если ты не будешь меня любить, то я постараюсь влюбиться въ третью.

— Прежде забудьте первую.

— Ты должна быть немного ревнива, Маша?

— Я? я въ васъ не влюблена!

— А мнѣ казалось, что я тебѣ нравлюсь. Откровенно признаться, это - то въ тебѣ болѣе всего мнѣ и понравилось. Какъ пріятно встрѣтить доброе сердце, послѣ встрѣчи со злыми. Маша! Пожалѣй меня, и ты меня полюбишь!

— О, какъ вы влюблены!

— Да, я влюбленъ! Бѣдная дѣвочка! позволь мнѣ вы-
сказать тебѣ все свои чувства! Если бы ты знала, какъ при-
ятно передать другому свою горестъ, и какъ еще пріятнѣе
встрѣтить участіе! Ты добрая и умница; ты поймешь меня.
Я молчалъ здѣсь три мѣсяца, а это, право, тяжело! Я ско-
рѣе забуду свое несчастіе, когда буду съ тобою откровеннѣе.

Она видимо смутилась отъ моей неожиданной откro-
венности.

— Полюбви же меня, Маша, продолжалъ я, наклоняясь
къ ней и смотря пристально ей въ глаза.

— Зачѣмъ вамъ это? отвѣчала она, вставая и отступая отъ
меня. — Я желаю вамъ счастья; не отчаивайтесь; вы еще
помиритесь и будете счастливы. Прощайте; я долго раз-
сидѣлась.

— Куда ты, Маша! Такъ скоро! Я тебя не пушу!

— Пора идти; я не могу дольше оставаться.

— Ты сердишься на меня? Моя миленькая, хорошень-
кая Маша! Повѣрь, теперь я люблю только тебя!

— А, вы опять увѣряете! сказала она, стараясь казаться
спокойною и насмѣшливою. — Я вамъ не вѣрю; и мнѣ
это все равно.

— Садись; послушай, чтò я тебѣ скажу.

— Нѣтъ, прощайте; пора.

— Я не все досказалъ; разстанемся хотя друзьями. До-
слушай, и ты увидишь, что я шутилъ.

— Вы шутили? произнесла она медленно.

— Да, немножко лгалъ, чтобы тебя раздосадовать, а
немного говорилъ и правду. Зачѣмъ тебѣ все знать? Ты
еще дитя, и можетъ быть не поймешь меня.

— Гдѣ же мнѣ понять васъ, отвѣчала она съ притвор-
нымъ смиреніемъ.

— Ты проще и лучше меня. Видишь ли въ чемъ дѣло.
Я пожалуй буду тебя просвѣщать и расскажу все.

Я усадилъ ее. Хотя она старалась казаться равнодуш-
ною, но я видѣлъ, что она съ любопытствомъ ожидала мо-
его разсказа.

— Мнѣ нравилась, продолжалъ я,—одна дѣвица, а можетъ быть и дама, — это все равно; — злые люди разрознили наши сердца, въ чемъ она виновата сама. Теперь мнѣ кажется, что она вовсе не стоила моей любви; можетъ быть кажется съ досады, но тѣмъ лучше; между нами все кончено; я нисколько не жалую о томъ, что случилось; и знаешь ли, почему?

— Почему?

— Потому что ты мнѣ нравишься. Я даже забылъ свою досаду.

— Какъ это пріятно! Служанка заставила забыть барыню.

— Это доказываетъ, что ты премиленькая служанка. Посмотришь въ зеркало, какая ты хорошенькая. Съ тобой забудешь королеву. Я не старикъ, чтобы влюбиться въ какую-нибудь другую, кромѣ красавицы. Въ мои лѣта хочется быть влюбленнымъ; я пріѣхалъ сюда въ растревоженномъ состояніи, въ расположеніи влюбиться; встрѣтилъ тебя, и влюбился. Понимаешь?

— Не совсѣмъ, отвѣчала она улыбаясь.

— По крайней мѣрѣ, вѣришь?

— Вѣрю, отвѣчала она разсмѣявшись.

— Вѣрь, вѣрь, моя миленькая! Главное, вѣрь тому, что ты такая красавица, что тебя нельзя не любить!

— Этому-то я и не вѣрю.

— Клянусь тебѣ, я люблю тебя! Я люблю тебя за то, что ты хочешь, чтобы я былъ въ тебя влюбленъ. Маша! ты меня любишь! не отрекайся отъ этого!

Я прижалъ ее къ груди, и поцѣловалъ ее долгимъ горячимъ поцѣлуемъ. Я чувствовалъ, что въ моихъ жилахъ разлился тотъ жаръ, который рождается отъ одного прикосновенія къ сочувствующей вамъ женщинѣ. Иногда, возмъ другой, и очень хорошенькой, остаешься почти хладнокровенъ; между ощущеніями, почти одинаковыми въ проявленіяхъ, бываетъ большая разница, заключающаяся въ причинахъ. — Но она вдругъ встала, и поспѣшно освободилась отъ моихъ объятій.

- Прощайте, сказала она.
— Теперь ты еще сомнѣваешься, Маша?
— Не знаю, не вѣрится....
— Не думай, не сомнѣвайся, а вѣрь!
— Прощайте!
— Я жду тебя скоро. До свиданія.
Она поспѣшно вышла.
-

IV.

Я находилъ свое нравственное состояніе пріятнымъ; но и теперь сомнѣваюсь, былъ ли я въ эти минуты влюбленъ въ Машу? Можно ли оцѣнить вѣрно свои ощущенія, когда ихъ возбуждаетъ хорошенькая женщина? Сердце снисходительно къ своимъ слабостямъ; совѣсть, цѣломудріе прошедшей, но не совсѣмъ еще погасшей любви, молчатъ, когда вамъ расточаютъ ласки маленькія, бархатныя ручки. Отказываемся ли мы отъ золота, хотя оно и не нужно?—да и когда оно не нужно? Есть вещи, которыя имѣютъ свою внутреннюю цѣнность, какъ бы мы на нихъ ни смотрѣли, какъ бы мы ни были къ нимъ равнодушны. Забылъ ли я свое прошедшее? Правду ли я говорилъ Машѣ? — Я хотѣлъ его забыть, и этого было для меня довольно.

Маша пришла ко мнѣ черезъ нѣсколько дней; все показывало, что это былъ рѣшительный ея шагъ. Вѣроятно она убѣдилась въ моей любви; но въ ея любви я болѣе не сомнѣвался.

Мы продолжали видѣться довольно часто; она приходила ко мнѣ всегда съ прежними предосторожностями. Когда наши отношенія сдѣлались близки, она привыкла ко мнѣ, и стѣснялась мною менѣе, чѣмъ прежде. Она была очень не глупа, если это можно сказать о горничной. Хотя она была скромна и робка, но ея задумчивый взглядъ показывалъ болѣе, чѣмъ она говорила; если она не была разговорчива, то всегда умно и кстати молчала. Я невольно былъ съ нею осторо-

женъ, и боялся оскорбить ее какою-нибудь грубостію, или показаться ей смѣшнымъ. Она вспыхивала, когда я позволялъ себѣ быть съ нею безъ церемоній, обходиться довольно свободно, какъ съ служанкой; но и въ эти минуты она никогда не выходила изъ границъ скромности, и умѣла владѣть собою. Въ ея словахъ и чувствахъ не было ничего рѣзкаго; кротость, покорность, смиреніе, даже иногда расчетливое, выказывались окончательно въ основаніи ея характера. Я всегда читалъ въ ея глазахъ живое удовольствіе, когда нашъ разговоръ принималъ дѣльный оттѣнокъ, и когда я будто становился съ нею на ровную ногу. Она приходила почти въ отчаяніе, когда я просилъ ее рассказать, кого она любила прежде.

— Вы меня не любите, вы меня обижаете, говорила она тогда.—Зачѣмъ вамъ это? Развѣ я не хороша, какъ я есть? Я ни въ кого не была влюблена, и никого не любила.

— Я твоя первая любовь, Маша?

— Да, отвѣчала она медленно и задумчиво.—Что я могу сказать вамъ больше? Отъ любви все зависитъ....

Я извинялъ эту щекотливость. Въ женщинъ всякаго званія одинаково развито чувство самолюбія, особенно, когда дѣло идетъ о любви. Уваженіе освящаетъ ее въ собственныхъ глазахъ, и она тѣмъ сильнѣе васъ любитъ, чѣмъ болѣе благодарна; она растетъ въ своемъ мнѣніи вмѣстѣ съ любовью.

Я иногда замѣчалъ, что она ревновала меня. Ей все-таки казалось, что я не забылъ свою прежнюю страсть.

— Стоитъ ли служанка сравненія съ барыней, говорила она съ скрытымъ огорченіемъ.

Но меня удивляло болѣе всего то, что она часто была печальна и задумчива, тогда какъ прежде она показала мнѣ довольно бойкою, живою женщиной. Я объяснялъ это тѣмъ, что она дѣйствительно имѣла тихій характеръ, и что только первыя наши свиданія произвели въ ней особенное оживленіе. Могъ ли я подозревать какія-нибудь другія причины?

Цѣнность вещи часто опредѣляется въ нашихъ глазахъ легкостію или трудностію ея пріобрѣтенія. Обладаніе ею уменьшаетъ ея цѣну; эта истина стара какъ человѣческій родъ. Я не сдѣлался равнодушнѣе къ Машѣ; напротивъ, въ моемъ состояніи, любовь могла увеличиться только отъ привычки; я къ ней привыкалъ; она меня любила, была хороша какъ роза въ полномъ цвѣтѣ; сдѣлаться равнодушнѣе не было причинъ, но не было причинъ и быть въ постоянномъ восторгѣ. Увы! она была все-таки служанка! Чтѣ бы я ни говорилъ ей, — а наше уваженіе, а можетъ быть и любовь къ женщинѣ, основаны на ея общественныхъ достоинствахъ. Справедливо ли это? Но, можетъ быть, это хорошо; это почти всегда неизбѣжно. Желаніе подниматься выше — похвально: оно ведетъ къ усовершенствованію, оно часто вырываетъ насъ изъ низшей сферы, и поднимаетъ въ высшую; оно заставляетъ иногда ошибаться, дѣлать глупости, — но это исключенія. Принудьте себя забыть, что вамъ нравится горничная; увѣрьте себя, что вы отдадите ей преимущество передъ женщиною одной съ нею красоты, но высшаго званія, болѣе образованною. Самолюбія убить нельзя; оно всегда имѣетъ вѣсь въ нашихъ чувствахъ. Хорошо еще, если оно не заставитъ васъ быть несправедливымъ и краснѣть отъ вашей любви; но въ такомъ случаѣ надо отдать честь служанкѣ, а не самолюбію.

Спустя нѣсколько недѣль, мнѣ надо было ѣхать по дѣламъ въ городъ. Я сказалъ объ этомъ Машѣ; она испугалась; я увѣрилъ ее, что скоро ворочусь. Впрочемъ въ ней было столько самолюбія, что мнѣ стоило показать ей свое равнодушіе, чтобы оттолкнуть ее отъ себя совершенно. Но я этого не хотѣлъ; въ рѣшительныя минуты я чувствовалъ, что дорожу ею, и что буду жалѣть о ней.

Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, я еще болѣе понималъ всю прелесть своей деревенской жизни, дорогаго уединенія, прогулокъ въ полѣ и въ лѣсу, и отсутствія всякихъ волненій; среди этой молчаливой, отрадной пустыни, Маша представлялась мнѣ какъ кроткая фея, съ своею безмятежною улыбкой, съ своимъ свѣтлымъ взглядомъ. Мысль о ней была

связана съ моимъ нравственнымъ спокойствіемъ, и я не знаю, не за то ли я любилъ ее, что она встрѣтилась въ моей жизни въ тѣ минуты, въ которыя я отдыхалъ отъ огорченій и былъ счастливъ новымъ для меня счастіемъ спокойствія?—Я поторопился воротиться въ деревню.

Маша пришла черезъ два дня по моемъ пріѣздѣ. Она вошла какъ-то принужденно; лицо ея было серьезно; она будто боялась выказать мнѣ лишнюю ласку, показаться слишкомъ довольною моимъ возвращеніемъ.

— Ты отвыкла отъ меня, Маша? спросилъ я.

— А вы не забыли меня въ городѣ?

— Я боялся, что мнѣ нельзя будетъ воротиться сюда, сказалъ я, желая видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нее эта ложь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — И она съ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ глаза. — Можетъ быть вы тамъ встрѣтились съ кѣмъ-нибудь?

— Я видѣлъ ее, только издалека.

— А! произнесла она, немного блѣднѣя.

— Однако, ты видишь, я воротился.

Она опустила глаза и не отвѣчала ни слова; я могъ бы подумать, что это ей совершенно все равно.

— И воротился только для тебя, моя миленькая, хорошенькая Маша! я о тебѣ соскучился.

Я хотѣлъ ее поцѣловать, но она не позволила мнѣ. При всемъ ея желаніи казаться хладнокровною, она не могла скрыть досаду.

— Не сердись, чудесная, хорошенькая дѣвочка! продолжалъ я. — Не думай, что я могъ забыть тебя въ городѣ. Я выдумалъ, что видѣлъ твою мнимую соперницу; ее теперь вовсе нѣтъ тамъ.

— Правда?

— Чистая правда! Въ эту разлуку я убѣдился, какъ ты дорога мнѣ.

Она молча и покорно отдалась моимъ ласкамъ.—Безъ сомнѣнія, я говорилъ ей отчасти правду. Непродолжительныя

разлуки увеличиваютъ жаръ ощущеній , если не увеличиваютъ самой привязанности; это отдыхи на пути любви, который безъ нихъ показался бы утомителенъ. Но потомъ наши отношенія приняли опять спокойный характеръ. Иногда я нарочно сердилъ ее небольшими сценами взаимной ревности, потому что въ эти минуты она была какъ-то лучше, забывала свою робость, всегда стѣснявшую ее , и являлась во всей естественной прелести; она становилась выше своего состоянія; ея движенія, выраженіе ея лица, дѣлались изящны. Для страстей нѣтъ званій; достигая высоты, онѣ одинаково хороши у людей различныхъ состояній и воспитанія; грязная оболочка падаетъ, женщина является, какъ ее создала природа. Мнѣ нравилось въ этихъ сценахъ еще то, что онѣ показывали въ Машѣ очень мало опытности. Она была совершенно незнакома съ такими уловками, и всегда попадалась въ просакъ. Ей самой не приходило въ голову употребить противъ меня такое же оружіе , раздражать меня сомнѣніями, можетъ быть потому, что ей было некогда: она всегда торопилась домой, и приходила ко мнѣ не для того, чтобы разыгрывать сцены праздной любви, которыя мы употребляемъ болѣе для собственнаго оживленія, въ чемъ ей не было никакой надобности. Но это же внушило мнѣ, можетъ быть, ложную мысль о ея простотѣ, неразлучной, какъ я полагалъ, съ званіемъ служанки.

Послѣ двухъ мѣсяцовъ знакомства съ нею , — знакомства тихаго, я все-таки не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета, влюбленъ ли я въ нее, или нѣтъ. Это состояніе имѣетъ ту выгоду, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ даетъ средства тихо перейти отъ одного положенія къ другому, отъ однихъ чувствъ къ другимъ, безъ бурь и неудовольствій. Въ началѣ осени мнѣ надо было ѣхать къ себѣ въ деревню, въ одну изъ болѣе отдаленныхъ отъ столицы губерній. Опредѣливъ день своего выѣзда, я хотѣлъ сообщить объ этомъ Машѣ, при первомъ свиданіи съ нею; но она не приходила ко мнѣ нѣсколько дней; послѣ я узналъ отъ своихъ людей, что мужъ ея госпожи воротился домой послѣ довольно-продолжительнаго отсутствія;

вѣроятно это обстоятельство, изменивъ обычай и службу дома, мѣшало ей быть у меня по обыкновенію. Я подождать недѣлю, — она не приходила; подождать еще два дня, — ее не было; мнѣ надо было торопиться, и я рѣшился уѣхать, не простившись съ нею. Сказать правду, я и самъ не зналъ, быть или не быть мнѣ этимъ довольнымъ. Лишнія проводы—лишнія слезы. Можетъ быть для меня было полезно прекратить вовсе это знакомство, которое въ городѣ вѣроятно потеряетъ въ моихъ глазахъ свою цѣнность и даже можетъ стѣснить меня. Если бы послѣ я сталъ думать иначе, то я всегда могъ отыскать ее въ городѣ; она мнѣ говорила, что ея господа живутъ тамъ каждую зиму; я знаю ихъ фамилію; отыскать будетъ легко. Я велѣлъ подавать лошадей и уѣхать. — Прощай, Маша, думалъ я, выѣзжая изъ деревни; — прощай, какъ всѣ легкія радости, которыя встрѣчаются намъ на пути жизни! Спасибо тебѣ, моя милая, что ты оставишь во мнѣ одно лишнее воспоминаніе о прошедшихъ удовольствіяхъ, тихое, спокойное, озаренное добрыми лучами сельскаго солнца, окруженное уединенными полями и рощами, погруженное въ тишину кротко цвѣтущей природы! Привошу тебѣ искренній вздохъ и благодарность! — Съ послѣдней горки я окинулъ послѣднимъ взглядомъ всѣ окрестности, всѣ мѣста своихъ прогулокъ, — въ совершенно романическомъ, полугрустномъ, но счастливомъ расположеніи духа, закутался въ шинель, повалился въ уголъ коляски и болѣе не оглядывался.

По прибытіи домой, дѣла, хозяйственныя хлопоты, обыкновенныя отношенія общества, посѣщенія, карты и проч. занимали и развлекали меня каждый день. Я не имѣлъ почти времени вспомнить о Машѣ; когда она приходила мнѣ на мысль, признаюсь, я думалъ о ней съ сожалѣніемъ. Тогда я невольно вспоминалъ о ея красотѣ, о ея свѣжести, о ея преданности ко мнѣ; ея стройный станъ, ея роскошныя груди, изящный очеркъ лица и чудесныя, розовыя губки рисовались въ моемъ воображеніи, когда въ свободныя минуты, въ уединеніи кабинета, я отдавался на волю своихъ мыслей: эти минуты всегда принадлежатъ воспоминаніямъ.

Но время проходило, мое сердце было спокойно; обыкновенная жизнь, отсутствие всяких примѣчательныхъ встрѣчъ, понимая подъ этимъ встрѣчи съ хорошенѣйшими женщинами, оставляли меня въ неизвѣстности своего нравственнаго состоянія; я былъ доволенъ, что не чувствовалъ ничего особеннаго, то-есть, что забылъ все то, что меня огорчало прежде.

V.

Въ концѣ осени я отправился на житье въ столицу. Подъѣзжая къ послѣдней станціи, я увидѣлъ у подѣзда экипажъ, изъ котораго выпрягали господскихъ лошадей; видно было, что это помѣщикъ, ѣдущій, какъ и я, изъ деревни на зиму въ городъ, доѣхавшій до станціи на своихъ лошадяхъ и продолжающій послѣдній перевѣздъ на почтовыхъ. Я не хотѣлъ входить на станцію, и въ ожиданіи лошадей оставался въ коляскѣ. Лошадей, какъ всегда, приготавливали медленно.

— Кто это ѣдетъ? спросилъ я у челоуѣка, который стоялъ у экипажа.

— Марья Ивановна М., отвѣчалъ онъ.

— Въ

— Да-съ.

— Издалека?

— Нѣтъ, вотъ отсюда, мы проѣхали верстъ съ 30.

— Изъ какой деревни?

— Изъ N.

— Вѣдь это, кажется, близко селенія K.

— Рядомъ-съ.

Ба! подумалъ я; да вѣдь это мои бывшіе сосѣди; это госпожа Маши.

— Барыня одна ѣдетъ? спросилъ я опять.

— Одна. Баринъ уѣхалъ впередъ третьяго дни, со всѣмъ хозяйствомъ. Мы немного замѣшкались.

Я вылезъ изъ коляски, и отправился на станцію. Отворивъ дверь, я окинулъ взглядомъ комнату; госпожа была одна; она сидѣла закутавшись въ салопъ, спиною къ дверямъ. Я вошелъ, она обернулась.

Представьте мое удивленіе! Это была Маша! Она вспыхнула и встала.

— Маша! вскричалъ я тихо. Это ты!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, сказала она по-французски, блѣднѣя.

Я остолебеньлъ отъ недоумѣнія.

— Вы меня принимаете за другую; я такая-то, продолжала она, называя свою фамилію.

Я стоялъ передъ нею нѣсколько мгновеній, молча, и вѣроятно съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами.

— А, теперь я понимаю все! произнесъ я наконецъ.

— Чтѣ понимаете вы, милостивый государь? Вы ошибаетесь, ошибаетесь!... повотряла она тихо, торопливо, въ испугъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы очень хорошо знаете, что я не ошибаюсь!—Это вы, вы! Вы недовольны мною? За что? Если виноватъ, умоляю, простите! Марья Ивановна, я не забывалъ васъ ни одной минуты! я обожаю васъ! я только и ждалъ встрѣтиться съ вами!

— Опомнитесь! чтѣ съ вами! Говорите тише, замолчите! Васъ могутъ услышать, хотя и не поймутъ... Я говорю вамъ, вы принимаете меня за другую!

— Скажите откровенно, что вы не хотите меня узнать! не увѣряйте, что я ошибся! Я не забылъ ни одной вашей черты. Ваши волосы, ваши глаза, ваша шея, маленькая темная точка на лѣвой щекѣ.... Чтѣ же это значить, Марья Ивановна? Отчего вы не хотите меня узнать? Чтѣ же значило наше знакомство? А! вы перемѣнили намѣренія! Теперь я узнаю васъ!

— Хорошо! сказала она съ рѣшимостію отчаянія. — Да, это я! Вы не ошиблись, вы узнали меня! Я сдѣлала

непростительное преступленіе, безуміе, достойное презрѣнія! Но я увѣрена, что вы честный человѣкъ, и что это останется тайной.... Между нами должно быть все кончено! Прошу васъ, даже не показывайте, что вы меня видѣли когда-нибудь.

— Я васъ не понимаю!

— Да, все кончено! Забудьте обо мнѣ, какъ будто мы никогда не встрѣчались!

— Вы думаете, это такъ легко? Вспомните, какъ я васъ любилъ, хотя и не зналъ, кто вы.

— Помню! произнесла она, горько улыбаясь и краснѣя.—Воспоминаніе объ этомъ заставить меня краснѣть всю жизнь. Умоляю васъ, оставьте меня и никогда со мною не встрѣчайтесь! Только ваше уваженіе можетъ немного извинить меня въ моихъ глазахъ; теперь о нашей любви говорить поздно!

Она встала, чтобы выйти, но я удержалъ ее.

— Марья Ивановна! сказалъ я, — у васъ нѣтъ жалости; вы хотите убить меня! Вы не вѣрите моей любви? Я хотѣлъ отыскать васъ въ городѣ. Я васъ не могу оставить, и не отстану!

— Чтѣ вы хотите дѣлать? сказала она, останавливаясь и обращая на меня строгій взглядъ. — Докажите по крайней мѣрѣ, что вы честный человѣкъ!

— Я былъ бы безъ сердца, если бы оставилъ, забылъ васъ!

— Подумайте! Можетъ быть, въ васъ найдется столько жалости, что вы извините мой поступокъ и не захотите меня позорить!

— Могъ ли я видѣть въ немъ преступленіе!.... Нѣтъ, вы меня никогда не любили! — Марья Ивановна! продолжалъ я умоляющимъ голосомъ. Если бы вы знали, какую отрадную увѣренность вы хотите убить во мнѣ!.... Нѣтъ, нѣтъ! Вы любили меня прежде! Мнѣ трудно забыть наши свиданія!

— Забудьте, забудьте! Не думайте, что это досада, капризъ; оставьте меня, не преслѣдуйте, не встрѣчайтесь со мною!

— Вы хотите привести меня въ отчаяніе! Вы оскорбляете меня! Вы даёте мнѣ право не исполнять вашего желанія!

— Я прошу васъ какъ благороднаго человѣка! Если въ васъ нѣтъ сожалѣнія къ женщинѣ, то не забудьте, меня могутъ защитить! Не марайте меня безъ всякой для васъ пользы!

Въ это время вошелъ станціонный смотритель и объявилъ, что лошади готовы; потомъ вошла служанка, оправивъ на барынѣ салонъ; вошелъ лакей, посмотрѣвъ во всѣ углы,— не забыта ли какая-нибудь вещь, и всѣ вышли. Проходя мимо меня, Марья Ивановна легко поклонилась мнѣ, какъ едва знакомому человѣку, котораго она встрѣчаетъ въ первый разъ на станціи. Я остался одинъ, опустивъ руки, смотря неподвижно на затворившуюся дверь, пораженный этою неожиданною встрѣчей и еще болѣе неожиданной развязкой.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! произнесъ я наконецъ, ударяя себя по лбу, въ совершенномъ на себя негодованіи.

Я подошелъ къ окну; въ экипажъ усаживались; никто не смотрѣлъ на окна; кнутъ хлопнулъ, кучеръ крикнулъ, и экипажъ помчался. Станціонный смотритель воротился въ комнату.

— А хорошенькая мадамка, сказалъ онъ растопыривая свои губы въ четвероугольную, особеннаго рода улыбку. Не нахожу болѣе приличнаго выраженія для этой безобразной рожи.

Я злобно посмотрѣлъ на него, подошелъ къ окну, въ намѣреніи вымѣстить всю свою досаду на бѣдномъ смотрителѣ, еслибы не были готовы лошади; но лошади были готовы. Я одумался; мнѣ захотѣлось поговорить съ нимъ, въ надеждѣ узнать отъ него кое-что, и я улыбнулся его остротѣ.

— Вы знакомы съ ними? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, незнакомъ. Здѣсь встрѣтилъ ее въ первый разъ. Что, она живетъ недалеко отсюда?

— Не очень далеко; здѣшняго узда.

- Она замужняя ?
- Какже-сь.
- Отчего же она ѣдетъ одна ?
- Мужъ ея, кажется, ужъ проѣхалъ.
- Чтѣ , онъ молодой или старый ?
- Да немолодъ. Постарѣй меня. Лѣтъ 45 , а можетъ быть подъ 50.
- Молодецъ ?
- Какое ! рябой.
- Давно онъ женатъ ?
- Не знаю-сь. Кажется , около двухъ лѣтъ.
- Есть у нихъ дѣти ?
- Должно быть нѣтъ. А то бы она тащила ихъ съ собой. Да когда ей было имѣть дѣтей ? она еще больно молода.

Я надвинулъ на глаза фуражку, надѣлъ шинель , поклонился смотрителю, вышелъ, сѣлъ въ коляску и отправился. Я вскорѣ догналъ экипажъ Марьи Ивановны. Чтобы показать ей, что я намѣренъ исполнять ея приказанія, и немного изъ досады, я даже не выглянулъ изъ коляски , проѣхалъ мимо и не оглядывался.

VI.

Я не зналъ, чтѣ думать, какъ объяснить случившееся со мною, на что рѣшиться. Спавшія чувства смутно , неопредѣленно забродили въ моемъ сердцѣ. Первые дни въ городѣ я былъ въ безпокойномъ, раздраженномъ состояніи. Досада, сожалѣніе , сомнѣніе и надежда волновали мои мысли , не позволяли мнѣ утвердиться въ какомъ-нибудь намѣреніи. Я не могъ увѣрить себя, что Марья Ивановна меня не любила и что она могла забыть меня въ такое короткое время. Чтѣ же могло измѣнить ее ? А можетъ быть и не любила ? Можетъ быть она развратная женщина, имѣетъ на кого-нибудь намѣренія въ городѣ , или старое знакомство , пріят-

нѣйшее моего? Последнее предположеніе роняло всѣ достоинства, весь романическій характеръ моего знакомства съ нею, и передо мною оставалась одна пошлость безчувственной связи. Кажется, это должно бы быть для меня всего выгоднѣе, давая возможность смѣяться надъ глупою развязкой,—она не оставила мнѣ ни малѣйшей надежды,—но нѣтъ! мнѣ было пріятнѣе мучить и упрекать себя, чѣмъ разстаться съ любовью женщины, которою обладалъ,—и которая такъ хороша, такъ молода еще! Выборъ былъ удобенъ, успокоеніе легко, возможно; но въ томъ-то и дѣло, что страданія любви, вѣроятно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ спокойствіе, праздность сердца. Можетъ быть, она боится своего мужа? Но она прежде не боялась его; она убѣдилась, что мы могли видѣться безнаказанно. Надобно было все это разъяснить; я рѣшился не отставать отъ нея и узнать о ней хорошенько. Послѣ нашего короткаго знакомства, возобновить его мнѣ казалось не трудно.

Я скоро отыскалъ ихъ квартиру. Прогуливаясь по вечерамъ мимо занимаемаго ими дома, я иногда видѣлъ стоящіе у ихъ подъѣзда экипажи, и всякій разъ спрашивалъ кучеровъ, чьи они. Впродолженіе недели я узналъ имена около десятка ихъ знакомыхъ; но къ-сожалѣнію я никого изъ нихъ не зналъ лично. Наконецъ мнѣ удалось найти одного своего знакомаго, посѣщавшаго домъ, гдѣ бывала и Марья Ивановна.

— Вы знакомы съ г. N? спросилъ я его при первомъ удобномъ случаѣ.

— Знакомъ, отвѣчалъ онъ.

— Говорятъ, это пріятный домъ.

— Хорошіе люди.

— У нихъ часто танцуютъ.

— Чаше играютъ въ карты.

— Познакомьте меня съ ними. Я теперь играю рѣдко; мои знакомые еще не съѣхались. Не худо бы воротить отъ васъ мои прошедшіе проигрыши.

— Съ удовольствіемъ. Надо сформировать партію. Я играю у нихъ по мелкой.

- Въ какіе дни у нихъ собираются?
 - По середамъ, а иногда и въ другіе дни.
 - Не забудьте предупредить ихъ къ слѣдующей средѣ.
- Во сколько часовъ прѣхать къ вамъ?
- Къ восьми.
 - Не опоздаю.

Въ среду я былъ представленъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что гостей съѣхалось довольно много; можетъ быть будетъ и Марья Ивановна. Дѣйствительно, она вскорѣ прѣехала. Мое сердце билось. Она была одѣта со вкусомъ, держала себя ловко; въ ней не было и тѣни той служанки, которую я прежде видѣлъ; выраженіе лица, взглядъ, манеры, все было другое; теперь она была благовоспитанная, свѣтская женщина. А она умѣетъ разыгрывать чужія роли! Это по крайней мѣрѣ даетъ выгодное понятіе о ея умѣ.

Она сначала меня не замѣтила; я слѣлъ возлѣ хозяйки и сталъ съ нею разговаривать, не обращая глазъ въ ту сторону, гдѣ была Марья Ивановна, чтобы не видѣть перваго впечатлѣнія, которое произведетъ на нее моя встрѣча, и не увеличивать ея смущенія. Я замѣтилъ только, что она отвернулася и отошла. Бросивъ чрезъ нѣсколько времени на нее украдкой взглядъ, я увидѣлъ, что она сдѣлалась немного блѣднѣе, лицо ея приняло серьезное выраженіе, движенія какую-то торжественность. Она избѣгала встрѣтиться со мною взглядами, и послѣ, во весь вечеръ, ни разу не посмотрѣла на меня. Вскорѣ мнѣ предложили карту, и я ушелъ въ другую комнату, чтобы скорѣе избавить отъ своего присутствія эту бѣдную женщину, которая должна была испытывать мною страха и волненій, которыя она, можетъ быть, не умѣетъ еще и скрывать. Да, она не наглая женщина. Она такъ еще молода, что въ ней нельзя и подозревать опытности въ интригахъ. Огорченіе, почти отчаяніе наполнило мою грудь. Я хотѣлъ бы, чтобы она посмотрѣла на меня, прочла бы на моемъ лицѣ чувства, которыя могла понять только она. Я постарался занять столѣкъ, стоявшій поближе къ комнатѣ, гдѣ оставались дамы. Можетъ быть она успокоится, придетъ въ обыкновенное состояніе. Мнѣ

хотѣлось послушать, видѣть ее, какъ свѣтскую женщину. Она должна быть восхитительна!

Судьбѣ было угодно, чтобы меня посадили въ одну партію съ ея мужемъ. Я съ любопытствомъ приглядывался и прислушивался къ нему. Это былъ человѣкъ обыкновенный, не молодой, простой наружности, тяжелыхъ, не совсѣмъ ловкихъ манеръ, помѣщикъ, занимающійся дѣлами, а не праздною, свѣтскою жизнію. Выраженіе его лица было строгое, какъ мнѣ казалось—не доброе; глаза живые, зоркіе, показывавшіе волю, настойчивость характера; у него не должно быть ни малѣйшей снисходительности, и онъ, вѣроятно, ревнивъ; жена должна бояться и не можетъ любить такого мужа. Впрочемъ, сознаюсь, я смотрѣлъ на него съ предубѣжденіемъ, недоброжелательствомъ, и могъ очень легко ошибиться.

Черезъ нѣсколько времени Марья Ивановна вошла, вмѣстѣ съ одною дамою, въ нашу комнату и съ любопытствомъ окинула ее взглядомъ. Ей, вѣроятно, пришло въ голову, что я могу играть за однимъ столомъ съ ея мужемъ. Когда она увидѣла насъ вмѣстѣ, она остановилась и хотѣла уйдти; но мужъ замѣтилъ ее.

— Марья Ивановна, сказалъ онъ,—посмотри, какія карты! Несчастіе! Все одни и тѣ же нѣсколько сдачъ.

Она не отвѣчала.

— Посмотри, посмотри, продолжалъ онъ настойчиво, поворачивая къ ней карты;—можетъ быть пойдутъ лучше.

— Я очень мало понимаю, сказала она, медленно и неохотно приближаясь къ намъ, взявъ подъ руку ту даму, съ которою вошла. Она наклонила голову, показывая, что разсматриваетъ карты, но я видѣлъ, что она не смотрѣла на нихъ, не видѣла ихъ. Я не могъ оторвать отъ нея своихъ глазъ; она должна была чувствовать, съ какимъ любопытствомъ, съ какою жадностію я ее разсматривалъ, — и это будто сдѣлало ее неподвижной. Мужъ не показывалъ ей уже болѣе карты, а ея глаза были все еще потушены къ нимъ, и она стояла какъ осужденная преступница. Наконецъ онъ отошли.

Вскорѣ хозяйка стала просить ее пѣть. Она поетъ! Я и не подумалъ прежде объ этомъ. Дѣйствительно, я былъ къ ней очень невнимателенъ, когда принималъ ее за служанку; я ни о чемъ ее не спрашивалъ, ни о чемъ не любопытствовалъ; я не старался узнать о ней хорошенько, гдѣ она живетъ, откуда она; я могъ послать человека развѣдать о ней стороною; можетъ быть это не понравилось бы ей, но показало бы мою внимательность; я могъ бы узнать, что она не служанка, и это произвело бы между нами совсѣмъ другія отношенія. Я невольно твердилъ себѣ мысленно: дуракъ, дуракъ, дуракъ!—Она отказалась пѣть, отговариваясь болью въ груди. Запѣла другая; около фортепьяно образовался кружокъ дамъ и дѣвицъ; у насъ робберъ кончился, и я, пользуясь свободною минутою, вмѣшался между ними, началъ говорить съ хозяйкой о музыкѣ, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ; я надѣялся услышать хотя одно слово отъ Марьи Ивановны, сказать ей что-нибудь; это объяснило бы ея намѣренія, и можетъ быть показало бы мнѣ, что ея гнѣвъ немногое смягчился. Но она молчала, или разговаривала съ своею сосѣдкой совсѣмъ о другомъ. Ее опять стали просить пѣть. Если бы она запѣла, значить, она допустила бы, чтобы и я услышалъ ея голосъ, любовался ею; это было бы почти пѣть для меня, желать нравиться мнѣ. Она рѣшительно отказалась. Еще болѣе огорченный, я воротился къ столику.

Я могъ познакомиться съ ея мужемъ и войти въ ихъ домъ; но это было бы слишкомъ нагло, и могло окончательно повредить мнѣ въ ея мнѣніи. Когда игра кончилась и я нашелъ случай остаться наединѣ съ своимъ знакомымъ, представившимъ меня здѣшнему семейству, я спросилъ его:—кто этотъ господинъ, который игралъ послѣдній робберъ со мною?

— Такой-то, отвѣчалъ онъ.

— Что онъ богатый человекъ?

— Очень порядочное состояніе.

— Эта молодая дама, которой онъ показывалъ карты, вѣроятно, его жена?

— Да.

— Она очень недурна.

— Хороша.

— Она гораздо моложе своего мужа.

— За то бѣднѣе. У ея отца хорошее состояніе, но большое семейство.

— Я полагаю, онъ немножко рисковалъ, женившись на молоденькой и хорошенькой.

— Не думаю. Она очень скромна, изъ порядочнаго семейства и держать себя прилично.

— Да,—но развѣ бываетъ мало женщинъ хорошихъ фамилій, воспитанныхъ, и все-таки опрометчивыхъ. Положеніе и обстоятельства мѣняютъ многое.

— Правда; но эта воспитывалась болѣе въ деревнѣ.

— Вы ихъ хорошо знаете?

— Довольно; если угодно, познакомлю.

— Нѣтъ, благодарю. А можетъ быть когда-нибудь послѣ Я теперь не думаю дѣлать много знакомствъ. Да онъ, кажется, тяжелый игрокъ.

Мой знакомый былъ человекъ равнодушный къ любовнымъ шашнямъ; ему было все равно, что бы кругомъ его ни дѣлалось, и я не боялся, что мои вопросы покажутся ему подозрительными.

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ была Марья Ивановна, въ надеждѣ сѣсть поближе къ ней; она замѣтила мое намѣреніе, и ея тонкія брови немного нахмурились, взглядъ принялъ строгое выраженіе; я отошелъ. — Будь же хотя немного мнѣ благодарна, моя немилосердая красавица, подумалъ я.—Я боюсь тебя разсердить, но не могу не любить!— Она хороша и стоить вниманія; было бы странно отказаться отъ всякихъ надеждъ.

Въ слѣдующую среду я былъ опять у моихъ новыхъ знакомыхъ. Мужъ Марьи Ивановны пріѣхалъ одинъ; она осталась дома, какъ объявилъ онъ. Въ другую среду то же самое. Очевидно, она избѣгала меня, и мнѣ надобно было познакомиться съ другими ея знакомыми, гдѣ я могъ

ее видѣть. Не будетъ же она все сидѣть дома, изъ болзни меня встрѣтить. Меня могла бы упрекать совѣсть за мои настойчивыя, непріятныя для нея преслѣдованія; но можно ли жалѣть ту, которую любишь; остановишься ли боязнію передать ей хотя часть тѣхъ сладкихъ страданій, которыя терзаютъ самого? У влюбленныхъ вырастаютъ когти кошачей породы.

Я былъ представленъ еще въ одинъ домъ, гдѣ бывала Марья Ивановна. — Вскорѣ ее встрѣтилъ тамъ. Увидѣвъ меня, она бросила на меня мимолетный взглядъ, въ которомъ я прочелъ удивленіе и упрекъ, и послѣ болѣе ни разу на меня не посмотрѣла. Но нужно ли имѣть слишкомъ мѣдннй лобъ, чтобы вытерпѣть строгость мягкаго, чудеснаго взгляда, который хочетъ наложить на ваше чело клеймо позора? Я опустилъ глаза, какъ преступникъ, но едва ли отъ стыда и скромности; напротивъ, въ моей груди разлилось невыразимо сладкое чувство.

Въ этотъ разъ она была свободнѣе; ей будто хотѣлось показать мнѣ, что она меня не боится, не уважаетъ, не дорожитъ мною. Но теперь-то она и была еще болѣе мила. Я видѣлъ въ ней ту женщину, какою она была въ самомъ дѣлѣ, и это возбуждало во мнѣ гордость; я хотѣлъ, чтобы она имѣла блестящую свѣтскость, и каждое ея движеніе приводило меня въ восхищеніе. Она впрочемъ не обращала на меня никакого вниманія и держала себя съ строгимъ достоинствомъ. — Вечеръ былъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ вечера. Знали, что Марья Ивановна поетъ, и ее также, какъ прежде, просили пѣть. Она не отказалась. Садясь за фортепьяно, она снимала перчатки, и я издали пристально смотрѣлъ на ея хорошенькія ручки, которыя когда-то могъ бы цѣловать, и которыя, — о дуракъ, дуракъ! — я не рассматрѣлъ даже хорошенько. Она выбрала одинъ изъ новѣйшихъ, самыхъ скучныхъ, самыхъ деревянныхъ романсовъ, въ которыхъ регистратскія чувства хотятъ выразить итальянскую поэзію, въ которыхъ воспѣвается Богъ знаетъ что, и слышатся родные звуки хлопанья кнута, укладыванья кирпичей и проч., изъ которыхъ неловкія чувства

торчать какъ коровьи рога, или какъ осиновыя, необтесанныя, кривыя оглобли крестьянскихъ розвальней. Романсъ этотъ показался мнѣ отвратителенъ, можетъ быть потому, что я не могъ подозрѣвать въ немъ ни малѣйшаго чувства, ни малѣйшаго мнѣ отвѣта, ни одного намека, отголоска того, чѣмъ мнѣ хотѣлось, чѣмъ бы хотя немножко тревожило пѣвицу. Я только убѣдился, что она въ этомъ однихъ со мною мыслей; не желая дать мнѣ права отнести къ себѣ какія-нибудь чувства романса, она удачно выбрала самый гадкій. Она имѣла пріятный, хорошій голосъ. Хотя она старалась пѣть какъ можно равнодушнѣе, невнимательнѣе, видимо хуже, чѣмъ могла пѣть, — я все-таки замѣтилъ въ ней, въ началѣ, нѣкоторую робость, въ голосъ подслушалъ едва примѣтное дрожаніе. Неужели она не желала нравиться мнѣ, показать мнѣ всѣ свои качества, хотя бы только для того, чтобы привести меня въ совершенное отчаянія? Если она недовольна мною, ей пріятно наказать меня, видѣть мои сожалѣнія и досаду. Въ этомъ она успѣла, значить хотѣла. Новыя отношенія начаты. Надежда живуча; ее не уколотишь самымъ тяжелымъ молотомъ. Когда она кончила, послышались извѣстныя восклицанія: — какъ это хорошо! Какой милый романсъ! — Ей говорили комплименты; я также могъ бы проскользнуть къ ней, но остался въ отдаленіи, которое мнѣ хотѣлось показать въ самомъ дѣлѣ почти-тельнымъ.

— Не представиться ли мнѣ влюбленнымъ въ другую? — подумалъ я, осматривая бывшихъ тутъ дѣвицъ и дамъ, которыя всѣ показались мнѣ безобразны. Я отбросилъ эту мысль, какъ недостойную моей любви.

Кружокъ, составившійся около пѣвицы, разстроился; образовались отдѣльныя толпы. Послѣ нѣкотораго времени стали просить Марью Ивановну спѣть еще что-нибудь.

— Я не знаю чѣмъ пѣть, сказала она, подходя къ нотамъ.

— Вы поете послѣдній романсъ N? спросилъ я, подходя къ ней. — Превосходная музыка!

— Я его не пою, отвѣчала она невнимательно, перелистывая и разсматривая ноты.

— Вотъ онъ, сказала хозяйка, вытаскивая одинъ листъ и подавая его Марьѣ Ивановнѣ. Она, не отвѣчая, отложила его въ сторону.

— Вы его спѣли бы съ совершенствомъ, сказалъ я. — Вашъ голосъ такъ хорошъ, что для него нужны трудности, чтобы увидѣть всѣ его достоинства.

Она едва наклонила голову въ отвѣтъ на мою любезность, выбрала другое и запѣла. Я не отходилъ отъ нея. Предвидя мое намѣреніе преслѣдовать ее своимъ разговоромъ, она въ продолженіе пѣнія бросила на меня гнѣвный взглядъ, въ которомъ я прочелъ: вы меня удивляете! Вы наглецъ и безъ жалости! Мое лицо безъ сомнѣнія приняло выраженіе того, что я думалъ: — могу ли я не разговаривать съ вами, какъ разговариваю со всѣми другими? Это была бы особенность! — Огорченный, я потихоньку уклонился въ сторону, и когда она кончила, отошелъ и болѣе къ ней не приближался.

Я старался встрѣчать ее вездѣ, гдѣ могъ, въ надеждѣ понемногу сближаться съ нею въ новыхъ отношеніяхъ нашихъ и приучать ее къ себѣ. Но мои дѣла не подвигались ни на шагъ. Она хотѣла убѣдить меня въ своей твердой рѣшимости кончить со мною на всегда, и я съ ужасомъ замѣтилъ, что мои преслѣдованія наконецъ стали приводить ее въ раздраженіе и гнѣвъ. Размолвка принимала опасный характеръ.

Я также слѣдилъ за молодыми людьми, которые ее знали. Нѣкоторые были съ нею очень любезны и поглядывали на нее очень пристально. Въ особенности меня тревожилъ одинъ молодой человѣкъ, примѣчательной наружности, молодой и ловкій. Не могу высказать тѣ чувства, которыя овладѣли мною, когда я замѣтилъ, что онъ часто посѣщаетъ домъ Марьи Ивановны. Подъ равнодушіемъ, которое я хотѣлъ насильно внушать себѣ, подъ увѣренностію, что я буду очень доволенъ, когда открою истину и брошу свои надежды, — крылась ревность, страхъ; при одномъ сомнѣніи я чувствовалъ ледъ подъ волосами. Любовь росла

отъ болѣзни потерять ее. Но молодой человѣкъ былъ внимателенъ при другихъ; это меня убѣдило, что тайны еще нѣтъ, и успокоило. Опасны тѣ враги, которые невидимы. Но мнѣ все-таки было досадно видѣть преслѣдованія этого соперника, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ никакихъ средствъ съ нимъ бороться; послѣдствія пугали меня.

Марья Ивановна покамѣстъ была со всѣми одинакова, и я не могъ сдѣлать никакихъ предположеній. Я разузнавалъ о ней стороною, иногда даже употреблялъ непозволительныя средства шпионства, проникнуть тайны ея жизни; но не узналъ ничего. Общее мнѣнiе было въ ея пользу; всѣ отзывались о ней, какъ о скромной женщинѣ, ведущей себя хорошо, съ достоинствомъ, безукоризненно. — Я не находилъ никакихъ причинъ объяснить ея поведенiе со мною; чѣмъ чаще я встрѣчался съ нею, тѣмъ все становилось темнѣе, непонятнѣе. Одно изъ самыхъ непрiятныхъ предположенiй было то, что она, какъ говорится, разочаровалась во мнѣ, и не на шутку таки разлюбила меня. Этотъ обухъ можетъ убить самое крѣпкое самолюбіе; признаюсь, онъ внушалъ мнѣ необыкновенное смиренiе, и я, при одной мысли объ этомъ, въ смущенiи и горести невольно потуплялъ глаза, хотя былъ одинъ въ своей комнатѣ. Я вспоминалъ по одиначкѣ всѣ случаи, которые прежде встрѣчались между нами, разбиралъ свое обращенiе съ нею, критиковалъ себя съ головы до ногъ; я не былъ къ себѣнисходителенъ, не щадилъ себя, дѣлалъ себѣ упреки, и мнѣ казалось, что я былъ съ нею дѣйствительно набитымъ дуракомъ. Я краснѣлъ, что, принимая ее за служанку, могъ казаться ей смѣшнымъ завоевателемъ, пустымъ самолюбивымъ человѣкомъ. Кто сознается, что онъ дѣйствительно таковъ! Одно опасенiе этого приводило меня въ отчаянiе. Сомнѣнiя, неизвѣстность сдѣлались мнѣ наконецъ нестерпимы; я рѣшился писать ей, и приготовилъ слѣдующее письмо:

»Марья Ивановна! Вы хотите сдѣлать меня сумасшедшимъ, принудить къ какому-нибудь поступку, который осуждаютъ моя честь и разсудокъ, и который, можетъ быть, еще

болѣе отдалить меня отъ васъ: я его сдѣлаю только въ состояніи безумія. Если у васъ есть сердце, то вы меня извините. Вы не вѣрите моей любви оттого, что сами никогда не любили. Но это не уменьшаетъ моей любви къ вамъ; это мое несчастіе, и вы въ немъ виноваты. Чего вы могли требовать отъ меня прежде? Вспомните, въ какомъ я былъ состояніи. Я не зналъ, кто вы; моя ошибка должна извинить меня. Подумайте, и вы убѣдитесь. Я могъ цѣнить васъ; но не долженъ ли я былъ удерживать себя въ своихъ чувствахъ? Это не должно оскорблять вашего самолюбія. Я васъ любилъ,— вы это знаете; теперь я васъ обожаю! Я только теперь вижу всѣ ваши достоинства. Мое положеніе приводитъ меня въ невыразимое состояніе отчаянія, даже болѣзни. Если бы вы знали, какою горечью вы наполнили мою жизнь, какія нестерпимыя минуты я провожу! Умоляю васъ, доставьте мнѣ случай видѣться съ вами, назначьте мѣсто, гдѣ я могъ бы говорить съ вами наединѣ; отвѣчайте мнѣ по городской почтѣ. Если бы это было послѣднее наше свиданіе, и тогда я жду его какъ своего спасенія; оно мнѣ необходимо.»

Съ этимъ письмомъ въ карманѣ, я прилежно посѣщала всѣ дома, гдѣ могъ встрѣтить Марью Ивановну, въ намѣреніи передать его лично ей самой. Я не хотѣлъ послать его по городской почтѣ или передать черезъ другихъ, боясь, чтобы оно не попало въ руки мужа. Но передать письмо при свидѣтеляхъ, въ кругу общества, вещь довольно трудная; надобно долго дожидаться удобнаго случая. — Я встрѣчалъ ее нѣсколько разъ, но она никогда не оставалась одна. Не обращая на нее повидимому вниманія, я однако же слѣдилъ каждое ея движеніе, каждый шагъ. Одинъ разъ, я увидѣлъ на полу чей-то платокъ; онъ вѣрно былъ не ея, но я воспользовался обстоятельствомъ, и поспѣшно осмотрѣлъ положеніе всѣхъ гостей: Марья Ивановна сидѣла на одномъ изъ крайнихъ къ стѣнѣ креселъ и въ нѣкоторомъ отъ другихъ отдаленіи; между нею и стѣною не было ничего. Положеніе было довольно хорошо и маневръ удобнѣе исполнимъ. Я поднималъ платокъ и подошелъ къ ней такъ, чтобы заслонить ее отъ другихъ.

— Вы уронили платокъ , сказалъ я , подавая его ей , и въ то же время опустилъ письмо къ ней на колѣни. Она поблѣднѣла , взяла платокъ , и невольно опустила его , такъ что онъ закрылъ письмо. Я поспѣшно вышелъ въ другую комнату , потомъ воротился посмотреть , что случилось : платокъ и письмо исчезли ; она ихъ спрятала. Но увидѣвъ меня , она вынула платокъ , и рассматривая его , сказала : — Это не мой , я ошиблась.

Я поскорѣе вышелъ , взявъ шляпу и уѣхалъ. Письмо должно остаться у нея ; кому же , кромѣ меня , она можетъ передать его ? На другой день вечеромъ я получилъ маленькую записочку слѣдующаго содержанія : »Будьте въ первомъ маскарадѣ.« Я вспрыгнулъ отъ радости , осыпая поцѣлуями это посланіе , которое , какъ слабая , отдаленная молнія , вдругъ освѣтило безтолковый мракъ моихъ мыслей. Всѣ дни до маскарада я былъ веселъ и счастливъ.

VII.

О восхитительный маскарадъ ! мудрое изобрѣтеніе опытнаго общества , прожившаго не одну тысячу лѣтъ ! сколько сладкихъ надеждъ ты возбуждаешь во мнѣ ! Твоя музыка производитъ головокруженіе и заглушаетъ голосъ разсудка ; передъ блескомъ твоихъ свѣчей темнѣютъ правила осторожности и благоразумія , которыя внушаютъ намъ матушки и тетушки ; твои паркеты скользки , и не одинъ мужъ , не одна жена падали на нихъ ! Но мужья не всегда встаютъ съ нихъ съ шишками на лбу , называемыми человѣческими рогами , жены часто падаютъ съ приличіемъ ! Да , съ приличіемъ , какъ Ифигенія , приносима въ жертву , драпируясь въ свои тайны и въ свои атласныя и бархатныя платья , цѣломудрунно укладывая ихъ складки , чтобы наглый , насмѣшливый взглядъ свѣта не проникъ слишкомъ далеко ! Правда , на нихъ падаютъ большею частію старики , у которыхъ дро-

жать слабыя ноги, и молодыя женщины, скользящія слишкомъ неосторожно! Буду бояться этого лощеного поприща, когда зима жизни покроетъ инеемъ мою голову, но пока будемъ поднимать неосторожныхъ!

Я медленно прохаживался по всемъ заламъ, съ любопытствомъ оглядываясь во все стороны, рассматривая все проходившія мимо меня маски одного роста съ тою, которую ожидалъ. Я отгадалъ бы ее по одной походкѣ; влюбленный глазъ зорокъ. Наконецъ ко мнѣ подошла одна замаскированная дама и взяла меня подъ руку. А, вотъ она! подумалъ я. Дрожь пробѣжала по мнѣ съ головы до ногъ.

— Ты вѣрно кого-нибудь ждешь? спросила она гнусливымъ голосомъ.

Боже, это не она! Какой отвратительный голосъ! Какъ могъ я ошибиться и принять эту бревенчатую фигуру за стройную Машу!

— Да, да, отвѣчалъ я вовсе не любезно.

— Твои глаза что-то слишкомъ разбѣгаются. Я знаю, кого ты ищешь.

— Я никого не ищу, отвѣчалъ я съ испугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ любопытствомъ. — Что, если, подумалъ я, она подослана Марьей Ивановной? Это будетъ непростительно.

— Отчего же ты взволнованъ!

— Я? Можетъ быть оттого, что я въ первый разъ въ маскарадѣ.

— Не правда: я видѣла тебя здѣсь и прошедшаго года.

— Въ первый разъ въ эту зиму.

— И это неправда.

— Ты замѣчала меня?

— Я тебя знаю.

— Не можетъ быть; я отгадалъ бы твой голосъ.

— А не узналъ.

— Что тебѣ надобно, маска? Ты, можетъ быть, желаешь сказать мнѣ что-нибудь?

— Что ты вовсе не любезенъ.

— Только, можетъ быть, ты влюблена въ меня?

— Сохрани Господи! Ты слишкомъ самонадвѣянь.

— Такъ прощай. Я не люблю терять даромъ время.

— А, а! Ты ждешь! Прощай, но смотри, я буду за тобой замѣчать.

Она оставила меня и пошла въ другую сторону.

Я ходилъ еще съ четверть часа, какъ вдругъ почувствовалъ легкое прикосновеніе женщины, которая хотѣла взять меня подъ руку. Женское прикосновеніе сей-часъ чувствуется; у мужчинъ даже есть чутье отличить хорошенькую отъ дурной. Я торопливо оглянулся; это несомнѣнно Марья Ивановна; мое сердце теперь не ошибается. Она робко, осторожно, съ нежеланіемъ взяла меня подъ руку только кистью своей руки, будто прикосновеніе ко мнѣ возбуждало въ ней страхъ.

— Это вы? спросилъ я, овладѣвая ея рукою, изъ боязни, чтобы она не ушла.

— Я, отвѣчала она тихо, не измѣняя голоса.

— Благодарю!....

— Вы хотѣли меня видѣть?

— Да, чтобы высказать вамъ наединѣ, какъ я васъ люблю!.... Жестокая! За что вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлалъ? Вы сомнѣваетесь въ моей любви? Теперь вы не имѣете никакого права сомнѣваться. Я васъ люблю, какъ никогда никого еще не любилъ во всю свою жизнь! Что вы хотите со мною сдѣлать? Какихъ вы требуете доказательствъ? Странная насмѣшка, непонятное намѣреніе отталкивать меня послѣ того, какъ я узналъ, какая вы женщина, какимъ сокровищемъ я обладалъ! Вы приводите меня въ отчаяніе, вы сведете меня съ ума. Могу ли я отъ васъ отказаться? Развѣ наши отношенія могутъ прекратиться?

Я говорилъ скоро; мнѣ казалось, будто она снисходительно меня слушала, оттого что не прерывала; но тутъ она вдругъ сказала:

— Должны, непременно!

— Вы мнѣ этого не говорили бы, если бы меня любили! Продолжалъ я. Можете ли вы сомнѣваться, что васъ можно обожать до безумія? Не говорятъ ли всѣ, что вы хороша, какъ фея? Что же все это значить? — Марья Ивановна! не проходить ни одной минуты, чтобы я о васъ не думалъ; я ничего не могу дѣлать, я не сплю цѣлыя ночи, какъ больной въ горячкѣ! Посмотрите, какъ я похудѣлъ!

— Я не вижу въ васъ никакой перемѣны, отвѣчала она спокойно.

— Вы на меня цѣлую зиму ни одного разу не взглянули и ничего не видите!

— Я согласилась видѣться съ вами для того только, чтобы просить васъ не преслѣдовать меня. Оставьте всякую надежду. Между нами все кончено. Я прошу васъ какъ благороднаго человѣка!

— Вы смѣетесь! сказалъ я съ недоумѣніемъ, пораженный ея спокойствіемъ, убѣжденіемъ, искренностію.

— Нѣтъ, нѣтъ; увѣряю васъ убѣдитесь. Я нехочу, употреблять никакихъ уловокъ. Что бы они значили, къ чему бы повели? Я надѣюсь, что вы одумаетесь; я всегда считала васъ честнымъ человѣкомъ.

— Вы ненавидите меня! Вы держите мою руку, какъ будто ея прикосновеніе мараеъ васъ!.... Не понимаю, странно! Чѣмъ я могъ внушить такіа чувства? Какой непостижимый переходъ!

— Я не чувствую къ вамъ никакой ненависти.

— Объясните мнѣ.... Вы любили меня прежде? Я васъ столько уважаю, что не могу въ этомъ сомнѣваться. Только женское сердце способно къ такимъ перемѣнамъ! Но нѣтъ! равнодушіе не заставило бы васъ вдругъ отказаться отъ меня. Это ненависть, отвращеніе, или....

— Или что? спросила она, видя, что я остановился.

— Или разсчитать.

— Какой же можетъ быть у меня разсчетъ?

— Вы хотите отъ меня отдѣлаться, потому что, вѣроятно, неравнодушны къ другому. Я годился вамъ только въ деревнѣ. Иначе я не могу объяснить.

— Вы имѣете право не уважать меня, сказала она послѣ небольшого молчанія. — Я вполне стою вашего презрѣнія. Послушайте, я буду говорить вамъ откровенно. Я сдѣлала ошибку, преступленіе, за которое достойно уже наказана. Я молода, неопытна, воспитана въ деревнѣ; меня отдали замужъ, не спросивши меня. Вы не будете требовать, чтобы я говорила вамъ о своихъ чувствахъ къ мужу. У молодой женщины, въ моемъ положеніи, могутъ рождаться непростительныя мысли. Я часто оставалась одна. Я очень еще молода; какое-то ослѣпленіе одурило мнѣ голову; я не думала, не рассуждала; на мое несчастіе вы поселились въ соседней деревнѣ. Я слышала, что вы были влюблены; я васъ видѣла нѣсколько разъ, въ вашихъ уединенныхъ прогулкахъ; вы постоянно были скучны, задумчивы. Я со слезами бы, если бы сказала, что вы мнѣ не нравились. Да, вы мнѣ нравились....

— Несчастный! сказалъ я съ отчаяніемъ, обращая глаза къ потолку и судорожно сжимая ее руку.

— Не думая о послѣдствіяхъ, я рѣшилась видѣть васъ у васъ дома, переодѣтая въ крестьянку. Моего мужа нѣ было; я скучала; я надѣялась, что вы меня не узнаете, и что это ни къ чему не поведетъ. Сначала это была шалость, но эти шалости увлекаютъ далѣе. Да, да, я васъ любила... Вы меня презирали бы, если бы этому не вѣрили. Но тѣмъ болѣе я любила васъ, тѣмъ болѣе убѣждалась, что вы ко мнѣ совершенно равнодушны.

— Марья Ивановна! пожалѣйте меня! Вы ошибались, ошибаетесь и теперь!

— Нѣтъ, вы меня не любили, продолжала она съ равнодушнымъ убѣжденіемъ. Женщина въ этомъ не можетъ ошибиться. Сердце чувствительно къ самымъ слабымъ отблескамъ обращенія. Я теперь не та Маша, которую вы знали прежде.

— Милое имя, очаровательныя воспоминанія!

— Мое знакомство съ вами сдѣлало меня опытною; прежде я была ребенокъ. Съ тѣхъ поръ я много перечув-

ствовала и передумала. Вы даже не брали на себя труда меня обманывать; вы уехали, не простившись со мною, съ убъжденіемъ никогда со мною не встрѣтиться. Отчего же теперь вы перемѣнили свои мысли?

— Я дожидался васъ нѣсколько дней.

→ Въ это время воротился мой мужъ.

— Мнѣ надобно было скоро ѣхать. Я надѣялся найти васъ въ городѣ, и непременно отыскалъ бы.

— Не похоже на это. Вы даже не знали вѣрно, кто я, откуда, кто мои господа. Я знала, что вы меня не отыскивали; ваши люди даже не приходили въ нашу деревню. Вы могли бы передать въ нашъ домъ слухъ о вашемъ отъѣздѣ какъ-нибудь стороною. Вамъ было все равно, приходила ли я къ вамъ, или нѣтъ. Вы не подумали бы обо мнѣ, если бы не видѣли меня нѣсколько недѣль.

— Я не посылалъ къ вамъ никого изъ боязни повредить вамъ. Все, что вы говорите, — несправедливо. Вы забываете, Марья Ивановна, за кого я принималъ васъ. Будьте снисходительны...

— Вы не дорожили мною, когда считали меня за служанку; теперь вамъ кажется, что вы въ меня влюблены; вашему самолюбію льститъ любовь порядочной женщины. О, я понимаю васъ очень хорошо! Пусть это будетъ вамъ урокомъ. Ищите въ женщинѣ истинныхъ достоинствъ, а не наружнаго блеска. Свѣтская жизнь сушитъ сердце. Я о васъ слышала. Вы слишкомъ развлечены, чтобы испытывать истинныя привязанности.

— Я сознаюсь, что я васъ не стою, но развѣ вы считаете меня деревяннымъ? Развѣ я не могу испытывать истинной страсти, кто бы я ни былъ?

— Можетъ быть, я ошибаюсь въ васъ. Я сознаюсь, что я немогла внушить вамъ привязанности; но во всякомъ случаѣ, вы меня не любили.

— Мое положеніе нестерпимо! Что могу я вамъ говорить? Вы ничему не повѣрите! Вы убѣждены, что я говорю одну ложь, что все это одна комедія.

— Да, увѣрена; убѣдитесь и вы въ этомъ; вы и теперь не влюблены въ меня, также какъ и прежде. Я только для этого желала съ вами видѣться и говорить.

— Но понимаете ли, какія чувства вы могли возбудить во мнѣ вновь? Я не узналъ васъ прежде; вы имѣете полное право негодовать на меня за такую ошибку. Но вспомните наши свиданія. Я почти въ первый разъ говорю съ вами; я не зналъ вашихъ мыслей, не понималъ вашего сердца; вы всегда были со мною осторожны; вы ни о чемъ со мною не разсуждали; вы съ намѣреніемъ оставались въ принятой вами роли;—и я все-таки васъ любилъ! Я теперь узнаю васъ! Какое дѣйствіе должно произвести на меня убѣжденіе, что вы—женщина очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, совершенная, достойная обожанія? Если вы сдѣлали прежде ошибку, познакомившись со мною, то вы теперь опять ошиблись! Вы достигли не того, чего желали! Могу ли я забыть васъ теперь, отказаться отъ васъ въ ту минуту, когда узнаю всѣ ваши сокровища, когда все влечетъ меня къ вамъ невозвратно!

— Должны непремѣнно. Дослушайте, и вы согласитесь. Вы не можете заставить меня и себя забыть случившееся между нами. Мое знакомство съ вами будетъ для меня урокомъ, который сдѣлаетъ меня лучше, чѣмъ я была; онъ сдѣлаетъ меня честною женщиной. Мой поступокъ былъ слишкомъ опрощивъ, и вы не могли уважать меня. Вы меня не уважали и не можете уважать теперь. За что вы меня уважали? Можетъ быть, не уважая нельзя любить, — хотя мнѣ кажется, что, если бы вы любили меня, вы все извинили бы мнѣ. Не любя, чѣмъ объясняли вы мой поступокъ? Непонятый тогда, теперь онъ неизгладимъ; я принимаю вещи, какъ онъ есть, и покорюсь тому, что случилось. Я обязана все перенести, все перетерпѣть!

— Вы неопытны, и бонетесь сами себя.

— Но вы опытниѣе, и не ошибетесь. Вы сдѣлали обо мнѣ вѣрное заключеніе.

— Я объяснялъ все вашей любовью.

— Вы не могли знать моихъ чувствъ и должны были судить по одной наружности. Какая непростительная, наглая дерзость придти переодѣтою къ незнакомому мужчине! Я поступала какъ настоящая служанка! Я должна презирать себя; вы заставили меня подумать о своемъ поступкѣ; раскаяніе меня мучило; послѣ него нѣтъ мѣста для любви. Я не такъ еще унизилась, чтобы въ моемъ сердцѣ осталась любовь, которая даетъ мнѣ одни страданія, одни угрызения совѣсти и неуваженіе къ самой себѣ.

— Теперь вы меня не любите?

— Да, не люблю. Поймите меня, и вы убѣдитесь, что между нами все должно быть кончено. Прощайте. Дайте мнѣ слово, что вы не будете меня преслѣдовать; вы этимъ докажете хотя небольшое ко мнѣ уваженіе. Вы не захотите меня унизить даже въ глазахъ общества.

— Вы требуете выше моихъ силъ. Вы меня не любите, но я не вижу никакой возможности васъ забыть.

— Забудьте; увѣрю васъ, это для васъ легко; вы обманываете себя; я спокойнѣе васъ, и понимаю васъ лучше, чѣмъ вы сами.

— Какъ вы жестоко ошибаетесь!

— Жертва не трудна! я надѣюсь, вы забудете о всемъ, что между нами случилось. Прощайте.

Я не отвѣчалъ ей ни слова, но не выпускалъ ея руки. Ея упорство, спокойствіе ея голоса, все заставляло меня убѣдиться, что она имѣла искреннее намѣреніе прекратить всякія сношенія со мною. Безднадежность будто облила меня холодною водою.

— Это рѣшительное ваше слово? спросилъ я наконецъ.

— Рѣшительное; я давно уже рѣшилась.

— Неумолимая женщина!

— Прощайте.

Она оставила мою руку, едва примѣтно поклонилась и вошла въ толпу народа, которая двигалась къ намъ на встрѣчу. Я слѣдовалъ за нею нѣкоторое время безъ всякаго намѣренія, въ какомъ-то одурѣломъ, безсознательномъ

состояніи, невольно увлекаемыйъ неодолимою силою. Потомъ я догналъ ее и взялъ подъ руку.

— Хорошо, сказалъ я; — я исполню ваше желаніе, покоряюсь своей судьбѣ. Между нами все кончено! Но оставьте мнѣ покрайней мѣрѣ воспоминаніе о нашемъ знакомствѣ; оно будетъ счастливѣйшимъ случаемъ моей жизни, если вы не захотите лишить меня всего; оно останется мнѣ утѣшеніемъ. Скажите хотя, что вы любили меня прежде?

Она нѣсколько мгновений молчала, потомъ отвѣчала едва слышнымъ голосомъ, съ волненіемъ, которое она напрасно хотѣла скрыть: — Да, я васъ любила!

Я судорожно пожалъ ей руку. У меня не было силъ выразить ей мою благодарность словами. Она и прежде говорила мнѣ это, но теперь такое признаніе имѣло для меня другое значеніе. Она медленно пошла далѣе; но въ ея походкѣ я видѣлъ слабость, опьяненіе. Последнее ея слово будто оглушило ее; мнѣ казалось, она едва держалась на ногахъ; я испугался, чтобы ей не сдѣлалось дурно. Но можетъ быть все это былъ обманъ моего воображенія; влюбленнымъ все представляется въ выгодномъ для нихъ видѣ. Наконецъ она исчезла въ толпѣ. Я быстро пошелъ въ другую сторону, и болѣе съ нею не встрѣчался.

Какое странное положеніе! Разнообразныя чувства тѣснились въ моей груди, и если бы я былъ одинъ, въ своей комнатѣ, у меня полились бы слезы. Теперь все становилось мнѣ понятно! — Одна мысль стучала въ моей головѣ, заглушала всѣ другія, производила головокруженіе, — мысль: она еще любитъ меня! Въ ея сердцѣ осталась еще ко мнѣ привязанность, и только стеченіе разныхъ обстоятельствъ, тысяча прежде необъяснимыхъ для меня положеній, могли затоптать ея любовь въ глубину ея души, скрыть ее отъ ея собственныхъ глазъ въ темномъ лабиринтѣ противоположныхъ ощущеній. Въ волненіи я обошелъ всѣ залы, и наконецъ, утомленный, сѣлъ гдѣ-то въ уголъ. Мои глаза были устремлены на проходившую мимо толпу; но я ничего не видѣлъ, будто передо мною была широкая пустота, въ которой неслись, кружились мои мысли, какъ блѣдныя,

неопредѣленныхъ, измѣнчивыхъ очерковъ, облака, уносимыя быстрымъ вѣтромъ.

Что дѣлать? Какъ уловить истину въ этой путаницѣ невѣрныхъ надеждъ и предположеній? Что могу я назвать точнымъ, безошибочнымъ? Она меня любила; мнѣ кажется, она и теперь еще любитъ меня; но на какомъ основаніи я могу быть увѣренъ, что не ошибаюсь? Не ослѣпляетъ ли меня любовь? Не нахожусь ли я въ обыкновенномъ состояніи полувлюбленныхъ, которое иногда заставляетъ ихъ дѣлать непростительныя ошибки, дѣлаетъ смѣшными въ глазахъ другихъ? Положимъ, она меня любила; но ея самолюбіе оскорблено сомнѣніемъ въ моей любви; я былъ съ нею невнимателенъ. Сердце женщины чувствительнѣе нашего и доступно впечатлѣніямъ, сомнѣніямъ и страданіямъ отъ самыхъ невидимыхъ оскорбленій, и пережѣнамъ, которыя намъ мужчинамъ непонятны и которыя производятъ необъяснимыя послѣдствія. Мы называемъ это болѣзненною раздражительностію; но не есть ли это болѣе высокая чувствительность, болѣе совершенная природа? Это струна, это колокольчикъ, тонко, изящно вылитый изъ драгоцѣннаго металла, звучащій отъ легкаго прикосновенія звуками неуловимыми для огрубѣвшаго слуха: голосъ ихъ, кажется, замеръ, но приложенное ухо, напряженное вниманіе слышитъ дрожаніе, которое медленно, очень медленно замолкаетъ, такъ что вѣрится, что оно никогда не замолкнетъ и еще живетъ, хотя уже не слышно.

Женское сердце способно на великіе подвиги, на странныя жертвы. Въ любви есть каннибализмъ; она, какъ горестъ, любить питаться сама собою, и, какъ Сатурнъ своихъ дѣтей, пожираетъ свои страданія. Женщина часто жертвуетъ собою изъ одного мщенія. Маленькое оскорбленіе кажется ей великимъ, потому что она мѣритъ его своею страстью. Она собственными мученіями караетъ преступника; она неумолима, не уступить, не откажется отъ своихъ мученій. Какъ часто разстраиваются хорошія отношенія искренновлюбленныхъ изъ одного повидимому упрямства, подъ которымъ кроется оскорбленная чувствительность!

Истинная любовь просвѣтляетъ умъ, очищаетъ сердце, внушаетъ благородство, требуетъ отъ самой себя достоинствъ; уваженіе ей сладко, потому что оно мѣра сочувствія, доказательство прочности. Марья Ивановна можетъ сомнѣваться въ моемъ уваженіи. Совѣсть беспокоитъ ее, и ея сердце требуетъ высокаго утѣшенія. Ея жертва своею любовію, — я вѣрю искренности жертвы, твердости намѣренія. Она вышла изъ этаго горна чистая, восхитительная, лучше чѣмъ прежде, какъ Венера изъ волнъ моря въ минуту рожденія; она, какъ утреннее солнце, озарила мою душу свѣжими лучами, омытыми росой. Я убѣжденъ въ ея благородствѣ. Все, что она сдѣлала, только вскружило мнѣ еще болѣе голову. Я зналъ всѣ прелести этой чудесной женщины, и мнѣ недоставало только узнать ея нравственныя достоинства, чтобы почувствовать къ ней самую горячую страсть.

Но слѣдствія должны же имѣть какую-нибудь связь съ причинами, намѣреніями; слѣдовательно, она этого желала. Если она требуетъ отъ меня уваженія, значить она дорожить мною. Она, можетъ быть, только теперь, въ минуту послѣдней разлуки, почувствовала ко мнѣ всю мѣру своей привязанности. Если на ея рѣшимость имѣла вліяніе досада на мою невнимательность, то она довольно уже наказала меня; если любить, то простить. Она убѣдится въ моей любви и уваженіи; я чувствую неодолимую силу доказать ей это.

Наше знакомство имѣло въ ея глазахъ низость пошлой связи, оскорбляло самолюбіе, нѣжныя чувства благородной женщины; она боялась меня, не знала, какъ я буду на нее смотрѣть, когда я встрѣтилъ ее не служанкой, а свѣтской порядочной женщиной, ожидала съ моей стороны дерзкихъ, наглыхъ поступковъ, — и все это должно было имѣть вліяніе на ея чувства, испугать, уменьшить ея любовь. Теперь этихъ причинъ не существуетъ; она увѣрена, что между нами все кончено. Но это не мѣшаетъ остаться тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя увлекли ее ко мнѣ прежде. Мы нравились другъ другу, отчего же не можемъ нравиться теперь? Отчего сердце еще шепчетъ мнѣ отрадыя надежды? Нѣтъ,

мы можемъ любить другъ друга! Все влечетъ меня къ ней; я не могу отъ нея отказаться.

Но какъ уловить это нѣжное чувство, какъ приблизиться къ этому робкому сердцу, къ этой теплощейся любви, которая можетъ потухнуть, какъ слабое, трепещущее пламя отъ неосторожнаго дуновенія, какъ нѣжное растение можетъ увянуть отъ грубаго прикосновенія?

И въ моемъ умѣ создавались тысячи случаевъ, тысячи предположеній, которыя какъ шумныя волны бѣжали въ далекую неизвѣстность; передъ моимъ воображеніемъ открывалась неопредѣленная пустота, въ которой, какъ въ ослѣпленныхъ свѣтомъ и потомъ закрытыхъ глазахъ, переливались, кишѣли блестящія нити событій нераспутываемыми сѣтями. Да, сѣтями, въ которыя должна наконецъ пасть моя чудесная, восхитительная жертва!

Не вижу причинъ не надѣяться! Да простятся мнѣ мои заблужденія! Я не изобрѣтаю козней, а увлекаюсь любовью и обманчивыми надеждами. Можно ли не быть снисходительнымъ къ пріятнымъ ошибкамъ своей молодости? Старая мудрость не всегда сурово смотритъ на юныя прегрѣшенія.

Романъ мой не кончился; онъ только входитъ въ новую сферу ощущеній и отношеній. Я обманулъ Марью Ивановну, сказавши ей, что между нами все кончено. Если бы она сама этого не желала!

Я долго оставался погруженнымъ въ свои глубокія размышленія, пока не былъ выведенъ изъ нихъ голосомъ одной замаскированной женщины, которая остановилась передо мною и сказала:

— Ты что-то очень задумался? О чемъ?

Я посмотрѣлъ на нее; это была та, которая уже говорила со мною прежде, вначалѣ маскарада.

— Ты, должно быть, влюбленъ. Я не ошиблась.

— Я думалъ о тебѣ, отвѣчалъ я.

— Вѣрно неудача?

— А ты развѣ не жестокосердая?

— Я за тобой подсматривала, и кое-что знаю.

— Послѣ того какъ я съ тобою говорилъ, я оставался все на этомъ мѣстѣ.

— Едва ли. Не будешь ли ужинать. Ужъ пора. Пойдемъ вмѣстѣ.

— Да хороша ли ты, маска?

— Не дурна.

— Пойдемъ. Найди еще кого-нибудь; только полюбезнѣе, повеселѣе, чтобы была хохотунья.

— Подожди тутъ. Я сейчасъ ворочусь.

Она ушла. Веселый ужинъ казался мнѣ насмѣшкой надъ моею любовью. Я уѣхалъ домой, не дождавшись возвращенія масокъ.—Извинюсь когда-нибудь послѣ, подумалъ я.

Но когда я былъ одинъ въ своей комнатѣ, передо мною возникла моя любовь, какъ неподвижный призракъ, безъ упрековъ и надеждъ, безъ прошедшаго и будущаго, само-бытная и безкорыстная! Мнѣ стало страшно. Къ чему все это поведетъ? Теперь я влюбленъ! Шутки кончены! Страсть основана на привычкѣ; основаніе опасно крѣпко, и зданіе создано на немъ неожиданно обширныхъ размѣровъ.

РЫБАРЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Слобода К*** стѣитъ хорошаго города. Верстахъ въ 2-хъ отъ нея, по берегу судоходной рѣки В—ки, находятся ломки опочнаго камня, выработываемаго на довольно значительную сумму и составляющаго почти главное занятіе сосѣдней деревни. Мѣстоположеніе ломокъ живописно. Множество дефилеесвъ и пещеръ, оторванныя массы камня, часовня на вершинѣ одного изъ обрывовъ—все переноситъ васъ къ чему-то далекому... А тутъ —широкая рѣка, окаймленная по берегамъ лѣсомъ, рыбацкія шалаши и вьющійся дымъ отъ котловъ, въ которыхъ варятъ рыбу; да если прибавить сюда заходящее во всей красотѣ солнце, далекую пѣсню, или звонъ колокольчиковъ идущаго на водопой стада,—картина, право, выйдетъ прекрасна. Я люблю это мѣсто и часто его посѣщаю; ужу, или купаюсь. Жители шалашей мнѣ всѣ почти знакомы... Чтò за вкусъ имѣетъ уха, сваренная въ котелкѣ, подѣ чистымъ небомъ, изъ рыбы живой, трепещущейся! Чтò за аппетитъ послѣ часовой ходьбы и купанья! Вотъ сюда бъ послать страдающихъ «несвареніемъ желудка,»—они вылечились бы съ перваго раза.

День былъ жарокъ. Пришедши передѣ полуднемъ, я, по обыкновенію, сталъ купаться, хотя купанье не очень по нраву рыбакамъ, ибо пугаетъ рыбу,—да нечего дѣлать: жаръ не тѣтка! Къ тому же, въ эту пору дня не главный клѣвъ, чтò бываетъ

рано поутру и вечеромъ. — Сначала мнѣ не было товарищей, но скоро присоединились двое — молодые парни изъ сосѣдняго шалаша. Одинъ былъ плотенъ и прекрасно сложенъ, другой — довольно щедушенъ. Послѣдній купался не долго, и, вышедъ изъ воды, присѣлъ на *лавахъ* (мостки, идущіе отъ берега въ глубь рѣки, съ которыхъ кидаютъ уды) въ ожиданіи товарища. Я тоже сталъ одѣваться. Бывшій въ водѣ обратился къ выкупавшемуся съ вопросомъ: «хочешь считать поросѣнковъ?» — Пожалуй, — отвѣчалъ тотъ. Я не понялъ этого вопроса, и смотрѣлъ, чтѣ изъ этого выйдетъ. Тотчасъ же плотный парень началъ окунываться разъ за разомъ, безъ отдыха... Я давно уже одѣлся, а онъ и не думалъ переставать. Гошій парень между тѣмъ считалъ. Насчитавъ сто «поросенковъ», онъ обратился къ товарищу: «Да полно, лѣшой!... оставь,—я считать усталъ; полно — пора — пойдемъ». Тотъ не переставалъ. — «Экой дуракъ! полно же, говорятъ тебѣ... у те голова закружается, чортъ ты эвдакой! Я те брошу — уйду...» Парень пересталъ окунываться — началъ нырять. Тутъ я не утерпѣлъ и обратился къ увѣщателю: ну, молодецъ онъ! сколько разъ ты насчиталъ? — «Да прахъ его знаетъ — такой лѣшой!... счетъ потерялъ, — два ста съ половиной начѣлъ, да и бросилъ... больше чай гораздо...» А парень все продолжалъ; наконецъ нырнулъ въ послѣдній разъ и подплылъ къ товарищу. Я взглянулъ на него съ любопытствомъ: неужели онъ еще живъ? сще дышетъ? — Какъ ни въ чемъ не бывалъ, только мышцы понапряглись, да грудь немножко трепетала... О, русская удалъ! русская мощъ! — промолвилъ я съ благоговѣніемъ. 250 разъ, навѣрное — 300-ста, нырнуть безъ отдыха — это значить ни болѣе, ни менѣе, какъ пробыть подъ водою, по крайней мѣрѣ, *полчася*! И это ни-по чѣмъ, такъ, шутя... Не утерпѣлъ я, чтобы не похвалить молодца. — «Э, да что это, баринъ!... вотъ, бывало, ребятами, мы перегоняемъ другъ-другу — такъ по 700 поросенковъ къ разу дѣлаемъ...» — И у тебя теперь нисколько не кружится голова, ты не усталъ? — «Ой, што ты! да пѣ што ей кружиться — ничаво!...» — Вотъ что значитъ *считать поросѣнковъ*.

Теперь, куда мнѣ пдти? — Пойду въ первый шалашъ, чтобы

заказать уху.—Невдалекѣ отъ меня находился такой шалашъ; передъ нимъ на берегу, у дымящагося котелка, сидѣлъ, пригорюнясь, старикъ, изрѣдка только помѣшивая въ своемъ телькѣ ложку... Лицо его довольно замѣчательно. Сѣдые волосы, морщины, какъ-то не совсѣмъ пристали къ нему, — мнѣ показалось, что онъ и не такъ старъ, какъ при первомъ взглядѣ; будто не годы, а горе состарили его. Впрочемъ, вся физіономія этого старика выражала добродушіе и покорность судьбѣ. Глаза его еще хорошо видѣли—для того, чтобы слѣдить за едва примѣтнымъ дрожаніемъ поплавокъ, окладистая борода, правда, сѣдая, — еще не приняла оттѣнка желтизны—признака глубокой старости. Я подошелъ къ нему. Онъ бросилъ на меня взглядъ какъ будто не совсѣмъ довольный. Отъ чего это произошло: отъ того ли, что я нарушилъ его думу, или, можетъ, неожиданнымъ появленіемъ испугалъ его?—Нѣтъ, мнѣ сдавалось, что тутъ таилась другая какая-нибудь причина... Но однако, мы скоро сошлись. Я заказалъ уху; старикъ немного разшевелился, хлопоталъ около котелка,—по замѣтно было, что все онъ дѣлалъ какъ будто нехотя, точно какая-то задняя мысль томила его; по временамъ онъ даже вздыхалъ... Не знаю, отъ чего мнѣ грустно было глядѣть на него. Неужели, на старости лѣтъ, — подумалъ я,—судьба надѣлила его горемъ?... Я не прерывалъ его и только наблюдалъ. Есть люди, которые любятъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, навязываться съ своимъ участіемъ,—я не слѣдую ихъ примѣру.—Когда уха поспѣла и надо было ѣсть, старикъ самъ прервалъ молчаніе.— «Попробуйте-ка, батюшка... врядъ ли я сварилъ такъ, какъ... эхъ, да что и говорить!» — сказалъ онъ, махнувъ рукой и вздохнувши. Я присосѣдился къ ухѣ и готовъ былъ уже хлебнуть; въ это мгновеніе неожиданно вскочила ко мнѣ на колѣни кошка... Не очень я люблю этихъ животныхъ, и потому такая фамиллярность была мнѣ вовсе не по нраву.— «Брысь! Машка! брысь!...» закричалъ старикъ.— «Извините, батюшка: это такъ приучила ее она-ту...» Я взглянулъ на рыбака, — слеза повисла на его рѣсницѣ. Кто же это — она? Надо узнать. Такъ она-то причина всей горести старика! Онъ какъ-бы понялъ мое недоумѣніе, и сказалъ:— «Ишь

ты, баринъ, была у меня хозяйка молодая, пригожая, — не жена: та давно помре, — дочка... да и ее Господь у меня отнялъ, за грѣхи мои, вѣдомо... Не померла, правда, она, да все едино почитай, еще горше — въ разумъ помутилася. Наградилъ меня Господь Богъ на старости лютою горечью! Что дѣлать. Она-то, видишь, была у меня хозяйшкa домовитая... Опоздалъ ты, баринъ: угостила бы тебя моя Наташенька ухой янтарною, какой ты вѣкъ не ѣдалъ! Не даромъ, знать, говорили баре, что сюда прїѣзживали: «не ѣдали мы ухи лучше Фокиновой!...» Да не самъ Фока (имя рыбака) ту уху справлялъ — гдѣ-пѣть! а дочка Наташенька... Охъ-охъ! покинулъ ты меня, голубь сизокрылой, пташечка пѣвучая!... Жаловали въ та-поры меня господа и люди хорошіе, и прибытокъ во всемъ видѣлъ и благодарилъ Создателя встаючи и лежаючи; съ нею все прахомъ пошло, и нѣтуть мнѣ ни въ чемъ утѣхи, и на ловлю иду нехотя, и клѣву нѣту такого, какъ прежде бывало. Хожу, словно стѣнь какая, земля подъ ногами прядаетъ, и маюся дѣнно и ношно: ужъ скорѣе бы Господь прибралъ меня!... А все злые люди мнѣ порадили, позавидовали знать моему талану: оно извѣстно, мірское счастье бревномъ въ глазахъ стоитъ!... Да лиха-то, кажись, я никому не доспѣлъ; — такъ нѣтъ! отняли все разомъ и сердчишко мое изгрызли — хоть брось!... Натакался на меня... отплатить ему Господь на томъ свѣтѣ про мою погибель!... Тутъ старикъ замолчалъ. Теперь мнѣ сталъ понятенъ и непривѣтливый взглядъ, какимъ онъ встрѣтилъ меня сначала... Кстати, я просилъ его рассказать все, какъ было. Онъ не отрикивался: видно, что ему хотѣлось хоть передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе и тѣмъ облегчить грудь. Послѣ обѣда, когда все было убрано, я приготовился его слушать. Разсказъ его заинтересовалъ меня; — передаю его читателю, какъ слышалъ самъ, ничего не измѣняя.

Старикъ пригорюнился и началъ свой разсказъ:

«Охъ-хо-хо!... Господи помилуй! — Вотъ оно какъ было, батюшка. Ты ужъ не осуди на рѣчь мою простую. До запрошлаго лѣта проживали мы съ Наташенькой хорошохоныко, и го-

рыбка не вѣдали, благодарили Создателя за снѣдь, за рыбку. Нетокма что были сыты, да еще копейка водилася. Все у насъ спорилось, — тучи да печали и въ помыслѣ не бывало. И рыбка, бывало, клюетъ изряднехонько, и Наташа у меня хозяйка добрая... Ты, може, не повѣришь, баринъ, а ужъ, право, былъ я счастливъ, что и сказать не можно, благодарилъ только Создателя; и устали не зналъ доселева, и жили мы будто у Христа за пазушкой; дочку снаряжалъ, и у самаго съ плечъ гунишка не валилася — теперь што... эхъ! точно лишникъ два десятка на горбъ навалило, къ сырой землѣ пригнуло, словно осину карявую. А была же у меня Наташенька, будто краля писаная, *личмянал* — извѣстно, по матери пошла... эхъ! да она-то и сгубила ее, голубку, *личмяность* поскудная! Такъ ужъ, вѣдомо, на роду имъ съ матерью было написано: отъ нея же себѣ погибель нашла. А все самъ виноватъ, песъ я старой, неумытой! Гдѣ бы оборонить цесарочку мою пуще камню самоцвѣтнаго, угораздилъ меня лукавый съ собой по базарамъ водить, словно на показъ лицомъ товаръ продавать... Охо-хо!... Господи помилуй! отнять знать на ту пору разумишко мой маленькой Господь-Создатель. Да и то, бывало, подумаю: ну какъ ее-то оставлю одну-одишешеньку въ шалашѣ; и просится больно: то ленту, то платочикъ тамъ какой ни-на-есть купить надать, ну и возьму: какъ отказать ей, моему дитятку ненаглядному?... Ишь, любилъ я ее больно — ужъ во-какъ любилъ, что и сказать не можно! Ну и возьму, ну и пойдемъ: и платочикъ, ленточку испкупимъ. А ужъ сколько утѣхи, бывало, домой пришедши, — гляжу не нагляжуся: извѣстно — одна, какъ перстъ едина! Ну и дни скрѣсные, господніе: надать ко храму сходить — тоже хрестьянами родилися, Бога съ малолѣтства помнили... Ужъ, кажись, и молилъ я Его Создателя, благодарилъ за милость великую — за то, что мнѣ дѣтище единое послалъ на утѣшеніе. И за што Онъ на меня прогнѣвался?... Грѣхъ, больно оно грѣшно, вѣдаю, да какъ не молвишь.

«Вотъ и идемъ разъ съ Наташей по базарамъ.... рыбку я продалъ до чиста — кузовокъ за плечими пустой болтался.

А она-то, моя кралечка, такая весёленькая—на щекахъ маки цвѣтутъ и бровь соболиная, — идетъ, словно лебедка выступаетъ, на стороны поглядываетъ.... И любо мнѣ, старику, съ нею идти: взглянетъ—рублемъ подарить, слово молвить, что твоя *ермолья* двуцѣлковая!... Эхъ! да что и толковать: такой дѣвоньки на свѣту поискать. Ты ужъ мнѣ баринъ повѣрь: облыжникомъ отродясь не бывалъ.—Ну и идемъ мы, какъ молвлено. На встрѣчу намъ—Богъ его вѣдаетъ какой!... Чтобъ ему на томъ свѣту капли росы не видать!—Такой пучеглазой, да неотвязчивой: увязался за нами съ Наташенькой, словно-те песъ повадливой.... Мы отъ него сторонимъ, а онъ за нами, будто листъ банный, прости Господи!... Наташенька была у меня совсѣмъ не пугливая, не сторожка, да и она испугалася: «Што, баить, тятя, по-што онъ по нашему слѣду править?»—Молчи, говорю, нишні—авось отстанетъ. А онъ—куды-те!... только шибче за нами послѣдомъ бѣжить, въ очи безъ всякаго сорому заглядываетъ. Што за нечистая сила!—молвилъ я. Того и гляди, еще на мою дѣвоньку *дзевъ* напуститъ: долго ли до грѣха, спаси Господи!... Наташенька моя только очи прачетъ, да за меня хоронится.—И вскипѣла у меня кровь, батюшка-баринъ,—ключемъ вскипѣла! Извѣстно, за свое дѣтище стою: медвѣдь, хоша и звѣрь, а своихъ щенятъ въ обиду не даетъ. Остановился я и волкомъ на него глянулъ: Што, молю, вашей милости угодно?... мы, молю, тебя не замаёмъ, своимъ путемъ-дорогой идемъ. Стыдно, молю, худое дѣло затѣялъ: извѣстно, кто по патамъ ходитъ. Молодца моего бросило въ краску, а слово молвить — будто каши поснѣдалъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—Кажись, молю, ничаво твоего, батюшка, не заворовали.... по-што за нами слѣдомъ норовишь? Волю въ кузовокъ заглянуть—ничаво чужаго нѣтуту. — «Я не за тѣмъ» — молвилъ онъ; — вѣрю твоей честности.... ты вотъ мнѣ скажи: рыбакъ ты?... — Точно такъ, молю: что волишь? Што твоей милости угодно?— «Гдѣ тебя тамъ найдти: я приду къ тебѣ уху ѣсть.» — Милости, молю, просимъ: ради вашу милость угостить.... а теперича—прощай! нѣколи намъ: пора до дому. Только спрощай на *удѣбкахъ*: тебѣ всякъ покажетъ рыбака Фоку.—«Ладно—

приду....» — молвилъ. А я ему: такъ для того за нами бѣжать изволилъ? Напрапно, молъ, надсажался, родной! — «Только за этимъ....» сказалъ онъ. Взглянулъ еще прятко въ самыя очи моей Наташѣ, что ни жива, ни мертва, — да и былъ таковъ!... Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывши, сычъ пучеглазистой!

«Ну и побрели мы одни, на дорогѣ еще побаяли про такую оказію—да и скоро забыли.... Я-то, вишь, забылъ, а Наташенька—не вѣдаю: ея дѣло дѣвичье, неразумное, — поди еще по ночамъ ей мерещился!... А онъ-то хоть пучеглазый, а съ обличья—словно те дѣвка красная, сталивой такой, здоровенный, хоша бы въ некруты!... Поди-вѣдь у нея-то сердчишко ёкнуло, дома не сказалося, какъ на ёго глянула!... Оно и вышло такъ—что станешь дѣлать?—загорѣлася знать моя дѣвка съ наи-перваго разу.... Да я-то, песъ старой, повадливой, въ та-поры умишкомъ не смѣкнулъ,—смѣкнулъ, правда, опосля — да малину прозѣвалъ! локтю укусить было нѣтъ.... Эхъ-ма! тошно, батюшка-баринъ: ишь, отъ чаво-то умишко послѣ дѣла поспѣваетъ. Кабы теперь, — што! и баять нечего: не видать бы ёму, коршуну лютому, моей голубки сизокрыленькой.... Легше, кажись, закопалъ бы ее въ сыру-землю, чѣмъ теперича: што она?—не человѣкъ промежъ людьми болтается, словно плотица безъ воды маётся....

«Прошло эдакъ съ добрыхъ недѣлю. Сидимъ мы съ Наташей по-вечеру у котелка: поспѣвать собралися, прежде чѣмъ ей-ту на сонъ йдти, а мнѣ—къ удамъ: хороши по-вечеру клѣвы живутъ. Солнышко садилось; вечеръ былъ важный такой, и рыбѣ надо бы ходко идти. Ну и сидимъ мы-то: ложкѣ, чай, по первой не успѣли во рту помарать, — глядь.... отколѣ ни возмись, позапрошлой. Меня инда морозомъ по спинѣ дернуло (знать чуяло сердчишко); а Наташа—гдѣ-петь!... какъ держала у рта ложку, такъ и не смигнѣтъ, словно-те бахмуръ какой нашолъ.—«Хлѣбъ-соль—молвилъ,—добрые люди!» — Хлѣба-соли кушать, молъ, батюшка,—будто путному, молвилъ

и я въ та-поры.... Да кто его зналъ; въ душу людскую не влѣзешь вѣдь!—«Пустите, байтъ, меня съ вами ухи похлѣбать: голодъ уморилъ, а я за все-про все заплачу.» — Ужь и стать ли, говорю вамъ, съ нами изъ одного корыта снѣдать.... Бude вашей милости въ угоду — мы тебѣ другую ушицу доспѣемъ, ужъ такую, что въ ротъ, то спасибо! — Рыбки не занимать-стать—и седни Богъ не обидѣлъ. Волишь: утренничка сварганю—стерлядокъ тамъ, али малимовъ (налимовъ), аль иной-протчей: всякой вволюшку.—«Ладно, говоритъ, старикъ, сваргань, а тебѣ обиды не будетъ.» — Какая, молъ, обида! обидишь меня—тебя Господь обидитъ.... — «Но пережъ дай, байтъ, вашей проотвѣдать: умаялся добре!...» Силкомъ, почитай, отнялъ ложку у Наташи моей,—ну, и швыркнулъ разъ-другой.... Что ему загорѣлося больно—Богъ его вѣдаетъ! аль и вправду петить пронялъ.

«И сварганила ему Наташенька ушицу,—ѣсть не нахвалится! да ѣмши, то и дѣло на мою Наташу поглядываетъ, а мнѣ и не въ-домѣкъ.... тутъ-то бы ему и захлебнуться, злодѣю треклятому! Не нужны мнѣ и его денежки: сѣкомъ вышли, кровавыми слезами выкапали!... А Наташа сама не своя,—погляжу: рада-радѣшенька, хоть и не вѣдаетъ, куды схорониться отъ очей змѣиныхъ ворога лютаго. И онъ-то: байтъ, байтъ—заслушаешься: —отъ божества тамъ, и разное, и хисторіи, и хитрости невѣдомыя! инаго отродясь не слыхивалъ,—а все будто хорошо оно и ладно.... извѣстно, вамъ, осподамъ, Господь науку препоручилъ!—Сидѣлъ эдакъ дѣпозда,—за уху рубль-цѣлковый отвалилъ!... этого, молъ, много, батюшка, — лишнее грѣхъ брать: коли семигривенной пожелаешь, и на томъ спасибо!—«Возьми, говоритъ, не спорь: послѣ заѣмъ—часто буду приходить: только рыбы припасай....» И впрямь оно вышло: зачастилъ—кажинный день почитай нашинской ухи хлябаетъ. Вотъ она дурость-то наша мужицкая!... и выпало: козла на огородъ пуцалъ!

«Тянулося такимъ побытомъ времячко : похаживалъ онъ частехонько: наша хлѣбъ-соль ему полюбилася!... Извѣстно, не

городъ какой наше житье-бытье: нѣкому пальцомъ указать, да на слѣдъ навести неразумную' головѣнку. А мнѣ—поди ты!... и любо въ та-поры, что лишняя копейка въ мошну переваливается,—кладу, да приговариваю: тебѣ же, моля, ясочка моя, Наташенька, на шильцо, на мыльцо.... вотъ-те и шильцо и мыльцо: копилъ, копилъ, да чорта и купилъ!—И по-дѣломъ мнѣ, старому мерину: не смогъ пашни пахать—назѣмъ при!... Придетъ, бывало, шильникъ окаанный, словно путный — напрется ухи, да еще изъ карману хабаришки выложить.—«На, говорить, Наташа: на свадьбу пригодится!... у меня добра много, да дарить нѣкому.» Платковъ тамъ, обутокъ и разнаго надарилъ съ три короба. А я-то, чухна моргослѣпая, нѣтъ, чтобы отговорить—радъ радѣшенекъ, что у моей Наташи коробейку распираетъ отъ животовъ разныхъ. Думаю только: знать, у него шальная денежка—такъ же вѣтромъ развѣетъ: пусть лучше моей Наташенькѣ достаются.... ужь, извѣстно, дурость наша мужицкая! и въ башку въ та-поры не влѣзло: за какую бяду онъ хабары носить? и што ему уха полюбилась?... Охо-хо!

«Сначала, оно еще и ничаво бы — посидитъ, побайтъ, да и утечетъ; а опосля привязался: доспѣй ему тутось шалашикъ—вишь ты, воздуха здѣсь хороши, спится ловко.... Какое тутъ ловко! Извѣстно, затѣи: то ли спанье въ хоромахъ, да на важной перинѣ! а здѣсь—мошкара да комаръ одолить. Всѣ притчины представлялъ:—нѣтъ, хочу, да и полно! такъ ужь ему загорѣлося—вынь, да положи!... Ну, и доспѣлъ я ему шалашикъ, по близости—опаски ради: спи, почивай, Богъ съ тобой, коли пришлось по нраву.... Эхъ-ма! не шалашикъ, вышло, построилъ я ему, а себѣ домовище; — ужь такъ!—Ну, извѣстно, нарабotaчусь, да намаючись, шибко спится: по лбу обухомъхвати—не учуешь! И проспалъ я, лиходѣй старый.... эхъ! да што и байтъ—грѣхъ-соромъ на свое рожденье класть! а надо молвить правду-матку. Вишь ты. ... слюбились они.... да, поди-ты! слюбились!... Господи помилуй!... А, вѣдаю, дашь ты, ворогъ, отвѣтъ за мое дѣтище рѣдное—не токма за еѣ, да и за мою-ту погвбель!

«Поздненько я спохватился — и пособить было нетѣмъ.... И стать ли соломѣ подлѣ огню лежать: молодое дѣло — извѣстно.... А самъ-то я, злодѣй, словно и молодъ не бывалъ—ничаво такого инаго-прочаго не смѣкалъ, — поди вотъ! Знать, просто бахмуръ нашолъ—не инако. Все лѣто почитай ходилъ онъ, и съ мѣсяцъ доброй спалъ—проклажался въ шалашикѣ.... Видно, дѣловъ-ту у него что песку морскаго было: торчитъ, бывало, что сосулька вешняя! да нѣтъ-нѣтъ—въ слободу сбродить. Стало ужъ и холодать—за Илью перешло. Знать и его въ шалашикѣ проимать учало.... Намъ што—привышные люди! еще ради, что муха на убыль пошла. Ну, а ему не ловчить, —глядимъ: не каждую ночь въ шалашѣ провождаетъ, —денька тамъ два-три перепадетъ, а тамъ — и цѣлую недѣлю не дождешься. Что за притча?—гадаю себѣ. Да пусть его—хоша бы ввѣкъ не бывалъ! Не объ немъ зазноба.... Дѣвка у меня, погляжу, та да не та: словно те насѣдка крылья опустила;—не ладно! Нѣтъ-нѣтъ, да и молвить: «Тошно мнѣ, тятя!»—а сама въ слезы горючи.—Што, молъ, съ тобой, голубка моя? али за сердце хватаетъ?—Ты бы водицы съ уголька хлебнула.... Молчить да хнычетъ;—ахти, Создатель! не вѣдаю, въ кою сторону метнуться—отколева погода дуетъ. А придетъ онъ-то, ну и повеселѣе будто моя Наташа станеть.... меня же, словно те нечистый обошолъ:—ничаво въ та-поры не смѣкалъ, убей Богъ мою душу!—не солгу.—Долго какъ-то онъ запалъ одну-пору.... моя дѣвонька взбелѣнилася: и рветъ, и мечетъ, и слезы проливаетъ!—Што, молъ, ты? — «Да онъ-то нейдетъ, тятя!...» Ну, тутъ ужъ я и сдогадался, на чемъ свѣтъ стоитъ.... да такъ и ошалѣлъ! гляжу будто и ничаво не вижу—свѣтъ въ въ глазахъ помутился. Очнувшись, да на нее и напустился: ты, молъ, эдакъ-то, ты, молъ, во-какъ! дѣвка ты поскудная, потаскушка поганая! не пожалѣла ты моей старости да нѣмочи: на то ли я тебя рѣдилъ?... А она, бѣдняжка, только горючими обливается, что ручей текѣтъ. — «Убей, баить, тятя,—убей: виновата я!...» Побилъ я ее тутъ—шибко побилъ! да не пособишь—съ той же тугой остался. Только поплакѣлъ горючими, да помолился Господу, чтобы на сердце жалость наложилъ: и

подлинно—напала на меня жалость такая, что и сказать нельзя.... Ну дѣтище вѣдь рѣдное! а то, право-слово, убилъ бы, знать, батюшка Микола спасъ. Штò ты станешь робить? горюй, не горюй—бѣда на дворѣ—слезьми не пособишь. И съ тугой великою на сердцишкѣ, нога-за ногу, а поплелся, роднаго дѣтища жалѣючи, на слободу: его-то пагубника поискать, къ дѣвонькѣ моей привести.... руки, бить, на себя наложу, душу погублю, коли его не увижу!.... Охо-хо-хо! было времячко! о сю пору пнемъ по хребту подираетъ.

«Пришолъ, словно стѣнь какая, на слободу, — людей сторонюся: будто на лбу писано про мою печаль да грѣхъ соромный.... Я къ фатерѣ его,—заперто: стучуся—людей напужалъ! Нѣтъ, бають, такого,—былъ, да уѣхалъ на дняхъ. Ну ужъ штò тутъ со мной было—не помню: вѣдаешь, какъ быка по загревку обухомъ хватятъ! Ишь ты, молодецъ этотъ озорной на время тутъ пробывалъ: пришла пора, уѣхалъ—слѣдъ простылъ: лови журавля въ небѣ!... А всего пуще—боялся я на глаза моей дѣвонькѣ съ эдакой вѣсточкой показаться: загубить, молъ, себя какъ разъ; тó и прилучилось.... Ахъ-ти-хти! Воротимшись.... тошно бить, баринъ!... Ну, а свѣдала — изъ воды вытащилъ: топиться хотѣла! Много всего калякать—сердце не воротитъ.... И съ той поры-времени, плохое стало житишко мое, а объ ней —и рѣчи нѣтъ! Единимъ озорнымъ человѣкомъ—все прахомъ пошло; ему, поди, и горюшки мало! Эхъ! убивалася, убивалася моя голубонька: объ немъ ни слуху, ни павести—словно въ воду канулъ: туды бы и дорога! А тутотка еще приспѣло время—«понесла....» Вотъ, какого сорому, на старости, нажилъ я на свою головѣнку!—Однихъ слезъ—Богу вѣдомо, сколь пролила жалкая: глазоньки не осушались. Разъ пришолъ я — она сидитъ, словно стуканъ какой—бѣльмами ворочаетъ....—«Тятя! тятя!...» только бормочетъ, будто ребенокъ малой.—«Ваня! Ваня!...»—такъ, знаешь, того звали,—и больше ни единого словечушка. Жутко стало мнѣ,—вижу: въ разумъ помутилася!... Не повѣришь, на первыхъ порахъ чуть самъ съ ума не спрыгнулъ!—Вотъ, годъ почитай, въ эдакой оказіи: и ребенышъ

тутотка родился... Даромъ, что не въ своемъ разумѣ, а его, малыща, не замай! любить, голубить, словно-те разумной чело-вѣкъ. —Отвезъ ее, голубку, въ больницу—гдѣ ихъ тамъ поль-зируютъ: деньжонки, какія были, истрясъ.... не помогаетъ! Глядѣтъ тошно, сердцу больно: хоша бы Господь сжалился! не чело-вѣкъ, вѣдь, хуже звѣря: отца роднаго не признаетъ!... Вотъ, съ той поры-времени, не ладно мнѣ, баринъ—не спорить, на Божій свѣтъ не глядѣлъ бы.... рыбка плохо клюетъ.... Опоздалъ ты, вишь, родной: важной ухой почествовала бы тебя моя Наташенька!...»

1853.

АЛЕКСАНДРЪ МАРТИНОВЪ.

ДРЕВНІЯ АРАБСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

ИЗЪ КНИГИ: HAMASÆ CARMINA. ED. GEORG. GUIL. FREYTAG
DR, BONNÆ. MDCCCXXVIII.

I. ИВНЪ-ГЕРИМЪ ИЗЪ ХИЛАВА.

Пускай отецъ суровый насъ съ нею разлучилъ,
Я вѣренъ ей останусь, какъ прежде вѣренъ былъ.
Пускай враги поносятъ, бранятъ мою Омму, —
Я брошу имъ презрѣнье, но бою не приму.
Ее душою страстной какъ прежде я люблю,
То пѣсни ей живыя, то быстрыхъ коней шлю;
А если кто оттуда пріѣдетъ, иль придетъ:
Скажи мнѣ, говорю я, какъ милая живетъ?
И если мнѣ расскажутъ хоть что-нибудь объ ней, —
Душа моя проснется, мнѣ станетъ веселѣй.
Когда же нѣтъ оттуда мнѣ вѣсти никакой,
Опять я умираю скорбящею душой,
Не вижу утѣшенія и радости нигдѣ,
И слезы будто жемчугъ бѣгутъ по бородѣ.....

II. НЕИЗВѢСТНЫЙ.

За пальмою скрытый, я видѣлъ ее,
И ею насытилось сердце мое!
Прекрасныя зрѣлища я не видалъ:
Въ лицѣ ея мѣсяцъ румяный сіялъ!
Когда на нее устремилъ я глаза —
Изъ нихъ покатилась неволью слеза,
Катилась, доколь не изсякла совсѣмъ.....
Стоялъ я за пальмой, недвижимъ и пѣмъ.....

III. ВЕКЪ-ВЕНЪ-ЭЛЬНАТТАХЪ О ВОЛОСАХЪ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ.

Какъ привстанетъ красавица съ мѣста порой,
Точно темную ткань повлечетъ за собой;
Я гляжу на красавицу: право, точь-въ-точь,
На челъ ея день, за челомъ ея ночь.

IV. АБДАЛЛАХЪ-ВЕНЪ-ЭЛЬДУМИЙНА ИЗЪ ХАТАМА.

*Встрѣча съ красавицей, которую несли на носилкахъ
подъ охраненіемъ ея мужа.*

Мы подѣхали къ носилкамъ; это-то подлѣ сухощавый
Шагомъ ѣхалъ; изподлобья взоръ выглядывалъ лукавый;
Станъ и плечи съвозъ рубашку обрисовывались рѣзко.
Я взглянулъ: знакомы были мнѣ бурнусъ его и феска.
Онъ кивнулъ мнѣ принужденно и какъ смерть суровымъ взглядомъ
Посмотрѣлъ.... потомъ поѣхалъ; долго ѣхали мы рядомъ;
Но дордогъ ни пол-слова не промолвили мы оба.
Было весело мнѣ видѣть, какъ его душила злоба;
И не будь Аллаха воля—слѣдъ во слѣдъ за Бедуиномъ
Цѣлый вѣкъ я все бы ѣхалъ по горамъ и по равнинамъ!
Тутъ она рукою вѣжной осторожно оттолкнула
Покрывало у носилокъ—и очами въ насъ стрѣльнула!
Взглядъ ея разилъ вѣрнѣе острой сабли и кивжала!...
Въ насъ она стрѣльнула взглядомъ—и опять за покрывало....

Н. ВЕРГЪ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

(Изъ Шиллера).

Вотъ опять весною вѣсть!
 Обновился ликъ земной!
 Холмъ подъ солнцемъ зеленѣетъ,
 Лѣды разрушены волной;
 Въ лонѣ водъ съ высотъ эфира
 Улыбается Зевесъ;
 Крылья вѣжнаго Зефира
 Чуть колеблуютъ юный лѣсъ;
 Въ рощахъ хоры пробудились;
 Ореада мнѣ поетъ:
 Всѣ цвѣты къ намъ возвратились;
 Дочь твоя ужъ не придетъ!

Ахъ! я долго дочь искала,
 Обѣжала много странъ;
 Вслѣдъ за нею посылаю
 Всѣ лучи твои, Титанъ!
 День приходитъ, день уходитъ, —
 Нѣтъ ни слѣда милыхъ ногъ!
 Онъ, который все находитъ,
 Лишь ея найти не могъ!
 Ужъ не ты ль, властитель неба,
 Скрылъ ее, плѣняя красой?
 Иль въ подземный мракъ Эреба
 Взялъ Плутонъ ее съ собой?

Кто же къ ней мой стонъ призывный
 Отнесетъ за Ахеронъ?
 Чолнъ отходитъ непрерывно, —
 Но лишь твои носить онъ.
 Міръ подземный, мрака полный,
 Вѣкъ сокрытъ очамъ земныхъ;

Стиксъ, пока струить онъ волны,
 Не носилъ еще живыхъ.
 Много есть туда тропинокъ,
 Но оттуда — ни одной....
 Тамъ и токъ ея слезинокъ
 Скрытъ для матери родной!

Жены — Пирры поколѣнье!
 Вамъ отраденъ смерти часъ:
 Огнь священный погребенья
 Возвращаетъ къ дѣтамъ васъ.
 Лишь для насъ, боговъ блаженныхъ,
 Недоступна та рѣка;
 Не коснется насъ, нетлѣнныхъ,
 Паркъ суровая рука!
 Парки! бросьте отъ святыни
 Горнихъ странъ меня въ Андъ!
 Не шадите правъ богини:
 Мать ихъ бремя тяготить!

Я тогда бы легкой тѣнью
 Полетѣла въ тѣ края,
 Гдѣ одна, безъ утѣшенья,
 Съ мрачнымъ мужемъ дочь моя,
 Истомленная тоскою,
 Тщетно ищетъ свѣта дня,
 Ищетъ мать, — и предъ собою
 Вдругъ увидѣла бъ меня!
 Снова ласки и лобзанья,
 И свиданія восторгъ....
 О, тогда бъ отъ состраданья
 Прослезился самый Оркъ!

Тщетный зовъ! мечта пустая!
 Все летитъ путемъ своимъ
 Колесница дня златая;
 Зевса судъ неотразимъ!
 Онъ, счастливый, отвращаетъ
 Взоръ отъ мрака къ небесамъ.

Что однажды похищаетъ
Ночь, то вѣкъ пребудетъ тамъ.
Развѣ только Стикса воды
Лучъ Авроры озарить,
Иль Ирида Орка своды
Яркой радугой провзвить.

Не остался ль мнѣ примѣтный,
Сладкопамятный залогъ,
Что любви цвѣтокъ завѣтный
И въ разлукѣ не поблекъ?
Нѣтъ ли сладостныхъ сношеній
Между дочерью и мной?
Нѣтъ ли тайныхъ утѣшеній
У отшедшей и живой?
Нѣтъ! не все еще пропало,
Хоть и скрытъ ея мнѣ ликъ:
Небо вѣчное послало
Намъ таинственный языкъ.

Лишь умрутъ питомцы мая,
Лишь Борей, дыханьемъ устъ
И листы и цвѣтъ срывая,
Обнажить печальный кустъ:
Дастъ мнѣ сѣмя жизни новой
Рогъ Вертумна золотой,
Я же сѣмя это снова
Стиксу жертвою святой
Опущу въ земное лоно,
Къ сердцу дочери моей;
Это въ область Ахерона
Мой сердечный голосъ къ ней.

Но лишь только съ пляской Оры
Вновь весну къ намъ возвратятъ:
Солнца пламенные взоры
Снова мертвыхъ оживятъ.
Сѣмя, скрытое могилой,
Недоступно для очей,

Выйдетъ бодро, съ новой силой,
 Въ царство свѣта и лучей.
 Корень ищетъ тмы Эреба,
 Стебель рвется къ небесамъ:
 Имъ отъ Стикса и отъ Феба
 Дань заботы пополамъ.

Вполовину за могилой,
 Вполовину межъ живыхъ:
 Ахъ! то вѣстники отъ милой....
 Мнѣ отраденъ голосъ ихъ!
 Пусть родную Орка своды
 Скрыли въ страшной глубинѣ, —
 Слышу въ первенцахъ природы
 Нѣжный зонъ ея ко мнѣ.
 Онъ мнѣ радостно вѣщаетъ,
 Что и тамъ, въ странѣ тѣней,
 Все любовію пылаетъ
 Сердце дочери моей.

Васъ привѣтствую душою,
 Чада юныя луговъ!
 Да кропитъ на васъ росой
 Нектаръ сладостный боговъ!
 Краски радуги пролью я
 Вамъ на вѣжные листы,
 И съ Авророй ихъ сравню я
 Въ полномъ цвѣтѣ красоты.
 Пусть вѣщаетъ блескъ весенній
 Вѣснмъ восторгъ сердечный мой,
 Пусть печальный мракъ осенній
 Всѣхъ роднитъ съ моею тоской.

О. МИХАЛЕВЪ.

Ш И О Д И Я.

Какіе-то носятся звуки,
И льнутъ къ моему изголовью,
Полны они гордой разлуки,
Дрожать небывалой любовью....

Вѣдь годы жъ прошли? И тогда-то
Душа не извѣдала страсти....
Что жъ сердце болѣзненно сжато
Вліяньемъ невѣдомой власти?

Казалось бы, что жъ? отзвучала
Послѣдняя вѣжная ласка,
По улицъ пыль пробѣжала,
Почтовая скрылась коляска!

И только.... но пѣсня разлуки
Съ несбыточной шутить любовью,
И носятся свѣтлые звуки
И льнутъ къ моему изголовью....

А. ФЕТЬ.

И И С Ъ Ш О.

Ужъ ночь—я къ ней пишу—окно отворено,
Шумъ городской затихъ—надъ лампой мошки вьются,
Встаю, гашу огонь, хожу, гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда
Въ часъ утра,—а моей любви живыя грѣзы,
Задумчивой любви привѣтъ, слова и слѣзы
Еще изъ-подъ пера не улетятъ.... о да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранитъ,—
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки!
А! вотъ и мѣсяцъ—вышелъ и глядитъ;
Скажи мнѣ что-нибудь, о мѣсяцъ блѣднолицой,
Ты чувствуешь или нѣтъ—я говорю съ тобой:
Тамъ, далеко, въ губерніи степной,

Среди безбрежія пустыни полудикой,
 Скажи мнѣ, какъ она свои проводить дни,
 И что друзья мои? пропустятъ ли они
 Не распечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
 Не осмѣютъ ли каждую строку,
 Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
 Души, подавленной насиліемъ разлуки?
 Она сама что скажетъ? изорветъ
 Мое письмо при всѣхъ съ притворною досадою?
 Или, измѣвъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ
 И вспомнить обо мнѣ съ мучительной отрадой?
 О мѣсяцъ! холодно ты смотришь съ высока —
 Бѣдняжка! жаль тебя: несчетные вѣка
 Свидѣтель столько тайнъ и мукъ и сладострастья,
 Ты въ небѣ осужденъ — сіять издалика,
 Всѣ видѣть и ни въ чемъ не принимать участія!

Я. ПОДОНСКІЙ.

И. И. И.

Она не привлечетъ въ магическій свой кругъ
 Коварной прелестью разсчитаннаго взора,
 И можетъ быть въ толпѣ найдешь ее не скоро
 И не замѣтишь вдругъ.

При встрѣчѣ никого она не поразитъ,
 Но если, встрѣтившись, въ нее взглядишься близко,
 И въ эти локоны, подстриженные низко,
 И въ нѣжный цвѣтъ ланитъ,

И въ этотъ мягкій взоръ, понятный не для всѣхъ,
 И въ этотъ станъ ея изысканный и тонкій,
 И вслушаешься въ смѣхъ пронзительный и звонкій,
 Въ наивно-дѣтскій смѣхъ,—

Тогда — тогда найдешь съ мучительной тоской
 Все въ этомъ голодѣ, во взорѣ и движеніяхъ,
 Что грезилось неразъ въ тревожныхъ сновидѣніяхъ
 Душъ твоей больной.

Н. ВЕРГЪ.

I. С И Л Ы Ф И Д А.

(Изъ Беранже.)

Пускай сляпой и равнодушный
 Разсудокъ мой не признаетъ,
 Что въ высяхъ области воздушной
 Кружится сильфовъ хороводъ....
 Его тяжелую эгиду
 Отбросилъ я, — увидя разъ
 Очами смертными сильфиду;
 И вѣрю, сильфы! вѣрю въ васъ!

Да, вы родитесь въ почкѣ розы,
 О дѣти влаги заревой,
 И ваши я метаморфозы
 Видалъ нерѣдко предъ собой.
 Я по земной сильфидѣ милой
 Узналъ, что дѣйствовать на насъ
 Дано вамъ благодатной силой —
 И вѣрю, сильфы! — вѣрю въ васъ!

Ее призналъ я въ вихрѣ бала,
 Когда, воздушнѣ мечты,
 Она безпечная порхала,
 Роняя ленты и цвѣты.
 И вился ль локонь самовластный,
 Въ корсетѣ ль ленточка рвалась —
 Все былъ свѣтлѣй мой сильфъ прекрасный:
 О сильфы, сильфы! вѣрю въ васъ!

Ее тревожить рано стали
 Соблазны сладостнаго сна....
 Ребенокъ-баловень — она,
 Но вы ее избаловали.
 Огонь видѣлся мнѣ не разъ
 Подъ дѣтской шалостью и лѣнью....
 Храните жъ вы ее подъ сѣнью....
 Младотки-сильфы, вѣрю въ васъ!

Бывало, умъ живой струю
 Пролетѣи въ дѣтской болтовнѣ.
 Какъ сны, онъ ясенъ, что весною
 Вы навѣвали часто мнѣ...

Летать съ ней—тщетныя усилыя:
 Она всегда обгонитъ насъ....
 У ней сильфиды легкой крылья!
 Малютки—сильфы, вѣрю въ васъ!
 Ужель предъ изумленнымъ взоромъ,
 Свѣтла, воздушна и легка,
 Какъ чудный гость издалика,
 Она мелькнула метеоромъ,
 Въ отчизну сильфовъ унеслась
 Царить надъ легкою толпою,
 И насъ не посѣтитъ порою?
 О сильфы, сильфы! вѣрю въ васъ!

II. Я ИЛИ ЛЮБЛЮ!

(Съ Польскаго.)

Я ее не люблю, не люблю....
 Я клянусь въ томъ.....
 Но за чѣмъ же съ тревожнымъ волненьемъ
 На нее я смотрю, ея рѣчи ловлю?...

Что мнѣ въ тѣхъ простодушныхъ рѣчахъ,
 Что мнѣ въ прелести гибкой движеній,
 И въ воздушной прозрачности тѣни,
 И въ опущенныхъ вѣчно-стыдливо очахъ?

Отъ чего же—и самъ не пойму.
 Мнѣ при ней какъ-то сладко и больно,
 Отъ чего трепещу я невольно,
 Если руку ея на прощанье пожму?

Я ее не люблю, не люблю....
 Но порою пылая, тоскуя,
 Неотвязныя грезы гоню я,
 И покоя, покоя у неба молю!

Я ее не люблю.... но дрожу
 Я за призракъ воздушной и гибкой,
 И за каждою дѣтской улыбкой
 Съ подозрительно-грустной боязнью слѣжу.

Все боюсь я, она улетитъ
 Въ край воздушный воздушная гостя. —
 Оттого-то и чувствую злость я
 На болѣзненно-тонкій румянецъ ланить.

Оттого-то я жадно ловлю,
 Простодушныя, дѣтскія рѣчи —
 И боюсь и жду съ нею встрѣчи....
 Но ее не люблю я, клянусь, не люблю....

III. ИЗЪ В. ГИГО.

О кто бы ни былъ ты — богачъ или поэтъ,
 Мечтатель-юноша иль мужъ въ борьбѣ созрѣлый,
 Но, если ты порой венастный вечеръ цѣлый
 Вкругъ дома не бродилъ, чтобы хоть легкій слѣдъ
 Поймать воздушнаго видѣнья, хоть украдкой
 Плѣнительныхъ шаговъ услышать шелестъ сладкій,
 Но если ты не ждалъ съ тревожной лихорадкой,
 Что — вотъ освѣтится парадный входъ, что вотъ
 Воздушнымъ призракомъ во тьмѣ она мелькнетъ,
 Какъ метеоръ, въ ночи сверкнувшій, исчезая,
 Но въ сердцѣ у тебя слѣдъ яркій выжигая;

Но если знаешь ты по слуху одному,
 Иль по однимъ мечтамъ поэтовъ вдохновенныхъ
 Блаженство, странное для всѣхъ непосвященныхъ
 И непонятное холодному уму,
 Блаженство мучиться неутолимой жаждой,
 Горѣть на медленномъ, томительномъ огнѣ,
 Очей любимыхъ взглядъ ловить случайный каждый,
 Блаженство ночь не спать, а днемъ бродить во снѣ;

Но если никогда, печальный и усталый,
 Ты ночь, подъ окнами сіявшей ярко залы
 Невѣдомыхъ тебѣ палатъ, не проводилъ,
 Покажется музыка въ палатахъ не стихала
 И освѣщенная темнотѣ не стала зала,
 Пока разъѣзда часъ еще не наступилъ....
 Дыханье затаивъ и прячась за двери,
 Не выжидалъ потомъ, какъ маленькая пери,

При свѣтъ фонарей, появится во мглѣ
 Вся—розово-свѣтла, воздушный призракъ гибкой,
 Съ усталостью въ очахъ, съ ребяческой улыбкой,
 Съ цвѣтами сматыми на дѣвственномъ челѣ;

Но если никогда ты не извѣдалъ муки
 Безумной ревности, когда ее другой
 Свободно увлекалъ въ вальсъ бѣшено-живой,
 И стана гибкаго его касались руки,
 И мчалъ неистово ихъ вихорь круговой;
 А ты стоялъ вдали—ревнующій, несчастный,
 Кляня веселый балъ и танецъ сладострастный;

Но, если никогда, въ часы, когда заснетъ
 Съ дворцами, башнями, стѣнами вѣковыми
 И колокольнями стрѣльчатыми своими
 Громадный городъ весь, почіа отъ заботъ,
 Одѣтый пологомъ осенней ночи темной,
 И тихо все кругомъ, и съ башни лишь огромной,
 Покрытой ржавчиной и сѣдиной вѣковъ,
 Удары мѣрные срываются часовъ,
 Какъ-будто птицы съ крышъ неровными стаями,
 Иль отдаленный гулъ раздастся временами....
 Въ часы, когда на все наляжетъ тишина,
 Въ часы, когда дитя безпечное,—она
 Заснетъ и на ея ланитахъ вспыхнуть розы,
 Ты, весь измученный томленьемъ страстной грезы,
 Въ подушку отъ стыда скрываясь, не рыдалъ
 И съ воплями сто разъ ее не призывалъ,
 Не ждалъ, что явится она на зовъ мученья,
 Не звалъ на помощь смерть, не проклиналъ рожденья....

Но если никогда не чувствовалъ, что взгляды,
 Взглядъ женщины, какъ свѣтъ таинственный сіяя,
 Жизнь озарилъ тебѣ, открылъ блаженство рая,
 Не чувствовалъ порой, что за нее ты радъ,
 За эту дѣвочку, готовую смѣяться
 При видѣ жгучихъ слезъ и мукъ твоихъ нѣмыхъ,
 Колесованія мученьямъ подвергаться....
 Ты не любилъ еще, ты страсти не постигъ!

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МОСКВИТЯНИНЪ

1855.

№ 14.

Июль.

Кн. 2.

А Д Ъ.

ПѢСНЬ X.

Содержаніе. Поэты идутъ между стѣнами города и могилами. Послѣднія открыты, но въ день страшнаго суда закроются; въ нихъ погребены Эпикуръ и его послѣдователи, полагавшіе, что душа умретъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Изъ глубины одной изъ нихъ раздается голосъ, зывающій къ Данту, и вслѣдъ за тѣмъ поднимается до пояса тѣнь Фаринаты, предводителя Гибеллиновъ. Онъ спрашиваетъ Данта о его предкахъ и, узнавъ, что они были заклятые враги его Гвельфы, говорить съ негодованіемъ, что онъ два раза изгналъ ихъ изъ Флоренціи. На это Данте отвѣчаетъ, что его предки каждый разъ возвращались изъ изгнанія, чего не удавалось партіи Фаринаты. Пока говорятъ они, изъ могилы, не далеко отъ Фаринатовой, поднимается другая тѣнь: это Гвельфъ Кавальканте Кавальканти. Онъ спрашиваетъ, почему Гвидо, сынъ его и другъ Данта, не пришелъ вмѣстѣ съ нимъ, и, заключивъ ошибочно, что сынъ его умеръ, опрокидывается въ могилу. Между тѣмъ Фарината, не обращая вниманія на упавшаго, продолжаетъ прерванный разговоръ, предсказываетъ Данту изгнаніе и, узнавъ о причинѣ преслѣдованій, направленныхъ Флорентинцами противъ Гибеллиновъ, съ гордостію вспоминаетъ, что онъ одинъ спасъ родной городъ отъ разрушенія; наконецъ, разрѣшивъ Данту нѣкоторое сомнѣніе на счетъ способности грѣшниковъ видѣть будущее и указавъ изъ числа тѣней, вмѣстѣ съ нимъ наказуемыхъ, на императора Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезаетъ въ могилѣ. Данте съ горестію возвращается къ Виргилію, который, утѣшая его, напоминаетъ ему Беатриче, отъ которой Данте долженъ узнать истинный путь къ божественной жизни. Поэты идутъ налѣво къ центру города, чтобы спуститься въ глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонныя испаренія.

-
1. Вотъ узкою тропинкой, межъ стѣнами
Сей крѣпости и зрѣлищемъ скорбей,
Пошелъ мой вождь, а я за раменами.

4. «О. высшій умъ, съ кѣмъ въ адской безднѣ сей
Вращаюсь я, твоей покорный воля, —
Наставь меня премудростью своей.
7. Могу ль узрѣть» спросилъ я: «въ этомъ полѣ
Томящихся въ могилахъ? крыши съ нихъ
Приподняты и стражи нѣтъ ужъ болѣ.»
10. А онъ въ отвѣтъ: «Запрутся всѣ въ тотъ мигъ,
Когда придутъ съ полей Юсафата
И принесутъ тѣла изъ нѣдръ земныхъ.
13. Тутъ погребенъ со школою разврата
Тотъ Эпикуръ, который міръ училъ,
Что съ тѣломъ духъ погибнетъ безъ возврата.
16. Здѣсь твой вопросъ, чтѣ мнѣ ты предложилъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и тайное хотѣнье
Сейчасъ найдутъ отвѣтъ внутри могилъ.
19. Но я: «Мой вождь, души моей мышленье
Я утаилъ для краткости въ рѣчахъ,
Къ чему ты самъ давалъ мнѣ наставленье.» —

10—12. Юдоль Юсафата, около Иерусалима, будетъ мѣстомъ страшнаго суда, согласно съ пророкомъ Іоилемъ (Гл. III, 7). Туда соберутся всѣ племена земныя, и оттуда души, вмѣстѣ съ тѣлами, возвратятся въ страну блаженства, или осужденія, и тогда только грѣшники вполнѣ возчувствуютъ весь ужасъ присужденныхъ имъ казней (Ал. VI, 94—96 и XIII, 103—108). По объясненію прежнихъ толкователей, могилы еретиковъ закроются послѣ страшнаго суда потому, что по воскресеніи мертвыхъ ересь прекратится и, слѣдственно, не будетъ болѣе невѣрующихъ (см. Ал. IX, примѣч. 127).

13—15. По понятіямъ Данта, названіе еретика заслуживаютъ всѣ, конхъ религіозныя понятія уклоняются отъ ученія Христовой Церкви, хотя бы эти невѣрующіе и не принадлежали къ числу христіанъ и даже жили до Христа между язычниками. Потому въ число еретиковъ помѣщаетъ онъ и язычника Эпикура съ его школою, учившаго, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

16—18. Вопросъ Дантовъ состоялъ въ томъ, можно ли видѣть грѣшниковъ, заключенныхъ въ этихъ гробницахъ, при чемъ онъ не высказалъ Виргилію тайнаго своего желанія узнать объ участи своихъ согражданъ, Фаринаты и Кавальканте, которыхъ эпикурейскій образъ мыслей былъ ему хорошо извѣстенъ.

22. — «Тосканецъ, ты, что въ огненныхъ стѣнахъ
Живой ведешь бесѣду такъ прекрасно,
Благоволи помедлить въ сихъ мѣстахъ!
25. Звукъ словъ твоихъ мнѣ обнаружилъ ясно,
Что въ благородной ты странѣ возникъ,
Гдѣ, можетъ быть, клянуть меня напрасно.» —
28. Внезапно здѣсь исторгся этотъ крикъ
Со дна могилъ и, ужасомъ объятый,
Я къ моему учителю приникъ.
31. «Что дѣлаешь?» сказалъ мнѣ мой вожатый:
«Оборотись: передъ тобой возсталъ
До пояса духъ гордый Фаринаты.»

24. Эти слова относятся или къ наставленію, сдѣланному Данту Виргиліемъ въ III пѣс. Ал., или къ сжатости Виргиліева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

31—93. Здѣсь необходимо сдѣлать бѣглый обзоръ историческихъ событій, на которыя намекаетъ въ этихъ стихахъ Данте.

Страшныя партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ первой половинѣ XIII столѣтія стали извѣстными и во Флоренціи, откуда первые, находясь подъ особеннымъ покровительствомъ императора Фридерика II, изгнали послѣднихъ въ 1248 г. Но, по смерти Фридерика, народъ, выведенный изъ терпѣнія жестокимъ правленіемъ Гибеллиновъ, призвалъ снова Гвельфовъ въ Январѣ 1250, уничтожилъ прежній образъ правленія, въ замѣвъ которому установилъ новое, избравъ предводителя народа (*capitano del popolo*) и присоединивъ къ нему совѣтъ изъ двѣнадцати старшинъ; сверхъ того, были избраны 36 народныхъ вождей и установлены 20 знаменъ съ особымъ значками для того, чтобы народъ въ случаѣ нужды могъ собраться вокругъ нихъ. Городъ былъ укрѣпленъ новыми стѣнами, построена мостъ чрезъ Арно при Санга Тринита, многіе города и крѣпости присоединены къ Флоренціи, имя которой сдѣлалось страшнымъ для всей Италіи, торговля ея процвѣла, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояніе города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которыхъ удалилась въ Сиену, въ тайнѣ продолжали свои происки и, по смерти Фридерика II, обратились съ просьбою о помощи къ побочному его сыну, Манфреду, который въ то время, взоидя на сицилійскій престолъ своего отца, возсталъ противъ церкви. Манфредъ, доброхотствуя, подобно отцу своему, Гибеллинамъ, прислалъ имъ на помощь 800 нѣмецкихъ рыцарей подъ предводительствомъ какого-то графа Иордануса, съ которыми изгнанники, а также союзные Сиенцы, немедленно осадили находившійся въ союзѣ съ Флоренціею городъ Монтальчино. Нужно было, во чтобы то ни стало, вовлечь Флорентинцевъ въ сраженіе: съ этой цѣлю Фарината дельи Уберти, одинъ изъ знаменитыхъ

34. Къ его лицу я взоры приковаль;

А онъ возсталъ, поднявъ чело и плечи,

Какъ будто адъ и муки презираль.

полководцевъ своего времени, удалившийся вмѣстѣ съ прочими въ Сіену, отъправилъ двухъ монаховъ миноритовъ, Кальканъ и Спедито, во Флоренцію съ письмомъ отъ сіенскихъ начальниковъ, которые притворно увѣрили, что «Сіенцы, выведенные изъ терпѣнія тиранствомъ Гибеллиновъ, желаютъ покориться Флорентинцамъ и что съ радостію отворятъ имъ ворота Св. Вита, если они вышлютъ войско къ рѣкѣ Арбіи.» Хитрость удалась какъ нельзя лучше: не смотря на возраженія Теггьяіо Альдобранди (Ад. XVI.) и Чеко Герардини, высокомерные Флорентинцы рѣшили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, къ которому присоединились союзники изъ Лукки, Пистойи, Пало, Санминіати, Санджиминьяно, Вольтерры и Колле ди Вальдельсы; съ торжественною пышностію оно направилось къ Арбіи, распустивъ красныя знамена и даже взявъ знаменитый вечевой колоколъ Martinella, который на этотъ разъ справедливо названъ былъ въ пасмѣшку la campana degli asini. На пути присоединились къ нимъ отряды изъ Орвіето и Перуджіи, такъ, что войско, пришедъ къ р. Арбіи, состояло болѣе, чѣмъ изъ 3,000 рыцарей и 30,000 пѣхоты. Но едва только остановились они у холма Монтаперти при Арбіи (сраженіе, здѣсь происшедшее, упоминается у Данта подъ тѣмъ и другимъ именемъ), какъ ворота Сіены растворились; но изъ нихъ, вмѣсто ожидаемой мирной депутаціи города, понесся къ нимъ на встрѣчу вооруженный отрядъ нѣмецкихъ рыцарей, который, сопровождаемый Сіенцами и Гибеллинами, врубился въ ряды Флорентинцевъ. Началась страшная битва, тѣмъ ужаснѣйшая для Гвельфовъ, что въ рядахъ ихъ находилось множество Гибеллиновъ, которые, сбросивъ теперь съ себя личину, перебежали на сторону враговъ. Одинъ изъ этихъ измѣнниковъ, Бокка дельи Аббати (Ад. XXXII, 76—123), обрубилъ руки флорентинскому знаменовоцу Іакопо дель Вакка де Падзи: паденіе знамени было началомъ общаго разстройства флорентинскаго войска. Четыре тысячи пали на мѣстѣ; множество плѣнныхъ, оружіе, знамена и даже вечевой колоколъ Martinella достались въ руки побѣдителей; спасшіеся Гвельфы бѣжали въ Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 Сент. 1260 г. Гибеллины съ торжествомъ вошли во Флоренцію и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де' Конти Гвиди подестою города. Недовольные однакожъ этимъ они въ чрезвычайномъ собраніи въ Эмполи, подъ пресѣдательствомъ графа Іордануса, рѣшили скрыть до основанія стѣны и башни Флоренціи какъ гнѣзда упорнаго Гвельфизма. Тогда-то Фарината дельи Уберти, душа этой войны, одинъ возсталъ противъ общаго рѣшенія и твердымъ голосомъ объявилъ, что «онъ только затѣмъ обнажилъ мечъ, чтобъ спова быть гражданиномъ Флоренціи, и что одинъ готовъ защищать ее съ мечемъ въ рукѣ до послѣдней капли крови.» Такимъ образомъ Флоренція была спасена,—заслуга, которою Фарината гордится и въ аду.—По смерти Манфреда, павшаго въ сраженіи при Беневенто противъ Карла Ан-

37. И межъ гробовъ къ герою страшной сѣчи
 Меня толкнулъ поспѣшно мой пѣвецъ,
 Сказавъ: «Твои да будутъ кратки рѣчи!»
40. Когда жъ у гроба сталъ я наконецъ,
 Духъ, на меня взглянувъ, почти съ презрѣньемъ
 Спросилъ: «Кто предки у тебя, пришлецъ?»
43. А я, предъ нимъ стоя съ благоговѣньемъ,
 Не утаивъ, все высказалъ вполнѣ.
 Тогда нахмурилъ брови онъ съ смущеньемъ
46. И рекъ: «Враги тѣ злые были мнѣ
 И партія моей и нашимъ дѣдамъ:
 За то я дважды ихъ громилъ въ войнѣ.»

жуйскаго (1265), Гибеллины вынуждены были сдѣлать нѣкоторыя уступки: они позволили избрать 30 вождей изъ народа, раздѣлили жителей на 12 вооруженныхъ цѣховъ, назначивъ имъ старшинъ, и наконецъ призвали Гвельфовъ. Вскорѣ послѣдніе взяли верхъ надъ Гибеллинами, а народъ вышелъ изъ повиновенія, что заставило графа Гвидо Новелло, намѣстника Манфредова и главу Гибеллиновъ, бѣжать съ своею партіей въ ближній г. Прато. Впрочемъ, на другой день, раскаявшись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, онъ сдѣлалъ приступъ къ Флоренціи, но былъ отбитъ. Впослѣдствіи Гибеллины еще разъ были призваны назатъ; но въ 1267, когда Карлъ Анжуйскій отправилъ графа Монфора во Флоренцію, они были окончательно изгнаны въ первый день Пасхи. Въ числѣ изгнанныхъ находился Адзучіо Арригетти, предокъ Мирабо. Копишъ. Фи галетесъ. Вегеле.

33. Фарината, побѣдитель при Арбіи (см. выше). Современники считали его за величайшаго атеиста, утверждавшаго, что все въ этой жизни кончается со смертію, а потому думавшаго, что не должно отказывать себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ. По этой причинѣ Данте помѣстилъ его между эпикурейцами и даже искалъ его въ третьемъ кругу между обжорами (Ада VI, 79). Не будь онъ причастенъ этому грѣху, Данте едва ли помѣстилъ бы въ аду этого мужа, котораго онъ такъ высоко цѣнитъ за его любовь къ отечеству, великодушіе и въ особенности за спасеніе Флоренціи, того мужа, котораго флорентинскій историкъ Виллани не даромъ называетъ вторымъ Камилломъ.

42—51. Предки Данта были Гвельфы. Они были изгнаны два раза: въ 1248 г., за 12 лѣтъ до битвы при Арбіи, но черезъ два года возвратились снова, и во второй разъ, послѣ битвы при Арбіи въ 1260, послѣ чего, спустя семь лѣтъ въ 1267 г., Гвельфы опять взяли верхъ надъ Гибеллинами и выгнали ихъ изъ Флоренціи. Въ началѣ XIV вѣка Гибеллины окончательно были изгнаны и съ того времени навсегда находились въ изгнаніи, не смотря на всѣ свои попытки возвратиться.

49. — «Ты ихъ громилъ, но возвратились слѣдомъ
Они отвсюду,» я въ отвѣтъ сказалъ:
«Твоимъ же путь къ возврату былъ невѣдомъ!»
52. Тутъ близъ него изъ гроба приподнялъ
До подбородка ликъ другой безбожный:
Онъ на колѣняхъ, думаю, стоялъ.
55. Вокругъ меня водилъ онъ взоръ тревожный,
Какъ бы желая знать, кто былъ со мной;
Когда же лучъ угасъ надежды ложной,
58. Онъ, плача, вскрикнулъ: «Если въ міръ слѣпой
Проникнулъ ты таланта высотой,
То гдѣ же сынъ мой? чтѣ жъ онъ не съ тобой?»
61. И я ему: «Иду не самъ собою:
Тамъ ждетъ мой вождь, за кѣмъ иду вослѣдъ;
Его твой Гвидо презиралъ съ толпою.»
64. Казнь грѣшника и словъ его предметъ,
Кто былъ сей духъ, мнѣ объяснили вскорѣ,
И потому такъ прямъ былъ мой отвѣтъ.
67. Вдругъ выпрямься, вскричалъ онъ въ страшномъ горѣ:
«Какъ? *презиралъ!* ужъ нѣтъ его въ живыхъ?
Ужъ сладкій свѣтъ въ его не блещетъ взоръ?»

53. Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинскій Гвельфъ, котораго; какъ и Фаринату, подозрѣвали современники въ атеизмъ. Сынъ его, Гвидо Кавальканти, былъ философъ и замѣчательный поэтъ, искренній другъ Дантовъ. Подслушавъ разговоръ Фаринаты съ Дантомъ и узнавъ послѣдняго по звуку его голоса, Кавальканте заключаетъ, что если Данте могъ проникнуть въ адъ высотой своего таланта, то и Гвидо, какъ глубокомысленный философъ, долженъ находится вмѣстѣ съ нимъ.

58—59. Кавальканте, какъ закоснѣлый атеистъ, приписываетъ странствованіе Данта въ адъ не божественной помощи, но высоты его таланта (*ingegno*). Копишь.

61—63. Данте отвѣчаетъ, что ведетъ его не высота таланта, а разумъ (Виргилій), не всегда руководящій людей даровитыхъ. Гвидо, болѣе философъ, чѣмъ поэтъ, писавшій въ легкомъ провансальскомъ родѣ, не имѣлъ такого уваженія къ Виргилію, какое питалъ къ нему Данте, не изучалъ его твореній и, стало быть, не могъ создать ничего подобнаго Божественной Комедіи.

67—73. Слова: онъ *презиралъ*, заставляютъ Кавальканте думать, что сынъ его умеръ. «Кавальканте до сихъ поръ стоялъ на колѣняхъ; но при этихъ

70. Когда замѣтилъ онъ въ очахъ моихъ
Сомнѣніе, тревогу безпокойства,
Онъ навзничъ палъ и навсегда затихъ.
73. Межъ тѣмъ другой, мужъ силы и геройства,
Не двинувъ выи, не склоняя плечъ,
Являлъ въ лицѣ души надменной свойства.
76. «Да!» продолжалъ онъ прерванную рѣчь:
«Мысль, что досель мое въ изгнаньи племя,
Крушить меня сильнѣй, чѣмъ эта печь.
79. Но ликъ жены, гнетущей злое сѣмя,
Въ пятидесятый разъ не проблеснетъ,
Какъ взвѣсишь самъ, сколь тяжко это бремя.

словахъ онъ вдругъ вскакиваетъ на ноги и, видя, что Данте медлитъ отвѣчать ему, опрокидывается въ могилу: не многими словами, но какъ прекрасно выражены любовь и горестъ отца! Это изображеніе удрученнаго горемъ отца еще болѣе выигрываетъ въ эффектѣ отъ контраста, который представляетъ слабодушный, но глубоко-любящій Кавальканте съ мощнымъ, величаво-гордымъ образомъ Фаринаты.» Штрекфусъ.

67. Мысль о смерти ближнихъ вдвое прискорбнѣе для людей, невѣрующихъ въ безсмертіе души. Копишъ.

79. Отрицатели вѣчной жизни тѣмъ сильнѣе сочувствуютъ жизни земной и событіямъ политическимъ. Копишъ.

79 — 81. *Ликъ жены, гнетущей злое сѣмя*, есть луна. Богиня, чтимая на Олимпѣ какъ Луна, на землѣ называется Діаной, а въ аду Прозерпиной, или Гекатой (Ада IX, 43). Смыслъ текста слѣдующій: не пройдетъ 50 мѣсяцевъ (4 года и 2 мѣсяца), какъ ты узнаешь, какъ тяжелы изгнаннику безполезныя попытки возвратиться въ свое отечество. Данте, вначалѣ Гвельфъ, впоследствии сдѣлавшійся Гибеллиномъ, былъ изгнанъ изъ Флоренціи вмѣстѣ съ множествомъ послѣднихъ въ Январѣ 1302; въ Мартѣ того же года приговоръ надъ нимъ подтвердили и еще съ большею силою провознесли его послѣ попытки Гибеллиновъ проложить себѣ путь во Флоренцію вооруженною рукою, — попытки, въ которой принималъ участіе и Данте. Но такъ какъ Данте предполагаетъ свое странствованіе въ замогильномъ мірѣ въ 1300, то выходитъ, что отъ этой эпохи до временъ его изгнанія протекаетъ только два года и, стало быть, 50-мѣсячный срокъ, назначаемый Фаринатою, будетъ слишкомъ великъ. Надобно думать, что срокъ этотъ относится не къ первому его изгнанію въ 1302, а къ гораздо позднѣйшимъ попыткамъ его возвратиться во Флоренцію, когда онъ былъ членомъ совѣта двѣнадцати, управлявшаго въ Пистойѣ партіею Бѣлыхъ (Гибеллиновъ). Въ это время (1304) въ первый разъ блеснула Данту надежда къ возврату въ отечество: по просьбѣ Бѣлыхъ, папа Бенедиктъ XI отправилъ во Флоренцію кардинала Никколо ди Прато въ качествѣ миротворца съ тѣмъ,

82. О, если міръ тебя прекрасный ждётъ.
Скажи: за что съ такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой родъ?»

85. И я: «Готъ бой, что залилъ нашей кровью,
Всю Арбію, въ ней воды взволновавъ,
Подвигъ насъ въ храмъ къ этому условью.»

88. Тутъ онъ вздохнулъ, главою покачавъ.
И молвилъ: «Я ль одинъ виновенъ въ этомъ?
И не имѣлъ ли я на это правъ?»

91. Но тамъ, гдѣ общимъ рѣшено советомъ
Развѣять въ прахъ Флоренцію, лишь я
Защитникомъ ей былъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.»

94. — «Да обрететъ же міръ твоя семья!
А ты» сказалъ я: «развяжи мнѣ сѣти,
Въ которыхъ мысль запуталась моя.

97. Коль понялъ я, мракъ будущихъ столѣтій
Со всеми ихъ дѣлами вамъ открыть;
Но въ настоящемъ вы сомнѣнья дѣти.»

100. А онъ: «Мы зримъ, какъ дальнѣе зрѣть,
Лишь только то, что вдалекѣ таятъ:
— Еще насъ этимъ Высшій Вожь дарить.

чтобы содѣйствовать возврату изгнанниковъ. Но эта надежда поэта исчезла съ внезапнымъ отбытіемъ кардинала изъ Флоренціи 5 Іюня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 мѣсяца послѣ замогильнаго странствованія поэта.

83 — 84. Фамилія Уберти, къ которой принадлежалъ Фарината, всегда была исключается изъ списковъ изгнанниковъ, получавшихъ право возврата во Флоренцію.

87. По словамъ Макиавелли, народныя собранія во Флоренціи до 1282 всегда происходили въ церквахъ.

91. Собраніе, на которое здѣсь намекается, было въ Эмполи (см. выше).

95 — 96. Данту кажется загадкою, почему грѣшниковъ могутъ узнавать будущее и ничего не знаютъ о настоящемъ, какъ Кавальканте, ст. 68.

100. — 105. Согласно съ богословскимъ ученіемъ Фомы аквинскаго, грѣшники могутъ познавать только общее, напр. будущее, но не знаютъ ничего отдѣльно-существующаго, чувственнаго. Напротивъ, блаженныя души все созерцаютъ и видятъ въ Богѣ.

103. Когда жъ событие близко, иль свершится,
Тогда намъ очи кроетъ темнота:
Міръ скрытъ для насъ, коль вѣсть къ намъ не доидетъ.
106. Но ты поймешь, что даръ сей какъ мечта
Разсѣется въ тотъ могъ, когда судьбою
Затворятся грядущаго врата.» —
109. Тутъ я созналъ проступокъ свой съ тоскою
И рекъ: «Скажи сосѣду своему,
Что сынъ его еще живетъ со мною.
112. Я лишь затѣмъ не отвѣчалъ ему,
Что было мнѣ въ то время непонятно
То, чтъ теперъ ты развѣдши уму.»
115. Ужъ призывалъ меня мой вождь обратно
И потому я духа умолялъ
Сказать: кто съ нимъ погибъ здѣсь невозвратно.
118. «Лежу средь тысячъ,» онъ мнѣ отвѣчалъ:
«Тутъ Кардиналъ съ могучимъ Фридерикомъ;
Но о другихъ не спрашивай!» — Сказалъ

108. Т. е. въ день страшнаго суда, когда крыши закроютъ гробы еретиковъ (см 10 — 15 и прим.).

109—114. Данте сострадаетъ упавшему въ могилу Кавальканте, котораго онъ огорчилъ тѣмъ, что не объявилъ ему, что сынъ его живъ, ибо ошибочно думалъ, что души грѣшниковъ, зная будущее, должны знать и настоящее.

120. Фридерикъ II, императоръ германскій и король сицилійскій, сынъ Фридерика V и племянникъ Фридерика Барбаруссы, помѣщенъ здѣсь не столько за борьбу его съ папами, сколько за его эпикурейскій образъ жизни, а въ особенности за то, что, по мнѣнію современниковъ, впрочемъ ошибочному, былъ сочинителемъ въ высшей степени еретической книги: «О трехъ обманщикахъ.» Филагетесъ.

Кардиналъ Оттавиано дельи Убальдини, обыкновенно называвшійся въ Италіи просто *Кардиналомъ*, человекъ необыкновенныхъ дарованій и твердаго, но жестокаго характера, рѣвностный Гибеллинъ и потому жестокий врагъ папъ и церкви. Онъ извѣстенъ былъ своимъ атеизмомъ и говаривалъ, что если и была у него когда нибудь душа, то онъ погубилъ ее для Гибеллиновъ. Братъ его Убальдино встрѣчается въ Чистилищѣ (XXIV, 29).

121. И скрылся.—Я жъ въ смущеніи великомъ,
Задумавшись отъ слышенныхъ угрозъ,
Шелъ къ древнему поэту съ грустнымъ ликомъ.
124. Подвигся онъ и, взыдя на утесъ,
Спросилъ: «Скажи: что такъ тебя смутило?»
И я ему отвѣтилъ на вопросъ.
127. «Запомни же, что сказано здѣсь было,
И все въ душѣ онъ рекъ: «запечатлѣй!»
И, перстъ поднявши, продолжалъ уныло:
130. «Когда увидишь дивный блескъ лучей
Въ очахъ прекрасной, имъ же все открыто,
Тогда узнаешь путь грядущихъ дней.»
133. Я шелъ нагво подъ его защитой
И мы отъ стѣнъ въ центръ города пошли
Тропинкою, въ долину той прорытой,
136. Гдѣ адскій смрадъ всходилъ со дна земли.

130—132. Намекъ на Беатриче. «Виргилій, утѣшая Данта, противопоставляетъ божественную жизнь житейскому тревоженію и говоритъ, что отъ Беатриче, которая все созерцаетъ и зрѣтъ въ Богѣ, узнаешь онъ истинный путь къ этой жизни божественной; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ запомнить и предсказаніе Фаринаты.» Копишь.

134—135. Они пересѣкаютъ кругъ и, направляясь къ центру бездны, приближаются къ тому мѣсту, гдѣ спускъ въ слѣдующій кругъ.

136. «Вся эта пѣснь отличается высокимъ драматическимъ эффектомъ, и разнообразіемъ превосходно-описанныхъ характеровъ. Какая противоположность между двумя отрицателями вѣчной жизни! Фарината, этотъ гордый побѣдитель при Арбинъ, забывавъ о мукахъ и какъ будто презирая цѣлый адъ, озабоченъ только судьбою отечества и своей партіи; и рядомъ съ нимъ, менѣе великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятіямъ) уничтоженіи сына опрокидывающійся въ могилу въ отчаянномъ горѣ. А какъ удивительна при этомъ постановка обоихъ поэтовъ: Данта, еще очень воспріимчиваго къ земнымъ заботамъ, ищущаго вездѣ познанія и нерѣдно пожинаящего горе, вездѣ обнаруживающаго свойства чисто-человѣчныя: слабость и величіе, гордость и страхъ, всего же болѣе жажду познанія, и мудраго его вождя Виргилія, который повсюду указываетъ стремленіе къ высшему, небесному, самъ же, какъ посланникъ высшей силы, какъ исполнитель воли божественной, вездѣ является безстрастнымъ, ни чему несочувствующимъ.» Рутъ.

АДЕЛИНА ПРОТА.

(Романъ г. Мюргера.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прѣмышъ.

Однажды утромъ, чеботарь, который имѣлъ право ловить рыбу у береговъ, прилежащихъ къ селенію, переезжалъ черезъ рѣку въ небольшой лодкѣ, чтобы осмотрѣть свои верши и нѣроты. Когда онъ доѣхалъ до одного мѣста, гдѣ былъ устроенъ висячій мостъ для пѣшеходовъ, ужасный крикъ надъ его головою заставилъ его посмотреть вверхъ. Кричали двѣ дамы, которыя стояли на мосту и показывали всѣ признаки невыразимаго ужаса. Вотъ что случилось. Дочь младшей изъ женщинъ, пяти-лѣтняя дѣвочка, упала въ воду. Желая посмотреть на что-то вдали, она оперлась на тонкую жердь, которая замѣняла перила; жердь, до половины надломленная, погнулась подъ этой легкой тяжестью, и дѣвочка исчезла, прежде нежели мать успѣла схватить ее. Рѣка Луанъ не очень глубока; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось это несчастное происшествіе, русло ея суживается и быстрое теченіе дѣлается еще стремительнѣе. Ребенка отнесло уже болѣе 20 шаговъ въ сторону, прежде нежели чеботарь замѣтилъ его паденіе. Онъ знаками старался дать понять матери, что намеренъ поспѣшить на помощь къ утопающей. Протѣ находился тогда на самой серединѣ рѣки; тамъ она, во всю свою ширину, проросла травой, высокою и до того густою, что пла-

ваніе на самой маленькой лодкѣ дѣлается возможнымъ только при помощи багра. Чеботарь разсудилъ, что грестъ веслами будетъ неудобно, и что, прежде нежели онъ выберется изъ травы, дѣвочка десять разъ успеетъ утонуть.

Къ величайшему безпокойству двухъ дамъ, которыя ровно ничего не понимали въ его движеніяхъ, вмѣсто того, чтобы плыть по теченію въ своей лодченкѣ, онъ причалилъ къ берегу и пустился бѣжать изъ всей мочи, лишь только успѣлъ прыгнуть на землю; въ нѣсколько секундъ онъ добѣжалъ до мѣста, противъ котораго несло тогда дѣвочку; бѣдняжку сначала поддерживало на водѣ платье, но она начинала уже тонуть.

Протѣ бросился въ воду; въ три размаха руками онъ очутился возлѣ дѣвочки, которая едва была видна. На противоположащемъ берегу его ожидали обѣ дамы, прибѣжавшія къ нимъ на встрѣчу. Сначала молодая мать словно обезумѣла отъ горести; теперь, видя дочь свою живую, она обезумѣла отъ радости. Чеботарь предложилъ имъ зайти къ нему, чтобы подать первую помощь утопшей. Лишь только они пришли туда, Протѣ развелъ яркій огонь въ огромномъ каминѣ и предложилъ весь гардеробъ Аделины къ ихъ услугамъ. По истеченіи двухъ часовъ ребенокъ совершенно опомнился.

Бабушка ея вышла на минуту на улицу, разсказать собравшимся передъ домомъ крестьянамъ, что такое случилось; тогда одинъ изъ нихъ грубо перебилъ похвалы, которыя она расточала спасителю своей внучки:—Вишь, счастливъ проклятый! Поди теперь, коли не дадутъ ему хорошей награды за то, что промочилъ себѣ ноги!—Да, прибавилъ другой, кабы это приключилось съ его дѣвчонкой, онъ еще подумалъ бы, прежде чѣмъ лѣзть въ воду.

Старая госпожа попала именно на тѣхъ крестьянъ, которые наиболѣе враждовали противъ отца Аделины; ихъ внушенія убѣдили ее, что этотъ самый человекъ, который спасъ ея внучку, былъ отецъ безчеловѣчный; она готова была раздѣлять предположенія окружающихъ, что этотъ подвигъ былъ внушенъ чеботарю не столько невольнымъ самоотверженіемъ, сколько обдуманнѣмъ расчетомъ. Войдя въ домъ, она съ боль-

шимъ вниманіемъ стала наблюдать за маленькой Аделиной, которую едва имѣла время замѣтить, и найдя ее блѣдною и худую, приписала это дурному обращенію и небреженію, въ которыхъ обвиняли отца ея. Между тѣмъ прибылъ зять старой барыни, который былъ по сосѣдству въ гостяхъ во время этаго несчастнаго приключенія. Найдя дитя свое въ живыхъ и уже въ состояніи отвѣчать на его ласки, онъ бросился обнимать избавителя въ душевномъ порывѣ, который глубоко тронулъ Прота.—Что могу я для тебя сдѣлать, добрый поселянинъ? прибавилъ онъ: ты спасъ мою Сесилію; дать мнѣ средство доказать тебѣ мою благодарность, значитъ оказать мнѣ новую услугу.—Въ человѣкѣ, говорившемъ такимъ образомъ, Протѣ узналъ одного изъ богатѣйшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, маркиза Белльри; онъ проводилъ льто въ прекрасномъ замкѣ близъ Море.—Г. маркизъ, отвѣчалъ чеботарь съ достоинствомъ, я сдѣлалъ то, что первый встрѣчный сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, и при томъ не подвергаясь никакой опасности. Я достаточно награжденъ радостью, что возвратилъ дитя родителямъ; я также отецъ и понимаю это счастье, прибавилъ онъ, цѣлуя Аделину.

— Какой лицемѣръ! сказали двѣ дамы, которыя уже имѣли время переговорить между собою; и молодая маркиза, отведя мужа къ сторонѣ, говорила съ нимъ нѣсколько минутъ потихоньку. Безъ сомнѣнія, она повторила слухи, переданные ей матерью, потому что лице маркиза вдругъ выразило негодованіе, и когда онъ возвратился къ чеботарю, тотъ легко могъ замѣтить внезапную перемѣну, произшедшую въ его наружности.

— Мы надѣлали вамъ хлопотъ; справедливо, чтобы вы были вознаграждены, сказалъ маркизъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы чувствамъ своимъ и обращенію, обыкновенно ласковымъ, придать характеръ надмѣнности. Протѣ тотчасъ былъ пораженъ этимъ.

— Такъ какъ вы непременно хотите заплатить мнѣ, г. маркизъ....—При этихъ словахъ чеботаря презрительная улыбка мелькнула на губахъ помѣщика; онъ досталъ изъ кармана небольшой бумажникъ и бросилъ его на столъ, между тѣмъ какъ

взоры его, казалось, говорили женѣ и тещѣ:—Вотъ чего онъ добивался! Вся эта сволочь заражена низкимъ инстинктомъ сребролюбія.—Чеботарь угадалъ смыслъ его быстрого взгляда. Вся кровь его закипѣла противъ, которые такъ худо его понимали. Онъ посмотрѣлъ на нихъ съ краскою стыда на лицѣ и гордостію, по крайней мѣрѣ, равною гордости маркиза. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, отвѣчалъ, указывая на ассигнацію:

— Если вамъ непременно угодно расквитаться со мною *такимъ образомъ*, г. маркизъ, то мы сей-часъ сведемъ наши счеты. Я сжегъ двѣ охапки дровъ, чтобы обсушить вашу барышню; каждая охапка стоитъ 5 копѣйки, и того 6-ть копѣекъ; я далъ ей на поддержанье платья моей дочери: рубашку, кофточку, юбку; ихъ должно будетъ вымыть; это станетъ 6-ть копѣекъ; два стакана воды съ сахаромъ для вашихъ дамъ,—4 копѣйки, и того: 16-копѣекъ. Потеряннаго времени я не считаю. Я довольно богатъ, чтобы даромъ потерять день. И такъ, я сказалъ, кажется, г. Белльри, что вы должны мнѣ 16-ть копѣекъ. Если у васъ нѣтъ мѣди, прибавилъ онъ, взявъ ассигнацію, я могу дать вамъ сдачи.

Насмѣшливая и злобная радость блистала въ лицѣ чеботаря, когда онъ говорилъ *такимъ образомъ*; но маркизъ отвѣчалъ холодно:

— Маркиза и я, мы не потерпимъ, чтобы намъ оказали услугу даромъ. Оставьте у себя эти деньги, прибавилъ онъ, указывая на ассигнацію.

— Я *рабъ только моей воли*, сказалъ Протѣ, и повинуюсь ей всегда, когда она приказываетъ мнѣ дѣлать добро. Сей-часъ, она внушила мнѣ помочь утопавшему ребенку; я не заставилъ себя повторять этого два раза. Теперь она запрещаетъ мнѣ принимать плату за поступокъ, который сначала, вы назвали самоотверженіемъ, и который теперь вамъ угодно назвать услугою, и я не заставляю также повторять себя два раза и этого запрещенія.

— Чего же ты хочешь? спросилъ, съ большою кротостію, маркизъ, начинавшій думать, что поступки и слова этого

человѣка были внушены чувствомъ истиннаго благородства, и опасаться, не оскорбилъ ли его.

— Одной благодарности, отвѣчалъ чеботарь. Искренняго сердечнаго *спасибо* и еще, чтобы вы приласкали дочь мою, которая уступила вашей дочери свое платье и свою постель, и на которую вы всѣ, сколько васъ ни есть, не обратили вниманія, прибавилъ онъ тономъ упрека.

Маркизь посмотрѣлъ на мать свою и жену, которыя съ удивленіемъ наблюдали за всѣми движеніями Прота.

— Послушайте, что жъ вы мнѣ такое насаждали? проговорилъ г. де-Бельери, указывая двумъ женщинамъ на Прота, который подошелъ къ Аделинѣ и ласкалъ ее. Чеботарь, услышавъ это, обернулся. Онъ замѣтилъ смущеніе этихъ трехъ челоѣкъ и прочелъ на ихъ лицахъ удивленіе, которое причинило имъ его ласковое обращеніе съ дочерью. Онъ со всего размаху ударилъ себя по лбу и вскричалъ:

— Бьюсь объ закладъ, что вамъ здѣсь про меня наболтали.

Г-жа де Бельери и мать ея молчали, но маркизь отвѣчалъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Громъ и молнія! вскричалъ чеботарь, падая на стулъ, эти разбойники сдѣлають изъ меня злодѣя!

Маркизь, жена его и теща, испуганные состояніемъ раздраженія, въ которомъ онъ находился, окружили его и старались успокоить. Въ это время маленькая дочь ихъ, совершенно оправившись отъ несчастнаго случая, котораго едва не сдѣлалась жертвою, играла въ углу съ Аделиною. Дѣвочка показывала ей свои игрушки. Когда Прота нѣсколько успокоился, то ему не нужно было входить въ продолжительныя объясненія, чтобы разрушить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на гостей его гнусною клеветою сосѣдей. Напрасно старая барыня, повторяла, что «не бываетъ дыма безъ огня» (она выражалась всегда пословицами): маркизь и жена его убѣдились, что только отцовское сердце способно къ тѣмъ порывамъ нежности и негодованія, которымъ предавался чеботарь, говоря имъ о своей дочери и о слухахъ, распространенныхъ на его счетъ всеобщею злобою.

Когда маркизъ и жена его собрались вхатъ, то имъ большаго труда стоило уговорить маленькую Сесилію, которая успѣла подружиться съ Аделиною и не хотѣла съ нею разстаться. Съ своей стороны, дочь чеботаря въ этихъ общихъ играхъ находила совершенно новое для нея удовольствіе, и, казалось, съ огорченіемъ смотрѣла на приготовленія, которыя должны были разлучить ее съ маленькою подругою. Садясь въ карету, родители Сесиліи въ послѣдній разъ изъявили чеботарю свою благодарность; молодая маркиза, взявъ Аделину на руки, цѣловала ее съ материнскою нѣжностію, и ребенокъ отвѣчалъ ей ласками, которыя, казалось, пробудили движеніе ревности въ отца ея.

Три или четыре дня послѣ этихъ происшествій, и въ то время, какъ во всемъ селеніи еще только о томъ и говорили, Протѣ, воротясь однажды съ поля, очень удивился, найдя у себя г-жу де Белльри; она ждала его, разговаривая съ пожилымъ господиномъ, который пріѣхалъ съ ней вмѣстѣ. Обмѣнявшись съ Протѣ немногими дружескими словами, маркиза указала ему на незнакомаго посѣтителя.

— Это, сказала она, г. В., одинъ изъ первыхъ докторовъ въ Парижѣ и другъ нашего семейства. Онъ пріѣхалъ погостить нѣсколько дней въ замкъ, и мнѣ вздумалось привезти его къ тебѣ и просить, чтобы онъ взглянулъ на твою дочь. Я растолковала ему, чѣмъ она больна, сколько могла это сдѣлать по твоимъ словамъ. Онъ сей-часъ ее осматривалъ и, кажется, довольно видѣлъ, чтобы сказать свое мнѣніе.

Ужасное безпокойство выразилось на лицѣ чеботаря; онъ смотрѣлъ попеременно то на маркизу, то на доктора.

— Развѣ вы думаете, что господинъ докторъ можетъ сказать мнѣ что-нибудь непріятное о моей крошкѣ? спросилъ онъ, кланясь знаменитому врачу, котораго холодный видъ, дѣйствительно, не имѣлъ ничего утѣшительнаго. Прежде чѣмъ отвѣчать, докторъ указалъ ему на Аделину, которая играла съ дочерью маркизы.

Ребенокъ угадалъ, что занимаются имъ; любопытство его было затронуто вопросами, которые дѣлалъ ему докторъ до прибытія отца, и продолжая играть, онъ, казалось, прислуши-

вался къ разговору. Г-жа де Белльри, угадавъ мысли доктора, взяла дѣтей за руки и увела ихъ съ собою въ садикъ, который находился позади дома. Протѣ и докторъ остались одни.

— Сознаешь ли ты въ себѣ довольно твердости, другъ мой? спросилъ докторъ, пристально смотря на Протѣ.

— Господи Боже мой! вскричалъ старикъ, падая на стулъ. Точно такимъ образомъ отвѣчалъ мнѣ докторъ изъ Фонтенеблѣ, когда я спрашивалъ, какъ онъ находитъ мою бѣдную покойницу.... а черезъ три дня ее схоронили. Неужто и моя бѣдная крошка....

— Успокойся, продолжалъ докторъ, дочь твоя еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи; но тебѣ должно рѣшиться на жертву, которая, безъ сомнѣнія, будетъ дорого стоить твоему сердцу. Вотъ почему я и спросилъ тебя: имѣешь ли ты довольно твердости? Послушай: дочь твоя больна тою же болезнью, которая убила мать. Собрать мой, который ее лечитъ, долженъ знать это такъ же хорошо, какъ и я.

— Но еще недавно здѣшній докторъ, прервалъ его Протѣ, подаль мнѣ надежду; онъ говорилъ, что съ лѣтами, входя въ силы, малютка можетъ поправиться.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что говорилъ такимъ образомъ, хотя, разумѣется, думалъ противное, сказалъ докторъ В. Наша обязанность въ томъ, чтобы, съ самыми горестными убѣжденіями въ душѣ, никогда не показывать ихъ наружу. Впрочемъ, иногда случай сильнѣе науки. Дочь твоя можетъ быть спасена; но если она останется съ тобою, въ этой сторонѣ, то не переживетъ своего дѣтства; развѣ случится какое-нибудь чудо.

При этихъ словахъ, сказанныхъ съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, которое сообщаетъ изреченіямъ науки всю торжественность смертнаго приговора, чеботарь почувствовалъ, что по всему тѣлу его пробѣжалъ смертный холодъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ въ лицо доктору, какъ-будто желая прочесть въ чертахъ его, какая бы могла быть истинная мысль, которая заставила его произнести ужасныя слова:— Дочь твоя умретъ, если останется съ тобою.

— Милостивый государь, сказалъ Протѣ, скрывая, сколько могъ, свое волненіе, я страстно люблю дочь мою. Это единственный ребенокъ, котораго я имѣлъ отъ жены, о которой и теперь не перестаю жалѣть, какъ въ первый день ея смерти. Нѣтъ въ мірѣ вещи, которой бы я не сдѣлалъ для сохраненія жизни этому бѣдному созданію, которое съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтъ, только-что страдало и плакало. Если бы когда-нибудь довелось найти ея маленькую постельку пустую, божусь вамъ, мнѣ осталось бы одно: бѣжать и броситься прямо головою въ какой-нибудь омутъ, потому что, если бы я пережилъ ея потерю, то сдѣлался бы величайшимъ негодяемъ въ мірѣ. И такъ я сдѣлаю все, что будетъ возможно, все, г. докторъ. Коли вы живете въ Парижѣ, я буду посылать за вами, чтобы вы ее лечили, и буду платить за визиты, прося васъ не щадить мой кошелекъ.... Я вѣдь не такъ бѣденъ, какъ кажется.... Я таки кое-чѣмъ владѣю въ нашей сторонѣ, не говоря уже о чистыхъ денежкахъ, и ничего никому не долженъ. Коли надобно, все положу до послѣдней копѣйки. Когда я увижу мою маленькую Аделину съ полными и красными щечками, то не буду думать, что слишкомъ дорого заплатилъ за ея здоровье.... Одного я не понимаю: за чѣмъ это вы говорите, что она тогда только вылечится, если не будетъ жить со мною.... Надо что ли везти ее въ Парижъ, чтобы лучше ее лечили? Если вы это хотѣли сказать, то мы сей-часъ будемъ готовы, наши сборы не велики.

— Парижская жизнь столько же мало для нея годится, какъ и деревенская, и еще меньше, возразилъ докторъ; но дай мнѣ кончить. Г-жа де Белльри, которая привезла меня сюда, собирается провести нѣсколько времени въ южной Франціи. Сей-часъ она спрашивала меня о твоей дочери, и я отвѣчалъ ей: одно только можетъ спасти этого ребенка: — яркое солнце и здоровый воздухъ другаго климата; но какъ сказать ея бѣдному отцу: дочь твоя умретъ, если не поѣдетъ въ Италію, или на Гіерскіе острова? Маркиза прервала меня: — мы ѣдемъ въ Провансъ, сказала она, и пробудемъ тамъ, можетъ быть, зимы двѣ. Этотъ добрый человекъ спасъ дочь мою.... Если жизнь его дочери зависить отъ нѣ-

сколькихъ лучей солнца, скажите ему, что я охотно возьму ее съ собою.—Теперь, сказалъ докторъ, смотря на чеботаря, я исполнилъ порученіе. — Маркиза добрыйшій изъ женщинъ, она будетъ пещись о твоей дочери, какъ самая нѣжная мать. Благодарность, которою она тебѣ обязана, служить ручательствомъ за любовь, которую дочь твоя найдетъ въ ея семействѣ; съ нею будутъ обходиться какъ съ сестрою маленькой Сесилии. Такъ точно, какъ всѣ признаки обязываютъ меня уведомить тебя объ опасномъ положеніи, въ которомъ находится малютка, такъ точно я, кажется, могу поручиться за ея выздоровленіе, если ты согласишься разстаться съ нею и отпустить ее съ г-жею де Бельери. Ни она, ни я не полагали, что ты хотя одну минуту будешь колебаться, покончилъ докторъ, видя, что чеботарь не отвѣчаетъ. Въ ту же минуту маркиза вошла въ комнату съ дѣтьми.

— Дочь твоя жалуется на холодъ, сказала она Протѣ, указывая ему на Аделину, которую укутала въ Сесилину мантилью. Протѣ взялъ Аделину на руки и молча цѣловалъ ее. Въ это время маркиза спрашивала взоромъ доктора, указывая на чеботаря, который погрузился въ глубокое размышленіе. Докторъ сдѣлалъ движеніе, которое означало: еще не рѣшился. Аделинѣ, по видимому, было не ловко на рукахъ отца; съ нею сдѣлался припадокъ сухаго кашля, и это потрясеніе отражалось на лицѣ ея болѣзненно-судорожными движеніями.

Когда припадокъ миновалъ, малютка тотчасъ забыла о боли, къ которой уже привыкла, и, казалось, любовалась богатою шелковою шубкою, въ которую нарядила ее маркиза.

— Ну, какъ же, сказала маркиза чеботарю, указывая ему на дочь; докторъ сказалъ тебѣ, что должно дѣлать....

— Разстаться съ нею! горестно прошепталъ отецъ, и говоря это, онъ смотрѣлъ на доктора, и, казалось, спрашивалъ взорами: неужто это правда, что вы говорили? Новый припадокъ кашля, сильнѣе прежняго, прервалъ малютку среди громкаго смѣха, и темно-багровыя пятна выступили на ея похудѣвшихъ щекахъ.

— Узнаешь ли ты болѣзнь матери въ страданіяхъ ребенка? спросилъ докторъ Протѣ, который оставался безмолвнымъ.

— Да, сударь, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, къ-несчастію, признаки тѣ же самыя; только если бы бѣдная жена моя была въ живыхъ, о, я увѣренъ, что она не отпустила бы ее; она бы слишкомъ боялась, что дочь ея уже не воротится къ ней.—Во время этихъ переговоровъ, священникъ селенія Монтиньи, проходя мимо, зашелъ, какъ онъ не рѣдко это дѣлывалъ, провѣдать о здоровьѣ Аделины. При видѣ незнакомыхъ посѣтителей, онъ хотѣлъ удалиться, но маркиза и докторъ просили его остаться и въ немногихъ словахъ изъяснили общее затрудненіе.

— Какъ отецъ и какъ христіанинъ, ты обязанъ принять благотельное предложеніе г-жи маркизы, сказалъ съ важностію священникъ, обращаясь къ чеботарю. Еще недавно ты молилъ Бога о спасеніи дочери. Безъ сомнѣнія, Онъ услышалъ твою молитву: ибо пути Провидѣнія видимо проявляются въ участіи, которое оказываетъ тебѣ г-жа маркиза. Отвергнуть ея предложеніе значило бы сдѣлаться виновнымъ въ сугубой неблагодарности—и къ великодушію особы, которая хочетъ доказать свою признательность, дѣлая тебѣ истинное добро,—и къ волѣ Божіей, внушившей ей эту мысль. Протѣ, я призываю тебѣ поручить дочь твою попеченіямъ маркизы.

— Но если я отпущу малютку, то во всемъ околodкѣ заговорятъ, что я обрадовался случаю отъ нея отдѣлаться.

— И твоя родительская нѣжность не можетъ стать выше какихъ-нибудь сплетенъ злыхъ празднолюбцевъ! отвѣчалъ священникъ. А что скажутъ тогда, когда узнаютъ, что ты отказался отъ предложенія, которое могло спасти жизнь твоей дочери?...—Эти послѣднія слова какъ будто убѣдили Протѣ. Онъ всталъ, взялъ малютку за руку и подвелъ ее къ маркизѣ.

— Ну такъ возьмите же ее, сударыня, сказалъ онъ, отирая двѣ крупныя слезы, которыя катились по щекамъ его; возьмите ее!

— Мы еще не такъ скоро ѣдемъ, отвѣчала молодая женщина; но чтобы приготовить дочь твою къ отсутствію, которое можетъ продолжаться нѣсколько времени, быть-можетъ, ты хорошо бы сдѣлалъ, если бы отпустилъ ее погостить въ замокъ до минуты отъѣзда. Я стану привозить ее къ тебѣ

разъ или два въ недѣлю, или ты самъ приходи навѣщать ее въ Морѣ. Такимъ образомъ ни тебѣ, ни ей не будетъ уже такъ трудно разставаться, когда наступитъ минута разлуки.

— Справедливо, замѣтилъ докторъ; хотя ребенокъ этихъ лѣтъ обыкновенно не имѣетъ воли, но лишняя предосторожность не мѣшаетъ. — И взглянувъ на священника, онъ, казалось, желалъ знать его мнѣніе.

Священникъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое одобреніе.

— Но вѣдь нужно же, по крайней мѣрѣ, снарядить ее?

— Не беспокойтесь объ этомъ, прервала маркиза. Аделина одолжила моей дочери свое платье, дочь моя, въ свою очередь, подѣлится съ нею. Съ нынѣшняго дня, прибавила она, обнимая въ одно время обѣихъ дѣвочекъ и лаская ихъ одною ласкою, съ нынѣшняго дня онъ сестры.

Не понимая ничего, что вокругъ нея происходило, хотя и чувствовала, что была предметомъ общихъ переговоровъ, Аделина охотно послѣдовала за маркизою. Отцовское сердце Прота терзалось, видя ея радость и нетерпѣнье, съ какимъ она ожидала, когда тронется съ мѣста блестящій экипажъ. Когда онъ исчезъ изъ вида, Прота долго стоялъ на порогѣ, не смѣя войти въ домъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описанныхъ происшествій Аделина уѣзжала въ Провансъ.

Отецъ разъ пять или шесть навѣщалъ ее въ Морѣ. Каждое посѣщеніе высказывало ему ясное равнодушіе, съ какимъ Аделина покидала родительскій домъ. Однакоже, перемѣна мѣста, которая такъ нравится дѣтямъ, видъ тысячи новыхъ предметовъ, которыми ей позволено было наслаждаться, роскошь, которая ее окружала, щегольской нарядъ, который она надѣвала съ дѣтскою кокетливостію, много изменили ея характеръ, ея молчаливый и принужденный видъ; потребность ласкъ, которую одинъ поэтъ называетъ *жлѣбомъ дѣтства*, — потребность, которую, живя съ отцемъ, она должна была подавлять въ себѣ, находила полное удовлетвореніе въ семействѣ, гдѣ сначала ее призрѣли изъ благодарности, и гдѣ вскорѣ она заставила любить себя. Когда отецъ говорилъ ей,

что ее увезутъ далеко, и что она долго, долго съ нимъ не увидится, малютка становилась задумчивою и не отвѣчала ни слова. Протѣ огорчился ея молчаніемъ; онъ не понималъ, что ребенокъ не можетъ имѣть полнаго понятія о времени и разстояніи.

— Научите ее не забывать меня, сказалъ онъ маркизъ въ тотъ день, когда окончательно простался съ дочерью.

— Я заставляю ее жить, чтобы любить тебя, какъ самая нѣжная дочь, отвѣчала г-жа де Белльри, которая уже замѣтила странную принужденность въ отношеніяхъ Аделины къ отцу ея.

Въ первое время по отъѣздѣ дочери, горестъ чеботаря была такъ сильна, что онъ не могъ оставаться дома. Онъ началъ даже посѣщать кабаки, чтобы запить свое горе. Произшествіе, которое ознакомить читателя съ происхожденіемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, заставило Протѣ воротиться къ своей обычной, дѣятельной и трудолюбивой жизни. Однажды онъ ѣздилъ по дѣламъ въ Фонтенеблѣ, запоздалъ тамъ, и вмѣсто того, чтобы воротиться домой лѣсомъ, пошелъ по большой дорогѣ, чтобы избѣжать подошвы горы Мерля, гдѣ недавно примѣтили стаю волковъ, разсвирѣпѣвшихъ отъ холода и голода.

Когда чеботарь поровнялся съ высотой Сентъ-Эремскаго Креста, ему почудилось, что онъ слышитъ слабые, жалобные вопли, которые, казалось, выходили изъ избушки, выстроенной стоявшими лагеремъ солдатами на самомъ перекресткѣ и озаряемой луннымъ свѣтомъ. Протѣ пошелъ въ томъ направленіи, откуда слышался голосъ, и войдя въ хижину, увидѣлъ странное зрѣлище. На полу, едва прикрытый дранными и худыми пеленками, лежалъ ребенокъ, полумертвый отъ холода. Протѣ спряталъ маленькое созданіе подъ свою шинель и бѣгомъ дошелъ до деревни Бурронъ, которая находится въ четверти мили разстоянія отъ Сентъ-Эремскаго Креста. Постоялый дворъ извозчиковъ былъ еще отворенъ; онъ вошелъ въ него, чтобы оказать нѣкоторую помощь найденышу.

Это былъ мальчикъ, по видимому 5-ти или 6-ти мѣсяцевъ, худой и слабый.

— Все равно, сказалъ Протѣ, какой есть, такого я и возьму. Завтра, чуть разсвѣнетъ, я объявлю меру, и если не отъпнутъ родные бѣднаго плаксы, я оставлю его у себя.

— Что жъ это сказывали монтиньинскіе, что ты не любишь дѣтей, замѣтилъ трактирщикъ. Это не клеится съ тѣмъ, что ты хочешь сдѣлать?—Протѣ нахмурилъ брови, не отвѣчалъ ни слова, и когда мальчикъ отогрѣлся, занялъ у трактирщика тележку, чтобъ поскорѣй добраться до дому. На другой же день онъ объявилъ меру о своей находкѣ, и меръ позволилъ ему оставить ребенка у себя.

— Право, онъ дурень, какъ смертный грѣхъ, говорилъ Протѣ священнику, рассказывая ему свои приключенія; но я далъ обѣтъ принести какого-нибудь сироту, если дочь моя выздоровѣетъ. Съ тѣхъ поръ я получилъ хорошія вѣсти, и пользуюсь первымъ случаемъ исполнить свое обѣщаніе. Подкидышъ тотъ же сирота, еще хуже. Ктому же, это невинное созданіе послужить мнѣ обществомъ. Я взялъ дурную привычку таскаться по кабакамъ. Онъ удержитъ меня дома. Я положилъ его на кроватку Аделины, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, домъ кажется мнѣ не такимъ уже пустымъ и печальнымъ. Когда онъ подростетъ, я научу его своему ремеслу. Какъ бы-то ни было, а счастливъ этотъ слонгтай, что мнѣ довелось проходить тутъ въ ночную пору! Какъ бы матери забыть ребенка въ такомъ мѣстѣ, если бы не было у ней дурнаго замысла! Съ недѣлю, всѣ только о томъ и твердятъ, что лѣсъ наполненъ волками!

Читатель, безъ сомнѣнія, угадалъ, что подкидышъ былъ никто иной, какъ Зефиръ, маленькій ученикъ чеботаря, тотъ самый, котораго онъ видѣлъ въ первой главѣ разсказа.

Прошло около 6-ти мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Аделины. Наканунъ новаго года чеботарь получилъ изъ Прованса письмо отъ маркизы. Въ немъ было вложено другое; неправильныя, но четкія буквы этого маленькаго посланія походили на тѣ, которыя выводять дѣти, когда начинаютъ писать. Оно заключало нѣсколько строкъ и было подписано: *Аделина Протѣ*. Это поздравленіе съ новымъ годомъ, продиктованное Аделинѣ,

маркизою, кончалось слѣдующими словами! «Ты увидишь, панаша, какъ я похорошѣла, и я уже совсѣмъ не кашляю!»

Чеботарь побѣждалъ показывать письмо дочери всѣмъ своимъ знакомымъ. Онъ охотно приклеилъ бы его къ дверямъ своего дома, чтобы всѣ могли его видѣть. Встрѣтивъ лѣснаго сторожа, который дѣлалъ объявленіе на площади, Протѣ прервалъ его въ исполненіи его обязанностей, и бросился къ нему съ письмомъ Аделины.

— Бьюсь объ закладъ, что это такъ же хорошо написано, какъ всѣ ваши бумаги, кумъ Талѣ, сказалъ чеботарь, красный отъ гордости.

— Еще бы! И эта малютка, которая едва дышала, ужъ такая ученая! Стало быть она теперь совсѣмъ выздоровѣла!... А знаешь ли, вѣдь оно почти безъ ошибокъ, прибавилъ сторожъ съ видомъ знатока. Протѣ оставилъ его и побѣждалъ показывать письмо нотаріусу, который выходилъ изъ своей конторы. Аделина воротилась послѣ почти двухгодоваго отсутствія. Протѣ не узналъ ее, такъ она перемѣнилась. Худенькое созданіе, въ которомъ жизнь, казалось, такъ же слабо держалась, какъ держится на вѣткѣ листь, порываемый бурей, превратилось въ красивое дитя, правда, не толстое и красное, какимъ желалъ видѣть его отецъ, но благородное до того, что, по виду, никто не угадалъ бы его происхожденія.

— Право, мнѣ все хочется назвать ее «сударыня», сказалъ онъ маркизъ.

— Я привожу ее назаль, но еще не возвращаю тебѣ, сказала маркиза.

Она умѣла найти тысячу причинъ, изъ которыхъ многія лѣстили тщеславію чеботаря, и убѣдила его оставить у ней Аделину, чтобъ дать ей одинаковое воспитаніе съ Сесиліею.

— Что же она будетъ дѣлать со всей этой наукою? спросилъ чеботарь.

Маркиза, на минуту остановленная этимъ размышленіемъ, успѣла однакожь успокоить сомнѣнія Протѣ.

Проведя нѣсколько дней въ Монтиньи, Аделина поѣхала съ маркизою въ Парижъ. На слѣдующее лѣто она воротилась въ Морѣ, гдѣ Протѣ часто съ нею видался. Сообразно съ объ-

паніями маркизы, Аделина сдѣлалась самою нѣжною дочерью. Отцу очень хотѣлось взять ее къ себѣ, но всякій разъ, когда онъ обнаруживалъ это намѣреніе, маркиза отвѣчала ему:

— Спроси у Сесиліи, согласна ли она разстаться съ названною сестрою?

И Прота возвращался одинъ, полупечальный, полудовольный: печальный потому, что ему казалось, что Аделина не слишкомъ торопится покинуть свое новое семейство; довольный потому, что родительской его гордости любо было видѣть, что дочь его воспитывается, какъ знатная дѣвица. Это состояніе дѣлъ продолжалось 6 лѣтъ.

Аделина проводила каждое лѣто въ замкѣ Морѣ и каждую зиму возвращалась въ Парижъ. Видя, что въ семействѣ обходились съ нею ласково и дружелюбно, привычные посѣтители дома оказывали ей участіе, въ которое, безъ сомнѣнія, много входила вѣжливость; по крайней мѣрѣ, по наружности нельзя было подозрѣвать, что они удивляются ея долгому пребыванію въ отели Бельри. Что касается до Сесиліи, то она имѣла къ Аделинѣ самую искреннюю привязанность; не одна привычка заставляла ее любить подругу, съ которою она помѣнялась почти первыми словами, выговоренными ея младенческими устами, и первыми мыслями, которыя могла вѣдѣть ея головка. Безкорыстная, какъ бываютъ дѣти, когда не знаютъ еще различныхъ жизненныхъ нуждъ и обязанностей званія, которое занимаютъ въ свѣтѣ, Сесилія съ радостію отказалась бы отъ половины имѣнія, которое должно было ей достаться, чтобы дочь чеботаря была ей сестрою по крови, точно такъ, какъ была ей сестрою по чувству. По этому, она до слезъ огорчалась, когда въ ихъ задушевныхъ бесѣдахъ Аделина давала ей понять, что наступитъ день, когда разлука сдѣлается неизбежною.

— За чѣмъ намъ разставаться? спрашивала Сесилія. Развѣ тебѣ не хорошо у насъ?

— Но ты сама не всегда останешься съ твоими родителями, отвѣчала Аделина. Тебя выдадутъ за мужъ.... А твой мужъ....

— Я выйду только за того, кто будетъ исполнять все мои желанія, возражала рѣзвая дѣвочка; а первымъ моимъ желаніемъ будетъ то, чтобы ты жила съ нами.

Аделина улыбалась.

— А отецъ мой? прибавила она. Онъ останется одинъ. — Сесилія опускала голову и отвѣчала:— Да! это правда.

— Когда наступитъ минута разлуки, продолжала Аделина, еще будетъ время огорчаться; зачѣмъ думать о томъ заранее.

И отдавшись вполне настоящей минутѣ, дѣвушки забывали будущее и думали только о счастіи жить одна возлѣ другой, раздѣляя удовольствія, занятія, и строя вмѣстѣ тѣ очаровательные, воздушные замки, которые волнуютъ 15-ти-лѣтнее воображеніе. Когда воспитаніе Сесиліи было кончено, родные стали вывозить ее въ свѣтъ. Аделина, допущенная въ короткій кругъ отеля Бельери, не могла слѣдовать за своею подругою на балы, на которые маркиза возила дочь свою. Такъ какъ у ней было много врожденнаго здраваго смысла, еще болѣе развитаго полученнымъ ею образованіемъ, то ея тщеславіе нисколько не страдало отъ этого острацизма. Напротивъ того, это исключеніе такъ огорчало Сесилію, что иногда она нарочно сказывалась больною, чтобы отказаться отъ приглашеній, которыхъ не могла раздѣлять ея подруга, одаренная превосходнымъ сердцемъ; эта молодая дѣвушка желала бы передѣлать общественные законы въ пользу своихъ привязанностей. Простодушно удивлялась, почему ей нельзя было брать съ собою Аделину въ свѣтъ, когда она передъ лицомъ всѣхъ ѣздила съ нею въ театръ, въ концерты, или на гулянье. Однажды она навлекла на себя строгій выговоръ отъ матери, разсердившись на молодаго человѣка, который, встрѣтивъ ее съ Аделиною, поклонился ей съ бѣлымъ уваженіемъ, чѣмъ ея подруга. Впослѣдствіи, на балахъ, гдѣ она съ нимъ встрѣчалась, она упорно исключала его изъ всѣхъ своихъ кадрилией. Когда ей наступилъ 16-й годъ, родители стали думать о томъ, чтобы ее пристроить. Первый женихъ, который сдѣлалъ ей предложеніе, былъ именно тотъ, къ которому она начинала чувствовать нѣкоторую симпатію. Слово было дано съ обѣихъ

сторонѣ; свадьба отложена на полгода; но послѣдніе дни своей дѣвичьей жизни Сесилія должна была провести у одной изъ своихъ родственницъ съ отцовской стороны, жившей въ Турени. Сесилія хотѣла взять съ собою Аделину, но Аделина, втайнѣ предупрежденная маркизою, дала понять своей подругѣ, что это невозможно и что наступила минута разстаться. Трогательно было ихъ прощаніе. Съ равною искренностію поклялись онѣ въ вѣчной дружбѣ, и, прежде отъѣзда въ Турень, Сесилія требовала отъ жениха своего, чтобы Аделина присутствовала на ея свадьбѣ. Онѣ, разумеется, согласились, какъ человѣкъ, который видѣлъ въ этомъ желаніи ребяческую прихоть сентиментальной дѣвушки.

Въ одно ноябрьское утро, Сесилія и родители ея отвезли Аделину къ отцу ея. Маркизь, который вписался въ число кандидатовъ на будущіе департаментскіе выборы, желая приобрести народную благосклонность, принялъ безъ церемоній почтительное приглашеніе, переданное ему Аделиною отъ отца ея, пріѣхать къ нему отобѣдать. Пригласили также священника. Черезъ часъ послѣ того вся деревня узнала, что Аделина воротилась къ отцу и что чеботарь угощаетъ маркиза. То-то было разговоровъ на посидѣлкахъ, которыя начинались именно въ тотъ вечеръ! На другой день извозчикъ привезъ изъ Парижа въ Монтины всю мебель изъ комнаты, которую занимала Аделина въ отели Бельри.

Разбираясь въ комодахъ, Аделина нашла въ одномъ изъ ящичковъ банковыхъ ассигнацій на 10 т. франковъ въ маленькомъ, вышитомъ Сесиліею, бумажникѣ. Тутъ же была записочка слѣдующаго содержанія: «Это деньги, сбереженные мною отъ моихъ собственныхъ дѣвичьихъ расходовъ; возьми ихъ, какъ я даю тебѣ, не считая; эта капля, убавленная отъ моего состоянія, далеко не сдѣлаетъ въ немъ той пустоты, которую твое отсутствіе оставитъ въ моемъ сердцѣ. Благодарить—значило бы почти обидѣть меня. Представь же себѣ, какъ бы приняла я отказъ! Онѣ заставилъ бы меня думать, что я для тебя уже не то, чѣмъ всегда хочу оставаться, вблизи какъ вдали, сестрою твоею—Сесиліею.»

Аделина совѣтовалась съ отцемъ, должна ли она принять такую значительную сумму. Это привело его въ большое затрудненіе. Быть судьей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ также нѣсколько и участникомъ, и гдѣ, само собою разумется, мнѣніе его уже заранѣе было сдѣлано! Онъ притворился, что раздѣляетъ недоумѣніе дочери, говорилъ и *за* и *противъ*, и, въ заключеніе всѣхъ своихъ хитрыхъ разсужденій, умѣлъ убѣдить ее въ необходимости принять подарокъ, особенно настаивая на огорченіе, которое отказъ ея причинитъ подругѣ. «Еслибы она сунула это тебѣ въ руки, какъ милостыню, такъ мы еще посмотрѣли бы; но она такъ мило тебѣ предлагаетъ, что нѣтъ никакихъ средствъ отказаться. Ктому же, мы не такъ бѣдны, чтобы безъ нужды показывать гордость. И безъ этихъ денегъ ты не засидѣлась бы въ дѣвкахъ; но когда станешь выходить за-мужъ, зятю не будетъ непріятно найти въ приданомъ эти клочки бумаги, не говоря уже о томъ, что они позволять тебѣ быть разборчивою.»

Возвращеніе дѣвушки въ домъ родительскій сдѣлалось въ немъ поводомъ ко всеобщей передѣлкѣ. Протѣ хотѣлъ, чтобы она поселилась въ самой хорошенькой комнатѣ, и не находя ее довольно красивою, призвалъ лучшаго обойщика изъ Немура, чтобы наружный ея видъ не представлялъ противоположности съ щегольскою мебелью, привезенною изъ Парижа.

Аделина дала отцу полную волю во всемъ, что касалось до украшенія дома; но къ величайшему удивленію добраго старика, отказалась носить свои городскіе наряды и одѣлась по туземной модѣ. Она, сначала, хотѣла взять на себя всѣ попеченія о домашнемъ хозяйствѣ; но по слабости, или по неумѣнью, не долго выдерживала эту роль и позволила отцу нанять служанку. Извѣстны причины, побудившія Протѣ взять тетку Магдалину. Чеботарь былъ такъ счастливъ, сдѣлавшись наконецъ обладателемъ своей дочери, что въ первые дни едва не сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бросилъ свой прилавокъ и проводилъ все время, смотря, какъ *малюпка* съ пріятностію движется въ той самой комнатѣ, гдѣ первые шаги ея такъ долго были слабые и колеблющіеся. Онъ припоминалъ, какъ былъ несправедливъ къ ней въ ея ребячествѣ, и какъ

мало щадилъ ея нѣжный возрастъ въ гнѣвъ и вспыльчивости, которые заслужили ему славу дурного отца. Онъ спрашивалъ себя, достаточнымъ ли наказаніемъ были угрызенія и горесть, испытанныя имъ въ послѣдствіи? Его особенно озабочивало желаніе узнать, не оставило ли слѣдовъ въ сердцѣ дочери какое-нибудь воспоминаніе первыхъ годовъ въ жизни? Онъ едва осмѣлился разспрашивать ее о прошедшемъ; такъ онъ боялся, что услышитъ какое-нибудь слово, которое послужитъ ему доказательствомъ, что цвѣтущая здоровьемъ молодая дѣвушка, которую онъ теперь душилъ своими ласками, помнила о томъ времени, когда старалась заглушить вопли, исторгаемые у нея страданіемъ, чтобы не возбудить въ немъ досады. Безпрестанно наблюдая за дочерью, онъ изучалъ ее во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, въ самыхъ незначущихъ ея словахъ. Сдѣлавшись психологомъ, самъ того не зная, онъ подводилъ всѣ мысли Аделины подъ стекло тончайшаго анализа, желая открыть: не осталось ли какое-нибудь горькое чувство въ этой душѣ, нѣкогда имъ оскорбленной? Ночью онъ просыпался, чтобы посмотреть, какъ она спитъ. Онъ прислушивался къ чистому и ровному дыханію этой груди, которую такъ долго раздиралъ жестокой кашель. Онъ накидывалъ ей на плечи простыню, которая съ нея спадала; онъ подбиралъ подъ нее со всѣхъ сторонъ ея одеяло. Обожаніе его угадывало инстинктомъ всѣ тѣ трогательныя попеченія, всю ту заботливость, которая приходитъ на умъ только самымъ нѣжнымъ матерямъ, или самымъ страстнымъ любовникамъ.

Однажды ночью, Аделина проснулась въ то время, какъ отецъ стоялъ въ ногахъ ея кровати.

— Мнѣ показалось, что ты кашляешь, сказалъ онъ, нѣсколько смутившись.

— Ты знаешь, что я больше не кашляю, . отвѣчала она со смѣхомъ; и при томъ, если бы мнѣ и хотѣлось кашлять, я удержалась бы, чтобъ тебя не обезпокоить.

Хотя эти слова сказаны были очень просто и безъ всякаго намѣренія, Протѣ принялъ ихъ за намекъ на прошедшее. Онъ сдѣлался печаленъ; Аделина поняла, что отецъ ея видѣлъ въ нихъ упрекъ, и убѣдила его въ его ошибкѣ такими

ласковыми рѣчами, осыпала его такими нѣжными ласками, изъясненіями такой горячей привязанности, что добрякъ шепталъ ей, смѣясь и плача въ одно время: О, пожалуйста огорчай меня почаще, чтобы утѣшать такимъ образомъ!

Не смотря на всю любовь, которую ей оказывали въ домѣ г-жи де Белльри, отъ Аделины не ускользнули оттънки, порождавшіе такую разницу между попеченіями, которыхъ она была предметомъ, и тѣми, которыя окружали молодую маркизу, страстно любимую родителями. Видя себя идоломъ отца своего, она вскорѣ поняла и оцѣнила любовь, которой была лишена во все то время, какъ сдѣлалась ребенкомъ чуждаго ей семейства. Дѣвушка, одаренная чувствительнымъ сердцемъ и здравымъ разсудкомъ, умѣла сознаться, что была ничто иное, какъ скромная поселянка, прихотью случая поставленная, или, лучше сказать, переставленная въ блестящую раму. По этому она скоро забыла всѣ прихоти своего прежняго существованія, всѣ привычки къ роскоши и изяществу, которыя себѣ усвоила; а если и не совсѣмъ ихъ забыла, то, по крайней мѣрѣ, не позволяла себѣ никакого наружнаго проявленія, которое могло бы заставить подумать отца ея, что она жалѣетъ о прошедшей жизни. Поставленная царицею и повелительницею въ своемъ скромномъ хозяйствѣ, она старалась сдѣлать власть свою кроткою и царствовать для того только, чтобы дарить радость тому, кто окружалъ ее такою любовію. По возвращеніи въ домъ, она нашла въ немъ сироту, принятаго отцемъ ея, маленькаго Зефира, которому тогда было лѣтъ 11-ть, и котораго прозвали такъ въ насмѣшку надъ его безпечною и медленностью его походки. Маленькій негодяй любилъ праздность до безстыдства и склонность его къ лѣни обнаружилась съ самыхъ раннихъ годовъ. Названный отецъ его, чеботарь, посылалъ его въ деревенскую школу, чтобы онъ выучился грамотѣ, но Зефиръ никогда не выходилъ изъ класса безъ бумажнаго колпака, и каждая изъ буквъ азбуки стоила ему безчисленнаго множества нулей. Всѣ увѣщанія чеботаря были напрасны; самыя строгія наказанія находили мальчика нечувствительнымъ. Онъ ненавидѣлъ дѣятельность. Даже игры — эта страсть дѣтства — казались ему

тягостными. Онъ охотно отказался бы отъ обѣда, чтобъ проспать лишній часъ. Когда Протѣ усадилъ его за прилавокъ, столько для того, чтобы извлечь нѣкоторую пользу изъ трудовъ ученика своего, какъ и для того, чтобы выучить его ремеслу, которымъ онъ могъ бы со временемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, Зефиръ въ цѣлый годъ не могъ выучиться называть различный инструментъ чеботарскаго ремесла. Лишь только хозяинъ его отворачивался, онъ убѣгалъ изъ дому и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на пѣну, которая воздымала мельничное колесо. Другое его удовольствіе состояло въ томъ, чтобы въ солнечный день отдыхать на лугу, лежащемъ по ту сторону Луана. Зарывшись въ густую траву, которая скрывала его отъ глазъ, онъ смотрѣлъ, какъ летѣли облака, гонимыя вѣтромъ. Когда голодъ слишкомъ сильно понуждалъ его, онъ возвращался домой и выносилъ бурный гнѣвъ дяди Протѣ съ спокойствіемъ животнаго, или съ безчувственностію камня. Однакожь Зефира нельзя было назвать безсмысленнымъ; напротивъ того, онъ былъ одаренъ достаточнымъ умомъ, но не показывалъ его изъ пренебреженія, или изъ боязни, чтобы хозяинъ его не попробовалъ употребить его въ дѣло. Вотъ черта, которая прекрасно рисуетъ характеръ страннаго ребенка, рожденнаго для того, чтобы вести жизнь неаполитанскаго ладзарони. Однажды, когда онъ показалъ себя еще лѣнливѣе обыкновеннаго, Протѣ сказалъ ему съ важностію:

— Поди въ *Осинки* и сръжь палку въ замѣну той, которую я объ тебя изломалъ.

Зефиръ пошелъ въ *Осинки* и принесть поддожины палокъ, которыя, безъ преувеличенія, можно было назвать дубинками.

— Я велѣлъ тебѣ сръзать одну, а ты принесть цѣлыхъ шесть, сказалъ чеботарь.

— Я принесть побольше для того, чтобы не ходить туда такъ часто, отвѣчалъ спокойно Зефиръ.

Аделина приняла въ немъ участіе и бралась исправить его отъ неизлечимой безпечности. Ученикъ, непокорный укорамъ Протѣ, какъ-будто силился повиноваться кроткому голосу двушки, которая, такъ сказать, прикладывала цѣлеб-

ный бальзамъ ласкъ на раны, нанесенныя мальчику отцовскими побоями.

Такова была прошедшая жизнь лицъ, встрѣченныхъ живописцемъ въ семействѣ Протѣ, когда случай сдѣлалъ его въ первый разъ гостемъ чеботаря.

II.

Домашнія ссоры.

Мы станемъ продолжать разсказъ съ возвращенія живописца. Читатель помнить, безъ сомнѣнія, ласковый пріемъ, сдѣланный ему чеботаремъ. Онъ, вѣроятно, не забылъ также, что Аделина не могла совершенно скрыть замѣпательства при видѣ художника, хотя знала о его возвращеніи нѣсколькими днями ранѣе, и хотя имѣла все время приготовиться встрѣтить его съ приличнымъ спокойствіемъ. Даже старуха Магдалина, какъ мы уже видѣли, способствовала къ радушному пріему, сдѣланному молодому *désigneux*, стараясь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, отличиться въ своемъ званіи *кухмистера*. Выслушавъ заслуженные ею комплименты отъ путешественника, старуха воротилась въ кухню и увела съ собою Аделину, чтобы та научила ее обходиться съ кофейникомъ новаго устройства, купленнымъ въ то же самое утро. Наконецъ,—и это будетъ послѣднимъ усиліемъ его памяти,—пусть вспомнить читатель, что ученикъ Зефиръ, одинъ изъ всего дома, показавъ враждебное чувство при видѣ Лазѣра. Никто не могъ понять причины его поступка; только онъ покинулъ художника на порогъ хозяйскаго дома и исчезъ такъ же быстро, какъ исчезаетъ шарикъ въ рукахъ фокусника.

— Но, спрашивавъ Лазѣръ своего хозяина, приглашая его чокнуться, куда же такъ скоро удалилась твоя дочка? Я едва успѣлъ поздравить ее съ ея цвѣтущею наружностію.

— Я увѣренъ, отвѣчалъ чеботаръ, прихлебывая вино съ удовольствіемъ знатока и хозяина, я увѣренъ, что дочь и Магдалина побѣждали состряпать для васъ еще какое-нибудь лакомство.

— Право, дядя Протà, ты принимаешь меня скорѣе какъ друга, нежели какъ нахлѣбника.

— Развѣ это вамъ непріятно, или вамъ противна дружба маленькихъ людей, какъ мы?

Лазарь поспѣшилъ возразить противъ такого обвиненія.

— Нѣтъ, не правда ли? продолжалъ чеботарь. Во всякомъ случаѣ, съ вашей стороны это было бы очень дурно! Когда, третьяго дня, письмо ваше извѣстило насъ о вашемъ прибытіи, оно упало посреди насъ словно бомба, начиненная счастьемъ. *Малютка* не помнила себя отъ радости; даже старуха Магдалина какъ будто помолодѣла. Одинъ Зефиръ не радовался, и какъ мнѣ стало досадно, что онъ ходитъ съ длиннымъ лицомъ, когда мы все довольны, то я принужденъ былъ надавать ему колотушекъ, чтобы развеселить его.

— Неужели я имѣлъ несчастіе заслужить неблагосклонность моего Зефира? сказалъ, смѣясь, живописецъ. Я и догадывался, что его не очень радуетъ пріѣздъ мой въ Монтини; но впрочемъ, какое же ему до меня дѣло?

— О! я, кажется, маленько угадываю, отвѣчалъ Протà: онъ чувствуетъ, что вы, какъ въ прошлые годы, станете навѣшивать на него вашъ инструментъ, когда пойдете въ лѣсъ; а какъ ему кажется слишкомъ тяжелымъ носить собственную кожу, то, разумеется, это его и беспокоитъ! Вотъ ужъ, клянусь Богомъ, м-г Лазарь, не посчастливилось мнѣ въ тотъ день, какъ я поднялъ этого лѣнтяя, синяго отъ холода, на Бурронской дорогѣ. Ахъ, если бы я не далъ клятвы передъ Богомъ пріютить сироту, котораго, по челоуѣчеству, вырвалъ изъ волчьей пасти, давно бы уже я сказалъ ему: послушай, братъ, у тебя вѣрно есть гдѣ-нибудь родные на бѣломъ свѣтѣ! Ты скажешь: свѣтъ великъ, но у тебя здоровыя ноги; сдѣлай мнѣ удовольствіе, ступай отыскивать свое семейство!

— Ну, ну, дядя Протà, прервалъ его Лазарь, ты не то говоришь, что думаешь. Не можетъ быть, чтобы ты раскался въ добромъ дѣлѣ, за которое, рано или поздно, Зефиръ будетъ тебя благодаренъ, когда оцѣнитъ, что ты для него сдѣлалъ и что еще сдѣлаешь.

— Благодаренъ! какъ же! Бьюсь обь закладъ, что онъ

и понятія не имѣть ни объ имени, ни о вещи. Развѣ ему мало было времени доказать мнѣ свою благодарность? Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ онъ ѣстъ мой хлѣбъ. Нельзя сказать, чтобы онъ согрѣшалъ по невѣдѣнію, когда дѣлаетъ худое, потому что еще болѣе золъ, нежели глупъ. Вотъ за что я и поступаю съ нимъ суровѣе, нежели бы желалъ; но этотъ негодяй хотъ святаго выведетъ изъ терпѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ я взялся выучить его ремеслу, поверите ли, онъ не въ состояніи еще порядочно надѣть чебота на ногу! О! это дурное сѣмя! Но полно; перестанемъ говорить объ немъ.

— Это странно, однакожь, замѣтилъ Лазарь. Я помню, что прошлаго года дѣлалъ изъ него, чтò хотѣлъ.

— Это правда, отвѣчалъ чеботарь; было у него нѣсколько добрыхъ мѣсяцевъ, и въ это-то время онъ и выучился тому немногому, чтò теперь знаетъ, т. е. читать и писать. Одному Богу извѣстно, сколько это стоило Аделинѣ терпѣнія и мягкаго хлѣба! Я даже былъ имъ порядочно доволенъ послѣ вашего отъѣзда; добрые совѣты, которые вы ему давали, привычка къ усталости, которую онъ взялъ, бѣгая съ вами по лѣсу, немножко отучили его отъ лѣности. Онъ слушалъ съ терпѣніемъ мои увѣщанія, что придетъ день, когда онъ радъ будетъ знать какое-нибудь ремесло. Я начиналъ думать, что изъ него еще можетъ выдти что-нибудь путное. Замѣтя эту выгодную перемѣну, которою онъ отчасти обязанъ наставленіямъ моей дочери (она, моя душечка, ласкала и голубила его, какъ роднаго брата),—я говорилъ самъ съ собою:—худо ты взялся за дѣло, дядя Протѣ! ты билъ его, такъ онъ не трогался съ мѣста. Аделина ласкаетъ его,—вотъ онъ и двигается!—Съ полгода дѣло шло хорошо,—по-крайней-мѣрѣ, не совсемъ худо; онъ умѣлъ уже порядочно отдѣлать кусокъ вяза или каштанника. Когда я приказывалъ ему то или другое, онъ не прикидывался глухимъ, не нылъ съ утра до вечера; правда, нѣтъ случалось дать ему подѣ-часъ оплеуху за то, что онъ слишкомъ долго гдѣ-нибудь таскается, или слишкомъ туго понимаетъ, чтò я ему толкую,—но когда оплеуха была дана, я почти раскаявался, что побилъ малаго, и, чтобы его утѣшить, посылалъ его поиграть съ часокъ. Когда я говорю

поиграть, это значитъ просто, что онъ садился на тотъ берегъ рѣки и глазѣлъ, какъ летаютъ ласточки, прыгаютъ лягушки, или, какъ вертится мельничное колесо. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, ему, видно, надобно идти по хорошей дорогѣ. Какъ словно ему жаль стало побоевъ и ругательствъ; онъ принялся вызывать ихъ что ни-есть мочи, воротившись ко всемъ своимъ дурнымъ привычкамъ; опять должно было три раза толковать про одно и то же, и все для того, чтобы онъ ни разу ничего не сдѣлалъ. Я снялъ со стѣны палку. Куда тебѣ! Все равно, что бить по себѣ! Аделина опять принялась читать ему проповѣди; только ея нѣжности такъ же мало имѣли успѣха, какъ и моя дубинка, и еще меньше. Теперь, дочь и я совсѣмъ отъ него отступились. Да я ужъ и рѣшился: не сего-дня, такъ завтра, соберу его пожитки въ мѣшокъ, положу туда 10 экю и пушу его на всѣ четыре стороны на волю Божью.

— Странно, сказалъ Лазарь, который съ видимымъ участіемъ слушалъ рассказъ хозяина. Не смотря на шутку, которую онъ давеча со мной сыгралъ, не смотря на дурное ко мнѣ расположеніе, я принимаю участіе въ этомъ маленькомъ негодѣ. Я не вѣрю, чтобы человѣкъ могъ родиться дурнымъ, какъ ядовитое растеніе. Ты взялъ его еще въ пеленкахъ; ты добрый и честный человѣкъ; давалъ ему одни хорошіе совѣты; дочь твоя пеклась объ немъ, какъ родная сестра; стало быть, не у васъ же въ домѣ онъ испортился.

— Я не согласенъ съ вами, мосье Лазарь, возразилъ Прота, качая головою; я вѣрю, что есть люди, которые родятся дурными. У насъ сосѣдка беретъ дѣтей на воспитаніе; недавно у ней былъ ребенокъ; только что у него прорѣзались зубы, взялъ да укусилъ ее. Что вы объ этомъ скажете?—Это доказательство, на которомъ чеботарь простодушно основывалъ свое убѣжденіе, заставило улыбнуться художника, который, однакожъ, не захотѣлъ заводить спора о такомъ важномъ предметѣ. Лазарь думалъ, что всякая странность имѣетъ свою причину, извѣстную или скрытую, и просилъ чеботаря потерпѣть еще нѣсколько времени, прежде нежели онъ рѣшится покинуть своего ученика на произволъ судьбы.

— Мне кажется, что у него ни сердце, ни умъ не испорчены, сказалъ Лазарь; особенно въ прошломъ году, во время моихъ странствованій по этой сторонѣ, я разговаривалъ съ нимъ столько, сколько можно разговаривать съ мальчишкой. Ну, я признаюсь тебѣ: онъ часто удивлялъ меня своими сужденіями, и мнѣ случалось слышать отъ него такія замѣтки, которыя далеко превышаютъ его возрастъ. Въ особенности онъ одаренъ чрезвычайною чувствительностію, что почти всегда служить признакомъ добраго сердца. Онъ лѣнивъ, правда; но его лѣнь не безъ дѣйствія: это лѣнь, которая ищетъ неподвижности тѣла, чтобы предоставить уму всю его дѣятельность. Онъ лѣнивъ, какъ бываютъ лѣнны всѣ мечтатели.

— О чемъ ему мечтать? спросилъ съ удивленіемъ Протѣ.

— Это ужъ его тайна, отвѣчалъ Лазарь. Я могъ бы еще болѣе распространиться на счетъ странностей, которыя въ немъ замѣтилъ; но должно входить въ подробности и изъясненія, которыя, не въ обиду тебѣ, дядя Протѣ, ничего бы тебѣ не объяснили.

— А почему жъ вы такъ полагаете? спросилъ чеботарь.

— Почему? продолжалъ художникъ. Боже мой!... потому что.... ну, однимъ словомъ, ты ничего бы не понялъ.

— Я понимаю все, что можетъ понять человѣкъ, не лишенный здраваго смысла и привыкшій употреблять его къ пользѣ своей и другихъ, отвѣчалъ Протѣ съ нѣкоторою досадою. Такъ я понимаю, напр., что вы добрый молодой человѣкъ, принимаете участіе въ этомъ увальнѣ и стараетесь обмыть его отъ недостатковъ, которые со временемъ сдѣлаются пороками. Я понимаю, что вы хотите воспользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы читать ему проповѣди и толковать, что онъ крадетъ у меня каждый кусокъ хлѣба, который кладетъ себѣ въ ротъ; но не думаю, чтобы онъ захотѣлъ васъ понять. Онъ словно угадалъ ваши намѣренія, потому что удралъ, какъ заяцъ, за которымъ гонится стая собакъ.

— Это правда, что онъ не только не встрѣтилъ меня съ дружелюбіемъ, какъ я ожидалъ, сказалъ Лазарь, но что мое присутствіе какъ-будто испугало его. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣгъ

ству его есть причина, что эта причина соединяется съ тайною, о которой я говорилъ тебѣ, и, вѣроятно, та же самая тайна незаметно дѣйствуетъ на характеръ его и поступки. Впрочемъ, это удаленіе—одна прихоть; онъ вѣрно недалеко, и какъ бы поздно ни воротился, а все-таки воротится.

— Ужъ безъ всякаго сомнѣнія! сказалъ чеботарь, вернется, лишь только заслышитъ запахъ щей.

— Ну, возразилъ художникъ, какъ скоро онъ вернется, я отведу его къ сторонѣ и непременно допытаюсь, отъ чего мой пріѣздъ заставилъ его обратиться въ бѣгство.

— Боюсь, что вы ничего отъ него не добьетесь. Онъ останется нѣмъ, какъ рыба. Ужъ коли онъ заберетъ себѣ въ голову молчать, то хоть изрубите его въ куски, ни слова не скажетъ, даже не солжетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я замѣтилъ, что онъ никогда не лжетъ, сказалъ Лазарь. Отсутствіе этого недостатка извиняетъ отсутствіе многихъ добрыхъ качествъ. Откровенность— добрый знакъ. Ребенокъ, который не лжетъ, рѣдко дѣлается безчестнымъ человекомъ. Если бы Зефиръ былъ лгуномъ, сколько разъ онъ могъ бы въ своихъ продѣлкахъ найти извиненія, которыя спасли бы его отъ твоихъ побоевъ. Предпочитая не избѣгать наказанія, онъ доказываетъ свою храбрость и въ то же время отдаетъ себѣ справедливость.... Ну, божусь тебѣ: по мнѣ, это еще достоинство!

— Эхъ, сударь! вскричалъ чеботарь, право, вы меня не на шутку удивляете. Дай вамъ только волю,—не пройдетъ четверти часа, какъ вы меня увѣрите, что этотъ негодяй—образецъ всѣхъ совершенствъ.

— Ну, я такъ далеко нейдю, замѣтилъ художникъ; я только выставляю тѣ достоинства, которыя въ немъ находятся. Прошу тебя, не отсылай этого мальчика до моего отъѣзда. Я думаю, что въ это время, и даже нѣсколько прежде, ты замѣтишь въ немъ перемѣну. Если ты это для меня сдѣлаешь, то я, сверхъ того, попрошу тебя не заниматься имъ больше, а предоставить его въ полное мое распоряженіе.

— Я не любопытенъ, замѣтилъ Прота; но признаюсь, ждалъ бы знать, какъ вы намѣрены за это взяться. Поду-

майте-ка, сударь: мнѣ, которому онъ долженъ повиноваться, какъ хозяину, если не какъ отцу, мнѣ не возможно было выдѣлать изъ него что-нибудь путное.

— Быть можетъ, эта самая власть, которую ты хочешь заставить его признать, и возбуждаетъ въ немъ чувство сопротивленія. Быть можетъ, обладаетъ онъ способностями, которыя не находятъ приложенія въ теперешней его жизни. Все это мнѣ должно будетъ распутать. Какъ я возьмусь за это? Самъ не знаю; но ужъ навѣрное иначе, нежели ты. Такъ какъ я въ отношеніи къ нему, человѣкъ совершенно посторонній, то онъ будетъ со мною свободнѣе. Чтобы пріобрѣсти его довѣренность, я, пожалуй, сдѣлаюсь его товарищемъ.

— Послушайте: право, вы слишкомъ добры, сказалъ чеботарь, что беспокоитесь объ этомъ негодяѣ.

— Добры! сказалъ художникъ, улыбаясь. О Боже мой! Дядя Протѣ, не считай меня лучше, нежели я въ самомъ дѣлѣ. Въ участіи, которое я принимаю въ твоёмъ ученикѣ, гораздо менѣе доброты, нежели любопытства. Этотъ малый подстрекаетъ меня. Это родъ загадки, которую я хочу отгадать. Боже мой, въ деревнѣ, въ дурную погоду, когда не знаешь, чѣмъ заняться, иногда бываетъ такъ скучно! Здѣсь развлеченія не слишкомъ многочисленны. Я стану забавляться разгадкою загадочнаго Зефира. Не все ли равно, что заниматься этимъ, что идти играть въ пикетъ въ трактиръ *Благо Дома*.

— Дѣлайте, что хотите, г. Лазарь, заключилъ чеботарь; но одолжите и меня также: не станемъ больше говорить о Зефирѣ.

— Это дѣло рѣшеное, отвѣчалъ художникъ. Мы поговоримъ объ немъ тогда только, когда можно будетъ сказать хорошее. Станемъ надѣяться, что это не замедлитъ случиться.

Въ эту самую минуту Аделина принесла кофе.

Лазарь особенно любилъ этотъ напитокъ. Въ прежніе года ему не разъ случалось жаловаться на кофе, приготовленный теткою Магдалиною. Дѣйствительно, добрая старуха упорно держалась стариннаго способа, который состоитъ въ томъ, чтобы варить въ одно и то же время гущу и кофе въ глиняномъ сосудѣ и потомъ бросить въ него горящій уголь,

чтобы ускорить отстой. Какъ всѣ пожилые люди, которыхъ пугаютъ нововведенія, подѣ какою бы формою они ни представлялись, Магдалина въ самыхъ бездѣлицахъ любила наблюдать старинные обычаи. Она всегда отказывалась, подѣ разными предлогами, усвоить изобрѣтеніе, указанное ей Лазаромъ; но въ то самое утро Аделина, бывши на рынкѣ, не смотря на сопротивленіе Магдалины, купила знаменитую машину и принудила служанку употребить ее. Чтобы убѣдить старуху въ превосходствѣ новаго способа, Аделина хотѣла заставить ее отвѣдать кофе. Она долго отговаривалась; потомъ согласилась, нашла кофе отвратительнымъ, говоря, что онъ пахнетъ жестью, и всѣ эти разсужденія высказала съ большою досадою. Началось преніе. Аделина, которая уже привыкла къ ея грубостямъ, отвѣчала сперва кротко, чтобы не раздражить ее; а это часто съ нею случалось, и тогда она уже не помнила сама, что говорила. У ней вырывались такіа выраженія, о которыхъ она послѣ жалѣла; но тѣмъ не менѣе они были сказаны и произвели свое дѣйствіе. Обыкновенно эти ссоры начинались, какъ теперь, изъ-за бездѣлицы. Чтобы ихъ кончить, Аделинѣ оставалось одно средство: уйдти и предоставить полную свободу говорить старухѣ, которая считала своею обязанностию не уступать «избалованному ребенку». Аделина старалась не обращать вниманія на ея грубости, но ей было больно, что Магдалина не умѣла цѣнить доброты, съ которою она щадила ея старость. Какъ всѣмъ людямъ, одареннымъ въ высшей степени чувствомъ справедливости и которые не въ силахъ удержаться, чтобы не призывать ее даже въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда это можетъ быть имъ вредно, Аделинѣ было непріятно, что она должна покупать домашній миръ и молчаніе старухи безмолвными уступками, которыя съ каждымъ днемъ уменьшали ея власть. Тогда происходило то, что бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ: Магдалина, сильная ея слабостию, теряла всякое чувство приличія и живостию своихъ укоровъ заставляла дѣвушку возвышать голосъ, и, наконецъ, дать ей понять, что, — права ли она, или виновата, — а все-таки г-спожа въ домѣ, и хочетъ, чтобы ей повиновались. Вынужденная возвратиться къ подчиненности, Магдалина

изливала всю свою желчь: — Госпожа! кричала она. А! вотъ оно, наконецъ, великое-то слово! Потому, что мы были воспитаны въ хлопкахъ, да ходили въ модныхъ парижскихъ платьяхъ, такъ ужъ мы думаемъ, что не учась все умѣемъ и во всемъ всегда правы. Отъ того, что моемъ руки духами, да натыкаемъ въ волосы большихъ булавокъ, стоя передъ зеркаломъ; потому, что батюшка трудится съ утра до вечера въ потъ лица, а мы сидимъ-себѣ сложа ручки, да почитываемъ книжки, которыя не учатъ ничему доброму, — такъ, отъ нечего дѣлать, должно ссориться съ прислугою!... Коли бѣдная старуха для нашей же пользы осмѣлится замѣтить правду... — Не твое дѣло, старуха! Гдѣ жъ ты училась служить, коли не знаешь, что господа всегда правы! — Ну такъ я, сударыня, я, которая съ вами говорю, продолжала Магдалина съ новымъ одушевленіемъ, я не всегда бывала старою тряпкою, какъ теперь, огороднымъ пугаломъ! И у меня былъ домъ, да еще втрое больше вашего; въ годъ-то мы посылали на мельницу больше хлѣба, чѣмъ дядя Протѣ, отецъ вашъ, нажнетъ въ десять лѣтъ. И у меня были слуги, да еще не одинъ, не два, а цѣлый десятокъ.... Приказывая имъ, я и сама нѣучилась служить.... Когда, бывало, служанка покажетъ мнѣ какую ошибку, — для моей же пользы, извѣстно, — я никогда не вздумала бы обругать ее, какъ вы меня, сударыня; я не обижала ее потому, что она бѣдна да стара, а я была и молода и богата, да еще хороша въ придачу; я говорила: — ты, — какъ тебя тамъ, — ты лучше меня знаешь, потому что это твое дѣло. Такъ дѣлай какъ умѣешь, и полно! И домъ не хуже отъ того шелъ; да и теперь еще былъ бы первый и лучший въ околоткѣ, какъ бы не несчастіе. Но вотъ, прогнѣвался Господь-Богъ: обѣдняла; а тамъ пришли лѣта; а за ними нужда и старость.... Да и довелось за кусокъ хлѣба все выносить, все выслушивать безотвѣтно.... Охъ, горекъ чужой хлѣбъ!... тяжело ходить по чужой лѣстницѣ! продолжала Магдалина, не подозревая того, что въ этихъ жалобахъ выражала мысль Данте. Потомъ, какъ будто воспоминаніе прошедшаго счастія дѣлало еще безотраднѣе теперешнее ея положеніе, желчь и горечь примѣшивались ко

всѣмъ словамъ ея, и она часто начинала говорить какъ помѣшанная.

Эти длинныя тирады возобновлялись всякій разъ, какъ Аделина прибѣгала къ своей власти. Зная по опыту, что, когда расходится старуха, ее ничѣмъ уже не уймешь, она слушала не отвѣчая и часто даже не слыша словъ ея. Во всѣхъ словесахъ замѣчательно, что люди, которые перенесли большія несчастія, не хотятъ никогда признать жалость, внушаемую ихъ положеніемъ, и всегда склонны принимать за доказательства пренебреженія всѣ слова или поступки, которыми другіе стараются выразить имъ свое состраданіе. Аделина не оскорблялась намеками Магдалины на привычки, взятые ею въ домъ маркизы и которыя она не сочла за нужное покидать. Она не сердилась на нее, когда она, упрекала ее въ томъ, что у ней наволочки обшиты кружевами и что по праздникамъ она надѣваетъ шелковое платье; но если старуха, въ своей злобѣ, задѣвала дядю Протѣ и его слѣпую любовь къ дочери, Аделина возставала во всей своей гордости, до тѣхъ поръ подавляемой. Она тотчасъ заставляла молчать служанку, которая не узнавала скромную поселянку въ дѣвушкѣ съ отрывистымъ голосомъ, съ повелительными движеніями. Часто эти споры доходили до Протѣ. Вначалѣ онъ попробовалъ въ нихъ вмѣшиваться; но Аделина знала, что его участіе будетъ скорѣе вредно, нежели полезно. Дѣйствительно, онъ не сталъ бы ждать терпѣливо, пока тѣтка Магдалина выскажетъ всѣ свои жалобы; оттого дѣвушка и просила отца (а эта просьба значила для него приказаніе) никогда не вступаться въ ея размовки съ Магдалиною, говоря, что должно сохранять въ домѣ *единство власти*. Въ этихъ двухъ словахъ чеботарь понималъ только то, что дочь его хочетъ быть *единственною* хозяйкою въ домѣ, и прежде всего послушался ее. Это, однакожь, ставило его въ странное положеніе. Когда Магдалина дѣлала что-нибудь не по его желанію, онъ не смѣлъ сказать ей ни малѣйшаго замѣчанія: такъ онъ боялся, что это не понравится дочери и что онъ нарушитъ *единство власти*. Доведенный до пассивной роли, которая вынуждала его молчать, когда хотѣлось ему говорить, онъ вымѣщалъ все на Зефирѣ, и

рядкій день проходилъ, чтобы мальчишка не доставилъ старику случая расправитъ свой языкъ, а также и свои руки.

Во время разговора съ художникомъ, до дяди Протѣ уже не разъ долеталъ шумъ ссоры и визгливый голосъ Магдалины, который, по обыкновенію, господствовалъ въ перебранкѣ; но онъ только подумалъ:—опять тамъ шумъ! Дочь журить тѣтку Магдалину; эта разсердится и испортитъ обѣдъ; тѣмъ хуже!...—Если бы на ту минуту случился у него подъ рукою Зефиръ, то нѣтъ сомнѣнія, что на плечахъ его отозвалась бы досада, испытываемая Протѣ, за то, что онъ не могъ помогать дочери бранить служанку, ужъ безъ сомнѣнія, виноватую.

Споръ, начавшійся въ кухнѣ подъ пустымъ предлогомъ, который мы описали, шелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Магдалина, раздраженная успѣхомъ новой машины, объявила, что кофе прегадкій, не замѣчая того, что опорожнила цѣлую чашку. Дѣвушка, видя такое противорѣчіе между словами и поступками старухи, не могла удержаться отъ смѣха. Магдалина разсердилась. Аделина стала смѣяться еще громче. Магдалина совершенно выпала изъ себя. Тогда Аделина перестала смѣяться и замолчала безъ всякой досады на старуху,—такъ заняты были ея мысли посторонними предметами. Раздраженной Магдалинѣ захотѣлось, во что бы то ни стало, разсердить ее. Она насаждала ей бездну вещей несправедливыхъ и бесполезныхъ, ожидая на каждомъ словѣ, что Аделина остановитъ ее, принявъ на себя, какъ она выражалась, *видѣ царицы*; но Аделина, казалось, была за сто верстъ отъ происходившаго. Она смотрѣла въ окно на спокойные берега Луана, и мысль ея такъ же далеко уносилась отъ ссоры, какъ сама она была далека отъ облака, рѣвшаго въ воздушномъ пространствѣ, куда по-временамъ устремлялись ея взоры. Магдалина, выведенная изъ терпѣнія равнодушіемъ, которое доказывало ей, что она говорила не только съ нѣмымъ, но и съ глухимъ созданьемъ, не могла болѣе выносить такого явнаго пренебреженія. Она бросилась къ Аделинѣ, которая сидѣла, облокотившись на столъ, вырвала у ней изъ рукъ кофейникъ и вскричала:

— Пока вы сидите тутъ, какъ статуя, да мечтаете Богъ васъ знаетъ о чемъ, кофей-то стынетъ, и когда я сойду подавать его, небось вашъ любовникъ, что сидитъ тамъ, мнѣ же станеть выговаривать, а не кому другому; да и отецъ-то вашъ вымоетъ мнѣ голову, какъ словно эго моя вина.... Вотъ еще славная выдумка, твой дьявольскій кофейникъ: не успѣешь перемолвить двухъ словъ, анъ глядь—кофе и простылъ, какъ ледъ.... Если бы я не послушалась тебя, малютка, да сварила кофе въ старомъ кофейникъ, онъ кипѣлъ бы еще до сихъ поръ; а теперь, поди-ка, разогрѣвай его, чтобы онъ потѣрля весь вкусъ.

При первыхъ словахъ Магдалины Аделина встала, какъ будто тронули въ ней невидимую пружину. Она бросила на служанку взглядъ, который долженъ былъ поразить ее.... Отъ того Магдалина, какъ мы уже видѣли, старалась изгладить неприятное впечатлѣнiе, продолжая разговоръ въ дружескомъ тонѣ; но какъ ни былъ искусенъ этотъ манѣвръ, только онъ совсѣмъ не удался. Аделина не слыхала послѣднихъ ея рѣчей; она еще размышляла о словѣ, которое раздалось въ ея сердцѣ подобно громовому удару.

— Магдалина! сказала дѣвушка послѣ непродолжительнаго молчанiя, должно непременно, чтобы эта ссора была между нами послѣдняя.

— Ссора, дитятко! возразила старуха, снова сдѣлавшаяся привѣтливою, не изъ духа рабства, но потому, что замѣтила, что оскорбила Аделину, и сама о томъ жалѣла; ссора, между нами!... Ты шутишь! Мы немножко покричали, какъ это часто съ нами случается,—и все тутъ. Ты вѣдь знаешь,—я упряма и вспыльчива отъ природы, малютка; а ужъ я слишкомъ стара, чтобы исправиться; не должно за это на меня сердиться, и ты вѣрно не сердисься, Аделиночка, не правда ли? Ты слишкомъ добрая дѣвушка.

— Однако жъ я сержусь на тебя, Магдалина, отвѣчала спокойно дочь чеботаря; именно потому, что я добра со всеми и въ особенности съ тобою, тебѣ не должно бы употреблять во зло моей доброты. Вѣдь эти ссоры не въ первый разъ; не я ихъ начинаю, и когда онъ начнётся, всегда избегаю

ихъ. Ты несправедлива со мною, а я всегда стараюсь быть терпѣливою и справедливою, и никогда бы себя не простила, если бы чѣмъ-нибудь огорчила тебя, потому что ты стара и много потерпѣла въ жизни. Ты очень хорошо знаешь, что я нисколько не горжусь моимъ положеніемъ; да и чѣмъ же мнѣ гордиться? Прежде, когда я жила въ свѣтѣ, для котораго не родилась, я должна была перенять привычки общества, въ которомъ жила; но ты знаешь, Магдалина, болѣе, нежели кто-нибудь другой, что, когда я воротилась къ отцу, то покинула всѣ привычки, которыя были обязанностями, когда я жила у г-жи де-Белльри, а здѣсь сдѣлались бы смѣшными. Я охотно прощаю тебѣ твои шутки на этотъ счетъ, хотя ты иногда и дѣлаешь ихъ съ дурнымъ намѣреніемъ. Досадно также мнѣ бываетъ, когда ты дурно говоришь о свѣтѣ, котораго не знаешь, и узнавъ, который, я нисколько не раскаиваюсь, потому что въ этомъ свѣтѣ, слабый и больной ребенокъ, я нашла семейство, которое любило и защищало меня, какъ родную; оно дало мнѣ воспитаніе, которое, быть можетъ, ни къ чему мнѣ не послужить, но которое, по крайней мѣрѣ, доказывало, что они считали меня достойною получить его. Одно только меня истинно сердило противъ тебя: это—когда ты порицала отца моего за любовь ко мнѣ. Я такъ долго лишена была его нѣжности, а онъ моей; теперь мы стараемся вознаградить потерянное время, — кто можетъ осуждать насъ! Быть можетъ, онъ исполняетъ, какъ ты говоришь, всѣ мои прихоти; но этѣ прихоти, какъ ты называешь ихъ, имѣютъ ли онъ какую-нибудь другую цѣль, какъ только исполнять всѣ его желанія и дѣлать какъ можно счастливѣе остальную жизнь его. Кто скажетъ, чтобы я заслужила, чтобы обо мнѣ говорили дурно? Кто упрекнетъ меня въ словахъ или поступкахъ, которые доказали бы, что меня мучатъ чувства выше моей смиренной доли? Еще разъ, и это будетъ въ послѣдній, Магдалина, — ни одного слова, ни одного намека на этотъ предметъ. Что касается до слова, сей-часъ тобою сказаннаго, продолжала Аделина, потупивъ глаза, то ты забыла всякое приличіе, всякую скромность; ты была несправедлива и жестока.... ты почти обругала меня. Въ свѣтѣ, гдѣ я жила, Магдалина,

меня учили уважать старость; а я скажу тебѣ, что и старые люди должны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣть уваженіе къ молодости; а сей-часъ ты это забыла въ отношеніи ко мнѣ.

Боясь привести въ затрудненіе Магдалину и даже отца своего, Аделина какъ-можно менѣе употребляла языкъ, которому ее научили. Она выражалась обыкновенно такъ, чтобы ее легко было понять, и тщательно остерегалась въ разговорахъ съ туземцами навлечь на себя упрекъ въ *краснобайство*, — насмѣшливое названіе, которое у крестьянъ значитъ обыкновенно, въ томъ, кто обладаетъ этимъ качествомъ, чело-вѣка, съ которымъ трудно сговорить. Слушая строгій выговоръ молодой хозяйки, Магдалина казалась нѣсколько минутъ въ большомъ замѣшательствѣ. Она вертѣла въ рукахъ завязки своего фартука, и не знала, на что рѣшиться: принять ли *эту прекрасную рѣчь* за новое оскорбленіе, или броситься на шею Аделинѣ, разцѣловать ее и сказать:—Ну, дитятко, правда твоя: я виновата. Я огорчила тебя; прости меня.—Но самолюбіе ее удерживало. Она чувствовала, что не права; но ей трудно было въ томъ сознаться. Она, какъ выразился однажды живописецъ, употребляла во зло свои сѣдые волосы.

Наконецъ, въ этой борьбѣ дурное чувство одержало верхъ. Магдалина съ новою желчью возобновила споръ, нагромоздила обидныхъ словъ, которыя, наконецъ, выводятъ изъ терпѣнія существа самыя кроткія. Откровенная и честная душа Аделины вознегодовала, что ее такъ дурно поняли. Инстинктъ справедливости оскорбился въ ней тѣмъ, что излишняя доброта ея обращается противъ нея же самой. Блѣдная, трепещущая, и какъ-будто удивленная сильнымъ негодованіемъ, которое въ ней пробудилось, она не удостоила служанку отвѣтомъ, и воспользовавшись первою минутою, въ которую Магдалина, истощенная гнѣвомъ, замолчала, въ короткихъ словахъ приказала ей собираться оставить ихъ домъ.

— Хорошо, хорошо, сказала Магдалина, которая, по видимому, не ожидала такого заключенія, надъ нами не каплетъ; сегодня, завтра, или когда въ другой разъ, не правда ли, сударыня?

*

— Пи сегодня, ни завтра, сказала Аделина, ты уйдешь сей-часъ.

— Еще сначала посмотримъ, что скажетъ вамъ батюшка? возразила Магдалина съ удвоенною грубостію.

— Ты знаешь, что у батюшки нѣтъ другой воли, кромѣ моей.

— Отъ того-то въ домъ все такъ хорошо и идетъ, возразила служанка.

— Хорошо ли, худо ли, до этого никому нѣтъ дѣла, а тебѣ еще меньше.

— Коли запрещаете мнѣ говорить, такъ не запретите другимъ думать, мамзель.

— Мнѣ все равно, что кто ни думаетъ, а батюшкѣ и по-давно. Мы здѣсь всѣхъ выше.

— А! сказала Магдалина съ злобнаго усмѣшкою, извѣстно, что вы горды, сударыня. Вы рады случаю показать вашу гордость; а иначе она задушила бы васъ когда-нибудь въ вашей прекрасной постелѣ съ кисейными занавѣсками.... Дитятко! продолжала старуха, удвоивая тонъ насмѣшки, чтобъ быть всѣхъ выше, надо быть очень большою!... Да часто и это не къ добру, а къ худу.... Положимъ, хоть, вотъ, примѣрно сказать, случится упасть; оно вѣдь чѣмъ выше, тѣмъ больнѣе. Не правда ли, мамзель? окончила Магдалина, бросивъ на свою хозяйку такой пронижительный взглядъ, что она невольно покраснѣла и потупила голову.

— Что ты хочешь сказать? возразила Аделина, стыдись минутнаго замѣшательства.

— Нѣтъ нужды мнѣ повторять; вы и такъ хорошо поняли, сказала Магдалина.

— Ну такъ я тебѣ приказываю объясниться! вскричала Аделина.

— Вы не можете мнѣ приказывать: я ужъ не слуга вамъ.

— Ты должна меня слушаться до тѣхъ поръ, пока будешь у меня въ домъ.

— Да я и не въ домъ, потому что ухожу отсюда, возразила строптивая старуха, развязывая фартукъ и бросая его на стулъ.

— Магдалина! сказала Аделина кроткимъ голосомъ, и посмотрѣла на старуху такъ, что та могла понять, какъ не многое ей слѣдовало сдѣлать, чтобы эта жалкая сцена была забыта.

Служанка ошиблась въ смыслѣ этого взгляда. Она подумала: Аделина боится, что я уйду изъ дома съ ключемъ отъ ея тайны.

Старуха не отвѣчала на этотъ шагъ къ примиренію, и обратившись сердито въ ту сторону, гдѣ была дочь чеботаря, проворчала:—сударыня!

Слезы показались на глазахъ Аделины; но изъ чувства справедливо оскорбившейся гордости она старалась скрыть ихъ.

Когда начинаешь жизнь, тягостенъ разрывъ во всякой привязанности, какова бы она ни была и какое бы мѣсто ни занимала въ сердцѣ; а дѣвушка была искренно привязана къ Магдалинѣ.

Видя ея волненіе, служанка сама невольно тронулась; но имѣя болѣе опытности, умѣла скрыть свои чувства, и ни одинъ мускулъ лица ея не измѣнилъ ея умиленію.

— Еще у насъ есть маленькій счетецъ; когда прикажете придти повершить? спросила она спокойно.

— Когда ты хочешь, отвѣчала въ томъ же тонѣ Аделина.... Такъ какъ ты не брала....—своего жалованья, хотѣла она сказать, но изъ деликатности, оставленной безъ вниманія Магдалиною, выпустила слово, напоминавшее состояніе зависимости, отъ котораго ея преувеличенное самолюбіе такъ страдало....—Такъ какъ ты не брала денегъ, то мы еще должны тебѣ....

— А сколько, оно, эдакъ, по вашему, состоитъ? спросила старуха, которая очень хорошо знала, сколько ей приходилось.

— Гм... сказала дѣвушка, всего будетъ франковъ около 40.

— О! вы ошибаетесь, сударыня!

— Быть можетъ, сказала Аделина, если приходится больше, отдадутъ и больше.

— Не о томъ рѣчь: вы должны мнѣ, по крайней мѣрѣ, 10-ю франками меньше. 3 мѣсяца по 10 ф.,—это, по нашему, составить 30-ть.

— Точно, отвечала Аделина; но мы прибавимъ 10 фр. еще за мѣсяцъ; таковъ обычай.

— Въ вашемъ свѣтъ, быть можетъ, сказала старуха, а не въ нашемъ, гдѣ никогда не платятъ больше того, что приходится. Вы отдадите мнѣ мое жалованье по уговору, и ни копейки больше. Слава тебѣ, Господи, я ужъ не нищая; не нуждаюсь; чтобы мнѣ подавали милостыню. Выходя отсюда, я знаю, куда идти; не буду никому въ тягость. Да я, право, и не понимаю, за чѣмъ это идутъ по чужимъ домамъ, когда можно жить у себя. Когда я вошла сюда, это было не столько по нуждѣ, сколько изъ желанія угодить вашему батюшкѣ. Тогда я была не лишняя въ домѣ; теперь, другое дѣло; теперь замѣчаютъ, что у меня есть глаза, а за то и указываютъ мнѣ двери, какъ собакѣ, и говорятъ:—вонъ! —Хорошо! уйдемъ, не беспокойтесь. Да и кофей-то тоже, коль оставите его на огнѣ въ вашей новой посудинѣ! Несите-ка его поскорѣ къ *désigneux*, вмѣсто того, чтобы терять здѣсь время, разсматривая меня, словно картину какую.... Кланяйтесь батюшкѣ... Прощайте.

III.

Тайна Аделины.

Когда Аделина сошла въ залу, то была еще вся взволнована сценою, которая происходила въ кухнѣ; Протѣ готовился спросить ее о причинѣ ея смущенія; но она, бросивъ на Лазара быстрый взглядъ, приложила палецъ къ губамъ. Старикъ понялъ ее, замолчалъ и даже старался отвлечь вниманіе художника, который не могъ не замѣтить перемены, происшедшей въ наружности молодой дѣвушки съ тѣхъ поръ, какъ она оставила комнату. Смущенный видъ Аделины и безпокойство чеботаря распространили какое-то принужденіе на послѣднюю половину завтрака. Знаменитый кофе, источникъ описанной нами домашней бури, былъ поданъ дрожащею рукою молодой дѣвушки. Вмѣсто того, чтобы прихлебывать его по немножку, какъ обыкновенно дѣлывалъ, чеботарь проглотилъ его разомъ, не замѣчая даже, что онъ холодный. Для

Лазѣра слишкомъ было достаточно этихъ признаковъ, чтобы угадать, что отцу и дочери нужно переговорить между собою. Подъ предлогомъ чрезмѣрной усталости, онъ сказалъ, что пойдетъ соснуть часть или два.

— Все для васъ готово со вчерашняго дня, сказалъ чеботарь, вставая и подавая художнику ключъ отъ комнаты. Мы разбудимъ васъ къ обѣду.

Подлѣ покоевъ Аделины, комната нахлѣбника была самая лучшая въ домѣ. Она находилась въ первомъ этажѣ и выходила окнами на рѣку, которая извивалась серебряною лентою среди веселыхъ ландшафтовъ. Войдя въ комнату, Лазѣръ замѣтилъ, что, со времени его послѣдняго пребыванія, въ ней произошли значительныя перемѣны. Сообразно съ желаніемъ, которое онъ не разъ изъявлялъ для удобства въ своихъ занятіяхъ, этой комнатѣ придали видъ мастерской. Обои, которыхъ резкіе цвѣта непріятно поражали глаза, замѣнила сѣрая краска; окно было увеличено и отдѣлано большими стеклами. Лазѣръ, который дѣйствительно усталъ смертельно, бросился одѣтый на кровать, и тотчасъ заснулъ.

Лишь только живописецъ ушелъ, Протѣ принялся разспрашивать дочь свою о причинѣ ея волненія. Аделина рассказала ему все, что происходило между ею и Магдалиною.

— Это еще не объясняетъ мнѣ, почему у тебя красные глаза, отвѣчалъ чеботарь. Если Магдалина тебя не слушаетъ, ты очень хорошо сдѣлала, что отослала ее; но тутъ еще не о чемъ плакать. Ты что-нибудь да скрываешь онъ меня.

Аделина отвѣчала, что ей истинно было жаль отослать старуху. И это была правда; только она не смѣла признаться отцу и даже самой себѣ, что ее до глубины сердца уязвилъ намекъ, два раза повторенный Магдалиною въ припадкѣ гнѣва. Протѣ упорно стоялъ въ своемъ невѣріи. Инстинктъ отцовской любви говорилъ ему, что подлѣ этой горестію скрывалось что-нибудь поважнѣе домашней ссоры съ служанкою. Но онъ напрасно развернулъ всю свою ловкость и показалъ чудеса инквизиторіальной дипломатіи, какую не отказался бы призвать любой слѣдственный судья. Аделина молчала. Чтобы еще лучше убѣдить отца своего, что печаль ея происходила

единственно отъ разлуки съ Магдалиною, она умоляла добряка поговорить со старухою и какъ-нибудь уладить дѣло.

— Ужъ вотъ извини! вскричалъ Протѣ. Я не намѣренъ держать упрямую старуху, которая не хочетъ понять, что въ чужой домъ идуть не для того, чтобы исполнять свою волю. Чтобы принудить тебя отослать ее, должно, чтобы она очень противъ тебя провинилась.

Аделина покраснѣла; она знала вспыльчивый характеръ отца, — знала, что, если онъ заберетъ себя въ голову, что Магдалина чѣмъ-нибудь ее оскорбила, то побѣжить и надѣлать ей непріятностей она боялась, что Магдалина, изъ мщенія, повторить передъ отцомъ свои сплетни. Ей казалось, что всѣ сосѣди, увѣдомленные нескромностію выгнанной служанки, кричатъ ей въ слѣдъ тѣ самыя намеки, которые ее такъ напугали. Должно было, во чтобы-то ни стало, заключить въ домъ, между ею и Магдалиною, тайну, похищенную послѣднею. Аделина, призвавъ на помощь всю свою хитрость, всѣ любезности избалованнаго ребенка, стала уговаривать отца, чтобы онъ взялся устроить ея примиреніе съ Магдалиною.

— Признаться откровенно, сказала она, краснѣя невольно не столько отъ лжи своей, сколько отъ причины, которая вызвала эту ложь, я потеряла терпѣніе; я была слишкомъ вспыльчива съ Магдалиною. Даромъ, что она служанка, — она обидчива, какъ всѣ старые люди; я оскорбила ее, покричавъ на нее слишкомъ громко; притомъ же, я съ самаго утра была дурно расположена.

— Ты, дурно расположена? помылуй! вскричалъ Протѣ; напротивъ того, я никогда не видалъ тебя съ такимъ веселымъ, открытымъ лицомъ; ты летала какъ птѣйка; ты могла бы, мнѣ кажется, наступить на муху, не раздавивъ ее. Чтобы разстроить тебя въ такомъ прекрасномъ расположеніи, ужъ вѣрно старуха надѣлала какихъ-нибудь гадостей. Ты не хочешь мнѣ сказать; но погоди, вскричалъ онъ, дѣлая видъ, что собирается выйти изъ комнаты, погоди, вотъ я пойду, встряхну се порядкомъ!

— Увѣрю тебя, что ты ошибаешься, возразила Аделина въ волненіи, удерживая отца; если хочешь сдѣлать мнѣ удо-

вольствіе, ты пойдешь къ Магдалинѣ и помирншь меня съ нею.

— Коли ты желаешь; но она останется не иначе, какъ съ условіемъ.

Аделина съ живостію прервала отца.

— Безъ всякаго условія, сказала она; вѣдь я говорю тебѣ, что виновата я.... Ну право такъ, прибавила она, видя, что Протѣ сомнительно качалъ головою:—вотъ почему мнѣ и досадно, что такъ случилось.... Скажи ей, что ты бранилъ меня за то, что я ее выгнала....

— Какъ ты говоришь? замѣтилъ Протѣ, удивленный и испуганный тѣмъ, что дочь его видимо хотѣла нарушить *единство власти*, возвышая его надъ собою. Нѣтъ, Лизетта, ужъ извини! ты здѣсь госпожа, и когда я самъ считаю за удовольствіе тебѣ повиноваться, то, мнѣ кажется, служанкѣ ужъ не слѣдъ быть гордою! Я позову Магдалину. Мы всѣ трое объяснимся. Если она благоразумна, мы ее не отошлемъ; если же она заупрямится и надѣлаетъ глупостей, началь говорить Протѣ своимъ толстымъ голосомъ, такъ она уберется ко всѣмъ чертямъ, и добрый ей путь!

— Ну вотъ, сказала Аделина:—ты непременно все испортишь своею вспыльчивостію. Совсѣмъ не такъ должно за это взягся; и меня нисколько не надо мѣшать въ дѣло. Должно же показать, что ты шадншь мое самолюбіе передъ Магдалиною. Поди къ ней и скажи потихоньку:—что такое я слышала, тетка Магдалина, что будто ты хочешь насъ покинуть? а? я на это не согласенъ. Что это за глупости? Вѣдь и я, кажется, немножко здѣсь хозяинъ, чортъ возьми!

— Магдалина засмѣется мнѣ въ глаза, когда я стану такъ говорить, сказалъ Протѣ съ убѣжденіемъ.

— Покричи немножко, какъ-будто ты на меня сердишься, сказала Аделина, продолжая давать наставленія отцу своему. Скажи еще: развѣ тебѣ слѣдъ обращать вниманіе на вспыльчивость вѣтреницы, у которой немножко длиненъ языкъ, которая была дурно воспитана....

— Дурно воспитана! ты! да ты у меня учена какъ процесса! вскричалъ чеботаръ, сдѣлавши скачокъ отъ удивленія.

— Ну, разумеется! по этому-то я и дурно воспитана для крестьянки! Скажи это Магдалинѣ. Это ей будетъ пріятно; ты знаешь ея конекъ. Когда люди намъ нужны, должно льстить ихъ наклонностямъ.

— Какъ нужны? Да ни мнѣ, ни тебѣ не нужна Магдалина, сказалъ Протѣ, поставленный въ тупикъ странными совѣтами дочери.

Аделина поняла, что выразилась неосторожно и закусила губу.

— Должно же полагать, что она тебѣ нужна, коли ты хочешь, чтобы она осталась; а чтобы удержать ее, должно сдѣлать нѣкоторыя уступки.

— Какъ? я хочу!... вскричалъ чеботарь, который ужъ рѣшительно ничего не понималъ; да я совсѣмъ не хочу и не думалъ хотѣть! Остается ли Магдалина, или нѣтъ, мнѣ все равно.

— Да нѣтъ же! сказала Аделина, обвиняя и цѣлуя старика, да не все равно! вѣдь ты желаешь все, чего я хочу; а я хочу, чтобы Магдалина не уходила!

— А! эдакъ-то! ну это другое дѣло! пробормоталъ Протѣ, уловленный, въ одно и то же время, въ сѣти дочернихъ ласкъ и на приманку ея тонкостей.—Все равно, продолжалъ онъ; ты согласишься, что идти извиняться передъ служанкою... это немножко слишкомъ... когда, напротивъ того, ей бы слѣдовало...

— Да ступай же, ступай! отвѣчала Аделина, толкая его къ саду, куда Магдалина вошла въ ту минуту.

— Иду, иду, прошепталъ чеботарь, дѣлая нѣсколько шаговъ въ направленіи, указанномъ дочерью; но вдругъ, обернувшись, прежде нежели переступилъ за порогъ комнаты, онъ увидѣлъ, что Аделина упала на стулъ, и закрывъ лице руками, плакала. Протѣ располагался воротиться назадъ, но подумавъ, что ничего не выведаетъ отъ Аделины, которая, вѣроятно, имѣла важныя причины молчать, онъ размыслилъ, что, вѣрно, Магдалина знаетъ тайну горести, которая, по его мнѣнію, должна была имѣть связь съ ссорой, которую ему поручили прекратить.

— Пойдемъ къ Магдалинѣ, сказалъ Протѣ, который начиналъ тревожиться и прибавилъ тихонько:

— Чтó тутъ за дьявольщина дѣлается, и чтó я найду въ этомъ мѣшкѣ?

Аделина не долго оставалась въ залѣ. Боясь, что отецъ и служанка, возвратившись, застанутъ ее въ слезахъ, она вошла въ свою комнату. Эта комната была отдѣлена отъ той, которую занималъ Лазарь, небольшимъ чуланомъ, гдѣ спалъ Зефиръ. Она была убрана съ изяществомъ, подходящимъ къ роскоши, мебелью, привезенною, какъ мы уже сказали, изъ отеля Бельри. Это очаровательное убежище принимало почти таинственный характеръ отъ двойныхъ занавѣсокъ на окнахъ, которыя пропускали кроткій полусвѣтъ. Въ этой комнатѣ царствовалъ сладостный ароматъ дѣвственнаго уединенія, ароматъ монастырской келии, утѣряемый сильными испареніями, выходящими изъ ящиковъ комода, отъ разныхъ душистыхъ мѣшечковъ, которыми переложены были бѣлье и платье Аделины. Мебель, равно какъ и множество модныхъ бездѣлокъ, которыя на ней были разставлены, доказывали особенное мелочное попеченіе; во всемъ отражались граціонныя руки женщины, привыкшей обращаться съ бренными, прихотливыми вещицами, изъ которыхъ каждая олицетворяла для нея какое-нибудь воспоминаніе. Аделина, дѣйствительно, сама занималась уборкою своей комнаты. Каждый день она проводила часа по два, стряхивала съ своихъ вещей малѣйшую пылинку, которая на нихъ садилась. Для нея было всеневнымъ удовольствіемъ, равно какъ и обязанностію, пещись объ этихъ неодушевленныхъ предметахъ; иногда ей казалось, — они заимствовали голосъ, чтобы говорить о подругѣ, которая ихъ подарила, и вспоминать ей о времени, о которомъ она, конечно, не жалѣла съ горестію, обыкновенно сопровождающей сожалѣніе, но о которомъ не могла не думать, хотя при этомъ воспоминаніи у ней не вырывалось ни одного вздоха. Между всѣми вещами, дочь чеботаря оказывала особенное предпочтеніе небольшому бюро розоваго дерева, которое могло служить и рабочимъ столикомъ. Въ верхней части этой хорошенькой мебели было вѣдано зеркало, увѣнчанное рѣзьбою, окружающею щитъ для герба; на пурпуровомъ полѣ были вырѣзаны начальныя буквы А и П. Сесилія, которая подарила этотъ столикъ подругѣ, велѣла сдѣлать его по одному рисунку съ тѣмъ, который заказывала для себя, и чтобы сходство было разительнѣе, требовала,

чтобы не забыли даже и этой геральдической подробности. Въ ящикахъ бюро молодая поселянка прятала свои скромныя вещицы и также письма, которыя писала къ ней, отъ времени до времени, подруга съ дѣтства.

Когда она вошла въ свою комнату, глаза ея прежде всего упали на этотъ столикъ—хранитель ея богатствъ и ея воспоминаній, и ей показалось страннымъ, что ключъ, который она обыкновенно вынимала и прятала съ большимъ стараніемъ, былъ воткнутъ въ одномъ изъ ящиковъ.

Этотъ случай сначала не пробудилъ въ ней никакого опасенія. Она приписала его забвенію, причиненному мыслями, которыя волновали ее въ эти три дня и въ особенности въ то утро, которое предшествовало возвращенію Лазара въ Монтиньи. Аделина была дѣвушка простодушная, но простодушіе ея не доходило до незнанія, свойственнаго какой-нибудь Агнесъ. Ей уже не нужно было донскиваться, какого рода чувство испытывала она къ молодому живописцу, который гостилъ у отца ея, когда одно его имя, произнесенное въ ея присутствіи, причиняло ей замѣшательство, которое она думала скрыть отъ всѣхъ взоровъ и которое самая эта скрытность могла бы сдѣлать замѣтнымъ, еслибы кто обратилъ на него вниманіе. Аделина любила Лазара; она знала это, она это чувствовала, и чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, ей не нужно было обращаться къ воспоминанію романовъ, которые давала ей читать бабушка Сесилии. Эта любовь родилась въ сердцѣ ея, а не въ воображеніи, какъ рождаются, болѣею частію, страсти молодыхъ дѣвушекъ. Прежде нежели она увидѣла Лазара, она никогда не создавала себѣ идеаловъ, которые чаруютъ первыя дѣвственныя мечты. Книги, которыя старая, безразсудная женщина давала ей, не пробудили никакого любопытства въ умъ ея, никакого волненія въ ея спокойной душѣ. Она ускользнула отъ опасности такого чтенія, потому что въ книгахъ, которыя любила старая дама, страсть была представлена въ восторженномъ, невѣроятномъ образѣ, и выражена языкомъ необузданнымъ, который дѣлалъ эти рассказы непонятными для цѣлннаго ума дѣвушки. Павелъ и Виргинія, или какой подобный разсказъ, гдѣ простота чувства соединяется съ исти-

ною выраженія, опасяте для юнаго воображенія. нежели иной романъ, написанный для людей развращенныхъ. На разсвѣтъ своей любви, которая началась вѣчными ребячествами, Аделина испытывала все очарованіе этого чувства, не старался даже бороться съ нимъ. Когда Лазарь пріѣзжалъ на три мѣсяца въ домъ отца ея, она была счастлива тѣмъ уже, что жила подъ одною съ нимъ кровлею, счастлива,—встрѣчая его по нѣскольку разъ въ день, сидя возлѣ него за столомъ. Когда, вечеромъ, она слышала, какъ раздавался на мостовой стукъ желѣзнаго конца его палки, возвѣщающій возвращеніе художника съ его трудолюбивыхъ прогулокъ, то руки ея, правда, нѣсколько дрожали, когда она ставила приборъ; она чувствовала, что краснѣла, когда онъ гонялся за ней вокругъ стола, чтобы поцѣловать ее, играя съ нею, какъ братъ съ сестрою; но это счастье было такъ спокойно, такъ сладостно впечатлѣніе, оставленное въ ней короткостію молодого художника, что она и не думала пугаться. Что касается до Прота, онъ былъ за тысячу верстъ отъ мысли, что дочь его думала о живописцѣ иначе, нежели онъ самъ объ немъ думалъ, т.-е. какъ о пріятномъ гостѣ, котораго общество ему нравилось, въ разговоръ съ которымъ онъ часто слышалъ вещи для себя полезныя, и котораго честный характеръ и превосходное сердце онъ вполне умѣлъ оцѣнить. Если ужъ говорить все, то чеботарь любилъ Лазара также и потому, что онъ аккуратно платилъ деньги и что пребываніе его въ домъ было выгодно. И такъ его ни мало не беспокоила короткость, которую общая жизнь устанавливала между имъ и его дочерью; ктому жъ, онъ продолжалъ считать ее тѣмъ, чѣмъ Аделина, по-видимому, оставалась и въ глазахъ Лазара—ребенкомъ. Не прежде, какъ при исходѣ вторичнаго пребыванія живописца въ Монтини, чувства дѣвушки означились точнѣе; спокойствіе ея было нарушаемо мечтательностію, которая наполняла ее томностію; за мимолетными проблесками безумной радости слѣдовала неподвижность, внушающая безпокойство, или внезапная перемѣна расположенія; Аделина становилась раздражительною, капризною. Она съ досадою отвѣчала Магдалинѣ, бранила Зефира, лишала отца ласкъ, которыя составляли его

радость, и когда живописецъ спрашивалъ послѣдняго: — Что такое дѣлается съ малюткою? — чеботарь отвѣчалъ: — Ба! ростеть! — Онъ и самъ не подозрѣвалъ, какъ мѣтко выражался, отвѣчая такую пошлость. Дѣйствительно, *росла* любовь ея, и это возрастаніе измѣнило всегда ровный характеръ молодой дѣвушки. Эта перемѣна совершилась въ ней, въ особенности, съ одного вечера; Лазарь объявилъ своему хозяину, что черезъ недѣлю долженъ воротиться въ Парижъ. Когда онъ пересталъ говорить, Протѣ замѣтилъ, что дочь его, вмѣсто того, чтобы наполнить виномъ стаканъ, который онъ ей подавалъ, лила вино на столъ.

— Эй дочка! что жъ это ты дѣлаешь? сказалъ отецъ, посмотрѣвъ на Аделину, которая вся поблѣднѣла.

— Ничего, отвѣчала она. И указывая на ученика, который сидѣлъ противъ нея, прибавила:

— Зефиръ наступилъ мнѣ на ногу. Это заставило меня сдѣлать движеніе!

Напрасно Зефиръ увѣрялъ въ своей невинности.

Протѣ, отвѣсивъ ему подѣ столомъ ударъ ногою, послалъ его обѣдать въ кухню.

Въ эту ночь Аделинѣ не спалось; она плакала.

Наканунъ того дня, въ который живописецъ долженъ былъ покинуть Монтиньи, взойдя къ себѣ, чтобы уложить свои вещи, онъ нашелъ Аделину въ своей комнатѣ. Онъ былъ не столько удивленъ этою встрѣчею, какъ замѣшательствомъ и почти ужасомъ, которые выразились на лицѣ дѣвушки, когда она его увидѣла. Аделина, запинаясь, объяснила свое присутствіе какими-то хозяйственными распоряженіями, и тотчасъ же вышла. Оставшись одинъ, Лазарь хотѣлъ окончить начатое утромъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ прибытіи въ Парижъ. Письма этого онъ не нашелъ болѣе; но такъ какъ многіе рисунки, которые онъ оставилъ на томъ же столѣ, стоявшемъ у окна, были разбросаны по комнатѣ, то это заставило его предполагать, что сильнымъ вѣтромъ, который дулъ тогда, унесло его письмо въ садъ, а оттуда — въ рѣку.

Онъ не сталъ больше искать и написалъ новое. Въ это время Аделина, удалившись въ свою комнату, запирала на замокъ въ маленькій столикъ письмо, которое художникъ счи-

таль унесеннымъ вѣтромъ. Къ письму была присоединена небольшая черепаховая, изломанная лорнетка и рисунокъ перомъ, который представлялъ неопредѣленное сходство съ Лазаремъ; одинъ изъ друзей молодого человѣка нарисовалъ его на краю альбома, который *designeur* носилъ всегда съ собою.

Этими-то сувенирами питала Аделина въ теченіе цѣлаго года любовь, которой бѣнія не чувствовалъ Лазарь въ прощальномъ поцѣлуѣ дѣвушки.

Теперь легко поймутъ стараніе, съ которымъ Аделина запирала ящикъ; его храненію поручала она святыню любви своей, которую каждый день съ благоговѣніемъ разсматривала, взявъ прежде предосторожность запереть задвижку у дверей и задернуть занавѣсъ, для избѣжанія нескромнаго посѣщенія. Всѣми этими степенями, которыхъ анализъ былъ необходимъ, перешла любовь Аделины. Радость отъ возвращенія живописца, даже по сознанію отца ея, она не въ силахъ была скрывать. Въ продолженіе трехъ дней, которые предшествовали его пріѣзду, она назвала работниковъ въ его комнату, превращенную, какъ мы уже сказали, въ мастерскую, и торопила ихъ, боясь, что они не кончатъ работы во-время. Во всемъ этомъ простакъ-отецъ видѣлъ только невинное желаніе быть пріятной гостю, и какъ всегда—во всемъ съ нею соглашался.

Старуха Магдалина, болѣе опытная, притомъ женщина, пронюхала свѣжій запахъ любви во всемъ этомъ волненіи молодой дѣвушки, между тѣмъ какъ та и не подозрѣвала ея набожноты. Во время путешествія ихъ въ Морѣ за провизією, служанка заставила болтать Аделину, которая смертельно желала излить переполненное радостію сердце, и, исключая подробностей, которыя мы открыли, высказала всю тайну, которую полагала извѣстною только одной себѣ.

Магдалина смотрѣла на эту невинную привязанность какъ на событіе совершенно натуральное и, быть можетъ, предвидѣнное ея опытностію съ самаго перваго раза, когда Лазарь вошелъ къ нимъ въ домъ. Будучи довольно коротка съ художникомъ, она поняла, что молодой человѣкъ не обращалъ вниманія на юную хозяйку; успокоенная съ этой стороны, она ничего не сказала старику Протѣ и продолжала смотрѣть сквозь пальцы на любовь Аделины.

Сидя возлѣ маленькаго бюро, Аделина спрашивала себя: какимъ образомъ Магдалина могла проникнуть ея тайну. Напрасно она перебирала въ умѣ своемъ всѣ происшествія предъидущихъ дней и нынѣшняго утра: въ поведеніи своемъ и рѣчахъ она не находила ни одного поступка, ни одного слова, которые могли бы измѣнить ей. Вдругъ она затрепетала всѣми членами, при мысли, что въ эту самую минуту отецъ ея объясняется съ Магдалиною; что, если, вмѣсто того чтобы лвиться къ старухѣ съ словами мира, какъ она ему поручила, Протѣ увлекся своею вспыльчивостію и сдѣлалъ невозможнымъ примиреніе, на которое она рассчитывала, чтобы купить молчаніе служанки? Что, если Магдалина, прежде нежели разнести ея тайну по всей деревнѣ, начнетъ съ того, что бросить ее, какъ угрозу, въ лице отцу ея? При этой мысли, вся кровь застыла въ ея жилахъ. Словно облако прошло передъ ея глазами. Она почувствовала, что сердце замерло у нея въ груди. Она едва не лишилась чувствъ, какъ вдругъ ея пылающая рука схватилась за предметъ, который сообщилъ ей внезапную свѣжесть; она облокотилась на ключъ, который воткнутъ былъ въ бюро. Тогда Аделина увидѣла то, чего сначала не замѣтила: ключъ оставался именно на томъ изъ ящичковъ, который заключалъ письмо, лорнетку и портретъ Лазара.

— Странно! прошептала она, начиная чувствовать какое-то безпокойство; я увѣрена, однакожь, что заперла ящикъ!... А ключъ!... ключъ!... продолжала она; но я его вынула, какъ всегда.... — И безпокойство ея усиливалось. Вдругъ, въ то время, какъ глаза ея безцѣльно бродили по комнатѣ, она замѣтила движеніе въ складкахъ занавѣсы, или портьерки, закрывавшей забитую наглухо дверь, которая вела въ чуланчикъ Зефира. Аделина встала, подняла занавѣсь, и увидѣла, что заколоченную дверь отворяли. Она даже не совершенно была затворена. Сквозной вѣтеръ заколыхалъ занавѣсь и обнаружилъ дѣвушкѣ это насильственное вторженіе въ ея комнату. Безпокойство ея обратилось въ подозрѣніе. Это открытіе сначала заставило Аделину забыть происшествіе съ ключемъ; но оба событія не замедлили соединиться въ умѣ ея: одно казалось послѣдствіемъ другаго. — Ко мнѣ входили черезъ комнату Зе-

фира, подумала Аделина, и внезапный блескъ озарилъ ея умъ. Она подбѣжала къ бюро, открыла ящикъ, окинула его быстрымъ взглядомъ. Ящикъ былъ пустъ.

— Ахъ! вскричала она съ воплемъ: теперь все объяснилось. Это дѣло Магдалины!

Негодование, ужасъ, слезы задушили ее; она хотѣла кричать; уста ея оставались безгласны, глаза закрылись; она упала безъ чувствъ.

Въ то время, какъ это происходило въ комнатѣ Аделины, Лазарь, отдохнувши порядкомъ, подсѣлъ къ окну и спокойно курилъ сигару, смотря на дядю Протà, который на концѣ сада, казалось, имѣлъ очень живое объясненіе съ Магдалиною.

— Рѣшительно, подумалъ Лазарь, въ домѣ совершается что-то необыкновенное; дочка плачетъ, Магдалина кричитъ, дядя Протà ругается. Это очень досадно! жаркое подгорить, и друга моего Зефира поколотятъ.

Уже съ полчаса, или около того, Протà хитрилъ съ старою служанкою, желая выведать отъ нея тайну слѣзъ своей дочери. Когда гнѣвъ ея простылъ, Магдалина, которая на дѣлѣ была добрая женщина, созналась, что она не права въ этой ссорѣ и что сама вынудила Аделину отослать ее. «Я поступила сурово, думала она, расхаживая взадъ и впередъ, очень сурово съ этимъ ребенкомъ... Гм! дѣвочка жива! Она держитъ голову такъ же высоко, какъ и сердце. Но что жъ тутъ худаго, когда ни въ чемъ нельзя упрекнуть себя? По крайней мѣрѣ, справедливы ея слова, что есть случаи, когда и старики должны уважать молодость!... О языкъ, языкъ!... прибавила старуха, когда ты научишься останавливаться во-время! Въ этомъ мѣстѣ ея монолога подошелъ къ ней чеботарь. Услышавъ отъ него, что онъ оставилъ Аделину въ слезахъ, Магдалина, которая знала, что она причиною ея печали, снова начала упрекать себя.

— Ахъ ты, старая дура! смотри пожалуй!... эдакая проклятая.... безчувственная скотина.... ну посмотри, что ты надѣлала. Вотъ дочка моя теперь плачетъ!

— На какого дьявола ты пѣняешь? спросилъ удивленный чеботарь.

— На какого же, какъ не на самоѣ себя, возразила старуха. Послушайте, г. Протѣ, поведите меня къ малюткѣ, чтобы я передъ ней извинилась. Чтѣ правда, то правда; не знаю, чтѣ нынче со мною сдѣлалось! Я такъ ее, мою голубушку, раздразила, что самъ ангелъ небесный потерялъ бы терпѣніе. Поведемте меня къ ней; я извинюсь передъ пей. Мы, старики, всегда досадуемъ, когда видимъ, что молодѣжь искуснее насъ словомъ и дѣломъ. И я была молода; было и мое время. Каждому своя очередь!—оно такъ и слѣдуетъ.

— Чтѣ ты тутъ городишь? спросилъ Протѣ съ нетерпѣніемъ. Стало бытъ, ты виновата, а не она?

— Конечно я; а кто говорить, что нѣтъ, когда я сама въ томъ сознаюсь?

— Ну такъ зачѣмъ же дочь посылаетъ меня просить у тебя прощенья?

Магдалина была не глупа. Она поняла, какой страхъ долженъ былъ овладѣть умомъ Аделины, если уже эта молодая дѣвушка, которую она знала гордою и никогда не уступавшею, когда на ея сторонѣ была правда, согласилась на такой поступокъ.

— О, бѣдное дитя! прошептала старуха, ужъ стало-быть я ее обидѣла, когда она считаетъ меня способною измѣнить ей!

— Пойдемте къ пей, сказала она съ живостію, обращаясь къ Протѣ.

— Послушай, возразилъ добрякъ, ты объяснишь мнѣ по крайшей мѣрѣ, чтѣ это все значитъ?

— Да, да, послѣ, отвѣчала Магдалина такимъ тономъ, который, казалось, давалъ понять чеботарю, что дѣйствительно было что-нибудь объяснять ему.

Когда они шли вмѣстѣ къ столовой, Лазарь, который продолжалъ сидѣть у окна, громко закричалъ.

Магдалина и господинъ ея подняли въ одно время голову.

— Къ лодкѣ!... отчаливай!... скорѣй! кричалъ Лазарь, дѣлая знаки чеботарю, тамъ — кто-то тонетъ. — И художникъ быстро отошелъ отъ окошка. Стукъ, который онъ произвелъ, сходя по лѣстницѣ, и крики въ саду мало по малу извлекли Аделину изъ ея безчувственности; она дотацилась до окна и въ половину раскрыла его. Свежій вѣтеръ пахнулъ ей въ

лице и возвратилъ ей совершенное употребленіе ея чувствъ. Вотъ что она увидѣла:

Въ саду, на берегу рѣки, Магдалина размахивала руками и испускала крики ужаса; посреди рѣки отецъ ея правилъ изо-всей силы веслами по указаніямъ живописца; этотъ стоялъ на кормѣ лодки, полу-раздѣтый и съ багромъ въ рукѣ.

— Еще ударь!... здѣсь!... вскричалъ художникъ, бросая багоръ, какъ-будто для того, чтобы измѣрить глубину рѣки; здѣсь! вскричалъ онъ, крючокъ зацѣпилъ!...—И съ этими словами онъ бросился въ воду.

Аделина сошла въ садъ.

— Ахъ, дитя мое! вскричала, увидѣвъ ее, Магдалина, поди отсюда; тебѣ слишкомъ тяжело будетъ это видѣть; его навѣрное вытащутъ мертвого.

— Кого? кого? вскричала дѣвушка.

— Эхъ, Боже! Да Зефира! Онъ вѣдь упалъ въ воду! Г. Лазарь бросился доставать его.

Аделина вся поблѣднѣла; Магдалина должна была поддерживать ее, чтобы она не упала.

— Небось! шепнула она сѣ... онъ не въ опасности.

Аделина быстро отскочила отъ Магдалины, бросивъ на нее взглядъ презрѣнія.

— *Sacrebleu!* кричалъ громовымъ голосомъ Прота, стоя въ лодкѣ, въ которую онъ уложилъ весла, — г. Лазарь не показывается!...—И чеботарь сбирался скинуть платье...

Въ то время, какъ онъ хотѣлъ уже погрузиться въ рѣку, вода разступилась передъ его глазами и Лазарь появился. Онъ тянулъ за волосы тѣло, до половины покрытое водяными растеніями.

— Пособи мнѣ! пособи! кричалъ онъ чеботарю; онъ опять у меня вырвется!

При пособіи мощныхъ усилій чеботаря, Лазарю удалось вытащить изъ рѣки утопшаго.

— Громъ и молнія! какъ онъ тяжелъ! вскричалъ дядя Прота, и весь поблѣднѣлъ, узнавъ ученика своего въ утопленникъ съ потухшими глазами, посинѣвшимъ ртомъ...

— Будетъ тяжелъ! сказалъ Лазарь: у него по камню на каждой ногѣ!

— Къ берегу! къ берегу!

Еще два взмаха веслами—и лодка причалила.

Съ помощію чеботаря, Лазарь положилъ тѣло мальчика на траву.

— Скорѣе! скорѣе! сюда! онъ еще живъ! кричалъ художникъ, приложивъ руку къ сердцу ученика, и слыша, что оно сильно бьется.

Аделина хотѣла помогать Магдалинѣ, но оставалась какъ прикованная къ мѣсту страхомъ и жалостію.

— Смотрите! вскричалъ Лазарь, который, раздвинувъ траву, обвивавшую тѣло утопшаго, ощупалъ маленькій, холстинный мышечекъ, привязанный веревкою къ шеѣ мальчика, — что это такое? посмотрите-ка, m-elle Аделина; а ты, дядя Протѣ, бѣги скорѣе за лекаремъ....—Чеботарь исчезъ....

Аделина открыла мышекъ и вынула изъ него три вещи, совершенно мокрыя. Узнавъ ихъ, дѣвушка положила руку на сердце, хотѣла что-то сказать, и во второй разъ упала безъ чувствъ.

Лазарь, который видѣлъ, что она упала на лавку, захотѣлъ узнать причину ея обморока; онъ поднялъ мышечекъ, выпавшій изъ рукъ ея, и вынулъ изъ него: письмо, изломанный лорнетъ и небольшой рисунокъ, который вода не довольно еще изгладила, чтобы онъ не могъ узнать его. Одной минуты достаточно было, чтобы все открыть художнику. Онъ все понялъ, и угадалъ, что былъ невольною причиною драмы, которая совершилась передъ его глазами.

— Бѣдный мальчикъ! сказалъ Лазарь, смотря на Зефира, который не подавалъ никакого знака жизни.

— Бѣдная дѣвушка! прибавилъ онъ, смотря на Аделину, которая все еще находилась въ безпамятствѣ. И подумавъ съ минуту, онъ опустилъ мышечекъ въ карманъ дѣвочки. Въ ту же минуту возвратился Протѣ съ лекаремъ.

(Продолженіе въ слѣд. книгѣ).

АДЕЛИНА ПРОТА.

(Романъ Г. Мюргера.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Хитрости Аделины.

Подобно тому рекруту, который храбро отправился въ жаркое сраженіе, и, возвратившись цѣлымъ и невредимымъ съ поля битвы, упалъ въ обморокъ при видѣ пуль, выпавшихъ изъ его платья, — ученикъ чеботаря показалъ сильный ужасъ, когда, придя въ чувство, понялъ, отъ какой важной опасности его избавили. Окрывъ глаза, Зефиръ увидѣлъ, что добрый старикъ Протѣ, наклонившись надъ нимъ, съ тоскою подстерегалъ дыханіе, движеніе, взглядъ, которые успокоили бы его на счетъ ученика. Мальчикъ подумалъ, что изъ рѣвки вытащилъ его хозяинъ. Онъ хотѣлъ благодарить Протѣ и смотрѣлъ съ замѣшательствомъ и нерѣшимостію на своего мнимаго избавителя. Потомъ, не находя, вѣроятно, словъ, онъ схватилъ Протѣ обѣими руками за шею и обвился вокругъ него въ жаркомъ объятіи, которое выражало гораздо больше, нежели самыя краснорѣчивыя объясненія. Протѣ былъ тронутъ этимъ дикимъ порывомъ ребенка, который находилъ слова слишкомъ слабыми для выраженія чувства, его одушевлявшаго. И онъ также собирался что-то сказать, но языкъ его былъ какъ связанный. Онъ какъ будто боялся въ одно

и то же время сказать слишком много и слишком мало. Онъ чувствовалъ, что совѣсть его была не совсѣмъ чиста въ этомъ покушеніи на самоубійство. Внутренній голосъ, который говоритъ людямъ только въ торжественныхъ случаяхъ, но тогда уже говоритъ со всею властію повелителя, спрашивалъ его потихоньку, точно ли онъ исполнилъ обѣтъ, данный имъ нѣкогда при подножіи олтарей? и принявъ сироту, чтобы отвратить опасность, которая угрожала его дочери, такъ ли онъ понималъ характеръ этого усыновленія? Призрѣвъ это покинутое созданіе, не онъ ли приучилъ его видѣть въ немъ только строгаго хозяина, тогда какъ потребность любви, которая была въ ребенкѣ сильнѣе самаго чувства благодарности, побуждала его желать родительской привязанности. Эта мысль, которая быстро пролетѣла въ умъ чеботаря, отразилась и въ его сердцѣ. Держа въ объятіяхъ ученика, лице котораго еще носило слѣды судорогъ, причиненныхъ недостаткомъ воздуха, когда онъ находился подъ водою, Протѣ испыталъ также ужасъ, обращенный на прошедшее. Онъ подумалъ, что Зефиръ могъ бы не спастись отъ смерти, и передъ нимъ какъ-будто прошелъ призракъ угрызенія, который мало-по-малу исчезалъ отъ правильнаго дыханія, вызваннаго возвратомъ жизни на уста ученика. Слыша, какъ билась въ сердцѣ мальчика благодарность, въ которой онъ сомнѣвался еще нынѣшнимъ утромъ, и которая скрывалась, потому что онъ не только не вызывалъ ее, но даже подавлялъ ея порывы, Протѣ мгновенно почувствовалъ въ себѣ какой-то трепетъ отцовской любви. Онъ заключилъ Зефира въ свои объятія, и поманивъ Аделину, которая стояла возлѣ, прибавилъ, ударяя по своей мощной груди: «поди сюда, дочка; здѣсь довольно мѣста для двоихъ.» И молодые люди на мигъ очутились такъ тѣсно соединенные въ объятіяхъ чеботаря, что ихъ лица почти касались одно другаго. Лазарь въ молчаніи наблюдалъ эту сцену. Уступая потребности, знакомой всѣмъ художникамъ по призванію, которыхъ никогда не покидаетъ ихъ главная и постоянная мысль, побуждающая ихъ безпрестанно находить отношенія между искусствомъ и природою, этимъ истиннымъ источникомъ всякаго вдохновенія,—онъ го-

ворилъ самъ себѣ: — *Parbleu!* вотъ сцена, которая составила бы хорошенькую картинку, въ родѣ Грёза, безъ его изысканной простоты! Эта славная, съдан голова чеботаря, посреди этихъ двухъ дѣтей, Магдалина, пристѣвшая у очага и раздувающая огонь, толстыя балки, пожелтѣвшія отъ дыма, сельскій буфетъ, гдѣ разставлена фаянсовая посуда съ яркими цвѣтами, и этотъ ослѣпительный лучъ солнца, который раздѣляетъ на двое толстую фигуру чугунаго котла, — всѣ эти подробности приплыли бы какъ нельзя кстати живописцу. Жаль, что здѣсь нѣтъ моего пріятеля Бонвеня!

Однакожъ, послѣ быстрого мгновенія, подареннаго искусству, наблюденія художника взяли другое направленіе. Онъ принялся отгадывать различныя чувства, оживляющія трехъ особъ, составлявшихъ группу, которая дѣйствительно какъ бы вызывала кисть живописца. Какъ всѣ открытые характеры, которые не могутъ, не задохнувшись, надѣть маску на лице свое, Прота выказывалъ всю свою радость. Зефиръ, котораго блѣдное лицо вдругъ покрылось румянцемъ отъ приближенія Аделины, смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ. Для него, еще сегодня утромъ парія этого дома, для него, къ которому не обращались иначе, какъ съ палкою въ рукѣ и съ бранью на устахъ, суровое лицо хозяина дѣлалось ласковымъ, и толстый голосъ его говорилъ съ кротостію. Весь взволнованный такою быстрою переменою и еще худо оправившись отъ сильныхъ испытанныхъ имъ потрясеній, бѣдный мальчикъ, котораго голова была еще такъ слаба, не зналъ навѣрное, спалъ ли онъ, или видѣлъ это на яву; но сонъ ли то былъ или дѣйствительность, только онъ чувствовалъ себя счастливымъ, до такой степени счастливымъ, что не смѣлъ сказать слова, не смѣлъ сдѣлать движенія, боясь нарушить свое счастье. Чтò касается до молодой дѣвушки, то подъ ея обманчивымъ спокойствіемъ Лазаръ, съ любопытствомъ за нею слѣдившій, угадывалъ смутныя мысли, которыя ее волновали. Дѣйствительно, въ эту минуту Аделина была далеко отъ объятій отца своего. Какъ скоро состраданіе пробужденное опасностію Зефира, было въ ней истощено, мысль ея воротилась назадъ, къ обстоятельствомъ, предшествовавшимъ самоубійству. Одно впечатлѣніе было

•

въ ней ясно—впечатлѣніе, произведенное на нее открытіемъ въ мѣшкѣ, привязанномъ къ шеѣ ученика, предметовъ, ей принадлежащихъ. Стало быть, тобыло дѣло не Магдалины; виноватый былъ Зефиръ; вотъ мысль, которая ее занимала, мысль неотступная, наполнявшая ее тревогою и беспокойствомъ. Зефиръ укралъ у ней *сувениры* Лазара. Какъ? за чѣмъ? Разгадать эту тайну она была не въ состояніи. Съ своей стороны, Зефиръ, сначала погруженный въ восторгъ, не замедлилъ встревожиться, замѣтивъ странное выраженіе въ глазахъ Аделины, на него устремленныхъ. Всегда къ нему ласковая, въ эту минуту она смотрѣла на него съ суровостію, которой онъ никогда не замѣчалъ въ ней.... Что-то похожее на угрозу заключалось въ этомъ взорѣ, который какъ-будто хотѣлъ проникнуть въ самую глубину души его.... Что такое случилось?... Дядя Протѣ, всегда брюзгливый и грубый, изъяснялъ ему дружбу; а Аделина, всегда кроткая и снисходительная, показывала ему.... какое имя дать чувству, въ которое такъ внезапно измѣнилось расположеніе молодой дѣвушки? Бѣдный мальчикъ ничего не понималъ, но почувствовалъ отъ ея гнѣва страданіе, несравненно мучительнѣйшее всѣхъ тѣхъ, которыя онъ испыталъ въ борьбѣ со смертію. Вдругъ онъ возвратился сердцемъ и умомъ къ чувству дѣйствительности; онъ припоминалъ! и первое воспоминаніе побудило его искать на шеѣ предмета, котораго онъ не нашелъ болѣе. Тогда мысли возвратились къ нему во всей своей ясности и полнотѣ, и пропажа маленькаго мѣшка изъяснила ему перемѣну, происшедшую въ обращеніи Аделины.

Движеніе, сдѣланное мальчикомъ, не ускользнуло отъ дочери чеботаря. Въ ту минуту, когда Зефиръ отнималъ руку отъ шеи, Аделина съ живостію ее схватила, и, сжавъ ее сурово, сказала, наклонившись надъ самымъ его ухомъ, отрывистымъ голосомъ, но такъ тихо, что онъ могъ одинъ ее слышать:

— Зачѣмъ ты меня обокралъ, Зефиръ?

И лишь только она сказала ему эти два слова, съ выраженіемъ, которое произвело на него болѣе впечатлѣнія, чѣмъ самый жестокий упрекъ, Зефиръ, не имѣя, силъ отвѣчать ей, поблѣднѣвъ и закрывъ глаза. Онъ имѣлъ нужду во всей вла-

сти надъ собою, чтобы удержать вопль, который готовъ былъ у него вырваться. Рука Аделины, маленькая и слабая рука женщины, вдругъ получила ту нервическую силу, которая сообщаетъ мимолетное и искусственное могущество самымъ нѣжнымъ существамъ. Эта рука сжимала пальцы ученика какъ въ клещахъ; онъ чувствовалъ, какъ ея ногти впивались ему въ тѣло. Боль была такъ сильна, что онъ почти лишился чувствъ.

Видя, что онъ поблѣднѣлъ, Аделина выпустила его руку. Не привыкшая къ сильнымъ потрясеніямъ, молодая дѣвушка, словно разбитая самымъ избыткомъ своихъ ощущенийъ, снова пала въ состояніе неподвижности.

Нѣмая игра чувствъ, которую живописецъ старался уловить на лицѣ каждаго изъ присутствующихъ, совершенно ускользнула отъ дяди Прота и произошла вдесятеро въ меньшее время, нежели сколько нужно было рассказать это.

— Ну! вскричалъ добродушный старикъ, освобождая Аделину и Зефира отъ полнаго чувства объятія, въ которомъ онъ соединилъ ихъ, ну, братъ, какъ ты теперь себя чувствуешь?

И онъ посмотрѣлъ на Зефира, который, не смѣя поднять глазъ, — такъ онъ боялся встрѣтить гнѣвный взглядъ Аделины, удалившейся съ Магдалиною въ уголь, — отвѣчалъ съ замѣшательствомъ, что чувствуетъ себя совершенно хорошо.

— И все тутъ? продолжалъ чеботарь. Ты даже не сказалъ спасибо тому, кто, вытащивъ тебя изъ рѣки, чуть было самъ тамъ не остался?

И чеботарь, взявъ Лазара за руку, хотѣлъ привести его къ ученику; но живописецъ быстро отскочилъ, сдѣлавъ Прота отрицательный знакъ, который послѣдній, по краткой нерѣшимости, казалось, совершенно понималъ, хотя наружность его изъясляла глубокое удивленіе.

— Вотъ уже во второй разъ вы меня спасаете отъ смерти, г. Прота, отвѣчалъ Зефиръ. Конечно, видя мое поведеніе, вы могли думать, что я забылъ ваши благодаренія. Съ нынѣшняго дня вы увидите во мнѣ перемѣну, прибавилъ мальчикъ. Сколько я былъ непокорнымъ и лѣнивымъ

работникомъ, столько вы найдете меня послушнымъ и дѣлательнымъ, готовымъ на все доброе и полезное. Мы не хорошо знали другъ друга.... продолжалъ онъ медленнее и съ легкимъ отбѣнкомъ упрека, который не ускользнулъ отъ чеботаря; но это моя вина, подхватилъ съ живостию Зефиръ, да, моя вина.... я не умѣлъ показать.... но теперь увидать, что у меня совсѣмъ не дурное и неблагодарное сердце, какъ думаютъ нѣкоторые.... При послѣднихъ словахъ Зефиръ посмотрѣлъ на Аделину, погруженную въ глубокія размышленія.

— Перестанемъ вспоминать прошлое, другъ мой; во-первыхъ, ты не работникъ и не слуга, какъ ты говоришь, сказалъ чеботарь, повѣсивъ голову; ты почти какъ дитя дома. Я хочу, чтобы ты приучался смотреть на меня, какъ на отца; какъ первая обязанность сына — довѣренность, — а мы здѣсь все люди свои, — то ты начнешь съ того, что откроешь намъ, по какой причинѣ ты хотѣлъ покупаться въ Луанъ съ камнями на ногахъ?

При этомъ началъ допроса Аделина какъ-будто пробудилась отъ сна и стала прислушиваться къ ответу Зефира. Сильное безпокойство выразилось на лицѣ дѣвушки. Что касается до ученика, то онъ пришелъ въ сильнѣйшее замѣшательство; онъ, казалось, искалъ ответа и не находилъ его. Безпокойство Аделины и смущеніе Зефира были замѣчены художникомъ. Обладая тайною двухъ молодыхъ людей, онъ боялся, чтобы этотъ допросъ не исторгнулъ у мальчика какого-нибудь признанія, которое могло бы, какъ онъ ни быть слѣпъ, открыть дядѣ Протѣ настоящую причину его самоубійства. Въ надеждѣ, что, можетъ быть, еще не ушло время излечить Аделину отъ ея мечты, а Зефира отъ его безумія, онъ рѣшился смѣшать карты и никому, кромѣ себя самого, не позволять читать въ сердцахъ ихъ.

— Дядя Протѣ, сказалъ онъ чеботарю, который съ величественною осанкою усялся въ кресла и обдумывалъ, какъ вести *сльдствіе*. — сегодня уже поздно; развѣ не будетъ дня завтра? Кто воротился оттуда, куда отправлялся Зефиръ, тотъ вѣрно усталъ и желалъ бы лучше отдохнуть, чѣмъ разговаривать. Оставь его въ покоѣ на нынѣшній вечеръ. Вы побои-

роется въ песокъ.... Когда я его вытащилъ, у него былъ на шеѣ родъ кошелька, или мышечка, который я передалъ твоей дочери, чтобы она посмотрѣла, что въ немъ находится. Я такъ и думалъ, что это ларчикъ, въ которомъ Зефиръ пряталъ свои драгоценные камни.

— Ну! спросилъ Протѣ Аделину, которую эти слова убѣдили еще болѣе въ незнаніи художника страшной для нея тайны: — ну, малютка! что же ты нашла въ мышкѣ Зефира?

— То, чего ожидалъ г. Лазарь, — камешки, отвѣчала Аделина съ большою увѣренностію, и прибавила, чтобы еще болѣе убѣдить художника: — это неудивительно; *намедни*, перемѣняя бѣлье на его постели, Магдалина нашла подъ тюфякомъ цѣлую кучу этихъ камешковъ.

То была правда, которую могла подтвердить и Магдалина. Только это *намедни* случилось уже назадъ тому шесть мѣсяцевъ.

Лазарь не могъ не замѣтить присутствія духа Аделины, и въ первый разъ удивился хладнокровію и уму дѣвушки, въ которой до сихъ поръ видѣлъ ребенка.

— Прощайте, г. Лазарь, сказала она, уходя; прощай, папа.

— Прощайте, милочка, отвѣчалъ Лазарь, слѣдуя за нею глазами.

— Спи спокойно, малютка, прибавилъ чеботарь, провожая ее ласковымъ движеніемъ руки.

— Не безпокойся, сказалъ Лазарь, когда Аделина приотворила за собою дверь.... теперь она уснетъ покойно... — Повтореніе этого слова осталось незамѣченнымъ для слуха чеботаря.

II.

Политика Лазара.

— Ахъ, да! вдругъ спросилъ Протѣ своего нахлѣбника, положивъ локти на столъ и смотря на него съ любопытствомъ: — на кой чортъ помѣшали вы мнѣ разспросить моего ученика?

— Развѣ мы не порѣшили, сказалъ живописецъ, что ты

предоставишь его совершенно въ мою волю на все время, пока я здѣсь буду?

— Правда, и я ничего противъ этого не говорю, возризиль добрякъ, но это не мѣшаетъ мнѣ желать знать, какимъ образомъ пришло ему на мысль топиться.... Знаете ли, г. Лазарь, это меня не на шутку беспокоитъ.... А вы, прибавилъ онъ, — развѣ это вамъ не любопытно?...

— Точно такъ же, какъ тебѣ, отвѣчалъ художникъ, но и терпѣливъ.

— Такъ, стало быть, вы его не спрашивали, когда ходили съ нимъ на верхъ?

— Я не сказалъ ни одного слова, которое напомнило бы ему происшествія дня. Я пошелъ съ нимъ, чтобы запереть его.

— Ахъ, да, это правда, и вы даже обыщали мнѣ сказать, за чѣмъ берете эту предосторожность.

— Я заперъ Зефира для того, чтобы онъ не могъ ни съ кѣмъ имѣть сообщенія, и рассказать, что произошло, всей деревнѣ.

— Но вся деревня ужъ это знаетъ! вскричалъ чеботарь, который находилъ предосторожность бесполезною.

— Знаютъ, что Зефиръ чуть не утонулъ, но не знаютъ, что хотѣлъ утопиться. Гм! продолжалъ живописецъ, я одинъ изъ васъ сохранилъ нѣкоторое хладнокровіе; я и употребилъ его въ дѣло. Я подумалъ, что нѣтъ никакой надобности, чтобы другіе знали истинную правду, потому что каждый сталъ бы дѣлать заключенія, и отъ этого могли бы произойти для тебя непріятности.

— Вы думаете, г. Лазарь? сказалъ чеботарь, котораго лице вдругъ омрачилось.

— Конечно, возразилъ художникъ; подобныя происшествія всегда подають поводъ къ разнымъ толкамъ, а въ числѣ этихъ толковъ могутъ случиться очень непріятные.

— Непріятные! повторилъ чеботарь, который внимательно слушалъ Лазаря, и внутренно, казалось, согласовалъ его слова съ своими собственными мыслями; вы говорите, непріятные?

— Ну, разумеется! Положимъ, что насъ не случилось бы

на ту пору, и мы не могли бы спасти твоего ученика; а вотъ, въ одно утро, вытащили бы его изъ воды другіе, съ камнями на ногахъ! Неужели ты не думаешь, что это подало бы поводъ къ порядочной болтовнѣ въ околodкѣ? Вездѣ есть злые языки; а здѣсь еще больше, если судить по тому, что ты мнѣ рассказывалъ изъ твоей собственной жизни.

— Хорошо! сказалъ съ живостию чеботарь, а что же такое могли бы сказать, если бы Зефиръ умеръ? Ужъ навѣрное, меня не обвинили бы въ томъ, что я бросилъ его въ воду?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не думаю этого; но....

— Но, что?... вскричалъ Протѣ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Чортъ возьми! возразилъ Лазарь, подражая движенію старика:—какой-нибудь негодяй, который имѣлъ бы на тебя вражду, развѣ не могъ бы сказать: эка мудрость! ученикъ утопился, чтобы спастись отъ такого злаго хозяина.

— Вы думаете это?... Но, г. Лазарь, знаете ли вы, что я задушилъ бы перваго, кто осмѣлился бы сказать....

— Можетъ быть, продолжалъ спокойно художникъ; но ты самъ подвергнулся бы опасности быть задушеннымъ тѣми, кто тутъ случился бы.... Ну, дядя Протѣ, что сказали бы, если бы, къ несчастію, Зефиръ умеръ, то самое могутъ сказать и теперь, когда онъ остался въ живыхъ; для этого и нужно взять предосторожности, которыя могли бы заставить подумать, что это происшествіе—дѣло случая, а не самоубійство. Я уже далъ наставленіе Магдалинѣ. По моему совѣту, она вѣрно передастъ его Аделинѣ; а я съ твоего позволенія учу тебя, такъ какъ я человѣкъ посторонній въ домѣ, могу судить о вещахъ лучше и предвидѣть послѣдствія издалика. Давеча я сдѣлалъ тебѣ знакъ не говорить Зефиру, что онъ спасенъ мною; необходимо оставить его въ томъ убѣжденіи, что ты его спаситель. Ты слышалъ изъявленія его благодарности и обещанія измѣнить свое поведеніе въ будущемъ. Онъ не забудетъ ихъ, я въ томъ увѣренъ;—такъ точно, какъ ты не забудешь своихъ обещаній?

— Кому же и что я обещалъ? спросилъ чеботарь нѣсколько удивленный, или, по крайней мѣрѣ, притворяясь удивленнымъ.

— Это обещаніе, продолжалъ Лазарь спокойно, — ты сдѣлалъ его самому себѣ, думая, что не совсѣмъ чуждъ покушенію Зефира, и мучимый угрызеніями, которыя удалялись отъ тебя по мѣрѣ того, какъ мальчишка возвращался къ жизни. Если ты таишь иногда свои впечатлѣнія, дядя Протѣ; то ихъ все-таки очень легко прочесть на твоёмъ открытомъ лицѣ. Вотъ, давеча, смотря на тебя, какъ ты обнималъ Зефира, я понялъ, что ты обещалъ быть впредь терпѣливѣе съ бѣднымъ мальчикомъ, котораго горе, вѣрно, было очень тяжело, коли онъ не имѣлъ болѣе силъ нести его. Такъ ли это? спросилъ въ заключеніе Лазарь. Протѣ не отвѣчалъ ни слова, но два или три раза наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Послѣ краткаго молчанія, поднявъ глаза на живописца, онъ сказалъ: — Ну, г. Лазарь, стало быть это и ваше мнѣніе, что Зефиръ....

— Что? спросилъ живописецъ.

— Ну!... сказалъ чеботарь, дѣлая движеніе челоуѣка, который нырлетъ, что это по той причинѣ.... потому.... однимъ словомъ.... что ему дурно было жить....

— И, чортъ возьми! Неужели ты сомнѣваешься?... Какую же другую причину ты могъ бы предположить?...

— Чтѣ правда, то правда.... за то я буду теперь щадить его.... божусь вамъ.

— Это будегъ для тебя тѣмъ легче, продолжалъ Лазарь, что въ эти два или три мѣсяца я стану поддерживать мальчика въ его добромъ расположеніи и возвращу тебѣ совершенно другимъ челоуѣкомъ.

— Но,—спросилъ чеботарь, обратясь къ другой мысли,— не странно ли, что онъ побѣждалъ привязать себѣ къ ногамъ камни и броситься въ воду именно въ день вашего пріѣзда и только что разставшись съ вами?

— Чортъ возьми! подумалъ Лазарь, ну къ чему это добрякъ вздумалъ приплести меня къ дѣлу? Неужели я попустому столько трудился, чтобы утвердить его въ заблужденіи, которое онъ самъ себѣ создалъ?

— И потомъ, продолжалъ дядя Протѣ:—какимъ образомъ это случилось, что съ того самаго дня, какъ вы увѣдомили

насть о вашемъ возвращеніи, Зефиръ сдѣлался еще угрюмѣ обыкновеннаго? Онъ именно тутъ болтался, когда Аделиночка читала ваше письмо; и когда малютка заплясала отъ радости, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, и досада его съ тѣхъ поръ все увеличивалась...

— Послушай, дядя Протѣ, сказалъ Лазарь, смѣясь принужденно, что́ это за шутики ты выкидываешь? Сначала ты прежде всѣхъ вообразилъ себѣ, что не совсѣмъ чистъ въ приключеніи Зефира, и согласился въ этомъ со мною; а теперь хочешь снять съ себя отвѣтственность и взвалить ее на меня? Помилуй! да есть ли тутъ смыслъ? Когда я здѣсь, то увожу Зефира съ собою на цѣлый день; ну, а какъ онъ ни лѣнивъ, все же долженъ предпочитать мое общество твоему. Исключая труда нести за мною мои инструменты, лишь только я воткнулъ гдѣ-нибудь мой зонтикъ, Зефиръ можетъ спать въ тѣни, мечтать вдоволь, или подбирать камешки, которые послѣ находятъ у него подъ тюфякомъ. Я спрашиваю тебя, отъ чего ему было огорчаться моимъ прїѣздомъ, когда я аккуратно каждый день увожу его за три, или четыре мили отъ твоего прилавка и твоей палки, что́ составляетъ для его лѣни, такъ сказать, семь воскресеньевъ въ недѣлю? Да вмѣсто того, чтобы печалиться, ему должно бы плясать отъ радости.

— Конечно! да въ томъ-то и мудрость, что онъ не плясалъ, а напротивъ того плясала Аделина; и чѣмъ больше она радовалась, чѣмъ больше занималась вами, тѣмъ онъ становился мрачнѣе.

— Ай, ай! подумалъ Лазарь, попалъ на слѣдъ! того и гляди, что затрубитъ побѣду!

— То-есть, продолжалъ добрякъ, — смотря, какую онъ строилъ рожу всякій разъ, какъ объ васъ говорили, — а Аделиночка говорила объ васъ съ утра до вечера, — можно бы сказать, что Зефиръ ревнуетъ...

— За твое здоровье, дядя Протѣ! вскричалъ Лазарь и громко чокнулъ стаканъ свой о стаканъ чеботаря, въ надеждѣ, что стукъ этого прикосновенія, вмѣстѣ съ звуками его голоса, заглушитъ послѣднее слово, которое у него вырвалось, и, быть можетъ, помѣшаетъ этому слову, вылетѣвшему безсознательно,

остановить на себѣ его мысль и пролить въ ней внезапный свѣтъ; но чеботарь, опорожнивъ свой стаканъ, поставилъ его на столъ, и, какъ-будто никто его не прерывалъ, продолжалъ: — о, Боже мой! да, можно бы подумать, что Зефиръ ревнуетъ васъ....

Лазѣра нѣсколько успокоило то, что добрякъ говорилъ это совершенно просто, и что ни въ движеніяхъ, ни въ голосѣ, ни въ взглядѣ его не скрывалось никакого намѣренія, никакой затаенной мысли. Онъ понялъ однакожь, что продолжительнымъ сопротивленіемъ подвергается опасности усилить его подозрѣнія и завлечь его на проселочную дорогу, ведущую къ истинѣ.

— Впрочемъ, сказалъ онъ Протѣ,—можетъ статься ты и правъ. Къ причинѣ, которую ты предполагалъ прежде, быть можетъ, Зефиръ прибавилъ другую; и вѣроятно, для этого-то онъ и навязалъ себѣ два камня, а не одинъ, сказалъ Лазѣръ, стараясь обратить дѣло въ шутку.

— А! вы видите, что и вы также раздѣляете это мнѣніе, вскрывалъ Протѣ:—есть другая причина.

— Это болѣе, чѣмъ вѣроятно; я даже увѣренъ, что эта причина, прежде всякой другой, побудила Зефира къ тому, что онъ сдѣлалъ.

— Вы думаете? продолжалъ Протѣ, счастливый этимъ сознаніемъ, которое какъ-будто снимало у него съ души тяжелое бремя. Но, да! какое же отношеніе полагаете вы между этою тайною и печалію, которую ваше прибытіе причинило Зефиру?

— Опять за то же! сказалъ самъ себѣ Лазѣръ, и продолжалъ громко:—при первомъ взглядѣ, нѣтъ большаго отношенія,—но когда чего ищутъ, то должно искать вездѣ.

— Чтѣ правда, то правда, сказалъ чеботарь съ одобрительнымъ движеніемъ. Ну?

— Ну, ища, вотъ что я нашелъ. Слушай.

— Слушаю, сказалъ Протѣ, положивъ голову на руки, а локти на столъ.

— Ты знаешь, что черезъ двѣ недѣли праздникъ въ Монтиньи. Ты знаешь также, что между прочими увеселеніями

таете завтра, если вамъ непременно хочется болгать. — Ну, другъ мой, сказалъ художникъ, смотря на ученика; простись съ честною компанією и ступай съ Богомъ спать.

— Развѣ онъ прежде не поужинаетъ? сказалъ Прота.

— Онъ и такъ довольно пилъ сегодня, возразилъ живописецъ со смѣхомъ, впрочемъ, пусть Магдалина дастъ ему бульйону; послѣ того онъ заснегъ. Завтра у него будетъ лучше аппетитъ. Чтò касается до насъ, такъ какъ мы не путешествовали на тотъ свѣтъ, то кушанье не повредитъ намъ; напротивъ того. Давай же ужинать, Магдалинушка, и живѣе! А я покамѣстъ уложу Зефира въ постелю и запроу его на замѣкъ,—шепнулъ онъ дядѣ Протѣ. Сейчас скажу тебѣ, для чего, прибавилъ художникъ.

Ученикъ далъ себя увести Лазарю. Когда они пришли въ чуланъ, гдѣ спалъ Зефиръ, Лазарь сказалъ ему очень скоро:—Завтра утромъ, прежде чѣмъ въ домъ встануть, я постучу у твоихъ дверей; одѣвайся и будь готовъ; мнѣ нужно переговорить съ тобою.

— Со мною? сказалъ ученикъ съ удивленіемъ.

— Да, съ тобою, и можетъ быть я дамъ тебѣ извѣстіе объ одной, потерянной тобою, вещи.—Напрасно ты станешь искать, прибавилъ художникъ, видя, что Зефиръ, въ изумленіи, машинально схватился рукою за грудь. Ты видишь, что твоего мышка нѣтъ тутъ.

— Такъ это вы нашли его! вскричалъ Зефиръ съ взглядомъ, почти враждебнымъ.

Лазарь притворился, что не слыхалъ, и продолжалъ:

— Если завтра, по первому удару, ты не будешь готовъ, я расскажу дядѣ Протѣ все, чтò здѣсь дѣлается. Теперь ты предупрежденъ; покойной ночи.

— Ахъ, М-г Лазарь, сказалъ Зефиръ, неужели вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ буду спать.

— Быть можетъ не такъ крѣпко, какъ заснулъ бы въ тростникахъ Луана, а все-таки заснешь. Прощай! Желаю тебѣ вѣдѣть пріятные сны.

Лазарь вышелъ и заперъ мальчика на замѣкъ.

Войдя въ столовую, онъ нашелъ приборъ на столѣ.

Аделина и отецъ ея сидѣли на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ. Аделина была все въ такомъ же волненіи, не взирая на наружное спокойствіе.—Ну, сказалъ самъ себѣ Лазарь, я далъ успокоительную пилюлю маленькому Зефиру; пролейтъ немножко бальзама и на сердце Аделины.

И примѣтивъ конецъ веревочки, которая выставилась изъ кармана дѣвочки, онъ сказалъ ей очень спокойно:

— Душечка Аделиночка, вы сей-часъ потеряете что-то.

Аделина схватилась за карманъ. Она почувствовала подъ рукою что-то мокрое. Это былъ мѣшечекъ, который нашли на шеѣ у Зефира, мѣшечекъ, заключавшій ея тайну. Она была увѣрена, что тайна эта попала въ руки Лазаря, и не смѣла смотреть на него. Стало быть, эти вещи, которыя она считала потерянными и возвратившимися въ руки того, у кого ихъ похитила, какъ обличеніе, какъ признаніе въ чувствахъ ея къ нему,—стало быть, онъ ее не покидалъ, и тайна ея еще принадлежала ей. Но вдругъ безпокойство ея, на минуту утихнувшее, возвратилось къ ней съ болѣею настойчивостію:—какимъ образомъ мѣшечекъ этотъ попалъ къ ней въ карманъ? Она помнила только, что Лазарь бросилъ ей его издалека, что она открыла его, упала безъ чувствъ; что же было потомъ?... И только послѣ необыкновенныхъ усилій надъ собою, она снова успѣла себя успокоить.—Какая я дура, безумная дура! подумала она, сжимая судорожно маленькій мѣшечекъ. Если бы г. Лазарь видѣлъ, что тутъ находится, развѣ онъ не угадалъ бы всего? А угадавши, неужели бы онъ не перемѣнилъ своего обращенія со мною? И разсуждая такимъ образомъ, она продолжала сжимать мѣшечекъ. Лазарь, который слышалъ, какъ шумѣла бумага у ней въ карманъ, говорилъ самъ въ себѣ:—Мой успокоительный бальзамъ дѣйствуетъ.

Дѣйствительно, Аделина, совершенно успокоенная со стороны Лазаря, начинала тревожиться на счетъ Зефира.

И должно признаться: она гораздо меньше занималась причиною, побудившею его къ самоубійству, нежели тѣмъ, какимъ образомъ онъ открылъ существованіе извѣстныхъ предметовъ въ таинственномъ ящикѣ, и для какой цѣли овладѣть ими? Никакая догадка, никакое замѣчаніе не приходило къ ней

на помощь, чтобы руководить ее и поставить на слѣдъ ея смутныя предположенія. Она не могла повѣрить существованію нецѣлостнаго чувства въ мальчикѣ, которому всегда оказывала ласковое покровительство; да и Зефиръ старался доказать ей свою благодарность разными средствами, которыя часто противорѣчили его врожденнымъ недостаткамъ. Правда одна-кожь, что съ нѣкотораго времени усердіе его охладѣло; но Аделина припомнила, что сама, занятая возвращеніемъ Лазаря, сдѣлалась къ нему равнодушнѣе, и разъ или два пропускала случай войти въ посредничество между имъ и отцемъ своимъ. — Неужели онъ сердится на меня за это? спрашивала она себя. Но какъ онъ могъ придумать такой способъ мщенія? Какъ могъ онъ угадать? — Здѣсь не бесполезно будетъ знать одно обстоятельство. Со времени своего возвращенія въ Монтиньи, дѣвушка считала Зефира и поступала съ нимъ точно такъ же, какъ считала ее и поступала съ нею Лазарь, т. е. какъ съ ребенкомъ. Чтò жъ удивительнаго, что она и не обращала вниманія на тысячу мелочныхъ подробностей, способныхъ озарить ея сомнѣнія и направить подозрѣнія. Коротко обращаясь съ ученикомъ, подобно тому, какъ Лазарь обращался съ нею, она, мимоходомъ, дружески трепала его по щекѣ, и въ то время ей никогда не случалось замѣчать, что мальчикъ дрожалъ и блѣднѣлъ, какъ дрожала и блѣднѣла она, когда Лазарь бралъ ее за талию и поднималъ къ себѣ, чтобы поцѣловать ее. Когда Протѣ наказывалъ его за лѣнь голодомъ, и Аделина тихонько носила ему ужинать, то въ его благодарности она видѣла просто благодарность; но голосъ, которымъ онъ выражалъ ей это чувство, его взглядъ, движенія, невниманіе его къ принесенной пищѣ, чтобы видѣть, слышать только ее; минутное одушевленіе на лицѣ его при ея появленіи, и когда она говорила ему своимъ кроткимъ и протяжнымъ голосомъ: — На, голубчикъ, я принесла тебѣ поужинать славнаго, мягкаго хлѣбца; — быстрое пламя, которое озаряло взоръ ученика, какъ искра, вылетающая изъ-подъ пепла; тысяча другихъ признаковъ, обличающихъ смущеніе мальчика, когда онъ приходилъ въ столкновеніе съ дочерью своего хозяина, — всегда ускользали отъ Аделины; это объясняетъ, почему она не сохранила объ

нихъ ни малѣйшаго воспоминанія. Она сожалѣла, что Лазарь помышлялъ отцу ея разспросить мальчика. Признался ли бы онъ, или нѣтъ, въ истинной причинѣ покушенія на жизнь свою, только изъ словъ его, вѣроятно, она могла бы уловить какое-нибудь указаніе, которое помогло бы ей проникнуть въ необъяснимую тайну его поведенія. Впрочемъ, такъ какъ она чувствовала инстинктивно, что сохранляетъ большую власть надъ умомъ ученика, хотя власть эта съ нѣкотораго времени и уменьшилась, то и съ этой стороны Аделина наконецъ успокоилась. Она не сомнѣвалась, что скорѣе всякаго другаго успѣетъ вывѣдать отъ него все, что хотѣла знать. Въ этомъ расположеніи, по окончаніи ужина, Аделина шла къ себѣ, обнявъ отца и простившись съ нахлебникомъ.

Когда она уже была на порогъ комнаты, Лазарь обернулся къ ней, заставивъ стулъ свой сдѣлать круговой оборотъ на одной ножкѣ.

— Кстати, милочка Аделина, спросилъ художникъ съ видомъ искренняго любопытства:—что вы такое нашли въ кошелекъ Зефира? Эдакой себялюбивый малый! Тонетъ съ своимъ сокровищемъ, чтобъ не оставить его наслѣдникамъ! прибавилъ Лазарь со смѣхомъ.

При этомъ вопросѣ, котораго причины она не могла понять, Аделина стояла съ минутой на порогѣ, какъ вкопанная.

— Кошелекъ! вступился Протѣ,—какъ, у Зефира были деньги, и онъ топился съ ними!

— Ни-дать, ни-взять, скупой старикъ въ «Потопль» Жироде, продолжалъ художникъ.

— Что вы это такое рассказываете? возразилъ добрякъ, воротившись къ своему обычному состоянію. А гдѣ бы, чортъ возьми, взялъ онъ денегъ? Ужъ вѣрно не заработалъ! Онъ слишкомъ для этого лѣнивъ, плутъ эдакой!

— Успокойся, сказалъ Лазарь; это были деньги, употребительныя только между дикими народами, маленькіе камешки странной формы и красивые цвѣтомъ, которые онъ любилъ собирать на берегахъ Луана. Это его причуда; у этого малаго бездна причудъ! Въ прошломъ году, когда онъ со мною ходилъ, онъ, бывало, на каждомъ шагѣ останавливается и

будетъ стрѣльба въ гуся, и что, кромѣ птицы, побѣдителю достается еще большое уваженіе отъ цѣлой деревни.

— Ужъ конечно; Зефиръ, который, бывало, цѣлый годъ не умѣлъ пошевелить руками, очень искусенъ въ этой стрѣльбѣ. Три года сряду онъ выигрывалъ гуся, и подъ его окнами играла музыка....

— Да сверхъ того, онъ имѣлъ право выбирать танцовщицу.

— И, сказалъ дядя Протѣ со смѣхомъ, плутъ-то себѣ на умъ. Онъ прямо лѣзъ къ самымъ красивымъ и къ самымъ богатымъ дѣвкамъ, у которыхъ что-ни-на-есть румяные щеки и красные ленты.... Но, должно быть справедливымъ. Когда дочь моя воротилась въ Монтиньи, Зефиръ былъ учтивъ съ нею; онъ подарилъ ей гуся и пригласилъ ее танцевать, что, впрочемъ, и обязанъ былъ сдѣлать; однакожь она была еще немножко блѣдненька и на ней не было красныхъ лентъ.

— Экой ты! сказалъ Лазаръ съ настойчивостію, Аделина все-таки была всѣхъ лучше и всѣхъ наряднѣе; если на ней не было лентъ, такъ были кольца, браслеты....

— Золотые, сказалъ съ гордостію Протѣ; изъ чистаго золота.

— И серьги, продолжалъ художникъ.

— Бриллиантовые, сказалъ Протѣ, настоящія бриллиантовые; и у ней столько ихъ въ маленькомъ красномъ личикѣ, что можно купить, эдакъ.... десятины три, побольше, луговъ или виноградниковъ.

— Ну вотъ почему Зефиръ и приглашалъ ее; онъ думалъ, что твоими золотыми вещами она и его заставляетъ блеснуть! О! этотъ мальчишка — пресамолубивое созданье!

— Воротимся къ дѣлу, сказалъ чеботарь. Какое отношеніе могутъ имѣть всѣ эти розсказни съ тѣмъ, что насъ занимаетъ?

— А вотъ сейчасъ! продолжалъ художникъ. Нѣсколько лѣтъ сряду Зефиръ одерживалъ побѣду и пользовался всѣми почестями, за нею слѣдующими. Ну, а помнишь ли, какъ прошлый годъ, нѣкто, общій нашъ знакомый, съ торжествомъ принесъ гуся къ вамъ въ кухню, и мы его съѣли всѣ вмѣстѣ, къ большой досадѣ ученика, который, изъ гордости, не хотѣлъ даже принять участіе въ угощеніи.

— Это правда, сказалъ дядя Протѣ, складывая руки.

— Вотъ ты и правъ быть, говоря, что онъ завидуетъ мнѣ. Нынѣшній годъ, онъ, можетъ быть, надѣялся возстановить свою славу; вдругъ узнаетъ о моемъ во вращеніи; онъ въ отчаяніи, что очень натурально! И замѣтъ еще, что, встрѣтивъ его въ Бурронѣ, я имѣлъ неосторожность напомнить ему это происшествіе.

— И вы думаете, что отъ этого онъ и...

— Послушай: ты сказалъ мнѣ: давай отыскивать причину, почему Зефиръ огорчается вашимъ пріѣздомъ! Хороша или нѣтъ эта причина, но она единственная, которую я нашелъ, и одна вѣроятная. Самолюбіе, изъ такихъ же ничтожныхъ побужденій, заставляло дѣлать глупости людей и по-важнѣе Зефира. Подумай-ка: вѣдь это было его единственное торжество въ жизни, единственный день, въ которой онъ былъ счастливъ. Вдругъ, тутъ является какой-то пришлецъ, выскочка, и похищаетъ у него счастье. Онъ рассчитывалъ на мое отсутствіе нынѣшній годъ; а я тутъ какъ тугъ. А тамъ, глядишь, черезъ двѣ недѣли и праздникъ! Ну, онъ и потерялъ голову! и если прибавить къ этому ту причину, что мы предполагали прежде,... ну, знаешь, — такъ выйдетъ ужъ двѣ, — анъ и слишкомъ достаточно.

— А что жъ? оно и можетъ статься, промолвилъ чеботарь, качая головою.

— Не можетъ быть, а навѣрное такъ, сказалъ съ настойчивостію Лазарь.

— Ну да, да; я такъ и понимаю, возразилъ добрякъ съ видомъ и голосомъ убѣжденія.

— Слава Богу! подумалъ Лазарь: — стоило мнѣ труда убѣдить его! — И видя, что Протѣ старался скрыть зѣвокъ, прибавилъ про себя: — ну вотъ, и онъ будетъ теперь спать спокойно.

Въ самомъ дѣлѣ, 9½ часовъ пробило на монтиньской колокольнѣ. Дядѣ Протѣ, который засидѣлся и такъ уже позже обыкновеннаго, казалось, смертельно хотѣлось спать. Самъ художникъ желалъ, если не спокойствія, то, по крайней мѣрѣ, уединенія. Они встали; художникъ зажегъ восковую свѣчу, приготовленную для него стараніями Аделины.

При разставаньѣ, Протѣ, какъ-будто желая стряхнуть последнее безпокойство съ души, сказалъ художнику:

— Ну-такъ, г. Лазарь, вы думаете, что это приключеніе не будетъ имѣть послѣдствій?

— Всѣ предосторожности взяты, отвѣчалъ живописецъ; это дѣло останется тайною между нами. А Зефиръ, если бы и хотѣлъ, не можетъ разгласить его: онъ запертъ.

— Да, нынче вечеромъ, а завтра?

— Я ужъ и объ этомъ думалъ. Завтра, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочу избѣжать дневнаго жара, я уведу его на разсвѣтъ къ *Озеру Волшебницъ*. Ваши монтиньскіе туда не ходятъ; да если бы Зефиръ и расположенъ былъ болгать о своемъ купаньѣ, такъ у меня будетъ цѣлый день, чтобы наставить его на умъ и убѣдить отвѣчать любопытнымъ то же, что станемъ говорить всѣ мы. Впрочемъ, мнѣ кажется, эти предосторожности совершенно лишнія. Мальчикъ считаетъ себя во второй разъ обязаннымъ тебѣ жизнью, и, судя по словамъ его, намѣренъ будущимъ поведеніемъ загладить все, чѣмъ ты былъ недоволенъ въ его образѣ дѣйствій, или, лучше сказать, бездѣйствій. Съ твоей стороны, ты вѣдь, кажется, также расположенъ помогать ему въ добромъ намѣреніи и поощрять его старанія?

— Ахъ, отъ всего сердца! сказалъ чеботарь; мнѣ нечего отъ васъ скрывать, коли вы сами все замѣтили; только, когда давеча я увидѣлъ его мокраго и холоднаго.... это сдѣлало на меня такое дѣйствіе.... *Sacrebleu!* Мнѣ не случилось еще испытывать ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ здѣшніе прозвали меня дурнымъ отцемъ.... Мнѣ казалось, что ужъ я такъ и слышу, какъ они кричатъ мнѣ вслѣдъ: *дурной хозяинъ! мучитель ребятъ!* При томъ же, мальчикъ-то вѣдь мнѣ не совсемъ чужой, потому что я принялъ его съ пеленокъ. Отъ того, видите ли, я не дожидался, чтобы онъ общалъ мнѣ исправиться, чтобы дать самому себѣ обѣщаніе поступать съ нимъ лучше.

— Я видѣлъ это, сказалъ Лазарь:—ты обнималъ его вмѣстѣ съ Аделиною. Знаешь ли, на что ты былъ похожъ? продолжалъ художникъ, внимательно изучая лице чеботаря.

— На что? спросилъ послѣдній.

— На челоуѣка, который общается ему въ замужство дочь свою.

Художникъ бросилъ это слово, какъ бросаютъ камень въ бездну, чтобы извѣдать ея глубину. Протѣ попалъ въ сѣти со всѣмъ желаемымъ простодушіемъ.

— Ха! ха! ха! вскричалъ онъ, широко растворяя ротъ для оглушительнаго хохота. Ха! ха! ха! вѣдь придетъ же въ голову челоуѣку! Господи! какой смѣхъ! Ахъ! прибавилъ чепотарь, держа себя за бока, право, негодится такъ смѣяться, да силъ моихъ нѣтъ! Зефиръ, Аделина.... Чортъ возьми! гдѣ вы берете ваши сравненія, господа художники!

— Хорошо, подумалъ художникъ; я ожидалъ этого. — Мы беремъ наши сравненія въ нашемъ же ремеслѣ, отвѣчалъ онъ. Въ Лувръ есть картина: *Обрученіе*. Честный крестьянинъ, какъ ты, даетъ дочь трудолюбивому парню изъ своей деревни: группа, которую вы давеча составили, напомнила мнѣ эту картину.

— А развѣ отецъ похожъ на меня? спросилъ Протѣ.

— Да, у него славное, добродушное лицо, какъ у тебя. Онъ какъ будто говорить, смотря на зятя: я желалъ бы другаго; но, такъ какъ дочери нравится этотъ — чортъ возьми! это ея дѣло! Женуешь не я; она выходитъ за-мужъ.

— Онъ хорошо разсуждаетъ, этотъ отецъ, возразилъ Протѣ: коли есть склонность между двумя молодыми людьми, мѣшать не должно. Не хорошо.

— Стало-быть, сказалъ Лазарь съ живостію, которую онъ тотчасъ же умѣрилъ, ты не сталъ бы противиться выбору дочери, каковъ бы онъ ни былъ?

— Каковъ бы ни былъ,... повторилъ добрякъ, запинаясь, ну это тамъ, какъ придется.... Вы очень хорошо понимаете, что съ блестящимъ воспитаніемъ, которое получила дочь моя, ей и въ голову не придетъ выдти иначе, какъ за челоуѣка отличныхъ достоинствъ.

— Но, продолжалъ художникъ, если бы Аделина сказала тебѣ когда-нибудь: ты не знаешь, папаша.... со мною странное дѣлается!.... я люблю... Зефира!...

— Хо! хо! хо! вотъ шутка-то, сказалъ чеботарь, начиная снова хохотать; потомъ, нечувствительно переходя къ важности, старикъ отвѣчалъ:— я сказалъ бы дочери: — Поди-ка, посиди въ своей комнатѣ! а потомъ взялъ бы Зефира за уши.— И Протѣ докончилъ свою мысль значительною пантомимой.

— Хорошо, подумалъ Лазарь; теперь я знаю все, что мнѣ хотѣлось знать.

— Но, спросить чеботаря, скажите на-милость, о чемъ мы тутъ разговаривали?

— Э! сказалъ Лазарь, мы говоримъ о живописи, по поводу одной картины въ Луврѣ....—И художникъ принялся самъ смѣяться такъ громко, что изумленный чеботарь спросилъ о причинѣ его смѣха.

— Эхъ! развѣ ты не видишь, что я забавляюсь, и что эта мысль выдать дочь твою за этого мальчишку.... заставляегь меня помирать со смѣху.

— Аделина и Зефиръ, сказалъ Протѣ, присоединяя свой смѣхъ къ веселости художника.

— Дочь твоя, которая, ни дать-ни-взять, барышня....

— Знатная барыня, прибавилъ чеботарь.

— Дѣвушка, у которой, по крайней мѣрѣ, тысяча экю приданаго.

— Что это вы говорите, тысяча экю! сказалъ чеботарь, какъ будто униженный этимъ предположеніемъ: да у ней однихъ собственныхъ 10 т. франковъ, которые еще плodyтcя.... Возьмите же теперь, что она получить отъ меня, а тамъ и считайте.

— Правда, сказалъ Лазарь:—у Аделины будетъ тысячь 15-ть приданаго.

— Тиш! сказалъ чеботарь живо; послушайте, любезный другъ.... вотъ приданое моей дочери....—И чеботарь съ невыразимой гордостію раскрывалъ и закрывалъ 6-ть разъ сряду свою широкою руку съ 5-ю пальцами, распущенными наподобіе вѣера.

— Чортъ возьми! 30-ть тысячъ! сказалъ живописецъ, прищелкнувъ вмѣстѣ языкомъ и пальцами, какъ будто бы онъ желалъ этимъ знакомъ удивленія польстить самолюбію.

чеботаря, который надулся гордостью, изчисляя свои богатства. — Ну, дядя Протѣ, сказалъ онъ, вѣдь это дѣлаетъ еще уморительнѣе мое предположеніе: представь же себѣ дочь свою, богатую наследницу, невестою Зефира. Ученикъ чеботаря, объявляющій, при подписи брачнаго условія, свои капиталы: мышекъ съ камешками. Зефиръ — женихъ, который говоритъ меру: «Я не знаю своего имени, сударь!»

Добрѣхъ Протѣ падалъ отъ смѣха на столъ, слушая сравненіе между своею дочерью, прекрасною, богатою, счастливою, съ этимъ существомъ, худымъ, нищимъ и сирымъ, съ Зефиромъ, соединяющимъ въ своей жалкой особѣ двѣ самыя ужасныя общественныя язвы: *безъ имени* и *безъ гроша*! Добрѣхъ Протѣ былъ не злой человѣкъ; въ этой картинѣ, вызванной передъ его глазами, онъ видѣлъ только смѣшную сторону, а не видалъ ея жалкой стороны.

— О тщеславіе! подумалъ художникъ, наблюдая за чеботаремъ; злое сѣмя, которое растетъ на всѣхъ почвахъ, и въ добрыхъ, равно какъ и въ дурныхъ сердцахъ! Положите рубль въ карманъ нищаго, — онъ станетъ плевать на свою тѣнь.

Въ эту минуту пробило 11-ть часовъ. Они разстались, пожавъ другъ другу руки. Протѣ пошелъ спать; Лазарь мечтать.

Бросившись, одѣтый, на постель, Лазарь началъ перебирать въ умѣ своемъ всѣ происшествія, которыя предшествовали и послѣдовали его возвращенію въ Монтиньи. — Какъ это ни странно, подумалъ онъ, а сомнѣваться нельзя: доказательства на лицо. Этотъ ребенокъ любитъ меня, Ребенокъ! Э, чортъ возьми! какой же она ребенокъ! Она ужъ дѣвушка, и притомъ хорошенькая. Ей 18-ть лѣтъ, самая пора любить. Но почему же эта невинность выбрала именно меня? Почему? не мудрено объяснить. Добрый Протѣ самъ сейчасъ говорилъ, что дѣвушка, такъ хорошо воспитанная, можетъ любить только человѣка отличнаго. Это значитъ просто, что всѣ монтиньскіе щеголи не стоятъ моего пальца. Быть можетъ, не будь меня, эта барышня и подумала бы о какомъ-нибудь изъ нихъ; но я пришелъ! — *veni, vidi, vici*. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случается осуществлять де-

визъ Ю. Цезаря; да еще безъ малѣйшаго старанія съ моей стороны! Что жъ? она не дурна! И мнѣ, право, какъ-то пріятно думать, что она цѣлуетъ мое изображеніе уже цѣлый годъ.... При томъ же, какая тонкая штука! У! какую бы славную можно затѣять тутъ идиллію подъ звѣзднымъ небомъ, на муравъ, разостланной какъ нарочно для того, чтобы хорошенькая дувъшка оступилась на ней.... Какое удовольствіе заставить ее выучить любовную азбуку отъ первой буквы до послѣдней. Однакожъ, другъ Лазарь, — прервалъ свой монологъ художникъ, замѣтивъ, что онъ не безъ удовольствія спустился по этому пріятному скату.... — ты большой негодяй! Подумай, что эта малютка какъ-будто сестра твоя, что ты не разъ заставлялъ ее прыгать на коленяхъ, и еще нынче утромъ, уѣзжая изъ Парижа, хотѣлъ привезти ей конфетъ и куклу, да забылъ по своей прекрасной привычкѣ!... Следовательно, я прошу, и, если нужно, приказываю вамъ излечить зло, котораго вы были виною прелестями вашей особы и пріятностями вашего ума! Эхъ! вскричалъ Лазарь, дѣлая скачекъ, при которомъ туфля его ударила въ потолокъ; да что я, право, такъ мучаю себя этими пустяками! Малютка совсѣмъ не любитъ меня. Это просто прихоть воображенія, наполненнаго романами! Романы да ленты, — вотъ вѣдь чѣмъ забавляютъ этихъ дѣвченокъ въ свѣтъ, гдѣ она, къ отцовской гордости, была воспитана. Первый красивый малый превращается въ Галаора невинною прихотью этихъ невинностей. Мое самолюбіе слишкомъ рано встревожилось.... Ну нѣтъ, продолжалъ Лазарь, качая головою, тутъ не надъ чѣмъ смѣяться.... Аделина любитъ меня истинною любовію; тутъ всѣ признаки страсти, которая, не смотря ни на что, идетъ прямо, сама не зная, куда. Всѣ мои воспоминанія, всѣ нынѣшнія наблюденія это доказываютъ. Отъ меня это дитя много пострадаетъ. Покрайней мѣрѣ должно, чтобы она страдала не долго; должно, чтобы въ тотъ день, когда затворится за мною дверь этого дома, Аделина не плакала о моемъ отъѣздѣ и не надѣялась на мое возвращеніе. Какъ это сдѣлать?... Что касается до Зефира, продолжалъ Лазарь, то это еще больше меня удивляетъ и подстрекаетъ мое любопытство, — не по раннему развитію страсти: мы

видали примѣры; но рѣдко случается, чтобы въ этомъ возрастѣ страсть проявлялась въ такихъ необузданныхъ явленіяхъ. Зефиръ влюбленъ въ Аделину и ревнуетъ ко мнѣ! въ 15-ть лѣтъ! Сначала, это кажется смѣшно—не правда ли? Но когда подумаешь, что Зефиръ отъ этой ревности бросается въ воду, —невольно задумаешься. Кто бы угадалъ, что подъ этой неуклюжей наружностію.... Странно, очень странно! шепталъ Лазарь. Къ счастью, продолжалъ онъ, дядя Протѣ теперь лучше расположенъ къ нему, и уступаетъ его мнѣ; я могу изучить этого загадочнаго мальчишку со страстями мужа; чтобы приложить лекарство, мало видѣть болѣзнь, надобно знать ея причину.... Но захочетъ ли Зефиръ быть со мною откровеннымъ? Кажется, вчерашняя баня немного охладила его ревность; но въ какомъ расположеніи найдетъ его завтрашнее утро? Захочетъ ли онъ вѣрить моему участію? Онъ вѣдь хитеръ съ своимъ глухимъ видомъ. Пстой, сказалъ Лазарь, я нашелъ средство доказать ему мою дружбу.—И соскочивъ съ постели, художникъ подошелъ къ столу, вынулъ листъ бумаги, написалъ нѣсколько строчекъ, высушилъ на свѣчкѣ сырыя чернила, запечаталъ письмо облаткою, потомъ прошепталъ голосомъ чловѣка, который старается припомнить:—Кажется, та была голубая.—И онъ запечаталъ письмо голубою облаткою. Окончивъ эту работу, снялъ съ камина зеркало, поставилъ его на столъ, сѣлъ противъ него, расположилъ свѣтъ особеннымъ образомъ и началъ срисовывать съ себя портретъ, на листкѣ альбома, уже наполненномъ очерками. Это продолжалось съ полчаса.

Окончивъ рисунокъ, Лазарь положилъ его возлѣ письма, потомъ разстегнулъ застѣжки чемодана, и долго искалъ въ немъ чего-то, вѣроятно по причинѣ безпорядка, въ какомъ находились его вещи.

—Странная дѣвушка! шепталъ онъ, роясь съ нетерпѣніемъ въ чемоданъ: украсть у меня лорнетъ! да еще изломанный! Впрочемъ, изъ чего любовь не дѣлаетъ святыни! Проклятый свертокъ! куда онъ дѣвался! А! вотъ онъ!

Онъ открылъ небольшой ящикъ; въ немъ находилось съ полдюжины лорнетовъ, подобныхъ тому, который онъ носить

на шеѣ. Онъ вынулъ одинъ изъ нихъ и изломалъ у него ручку. — Теперь, сказалъ онъ, присовокудивъ лорнетъ къ письму и портрету, съ помощію этихъ трехъ вещицъ я овладѣю тайною Зефира. Да! вотъ еще! Онъ вѣдь хитеръ!... Итъ, стой, братъ Зефиръ. — И распечатавъ письмо, Лазарь смалъ его въ рукъ, потеръ его объ полъ и наконецъ обмакнулъ въ тазъ съ водою. Такая же операція была сдѣлана и съ портретомъ.

• — Теперь, сказалъ Лазарь, обсудимъ хорошенько положеніе и планъ дѣйствія. Заставить Аделину разлюбить меня; заставить Зефира разлюбить Аделину; помѣшать Протѣ узнать тайну дочери и ученика; а сверхъ того, чтобы охотники до чужихъ тайнъ ни на минуту не могли подозрѣвать того, что Протѣ уже готовъ былъ отгадать, если бы я не остановилъ его во-время. — Если бы Зефиръ былъ постарше Аделины, то, какъ онъ ни бѣденъ, можно бы дѣйствовать другимъ образомъ; покрайней мѣрѣ въ будущемъ Аделина, переставъ обо мнѣ думать, обратилась бы къ Зефиру. Дядя Протѣ полагался бы, а потомъ уступилъ бы желанію дочери. Bravo! вотъ сколько работы! Я думалъ, что пріѣхалъ сюда для рисованья; анъ выходитъ на дѣлѣ, для дипломатическихъ переговоровъ. Если бы я зналъ это, то привезъ бы съ собою меньше холста для картинъ и побольше бѣлыхъ галстуковъ.

На монтиньиской башнѣ пробило полночь.

— Ну, сказалъ Лазарь, раздваясь совсѣмъ. Завтра утромъ я долженъ предупредить солнце; пора спать.

III.

Озеро Волшебницъ.

На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, Лазарь выходилъ на цыпочкахъ изъ своей комнаты, захвативъ съ собою большой портфель для рисованья, зонтикъ и складной стулъ. Проходи мимо чуланчика Зефира, художникъ тихонько поцарапался у его двери, чтобъ онъ былъ готовъ за нимъ слѣдовать.

— Г. Лазарь, г. Лазарь! прошепталъ едва слышнымъ голосомъ Зефиръ, не стучите, и, пуще всего, не отворяйте моей двери.

— Это отъ чего? спросилъ Лазарь, нѣсколько удивясь и понижая голосъ.

— Отъ того, что m-elle Аделина *стучала* мнѣ вчера и сказала сквозь стѣну, чтобы я сегодня утромъ ждалъ ее въ саду. Она хочетъ прежде всѣхъ говорить со мною. Ахъ! я очень знаю о чемъ!—И голосъ ученика выражалъ страхъ. Если вы отворите дверь, она проснется, потому что стѣна ея трясется, когда отворяютъ мою дверь, — и ужъ навѣрное помѣшаетъ мнѣ идти съ вами.

— Онъ предпочитаетъ идти со мною; добрый знакъ, подумалъ художникъ, и отвѣчалъ тихонько: но чтобъ тебѣ выдти, вѣдь должно же отворить дверь.

— Не нужно, отвѣчалъ Зефиръ. Вчера я нарочно оставилъ окно мое открытымъ; вы приставите лѣстницу, и я спущусь. Уйдите тихонько; снимите башмаки, чтобъ лѣстница не скрипѣла. Я буду ждать васъ у окна.

Предосторожность, которую совѣтовалъ взять Зефиръ, была не лишняя, потому что деревянная лѣстница обыкновенно трещала и потрясала весь домъ, когда по ней шли. Лазарь разулся, и, сходя, такъ остерегался, что едва слышалъ самъ шаги свои. Пробравшись въ садъ, онъ нашелъ лѣстницу, приставилъ ее къ стѣнѣ, и ученикъ сошелъ.

— Куда же мы идемъ? спросилъ онъ, взявъ портфель и стулъ Лазара.

— Къ Озеру *Волшебницъ*.

— Двѣ мили, возразилъ Зефиръ съ гримасою.

— Славно! подумалъ Лазарь, видно лѣнь не осталась въ водѣ. — Коли ты не доволенъ, такъ я уведу тебя на *Вороній Прудъ*.

— Да! чегыре мили! сказалъ Зефиръ съ движеніемъ ужаса.

— Если ты еще не доволенъ, прибавилъ Лазарь, мы, пожалуй, пройдемъ и до Арбона.

Зефиръ поднялъ носъ къ верху, какъ будто стараясь вычислить разстояніе.

Лазарь показалъ пять пальцевъ одной руки и три другой.

— Восемь миль! сказалъ Зефиръ, ровня стулъ и портфель.

— Прошу поднять это, духомъ. Какъ! ты жалуешься, лѣнтяй, на двѣ дрянныя мили.

— О! отсюда до Озера, сказалъ Зефиръ, будетъ гораздо дальше.

— Да вѣдь ты понесешь только портфель и стулъ,— это легко.

• — Конечно. Да еще сумка, а она вѣдь тяжела, продолжалъ Зефиръ, наклоняя голову въ ту сторону, гдѣ была кухня.

Лазарь не могъ удержаться отъ улыбки; онъ понималъ. Ученикъ говорилъ о большой сумкѣ, въ которой художники носятъ свою провизію, когда отправляются работать въ отдаленныя мѣста.

— Аппетитъ возвращается, сказалъ Лазарь самъ себѣ, и прибавилъ, смотря на ученика: тебѣ уже хочется ѣсть.

— Ужас! отвѣчалъ Зефиръ; да вотъ почти трое сутокъ, какъ я не ѣлъ и не пилъ.

— А! сказалъ Лазарь, а я думалъ, что ты напился вчера, да еще какъ!

Зефиръ притворился, что не слышитъ этого намека, и отправился въ столовую, которая выходила въ садъ.

— О! сказалъ Лазарь, слѣдуя за нимъ, голосъ природы.... Но, замѣтилъ онъ Зефиру, я не предупредилъ Магдалину, что сегодня пойду въ лѣсъ, и она ничего мнѣ не положила.

— Такъ я положу, отвѣчалъ Зефиръ.

— А чѣмъ же мы отопремъ шкафъ? ты знаешь, что Магдалина всегда беретъ ключъ съ собою.

— Да; но съ годъ тому назадъ, Магдалина потеряла ключъ. Не знаю, какъ это случилось, сказалъ Зефиръ, потупивъ голову, только....

— Ты нашелъ его? сказалъ художникъ.

— Да, отвѣчалъ Зефиръ, шаря въ карманъ и вытаскивалъ ключъ. Гм.... продолжалъ ученикъ, когда полжизни морятъ тебя голодомъ....—И отворивъ шкафъ, онъ сначала вытащилъ блюдо, на которомъ остался пресоблазнительный кусокъ баранины отъ вчерашняго ужина.

— Подожденъ! сказалъ онъ съ досадою, оборачивая кусокъ во всѣ стороны.

— А кто виновать? Магдалина не могла въ одно и то же время смотреть за вертѣломъ и грѣть для тебя салфетки!

— Это правда, сказалъ Зефиръ, завертывая жаркое въ журналъ и опуская его въ сумку; потомъ опять принялся за осмотръ шкафа. Онъ вынулъ шуку, которая осталась вчера не початая. Прежде нежели опустить ее въ мѣшокъ, онъ тщательно понюхалъ ее и покачалъ головою съ недовольнымъ видомъ. Наконецъ рѣшился взять и ее, ворча про себя:—не очень свѣжа! но впрочемъ.... съ соусомъ...

— Ты хочешь взять и соусъ? замѣтилъ Лазарь, удивленный всѣми этими сборами; въ чемъ это, позвольте узнать?

— Вотъ въ этомъ, отвѣчалъ Зефиръ съ тѣмъ же лакономизмомъ. И онъ налилъ въ маленькій пузырекъ масла и укусу, и прибавилъ туда соли и перца, тщательно сообразивъ ихъ пропорцію. Окончивъ это, онъ положилъ пузырекъ въ карманъ и возвратился къ шкафу.

— Что жъ ты еще ищешь? спросилъ Лазарь.

— Вина! отвѣчалъ спокойно Зефиръ, и всталъ на стулъ, чтобы достать до верхней полки, гдѣ видѣлись три или четыре запечатанныя бутылки.

— Это не простое вино, замѣтилъ художникъ.

Ученикъ покачалъ головою, указавъ на печать и пробормоталъ: *лучшее*. Потомъ, обвернувъ каждую бутылку особенно въ тряпку, уложилъ ихъ въ мѣшокъ, куда прибавилъ также пол-хлѣба, два прибора и два стакана. Потомъ заперъ шкафъ и оставилъ ключъ въ замкѣ.

— Ты хочешь сказать Магдалинѣ, что нашелъ ключъ? спросилъ Лазарь.

— Нѣтъ, вы скажите, что увезли его съ собою въ прошломъ году.

— Вотъ еще? а за чѣмъ это?

— Чтобы пошутить съ нею. — И взваливъ котомку на плеча, Зефиръ вышелъ изъ столовой. Они были уже по дороге, когда ученика поразила какая-то новая мысль, и онъ воротился въ садъ.

— Куда жь ты еще? спросилъ Лазарь.

— За десертомъ, отвѣчалъ Зефиръ съ тѣмъ же лаконизмомъ, и тотчасъ сорвалъ три или четыре прекрасныхъ плода, которые висѣли на шпалерахъ и которыхъ степень зрѣлости онъ разсмотрѣлъ съ большимъ стараніемъ. Онъ раскрылъ сумку и положилъ десертъ въ двойной карманъ.

— Ты забываешь кофе и ликёры, сказалъ Лазарь, смѣясь.

Зефиръ поднималъ руки къ небу, какъ будто говоря: На войнѣ какъ на войнѣ; и пустился въ путь.

— Настоящая загадка этотъ мальчишка, подумалъ Лазарь, и поровнявшись съ Зефиромъ, который шелъ живѣе обыкновеннаго, сказалъ шутя:

— Знаешь ли, что я думаю. Теперь ты возвратилъ ключъ отъ шкафа; какъ же ты будешь доставать себѣ пищу, когда дядя Протѣ обрѣжетъ твою долю?

— Онъ больше не будетъ ее обрѣзывать, отвѣчалъ Зефиръ съ убѣжденіемъ.

— Ну, это еще неизвѣстно, сказалъ Лазарь. Протѣ добрый человѣкъ; вчерашнее приключеніе сдѣлало его съ тобою ласковѣе, чѣмъ когда-нибудь; но съ твоей стороны ты тоже общалъ ему перемениться. Если ты сдержишь слово, онъ будетъ поощрять твои успѣхи; если же, напротивъ того, чуть обсохло твое платье, ты воротись къ прежнимъ дурнымъ привычкамъ,—можно поручиться, что Протѣ опять примется за твое исправленіе, и тогда, берегись побоевъ и худаго хлѣба и всего прочаго. У дяди Протѣ тяжела рука, да и у тебя куда какъ крѣпка голова!

— А что онъ выигралъ, что такъ поступалъ со мною?

— Ничего, согласенъ; но это не дѣлаетъ тебѣ чести. Между нами, признайся, не стыдно ли мальчику твоихъ лѣтъ не быть ни къ чему годнымъ? Какъ! Вотъ уже, не знаю, сколько времени, дядя Протѣ пытается выучить тебя своему ремеслу, а ты еще до сихъ поръ, какъ онъ самъ говоритъ, не умѣешь взять чебота въ руки. Неужели ужъ такъ трудно дѣлать чеботы, э?

— А вамъ, г. Лазарь, неужели было бы весело дѣлать чеботы?

— Я не чеботарь; къ тому же, ремеслу учать не для того, чтобы было весело, а для того, чтобы работать, чтобы нажить средства къ жизни, и со временемъ, смотря по избранному пути, приобрести богатство, довольство, или, по крайней мѣрѣ, независимость.

— Да, прошепталъ Зефиръ, дѣлать что хочешь.

— Но тебѣ, кажется, нравится только ничего не дѣлать, сказалъ художникъ. Подумай-ка, что всѣ мы на свѣтѣ для того, чтобы что-нибудь дѣлать и извлекать пользу изъ нашей силы, или изъ нашего ума. когда Господу Богу не угодно было дать намъ доходовъ. Къ тому же, если ты не знаешь этого, то я скажу тебѣ, что много людей богатыхъ стараются....

— *Забавляться!* сказалъ Зефиръ, хоть въ этомъ словѣ не слышно было никакого оттенка горечи или зависти.

— И, другъ мой, это утомительнѣе, нежели ты воображаешь, возразилъ Лазарь.

— Стало быть, вы очень утомились, м-г Лазарь? спросилъ Зефиръ.

— Эти вопросы, и особенно способъ предлагать ихъ, очень удивили художника.

— Послушай, сказалъ онъ съ важностію. Я почти вдвое тебя старше. Въ 10-ть лѣтъ я зналъ уже, сколько дней надо трудиться, чтобы заработать экію; а давно вошелъ въ зрѣлый возрастъ, и не зналъ еще, что можно его истратить въ часъ. Никогда не былъ довольно богатъ, чтобы покупать удовольствіе—самый дорогой изъ всѣхъ товаровъ въ мірѣ, — и долженъ былъ извлекать свое удовольствіе изъ моего собственнаго труда; а какъ я трудился много, чтобъ не сказать—всегда, то я дѣйствительно очень старался *забавляться*, если ты хочешь.

— А! вы, 10-ти лѣтъ, уже писали картинки? спросилъ простодушно Зефиръ.

— Я не говорилъ этого. Какъ я былъ слишкомъ молодъ, чтобы работать умомъ, то работалъ руками, какъ ни были онѣ слабы. Ты жалуешься, что ремесло чеботаря скучно; то, которымъ я занимался, было нисколько не веселѣе, а

при концѣ дня я, бывало, такъ устану, какъ могло бы только устать колесо монтиньской мельницы, если бы оно было одушевленное созданіе; я тоже занимался механическою работою. Но къ чему всѣ эти разспросы?

— Для того, чтобы знать, г. Лазарь, и при томъ.... послушайте, позвольте мнѣ спросить васъ еще объ одномъ.

— Съ охотою, отвѣчалъ художникъ, который изучалъ на лицѣ мальчика, къ какой цѣли клонились его вопросы, и вмѣстѣ, какое дѣйствіе производили на него отвѣты.

— Ну, г. Лазарь, продолжалъ Зефиръ, когда вамъ наскучило быть мельничнымъ колесомъ, вы дѣлали что-нибудь другое?

— Да, тогда-то я и началъ писать картинки, какъ ты говоришь.

— Но чтобы писать картинки, должно было, чтобы васъ сперва поучили.

— Сначала я самъ учился; по крайней мѣрѣ всему тому, чему можно выучиться безъ учителя.

— Стало быть, можно выучиться чему-нибудь самому? спросилъ Зефиръ съ притворнымъ простодушіемъ.

— Безъ сомнѣнія, когда предпринимаешь что съ любовію и когда къ желанію выучиться присоединяешь вкусъ и понятливость.

— Все равно, продолжалъ Зефиръ, все-таки надо учителя.

— Конечно; природныя способности всегда нуждаются въ пособіи науки.

— А давно ли вы учитесь? продолжалъ Зефиръ.

— Пятнадцать лѣтъ.

— Такъ вы должны быть, почитай, мастеромъ, настоящимъ мастеромъ своего дѣла?

— Ученикомъ, Зефиръ, скромнымъ ученикомъ; посуди-ка, какіе бы ты сдѣлалъ успѣхи, если бы тебя стали обучать моему искусству. ты, который, въ 7 или 8 лѣтъ, не могъ выучиться сдѣлать пару чеботовъ.

— Ахъ! сказалъ Зефиръ, оправляя на плечъ мышекъ, ужь я давнымъ-давно умѣю ихъ дѣлать, чеботы-то!

— Какъ! вскричалъ Лазарь, останавливаясь посреди дороги.

— Да такъ! возразилъ ученикъ. также останавливаясь и разсматривал, какое дѣйствіе произвело это открытіе на его товарища.

Въ эту самую минуту они подошли къ перекрестку, отъ котораго расходились три дороги.

— По какой идти? спросилъ Зефиръ, останавливаясь и смотря на Лазаря, который былъ еще пораженъ послѣднего тайною, прибавленною ученикомъ ко всѣмъ тѣмъ, которыя онъ собирался открыть.

— По самой короткой, сказалъ художникъ, желая этого уступкою своему лѣнивому товарищу расположить его благопріятно выдержать допросъ, который онъ намѣренъ былъ ему сдѣлать. Зефиръ, которому предоставленъ былъ выборъ, съ минутою оставался въ нерѣшимости. — Вѣтренно, сказанъ онъ, смотря на тополь, который сильный вѣтеръ гнулъ прямо ему въ лице.

— Немножко, сказалъ Лазарь, оно хорошо утормъ; это освѣжаетъ; — и видя, что ученикъ все еще не рѣшался, прибавилъ: — Чтѣ намъ за дѣло, откуда дуетъ вѣтеръ? Вѣдь мы не на парусахъ.

— А вотъ какое дѣло. возразилъ спокойно Зефиръ: если мы пойдемъ, вонъ, по той дорогѣ, то у насъ будетъ песку по колѣно, и вѣтеръ засыплеть намъ глаза; а по этой, сказалъ онъ, смотря на другую дорогу, будетъ дальше.

— Экая важность! шаговъ 200 подальше, возразилъ Лазарь, начинавшій терять терпѣніе.

— Эхъ, сударь, отвѣчалъ Зефиръ; 200 шаговъ больше или меньше — это очень чувствительно для ногъ и для спины, когда имѣешь пошу.

— Но, несчастный, если сума тяжела, не ты ли ее наполнилъ. Я и не думалъ брать запасовъ; я хотѣлъ воротиться домой къ завтраку.

— Какъ же! сказалъ Зефиръ, въ 11-ть часовъ, въ самый жаръ, не правда ли?

— Скажи пожалуй! Онъ боится загорѣть! А, другъ мой! когда ты попадешь въ наборъ, то будешь такимъ же плохимъ солдатомъ, какъ ты плохой чеботарь. Ты слишкомъ любишь разныя удобства, мой милый!

— Я не буду солдатомъ, сказалъ Зефиръ.

— Да; ты вѣрно воображаешь, что тебя пустять выбирать №, или надѣешься, что дядя Протѣ найметъ за тебя охотника.

— Ахъ, добрый, бѣдный хозяинъ! Ужъ я и такъ ему дорого стою.—Ну, сказалъ ученикъ, поворачивая на-лѣво, пойдете по большой дорогѣ; проходя черезъ Марлотту, мы можемъ зайти выпить.

— Но, сказалъ Лазарь, возвращаясь къ прерванному разговору, ты самъ сознаешься, что дорого стоишь дядѣ Протѣ, да вѣдь не въ томъ только дѣло, чтобы сознаваться; такъ какъ ты знаешь его ремесло, то было бы гораздо честнѣе съ твоей стороны попробовать заплатить ему долгъ твоею работою. И если бы ты началъ пораньше доказывать ему твою благодарность, Протѣ, который воспиталъ тебя, могъ бы тебѣ помочь, когда придетъ твоя очередь поступать на службу.

— Обойдусь и безъ него, сказалъ Зефиръ; при томъ же, до тѣхъ поръ....

— Между тѣмъ, возразилъ Лазарь, я долженъ тебя предупредить, что нынче же вечеромъ дядя Протѣ узнаетъ, какой ты отличный работникъ.

— Онъ и самъ это замѣтитъ, сказалъ Зефиръ. Я хочу, прибавилъ онъ стуча палкою по мостовой, чтобы прежде нежели пройдутъ три мѣсяца, по этой дорогѣ не раздавалась ни одна пара чеботовъ, которая была бы не моей работы; я хочу, чтобы дядѣ Протѣ некогда было приласкать дочь или выкурить трубку; такъ я займу его подготовкою капитанника и вяза. Ужъ если этому человеку должно колотить что-нибудь, то пусть колотитъ себѣ по дереву. И смотри, пожалуй, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, у меня не будетъ, по крайней мѣрѣ, синяковъ на плечахъ.

— А причина такой быстрой перемены?

— Причина! повторилъ Зефиръ съ отгѣнкомъ грусти, причина!... и помолчавъ съ минуту, проворчалъ сквозь зубы:

— Это тайна.

— А нельзя ли узнать эту тайну, другъ мой?

— Нельзя, отвѣчалъ ученикъ довольно сухо.

— Гм! подумалъ художникъ; онъ словно задвигаетъ заноры. Потомъ продолжалъ:—а если бы я купилъ у тебя твою тайну? а?

— Я не продаю ее, сударь, продолжалъ ученикъ съ тою же сухостию.

— Однакожь, если бы я предложилъ тебѣ хорошую цѣну.

— Послушайте, Г. Лазарь, возразилъ Зефиръ, смотря пристально на своего товарища:—я вѣдь не такъ глупъ, какъ кажусь. Вы хотите заставить меня болгать; я это чую. Вотъ почему вы и увели меня сюда утромъ; но, видите ли, прибавилъ онъ, ударяя себя по лбу:—когда я себя что-нибудь сюда заберу, такъ это тамъ и остается.

— Очень вѣрю, сказалъ Лазарь.

— А когда это сюда завало, то самъ чортъ его не вытащить.

— Ну, мой бѣдный Зефиръ, а я вытащу то, что у тебя тамъ, сказалъ художникъ, также ударивъ себя по лбу; я постараюсь даже вытащить то, что у тебя здѣсь, прибавилъ онъ, ударяя себя по груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сердце.

Зефиръ поблѣднѣлъ, и полунасмѣшливая улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Послушай, другъ мой, продолжалъ живописецъ:—я больше тебѣ желаю добра, нежели ты думаешь. Твою тайну—я знаю ее отчасти; если я желаю знать ее вполне, то не съ тѣмъ, чтобъ тебѣ вредить. Сейчасъ я предложилъ тебѣ купить ее; я ошибся; я не хочу покупать, а помѣняться съ тобою, и когда ты узнаешь, что я хочу дать тебѣ за нее, то увѣренъ, что мы ударимъ по рукамъ.

— А что же вы такое мнѣ дадите, Г. Лазарь? сказалъ ученикъ съ любопытствомъ.

— Во-первыхъ—совѣтъ.

— Совѣтъ, повторилъ Зефиръ съ недоувѣрчивостию, а потомъ?

— А потомъ еще.... все, что въ этомъ небольшомъ сверткѣ, отвѣчалъ Лазарь, вынувъ изъ кармана свернутую бумагу и вытрясал ее въ свою руку. Хотя ты меня не очень любишь, потому что какъ-будто не доверяешь мнѣ, — я открылъ, что

у тебя есть моя рука и мой портретъ, и что безъ сомнѣнія для того, чтобы лучше читать мою руку и лучше разсматривать мое изображеніе. ты досталъ себѣ, не знаю какимъ-образомъ, маленькій инструментикъ, подобный вотъ этому, сказалъ Лазарь, указывая на лорнетку, которая прыгала у него на шеѣ. Ты, стало быть, близорукъ?

— И вы мнѣ все это отгадываете? вскричалъ съ живостию Зефиръ.

— Все, продолжалъ Лазарь, быстро проводя сверткомъ передъ глазами ученика. я отдамъ тебѣ все, если ты мнѣ все скажешь. Ты понимаешь? Все.

— Дайте! сказалъ Зефиръ.

— Дамъ, когда и ты дашь.

— Хорошо, сказалъ ученикъ; послѣ завтрака мы поговоримъ. — И, какъ-будто сговорясь между собою, они молчали, пока дошли до мѣста своего назначенія. Лазарь шелъ по одной сторонѣ дороги, размышляя о порядкѣ допроса, а Зефиръ по другой, занятый, безъ сомнѣнія, приготовленіемъ изъясненія, которое долженъ былъ дать Лазарю. По прошествіи трехъ четвертей часа они всходили, нѣсколько запыхавшись, по крутой тропинкѣ, ведущей отъ Марлотты къ Озеру Фей.

Площадка, которая, безъ сомнѣнія, обязана своимъ названіемъ какому-нибудь суевѣрному преданію, господствуетъ надъ всѣмъ протяженіемъ страны, которую мы описали въ первой главѣ повѣсти. Мало мѣстоположеній представляютъ столько разнообразія, и въ особенности на такомъ тѣсномъ пространствѣ. На каждыхъ десяти шагахъ видъ перемѣняется съ быстротою декорацій, и съ каждымъ часомъ, смотря по большей или меньшей высотѣ солнца, ландшафтъ измѣняется въ цѣломъ и подробностяхъ, подобно картинѣ въ діорамѣ. Всѣ школы пейзажистовъ могутъ найти здѣсь предметъ для изученія. Тутъ есть и тучныя пажити, подобныя нормандскимъ, гдѣ стада утопаютъ по грудь въ высокихъ волнахъ сочной благоухающей травы; тамъ внезапно разступится зеленая рама лѣса, этого океана вершинъ, вѣчно колеблемыхъ, какъ морскія волны, и вы увидите спокойныя долины, которыя простираются до

Бри, и бѣгутъ такъ далеко, какъ только можетъ взглядъ уловить неподвижную черту горизонта. Тѣ, которые любятъ дикіе ландшафты Сальватора Розы, могутъ сойти крутыми оврагами въ сонныя уединенныя глубины Волчьяго Ущелья. Проникнувъ въ это ущелье, вамъ покажется, что вы посѣщаете развалины какой-нибудь невѣдомой Ниневіи. Колоссальныя массы утесовъ какъ-будто чувствуютъ еще толчекъ, сообщенный имъ внутреннимъ переворотомъ, и преслѣдуютъ, лѣзутъ одна на другую, какъ армія разбитыхъ гигантовъ; однѣ, едва наклоненныя, какъ-будто собираютъ силы для новаго порыва, другія, склонившись надъ пропастью въ угрожающемъ положеніи, пугаютъ взоръ своею сомнительною неподвижностію. Деревья, какъ будто еще потрясаемыя вѣтромъ, возвышающимъ разрушеніе міра, наклоняются съ движеніями, которыя придаютъ имъ сходство съ существами, находящимися въ опасности и дѣлающими сигналы отчаянія; одни потрясаютъ вѣтвями съ судорожными движеніями; другіе, какъ атлеты, которые вызываютъ другъ друга на борьбу, выдвигаютъ впередъ вѣтви, которыхъ оконечности похожи на сжатые кулаки. Одни могучіе, вѣковые дубы, которые, быть можетъ, погружаютъ свои корни въ потопный илъ, дубы, съ которыхъ нѣкогда друиды собирали амелу, сохранили еще видъ своей первобытной красоты и силы.

Въ самой срединѣ площадки находится озеро, или, лучше сказать, два озера, образовавшіяся, безъ сомнѣнія, изъ накопленія дождевой воды, удержанной въ природныхъ водоемахъ, вырытыхъ въ утесахъ. Этотъ огромный утесъ царствуетъ отчасти на всемъ протяженіи площадки. Исчезая на неправильныхъ глубинахъ, онъ появляется на каждомъ шагу, пробуравливая землю внезапнымъ возвышеніемъ; что позволяетъ предполагать, что это мѣсто лежитъ надъ пустотою, происшедшею отъ естественнаго переворота, это то, что копыто лошади, или даже бѣгъ пѣшехода, пробуждаетъ звукъ, который продолжается подъ землею. Вокругъ двухъ озеръ, питаясь наносною землею, растутъ водяныя и болотныя растенія, гдѣ лягушки гоняются за наѣкомыми, а жабы за лягушками. По всемъ мѣстамъ, до которыхъ, въ разливъ своемъ, не

можетъ достигнуть вода изъ прудовъ, растеть рѣдкій и коротенькій дернъ, гдѣ стрекоза не можетъ укрыться отъ птицы, которая за нею гонится, растенія больныя, которыхъ корень уже умеръ, когда цвѣтокъ едва начинаетъ распускаться, которыя боятся и солнца и дождя, которыя затопляегъ одна капля воды и изсушаетъ одинъ лучъ солнца. На берегу большаго озера, два огромные кустарника раскидываютъ и переплетаютъ свои вѣтви съ мохнатыми колючками крапивы, съ иглами дикаго шиповника и вьющейся розы. Болота, стоячія воды, кусты зелени, ежеминутно потрясаемые ядовитыми гадами,—таковъ былъ видъ озера, давшего свое имя мѣсту; но самая эта дикость и безплодіе придавали болѣе поразительности великолѣпно окружающей ихъ рамы. Корова ли пьетъ эту гніющую воду, крестьянка ли нагнелся на берегу, мыть, или, лучше сказать, пачкать свое бѣлье, дровосѣкъ ли точить топоръ на скаль,—все это составляетъ картины, которыя стоить только схватывать живописцу.

Когда Лазарь и спутникъ его вступили на площадку, солнце начинало пронизывать своими огненными стрѣлами высокія деревья Королевиной Съчи, которая окружаетъ ее съ одной стороны; а въ глубинѣ оврага слышались колокольчики стада, которое ранній пастухъ пригналъ на деревенское пастбище.

— Уйдемъ отсюда, сказалъ Лазарь Зефиру:—черезъ часть всѣхъ сосѣдніе пачкуны поставятъ здѣсь свои зонтики, и площадка будетъ походить на поляну, поросшую грибами.

И какъ будто въ подтвержденіе его словъ, группа молодыхъ людей поднималась на гору другою дорогою. Осель, котораго погонялъ мужикъ, былъ нагруженъ станками, ящиками съ красками и мѣшками съ провизіею. Посреди группы шелъ господинъ въ пальто и съ ленточкой въ петлицѣ; окружающіе слушали его съ почтительнымъ вниманіемъ. Когда эти молодые люди, всѣ прилично одѣтые, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, прошли мимо, Лазарь спросилъ:

— Кто это такіе?

— Это *désigneurs* «рисовальщики» изъ Марлотты; они идутъ на урокъ съ своимъ учителемъ.

Въ ту же минуту, тотъ, кого Зефиръ назвалъ учителемъ, обратился къ маленькой группѣ, и указывая имъ на окружающій ландшафтъ, произнесъ: — Господа! 6-ть часовъ; это часъ, когда въ природѣ господствуетъ блѣдножелтая краска (*Jaune de Naples?*)

— Ахъ, сказалъ Лазарь, мнѣ хочется послушать его урокъ.

— О, сударь! отвѣчалъ Зефиръ, смотря съ жалобнымъ видомъ на мышокъ съ провизіею.

— Ты правъ, сказалъ живописецъ: намъ еще предстоитъ завтракать, а потомъ — говорить.

И они продолжали путь въ направленіи, противоположномъ тому, куда удалились пейзажисты.

IV.

Признанія Зефира

Выборъ мѣста для отдыха былъ предоставленъ Зефиру. Послѣ долгой нерѣшимости, ученикъ открылъ наконецъ такое, которое соединяло въ себѣ всѣ условія сибаритизма: холмъ съ легкимъ скатомъ, чтобы удобнѣе было лежать, осыненный свежою, развѣсистую тѣнію и покрытый густою и мягкою травою. По окончаніи завтрака Лазарь сдѣлалъ своему товарищу дружеское увѣщаніе, чтобы расположить его къ полной довѣренности; художникъ далъ ему понять, что онъ сдѣлался добровольнымъ его союзникомъ, и что, для его же пользы въ будущемъ, ему необходимо знать все, что его поведеніе заключало въ себѣ таинственного. — Я ужъ заступался за тебя у хозяина, сказалъ Лазарь, а онъ такъ былъ дурно расположенъ, что готовъ былъ выгнать тебя изъ дома. — Зефиръ поблѣднѣлъ. — Успокойся, продолжалъ Лазарь: — я уговорилъ его къ терпѣнію и снисходительности: Перемена, которую ты въ немъ замѣтилъ, произведена не однимъ вчерашнимъ приключеніемъ; тутъ дѣйствовало и мое вліяніе. — Вчера, продолжалъ онъ, показывая ему пакетъ съ поддѣланными

«сувенирами» Аделины, когда я нашелъ на тебѣ эти вещи, то поскорѣй ихъ спрячь, чтобы онѣ тебѣ не повредили. Я отдамъ ихъ тебѣ и буду продолжать за тебя вступаться; но только съ условіемъ: полная откровенность. Иначе, я первый стану говорить Протѣ, что онѣ призрѣлъ негодяя, который своимъ присутствіемъ въ домъ можетъ только надѣлать ему тѣмъ безпорядковъ и непріятностей.

Зефира, казалось, болѣе тронули увѣренія въ дружбѣ, нежели угрозы; но всего болѣе убѣдило его присутствіе вещей, которыя онѣ тотчасъ узналъ именно потому, что ихъ трудно было узнать.

— И вы отдадите ихъ мнѣ навѣрное? спросилъ онѣ.

— Пожалуй даже теперь, если хочешь, сказалъ Лазарь, отдавалъ ему свертокъ, но только помни слова мои.

— О, г. Лазарь! вскричалъ Зефиръ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ; о, да! я все, все вамъ расскажу. О! у меня много тутъ, прибавилъ, онѣ, ударяя себя по груди, и мнѣ такъ тяжело это носить! Вѣдь вы другъ мой, не правда ли?

— Разумѣется, мой милый; вѣдь я доказалъ это и впредь еще докажу.

— Ну, сказалъ Зефиръ:—пусть меня ужазитъ аспидъ, если я не скажу вамъ всей правды.

Но если бы Лазарь и могъ сомнѣваться, то его сомнѣнія вскорѣ разсѣялись бы. Одушевленіе, съ какимъ говорилъ Зефиръ, плодovitость его разсказа, настойчивость, съ какою онѣ возвращался къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, волненіе его, попеременно полное горечи и умиленія, носили весь отпечатокъ истины. Нельзя было также сомнѣваться и въ искренности слезъ его, когда, при воспоминаніяхъ, вызываемыхъ его словами, возобновлялись и страданія, которыя такъ долго заставляли ихъ течь въ одиночествѣ.

Эта смутная исповѣдь, полная повтореній, продолжалась болѣе двухъ часовъ. Не имѣя возможности передать ее съ тою живостію выраженій, которая возвышала иногда грубый языкъ Зефира до высокаго краснорѣчія, мы представимъ одинъ краткій отчетъ, достаточный для изясненія таинственнаго характера маленькаго героя.

Читатель помнит обстоятельства, въ которыхъ найденъ былъ Зефиръ. Добрый старикъ Протѣ рѣдко пропускалъ случай пожаловаться на подарокъ, который сдѣлала ему судьба, бросивъ ему на встрѣчу такого худенькаго и дурнаго ребенка. Красота и пріятность, у дѣтей или у взрослыхъ, все равно, подобна магниту, который привлекаетъ къ нимъ сочувствіе даже постороннихъ людей, даже прохожихъ. Жалкая наружность сироты съ перваго раза повредила ему въ умъ названнаго отца. Когда чеботарь отдалъ его на воспитаніе крестьянкѣ, то самолюбіе его оскорбилось неохотою, съ какою эта женщина согласилась кормить этого уродца. Самолюбіе его страдало еще болѣе, видя, что другія дѣти удаляются отъ Зефира, и всякій разъ, когда ему приходилось тратить на него деньги, онъ ворчалъ сквозь зубы: — Вотъ мальчишка, который дорого мнѣ стоитъ, а мало дѣлаетъ чести.

Одаренный отъ природы необыкновенною чувствительностію, въ соединеніи съ чрезвычайною робостью, Зефиръ живо чувствовалъ потребность ласкъ и попеченій, свойственную всѣмъ дѣтямъ. Какъ ни мало понималъ онъ свое положеніе, но какое-то темное предчувствіе говорило ему, что не воздухомъ родной семьи дышалъ онъ въ этомъ домѣ. Рѣдкія попытки добиться какой-нибудь ласки отъ его названнаго отца были приняты послѣднимъ съ равнодушіемъ, почти отвергнуты. Не понимая того, что его собственная холодность была причиною молчаливости ребенка, Протѣ обвинялъ его въ стараніи, съ какимъ онъ искалъ уединенія.

— Это настоящій волченочъ, говорилъ онъ; какъ онъ ни малъ, а все-таки долженъ бы понимать, что я для него дѣлаю, и стараться, по силамъ своимъ, быть полезнымъ въ домѣ; а онъ только сидитъ себѣ, забившись въ уголъ, да молчитъ. Но, погоди, погоди ты у меня!

Лишь только мальчишка вошелъ въ возрастъ, Протѣ отдалъ его въ школу. — Выучите его поскорѣе тому, что необходимо знать, чтобъ не быть осломъ, сказалъ чеботарь педагогу; а тамъ, я суну ему инструментъ въ руки. Ужъ коли онъ не дѣлаетъ мнѣ чести, такъ пусть приноситъ пользу.

Мнѣ сдается, что онъ туповатъ; но вы не церемоньтесь съ нимъ, поколачивайте его порядкомъ.

Это прибавленіе было тѣмъ дѣйствительнѣе, что монтиньскій педагогъ не считалъ терпѣніе добродѣтелью въ наставникѣ. Если ученики съ перваго раза не понимали его объясненій, то повторялъ ихъ уже не онъ, а линейка. Зефиръ, столько же щедро одаренный со стороны умственной, сколько мало могъ похвалиться физическими дарами, могъ бы учиться легко и скоро; но учитель, привыкшій къ тупоумію деревенскихъ мальчишекъ, не умѣлъ, или не хотѣлъ оцѣнить его способностей, а подчинилъ его общему закону: выговорамъ и палкѣ. Сирота, замѣтивъ, что все равно, учиться хорошо или не учиться вовсе, рѣшился предаться своей врожденной склонности къ лъни. Тайное чувство оскорбленной справедливости и гордости начинало развивать въ немъ инстинктъ сопротивленія. Дѣятельной строгости учителя онъ противопоставлялъ безотвѣтное упорство; отвергнутый маленькими товарищами въ своихъ дружескихъ порывахъ, мудрено ли, что онъ незаметно давалъ развиваться въ себѣ зародышу мизантропіи, который придавалъ ему какую-то дикую наружность. Донесенія учителя, какъ можно себѣ представить, еще усилили нерасположеніе Прота къ Зефиру.

— Дурной ученикъ — плохой работникъ, сказалъ онъ, взявъ его изъ школы и сажая за прилавокъ; но посмотримъ. — Теперь онъ будетъ у меня на глазахъ — и подѣ рукою, прибавилъ онъ съ значительнымъ движеніемъ. Однакожъ, Зефиръ, узнавшій свое настоящее положеніе въ домѣ чеботаря, рассуждалъ иначе. Онъ понималъ, что справедливость требовала, чтобы онъ помогалъ человѣку, который призвалъ его и долго объ немъ пекся. Онъ старался его удовлетворять частію изъ благодарности, частію изъ благородной гордости. Протѣ замѣтилъ его старанія, и втайнѣ былъ имъ доволенъ; но никогда ему этого не показывалъ, никогда не поощрялъ ни словомъ, ни движеніемъ бѣднаго мальчика. А если случалось Зефиру не понять съ перваго раза изъясненія, не рѣдко дурно сдѣланнаго, если онъ немножко болѣе необходимаго просиживалъ за чеботомъ, если срѣзывалъ одною стружкой больше, чѣмъ

нужно, и тѣмъ портилъ кусокъ вяза, или каштанника, тогда Протѣ кричалъ на весь домъ: Зефиръ разоряетъ меня! Зефиръ неблагодарный, лѣнтяй, негодяй!—Если же ученикъ пытался съ кротостію извиниться, голюсь мастера гремѣлъ еще сильнѣе: Хорошо! кричалъ онъ, это меня научитъ впередъ брать въ домъ нищихъ, оборванцевъ! За чѣмъ не бросилъ я тебя тамъ, гдѣ нашелъ!

Однажды, выслушавъ эти слова, Зефиръ всталъ съ прилавка, посмотрѣлъ прямо въ лицо хозяину и сказалъ спокойно: — Г. Протѣ, я иду. — Ну, куда ты идешь? возразилъ выведенный изъ себя чеботарь. — Туда, гдѣ вы меня нашли, отвѣчалъ ученикъ. — Какъ же не такъ! ты воображаешь, что я тебя отпускаю! А! ты думаешь, что я эдакъ растратилъ на тебя больше экію, нежели ты въ состояніи поднять; что я воспиталъ тебя, обучилъ, какъ *роднаго сына*, а ты можешь такъ просто откланяться мнѣ да и уйти? Но вѣдь я твой хозяинъ, знаешь ли ты это? Законъ даетъ мнѣ всю власть надъ тобою! Ты уйдешь тогда только, когда я самъ этого захочу; а я захочу не прежде, какъ ты заработаешь мнѣ все, что я на тебя потратилъ съ тѣхъ поръ, какъ, на бѣду мою, ты вошелъ въ домъ. — Зефиръ покачалъ головою и принялся строгать чепоть.

Однакожь, такъ какъ эти сцены возобновлялись каждый день подъ разными ничтожными предлогами, то Зефиръ началъ становиться равнодушнѣе. Выговоры чеботаря были приправлены ударами; ученикъ слушалъ первые, не слыша, и принималъ вторые, не чувствуя ихъ. Теряя всякое сознаніе, что онъ дѣлалъ хорошо и что дурно, оглушенный вѣчнымъ ураганомъ, который ревѣлъ надъ его головою, Зефиръ началъ впадать въ идиотизмъ. Тогда-то возвратилась въ Монтиньи Аделина. Зефиръ, довольно равнодушный къ ея возвращенію, сначала удивился, когда она заговорила. Для него казалось страшнымъ слышать голосъ, который не былъ ни произителенъ, ни громокъ, ни бранчивъ. Дѣвушкѣ нужно было нѣкоторое усиліе, чтобы приманить къ себѣ ученика. Привычка къ дурному обращенію и одиночество сдѣлали его лѣнкимъ; но, мало по малу, прелесть ея кроткаго голоса, лас-

ковость ея милыхъ движеній, благородство пріемовъ, которые сначала возбудили любопытство мальчика, привлекли его сочувствіе. Аделина, вспомнивъ, какъ въ дѣтствѣ ее пугала грубость отца, и думая, что Зефиръ замѣнилъ ее какъ жертва Протѣ, казалось, взяла на себя обязанность заставить его забыть прошедшее. Что касается до Зефира, то, лишь только потребность любви, до тѣхъ поръ подавляемая въ немъ, нашла себѣ исходъ, она устремилась въ него съ необузданностію потока, прорвавшаго плотину. Лишенный ласкъ, или, лучше сказать, никогда ихъ не знавшій, въ первый разъ, какъ Аделина поцѣловала его въ лобъ, онъ почувствовалъ такое волненіе, что весь затрясся и чуть не упалъ. Онъ полюбилъ Аделину, безъ сомнѣній, любовью ребенка, но ребенка старѣе своихъ лѣтъ и созрѣвшаго въ размышленіи, любовью, которая вылилась изъ его сердца какъ вопль благодарности, и въ которой разрѣшилась вся непризнанная нѣжность его сиротскаго дѣтства. Если бы Аделина воротилась домой тремя годами ранѣе, то Зефиръ, принимая ея поцѣлуй, называлъ бы ее, быть можетъ, *матерью*; но она явилась уже слишкомъ поздно, чтобы онъ могъ назвать ее *сестрою*. Привязанность брата казалась ему слишкомъ тѣсною, чтобы заключить въ тѣ безотчетныя чувства, которыя волновали его сердце.

Съ этой-то минуты произошла въ Зефирѣ переменѣна, замѣченная дядею Протѣ. Сколько до пріѣзда Аделины Зефиръ любилъ бѣгать изъ дома, столько по ея возвращеніи онъ сдѣлался домохозяиномъ; онъ огорчался, когда давали ему какое порученіе, и торопился возвратиться домой. Потомъ, вдругъ онъ возвратился къ своей прежней лѣни и безпечности и снова пренебрегалъ выговорами, какъ бы они ни были кротки. Эта переменѣна произошла во второе пребываніе Лазара въ Монтины. Инстинктомъ любви угадалъ ученикъ страсть, которая начинала развиваться въ сердцѣ Аделины. Онъ замѣтилъ, что, какъ онъ кротко говорилъ съ нею молодая дѣвушка, но она умѣла сообщать совсѣмъ другую пріятность словамъ своимъ, когда обращалась къ Лазарю. Онъ видѣлъ, какъ она дрожала и блѣднѣла отъ братняго поцѣлуи юноши, точно такъ, какъ самъ онъ блѣднѣлъ и дрожалъ отъ

ея поцѣлуя. Онъ замѣтилъ сверхъ того, что Аделина меньше имъ занималась съ тѣхъ поръ, какъ живописецъ жилъ въ домѣ; что, привыкнувъ спать цѣлое утро, она вставала раньше всѣхъ, чтобы встрѣтить Лазара прежде, чѣмъ онъ уйдетъ на работу. Онъ видѣлъ, какъ въ саду она рвала лучшіе плоды и клала ихъ въ котомку художника. Наконецъ, когда живописецъ уѣхалъ въ Парижъ, грусть Аделины не укрылась отъ Зефира, который, ненавидя Лазара, не показывалъ ему этой ненависти. Въ день его отъѣзда ученикъ ни на минуту не покидалъ его. Посадивъ живописца въ бурронскій дилижансъ, Зефиръ возвратился въ Монтинья веселѣе. Онъ думалъ, что, такъ какъ соперникъ его уѣхалъ, онъ получить всю прежнюю свою долю въ попеченіяхъ и ласкахъ дѣвушки; напротивъ того, онъ нашелъ ее еще печальнѣе и равнодушнѣе къ нему, чѣмъ прежде. Днемъ она сидѣла по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ; а ночью онъ слышалъ сквозь перегородку, какъ она вставала и выдвигала ящикъ комода. Тогда-то подозрѣніе пролетѣло въ умъ Лазара, быстрое и жгучее, какъ огненная стрѣла. Онъ провертѣлъ отверстіе въ двери и сталъ подсматривать за Аделиною; онъ увидѣлъ, какъ она прижимала къ сердцу и подносила къ губамъ вещи, которыя доставала изъ своего бюро. Ревность сильно побуждала его овладѣть ея тайною; но долго удерживало его чувство чести; потомъ, пришло извѣстіе о возвращеніи Лазара. Радость, показанная Аделиною, сдѣлала Зефира безумнымъ отъ горести и ревности. Въ продолженіе трехъ ночей онъ не спалъ; въ продолженіе трехъ дней бродилъ по берегамъ Луана; три раза привязывалъ онъ себѣ камни къ ногамъ, смотря на воду. Наконецъ, въ то самое утро, когда возвратился художникъ, и прежде чѣмъ идти къ нему на встрѣчу, Зефиръ воспользовался поѣздкою Аделины въ Морѣ; онъ разломилъ задѣланную дверь, которая раздѣляла обѣ комнаты, нашелъ ключъ отъ бюро, открылъ ящикъ и унесъ вещи, которыя въ немъ были.

— Когда я вышелъ къ вамъ на встрѣчу, г. Лазаръ, сказалъ Зефиръ въ заключеніе, я уже осудилъ себя на смерть; я не могъ болѣе жить. Если бы дядя Протѣ сталъ бить меня

раскаленными желѣзными полосами, то я и тогда ничего бы не почувствовалъ. О! когда я увидѣлъ васъ на верху дилижанса, въ ту минуту правая коренная чуть не упала на спускъ; вы даже подались назадъ.

— Это правда, сказалъ Лазарь:—я боялся, что дилижансъ опрокинется. Ну что же, Зефиръ?

— Ну, г. Лазарь, я закрылъ глаза, сложилъ руки и молился....

— Твоя молитва принесла мнѣ счастье, сказалъ художникъ: мы не опрокинулись.

— Я не о томъ молился, сказалъ Зефиръ, потупивъ глаза. Гм.... г. Лазарь, вы сказали, чтобы я вамъ все открылъ; мнѣ не нужно рассказывать вамъ остальное, вы знаете, что случилось.

— А знаешь ли ты, что, если бы дядя Протѣ только подозрѣвалъ, что ты думаешь объ его дочери, то выгналъ бы тебя изъ дома.

— Вы ему не скажете объ этомъ, возразилъ Зефиръ. Вы сказали, что вы другъ мнѣ.

— Но, послѣ добрыхъ намѣреній, которыя ты имѣлъ въ отношеніи ко мнѣ, я, право, не знаю, долженъ ли сохранить къ тебѣ дружбу, сказалъ художникъ, смѣясь.

— О, сударь, сказалъ Зефиръ, вчера я былъ безумецъ! сущій безумецъ! прибавилъ онъ, стукнувъ ногою въ землю.

— А со вчерашняго дня, стало быть, ты оставилъ свою страсть на днѣ рѣки?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Зефиръ съ твердостью, и, указывая на сердце, прибавилъ: — она все тутъ, только вмѣсто того, чтобы умереть отъ нея, я буду жить ею.

По разсказу, который сдѣлалъ ему Зефиръ, и въ особенности по выраженіямъ, которыя не разъ его трогали, Лазарь убѣдился, что могъ говорить ученику чеботаря съ увѣренностію быть поняту имъ. И такъ, онъ сталъ увѣщавать его, какъ увѣщавалъ бы товарища, равнаго ему возрастомъ и званіемъ, стараясь быть вмѣстѣ убѣдительнымъ и ласковымъ.

Зефиръ отвѣчалъ ему, что онъ самъ сто разъ говорилъ себѣ то же самое.

— Но, мой бѣдный Зефиръ, сказалъ Лазарь, вспомни, что Аделина самая богатая невеста изъ всей деревни и что отецъ не выдастъ ее за-мужъ иначе, какъ за человѣка, по крайней мѣрѣ, такого же богатаго, какъ она.

— А вы, monsieur Лазарь, вы богаты?

— Почти такъ же, какъ ты, отвѣчалъ живописецъ, желая разсѣять страхъ, который, казалось, обнаруживалъ въ ученикѣ этотъ вопросъ. Успокойся, я не женюсь на Аделинѣ: и ты и я — слишкомъ бѣдные зятя для дяди Протѣ. При томъ же, я не люблю ее. — Но это еще не все, продолжалъ онъ: тебѣ остается еще кой-что сказать мнѣ. Ты говорилъ мнѣ давеча, что давно искусенъ въ ремеслѣ чеботаря; знаешь ли, что это не честно съ твоей стороны, что ты лишалъ хозяина выгоды, когорую онъ могъ бы получить отъ твоей работы, и что твоя лѣнь была какъ бы похищеніе, въ которомъ ты сдѣлался виновенъ; работа могла бы доставить тебѣ средство заплатить ему долгъ.

— Я заплачу послѣ, сказалъ Зефиръ съ гордостью.

— Чтò прошло, то пропало, сказалъ Лазарь; ты слишкомъ долго былъ лѣнивъ, чтобы вдругъ сдѣлаться прилежнымъ.

— Но, сказалъ Зефиръ, изъ того, что я не дѣлалъ чеботовъ, — еще нельзя заключать, чтобъ я сидѣлъ сложа руки. Я сдѣлалъ, какъ вы, г. Лазарь, когда вы покинули ремесло, которое вамъ не нравилось, чтобы выучиться самому-собою ремеслу, которое мнѣ нравилось; потому что, какъ вы давеча сказали, легко учиться, когда имѣешь къ чему вкусъ и наклонность. Если я притворялся, что не знаю чеботарнаго ремесла, то это потому только, что моею недовѣстностію надобѣлать г-ну Протѣ, и онъ радъ былъ, когда я уходилъ изъ дома вмѣсто того, чтобы портить дерево по пустому. Я былъ битъ и ѣлъ сухой хлѣбъ, правда; но за то былъ свободенъ три или четыре часа въ день, и въ это время, тихонько отъ всѣхъ, работалъ.

— Да что же ты дѣлалъ? что? спрашивалъ Лазарь.

Въ эту минуту раздался лай, и собака, которая уже разъ пробѣжала мимо нихъ, снова направилась къ живописцу, который воткнулъ свой зонтикъ въ двадцати шагахъ отъ дерева, подъ которымъ завтракали Зефиръ и Лазарь, такъ что ни тотъ ни другой того не замѣтили. Товарищъ новоприбывшаго, сидѣвшій въ равномъ отъ нихъ разстояніи, но на противоположной сторонѣ, закричалъ ему: — Теодоръ, дай спички Лидіи!

— Вотъ онъ, отвѣчалъ другой живописецъ. — И Лазарь увидѣлъ, что собрать его по искусству вложилъ какой-то предметъ въ рыло собакъ, которая пустилась бѣжать къ своему господину.

— Чортъ возьми! сказалъ Лазарь, вотъ славное животное, и полезное! И чтобы рассмотреть собаку ближе, онъ показалъ баранью кость, оставшуюся отъ завтрака. Лидія съ минуту была въ нерѣшимости; потомъ подошла къ Лазарю, но чтобы взять кость, принуждена была выпустить предметъ, который держала во рту. Лазарь сдѣлалъ движеніе удивленія, поднявъ коробочку для спичекъ, которую выронило животное.

— Ахъ, прелестная вещица! вскричалъ онъ, вертя въ рукахъ деревянную коробочку, выточенную и украшенную рѣзбою съ простодушною и изящною прелестью. Это, вѣрно, изъ Германіи, изъ Чернаго Лѣса (Шварцвальда).

— Это изъ Фонтенблѣскаго лѣса, сказалъ, вставая, Зефиръ. Если вы хотите видѣть такія, пойдемте въ мою лавку. Вы можете выбирать любую.... Еще то ли вы увидите, г. Лазарь.

И видя, что Лазарь стоить неподвижный, какъ человекъ, который слышитъ и не понимаетъ, прибавилъ съ небольшимъ отгѣнкомъ гордости: — Это я сдѣлалъ.

— Какъ! спросилъ машинально Лазарь.

— Ножикомъ, деревомъ и терпѣніемъ; но это самый жалкій образчикъ; пойдемте со мною; вы увидите гораздо лучше.

— Постой, сказалъ Лазарь: я долженъ отдать это сосѣду. — Сосѣдъ принялъ очень вѣжливо извиненія Лазара. — Какая у васъ хорошенькая вещица, сударь! сказалъ художникъ.

— Да, отвѣчалъ пейзажистъ; я купилъ это въ Фонтен-бло у одного торговца рѣдкостями.

— А дорого? спросилъ Зефиръ.

— Гм.... да! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Это выписывается изъ Германіи. Я заплатилъ за ящичекъ двадцать франковъ.

— Ну, а я, г. Лазарь, сказалъ Зефиръ тихонько своему товарищу, я продалъ его за двадцать су.

Въ то время, какъ Лазарь и ученикъ его переходили черезъ площадку, они снова увидѣли толпу учениковъ съ профессоромъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ часы, другою указывалъ вокругъ себя на ландшафтъ, облитый раскаленными лучами солнца.

— Господи, сказалъ онъ: — полдень, — это часъ, когда желтая хромовая краска преобладаетъ въ природѣ.

По прошествіи трехъ четвертей часа, Зефиръ привелъ Лазаря въ гротъ, скрытый въ самой уединенной части Длинныхъ Утесовъ. Въ углубленіи, заложеномъ камнями, было спрятано около двадцати затѣйливыхъ вещицъ для разнаго употребленія, изъ рѣзнаго дерева.

Лазарь въ молчаніи и старательно разсматривалъ ихъ одну за другою; потомъ взялъ Зефира за руку и сказалъ ему:

— Отнынѣ запрещаю тебѣ дѣлать чеботы.

— Чтò же мнѣ дѣлать, когда г. Протѣ....

— Купить инструментъ и пріобрѣтать себѣ имя и состояніе.

ГОЛЛАНДСКАЯ ИНДІЯ.

ПОЛИТИКА ГОЛЛАНДІИ И МОРСКІЕ РАЗБОИ ВЪ ЗОНДСКОМЪ АРХИПЕЛАГЪ.

Голландія обладаетъ въ Индѣйскомъ архипелагѣ настоящимъ царствомъ, котораго народонаселеніе, непосредственно или отчасти ей подвластное, простирается, конечно, до 20-ти милліоновъ человѣкъ.

Центромъ и основаніемъ этого владычества—островъ Ява, занятый въ настоящее время Голландцами на всемъ его пространствѣ и безропотно сносящій господство своихъ европейскихъ влѣстителей. На этомъ островѣ и другихъ, отъ него зависящихъ,—болѣе 10-ти милліоновъ жителей.

За тѣмъ, самыя значительныя владѣнія занимаютъ южную половину острова Суматры, почти весь островъ Целебесъ, двѣ трети острова Борнео, острова Молукскіе и Сумбаву-Тиморъ. Сюда должно еще причислить множество второстепенныхъ заведеній, которыя черезъ Тиморъ идутъ непрерывною цѣпью, въ направленіи къ Востоку, до берега Новой Гвиней включительно. Главнѣйшіе города: Батавія, Сурабайя, Самарангъ, Бенкуменъ и Макаassarъ.

Пользуясь превосходнымъ управленіемъ въ отношеніи нравственномъ и вещественномъ, голландскія колоніи наслаждаются постояннымъ благоденствіемъ съ 1814 г. Богатство ихъ увеличивается вмѣстѣ съ народонаселеніемъ и каждый годъ прибав-

ляетъ къ бюджету метрополіи чистаго дохода около 10-ти милліоновъ франковъ.

Безпокойная зависть Англіи ко всему, что относится до пространства колоніальнаго могущества другихъ европейскихъ державъ, съ трудомъ выносить зрѣлище чуждаго ей благоденствія. Она, не довольствуясь тѣмъ, что тайно раздуваетъ въ туземцахъ чувство недоброжелательства, котораго не можетъ избѣгнуть ни одно чужеземное владычество, — подь предлогомъ прекращенія морскихъ разбоевъ, изыскиваетъ всѣ случаи учредить на морѣ родъ дѣятельной полиціи, и освятивъ временемъ случайное вмѣшательство въ дѣла морскихъ націй, положить прочное основаніе будущему безраздѣльному владычеству океаномъ. Занятіе ос. Лабюана—первый ея шагъ на этомъ поприщѣ.

Слѣдующая статья, которую мы заимствуемъ изъ *Revue Britannique*, представляетъ перечень упрековъ и претензій Англіи касательно голландскихъ владѣній въ Азіатскомъ архипелагѣ. Она будетъ имѣть несомнѣнную занимательность для тѣхъ изъ читателей, которые любятъ изучать необъятное морское могущество Великобританіи, во всѣхъ способахъ, которые она употребляетъ для его распространія.

Не разъ уже описывали роскошную природу очаровательныхъ странъ, гдѣ, подь небомъ вѣчно-яснымъ, путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу острова, покрытые благоухающими рощами. Предметъ, который мы себѣ предположили, не столь заманчивъ. Цѣль наша доказать, что два бича тяготѣютъ надъ судьбою жителей Зондскихъ острововъ: малайскіе пираты,—эти новые Норманны индѣйскихъ морей,—и владычество Европейцевъ, которые съ той самой минуты, какъ Альфонсъ Албукиркъ обогнулъ мысъ Ахемскій,—за рѣдкими исключеніями,—стараются истощать всѣми способами эти богатые страны въ пользу своей торговли.

Прошло 250 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ голландскій флотъ, подь командою Гаутмана, присталъ къ ос. Явѣ. Начальникъ

экспедиціи вышелъ на берегъ въ Бантамъ и заключилъ съ владѣтелемъ страны наступательный и оборонительный союзъ противъ Португальцевъ. Но не долго голландская факторія въ Бантамъ пользовалась своею выгодною монополіею. Основалась Остъ-Индская компанія (1601), и четыре англійскіе корабли были посланы на Зондскіе острова, подъ начальствомъ капитана Ланкастера, который, съ небольшою своею эскадрою, присталъ сначала къ мысу Ахемскому, а потомъ отправился въ Бантамъ и испросилъ у султана дозволеніе основать англійскую факторію возлѣ голландской. Бантамъ въ эту эпоху былъ уже значительнымъ торговымъ городомъ. Тамъ жили купцы изъ Аравіи, Персіи, съ малабарскаго берега и изъ королевства Пегю, Мавры, или Турки, въ небольшомъ количествѣ и множество Китайцевъ. Англичане, какъ и Голландцы, безъ затрудненія получили право поселиться въ странѣ и заниматься торговлею. Яванцы еще не понимали всѣхъ послѣдствій взаимныхъ отношеній между Европейцами. Они полагали, что легко могутъ защитить свою независимость, противопоставляя одни другимъ народы, которые приходили къ нимъ съ Запада. «Голландцы, думали они, избавятъ насъ отъ Португальцевъ, а Англичане, въ свою очередь, выгонятъ послѣднихъ.» Эта надежда должна была, однакожъ, смѣниться жестокимъ разочарованіемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ поселенія Голландцевъ въ Бантамъ, начальникъ факторіи, находившій неудобнымъ соседство конторъ другихъ европейскихъ державъ, перенесъ свое мѣстопробываніе въ Батавію; въ политическомъ и торговомъ отношеніи выборъ мѣста былъ превосходенъ. Договоръ, заключенный по этому случаю съ султаномъ якатрскимъ, замѣчательнъ, какъ образецъ всѣхъ послѣдующихъ договоровъ Голландіи съ народами Азіатскаго архипелага, и даже трактата, заключеннаго въ 1824-мъ году съ султаномъ ямбійскимъ и представленнаго кабинетомъ гагскимъ, какъ сокращеніе правилъ, которыми онъ расположенъ руководствоваться въ дальнѣйшихъ своихъ сношеніяхъ съ туземными князьями.

Главныя статьи якатрскаго договора слѣдующія :1) Полная

1*

свобода торговли для обѣихъ договаривающихся сторонъ. 2) Уступка достаточнаго участка земли Голландцамъ, для основанія ихъ резиденціи. 3) Въ случаѣ нападенія непріятелей, владѣнія султана якатрскаго будутъ защищаемы соединенными усиліями двухъ союзныхъ народовъ. 4) Обложеніе пошлиною всѣхъ товаровъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ привозимы на судахъ голландскихъ или китайскихъ. 5) Султанъ якатрскій запретъ свои гавани для всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, въ особенности для Португальцевъ и Испанцевъ.» Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого договора, замѣтимъ только, что Китайцы, съ самаго основанія голландскихъ колоній, раздѣляютъ ихъ торговыя привилегіи и шагъ за шагомъ слѣдуютъ за ними во всѣхъ ихъ завоеваніяхъ, подобно тому, какъ коршуны слѣдуютъ за гѣною, чтобы воспользоваться остатками ея добычи. Дѣйствительно, они обладаютъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы быть посредствующими агентами. Какъ Азіатцы, они въ особенности способны къ должности мытарей и сборщиковъ податей въ отношеніи къ туземцамъ, потому что нѣтъ хитрости или обмана, которыхъ они не сѣумѣли бы открыть. Какъ чужеземцы, они никогда не бываютъ за-одно съ коренными жителями, которые ихъ ненавидятъ и презираютъ. Нерѣдко голландское правительство отдаетъ на откупъ китайцу какой-нибудь округъ, и въ теченіе невѣроятнокороткаго времени китаецъ пріобрѣтаетъ состояніе, съ которымъ удаляется доживать свой вѣкъ на родинѣ, а между тѣмъ съ точностію выполнить всѣ статьи контракта. Что касается до образцоваго договора въ Гагѣ 1824 года, то 3-ю его статью укрѣпляется въ вѣчномъ подданствѣ Голландіи цѣлое государство; 4-я опредѣляетъ пенсію князю, который слагаетъ съ себя правленіе въ пользу Голландіи; 5-я даетъ Голландцамъ право занять всѣ крѣпости, существующія въ странѣ, и строить новыя, гдѣ имъ заблагоразсудится; 6-я довѣряетъ голландскимъ чиновникамъ неограниченный контроль торговли и мореплаванія; наконецъ, 8-я замѣняетъ старинный таможенный тарифъ исключительнымъ тарифомъ Голландіи.

Съ 1621 года, и по сію пору (за исключеніемъ краткаго промежутка отъ 1811—1814 гг., когда Англичане заняли колоніи), Батавія остается главнымъ мѣстомъ всѣхъ голландскихъ владѣній. Прошло едва 62 года со времени основанія этой столицы, и Англичане, побѣжденные происками своихъ соперниковъ, должны были покинуть Бантамъ.

Съ 1683—эпохи изгнанія Англичанъ, и до 1811, казалось, все благопріятствовало успѣхамъ Голландцевъ; но на самомъ дѣлѣ, не смотря на конфискаціи, продажи съ публичнаго торга, разрушеніе плантацій и истребленіе туземнаго народонаселенія, Зондскіе острова продолжали поставлать въ большое затрудненіе Голландцевъ въ финансовомъ отношеніи. Въ 1779 г. недоимки компаніи доходили до 85-ти милліоновъ флориновъ. Въ 1791 посланы были въ Батавію комиссары съ порученіемъ разсмотрѣть, какія измѣненія могутъ быть введены въ способъ управленія колоніями. Но французская революція и послѣдовавшая за нею война помѣшали всѣмъ расчетамъ на продолженіе мирной торговли.

Была одна роковая минута въ исторіи Голландіи, когда ея владычество въ Индіи могло потерпѣть коренное преобразование. Людовикъ XIV, съ 130-тысячною арміею, подъ начальствомъ Тюренна, Люксамбурга, Вобана и Кондѣ, перешелъ черезъ Рейнъ и подвигался къ Амстердаму. Вильгельму Оранскому было 22 года отъ роду; чернь въ слѣпомъ изступленіи умертвила братьевъ Девицъ. Голландцы перечли свои корабли, и нашли, что 50 т. семействъ могли быть перевезены въ Батавію. Уже начаты были приготовленія къ отъѣзду, когда другіе со-вѣты одержали верхъ. Прорвали плотины, и вся сторона около Амстердама, Дельфта и Лейдена была затоплена. Какъ измѣнился бы, вѣроятно, политическій видъ Европы, еслибы Стюарты сохранили престолъ, республика Соединенныхъ Нидерландовъ была уничтожена на картѣ Европы, а Вильгельмъ Оранскій сдѣлался начальникомъ батавской эмиграціи въ Яву и Борнео.

Въ 1809-мъ г. Голландія обращена въ королевство, котораго титулъ былъ предоставленъ Наполеономъ брату его Людовику;

покоривши Европу, завоеватель обратилъ свои взоры на Зондскіе острова, откуда могъ наносить новые удары Англіи нападеніемъ на Бенгалію. Предвидя его намѣреніе, лордъ Минто, тогдашній генераль-губернаторъ восточной Индіи, рѣшился предупредить императора и овладѣть Явою. Послали экспедицію. Батавія была завоевана, равно какъ и два королевства—Якатра и Бантамъ. Сиръ Стамфордъ Рафльсъ сдѣланъ губернаторомъ завоеванныхъ колоній, возвращенныхъ Голландіи вмѣстѣ съ другими въ 1814-мъ году.

Самый умѣренный тарифъ былъ введенъ въ Батавію Англичанами, но лишь только Голландцы получили обратно свои владѣнія, какъ возобновили всѣ прежнія пошлины. Этого мало. Вскорѣ открылось, что они дѣятельно стараются вынудить у туземныхъ владѣтелей договоры, которыхъ послѣдствіемъ было бы возстановленіе на Зондскихъ островахъ ея прежняго политическаго и торговаго первенства. Для кораблей, которые отправляются изъ Европы въ китайскія моря, только два прямыхъ пути для выхода изъ Индѣйскаго океана,—проливы Зондскій и Малакскій. Голландцы были властелинами перваго выхода и готовились овладѣть вторымъ. Такимъ образомъ они располагали бы двойнымъ входомъ въ восточныя моря съ такою же полною властію, какъ Датчане и Турки располагаютъ Зундомъ и Дарданеллами. Не говоря уже о политическомъ достоинствѣ Англіи, выгоды торговли ея съ Китаемъ требовали неотступно свободы проливовъ; иначе европейскимъ судамъ пришлось бы дѣлать огромный крюкъ въ проходы Банды и Палауна, что, не говоря уже о трудностяхъ дальняго пути,—въ нѣкоторыя времена года совершенно неудобно по причинѣ муссоновъ. Сиръ Стамфордъ Рафльсъ разрѣшилъ окончательно этотъ споръ основаніемъ Сингапура при Малакскомъ проливѣ. И трактатомъ 1824-го г., между Англіею и Голландіею, постановлено, что проливъ Зондскій остается въ рукахъ Голландцевъ, а Малакскій предоставленъ во владѣніе Англіи и подтверждены права Голландіи на острова Яву и Суматру. Англія, сохраняя во всей силѣ прежніе свои договоры съ туземными владѣльцами, обязалась не заключать но-

выхъ; она обязалась также оставить Молукскіе или Пряные острова въ рукахъ Голландіи и уважать ихъ монополію. Самое главное условіе, относящееся до основанія будущихъ колоній, состояло въ томъ, что постановленія, издаваемые одною изъ договаривающихся націй, не исключаютъ подданныхъ другой отъ участія въ торговыхъ выгодахъ, которыя могутъ для нихъ открыться. Таковы были основныя статьи договора 1824 г. и уступки, сдѣланныя Англіи Голландіею, за допущеніе послѣдней къ выгодамъ остъ-индской торговли и возвращеніе ей столькихъ богатыхъ колоній. Но едва договоръ 1824-го года былъ подписанъ, какъ начались между министрами обѣихъ націй споры объ истинномъ его смыслѣ и приложеніи къ дѣлу. Скоро на англійскіе товары, привозимые въ Батавію, была наложена пошлина 25 на 100; на протесты ея отвѣчали безконечными разсужденіями и оговорками, и это состояніе дѣлъ продолжалось до 1831-го года, эпохи отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Тогда пошлины на товары шерстяные и бумажные, привозимые изъ странъ, лежащихъ къ З. отъ мыса Доброй Надежды, возвышены были до 70 на 100. На представленія Англіи правительство Голландіи отвѣчало, что это—только временная мѣра, направленная противъ бельгійскихъ мануфактуръ. Подобные уклончивые отвѣты давались всякій разъ, когда одна изъ этихъ «временныхъ» мѣръ поражала бездѣйствіемъ торговлю Англіи, и всегда встрѣчалось несчастное разногласіе между смысломъ данныхъ голландскимъ правительствомъ приказаній и ихъ выполненіемъ. Непремѣнно возникалъ «непредвидѣнный случай» и мѣшали распоряженіямъ, которыя были соглашены между двумя правительствами. Наконецъ, появилась новая мѣра, состоявшая въ томъ, что запрещенъ былъ привозъ европейскихъ товаровъ во всѣ гавани нидерландскихъ колоній, кромѣ Батавіи, Сурабайи и Самаранга. Говоря другими словами, гавани архипелага были на дѣлѣ заперты для англійской торговли, потому что упомянутыя исключенія не простирались на береговое плаваніе, котораго монополію Голландцы предоставили себѣ. Главнымъ послѣдствіемъ этой новой мѣры было уничтоженіе выгодной тор-

говли, которую велъ Сингапуръ съ маленькими гаванями архипелага. Но въ это же время сдѣлано было открытіе гораздо важнѣе. Узнали, что Голландцы дѣятельно стараются наложить на туземныхъ князьковъ договоры, подобные тому, которымъ они связали султана ямбійскаго. Слѣдствіемъ такой политики, еслибы ее допустить, было бы совершенное исключеніе англійской торговли. На этотъ-то пунктъ наши дипломаты и настаивали всегда съ большою силою и опредѣлительностію, предупреждая кабинетъ гагскій, что всякое удаленіе отъ договора 1824-го года неминуемо поведетъ за собою столкновеніе между двумя націями, не смотря на все желаніе англійскаго правительства избѣжать подобной крайности. Но недовольные тайнымъ подрывомъ англійской торговли, голландскіе агенты, около 1836-го или 1837-го годовъ, начали дѣйствовать еще смѣлѣе. Они внесли огонь и мечъ къ природнымъ владѣтелямъ Суматры, изъ которыхъ многіе—союзники Англійи. Одинъ изъ нихъ, раджа сіакскій, далъ знать Англичанамъ, что голландскія войска находятся на нѣсколько дней пути отъ его столицы, и что онъ непременно долженъ будетъ покориться, если они не вышлютъ ему скорой помощи изъ Сингапура, или если представленія британскаго правительства не остановятъ успѣховъ непріятеля.

Эти нападенія не были признаваемы голландскимъ правительствомъ; но всякій разъ, какъ оно дѣлало какую-нибудь уступку, не упускало случая утверждать, что дѣлаетъ это по собственному своему желанію, а не потому, чтобы въ чемъ-нибудь нарушило договоръ 1824 г. Оно обѣщалось также позволить ямбійскому султану измѣнить свой таможенный тарифъ, когда можно будетъ вывести голландскія войска съ восточнаго берега Суматры. Но и это обѣщаніе, подобно многимъ другимъ, не было исполнено.

Въ теченіе немногихъ лѣтъ, въ которыхъ намъ остается отдать отчетъ, Голландцы съ твердостію стремились къ двойной цѣли, которую себѣ предположили въ Индѣйскомъ архипелагѣ: къ уничтоженію англійскаго вліянія и распространенію собственнаго владычества. Такъ какъ статьею 12-ю договора 1824 г.

постановлено, что никакое поселеніе не будетъ основано Англією на островахъ Коримонѣ, Баттамѣ, Бинтангѣ, Лингинѣ и ни на какомъ другомъ островѣ, лежащемъ на Ю. отъ Сингапура, Голландцы хотѣли дать этой статьѣ такой смыслъ, что она исключила бы Англію изъ всѣхъ странъ, находящихся къ Югу отъ параллельнаго круга, на которомъ лежитъ Сингапуръ. Съ 1-го градуса сѣверной широты и до Антарктическаго полюса, Англичане должны были бы оставить всѣ острова, на которыхъ теперь имѣютъ поселенія, и, что еще хуже, не могли бы никогда основать новой колоніи въ этомъ поясѣ, для котораго въ договорѣ не поставлено никакихъ предѣловъ градусами долготы, «стало быть (говорятъ авторъ статьи), намъ пришлось бы покинуть и Новую Зеландію и Австралію, потому что, говоря въ строгомъ смыслѣ, это тоже острова.—Вотъ что подало поводъ къ включенію въ договоръ этой странной статьи, доступной такому превратному истолкованію. При входѣ въ Малакскій проливъ существовала группа островковъ, большею частію безъимянныхъ и не имѣющихъ никакой цѣнности. Они зависѣли отъ королевства Іохорскаго, лежащаго на азіатскомъ полуостровѣ. Когда правительство восточной Индіи договаривалось объ уступкѣ острова Сингапурскаго съ княземъ, или, лучше сказать, съ князьями іохорскими (потому что было два претендента), Голландцы, какъ всегда случалось, предупредили насъ, и между тѣмъ какъ старшій братъ, султанъ Гуссейнъ, былъ нашимъ кандидатомъ на престолъ, противники наши поддерживали младшаго брата Абдуль-Рахмана. Поэтому, лишь только основаніе Сингапура совершилось, агенты голландскаго кабинета полагали, что первымъ дѣйствіемъ британскаго правительства будетъ защищать претензіи султана Гуссейна на обладаніе островами, которыми усянъ входъ въ каналъ съ южной стороны; острова, натурально, должны были раздѣлять участь владѣній на твердой землѣ. Голландскіе дипломаты, которымъ поручены были переговоры, употребили всѣ свои усилія, чтобы включить въ договоръ статью 12-ю. Король нидерландскій обязался не поддерживать правъ Абдуль-Рахмана на владычество

Сингапуромъ, а мы, въ замѣнъ, обѣщали не поощрять попытокъ султана Гуссейна къ завладѣнію зависящими отъ королевства іохорскаго островами Коримонъ, Баттамъ, и пр. или всякими другими островами, лежащими къ Ю. отъ пролива. Такова, въ сокращеніи, вѣрная исторія знаменитаго двѣнадцатаго параграфа.»

Голландцы, для распространенія исключительнаго владычества своего на Зондскіе острова и для уклоненія отъ договора 1824 г., употребляютъ двѣ различныя методы. Первая и кратчайшая — *присоединеніе*. Въ силу трактата, они не могутъ заключать съ туземными князьями никакихъ договоровъ, вредныхъ выгодамъ англійской торговли; но полагаютъ, что сохранили право *присоединять* къ своимъ владѣніямъ владѣнія этихъ князей. Такъ въ 1846 г. Голландія располагалась присоединить къ Явѣ остр. Бала, а, четыре года спустя, остр. Ламбокъ. Разумѣется, что за *присоединеніемъ* слѣдовало и введеніе таможеннаго тарифа Голландіи въ новыя провинціи.

Вторая метода еще замысловатѣе. Знаменитые мужи, которые избирали народное право предметомъ своихъ размышленій и изученія, всякій разъ находились въ большомъ затрудненіи, когда должно было опредѣлять во всемъ ихъ пространствѣ права, проистекающія отъ какого-нибудь открытія и поселенія въ новой странѣ. Въ многочисленныхъ спорахъ, порожденныхъ этимъ вопросомъ, всегда должно было оставлять широкое поле здравому смыслу и чувству уваженія, которымъ обязаны одна другой просвѣщенныя націи. При видѣ португальскаго флага на остр. Мадеръ, или Тенерифъ, нѣтъ ни одной націи, какъ бы она ни была ревностна къ своимъ собственнымъ выгодамъ, которая не сочла бы необходимою уважить столь очевиднаго доказательства на законное обладаніе этими островами; равнымъ образомъ, Французъ, любящій самымъ страстнымъ образомъ свое отечество, никогда не могъ бы изъ обладанія Каэнною выводить права на владѣніе всею сѣверной и южной Америкой. Голландцы всегда употребляли во зло и это правило. Удастся ли имъ поставить шесть съ флагомъ на какомъ-нибудь единственномъ пунктѣ берега,

который во всемъ своемъ протяженіи заключаетъ нѣсколько тысячъ миль, — они немедленно объявляютъ, что заняли весь берегъ безъ исключенія. Вынудятъ ли они у султана уступку нѣсколькихъ десятинъ земли, — они тотчасъ мечтаютъ, что вся земля туземнаго князя сдѣлалась интегральною частію ихъ собственности. Теперь они объявляютъ свои права на $\frac{5}{8}$ долей прибрежья о. Борнео, частію подъ ложнымъ предлогомъ этого общаго владычества, о которомъ мы сей-часъ упоминали, частію потому, что имъ угодно считать зависящими отъ ничтожныхъ и весьма недавнихъ поселеній, которыя они имѣютъ на берегу, всѣ внутренніе округи обширнаго острова.

На самомъ дѣлѣ, Голландія не можетъ требовать законнымъ образомъ въ свое владѣніе никакой части прибрежья о. Борнео, кромѣ развѣ мысовъ Апи и Салатана. Можно, много-много, сдѣлать исключенія въ пользу округа рѣки Коти, потому что живущіа тамъ племена, послѣ дурно-соображенной попытки г. Ерскина-Моррея, умерщвленнаго ими со всѣми его товарищами, отдались подъ покровительство Голландіи, которая не замедлила оказать имъ помощь и защиту.

Таковы поселенія Голландіи на о. Борнео. Теперь остается рѣшить, до какой степени столь ограниченныя владѣнія, исключительно лежащія на берегу моря, могутъ давать право на общее обладаніе обширною страной, въ которой полагается не менѣе 900 миль длины на 700 ширины, и которой большая часть еще не изслѣдована.

Упомянемъ еще объ одной недавней мѣрѣ, которая была принята Европою, какъ доказательство болѣе великодушныхъ намѣреній со стороны нидерландскаго правительства. Мы признаемъ, что оно дало британскимъ подданнымъ такую-же свободу торговли въ архипелагѣ, какая дана голландскимъ въ англійскихъ колоніяхъ. Но если мы станемъ разсматривать дѣло ближе, то найдемъ, что сами Голландцы, т. е. масса ихъ купцевъ и моряковъ, совершенно лишены способности

вести торговлю съ колоніями Индѣйскаго архипелага, котораго частная торговля есть исключительная собственность, въ видѣ привилегіи, или монополіи, гигантскаго общества, извѣстнаго подъ именемъ «*Камеры индѣйской торговли*», которая во главѣ своихъ членовъ вписываетъ имя самаго короля голландскаго.

Не будемъ настаивать (продолжаетъ тотъ же авторъ) на поведеніе голландскихъ правителей въ архипелагѣ. Этотъ вопросъ до насъ не касается. Однакожь должно сознаться, что, если система, для которой требуютъ нашего уваженія, равно чужда человечеству и справедливости, то оскорбленное нравственное чувство должно прибавлять еще болѣе энергіи къ рѣшимости нашей снова возвратитъ выгоды, несправедливо у насъ похищенные. Мы не хотимъ сказать этимъ, что владычество Голландцевъ на Зондскихъ островахъ такъ же жестоко, какъ было прежде. Теперь нельзя уже представить картины провинцій, совершенно опустошенныхъ, земли, покрытой горами труповъ, пораженныхъ язвою, голодомъ или оружіемъ. Прошло то время, когда с. С. Раффльсъ увѣдомлялъ насъ, что въ округѣ, гдѣ прежде было 80 т. жителей, осталось только 8 т. въ продолженіе невѣроятно-короткаго времени. Одни изнемогли подъ бременемъ бѣдствій, другіе разбѣжались. Справедливость требуетъ прибавить, что, когда подобные ужасы дѣлались извѣстными въ Амстердамѣ и Гагѣ, они возбуждали общее негодованіе. Не должно также полагать, чтобы туземцы безъ сопротивленія покорялись игу Голландцевъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, два страшныя возмущенія, одно въ Целебесѣ, а другое въ Явѣ, потрясли въ самомъ основаніи владычество Голландцевъ. Первое, названное войною Бона, было въ 1823 и въ 1824-мъ годахъ. Голландцы, съ тѣхъ поръ какъ поселились на Целебесѣ, должны были вести непрерывную войну съ племенемъ Вугисовъ, столько же храбрымъ, сколько понятливымъ. Они хотѣли подчинить его во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ рѣшенію европейскихъ властей. Вассалы (потому что старинное устройство страны феодальное) должны были сообщаться прямо съ гол-

ландскими резидентами, независимо отъ своихъ феодальныхъ властей. Таможенный уставъ Голландіи долженъ былъ получить свою силу на всемъ протяженіи страны. Наконецъ ни одна барка съ бугійскими матросами не могла выдти изъ какой-нибудь гавани острова безъ паспорта и росписки, подписанныхъ голландскими чиновниками. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ была кровопролитная война.

Возмущеніе, которое возникло въ Явѣ въ 1825 г., было еще ужаснѣе. Оно простиралось на пространствѣ 700 \square миль и обнимало богатѣйшія провинціи острова. Два туземныхъ войска, изъ 10 т. чел. каждое, выступили въ походъ и пресѣкли всѣ сообщенія. Впрочемъ непосредственная причина вооруженія была довольно маловажна. Голландскій резидентъ при матрамскомъ султанѣ велѣлъ проложить дороги въ окрестностяхъ дворца, для исполненія чего должно было разрушить гробницу какого-то яванскаго князя. Народъ воспротивился и убилъ голландскаго агента. Но это было только сигналомъ, а не причиною возмущенія; главная заключалась во множествѣ различныхъ налоговъ, возстановленныхъ Голландцами послѣ удаленія Англичанъ, которые было замѣнили ихъ одною поземельною податью. Были налоги на землю, соль, на произведенія вывозимыя на рынки, на пародныя игры, дорожный сборъ, поголовная подать, и наконецъ самая тяжкая изъ всѣхъ повинностей въ тѣхъ странахъ—работа на владѣльцевъ земли. Потребно было много времени, чтобы усмирить возстаніе, потому что мятежники, въ отступленіяхъ своихъ, всегда находили убѣжище въ болотистыхъ поляхъ, опредѣленныхъ для воздѣлыванія риса, или въ деревняхъ, которыя всѣ занимаютъ военныя позиціи. Яванцы считали у себя до 40 т. ч. людей, соединенныхъ въ одинъ корпусъ; а дождливое время года, которое должно было вскорѣ начаться, благопріятствовало ихъ дѣйствіямъ. Имѣй они хорошихъ предводителей, нельзя было бы сказать, какіе успѣхи могли имѣть такія значительныя силы, подкрѣпляемыя не только сочувствіемъ, но и дѣятельною помощію 5-ти милліон. народонаселенія, сражающагося за свою

независимость; самая страна расположена удивительно удобно для войны партизановъ, потому что наполнена лѣсами, болотами, ущельями и горами. Когда Голландцы увидѣли себя почти въ отчаянномъ положеніи, то прибѣгли къ хитрости, употребленной нѣкогда византійскимъ дворомъ въ эпоху его величайшаго упадка. Они извлекли изъ темницы, томившагося въ ней уже 14 лѣтъ, стараго султана, низложеннаго Англичанами, и надѣли на него царскую порфиру. Присутствіе этого полупомѣшаннаго старика въ лагерь мятежниковъ поселило между ними раздоръ и недоумѣніе въ ихъ совѣтахъ. Не смотря на это, войну можно было почесть оконченною тогда только, когда голландскому генералу удалось, посредствомъ военной хитрости, овладѣть главнымъ зачинщикомъ бунта. Съ восстановленіемъ спокойствія, колоніальное управленіе возвратилось къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Старинная система, за исключеніемъ немногихъ измѣненій, была восстановлена, и мы не должны надѣяться лучшихъ дней для бѣднаго яванскаго поселянина до тѣхъ поръ, пока Голландія вынуждена будетъ соображаться точнѣйшимъ образомъ съ духомъ, равно какъ и съ буквою трактата 1824 года.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего предмета—къ морскому разбою, производимому туземцами. Чтобы оцѣнить послѣдствія этого послѣдняго бича во всемъ ихъ пространствѣ, необходимо рассмотретьъ политическія и торговыя условія архипелага, равно какъ и его географическое положеніе. Общество находится тамъ еще въ дѣтствѣ во многихъ отношеніяхъ. Жители острововъ, отъ владычества Европейцевъ, или въ силу ихъ собственной организаціи, остались въ состояніи почти совершеннаго разединенія. Они не умѣли образоваться въ союзы оборонительные и наступательные. Два большіе острова, Ява и Целебесъ, которымъ принадлежало сдѣлаться центрами союза островитянъ, были удержаны подъ игомъ Голландцевъ. Изъ трехъ главныхъ

племень, которыя населяютъ архипелагъ, одно племя Малайцевъ осталось свободнымъ ; но вмѣсто того чтобы способствовать успѣхамъ общежитія, оно только мѣшало имъ. Всякій разъ, когда оно находилось въ столкновеніи съ племенами менѣе образованными, оно покоряло ихъ самому жалкому рабству, или заставляло раздѣлять самыя дурныя свои страсти. Однимъ словомъ, они породили только тирановъ, или морскихъ разбойниковъ.

Должно, однакоже, сознаться, что Малаецъ Индѣйскаго архипелага одаренъ всѣми качествами, которыя между нами отличаютъ дворянина. Онъ столько же чувствителенъ къ чести, какъ испанскій гidalго. Онъ способенъ научиться уважать другихъ, потому что уважаетъ самаго себя. Малаецъ имѣетъ много сходства съ Арабомъ; для него барка его—конь, а моря его родныхъ острововъ—пустыня, гдѣ совершаются его подвиги и приключенія. Не станемъ забывать, что, если бы предки, которыми гордятся самыя древнія и почтенныя семейства Англіи, должны были отвѣчать за свои дѣйствія передъ присяжными нашихъ временъ, то, конечно, большею частію кончили бы жизнь на висѣлицѣ. Должно надѣяться, что, если нынѣшній Малаецъ предается морскому разбою, то все-таки есть возможность исправить его со временемъ отъ этого порока. Этотъ родъ удалства—необходимое послѣдствіе общественнаго порядка, подобнаго тому, какого картину представляетъ намъ Фукидидъ, когда описываетъ происхожденіе древнихъ греческихъ государей. Первобытные жители Эллады были настоящіе морскіе разбойники, а потомки ихъ сдѣлались героями. Разныя случайности общества, находящагося среди обстоятельствъ совершенно исключительныхъ, легкость и постоянное удобство плаванія по безбурнымъ морямъ, безпечность европейскихъ націй, отсутствіе дѣятельности, оправдываемой законами, и наконецъ, природная склонность всѣхъ полудикихъ народовъ къ отважнымъ предпріятіямъ, достаточно объясняютъ настоящее положеніе дѣлъ. Звѣрство, въ которомъ справедливо упрекали малайскихъ пиратовъ, перешло нѣкоторымъ образомъ въ область

Исторіи, потому что постоянныя усилія сиръ Джемса Брука и примѣрные наказанія, которымъ подвергали пиратовъ, взятыхъ нашими кораблями, въ теченіе послѣднихъ годовъ, поставили злу границы, которыя можно назвать сносными.

Если сиру Стамфорду Раффльсу мы одолжены самыми точными и подробными свѣдѣніями о первыхъ временахъ голландскихъ поселеній, то сиру Джемсу Бруку принадлежитъ та честь, что онъ подалъ мысль къ позднѣйшимъ дѣйствіямъ противъ малайскихъ разбойниковъ. Онъ самъ управлялъ экспедиціями и показалъ въ этомъ дѣлѣ всю ревность и энергію, которыя невольно привлекаютъ сочувствіе и содѣйствіе людей.

Вотъ что говоритъ о морскихъ разбойникахъ г. Гроотъ, секретарь управленія голландскими колоніями, въ своемъ отчетѣ за 1846 годъ:

«Племена, которыя занимаются морскими разбоями, разсѣяны по обоимъ берегамъ о. Суматры, на о. Линга, на побережьяхъ Борнео, Целебеса и нѣкоторыхъ изъ Молукскихъ и Филиппинскихъ острововъ. Они находятъ убѣжища въ сосѣдствѣ Зондскаго пролива и среди островковъ, которыми усѣяны воды, окружающія Яву. На лодкахъ ихъ, защищаемыхъ небольшими пушками, обыкновенно находится экипажа отъ 40 до 60-ти человекъ, вооруженныхъ копьями и саблями. Если ихъ слишкомъ дѣятельно преслѣдуютъ, или, если они не надѣются получить богатый выкупъ за своихъ плѣнниковъ, то убиваютъ ихъ или продаютъ въ неволю. Племя Ильяносовъ, поселившееся на о. Минданао, съ которымъ въ особенности имѣлъ дѣло с. Джемсъ Брукъ, покидаетъ каждый годъ въ апрѣлѣ мѣсяцъ свои убѣжища и отплываетъ къ берегамъ Борнео. Флотилии его состоятъ изъ множества лодокъ, которыя, достигнувъ пояса, предназначеннаго мѣстомъ дѣйствій, раздѣляются на небольшіе отряды, такъ, чтобы покрыть обширное пространство моря, исключая только тѣхъ случаевъ, когда должно отважиться на значительное предпріятіе, требующее сосредоточенія всѣхъ силъ на одномъ пунктѣ. Самыя большія

лодки (prabus), говоритъ г. Гроотъ, защищаются двойною абордажною сѣткою и обыкновенно поднимаютъ отъ 60 до 80-ти человѣкъ экипажа. У нихъ на каждомъ борту по 30 веселъ, и на кормѣ двѣ пушки.»

Г. Минтингъ въ 1818-мъ году, описываетъ неслыханныя жестокости, производимыя на З. берегу о. Борнео этими разбойниками, которыхъ Англичане, во время занятія колоній, не разъ преслѣдовали и побѣждали. Въ 1820-мъ году дерзость ихъ до того усилилась, что они овладѣли частію о. Банка, не смотря на его близость къ Явѣ, и даже построили на немъ крѣпости для защищенія своего завоеванія.

Около того же времени, на англійскій брикъ Сифлауеръ (Seafflower), съ 60-ю человѣками экипажа и 16-ю пушками, въ виду Борнео, напали морскіе разбойники изъ Минданао, и онъ едва отразилъ ихъ, послѣ упорнаго сраженія, которое стоило ему 4-хъ человѣкъ убитыми и множества раненыхъ. Англійскій капитанъ былъ раненъ въ 12-ти мѣстахъ и лишился правой руки. Въ эту эпоху флотилія морскихъ разбойниковъ, ежегодно выходившая въ море съ оо. Суло и Минданао, простиралась обыкновенно до 100 лодокъ.

Въ 1831-мъ г. для англійской торговли рѣшительно не было никакой безопасности въ Малакскомъ проливѣ. Генералъ-губернаторъ Индіи предложилъ батавскому правительству дѣйствовать совокупно для истребленія пиратовъ. Голландскій губернаторъ въ своемъ отвѣтѣ говоритъ, что, не будь этого бича, многія изъ колоній, находящихся подъ его вѣдѣніемъ, могли бы достигнуть высокой степени благоденствія. По нашему мнѣнію, это значитъ разсматривать вопросъ не съ самой возвышенной точки. Англійскіе и голландскіе военные, и даже простые купеческіе корабли, достаточно вооруженные, всегда будутъ въ состояніи отразить нападеніе разбойниковъ. Но какимъ образомъ будутъ имъ противиться утлыя лодки туземцевъ? По необходимости онѣ должны держаться береговъ; а моря архипелага все болѣе и болѣе пустѣютъ. Даже самые берега моря и рѣкъ остаются не заселенными, потому что

должно относить далѣе во внутренность земель всякое поселеніе, къ которому пираты могли бы приблизиться съ своими военными лодками. Отъ этого происходитъ, что цѣлыя племена лишены всякаго соприкосновенія съ цивилизаціею и средствъ сбывать богатыя произведенія своей земли. Въ этихъ несчастныхъ странахъ ни рыбакъ за своими сѣтями, ни поселянинъ въ саду своемъ, ни мать семейства во внутренности хижины, не могутъ считать себя безопасными отъ нападенія разбойниковъ, лишенныхъ всякаго человѣческаго чувства. «Однажды, говоритъ г. Гроотъ, шерифъ Могаммедъ, правитель Манпаваскаго округа, узнавъ, что 9 лодокъ Діаксовъ, каждая съ 30 или 40 разбойниками, находятся при входѣ въ рѣку, рѣшилъ съ ними сразиться, хотя у него было только 3 лодки. Сражались бортъ-о-бортъ одними саблями. У шерифа погибло 37 человѣкъ, а у пиратовъ 80. Эти Діаксы пріѣхали изъ Серибаса, мѣста, лежащаго во внутренности острова по рѣкѣ, которая судоходна только для ихъ лодокъ, чрезвычайно узкихъ и легкихъ на ходу. Разбойники жгутъ и убиваютъ все, что только имъ попадаетъ на берегахъ, на которые они дѣлаютъ набѣги, и уносятъ, какъ трофеи, черепа своихъ непріятелей. У нихъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія; они обыкновенно употребляютъ сабли, копья съ металлическими и даже деревянными остріями, закаленными огнемъ. Малайскіе же пираты имѣютъ въ изобиліи огнестрѣльное оружіе; а когда два эти поколѣнія дѣйствуютъ за-одно, то ихъ набѣги дѣлаются дѣйствительно страшными. Флотилія съ 5-ю или 6-ю тысячами отважныхъ разбойниковъ, вооруженныхъ копьями и кинжалами, къ которымъ должно прибавить другихъ, вооруженныхъ ружьями и нѣсколькими пушками,—безъ сомнѣнія, самая опасная встрѣча для всякаго европейскаго купеческаго корабля.»

Журналы Сингапура и Явы рассказываютъ, что въ 1847-мъ году флотилія отъ 50-ти до 60-ти лодокъ балинезскихъ разбойниковъ вышла изъ своихъ убѣжищъ и распространила ужасъ во всемъ архипелагѣ. Они всюду пронесли грабежъ и убійство,

опустошили проливы Банды, взяли приступомъ селеніе въ сосѣдствѣ Сингапура, и наконецъ напали на голландскую крѣпость на берегахъ Борнео. Многіе англійскіе корабли были атакованы этими разбойниками. Двѣ шлюбки англійскаго корабля «Виконтъ-Мельборнъ», который попалъ на подводные камни возлѣ о. Сиргассана, были захвачены пиратами, и они имѣли жестокость одну изъ нихъ предать пламени, не сведя съ нея экипажа. Должно замѣтить, что Голландцы упрекаютъ Англичанъ въ медленномъ содѣйствіи ихъ усиліямъ въ истребленіи разбойниковъ, и говорятъ, что они способствовали скорѣ къ распространенію, нежели къ прекращенію зла. Англичане, съ своей стороны, упрекаютъ Голландцевъ въ чрезмѣрной недовѣрчивости при малѣйшей ихъ попыткѣ привести въ дѣйствіе свою морскую силу.

Система морскаго разбойничества, которое опустошаетъ Индійскій архипелагъ, простирается на всемъ пространствѣ отъ мыса Ахемскаго до Новой Гвиней и даже далѣе къ востоку. Жители Папуазской земли и сосѣднихъ острововъ, по мнѣнію г. Гроота, ежегодно снаряжаютъ отъ 100 до 120 военныхъ лодокъ и простираютъ свои экспедиціи на значительное разстояніе. Въ голландскихъ документахъ мы находимъ даже, что звѣрское племя, живущее на Ю.-З. берегу Новой Гвиней, пожирало плѣнниковъ, которыхъ захватывало въ подобныхъ набѣгахъ. Къ югу, предѣлы разбоевъ ограничиваются цѣпью большихъ и малыхъ острововъ, которыхъ Ява составляетъ западную границу; въ направленіи же къ С. нельзя имъ назначить никакого предѣла; даже на Филиппинскихъ оо. пираты чрезвычайно размножились. Они чаще всего показывались на сѣверномъ берегу Борнео, но въ 1846-мъ г. ихъ тамъ строго проучили. Они заражаютъ берега Кохинхины и даже побережія Китая.

Однимъ словомъ, одна изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ въ мірѣ вся отдана на жертву разбойникамъ, которые сдѣлали изъ нея обширную сцену грабежа, убійствъ и неслыханныхъ жестокостей. Однакожъ, не смотря на то, что для прекращенія зла нужно дѣйствовать сильно и рѣшительно, нельзя

одобрить исключительной и слѣпой системы истребленія, принятой въ отношеніи къ морскимъ разбойникамъ индо-китайскихъ морей. Доказано неоднократно случаями, что люди, составляющіе часть экипажа малайскихъ разбойничьихъ лодокъ, были вынуждены пиратами избрать этотъ образъ жизни. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ говорилъ передъ судилищемъ въ Сингапурѣ: «Когда вы ловите насъ въ морѣ, то берете въ плѣнъ и осуждаете на смерть; а если мы отказываемся ѣхать съ разбойниками, то должны ожидать той же участи отъ нихъ, или даже отъ нашихъ одноплеменниковъ. Теперь мы въ вашихъ рукахъ, и вы можете отправить насъ на висѣлицу. Ну, а если бы намъ снова былъ предоставленъ выборъ, то мы опять предпочли бы невѣрную смерть отъ вашихъ рукъ увѣренности быть убиту соотечественниками, если откажемся отправиться въ море».

Обратимся теперь къ человѣку, который былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Англіи въ стараніяхъ истребить морскіе разбои на индѣйскихъ моряхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ открытіе Америки и Антильскихъ острововъ представило такое обширное поприще смѣлости и генію искателей счастія, мы не находимъ въ исторіи ни одного примѣра судьбы, которую можно было бы сравнить съ удивительною судьбою с. Джемса Брука. Еще не пришло время, когда подробности исторіи раджи саравакского сдѣлаются извѣстными Европѣ, но мы увѣрены, что и теперь читатель съ участіемъ прослѣдитъ небольшое число фактовъ, которые намъ позволено сообщить. Джемсъ Брукъ, второй сынъ Томаса Брука, чиновника Остъ-Индской компаніи, родился въ Бенгаліи, 29-го апрѣля 1803-го года. Смерть старшаго брата доставила ему обладаніе значительнымъ имѣніемъ, но прежде чѣмъ независимѣе положеніе позволило ему слѣдовать внушеніямъ своего генія, ему суждено было перенести много испытаній. онъ былъ еще очень молодъ, когда вступилъ юнкеромъ въ Бенгальскую армію. Въ одномъ жаркомъ сраженіи противъ Бирмановъ онъ такъ отличился, что индѣйское правительство сочло обязанностію почтить его храбрость публичными похвалами. Впрочемъ этотъ успѣхъ достался ему дорогою цѣною: онъ

былъ раненъ пулею въ грудь и принужденъ для излеченія отправиться въ Европу. Пробывъ нѣсколько времени въ Англіи, онъ поѣхалъ путешествовать по твердой землѣ, для довершенія своего образованія, равно какъ и для окончательнаго возстановленія здоровья. Когда отпускъ приближался къ концу, онъ сѣлъ на корабль, но на берегахъ о. Уайта претерпѣлъ кораблекрушеніе и воротился въ Калькутту уже по истеченіи даннаго ему срока. Вѣроятно, начальники охотно извинили бы промедленіе, основанное на столь законныхъ причинахъ, но молодой офицеръ, слишкомъ нетерпѣливый, чтобы дожидаться слѣдствія и рѣшенія суда, тотчасъ подалъ въ отставку. Эта внезапная рѣшимость, которая, судя по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой мудрости, казалась въ высшей степени безрасудною, сдѣлалась для него источникомъ необыкновенно блестящей судьбы.

Сиръ Джемсъ Брукъ пріѣхалъ въ Индію на корабль, котораго главнѣйшее назначеніе было плаваніе въ Китай. Желая ознакомиться съ странами, которыя онъ зналъ только изъ книгъ и разговоровъ, но которыя давно занимали его воображеніе, онъ взялъ мѣсто пассажира на этомъ кораблѣ. Такимъ образомъ, онъ увидѣлъ въ первый разъ оо. Индѣйскаго архипелага, гдѣ долженъ былъ провести столько лѣтъ своей жизни. Ему самому, вѣроятно, очень трудно было бы означить съ точностію день, въ который овладѣла имъ мысль избрать эти восхитительныя страны мѣстомъ своего пребыванія. Безъ сомнѣнія, воображеніе его было очаровано прелестями природы, и въ то же самое время пробудилась въ немъ жажда дѣятельности перспективою жизни, исполненной приключеній; но на этотъ разъ онъ еще не принялъ твердаго намѣренія посвятить все свое существованіе на подвигъ просвѣщенія архипелагскихъ дикарей. Какъ бы то ни было, только впечатлѣніе, произведенное этимъ путешествіемъ на с. Джемса Брука, было такъ сильно, что, не много времени спустя по возвращеніи въ Англію, онъ снарядилъ брикъ на свой собственный счетъ и во второй разъ направилъ путь въ китайскія моря; но еще не наступило время осуществить замыслы, которые, притѣмъ, онъ не успѣлъ хоѣошенько обду-

мать. Отецъ его былъ живъ и не захотѣлъ бы способствовать предпріятію, которое казалось во всѣхъ отношеніяхъ безразсуднымъ. И такъ, будущій раджа саравакскій былъ вынужденъ отложить свои замыслы за неимѣніемъ денегъ, продать свой корабль въ Индіи и возвратиться въ Англію безъ всякаго результата, кромѣ пріобрѣтенной опытности въ морскомъ дѣлѣ и болѣе совершеннаго познанія странъ, которыя предоставлено ему было избрать театромъ своихъ дѣйствій. Кажется, что, по возвращеніи въ отечество, онъ жилъ почти такъ же, какъ живутъ всѣ молодые люди, которыхъ будущность обезпечена. Онъ былъ смѣлый наѣздникъ, неустрашимый охотникъ, ревностный членъ морскихъ клубовъ, и превосходно плавалъ. Въ глазахъ толпы ничто не отличало его отъ сверстниковъ; но тѣ, которые имѣли случай узнать его короче, уже тогда предсказывали, что, если ничто не остановитъ его на избранномъ пути, онъ будетъ умѣть составить себѣ громкую славу. Отецъ его умеръ, и въ 1838-мъ г., т.-е. 18 лѣтъ спустя послѣ перваго путешествія въ Китай, онъ рѣшился осуществить предпріятіе, которое должно было увѣковѣчить его имя. Ему исполнилось тогда 35 лѣтъ; состояніе его было довольно значительно и позволяло ему устроить на широкую ногу приготовленія къ путешествію. Наконецъ онъ дождался исполненія мечты, которая такъ давно занимала всѣ его помысленія; но врожденная осторожность не оставила его и въ этомъ случаѣ. Экипажъ корабля состоялъ только изъ 20-ти человекъ, но онъ выбралъ ихъ съ величайшимъ стараніемъ и приготовилъ къ перенесенію всѣхъ трудностей предпріятія, такъ что могъ совершенно положиться на ихъ дѣятельность и вѣрность. Корабль его «Роялистъ» былъ снабженъ 6-ю пушками, нѣсколькими фальконетами и множествомъ оружія всякаго рода, чтобы быть въ состоятіи дать хорошій отпоръ пиратамъ. Онъ вышелъ въ море въ октябрѣ мѣсяцѣ 1838 г., а 15-го августа слѣдующаго года бросилъ якорь въ рѣкѣ Саравакѣ, передъ резиденціею раджи Муды Гассима.

По видимому, ни въ минуту отплытія изъ Англіи, ни даже въ первый періодъ своего пребыванія на о. Борнео, сирѣ

Джемсъ Брукъ не предвидѣлъ будущности, которая его ожидала. Его единственною цѣлю, казалось, было двухъ-или трехлѣтнее путешествіе, предпринятое для изслѣдованія Индѣйскаго архипелага. Онъ всегда имѣлъ желаніе посѣщать невѣдомыя страны и изучать неизвѣстныя породы людей. Въ дневникъ его мы находимъ многочисленныя доказательства давности этой любимой мечты, съ которою въ умъ его соединялась еще надежда увеличить свои познанія въ естественной исторіи. Онъ покидалъ Англію совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлаться покровителемъ жителей архипелага. Онъ не былъ ни Донъ-Кихотомъ, ни Оберлиномъ, а просто человѣкомъ съ умомъ и душою, который не могъ быть свидѣтелемъ жестокихъ притѣсненій и не желать положить имъ конецъ. Жестокости Малайцевъ съ Діаксами, звѣрскіе поступки самыхъ Діаксовъ, сдѣлавшихся пиратами, съ ихъ родичами, пробудили его негодованіе, когда онъ сдѣлался ихъ невольнымъ свидѣтелемъ. Обстоятельства, среди которыхъ судьба внезапно его бросила, требовали ловкости политика, равно какъ и энергіи солдата, и онъ умѣлъ удовлетворить этому двоякому требованію своего новаго положенія.

Первый успѣхъ вскорѣ породилъ другой, потомъ третій, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока, въ одно прекрасное утро, простой англійскій дворянинъ, покинувшій друзей и отечество, чтобы совершить романическое путешествіе на Зондскіе острова, увидѣлъ себя верховнымъ обладателемъ княжества въ имперіи Борнео, дотолъ почти неизвѣстной. Это еще не все. Поведеніе того же самаго человѣка было во всѣхъ отношеніяхъ такъ достойно уваженія, что заслужило одобреніе значительныхъ лицъ въ его отечествѣ, что онъ сдѣлался достойнымъ предметомъ королевскихъ милостей, и, троекратно обвиненный завистливыми соперниками предъ англійскимъ парламентомъ, троекратно получалъ отъ этого знаменитаго собранія блистательныя доказательства уваженія, которые перейдутъ въ потомство.

Когда сирь Джемсъ Брукъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Саравакъ, страну правилъ раджа Муда Гассимъ, отъ имени

своего племянника султана брунійскаго, занятаго войною съ возмущившимися подданными. Раджа умолялъ его продлить свое пребываніе въ его владѣніяхъ, надѣясь, что присутствіе его приведетъ въ страхъ бунтовщиковъ; но Брукъ не счелъ приличнымъ согласиться на эту просьбу. Онъ снова вышелъ въ море, и не прежде слѣдующаго года возвратился въ Саравакъ. На этотъ разъ онъ согласился вмѣшаться въ междоусобія страны. Вскорѣ потомъ, по усиленнымъ просьбамъ Муды Гассима, онъ принялъ званіе правителя области и былъ утвержденъ въ этой должности самимъ султаномъ. Вотъ какъ описываетъ новый раджа, въ журналѣ своемъ, причины, побудившія его принять это предложеніе: «У Діаксовъ дни, недѣли, мѣсяцы проходятъ, не принося никакой перемѣны; все та же жизнь: сплетеніе хитростей, обмановъ, побѣдъ и бѣгства съ поля сраженій. Каждый годъ тысячи людей бываютъ лишены жизни, или свободы. Ахъ! если бы средства мои соответствовали моему желанію освободить это несчастное племя! Пламенные стремленія мои безграничны, и хотя любовь къ родинѣ безпрестанно понуждаетъ меня къ отъѣзду, я чувствую, что не рѣшусь возвратиться въ отечество прежде, нежели успѣю сдѣлать нѣсколько добра здѣсь». Въ самое короткое время онъ убѣдился, что не возможно думать ни о какомъ прочномъ улучшеніи, пока не истребится отвратительный обычай ходить на морскіе разбои. Онъ потребовалъ дѣятельнаго содѣйствія нашей морской силы, и получилъ его; всѣ начальники, постепенно командовавшіе ею, сознавались, что невозможно сдѣлать болѣе полезнаго употребленія англійскаго оружія. Капитанъ Кеппель, въ 1843-мъ г., первый поступилъ въ распоряженіе раджи сараваккаго. Въ 1845-мъ году, сирѣ Томасу Кохрэну дано было порученіе съ эскадрою, состоящею изъ 7 кораблей, требовать объясненій отъ султана брунійскаго, который, не смотря на то, что былъ закоснѣлый морской разбойникъ, отвѣчалъ въ выраженіяхъ самой смиренной покорности. Но лишь только адмиралъ удался, какъ тотъ же самый султанъ далъ приказаніе перерѣзать, начиная съ Муды Гассима, всѣхъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ,

кого онъ подозрѣвалъ въ согласіи съ Англичанами. Этотъ безчеловѣчный поступокъ былъ наказанъ въ 1846-мъ г. взятіемъ Бруни и наконецъ разрушеніемъ разбойничьихъ убижищъ на сѣверномъ берегу Борнео. Сиръ Джемсъ Брукъ принималъ дѣлательное участіе во всѣхъ мѣрахъ строгости, которыя онъ первый присовѣтовалъ. Сверхъ того, не однѣ прибрежныя орды заслужили этотъ урокъ: возлѣ него жили другіе непріатели, столько же опасные, которыхъ онъ долженъ былъ наказать въ свою очередь.

Въ недалекомъ разстояніи отъ устья Саравака, къ В., протекаютъ двѣ другія рѣки, Саремасъ и Сараканъ, по которымъ капитанъ Кеппель поднимался въ 1843-мъ г. съ шлюбками своихъ кораблей, по настоятельной просьбѣ султана брунійскаго. Діаксы, жившіе по берегамъ этихъ рѣкъ, считались самымъ страшнымъ изъ всѣхъ племенъ, занимающихся морскимъ разбоемъ около береговъ Борнео. Въ эту эпоху они управлялись двумя шерифами арабскаго происхожденія, которые считали себя потомками Магомета. Они могли выставить въ море до 100 лодокъ, съ 3, иногда съ 4 тысячами человѣкъ. Когда какое-нибудь предпріятіе было между ними рѣшено, шерифы приказывали ударять въ гонгъ въ городахъ и громко призывали всѣхъ Малайцевъ, которыхъ имъ угодно было назначить для участія въ экспедиціи. Тѣ, которые отказывались идти въ море, были при-суждаемы къ значительной пѣнѣ. Для завербовки Діаксовъ употребляли еще меньше церемоній; да это было бы и лишнее съ народомъ, котораго съ дѣтства одушевляли страсть къ морскимъ набѣгамъ и пламенное желаніе воротиться домой съ блистательными трофеями своихъ подвиговъ—непріятельскими головами. Первый урокъ, данный этимъ дикарямъ капитаномъ Кеппелемъ, не имѣлъ продолжительнаго успѣха. Малайцы думали, что присутствіе англійскихъ кораблей было случайное, и, три года спустя, новые разбои, производимые на обширномъ пространствѣ, распространили ужасъ и смятеніе на всемъ островѣ. Военныя дѣйствія въ 1846-мъ г. также не принесли значительныхъ результатовъ. Положеніе дѣлъ только усилилось; грабежъ и

убійства царствовали сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Не должно смѣшивать морскихъ разбоевъ Діаксовъ съ непріятельскими дѣйствіями дикихъ ордъ между собою. Въ послѣднемъ случаѣ, это ничто иное, какъ борьба между нѣсколькими племенами, между тѣмъ какъ въ первомъ, это отъявленная война съ цѣлымъ обществомъ. Діаксы, жившіе по рѣкамъ Саребасу и Сараканъ, безъ различія нападали на всѣ народы, и, до пріѣзда Англичанъ, никто не смѣлъ имъ противиться. Они были слишкомъ сильны и хорошо вооружены. Не смотря на претерпѣнные ими пораженія, въ іюлѣ 1849 года, они могли еще вытѣхать изъ рѣкъ своихъ въ числѣ 3500 человекъ, на 100 прагахъ. Весь берегъ былъ пораженъ ужасомъ; ни одна лодка не смѣла показаться въ море; самые рыбаки спасались во внутреннія земли. Менѣе нежели въ 2 мѣсяца пираты отрѣзали 300 головъ и надѣялись еще увеличить число своихъ звѣрскихъ трофеевъ. Выгоды торговли, вмѣстѣ съ воплемъ угнетеннаго человѣчества, настоятельно требуютъ положить немедленный конецъ этимъ ужасамъ. Возникающая мѣновая торговля на Индѣйскомъ архипелагѣ долго еще будетъ нуждаться для своего развитія въ сильномъ покровительствѣ. Одни населенные города привлекаютъ корабли; а города эти могутъ существовать только среди обществъ, которые пользуются спокойствіемъ и благосостояніемъ.... «Что породило морскіе разбои? говоритъ далѣе авторъ.—Отсутствіе другаго выгоднаго занятія. Когда островитяне, оставивъ варварскіе инстинкты и преданія пяти вѣковъ, убѣдятся, что могутъ умножить свое благосостояніе средствами болѣе вѣрными и кроткими, то покинутъ привычку къ грабежу. Разбойничество порождаетъ бѣдность, а бѣдность, въ свою очередь, порождаетъ разбой. Такимъ-то образомъ, несчастныя племена архипелага движутся въ роковомъ кругѣ, изъ котораго не въ состояніи выйти своими собственными силами».

«Система,—продолжаетъ авторъ,—которой должно слѣдовать въ отношеніи къ пиратамъ, очевидна. Должно наносить имъ сильные удары, за которыми слѣдовали бы промежутки спокойствія, чтобы дать народамъ время одуматься. Для этого необ-

ходимо, отъ времени до времени, появляться въ китайскихъ моряхъ пароходамъ и большимъ кораблямъ, чтобы показать, что мы всегда готовы унять ихъ. Должно также поощрять туземцевъ, которые занимаются мореплаваніемъ, къ составленію союзовъ противъ морскихъ разбойниковъ. Должно, чтобы страшный урокъ заставилъ ихъ собственнымъ опытомъ понять всю великость золъ, которыя они причинили ближнимъ». Недавнее открытіе рудниковъ превосходнаго качества каменнаго угля, не только на о. Либуанъ, гдѣ основана англійская колонія, но и на самомъ о. Борнео, есть одно изъ тѣхъ событій, которыхъ достаточно для того, чтобы переменить судьбы цѣлой страны земнаго шара. Огромный запасъ угля теперь одно изъ самыхъ неизбѣжныхъ условий для широкаго развитія мореплаванія въ китайскихъ моряхъ, гдѣ необходимость учрежденія правильныхъ сношеній становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Безпре-станно умножающіяся массы людей, смѣлыхъ, готовыхъ на все, чтобы добиться счастья, тѣснятся на сѣверо-западныхъ берегахъ американскаго материка, принадлежащаго Соединеннымъ Штатамъ. Море, которое такъ легко переиметь, одно отдѣляетъ ихъ отъ Небесной Имперіи; австралійскія колоніи также требуютъ болѣе скорыхъ способовъ сообщенія съ англійскою Индією и своею метрополією. Англійскіе негоціанты въ Сингапурѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ минуты, которая отворитъ имъ королевства Сіамъ и Кохинхину. Недавно мы узнали объ американской экспедиціи въ Японію. Еще нѣсколько времени, — и намъ скажутъ, что желѣзная преграда, отдѣлявшая этихъ необщежительныхъ островитянъ отъ остальнаго свѣта, вдругъ сокрушилась. Нѣсколько позже мы узнаемъ, что Панамскій перешеекъ, который уже переѣзжаютъ путешественники, открылъ широкій проходъ кораблямъ. Со всѣхъ сторонъ просвѣщенный свѣтъ какъ будто назначаетъ себѣ общее сходбище въ китайскихъ моряхъ. Всѣ мѣры, способствующія благосостоянію народонаселеній архипелага и примиренію раздоровъ, которые ихъ раздѣляютъ, будутъ также чрезвычайно полезны. Самыя утѣшительныя надежды этихъ племенъ основаны на мудромъ развитіи системы торго-

выхъ сношеній съ европейскими народами, а также,—намъ пріятно это думать,—на чувствахъ доброжелательства и чело­вѣко­любія націй, называющихъ себя просвѣщенными. И такъ станемъ надѣяться и вѣрить, что, когда Зондскіе оо. будутъ освобождены отъ двойкаго бича притѣсненія и варварства, то съ своими величественными лѣсами и благоухающими рощами, съ своимъ лучезарнымъ небомъ и лазуревымъ моремъ, они будутъ бли­стать между всѣми странами земнаго шара, какъ чистый от­блескъ славы Создавшаго ихъ.

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

В О Ф Р А Н Ц И И.

Въ послѣднее время во Франціи происходили жаркіе споры между защитниками свободной торговли и защитниками покровительственной системы. Чтобы показать нашимъ читателямъ обѣ стороны этого любопытнаго предмета и съ тѣмъ вмѣстѣ познакомить ихъ съ самой исторіей таможеннаго тарифа во Франціи, мы приводимъ здѣсь статью Мишеля Шевалье противъ покровительственной системы (собственно принятой во Франціи), и статью другаго французскаго писателя противъ свободной торговли.

Вотъ что говоритъ Мишель Шевалье о французской покровительственной системѣ:

« Система коммерческой политики , которая имѣетъ высокое предназначеніе поддерживать и развивать отечественныя работы и промышленность , носить на себѣ названіе системы покровительственной. Орудіе ея таможенной уставъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы отдать всѣ внутренніе рынки государства въ руки собственныхъ производителей; хороши ли, худы ли ихъ произведенія, дорого, или дешево продаютъ они ихъ—рынки во всякомъ случаѣ должны оставаться за ними. Эту систему представляютъ намъ подъ фирмой патріотическаго чувства къ собственнымъ произведеніямъ, къ собственной торговлѣ. Намъ говорятъ, что, покупая каждое иностранное произведеніе, мы платимъ за него давъ иностранцамъ,—и въ понятіяхъ народа, который имѣетъ отвращеніе отъ всего чужеземнаго, и который, не смотря на свой здравый умъ, охотнѣе увлекается общими метафорами, тѣмъ холоднымъ и сухимъ голосомъ разсудка, эти слова имѣютъ необыкновенную увлекательность. Большинство вѣрить еще и до

сихъ поръ, что, если мы откроемъ свободный ввозъ иностраннымъ товарамъ, такъ сдѣлаемся данниками Англіи или Пруссіи; что изъ любви къ отечеству мы непременно должны предпочитать собственныя произведенія иностраннымъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы они обходились намъ дороже; что иначе, наконецъ, государство обѣдняетъ, и въ особенности рабочій классъ, лишась всѣхъ средствъ къ существованію, упадетъ въ совершенную нищету. Посмотримъ, до какой степени мнѣніе это справедливо.

При всей моей любви къ отечеству, я нисколько не раздѣляю такой исключительной симпатіи къ произведеніямъ отечественныхъ мастерскихъ и отечественной почвы, и не раздѣляю вотъ почему: мнѣ кажется, что отечественный быкъ есть тотъ быкъ, который за меньшую цѣну можетъ насытить желудки моихъ соотечественниковъ, и что отечественное желѣзо есть то, которое земледѣлецъ или мануфактуристъ могутъ достать за меньшую плату, вымѣнивая его, по возможности, на собственныя произведенія, хотя бы и за границей. Истинная патріотическая заботливость должна состоять въ томъ, чтобы соразмѣрность производительности народа съ его потребностями облегчила сколько возможно больше нужды страждущаго человѣчества. Самая лучшая коммерческая система есть та, которая можетъ достигнуть этой цѣли, между тѣмъ какъ всякая противная система есть система антипатріотическая и антинаціональная, какое бы впрочемъ названіе ни носила она.

Что касается до подати иностранцамъ, я не вижу и слѣда ся въ свободной мѣнѣ двухъ человѣкъ, какихъ бы націй они ни были, изъ которыхъ каждый, получая за свою вещь другую, имѣетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ средства получить самую высокую цѣну за свое произведеніе именно потому, что онъ нисколько не стѣсненъ въ выборѣ товара; если же напротивъ таможенный уставъ принуждаетъ меня купить у своего національнаго производителя 300 килограмовъ желѣза за 100 франковъ, тогда какъ я на эти самыя деньги могъ бы купить у производителя иностраннаго 600 килограмовъ того же самаго желѣза, я не знаю, выгодно ли мнѣ тогда быть Французомъ? Такимъ образомъ приверженцы покровительственной системы, которые такъ обязательно стараются

охранить насъ отъ мнимой подати иностранцамъ, съ насъ же берутъ себѣ подать существенную.

Наша покровительственная система явно нарушаетъ свободу работъ и промышленности, вопреки смыслу закона 1848 года, параграфа 13, который ясно говорить:» 1) что каждый воленъ выбрать себѣ ремесло по своему произволу и располагать имъ, какъ онъ знаетъ, лишь бы только не стѣснять имъ другихъ; 2) что каждый ремесленникъ можетъ покупать матеріалы и инструменты, гдѣ онъ хочетъ; и 3) что и товары свои и барыши, за нихъ получаемые, ремесленники могутъ употреблять и на потребность собственную и на потребность другихъ.» Правами перваго пункта, приведеннаго здѣсь, мы еще кое-какъ пользуемся, не смотря на многія болѣе или менѣе значительныя монополіи, стѣсняющія другихъ; но гдѣ же наши права, изложенныя въ двухъ послѣднихъ пунктахъ? Каждый французскій ремесленникъ совершенно стѣсненъ въ свободѣ запасаться инструментами и матеріалами тамъ, гдѣ бы онъ могъ достать ихъ выгоднѣе, и еще больше стѣсненъ въ поставкѣ своихъ произведеній туда, куда бы желалъ поставить ихъ. Китайская стѣна ограждаетъ наши границы съ 1793 года, и по поводу этого препятствія торговлю нашу можно назвать свободной развѣ только въ насмѣшку.

Возьмемъ ли мы предметы роскоши, мы найдемъ, что множество матеріаловъ, потребныхъ для искусствъ, можно гораздо дешевле купить на иностранныхъ рынкахъ, чѣмъ на нашихъ собственныхъ. Возьмемъ ли самый каменный уголь, доставляющій насущный хлѣбъ столькимъ отраслямъ промышленности, и тотъ подчиненъ тому же праву. Каменный уголь Ньюкастля гораздо лучше добываемаго въ нашихъ департаментахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Лоары, и особенно лучше для желѣзныхъ дорогъ; но мы должны предпочитать свой уголь изъ любви къ собственнымъ копейкамъ, и должны для этого замедлять и останавливать развитіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, отказываясь добровольно отъ пользы, которую онѣ намъ приносятъ. Свободный ввозъ къ намъ заграничнаго каменнаго угля непременно подвинулъ бы впередъ и разработку нашихъ сѣверныхъ углекопей, но мы и тутъ слѣпо придержи-

ваемся покровительственной системы. Главную часть всѣхъ машинъ, необходимыхъ какъ для фабричныхъ работъ, такъ и для земледѣлія, составляетъ сталь; но ввозъ ея къ намъ останавливаютъ непомѣтными пошлинами. Въ 1791 году пошлина на литую сталь была 61 франкъ съ 1000 килограммовъ. Во времена первой русскаго ея измѣнили и сдѣлали въ 6 франковъ и 10 сантимовъ; потомъ она была, послѣдовательно, въ 3 франка, въ 5 франковъ и 10 сантимовъ, и въ 5 франковъ 60 сантимовъ. Во времена имперіи, ее возвысили до 99 франковъ, а теперь до 1320 съ привозимой на своихъ корабляхъ, и до 1412 франковъ съ привозимой на корабляхъ иностранныхъ и сухимъ путемъ. Съ шерсти непряденой, изъ которой вырабатывается столько вещей, нужныхъ какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, пошлины полагаются 22° со 100 ея цѣнности. Съ пряжи льняной и посконной такъ же берется пошлина огромная. Ввозъ пряденой бумаги и шерсти запрещенъ совершенно, съ нѣкоторыми только исключеніями и оговорками, которыя выходятъ изъ общаго положенія. А между тѣмъ эти пряденыя нити, впущенныя къ намъ въ своемъ натуральномъ видѣ, или по крайней мѣрѣ въ видѣ бѣлыхъ тканей, при нашемъ искусствѣ набивать узорчатая матеріи, доставили бы нашей торговли источникъ богатства, а нашему народонаселенію постоянную и прибыльную работу. Сто разъ объ этомъ было сдѣлано представленіе правительству и палатамъ: запрещеніе оставалось неизмѣннымъ (*). Зерна маслянистыхъ растений, которые могли бы доставить нашимъ мастерамъ разнаго рода масло, необходимое для нихъ, и которые сверхъ того могли бы доставить матеріалъ нашимъ мыловарнямъ (я не говорю ужъ о домашней потребности этихъ зеренъ въ каждомъ хозяйствѣ), были нѣсколько разъ таксированы, перетаксированы и наконецъ вытаксированы. Ввозъ инструментовъ, орудій и машинъ, составляющихъ необходимое пособіе промыш-

(*) Не далѣе какъ въ концѣ 1850 года, законный протестъ, поданный по этому случаю мильгаузскими набойщиками и руавскими красильщиками, былъ отвергнутъ, не смотря на то, что они принимали на себя уплату всѣхъ пошлинъ, которыхъ лишилась бы таможня.

ленности, тоже затрудненъ непомѣрными пошлинами даже и въ такихъ случаяхъ, когда та или другая машина и выходитъ изъ-подъ общаго запрещенія. Въ этомъ *энтузіазмъ къ возвышенію цѣны* (*enthousiasme d'encherissement*), (*) наложили пошлины даже на такія вещи, которыя вовсе не входятъ въ составъ предметовъ коммерческихъ, а нужны только для шарлатанскихъ аппаратовъ, для предсказателей и ворожей. *Раковые глаза, змѣи, волчьи зубы, лосинныя ноги и кости оленьяго сердца* буквально и поименно включены въ тарифъ. Смѣшная пошлина на всѣ эти вздоры, такъ же какъ и пошлина на многіе другіе предметы болѣе серьезные, приносить государству доходъ самый ничтожный, но наша покровительственная система непремѣнно хотѣла оказать свое покровительство всему безъ исключенія.

Стѣсненіе домашняго быта этой системой еще очевиднѣе, чѣмъ стѣсненіе самой коммерціи. Вотъ, на примѣръ, мануфактуристъ, который составилъ себѣ капиталъ своей торговлей; вотъ медикъ, вотъ адвокатъ, которые нажили копѣйку своими трудами; вотъ наконецъ работникъ, которому стукнуло пятьдесятъ; — имъ хочется хорошенько поѣсть и попить, одѣть получше свое семейство, меблировать домъ. Они слышатъ, что въ такой-то странѣ очень дешевы стѣстные припасы, скотъ для говядины, солонина, заготовленные въ прокъ плоды; что въ другой странѣ дешевы разныя ткани, нужныя для одежды; въ третьей все потребное для убранства дома. Все это они, разумѣется, и желали бы достать тамъ, гдѣ лучше и гдѣ дешевле, но покровительственная система препятствуетъ имъ въ этомъ своими огромными пошлинами, неслыханными ни въ какомъ другомъ государствѣ. Съ хлѣба берется пошлина, съ мяса берется пошлина. За пол-вѣка до революціи скотъ былъ изъятъ отъ пошлины. Первая республика и имперія продолжала впускать его на томъ же основаніи. Во времена реставраціи, въ 1816 году, этотъ законъ измѣнился, и на быковъ наложили пошлину по 3 франка съ

(*) Слова Бенъжаменъ Констанъ. Онъ произнесъ ихъ, разбирая законъ 1821 года, который усиливалъ пошлины на озимый и яровой хлѣбъ, установленныя закономъ 1819 года.

головы; а съ 1826 года усилися до 55 франковъ. Съ солонины платится пропорціонально вдвое. Масло коровье, масло постное, сало, вино, словомъ, все, что только можетъ входить въ человѣческій желудокъ, подвергнуто большей или меньшей пошлинѣ. Съ матеріями, потребными на одежду, поступлено еще строже. Ввозъ многихъ изъ нихъ запрещенъ совершенно. Фаянсъ тоже, стекло и хрусталь тоже, токарныя вещи тоже; тысячи мелкихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей тоже; сапоги, башмаки, сѣдла и весь конскій ременный приборъ тоже. Запрещеніе составляетъ альфу и омегу нашего тарифа; и изъ тѣхъ вещей, которыя не вовсе запрещены, 99 изъ 100 навѣрное обложены такой пошлиной, которая дѣлаетъ ихъ для насъ недоступными и слѣдовательно все равно что запрещенными. Насъ заставляютъ платить въ-три-дорога за все самое необходимое, и насъ же уверяютъ, что намъ это очень полезно.

Каждый, кто только потрудится взглянуть около себя, тотчасъ же увидить, что изъ десяти вещей, его окружающихъ, девять онъ непремѣнно обязанъ купить внутри Франціи, вопреки своему вкусу и выгодамъ. Сукно, изъ котораго шьется его платье, матеріи для его жилетовъ и рубашекъ — всѣ эти товары запрещенные. Башмаки — запрещенный товаръ, бумажные и шерстяные чулки — запрещенный. Пуховыя шляпы и шелковыя на манеръ пуховыхъ ввозятся изъ-за границы съ пошлиной по 1 франку и 60 сантимовъ. Мѣдныя шапки, которыя носятъ моряки, тоже запрещены. Всѣ вещи нужны для омеблировки почти тоже. Чугуны, въ которыхъ бѣдные люди варятъ себѣ пищу, — запрещенный товаръ; кухонная посуда мѣдная, цинковая, изъ литаго и листового желѣза, изъ жести — тоже. Ножевый товаръ и замки тоже, за ввозъ постельныхъ одѣялъ и ковровъ положена пошлина съ каждаго фута, которая составляетъ на первыя по 2 франка и 50 сантимовъ съ килограмма, а на вторые отъ 275 до 568 франковъ со 100 килограмомъ, такъ что и то и другое, отъ чрезмѣрности пошлины, становится также запрещеннымъ товаромъ. Вещи накладнаго серебра запрещены; волосыя матеріи, которыя такъ удобны и дешевы для мебели, запрещены; шерстяныя ткани запрещены.

Вотъ вліяніе нашей покровительственной системы на домашній бытъ. Теперь вопросъ: уравниваетъ ли она по крайней мѣрѣ наши коммерческія права? Нисколько. Наши таможенные постановленія не имѣютъ никакого единства, и чрезвычайно различны не только въ отношеніи къ различнымъ предметамъ, но и въ отношеніи къ мѣстамъ, откуда предметы получаютъ. Неравенство правъ въ отношеніи къ двумъ лицамъ, живущимъ въ одномъ и томъ же государствѣ, огромное. Положимъ, что я имѣю какое-нибудь свободное занятіе, или я служу, или наконецъ я простой работникъ. Я полагаю за мои труды вознагражденіе денежное. Таможенная система наша, заставляя меня платить дороже за вещи необходимыя, заставляетъ тѣмъ самымъ отдавать за нихъ часть моихъ трудовъ гораздо болѣшую той, за какую бы я могъ ихъ пріобрѣсть, покупая по той цѣнѣ, по которой онѣ должны бы были продаваться на общемъ, всемірномъ рынкѣ; или, говоря яснѣе, эта система заставляеть меня промѣнивать мой трудъ на такое количество вещей, которое, по настоящей своей цѣнности, на всемірномъ рынкѣ, стоить гораздо дешевле моего труда. (*) Мой сосѣдъ имѣетъ желѣзный заводъ, или хрустальную фабрику, или производство мелочныхъ желѣзныхъ вещей, или наконецъ угольныя копи; тотъ же самый законъ, который отягощаетъ меня, ему напротивъ даетъ средство продать свой товаръ дороже настоящей его цѣнности, и слѣдовательно даетъ возможность пріобрѣтать болѣе количество нужныхъ ему вещей, чѣмъ слѣдовало бы въ сравненіи съ моимъ трудомъ и по общей пропорціи. Въ отношеніи къ мануфактуристамъ и вообще къ фабрикантамъ, опять то же неравенство, Я дѣлаю фаянсъ или стальные вещи; я пользуюсь покровительствомъ закона, пользуюсь монополіей, и продаю мой товаръ одной третью или по крайней мѣрѣ одной четвертью дороже его настоящей цѣны. Но если, вмѣсто того, я шелковый фабрикантъ, или производитель химическихъ припасовъ, или вырабатываю такія вещи, которыя служатъ только къ украшенію и

(*) Подъ словомъ «всемирный рынокъ» я разумю такое мѣсто, гдѣ могли бы свободно продаваться вещи всѣхъ странъ, безъ платы пошлины.

роскоши, какая мнѣ тогда польза отъ покровительственной системы? Она не даетъ мнѣ никакихъ средствъ получить за мои произведенія ни одного лишняго сантима, потому что цѣнность всѣхъ этихъ вещей, выпускаемыхъ изъ-за границы, гдѣ онѣ производятся въ изобиліи, никакъ не возвышается наложенной на нихъ пошлиной до такой степени, чтобъ онѣ не могли подорвать меня. И еще сверхъ того та же покровительственная система лишаетъ меня возможности вывозить мои вещи за границу. Гдѣ же тутъ равенство? Даже въ одной и той же промышленности, именно въ производствѣ бумажныхъ товаровъ, набойщики ситцевъ совершенно пожертвованы въ пользу бумагопрядильщиковъ. Разрѣшивъ послѣднимъ вывозъ за границу пряженной бумаги, стѣснили тѣмъ самымъ промышленность первыхъ. Отчего же нашли, что лучше отдать набойщиковъ въ руки бумагопрядильщиковъ, чѣмъ обратно?

Вообще постановленія нашей покровительственной системы полны самыхъ странныхъ противорѣчій. Вотъ, на примѣръ, новая отрасль промышленности, которая, не смотря на то, что ее называютъ *рождающеюся*, можетъ встрѣтить больше затрудненій, чѣмъ какая-нибудь другая: это механическое пряденіе льна и шерсти. Ей покровительствуютъ наложеніемъ на иностранную пряжу того же рода, пошлины по 22 со 100. Конечно, эта пошлина большая, но у рождающейся промышленности есть старинная соперница, филатура бумажная, которая твердо уже укоренилась у насъ и которой также покровительствуютъ совершеннымъ запрещеніемъ ввоза иностранной пряженной бумаги (*). Ясно, что всѣ эти постановленія произвольны и безотчетны.

Въ хвастливыхъ рѣчахъ нашихъ мы высказываемъ горячую любовь къ земледѣлію; прекрасно. Предполагается, что послѣ такихъ возгласовъ мы всѣми мѣрами способствуемъ земледѣльцу къ выгодному сбыту его произведеній; но, къ несчастію, этого-то и нѣтъ у насъ. Многіе наши южные департаменты очень успѣшно разводятъ шелковичныхъ червей; иностранцы охотно купили бы ихъ

(*) За исключеніемъ самой тонкой пряжи, выше N 143, ввозъ этого сорта пряжи разрѣшенъ съ 1836, но съ высокой пошлиной.

шелкъ за настоящую цѣну, но является покровительственная система, и воображаетъ, Богъ знаетъ почему, что эту отрасль торговли никакъ не надобно выпускать за границу. А наши вина? Ихъ нилъ бы цѣлый свѣтъ въ огромномъ количествѣ, еслибы только иностранцы, въ возмездіе за строгости нашей таможи, не наложили, въ свою очередь, большой пошлины и на наши вина. (*)

До 1780 года покровительственная система наша, гораздо менѣе строгая, чѣмъ въ настоящее время (какъ это мы увидимъ далѣе), имѣла справедливое основаніе въ смыслѣ своихъ постановленій. Въ тѣ времена ничто не могло существовать безъ особой привилегіи. Начальнымъ пунктомъ общественной организаціи былъ тогда феодализмъ, который раздѣлялъ страну на тысячу мелкихъ государствъ и на столько же различныхъ правленій, а оттого и промышленность въ этой странѣ иначе не могла существовать, какъ посредствомъ тысячи же мелкихъ монополій, которыя дѣлили между собой поле производительности и сами дѣлились на безконечныя отрасли. Общаго права слѣдовательно не могло тогда быть, и для каждаго правосудіе состояло только въ охра-

(*) За два вѣка назадъ Франція отпускала въ Англію, какъ видно изъ коммерческихъ ведомостей, количество вина, доходящее въ годъ до 20,000 бочекъ (180,000 гектолитровъ). Съ того времени народонаселеніе Соединенныхъ королевствъ болѣе, чѣмъ утроилось, а общее богатство государства возрасло еще въ большей прогрессіи. Судя по количеству другихъ продуктовъ, потребляемому Англіей, можно безошибочно предположить, что, если бы между нами сохранились прежнія отношенія, такъ она въ настоящее время покупала бы у насъ ежегодно въ десять или двѣнадцать разъ болѣе вина противъ приведенной выше пропорціи, т.-е. по малой мѣрѣ 200,000 бочекъ. Но съ 1667 года обѣ націи рѣшились подорвать одна у другой торговлю и промышленность, не замѣчая того, что взаимные ихъ удары падаютъ на самихъ же себя; и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ Франція болѣе виновата; по крайней мѣрѣ она первая усилила непріязненные нападенія на коммерцію Англіи, вмѣстѣ съ войной, возгорѣвшейся въ 1793. Теперь мы отпускаемъ въ Соединенныя королевства не болѣе седьмой доли того количества вина, какое отпускали за два вѣка назадъ, и слѣдовательно семидесятую долю того, что могли бы отпускать. Къ несчастью, и не въ одной Англіи терпимъ мы сбытъ нашихъ винъ, которыя приготавливаются у насъ въ такомъ изобиліи и которыхъ нигдѣ не умѣютъ выдѣлывать лучше насъ.

ненія правъ его монополіи. Такой порядокъ вещей, при взаимной возможности возвышать цѣны на свои произведенія, все же былъ гораздо менѣе несправедливъ, чѣмъ права нашей покровительственной системы, превратившейся въ настоящее время тоже въ чистую монополію, постоянно стѣсняющую наши рынки.

Никакой трудъ, приносящій выгоду одному только лицу, а не цѣлому обществу, не можетъ быть полезенъ государству, и тѣмъ еще менѣе, если онъ приноситъ выгоду одному въ ущербъ другому. Покровительственная система обезпечиваетъ, какъ говорятъ, трудъ нашихъ промышленниковъ; безъ нея Франція должна бы была закрыть свои мастерскія, слѣдовательно она стремится къ благу общественному. Но Французы работали еще гораздо прежде учрежденія покровительственной системы, и во многихъ вещахъ, которыя она вздумала принять подъ свое покровительство, никакъ не отстала отъ другихъ націй. Многими нашими произведеніями мы очень успѣшно соперничаемъ за границей даже съ Англією, противъ которой преимущественно вооружается покровительственная система. Таковы, напримѣръ, наши набивныя полотна и различнаго рода шерстяныя ткани, въ особенности мериносовыя, наша бронза, стекло, мебель, даже нѣкоторыя машины. Списокъ такихъ вещей былъ бы, конечно, гораздо длиннѣе, еслибы покровительственная система своимъ тарифомъ не возвысила цѣну на первоначальные матеріалы, нужныя намъ для производства. Покровительственная система только дала нашей промышленности другое направленіе противъ ея направленія естественнаго, но къ общей суммѣ производительности она ровно ничего не прибавила. Каждая промышленность дѣйствуетъ посредствомъ двухъ вещей: рукъ и капитала. Когда мѣрами искусственными дадутъ одной промышленности выгоды передъ другой, —двинутые этимъ толчкомъ капиталы устремятся къ новому, болѣе выгодному направленію, и, разумѣется, повлекутъ за собою туда же и соразмѣрное количество рукъ, занимавшихся прежде другой работой. Что же выходитъ? Только то, что общество, пріобрѣтая новое производство, теряетъ съ этимъ вмѣстѣ прежнее, которымъ тѣ же самыя руки и тѣ же капиталы были заняты. Значитъ, это только измѣненіе, а никакъ не пріобрѣтеніе новаго

источника труда. И если это измѣненіе происходитъ насильственнымъ, т.-е. происходитъ отъ нѣкоторыхъ привилегій, данныхъ новому производству, тогда можно сказать почти навѣрное, что въ настоящее время это производство не можетъ принести пользы обществу, потому что въ противномъ случаѣ она непременно родилась бы сама собой, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, или точнѣе, никакъ бы не опоздала родиться своевременно. Всѣ искусственныя мѣры, стремящіяся къ тому, чтобы дать капиталамъ и рукамъ новое направленіе, могутъ обогатить государство на столько, на сколько новая промышленность принесетъ ему доходъ болѣе прежней, посредствомъ тѣхъ же рукъ и тѣхъ же капиталовъ. Если это такъ, тогда частныя выгоды производителя дѣйствительно принесутъ пользу и обществу; но во всякомъ другомъ случаѣ покровительство тому или другому мастерству, той или другой промышленности даетъ только возможность одному лицу продавать свой товаръ дороже его настоящей цѣны, безъ всякаго за то возмездія другимъ лицамъ, и слѣдовательно не только безъ всякой пользы для общества, но еще въ ущербъ ему.

Я никакъ не спору, что наша покровительственная система даетъ работу; но умножаетъ ли она ее и даетъ ли средства работать съ болѣею выгодой! А именно на этотъ-то результатъ работы и надобно смотрѣть. Человѣкъ долженъ трудиться съ той цѣлью, чтобы достать необходимое самому себѣ, или чтобы доставить его другимъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, посредствомъ тѣхъ опять получить нужное для самаго себя. Иначе тотъ, кто будетъ по цѣлымъ днямъ толочь воду, можетъ ли назваться полезнымъ членомъ общества? Еслибъ Англія издала законъ о совершенномъ запрещеніи ввоза нашихъ винъ, очень вѣроятно, что тамъ бы стали разводить собственные виноградники для добыванія этого напитка, который, со временъ Ноя, составляетъ любимый напитокъ всего рода человѣческаго. Такимъ образомъ Англія начала бы производить вино, которое обошлось бы ей чрезмѣрно дорого, не говоря уже о дурномъ его качествѣ. Для выдѣлки только ста тысячъ гектолитровъ потребовалось бы огромное количество садовниковъ, кромѣ каменщиковъ и печниковъ, нужныхъ для устройства винодѣленъ. Англійскій парламентъ

далъ бы посредствомъ этого закона множество новыхъ работъ націи, но со всѣмъ тѣмъ законъ все былъ бы плохъ и разорителенъ для государства, потому что капиталы и руки, обращенныя на выдѣлку вина, были бы оторваны отъ разработки каменнаго угля, отъ филатуръ, отъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, что все вмѣстѣ доставляетъ Англіи миллионъ барыша на рынкахъ французскихъ, португальскихъ, испанскихъ и т. д. Слѣдовательно Англія за сто тысячъ гектолитровъ вина потеряла бы девятьсотъ тысячъ гектолитровъ, которые могла бы пріобрѣсть на эти деньги. Повелъ ли бы этотъ законъ по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы занять работой большее число рукъ? Нисколько; потому что, хотя выдѣлка вина и воздѣлыванье виноградниковъ и потребовали бы, какъ ужъ я сказалъ, множество работниковъ, но капиталы, употребленные на эту сумасбродную операцію, были бы достаточны и для того, чтобы занять то же самое количество рукъ другой работой, болѣе имъ свойственной и болѣе выгодной. Если мнѣ скажутъ, что я привелъ примѣръ фантастическій, я возьму другой изъ самой сущности. Съ тѣхъ поръ, какъ во Францію запрещенъ ввозъ желѣза, она точно начала производить гораздо большее количество желѣза собственнаго, но не иначе, какъ съ помощію капиталовъ, которые могли бы быть употреблены съ болѣею пользою на другой предметъ. Каждый, кто хоть не много наблюдалъ механизмъ внѣшней торговли, долженъ знать, что товары одного государства не иначе впускаютъ въ другое, какъ съ условіемъ взаимнаго вывоза товаровъ собственныхъ. Произведенія одной страны вымѣниваются на произведенія другой, — вотъ сущность дѣла. Золото и серебро входятъ въ составъ размѣна только какъ представители цѣнности вещей и какъ дополненіе, служащее для уравниванія счетовъ. Если бы Франція покупала за границей сто миллионновъ килограммовъ желѣза, тогда она выпустила бы на соотвѣтственную сумму и собственныхъ произведеній. Только въ этомъ отношеніи и можетъ принести государству пользу какая бы то ни была отрасль промышленности, и само по себѣ разумѣется, что чѣмъ дешевле обойдется произведеніе, т. е. чѣмъ меньше потребуются на него рукъ и капиталовъ сравнительно съ его настоящей цѣнностію на всемірномъ рынкѣ,

тѣмъ больше оно принесетъ и пользы. Такимъ образомъ, если бы мы употребили тѣ же самые капиталы и тѣ же самыя руки, которыми разрабатываемъ теперь наше желѣзо, на другую отрасль промышленности, больше намъ свойственную, мы могли бы приобрѣсть тѣми же самыми руками и капиталами, изъ-за границы желѣза вдвое или по крайнѣй мѣрѣ въ полтора раза больше противъ пропорціи, вырабатываемой теперь.

Первое условіе, необходимое для того, чтобы сдѣлать какую бы то ни было работу выгодной, есть присутствіе при ней капитала. Назвавъ капиталъ *двигателемъ работъ*, дали ему опредѣленіе очень вѣрное; только съ помощію капиталовъ работы могутъ дать прибыль, и прибыль тѣмъ болышую, чѣмъ больше будетъ употреблено на нихъ капиталовъ, разумѣется, съ расчетомъ и знаніемъ дѣла. Безъ капитала всякая работа тотчасъ же падаетъ, и въ настоящее время самая ничтожная промышленность требуетъ хоть маленькаго капитала. Если капиталъ отнимается отъ работы, посредствомъ ли своего уничтоженія или обращенія на другой предметъ, нѣсколько рукъ во всякомъ случаѣ остаются безъ работы, въ первомъ безвозвратно, въ послѣднемъ по крайнѣй мѣрѣ временно. Слѣдовательно въ извѣстной массѣ людей работа можетъ усвоиться и сдѣлаться выгодною тогда только, когда въ рукахъ этой массы будетъ болѣе капиталовъ. Если бы мы имѣли возможность покупать у иностранцевъ необходимыя для насъ вещи дешевле той цѣны, какую платимъ за нихъ теперь, и при томъ вещи эти были бы точно такого же качества, ясно, что тогда отъ той суммы, какую употребляемъ теперь на покупку этихъ вещей, у насъ оставалась бы хотя маленькая экономія. Положимъ, напримѣръ, что отъ каждаго центнера желѣза у насъ оставалось бы по 10 франковъ; очень вѣроятно, что хотя часть этихъ остатковъ, откладываемая въ сберегательныя кассы, составила бы капиталъ, который потомъ непременно потребовалъ бы движенія, т.-е. рукъ и работы. При діаметрально же противоположныхъ обстоятельствахъ, т.-е. при необходимости платить за нужныя для насъ вещи дороже ихъ нормальной цѣны, выходитъ и результатъ діаметрально противоположный, т.-е. не приращеніе, а погашеніе капиталовъ.

Посмотримъ, сколько переплатили мы лишняго за одно желѣзо, по поводу запрещенія его ввоза. До 1814 годъ пошлина на тянутое желѣзо была не огромная. Съ 1814 и по 1822 годъ она сдѣлалась на толстое полосное желѣзо въ 165 франк. съ тонны (1000 килограммовъ); съ 1822 по 1836 въ 275 франковъ то же самое желѣзо, если оно обработано съ помощію каменнаго угля, и въ 165 франковъ, если обработано съ помощію дровъ. Съ 1836 года и по настоящее время пошлина остается неизмѣнно въ 206 франковъ на толстыя полосы, обработанныя съ помощію каменнаго угля, на тонкія возвышается въ полтора или два раза пропорціонально, а на листовое желѣзо больше чѣмъ вдвое. Независимо отъ полоснаго желѣза, на самыя слитки его наложена пошлина высокая, а разныя желѣзные вещи, составляющія многочисленную и необходимую потребность, совершенно запрещены. Можно сказать навѣрное, что, по самой меньшей мѣрѣ, Франція съ 1814 года платитъ, круглымъ счетомъ, за каждые 1000 килограммовъ полоснаго желѣза 200 франковъ лишняго противъ настоящей его цѣнности. А такъ какъ съ 1814 года она потребила полоснаго желѣза болѣе шести милліоновъ тоннъ, то, слѣдовательно, въ это время переплатила за него пошлины 1200 милліоновъ франковъ,—почти вдвое болѣе той контрибуціи, которую взяли съ насъ союзныя державы въ 1815 году.

Очевидно, что всѣ эти операціи не могли обогатить государства, а только помогали капиталамъ переходить изъ одного кармана въ другой, и переходить не иначе какъ съ общимъ ущербомъ; потому что изъ этихъ 1200 милліоновъ большая часть составляетъ чистую потерю для цѣлой массы народонаселенія. Конечно, нѣкоторая часть этой суммы поступила въ государственный доходъ за продажу казенныхъ лѣсовъ, цѣны на которые, посредствомъ размноженія нашихъ желѣзныхъ заводовъ, возвысились. Другая часть усилила доходы владѣльцевъ частныхъ лѣсовъ. Третья, и очень значительная, осталась въ барышахъ у желѣзныхъ заводчиковъ и особенно у тѣхъ, которые употребляли для своихъ заводовъ каменный уголь. Всѣ эти три числа могли бы принести пользу: изъ нихъ могли составиться капиталы, именно соответственные тѣмъ самымъ усиленнымъ доходамъ, которые

раздѣлились на эти три источника; но и владѣльцы частныхъ лѣсовъ и желѣзные заводчики имѣли ли надъ собой столько власти, чтобы жить такъ же скромно, какъ жили бы они безъ этихъ усиленныхъ доходовъ? Опять можно сказать навѣрное, что нѣтъ, а слѣдовательно бѣольшая часть ихъ доходовъ не обратилась въ капиталы, а истратилась бесполезно, какъ сгорѣвшій домъ, какъ разбившійся на морѣ корабль, какъ выбитое градомъ поле.

Бельгія въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ составляла часть Франціи, и во все это время ея мастерскія нисколько не превосходили надъ нашими. Если теперь она ушла впередъ въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ произведеніяхъ, если она, напримеръ, покупаетъ дешевле нашего желѣзо и машины, это именно оттого, что со времени ея отдѣленія отъ Франціи и таможенный ея тарифъ сдѣлался не такъ строгъ. Швейцарія, совершенно чуждая покровительственной системы, тоже, въ отношеніи къ промышленности, идетъ впередъ исполинскими шагами. Во всякомъ государствѣ, какъ только пошлина на какой-нибудь иностранный товаръ понижается, собственные фабриканты того же самаго произведенія приходятъ въ отчаяніе и начинаютъ провозглашать свою конечную гибель; но въ послѣдствіи эта-то самая промышленность, вмѣсто того, чтобы упасть, напротивъ цвѣтетъ и развивается гораздо быстрее. Когда въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Германіи фабрики шерстяныхъ и бумажныхъ тканей были поставлены въ необходимость войти въ конкуренцію съ фабриками саксонскими, страшный ропотъ распространился между фабрикантами; но черезъ два или три года эта же самая промышленность, которая боялась паденія, сдѣлала успѣхи огромные. Въ Англіи какой шумъ поднимался каждый разъ, когда сбавляли пошлины съ нашихъ шелковыхъ издѣлій, а между тѣмъ послѣ всякой сбавки англійскія шелковыя издѣлія все больше и больше совершенствовались. У насъ въ 1843 году пониженіе пошлинъ на колоніальный сахаръ заставило трепетать нашихъ свеклосахарныхъ заводчиковъ,—но упала ли эта промышленность? Напротивъ, колоніальные заводчики начали просить послѣ того новыхъ льготъ. Въ подобныхъ случаяхъ падаютъ и закрываются только заведенія неумѣстныя и ненужныя, или такія, отъ которыхъ

выгоды основаны на какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Это, конечно, больно для тѣхъ, чьи интересы страдаютъ тутъ, — положимъ даже, что это огорчительно и для всѣхъ людей сострадаательныхъ, — но кто жъ виноватъ, что человѣкъ избралъ для себя занятіе неумѣстное или разсчитывалъ на обстоятельства невозможныя? Какое право имѣеть онъ на то, чтобы его выгоды предпочли выгодамъ общимъ? Если хотятъ налогомъ на общество поддержать производителей, которые не въ состояніи поддерживать сами себя, такъ этотъ налогъ поддерживаетъ только ту или другую работу, а не собственно работниковъ. Я согласенъ, что полное и свободное развитіе промышленности не можетъ совершиться безъ частныхъ стѣсненій и ущербовъ, но таковъ общій законъ всего существующаго въ мірѣ. Вездѣ и всегда одно вытѣсняетъ другое; такъ и здѣсь: свекловица вытѣсняетъ сахарный тростникъ, и, можетъ быть, въ свою очередь будетъ вытѣснена какимъ-нибудь другимъ растеніемъ; паровозы вытѣсняютъ дилижансы; пароходы вытѣсняютъ парусныя суда; бумага вытѣсняетъ шерсть и ленъ; механика вытѣсняетъ ручную работу; одна машина вытѣсняетъ другую, одно открытіе, которое казалось еще вчера вѣрхомъ человѣческой изобрѣтательности, завтра вытѣсняется новымъ, но это-то и есть законъ общаго движенія и прогресса.

Въ заключеніе, здѣсь не лишнимъ будетъ привести хотя въ краткомъ очеркѣ исторію существующихъ у насъ въ настоящее время таможенныхъ постановленій, и посмотреть, имѣютъ ли они право на существованіе, если не по поводу приносимой ими пользы, такъ по крайней мѣрѣ хоть по своей древности. Кажется, что и этого нѣтъ. Напротивъ, нашу таможенную систему можно назвать чужеземнымъ выходцемъ, не слишкомъ давно поселившимся во Франціи и основавшимъ свое могущество на проискахъ и интригахъ революцій. Нашъ старинный таможенный тарифъ не составлялъ чисто казеннаго налога. Со временъ Кольберта цѣль его состояла исключительно въ томъ, чтобы покровительствовать внутренней промышленности, но тогда онъ дѣйствовалъ тихо и скромно. Въ 1790 и 1791 годахъ, когда новая власть преобразовала его, она придала ему формальность и правильность, ко-

торыхъ ему недоставало. Между тѣмъ каждый, кто просматривалъ тарифъ 1791 года и предыдущихъ годовъ, увидить тотчасъ, что тарифъ нынѣ существующій составляетъ нововведеніе, совершенное уже послѣ того времени. Въ основаніи своемъ настоящій нашъ тарифъ есть ничто иное, какъ созданіе двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, правленій, которыя воевали со всею Европой, любили воевать и положили на тарифъ печать своего воинственного духа. Первая республика и имперія ознаменовали себя огромнымъ количествомъ запрещеній, которыми отличается французскій тарифъ, и всѣ эти запрещенія были слѣдствіемъ войны и враждебныхъ чувствъ. Тарифомъ 1791 года были запрещены вещи очень немногія, и болѣе въ отношеніи казенныхъ податей и полицейскихъ мѣръ, чѣмъ въ отношеніи коммерческомъ. Такимъ образомъ наложили пошлыны на соль, на игорныя карты и папушный табакъ собственно для прихода казнѣ. Селитра и пороходъ были запрещены для охраненія общественнаго спокойствія. Изъ тканей запрещался ввозъ только такихъ, въ которыхъ золото и серебро замѣнялись мишурой, и запрещался съ той цѣлью, чтобы иностранцы не могли въ этомъ случаѣ обмануть нашихъ потребителей. Сложные медикаменты также запрещались для сохраненія общественнаго здоровья. Въ цѣломъ тарифѣ 1791 года есть только два запрещенія серьезныя и напоминающія нашъ настоящій тарифъ; это запрещеніе свободного ввоза стеклянныхъ вещей и произведеній моря (*). Тарифъ 1791 года свято чтить свободный ввозъ съѣстныхъ припасовъ и первоначальныхъ матеріаловъ.

Война, объявленная послѣ 21 января 1793 года, совершенно измѣнила ходъ торговли; запрещеніе начало падать на все, и чтобъ видѣть, какъ распространялось оно, стоить только просмотрѣть заглавія декретовъ и постановленій тогдашняго времени.

(*) Ввозъ рыбьяго жира былъ запрещенъ изъ всѣхъ мѣстъ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, что составляло въ этомъ случаѣ исключеніе очень обширное и служило новымъ доказательствомъ, что запрещеніе это было сдѣлано не въ коммерческомъ, а въ политическомъ отношеніи. Тогда предполагали, что съ развитіемъ морской торговли соединяется и развитіе морскихъ силъ государства.

1-го марта 1793 года, конвентъ издалъ указъ; значащійся въ *Бюллетень Законовъ* подъ слѣдующимъ названіемъ: «*Декретъ, которымъ уничтожаются всѣ трактаты, какъ союзные, такъ и коммерческіе, существовавшіе между Франціею и воюющими съ нею державами, и которымъ запрещается ввозъ во Францію разныхъ иностранныхъ товаровъ*» (*). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появился еще декретъ подъ слѣдующимъ официальнымъ названіемъ: «*Декретъ, отъ 19 дня перваго мѣсяца, года 11, которымъ воспрещаются внутри Франціи всѣ товары, фабрикуемые и выдѣлываемые въ странахъ подвластныхъ англійскому правительству.*» Директорія пошла по тѣмъ же стопамъ, и 10 Брюмера, V года, издала «*Законъ, воспрещающій ввозъ и продажу англійскихъ товаровъ*» (**).

(*) О духъ этого закона можно судить по слѣдующимъ его пунктамъ:

«Пунктъ II.—Таможенное начальство возлагаетъ на чиновниковъ и смотрителей, подъ личной ихъ отвѣтственностью, строгое наблюденіе, чтобъ ни одинъ изъ сказанныхъ товаровъ не былъ ввезенъ или впущенъ во Францію. Чиновники и смотрители, которые дозволятъ или оставятъ безъ вниманія ввозъ или вносъ сказанныхъ товаровъ во Францію, подвергаются двадцатилѣтнему заключенію въ желѣза.

«Пунктъ III.—Всѣ лица, которыя, со дня обнародованія настоящаго декрета, позволятъ ввезти, ввезутъ, впустятъ, продадутъ или купятъ, посредственно или непосредственно, товары, выработанные на англійскихъ фабрикахъ, также подвергаются наказанію, объявленному въ предмущемъ пунктѣ.

«Пунктъ IV.—Всѣ лица, которыя станутъ носить и употреблять сказанные товары, ввезенные послѣ обнародованія настоящаго декрета, будутъ сочтены ослушниками закона, и согласно съ тѣмъ наказаны, на основаніи декрета, изданнаго 17 истекшаго сентября.»

(**) Законъ этотъ издавъ «на основаніи того, что законодатели считаютъ одной изъ первыхъ своихъ обязанностей ободрять и развивать всѣми возможными способами внутреннюю промышленность Франціи; что въ настоящихъ обстоятельствахъ они находятъ необходимымъ отвергнуть потребленіе предметовъ, вырабатываемыхъ враждебными державами, которымъ продажа этихъ предметовъ можетъ способствовать къ поддержанію войны несправедливой и гибельной; и что, вѣроятно, каждый истинный гражданинъ не преминетъ съ своей стороны поддержать эту мѣру, спасительную для государства.»

Главный пунктъ закона слѣдующій:

Послѣ конвента и директоріи, Наполеонъ, который все любилъ дѣлать въ огромныхъ размѣрахъ, ознаменовалъ себя тѣмъ же и въ запретительной системѣ: 22 февраля 1806 года онъ издалъ декретъ, которымъ запрещался ввозъ бумажныхъ тканей бѣлыхъ и набивныхъ, кисей и пряденой бумаги для свѣтиленъ. Это запрещеніе относилось чисто къ Англіи, хотя прямо о томъ и не было объявлено; но очень скоро за тѣмъ послѣдовалъ знаменитый Берлинскій декретъ (10 ноября 1806), которымъ *Великобританскіе острова объявлялись въ осадномъ положеніи*. Потомъ, не менѣе знаменитый, Миланскій декретъ (17 декабря 1807) заключалъ въ себѣ *новылъ мѣры противъ мореходной системы Англіи* (*). Здѣсь было начало континентальной системы, стремившейся удержать въ осадномъ положеніи весь европейскій материкъ. Желая нанести уронъ англійской торговлѣ и тѣмъ ослабить средства Англіи, Наполеонъ принялъ дерзкое намѣреніе запретить всей Европѣ сношенія съ прочими частями свѣта. Лудовикъ XIV сказалъ: «Нѣтъ больше Пиринеевъ». Въ смыслѣ

•Пунктъ V.—Считаются произведеніемъ англійскихъ фабрикъ, гдѣ бы впрочемъ они выработаны ни были, слѣдующіе предметы, привозимые изъ-за границы: 1. Всѣ сорта бумажныхъ бархатовъ, всѣ сукна, ткани шерстяныя и бумажныя, или шерстяныя пополамъ съ бумагой; шерсть и бумага пряденыя; ковры англійскіе. 2. Всѣхъ сортовъ колпаки бумажные и шерстяные, или шерстяные пополамъ съ бумагой. 3. Всѣхъ сортовъ пуговицы. 4. Всѣхъ сортовъ аплике, всѣ мелкія желѣзные вещи; ножовыя и токарныя издѣлія; часы, —однимъ словомъ, все желѣзное, мѣдное, стальное, жестяное и вообще сдѣланное изъ какого бы то ни было металла, полированного или не полированного, чистаго или смѣшеннаго. 5. Кожи крашенныя и не крашенныя, выдѣланныя и не выдѣланныя; экипажи отдѣлываемые и не отдѣланные; военная амуниція и всякаго рода конская сбруя. 6. Ленты, шляпы, газъ и шали, извѣстныя подъ названіемъ англійскихъ. 7. Всѣхъ сортовъ кожи для перчатокъ, панталонъ и фуфаякъ, также какъ и всѣ эти вещи уже готовые. 8. Всякаго рода стекло и хрусталь, кромѣ стеколъ для очковъ и часовъ. 9. Сахаръ рафинированный и сахарный песокъ. 10. Всѣхъ сортовъ фаянсъ и посуда, выдѣлываемые изъ глины, извѣстной подъ именемъ глины трубочной, которою изобилуетъ Англія.» Короче сказать, этимъ указомъ запрещались почти всѣ предметы торговли, откуда бы ни привозились они.

(*) Слова, напечатанныя курсивомъ, составляютъ официальные названія, подъ которыми декреты были изданы въ *Бюллетень Законовъ*.

совершенно противоположномъ, Наполеонъ объявлялъ: «Нѣтъ больше ни Америки, ни Азіи: Христофоръ Колумбъ и Васко де Гама никогда не существовали». Не слѣдовало больше употреблять никакихъ колоніальныхъ произведеній; надобно было отвыкнуть отъ кофе и отъ шоколада. Превосходныя англійскія бумажныя издѣлія должны были замѣниться на европейскомъ материкѣ издѣліями изъ собственной пряжи, изъ собственной шерсти, изъ собственного шелка. Индиго должно было уступить мѣсто вайдѣ, кошениль различнымъ химическимъ составамъ. И все это было серьезно задумано и серьезно объявлено этимъ могучимъ человекомъ, которому никто не смѣлъ противорѣчить (*).

Казалось бы, что съ наступленіемъ мира все это шаткое зданіе, созданное ненавистью и фантазіей революціоннаго совѣта и великаго завоевателя, должно было рушиться; но тѣ, которымъ эта система доставляла выгоды, не хотѣли отъ нихъ отказаться. Въ 1814 году новое правительство отменило законъ о двадцатилѣтнемъ заключеніи въ желѣза за употребленіе англійскихъ товаровъ, также какъ и нѣкоторые другія черезъ-чуръ ужъ дикія мѣры таможенныхъ штрафовъ; вычеркнуло статью, строго запрещавшую всѣ колоніальные товары и первобытныя произведенія странъ тропическихъ, — и что же? со всѣхъ сторонъ слышались только жалобы: никто не одобрялъ этихъ мѣръ, никто не просилъ, чтобъ онѣ были поддержаны. Кончилось тѣмъ, что покро-

(*) Декретомъ 5 августа 1810 года, пошлины на колоніальные товары и на бумагу и лѣсъ, вывозимые изъ Новаго Свѣта, были увеличены до непомѣрности, и по необходимости заставляли европейскій материкъ замѣнять всѣ эти вещи собственными произведеніями. На американскую бумагу пошлина простиралась отъ 600 до 800 франк. со 100 килограммовъ (нынче 20 фр.); на сахарный песокъ 300 фр. (нынче 45 фр.); на чай черный 900 фр., на чай зеленый 600 (нынче 150 фр.); на кофе 400 фр. (нынче 50 фр.); на какао до 1000 фр. (нынче 40 фр.); на перецъ 400 фр. (нынче 40 фр.); на корицу отъ 1400 до 2000 фр. (нынче 33 фр.); на индиго 900 фр. (нынче 50 фр.); на кошениль 2000 фр. (нынче 75 фр.); на красное дерево 50 фр. (нынче 10 фр.); на фернамбукъ 120 фр. (нынче 5 фр.); на кампешъ 80 фр. (нынче 1 фр. 50 сантимовъ). Эти огромныя пошлины увеличивались еще, такъ называемой, военной десятиной, установленной въ VII годъ первой республики и существующей и по настоящее время.

вительственная система, на минуту ослабленная весною 1814 года, была снова восстановлена въ томъ же году, и еще съ большими отягченіями. Такимъ образомъ повторился феноменъ, впрочемъ довольно часто встрѣчающійся въ нашей исторіи: выгоды частныя взяли верхъ надъ выгодами общими, потому что силы, которыя у насъ защищаютъ выгоды общія, дѣйствуютъ лѣниво, между тѣмъ какъ интересы частные защищаются смѣло и рѣшительно. Въ Англіи частныя выгоды тоже поддерживаются очень ловко и никакъ не слабѣе нашего, но Англичане такъ хорошо понимаютъ свои общія выгоды и такъ крѣпко стоятъ за нихъ, что онѣ всегда берутъ перевѣсъ. У насъ причиной зла отчасти было и то, что министерская власть попала въ руки людей, вышедшихъ изъ школы имперіи и находившихся еще подъ вліяніемъ декретовъ Берлинскаго и Миланскаго. Потомъ очень неудачно вздумали подражать Англіи, которая для того, чтобы придать больше вѣсу своей аристократіи, обезпечила ее огромными богатствами. Для этого и у насъ сочли нужнымъ издать таможенный законъ, усиливающій доходы богатыхъ владѣльцевъ налогомъ пошлины на скоть, на непряденую шерсть и даже на самое желѣзо. Тарифъ касательно желѣза составили такъ, что онъ долженъ былъ принести больше выгодъ владѣльцамъ лѣсовъ, чѣмъ самимъ желѣзнымъ заводчикамъ. Изъ этого вышло, что за исключеніемъ пониженія пошлинъ на товары колоніальные, на непряденую хлопчатую бумагу и другія произведенія странъ тропическихъ, тарифъ временъ реставраціи сдѣлался еще обременительнѣе для націи, чѣмъ тарифъ имперіи, потому что онъ не пощадилъ даже самыхъ первыхъ и главныхъ потребностей—хлѣба и мяса, до которыхъ имперія, по примѣру республики, никакъ не касалась.

Конечно эти мѣры были выгодны для нѣкоторыхъ, но многимъ онѣ только казались выгодными. Эти люди видѣли только возвышеніе цѣнъ на свои произведенія, но имъ надобно было бы взглянуть и на то, что отъ этихъ же самыхъ мѣръ они теряютъ какъ потребители—по поводу дороговизны сѣстныхъ припасовъ, и теряютъ какъ производители—по поводу дороговизны матеріаловъ и машинъ, нужныхъ для ихъ же произведеній. Но непростительнѣе всего, что наши власти не предвидѣли и не приняли въ со-

ображеніе страшнаго возмездія, которое наша запретительная система должна была навлечь на избылнѣйшія и лучшія произведенія самой Франціи. Другіе народы наложили, въ свою очередь, огромныя пошлыны на наши товары, — и наши вина, наши шелковыя матеріи, наши модныя издѣлія понесли на себѣ ущербъ, въ замѣнъ выгодъ, доставшихся на часть желѣзныхъ заводчиковъ и на часть владѣльцевъ лѣсовъ и луговъ.

Можно было надѣяться, что по крайней мѣрѣ послѣ іюльскихъ переворотовъ таможенная система наша сдѣлается умѣреннѣе. И дѣйствительно, правительство показало желаніе смягчить тарифъ, обнародовавъ указъ, состоявшійся въ октябрѣ 1835 года, и два закона 1836 года. Это было начало преобразованія тарифа, начало, исполненное осторожности, но и многія самыя важнѣйшія политическія дѣла начинаются тихо и постепенно. Такъ шло до 1841 года, когда сцена опять совершенно измѣнилась. До тѣхъ поръ всѣ, даже самыя покровительствуемые промышленники, говорили о свободной торговлѣ съ уваженіемъ. Казалось, что вся нація стремилась къ этой цѣли и сочувствовала мысли правительства, видимой въ каждой бумагѣ, которая касалась только покровительственныхъ законовъ. Къ концу 1840 года это направленіе обозначалось уже ясно. Между тѣмъ образовалась коалиція, очень искусно составленная. Большинство голосовъ ея, не понимая дѣла, тѣмъ горячѣ стояло за него. Ждали только удобной минуты, чтобъ сбросить маску, и политическія обстоятельства представили эту минуту. Событія 1840 года на Востоку и трактатъ 15 іюля снова оживили въ государствѣ патріотизмъ воинственный и исключительный. Приверженцы покровительственной системы этимъ воспользовались. «Национальные рынки для національныхъ произведеній!» закричали они, и этотъ девизъ увлекъ воображеніе толпы, которая въ это время охотнѣе, чѣмъ когда-нибудь, глядѣла на предметы въ очки шовинизма.

Непосредственно за тѣмъ протекціонисты явно дали почувствовать свою власть самому правительству. Въ концѣ 1841 года, мысль составить торговый союзъ между Бельгіей и Франціей готова была осуществиться. Бельгія формально уже приступала къ

началу дѣла. Бельгійскій король самъ нарочно пріѣхалъ для этого въ Парижъ, и французское правительство приняло это искательство со всѣмъ должнымъ вниманіемъ. То была со стороны іюльской династіи мѣра прекрасная, дѣйствіе превосходной внѣшней политики. Этотъ союзъ, по примѣру Цокверейна, нисколько не грозилъ нарушеніемъ мира въ Европѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ бы для нашей промышленности не только безвреденъ, но рѣшительно выгоденъ. Правда, что нѣкоторыя ея отрасли должны бы были или слишкомъ быстро подвинуться впередъ, или упасть; но кто жъ виноватъ, если онѣ не умѣли воспользоваться выгодами оказаннаго имъ покровительства и стать на такую степень, чтобы выдержать конкуренцію съ произведеніями иностранными. Это было никакъ не выше силъ ихъ. Между тѣмъ протекціонисты завопяли, даже просто возстали. Кочитеты, уже тайно составленные изъ многихъ промышленниковъ, начали дѣйствовать общими силами. Пустили въ ходъ многихъ депутатовъ, и, слѣдуя за ними, объявили министерству, что не желаютъ союза съ Бельгіей. Министерство видѣло, что большинство голосовъ будетъ на ихъ сторонѣ, и еще озабоченное смутами внутренними, еще не успѣвшее упрочить связей своихъ съ Европой, въ которыя между тѣмъ такъ удачно начинало входить оно, сочло за лучшее уступить. Это было самое сильное оскорбленіе, какое только могли нанести іюльскому правительству; и кто же нанесъ его? Люди преданные новой династіи, ея друзья, ея почти самые доблестные защитники! Въ нашей четырнадцативѣковой исторіи нѣтъ другаго подобнаго примѣра, чтобъ для частныхъ, меркантильныхъ расчетовъ было остановлено важное политическое предпріятіе. Голоса тѣхъ, которые породили это, оставались безъ отзыва; сама оппозиція молчала. Вотъ до чего упалъ патріотизмъ во Франціи!

Въ 1845 году, по поводу проекта закона, главные статьи котораго касались зерновыхъ хлѣбовъ, протекціонисты заставили министровъ подать, противъ своего же проекта, голосъ въ пользу усиленія чрезмѣрныхъ поиминъ на ячмень. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, правительство положило основаніе очень выгоднаго коммерческаго трактата съ Швеціей и Норвегіей. Стокгольмскій кабинетъ соглашался уменьшить поимины на многія произве-

денія французской промышленности, въ замѣнъ чего мы должны были впускать во Францію шведское желѣзо безъ всякой пошлины, но только съ условіемъ, чтобъ оно имѣло специальное назначеніе поступать на стальные фабрики. Это была для насъ чистая выгода. Но министры были предупреждены, что всякое измѣненіе въ статьяхъ, касающихся желѣза, будетъ сочтено святотатствомъ, и что по этому случаю имъ совѣтуютъ оставить проэктъ въ портфелѣ. Такъ и сдѣлалось. Этимъ однакожъ не удовольствовались, и въ началѣ ноября 1846 года вынудили министерство обнародовать манифестъ, въ которомъ оно изъявляло не преложное намѣреніе поддерживать покровительственную систему безъ малѣйшихъ въ ней измѣненій и не касаясь даже самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ.

Наконецъ огромное измѣненіе въ англійскомъ тарифѣ показало, что покровительственная система отжила свой вѣкъ. Между тѣмъ какъ сиръ Робертъ Пиль торжественно сталъ въ главѣ защитниковъ свободной торговли хлѣбомъ, и французское правительство, въ слѣдствіе того, рѣшилось представить палатамъ проэктъ измѣненія таможенныхъ узаконеній. Проэктъ этотъ былъ представленъ 21 мая 1847 года. Имъ разрѣшался ввозъ иностранныхъ запрещенныхъ товаровъ, но не иначе какъ съ огромными пошлинами, и съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшался свободный ввозъ множества такихъ вещей, которыя были включены въ тарифъ вѣроятно для того только, чтобъ увеличить его каталогъ вопреки здравому смыслу и затруднить торговлю изъ пустяковъ. Въ длинномъ спискѣ двухъ-сотъ девяноста девяти предметовъ; ввозъ которыхъ разрѣшался условно или безусловно, было не болѣе двадцати пяти или тридцати такихъ, которые могли приходить въ значительномъ количествѣ, но эти предметы, также какъ и еще многіе другіе, не могли ввозиться иначе, какъ на французскихъ корабляхъ. Этимъ хотѣли поощрить французское мореплаваніе. Правительство предлагало еще, чтобы коммерческія суда наши могли строиться въ особомъ антрепо, не платя тамъ никакой пошлины за нужные для постройки ихъ матеріалы. Проэктъ этого закона былъ одобренъ даже людьми самыми хладнокровными и не принимающими большаго участія въ свободной торговлѣ; но это уже былъ шагъ противъ покровитель-

ственной системы и нѣкоторое нарушеніе привилегій желѣзныхъ заводчиковъ, потому что беспошлинная постройка судовъ касалась и беспошлинной покупки желѣза во всѣхъ его видахъ, т.-е. полоснаго, листоваго и обращеннаго въ гвоздь. По всѣмъ этимъ причинамъ проѣхъ новаго закона въ глазахъ протекціонистовъ опять казался святотатственнымъ, и коммисія, составленная подъ ихъ вліяніемъ, въ палатѣ депутатовъ совершенно искажала этотъ законъ, представивъ на то свои доводы въ рапортѣ, достойномъ того, чтобъ ему сохранился въ исторіи. Это рѣчь частнаго интереса, разсуждающаго о самомъ себѣ, эгоизмъ, стремящійся безъ всякой совѣсти утвердить себя на законныхъ правахъ. Собрание, въ которомъ подобный тезисъ поддерживался почти съ общимъ единодушіемъ, очевидно потеряло голову. Этихъ господъ тотчасъ же можно было поймать въ собственные ихъ силки первымъ возраженіемъ, и однакожъ дѣло оставалось въ такомъ положеніи до 1848 года.

И теперь еще, не смотря на то, что ученіе Адама Смита и Тюрло извѣстно намъ уже около вѣка; не смотря на то, что сиръ Робертъ Пиль, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей новѣйшаго времени, согласился съ истинами, высказанными Кобденомъ; не смотря на то наконецъ, что Соединенные Штаты, Бельгія, Голландія, Піемонтъ, Австрія, Испанія, Россія, сдѣлали измѣненіе въ своемъ тарифѣ, — Франція остается въ этомъ отношеніи неподвижна.»

Вотъ статья противъ свободной торговли, недавно напечатанная по поводу рапорта, читаннаго докладчикомъ сената, г-мъ Тролонъ, и по поводу цѣлаго сочиненія объ этомъ предметѣ г-на Гуро, которое издаетъ онъ подъ заглавіемъ: *Essai sur la liberté du commerce des nations*:

«Наши защитники свободной торговли больше всего возстали за то, что краснорѣчивый докладчикъ сената указалъ на ихъ систему, какъ на заблужденіе вредное и гибельное. Она осуждена окончательно, и очень понятно, что наши *fraudeurs* попробовали еще искать апелляціи во мнѣніи общественномъ. Но вмѣсто того чтобъ доказывать свою справедливость, они только вошіютъ противъ невѣждъ, отвергающихъ то, что считаютъ они

свѣтомъ истины: средство очень удобное, если не для того, чтобъ убѣдить другихъ, такъ по крайней мѣрѣ для того, чтобъ оправдать себя.

Чтобъ разрѣшить, полезна или вредна система свободной торговли, для этого стѣдуетъ только, какъ сдѣлалъ г. Гуро и Листъ, авторъ *Системы государственной политической экономіи*, спросить исторію; а мы знаемъ, что защитники свободной торговли, также какъ и большая часть реформаторовъ новѣйшаго времени, не обращаютъ большаго вниманія на исторію и ея уроки. Они хотятъ подчинить свѣтъ теоріи отвлеченной, формулъ математической, нисколько не принимая въ соображеніе, входятъ ли въ ихъ идеальныя расчеты всѣ тѣ вещественныя условія, которыя необходимы для существованія каждаго государства. Они смотрятъ на людей какъ на число. Земной шаръ составляетъ для нихъ одно общее владѣніе, все человѣчество одинъ народъ, всѣ страны одну общую мастерскую, одинъ общій рынокъ. Ихъ система вполнѣ основана на томъ, что самъ Россія называлъ романической гипотезой; а романическія идеи въ правленіи никуда негодятся, и социалисты доказали намъ, до чего можетъ дойти воображеніе, разгоряченное мечтами объ утопіи. Наука, сказалъ Аристотель, не создаетъ людей, а примѣняется къ ихъ природѣ. То же можно сказать и о государствахъ; въ торговыхъ сношеніяхъ націй историческія данныя служатъ руководствомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ наука, которая въ этомъ случаѣ, по сознанію самихъ ея проповѣдывателей, часто основываетъ всѣ свои зданія на однихъ мечтахъ.

Что же видимъ мы въ исторіи? То, что всѣ великіе правители и великіе политики признавали таможенно необходимымъ средствомъ могущества и благосостоянія народовъ, что всѣ государства, которыя пріобрѣли себѣ болѣе или менѣе почетное мѣсто въ кругу всемірной торговли, обязаны этимъ таможенному уставу. Нужно ли повторять и исчислять здѣсь всѣ факты, приведенные г-мъ Гуро? Что было началомъ огромныхъ богатствъ Англіи, какъ не привиллегіи, данныя въ первый разъ суконнымъ фабрикантамъ королевства Эдуардомъ III; запрещеніе ввоза чужихъ суконъ, который преемники его оградили страхомъ смертной казни,

и наконецъ знаменитый морской уставъ, изданный Кромвелемъ? Не посредствомъ ли таможенныхъ законовъ и Кольберъ создалъ у насъ купеческій и военный флотъ, приобрѣлъ колоніи, рыбныя ловли, и развилъ различныя отрасли промышленности? Что дѣлали великій Курфирстъ и Фридрихъ II, когда, принявъ протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи Нантскимъ эдиктомъ, они захотѣли удержать промышленность въ Пруссіи; Петръ Великій и Екатерина II, когда они задумали создать ее въ Россіи; Вашингтонъ, когда онъ предвѣщалъ основать ее въ Америкѣ?— Всѣ прибѣгли къ тарифу. Наконецъ, когда Наполеонъ, исторгнувъ Францію изъ всѣхъ бѣдствій революціи, занялся устройствомъ ея благосостоянія, онъ не задумался для этого въ выборѣ средства: онъ довелъ покровительственную систему до ея высшей строгости, и съ тѣхъ поръ началась для государства новая эпоха промышленности, которая въ теченіе пятидесяти лѣтъ приносила такіе обильные плоды. Вотъ счетная книга пользы, принесенной таможенными пошлинами; вотъ ихъ слѣдствія; вотъ подъ авторитетомъ какихъ именъ долженъ смотрѣть на нихъ человѣкъ государственный.

Защитники свободной торговли, нѣсколько сбитые съ толку всѣми этими выгодами покровительственной системы, придумали въ оправданіе своей теоріи возраженіе удивительное. По ихъ мнѣнію, и Англія и Франція и всѣ великія державы, слѣдующія покровительственной системѣ, приобрѣли свое богатство и могущество не черезъ свою коммерческую политику, а вопреки ей; и что ихъ богатство, ихъ могущество и вообще все ихъ благосостояніе увеличились бы въ огромныхъ размѣрахъ, если бы развитіе ихъ внутреннихъ силъ не было ограждено препятствіями, которыя стѣснили ихъ и дали имъ ложное направленіе. Одинъ почтенный гаврскій негоціантъ рѣшился даже защищать эту странную мысль въ письмѣ своемъ въ редакцію *Revue des Economistes*, и мы признаемся, не можемъ повѣрить, чтобы все это онъ говорилъ не шутя. Пусть по крайней мѣрѣ благоволятъ намъ объяснить, отчего благосостояніе всѣхъ этихъ народовъ началось именно съ того времени, когда они приняли систему тарифа, которая должна была замедлить ихъ ходъ и остановить прогрессъ?

Исторія начисто опровергаетъ и эти послѣднія отрицательныя доказательства, приведенныя въ пользу теоріи уже едва дышащей. Во времена древнія, во времена среднихъ вѣковъ и во времена возрожденія никто не думалъ покровительствовать внутренней промышленности таможенными пошлинами, и что жъ было? то, какъ замѣчаетъ г. Гуро, что всемірная торговля сдѣлалась чистой монополіей. Монополія только перемѣнила мѣста: съ береговъ Адриатическаго моря и Арно она перенеслась къ устьямъ Везера и Эльбы; потомъ утвердилась на Шельдѣ; потомъ на берегахъ Гарлема и въ Зюдерзее; но тѣми или другими берегами овладѣла она, была ли въ рукахъ Венеціанъ, Пизанцевъ, Бельгійцевъ, или Голландцевъ,—иго ея во всякомъ случаѣ было равно тягостно для всѣхъ остальныхъ государствъ. Конкуренція сдѣлалась возможной только съ тѣхъ поръ, когда Англія, Франція и другія просвѣщенныя державы установили равновѣсіе въ торговлѣ таможенными пошлинами. До учрежденія таможенъ, на моряхъ развѣвался только одинъ какой-нибудь флагъ; только одинъ народъ, часто даже одинъ только какой-нибудь городъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность цѣлаго міра. Но появились таможни, и монополія исчезла сама собой, каждый народъ вступилъ мало по малу въ свои права, занялъ мѣсто, ему принадлежащее, благоденствіе распространилось и образованность разлилась повсюду.

Есть защитники свободной торговли, которые понимаютъ, что нельзя же отрицать всѣхъ этихъ видимыхъ доказательствъ, и они основываютъ свою систему уже совсѣмъ на другихъ началахъ. Они признаютъ, что таможни дѣйствительно могли въ прежнія времена способствовать успѣхамъ народнаго благосостоянія и образованности, но утверждаютъ, что время это прошло, что таможни, приносившія когда-то много пользы, теперь дѣлаютъ только вредъ, и послѣ преобразованія, совершившагося въ Англіи, не могутъ уже существовать. Эта уступка защитниковъ свободной торговли имѣетъ большую относительную важность: если они уже сознаются, что таможенное ограниченіе могло когда-нибудь способствовать народному богатству, то уже этимъ самымъ признаніемъ лишаютъ себя права возражать во имя политической

экономія противъ покровительственной системы. Очень ясно, что теорія свободной торговли не есть, какъ увѣряють ея послѣдователи, теорія всеобщая, годная повсюду и во всѣ времена, теорія, безъ которой нѣтъ спасенія; напротивъ, она терлетъ свою безусловность и становится истинною относительною, или, точнѣе, системой полезной въ одномъ случаѣ и вредной въ другомъ, но уже рѣшительно гибельной, если ее захотятъ примѣнить ко всѣмъ вообще государствамъ, не принимая въ соображеніе того, ушли ли эти государства впередъ отъ другихъ.

Теперь вопросъ состоитъ только въ томъ, существуютъ ли еще и до сихъ поръ тѣ причины, которыя дали поводъ къ учрежденію таможенныхъ линій, и могутъ ли быть уничтожены эти линіи безъ неудобствъ и неблагопріятныхъ послѣдствій для того или другаго государства? Вопросъ этотъ, подведенный подъ такое значеніе, очень простъ, и для разрѣшенія его стоить только бросить взглядъ на торговлю всѣхъ странъ нашего міра. Кто осмѣлится утверждать, что неравенство между народами на пути промышленности уже исчезло, что всѣ они двинулись впередъ рука объ руку, и что таможенные пошлины, защиты и покровительства, которыхъ нѣкогда искали они, сдѣлались теперь для всѣхъ равно бесполезны? Еслибы партія защитниковъ свободной торговли одержала верхъ, мы бы опять увидѣли повтореніе того, чтѣ было уже прежде. Конкуренція, поддерживаемая теперь защитой таможенъ, уничтожилась бы немедленно; и монополія, точно такъ же, какъ въ среднихъ вѣкахъ, опять перешла бы въ руки народовъ, которые и по преимуществу своего богатства, и по преимуществу своихъ успѣховъ въ промышленности, и по преимуществу пространства своихъ владѣній могли бы захватить всѣ рынки, и такимъ образомъ свободная торговля повела бы еще разъ къ всеобщему коммерческому пораженію.

Но скажутъ намъ: Англія приняла уже систему свободной торговли, она сдѣлала этотъ переворотъ смѣло и рѣшительно, и дѣла ея идутъ не хуже. Г. Гуро прекрасно объяснилъ всю необходимость, которая заставила нашихъ сосѣдей измѣнить свою коммерческую политику. Англія, прибѣгавшая въ продолженіе пяти вѣковъ къ покровительственной системѣ, постоянно помо-

гавшей усовершенствованію ея промышленныхъ произведеній, должна была наконецъ отмѣнить ее по встрѣтившимся затрудненіямъ внутри государства: она пожертвовала своимъ земледѣіемъ въ пользу своихъ мануфактуристовъ, она поставила себя въ то самое положеніе, въ какомъ была древняя Италія во времена паденія своей республики: «*externae opis indiget*», какъ говорилъ Тацитъ, и теперь она должна покупать у иностранцевъ третью часть того количества хлѣба, которое нужно для продовольствія ея жителей. Благоразумно ли поступила она, это докажутъ послѣдствія; но нужно ли доказывать, что, еслибы другіе народы поступили такъ же смѣло, какъ Англія, и изъ одного только подражанія ей приняли повсемѣстно систему свободной торговли, тогда непременно торговая монополія перешла бы въ руки тѣхъ же Англичанъ. Слѣдовательно этотъ примѣръ ничего еще не доказываетъ, и народъ, который ему послѣдуетъ, обречетъ самъ себя лишеніямъ, вступить въ подданство новаго рода.

Такимъ образомъ г. Гуро, въ краткомъ очеркѣ, но очень основательно доказалъ, что уроки, данныя намъ исторіей, никогда не могутъ потерять своего авторитета; что система, принятая Кромвелемъ и Кольбертомъ, Петромъ Великимъ и Фридрихомъ II, Вашингтономъ и Наполеономъ, не была системой правителей неискусныхъ и неопытныхъ; и что, наконецъ, система эта, послуживъ основаніемъ богатства и независимости народовъ, и теперь еще не менѣе поддерживаетъ ихъ благосостояніе, ихъ развитіе, ихъ силу.»

Намъ съ своей стороны кажется, что здѣсь сущность спора состоитъ вовсе не въ самыхъ системахъ, а только въ крайностяхъ той и другой, и что слѣдственно въ этомъ отношеніи обѣ стороны правы.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ,

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

(ВОСПОМИНАНИЕ *).

Кто такой былъ Кулибинъ и когда жилъ онъ, вѣроятно, знаютъ не всѣ изъ нашихъ читателей,—и не мудрено: у насъ вѣдь нѣтъ ни *Penny Magasin*, ни *Conversations Lexicon*, ничего подобнаго. А между тѣмъ Кулибинъ очень заслуживаетъ быть извѣстнымъ. Родись онъ въ настоящее время, получи образованіе—и изъ него могъ бы выйти великій ученый, а теперь ему осталось только служить доказательствомъ, какъ всегда была плодотворна русская почва на людей даровитыхъ. Не получивъ никакого образованія, не будучи ничему учень, кромѣ граматы, онъ, съ помощію однихъ нашихъ счетовъ, успѣшно дѣлалъ самыя сложныя вычисленія для своихъ механическихъ и оптическихъ работъ. Онъ былъ и механикъ, и физикъ, и оптикъ, и музыкантъ, и, если не поэтъ, то хоть стихотворецъ,—и всѣмъ этимъ былъ онъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія!

Давно уже обѣщаль я редакціи Москвитянина написать статью объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Исполненіе моего обѣщанія

(*) Въ последнее время я приобрѣлъ множество нандрагоцвѣтнѣйшихъ матеріаловъ о Кулибинѣ, которые въ свое время и выдамъ, а теперь сообщаю нѣкоторые изъ нихъ и извѣстіе, написанное по моей просьбѣ сыномъ друга Кулибина. М. П.

замедлилось главнѣе всего тѣмъ, что мнѣ хотѣлось собрать какъ можно болѣе для этого матеріаловъ,—хотѣлось составить не легкую журнальную статейку, а по возможности полную біографію. Къ сожалѣнію, старанія мои о полученіи подробнѣйшихъ извѣстій о жизни Кулибина остались тщетными, и я долженъ ограничиться одними воспоминаніями, сохранившимися у меня въ памяти изъ разсказовъ моего покойнаго отца, который въ теченіе почти двадцати лѣтъ былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ Кулибина.

Это маленькое предисловіе я почелъ нужнымъ написать для предотвращенія упрековъ въ неполнотѣ моей статьи, или, лучше сказать,—для вызова этихъ упрековъ со стороны тѣхъ, кто знаетъ что-нибудь опущенное мною изъ жизни Кулибина: оттого что всякій, указавъ на мои невольные пропуски, подастъ поводъ редакціи Москвитянина, такъ заботливо собирающей и передающей публикѣ извѣстія о достопамятныхъ русскихъ людяхъ, пополнить мой очеркъ, и тѣмъ совершенно возстановить передъ читателемъ образъ замѣчательнаго соотечественника.

И такъ, не ручаясь за полноту своихъ извѣстій, но твердо ручаясь за ихъ правдивость, приступаю къ разсказу.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ родился не позднѣе 1734 года,—но гдѣ, въ Нижнемъ ли Новѣгородѣ, или въ лежащемъ противу Нижняго за Волгою селѣ Бору,—достоверно мнѣ неизвѣстно; также неизвѣстно мнѣ, кто былъ его отецъ, нижегородскій ли мѣщанинъ или вольно-пахатный крестьянинъ. Знаю только, что въ самыхъ первыхъ лѣтахъ своего дѣтства Кулибинъ жилъ съ родителями въ Нижнемъ, гдѣ и былъ отданъ въ мучную лавку для приобученія къ торговлѣ. Такъ распорядились имъ люди; но не то суждено ему было отъ Бога.

Рано начали развѣртываться необыкновенныя способности ребенка Первый къ этому случай подало обстоятельство самое простое. — Домъ, гдѣ жилъ тогда съ своими родителями

будущій механикъ, лежалъ, помнится, въ Успенскомъ оврагѣ (*); въ саду, бывшемъ при домѣ, протекалъ ручей, — и вотъ этотъ-то ручей послужилъ живой водою дремавшему еще генію! Играя здѣсь въ свободное время, Кулибинъ вздумалъ дѣлать запруды и плотины; отъ этого онъ перешелъ къ мысли поставить на ручѣ мельнку, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ ему наконецъ удалось это исполнить. Меленка-игрушка во всемъ походила на настоящую мельницу, какъ ихъ тогда строили; она была о двухъ поставахъ и съ жерновами, которые строитель самъ же сдѣлалъ изъ мягкихъ камней, найденныхъ имъ въ горѣ своего сада. Кулибину въ эту пору было около двѣнадцати лѣтъ; но и въ преклонной старости онъ еще живо изображалъ ту радость, которую чувствовалъ отъ успѣха своей затѣи (**). Но не долго позволила судьба любоваться ему и его родственникамъ дѣйствіемъ хитрой игрушки: настала зима, и въ слѣдъ за нею весенній разливъ ручья снесъ плотину и испортилъ всю постройку.... Кулибина крайне огорчило это, но не усыпило въ немъ пробудившейся дѣятельности, — и онъ пошелъ далѣе. — Въ домѣ у нихъ были стѣнные часы, въ которыхъ всѣ колеса и шестерни были деревянные. Эти часы отчего-то остановились, и Кулибинъ, исправивъ ихъ, снова пустилъ въ ходъ. Эта удача навела его на мысль самому сдѣлать такіе же часы, и вотъ онъ съ помощію одного ножа приступилъ къ исполненію своего замысла. Легко представить себѣ, сколько труда и времени стоило ребенку вырѣзать ножомъ зубцы на колесахъ и шестерняхъ! Можетъ статься, что, по счастливомъ окончаніи тридцати—сорока зубовъ, тридцать или сорокъ первый ломался, и цѣлое колесо издобо было начинать снова! Впрочемъ, какъ бы то и что бы то ни было, долго ли, коротко ли продолжалась

(*) Такъ называется въ Нижнемъ Новѣгородѣ спускъ, идущій съ Ильинки, между перками Успенія Богоматери и препод. Сергія, на Нижнюю улицу, гдѣ и оканчивается противъ церкви Космы и Даміана.

(**) Замѣчательно, что геній русскаго механика впервые высказалъ себя почти въ то же время, когда въ одномъ нѣмецкомъ городѣ другой русскій геній узнавалъ формы русскаго стихосложенія. Читатель, конечно, догадывается, что я говорю о Ломоносовѣ.

эта работа, но она была кончена,—а успѣхъ не соответствовалъ ожиданію: часы не могли идти! Причиною вѣроятно было то, что, при ручной работѣ, Кулибинъ не могъ сохранить надлежащей круглоты колесъ, да и самые зубцы едва ли могли выйти равномерны.

Новый часовой мастеръ былъ чрезвычайно опечаленъ своею неудачею; но въ эту пору кто-то изъ родныхъ подарилъ ему карманные часы, которые сдѣланы для него и утѣшеніемъ и предметомъ изученій. Онъ разбиралъ ихъ, собиралъ, внимательно всматривался въ устройство механизма, и мало по малу такъ хорошо ознакомился съ этимъ дѣломъ, что сталъ брать у знакомыхъ и чинить ихъ испортившіеся часы. Въ Нижнемъ въ тѣ поры другаго часовщика не было, а оттого всякій былъ радъ воспользоваться услугами Кулибина и избавиться отъ хлопотъ посылать часы свои для починки въ Москву. Нельзя полагать, чтобы практика и, слѣдовательно, доходы Кулибина были значительны; но все-таки они дали ему возможность оставить мучную лавку и исключительно посвятить себя любимымъ занятіямъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Кулибинъ работалъ усердно; но по природѣ ума своего не могъ удовлетвориться настоящимъ положеніемъ; страдательный, ремесленный трудъ, которымъ ограничивалась всякая поправка испортившейся часовой машины, былъ для него недостаточенъ; ему было нужно дѣятельности высшей, ему хотѣлось изобрѣтать, творить что-нибудь новое, хоть бы на первый разъ въ области того же самаго часового мастерства. День и ночь занимали его эти думы; онъ строилъ въ головѣ своей различные планы, и наконецъ остановился на одномъ изъ нихъ.

Онъ придумалъ устроить часы и придать имъ не обыкновенную форму, а форму яйца. Механизмъ этихъ часовъ былъ чрезвычайно многосложенъ: они заводились на недѣлю, были съ боемъ, музыкою, и сверхъ того каждыя сутки, за пять минутъ до полуночи, въ футлярѣ ихъ сами собою отворялись дверцы и внутри его представлялся гробъ Спасителя и стоящая около него стража. Съ первымъ ударомъ двѣнадцати часовъ являлся Ангелъ, стража падала, и Христосъ возставалъ изъ гроба.

Послѣ боя, часы играли на колокольчикахъ «Христосъ воскресъ» и кантату въ честь Императрицы Екатерины II. Потомъ двери затворились и видѣніе исчезало до новой полуночи (*).

Кулибинъ работалъ надъ этими часами болѣе трехъ лѣтъ. Многое изъ задуманнаго надобно было во время работы измѣнять, передѣлывать, — однимъ словомъ — безпрестанно совершенствовать первоначальный планъ на самомъ приведеніи его въ исполненіе. Можетъ быть, Кулибинъ при ограниченности своихъ денежныхъ средствъ много и много долѣе долженъ бы былъ трудиться надъ своею выдумкою; но Богъ послалъ ему Мецената въ лицѣ зажиточнаго торговца Костромина, который, узнавши о его планѣ и затрудненіяхъ, препятствовавшихъ осуществитъ его; великодушно предложилъ изобрѣтателю свой домъ и столъ на все время работы и принялъ на себя всѣ нужныя на нее издержки. Такимъ образомъ Кулибинъ, переселясь къ своему благодѣтелю въ Подновье (село, лежащее за подгородною Печерскою слободою) и не имѣя надобности работать для добыванія пропитанія, получилъ возможность всего себя посвятить совершенію замышленнаго дѣла. Онъ трудился съ такимъ рвеніемъ, что часто, какъ въ послѣдствіи онъ самъ разсказывалъ; пробуждался ночью, какъ бы мучимый своею постоянною думою, и что въ эти минуты ему нерѣдко приходили новыя мысли объ усовершенствованіи своего произведенія. Думаю, что здѣсь же будетъ кстати упомянуть и о томъ, что во время пребыванія въ Подновѣ Кулибину разъ приснился необыкновенный и, судя по послѣдствіямъ, пророчесвенный сонъ. Ему видѣлось; что кто-то нападалъ на него, а *орды* его защищали отъ этого нападенія. Въ самомъ дѣлѣ онъ позднѣе нашелъ ревностныхъ покровителей и защитниковъ отъ нападокъ зависти въ графахъ *Орловыхъ*.

Диковинные часы, о которыхъ я сей-часъ говорилъ, наполо-

(*) Здѣсь я долженъ напомнить читателю, что, пиша по однимъ воспоминаніямъ, я не могъ со всею точностію описать этихъ часовъ, — въ чемъ заранее и прошу извиненія:

вину были конченъ, и къ особенному счастью ихъ мастера въ то время Нижній посѣтила Императрица Екатерина II. Кулибинъ былъ ей представленъ и поднесъ свое еще не конченное твореніе. Государыня милостиво его разспрашивала о подробностяхъ плана, и въ заключеніе повелѣла, когда часы будутъ готовы, явиться съ ними къ себѣ въ Петербургъ. Радость Кулибина была неописанна. Онъ съ удвоенною ревностію принялся за работу, и чрезъ годъ или полтора, совершивъ ее, отправился въ столицу. Государыня, также какъ и въ первый разъ, милостиво приняла Кулибина и его произведеніе, которое по ея повелѣнію и было помѣщено въ эрмитажъ, гдѣ долго служило предметомъ общаго любопытства. Въ заключеніе объ этихъ часахъ скажу, что они вышли величиною съ небольшое гусиное яйцо, и что всѣ части ихъ, кромѣ золотого яйца—футляра, были сдѣланы самимъ изобрѣтателемъ; даже музыку тропаря «Христосъ воскресъ» и кантаты онъ, будучи хорошимъ гуслистомъ, самъ положилъ на валикъ и подстроилъ выполнявшіе ее колокольчики. Кантата была также собственное сочиненіе Кулибина, и, сколько я упомяну, стихи ея, сравнительно съ современными имъ стихами, нельзя назвать плохими. Жалѣю, что не могу приложить здѣсь эту кантату; она была у меня; но вѣроятно во время многократныхъ моихъ переездовъ какъ-нибудь затерялась, — такъ-что теперь я никакъ не могъ отыскать ее въ своихъ бумагахъ.

Не помню, былъ ли отъ Государыни награжденъ чѣмъ-нибудь Кулибинъ за поднесенные имъ часы. Но съ этихъ поръ онъ остался въ Петербургѣ въ званіи придворнаго часового мастера и жилъ тамъ до воцаренія Императора Александра I.

Въ Петербургѣ кругъ умственной дѣятельности Кулибина еще болѣе разширился. Кромѣ любимой своей механики, онъ сталъ заниматься еще оптикою, и такъ успѣшно, что былъ въ состояніи устроить телескопъ. Въ какой именно степени приближалъ этотъ телескопъ наблюдаемые въ него предметы, и гдѣ онъ теперь находится, мнѣ неизвѣстно. Потомъ Кулибинъ (кажется, по задачѣ, предложенной англійскимъ королевскимъ обществомъ наукъ) составилъ и посвятилъ Императору Павлу I-му

планъ моста черезъ Неву, который бы держался одними концами, образуя собою арку, длиною въ основаніи *сто сорокъ* сажень.

Модель этого моста, въ десять разъ меньшая настоящей постройки, была освидѣтельствована и совершенно одобрена нашею академіею Наукъ.

Нельзя умолчать, что честь этого изобрѣтенія едва не была отнята у Кулибина своекорыстною завистію. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Когда Кулибинъ занимался составленіемъ чертежей и приготовленіемъ модели моста, къ нему пришелъ одинъ изъ его *пріятелей*, какой-то академикъ — и, увидѣвъ чертежи и части модели, спросилъ, что это такое. Кулибинъ простодушно и довѣрчиво разсказалъ ему о своемъ предпріятіи. Пріятель не удовлетворился легкимъ очеркомъ, а, какъ бы внушаемый соучастіемъ, принялся разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ плана. Кулибинъ, ничего не подозрѣвая, показалъ всѣ чертежи и далъ на нихъ подробнѣйшія изустныя объясненія. Пріятель выслушалъ его внимательно и ушелъ. Проходитъ нѣсколько времени, какъ вдругъ Кулибинъ узнаетъ, что господинъ такой-то, — это былъ соучастливый пріятель-вопросникъ, — представилъ академіи планъ и модель моста, подобнаго Кулибинскому, и просилъ освидѣтельствовать *свое* изобрѣтеніе. Былъ назначенъ день испытанія; явились академики, пришелъ и Кулибинъ. Смотрятъ, разсматриваютъ — мостъ хоть куда! Осталось сдѣлать послѣдній опытъ, предложенный въ условіяхъ задачи, то-есть, наложить на середину арки моста 5,000 пудовъ тяжести, и если онъ нисколько не уступитъ давленію, одобрить его и подписать протоколъ испытанія. Стали накладывать желѣзо наложили; мостъ стоитъ неколебимо. Творецъ его въ восторгѣ; экзаменаторы осыпаютъ изобрѣтателя поздравленіями съ успѣхомъ.... Между тѣмъ Кулибинъ, коротко знакомый со всѣми подробностями своего пародированнаго здѣсь созданія, зоркимъ взглядомъ прослѣдилъ всю модель и открылъ въ ней гдѣ-то незамѣтно устроенную подпору, которая не могла имѣть мѣста при постройкѣ настоящаго моста. Послѣ этого, когда одинъ изъ

испытателей спросил Кулибина: «Каковъ мостъ-отъ?» — «Хотрошъ,» отвѣчалъ Кулибинъ; «но совершенно одобрить его можно только въ такомъ случаѣ, когда онъ — если отнять вотъ эту подпорку — не погнется и не упадетъ». Въ слѣдъ за этимъ, разумѣется, Кулибинъ объяснилъ, что сказанная подпорка несовмѣстна съ условіями задачи. Ее отняли — и мостъ въ ту жъ минуту рухнулъ. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Вскорѣ представилъ Кулибинъ и свою модель, которая послѣ самаго тщательнаго осмотра была, какъ сказано выше, одобрена академіею. Чертежи и подробное къ нимъ описаніе были напечатаны въ Петербургѣ. Тогда же была издана большая гравюра, представлявшая весь мостъ, какъ онъ долженъ бы стоять черезъ Неву (*).

Въ царствованіе Императора Павла I, Кулибину удалось однажды вовсе случайно выказать свой талантъ и необычайную быстроту соображенія въ дѣлѣ механики. Къ этому служилъ поводомъ спускъ на воду трехъ отстроенныхъ тогда военныхъ кораблей: *Святой Анны*, *Архангела Гавріила* и *Новой Благодати*. О сколькихъ пушкахъ были первые — я не помню, а послѣдній, кажется, ста-десяти-пушечный. Всѣ приготовленія къ спуску были сдѣланы; уже ожидали Государя. Кулибинъ, изъ любопытства пришедшій въ числѣ другихъ зрителей по-смотреть на спускъ кораблей, разумѣется, не могъ оставаться простымъ страдательнымъ зѣвакой. Вникая во все, онъ замѣтилъ какой-то недостатокъ въ механическихъ приготовленіяхъ, и скромно указалъ на него кому слѣдуетъ. На это замѣчаніе указки, какъ водится, отвѣчали, чтобы онъ не въ свое дѣло не мѣшался. Кулибинъ замолчалъ и вмѣстѣ съ другими сталъ ожидать, чѣмъ все кончится. Между тѣмъ прибылъ Государь; подали знакъ приступить къ дѣлу. Первые два корабля сошли успѣшно; но послѣдній, гораздо большій ихъ, остановился на полу-

(*) Эта самая гравюра, вмѣстѣ съ телескопомъ и часами въ яйцѣ, изображена на портретѣ Кулибина, внесенномъ мною въ отечественное древо-хранящее М. П. Погодина.

пути, какъ предсказалъ Кулибинъ, и не трогался болѣе съ мѣста. Разгнѣванный Императоръ уѣхалъ. Скромный русскій механикъ, отправился къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ, гдѣ и нашелъ его гонецъ съ настоятельною просьбою отъ тѣхъ же самыхъ людей, которые за часъ тому назадъ такъ спѣсиво пренебрегли его совѣтомъ, — не лѣзя ли чѣмъ, какъ можно скорѣе, пособить горю, и тѣмъ утишить гнѣвъ Государя. Незлопамятный Кулибинъ снова пришелъ въ гавань и указалъ на тѣ поправки, которыя нужно было сдѣлать. Работа подъ его распоряженіемъ закипѣла, — и корабль часа черезъ два благополучно спустился на воду (*).

Сверхъ описанныхъ мною изобрѣтеній, Кулибинъ сдѣлалъ электрическую машину, зеркальный фонарь, который съ помощію одной свѣчки давалъ такъ много свѣта, что въ самую темную ночь, въ десяти шагахъ отъ этого фонаря, можно было читать мелкую скоропись, — и наконецъ устроилъ коляску-самокатъ. Послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни онъ исключительно посвятилъ на разрѣшеніе задачи о *perpetuum mobile*, и ничто, никакія неудачи, не могли отвратить его отъ задуманнаго плана. Онъ даже не любилъ слушать, когда кто-нибудь совѣтовалъ ему оставить его. По этому поводу и отецъ мой, всегда впрочемъ пользовавшійся его пріязнію и искреннимъ расположеніемъ, не рѣдко навлекая на себя его неудовольствіе. Кулибинъ такъ былъ увѣренъ въ возможности осуществить свой планъ, что не задолго до смерти съ упрекомъ сказалъ моему отцу: «жаль, что моя машина останется не конченною; а если бы ты помогъ мнѣ, — такъ мы бы съ тобой оба прославились!»

Переходя отъ умственной жизни Кулибина къ общественной, упомяну, что онъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины, пользовался особеннымъ покровительствомъ графовъ Орловыхъ и всемогущественнаго тогда князя Потемкина. Его всегда благоклонно принимали въ домахъ этихъ вельможъ. Однажды который-то изъ Орловыхъ, во время ласковой бесѣды съ Кулиби-

(*) Этотъ корабль также изображенъ на портретѣ, подъ аркою моста

нымъ , совѣтовалъ ему обрить бороду , обѣщая , что это много подвинетъ его впередъ по лѣстницѣ гражданскихъ почестей. Кулибинъ почтительно отказался , и впослѣдствіи , бывши у Потемкина , разсказалъ ему о предложеніи Орлова. Свѣтлѣйшій сказалъ на это , улыбаясь : « полно , братъ ! у насъ и такъ довольно нѣмцевъ : оставайся хоть ты одинъ русскимъ . А коли тебѣ хочется отличій , такъ мы отличимъ тебя ; я буду ходатайствовать у Государыни » . — И дѣйствительно Кулибинъ по ходатайству князя получилъ для ношенія на шеѣ большую (въ 34 золотника) золотую медаль на лентѣ ордена Св. Андрея Первозванного . На лицевой сторонѣ медали было изображеніе Государыни-Императрицы , а на оборотной (помнится) Минерва съ лавровою вѣтвію въ рукѣ . Здѣсь же была надпись : « достойному » . Надобно замѣтить , что въ то время подобное отличіе было величайшею рѣдкостію : кромѣ Кулибина въ цѣлой Россіи еще только одинъ Злобинъ , извѣстный тогдашній откупщикъ и поставщикъ разныхъ предметовъ въ казну , имѣлъ золотую медаль на Андреевской лентѣ . Безсмертный Суворовъ также зналъ Кулибина . Разъ гдѣ-то — во дворцѣ или у Потемкина — хорошенько не помню , — Суворовъ , встрѣтивши его , сказалъ : « Ты , Иванъ Петровичъ , скоро сдѣлаешь намъ коверъ-самолетъ ! » — « Вашему сіятельству » , отвѣчалъ Кулибинъ , « такой коверъ не нуженъ : вы и безъ него всегда летаете къ побѣдамъ » . — Суворовъ ласково потрепалъ Кулибина по плечу , примолва : « Помилуй Богъ — молодецъ ! »

Передавая эти анекдоты о *бородѣ* и *коверъ-самолетѣ* , замѣчу , что передаю ихъ слово въ слово , какъ они съ самаго моего дѣтства сохранились у меня въ памяти изъ разсказовъ моего отца , который неоднократно слышалъ ихъ отъ Кулибина .

Въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I , Кулибинъ оставилъ службу при дворѣ , и , будучи награжденъ отъ Государя пенсіею въ три тысячи рублей ассигнаціями , отправился на житье въ свой родимый Нижній Новгородъ .

Земляки его , наслышавшись о его чудесныхъ изобрѣтеніяхъ , о его самосвѣтномъ фонарѣ , о его коляскѣ-самокаткѣ и пр. , въ простотѣ ,

если не сердце, то головъ своихъ, приняли его ни болѣе, ни менѣе, какъ за кодуна.... Конечно, были изъ этого немногія исключенія: но мнѣніе большинства именно стояло на этомъ убѣжденіи. Какъ сильно и постоянно было это убѣжденіе, можно видѣть изъ слѣдующаго. Кулибинъ, по пріѣздѣ въ Нижний, жилъ гдѣ-то на квартирѣ; потомъ купилъ мѣсто близъ церкви Успенія Божіей Матери, откуда великолѣпный видъ на Волгу и заволжскія окрестности Нижняго, и сталъ строить здѣсь домъ.—Постройка, по стѣсненности денежныхъ обстоятельствъ хозяина, шла медленно; домъ, конченный лишь вчернѣ, довольно долго стоялъ пустымъ. Это послужило канвою къ самымъ затѣйливымъ и нелѣпымъ розказнямъ. Нашлись люди, которые утверждали, что сами лично, проходя по ночамъ мимо нежилаго дома, слышали, какъ въ немъ раздавались разные нечеловѣческіе голоса, топотъ, шумъ, гамъ.... Домъ этотъ, не успѣвъ достроиться, сгорѣлъ отъ случившагося близъ него пожара: и тутъ нашлись другіе люди, которые твердо стояли на томъ, что они собственными глазами видѣли, какими дивными, разноцвѣтными огнями горѣлъ чародѣйственный домъ....

Послѣ пожара, отъ котораго сгорѣла и квартира Кулибина, онъ жилъ нѣсколько времени у моего отца; потомъ, не имѣя возможности возобновить постройку, купилъ себѣ самый скромный и уже ветхій домикъ на Ильинкѣ, близъ Вознесенскаго оврага, и въ этомъ домикѣ тихо провелъ остатокъ своей жизни, постоянно трудясь надъ своимъ любимымъ *perpetuum mobile*.

Въ теченіе своей почти вѣковой жизни, Кулибинъ былъ женатъ три раза (*), и отъ cadaго брака имѣлъ дѣтей—сыновей: Симеона, Димитрія, Александра и Петра Ивановичей, и дочерей: Пелагею, Елисавету, Марью, Александру, Елисавету, Евдокію и Капитолину Ивановнъ. Старшій сынъ, Симеонъ

(*) Не знаю ни происхожденія, ни даже имени первыхъ двухъ супруговъ Кулибина; и о послѣдней могу сказать только то, что ее звали Марьею Ивановною, и что она скончалась въ 1893 году.

Ивановичъ, служилъ въ Петербургѣ и умеръ не слишкомъ давно, будучи въ чинѣ статскаго совѣтника; Димитрій Ивановичъ, посвятившій себя искусству, былъ граверомъ и умеръ въ молодости еще при жизни отца; Александръ и Петръ Ивановичи воспитывались въ корпусѣ горныхъ инженеровъ, и поступили на службу въ Сибирь. Елисавета Ивановна (старшая изъ двухъ сестеръ одного имени) была въ замужствѣ за статскимъ совѣтникомъ Андреемъ Ивановичемъ Поповымъ; Марья Ивановна—за учителемъ Нижегородской гимназій (кажется по классу Математики) Александромъ Васильевичемъ Соколовскимъ; Пелагея и Александра Ивановны, много лѣтъ спустя послѣ смерти отца, умерли въ дѣвицахъ; дочери же отъ послѣдняго брака—Елисавета и Евдокія Ивановны, оставшіяся послѣ отца въ малолѣтствѣ, впоследствии вышли за мужъ, но за кого именно—не знаю. Последняя, Капитолина Ивановна, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и по окончаніи воспитанія была взята старшею своею сестрою Елисаветою Ивановною Поповою. Дальнѣйшая судьба ея, равно какъ братьевъ ея и сестеръ, мнѣ не извѣстна.—Вотъ и все, что удержалось въ моемъ воспоминаніи о произведеніяхъ, жизни и семействѣ Кулибина. Теперь скажу нѣсколько словъ о его особѣ, и сначала въ физическомъ отношеніи.

Кулибинъ былъ небольшого роста и довольно худощавъ; лице его, отънесенное бѣлоснѣжною бородою, и въ преклонной старости было чрезвычайно благолѣпно; голосъ у него былъ тихій, рѣчь кроткая, но внушительная, походка медленная и величавая. Къ его наружности чрезвычайно какъ шла и его одежда: фіолетовое бархатное полукафтанье, черныя бархатныя же шаровары, опущенныя въ сапоги, и сверху нѣчто въ родѣ чуйки или нынѣшняго пальто-сакъ. Зимняя верхняя одежда его была опушена бобромъ: такъ представленъ онъ и на портретѣ, писанномъ, по заказу моего отца, живописцемъ Веденецкимъ.

Въ отношеніи нравственномъ—онъ былъ чрезвычайно набоженъ, человеколюбивъ и смиренъ сердцемъ; а оттого, не

смотря на твердость и стойкость характера, въ высшей степени обходителенъ и любезенъ со всѣми безъ различія званія и возраста. Жизнь онъ всегда велъ самую трезвую и умѣренную. Дѣятельность, его превосходитъ всякое описаніе: онъ едва давалъ себѣ отдыха на нѣсколько часовъ въ сутки. По религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ старообрядчеству, и хотя ходилъ къ службамъ въ наши церкви, но исповѣдывался и приобщался въ церкви единовѣрческой.

Смерть Кулибина послѣдовала скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни. Въ началѣ 1818 года силы его начали слабѣть и угасать постепенно. Послѣ праздника Пасхи онъ слегъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался на *восемьдесятъ пятомъ* году своей жизни, завѣщавши погребсти себя какъ можно проще и положить съ собою въ гробъ рукописный его молитвенникъ.

Похоронами распоряжался мой отецъ, и по его предложенію тогдашній директоръ нижегородской губернской гимназіи Петръ Васильевичъ Алферьевъ охотно согласился почтить память усопшаго, и со всѣмъ ученымъ штатомъ гимназіи сопровождалъ тѣло его отъ дому до церкви и оттуда на кладбище. Одинъ изъ учителей несъ передъ гробомъ медаль покойника. Отиѣваніе тѣла совершено въ единовѣрческой церкви Св. Духа и предано землѣ на Петропавловскомъ или Всѣсватскомъ кладбищѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ западу отъ паперти.

Недавно скончавшійся въ Петербургѣ нижегородскій архіепископъ Іаковъ поставилъ (какъ я слышалъ отъ одного нижегородца) на могилѣ Кулибина скромный памятникъ. И такъ теперь любопытный странникъ легко можетъ отыскать могилу и поклониться праху одного изъ достопамятныхъ русскихъ людей.

Въ заключеніе долгомъ считаю сказать, что о жизни Кулибина, вскорѣ послѣ его смерти, вышло сочиненіе П. П. Свинына. Это сочиненіе было написано тоже отчасти съ рассказовъ моего отца, съ которымъ г. Свинынъ, проѣзжая черезъ Нижний, нарочно для этого познакомился. Въ дѣтствѣ я читалъ

эту книгу, и помню, что отецъ мой не вполне былъ ею доволенъ по причинѣ нѣкоторыхъ авторскихъ украшеній. Нынче я искалъ въ Москвѣ этой книги (когда и куда дѣвался нашъ экземпляръ—не знаю), но напрасно: какъ видится, она сдѣлалась библиографическою рѣдкостію,—а поэтому я и имѣю нѣкоторое право думать, что статья моя, и послѣ книги г. Свиньина, не будетъ сочтена излишнею.

II. ПЯТЕРИКОВЪ.

РЕЭСТРЪ ЧЕРНЕВОЙ

СОВСТВЕННЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ МЕХАНИКА Кулибина и другихъ произведенныхъ имъ по части МЕХАНИКИ, ОПТИКИ и ФИЗИКИ ДѢЛЪ,
О КОИХЪ СЛѢДУЕТЪ НИЖЕ СЕГО.

- 1) Будучи въ Нижнемъ Новогородѣ, изобрѣтены и сдѣланы мною часы, имѣющія фигуру ейца, съ дѣйствіемъ въ прообразованіи Воскресенія Христова; Григоріанскій телескопъ, микроскопъ и электрическая машина, съ коими имѣлъ я неоднократно счастіе быть всеподданнѣйше представленъ блаженнымъ и вѣчной славы достойной памяти Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о чемъ опубликовано было при Санкт-Петербургскихъ вѣдомостяхъ особливимъ прибавленіемъ 1769 года, подъ номеромъ 34; которыя вещи хранятся въ Императорской кунсткамерѣ.

Съ начала 1770 года, по вступленіи моемъ въ службу при Академіи Наукъ:

- 2) По высочайшему Ея Императорскаго Величества повеленію изобретена и сдѣлана изъ одной дуги модель Невскаго моста, опробованная и одобренная Академіею Наукъ, о чемъ опубликовано въ вѣдомостяхъ 1777 года, подъ N 12-мъ.

- 3) Во время бывшаго при Академіи Наукъ публичнаго собранія и пятидесятилѣтняго отъ заведенія Академіи празднества, надъ картиною и люминаціею изобретено и представлено было въ воздухѣ солнце дѣйствіемъ огня чрезъ стекло съ движимою фигурою, представляющею на облакахъ Аполлона.
- 4) Изобрелъ и здѣлалъ изъ частицъ зеркальныхъ стеколъ вогнутое зеркало, употребляемое въ фонарѣ, съ коимъ представленъ былъ Ея Императорскому Величеству въ Эрмитажѣ, о чемъ опубликовано было въ вѣдомостяхъ 1779 года, подъ № 15.
- 5) Изобретены для водоходства машинные суда, которыхъ опытъ по Высочайшему Ея Величества повеленію въ прошломъ 1782 году, здѣсь на Невѣ рекѣ покойнымъ Генераль-Прокуроромъ Княземъ Вяземскимъ и всею Адмиралтейскою Коллегіею опробованъ и одобренъ.
- 6) По Высочайшему Ея Величества повеленію, изобретены и здѣланы приборы отпирать, отворять, запирать, затворять съ полу верхнія въ Царскосельскомъ дворцѣ въ окнахъ летнія переплеты.
- 7) Здѣлана и представлена Ея Величеству для Ихъ Императорскихъ Высочествъ машина, представляющая гору со стеклянными каскадами воображаемой воды.
- 8) Вторая машина, представляющая на столѣ ветреную мельницу, которая представлена Ея Величеству для увеселенія Ихъ же Высочествъ.
- 9) Сыскано средство осветить темноту днемъ чрезъ постановленные зеркала въ исподнемъ темномъ калидорѣ Царскосельскаго дворца.
- 10) Здѣланъ отменной величины электрофоръ и представленъ былъ Ея Величеству въ Царскосельскомъ дворцѣ, а нынѣ имѣется въ физическомъ кабинетѣ при Академіи Наукъ.
- 11) Починкою исправилъ машину, называемую система свѣта или планеттаріумъ, по небеснымъ стекляннымъ глобусомъ, находящійся въ Императорской кунсткамерѣ, къ чему другіе неприступили.

- 12) Между тѣмъ здѣлано и исправлено мною при Академіи Наукъ и присылаемыхъ изъ Императорскихъ дворцовъ разныхъ оптическихъ инструментовъ, какъ-то Григоріанскихъ и ахроматическихъ телескоповъ, каковыхъ находящіяся при Академіи мастера не исправляли, астрономическихъ часовъ и другихъ званій физическихъ и прочихъ машинъ, не малое количество.

Сверхъ означенныхъ сысканы мною же слѣдующія полезныя изобретенія, кои имѣются у меня на чертежахъ и опытахъ.

- 13) Желѣзной изъ трехъ сводовъ, служащей для Невы и Москвы рѣкъ, мостъ, подъ которыми дугами ширины будетъ на Невѣ 42 сажени, утвердятся на двухъ окладенныхъ изъ дикихъ камней, постановленныхъ въ рѣкъ, и на двухъ въ берегахъ, фундаментахъ, по которому мосту проѣздъ съ берегу на берегъ будетъ горизонтальной, чему имѣются чертежи и описаніе.
- 14) Телескопъ съ металлическимъ зеркаломъ, которое точить и полировать по параболической линіи, сокращенной длины противъ обыкновенныхъ сферическихъ телескоповъ, чему есть чертежи и начатыя машины.
- 15) Зажигательное зеркало изъ частей діаметромъ въ 3 сажени; что имѣется на чертежахъ.
- 16) Металлической термометръ для показанія теплоты и стужи во атмосферѣ чрезъ приводъ въ комнатѣ въ цифръ-плате подобной часамъ, дѣйствующей съ раздѣленіемъ cadaго градуса на 60 частей стрелами; коему здѣланъ опытъ и чертежи.
- 17) Чертежи разныхъ мельницъ, коихъ дѣйствіе имѣетъ быть безъ плотинъ на большихъ быстрыхъ судоходныхъ рекахъ, какъ здѣсь на Невѣ и ей подобныхъ; на воде и подъ-водою.

Въ 1786 году объявлено мнѣ было блаженныя памяти Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны повеленіе, чтобы старался я болѣе въ новыхъ полезныхъ изобретеніяхъ, при чемъ общено было положить на опыты оныхъ ежегодную денежную сум-

му} въ чемъ усердствуя выполнять Высоко-Монаршую Ея Величества волю и ревнуя пріобретать пользу государству, но по неполученію на то обещанной суммы, изобретать и производить оныя опыты съ вольнонаемными мастеровыми людьми не малою частію на кредитъ разныхъ одолжителей слагающими трудами:

1.

- 18) Артилеріи Порутчику Непейцыну вмѣсто оторванной на Очаковскомъ штурме пушечнымъ ядромъ ноги выше колена здѣлана нога въ видѣ натуральной, изъ тонкаго металла, обложена пробочною коркою и кожею, на коей лишенный природныя ходить, садится и встаетъ, не касаясь до нее руками, ибо она сама въ колене и плосне сгибается и разгибается съ природною согласно.

2.

- 19) Выпереченныя машинныя суда противъ перваго опробованнаго здѣсь опыта доведены до невозможнейшей исправности, такъ что, ежели такія суда произведутся на рекѣ Волгѣ вмѣсто обыкновенныхъ судовъ, то могутъ оныя приносить казнѣ прибыли отъ одного собственнаго ея груза, по уменьшенію работныхъ людей, по примѣрной смѣтѣ около полу-милліона рублей каждое лѣто, оставшійся же народъ болѣе 30000 человекъ обратится можетъ на хлѣбопашество и другія для пользы государства работы, сверхъ того составятъ и во обществѣ частнымъ людямъ, по пропорціи ихъ грузовъ, пользу; каковымъ судамъ имѣются чертежи и къ произведенію ихъ въ дѣйство по моему предположенію планъ, для казны весьма выгодный, и описаніе.

3.

- 20) Изобретены и здѣланы на стеклянномъ заводе новыя машины, помощію коихъ перевозятъ со стеклянною матеріею отмѣнной величины горшки, оныя поднимаютъ на воротъ и изъ нихъ выливаютъ для зеркалъ стекла длиною въ $6\frac{1}{2}$, а шириною въ $3\frac{1}{2}$ аршина, легчайшимъ способомъ.

4.

- 21) Фонарь съ новоизобретенными 4 зеркалами, поставленный на столѣ, можетъ освѣтить вокругъ себя горизонтъ безъ-прерывнымъ свѣтомъ, способный для морскихъ маяковъ, одинакія же зеркала въ фонаряхъ и безъ фонарей полезны для художниковъ и мастеровыхъ, для дѣланія чертежей, писмопроизводства и читанія книгъ, для освещенія пути при каретахъ, дворовъ, подъѣздовъ, даже и улицъ; имѣется на чертежахъ и на практикѣ въ меньшемъ видѣ.

5.

- 22) Увеселительной въ покояхъ безъ пороку и дыму незгораемой фейерверкъ съ движимыми разнообразно колесными и фонтанными машинами, изъ коихъ воображаются зрѣнію сыплющіяся безчисленнаго количества искры и звѣзды, а слуху отъ разрыву какъ будто бы несколькихъ тысячъ ракетъ слышны удары или плаги съ немалымъ громомъ, со изображенными на щитахъ зданіями и аллегорическими фигурами, съ разноцвѣтными во огне колерами, вышиною и шириною по пространству покоевъ можно здѣлать на нѣсколькихъ саженьяхъ; какового фейерверка малой опытъ представленъ былъ въ комнатѣ Царскосельскаго дворца, въ Высочайшемъ присутствіи блаженной памяти Государины Императрицы Екатерины Алексѣевны, Великихъ Князей и Княженъ и знатныхъ Россійскихъ и чужестранныхъ особъ.

6.

- 23) По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію изобретена и здѣлана модель подъемныхъ креселъ, каковая машина должна двигаться по двумъ столпамъ, здѣланнымъ во образѣ винтовъ, помощію стоящаго за креслами человѣка, такъ расположена, что сидящей въ нихъ особе не можетъ быть никакого опаснаго воображенія.

7.

- 24) Часы карманные большой препорціи съ неперемѣняемой въ теплотѣ и стужѣ отъ разширенія и сѣжатія металловъ

верностію, у коихъ въ цифръ-платъ будутъ двигаться разнообразно 6 стрѣлъ и показывать зодіа 12 знаковъ небесныхъ, мѣсяцы, градусы, повсядневныя числа, — изъ коихъ въ 4 года одно только переставлять рукою, — седмичныя дни въ платнетныхъ знакахъ, часы, минуты и единоударныя какъ во астрономическихъ часахъ секунды, теченіе луны въ шаровидной фигурѣ, теченіе солнца, котораго восхождение и захождение во всѣхъ дняхъ года по здѣшнему Санкт-Петербургскому или Московскому градусу съ календаремъ будетъ согласно; чему имѣется особое описаніе чертежами и начатыя работою части.

8.

- 25) Сыскано мною и здѣсь вълутреціѣ расположеніе машины телеграфа, котораго зделана модель и отънесена въ Императорскую кунсткамеру.

9.

- 26) Стенные часы съ музыкою русскихъ гуслей, находятся въ дѣлѣ.

10.

- 27) Опыты самодеижимой машины разными образцами, были дѣланы и нынѣ находятся въ дѣлѣ.

11.

- 28) По Высочайшему Ея Величества повелѣнію починкою исправилъ и возобновилъ двои механическіе часы, одни съ механическимъ павлиномъ и прочими зделанными изъ металловъ движными птицами, и другіе, представляющіе слона, каскады воды и фейерверкъ изъ разноцвѣтныхъ камней и хрусталей въ дѣйстви.

12.

- 29) Во аванзалахъ зимняго дворца къ семи верхнимъ окнамъ здѣланы металлическія приборы, чрезъ которыя въ зимнихъ и лѣтнихъ переплетахъ фортки отпираются, отворяются, затворяются и запираются съ полу снурками.

13.

- 30) По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію модель Невскаго моста съ Васильевскаго острова сухопутно перевезена и въ саду Таврическаго дворца поставлена и укрѣплена фундаментально.

Во время царствованія Его Величества блаженныя памяти Государя Императора Павла Петровича находился я въ слѣдующихъ упражненіяхъ:

14.

- 31) Выгравирована медная доска, для тисненія чертежа предъизображаемаго Невскаго моста, и здѣлано тому печатное подробное описаніе съ гравированными же фигурами къ свѣденію сего любопытнаго строенія и удовольствію публики, о чемъ ей въ Санктпетербургскихъ ведомостяхъ обещено было отъ Академіи Наукъ.

15.

- 32) По примѣру того моста изобретено и зделано расположеніе для каменнаго зданія подъ железною крышкою и толкомъ шириною внутри пространства отъ 60 сажень и болѣе безъ столповъ, длиною же по соизволенію въ намереніи томъ, что таковое строеніе не благоудно ли бы было произвести для экзерцицгауза, о чемъ имѣются тушеванные чертежи, печатное описаніе и гравированные фигуры во одномъ экземплярѣ съ помянутымъ мостомъ.

16.

- 33) По Высочайшему Его Императорскаго Величества повеленію исправлены и постановлены надъ зимнимъ замкомъ астрономическіе боевые часы, кои имѣются въ моемъ содержаніи и смотрѣніи.

17.

- 34) По Высочайшему Его Величества повеленію выше помянутые съ павлиномъ и съ слономъ двои часы, въ бывшемъ Таврическомъ дворце разобраны, перевезены и паки испра-

влены и постановлены въ эрмитажѣ, кои находятся въ моемъ же смотрѣніи и содержаніи.

18.

- 35) Во время остановившагося при спускѣ 130-пушечнаго корабля Благодати, призыванъ я былъ во адмиралтейство для совѣта во окончательномъ спускѣ, гдѣ по осмотру и помогалъ своимъ расположеніемъ обще съ обыкновенными употребляемыми притомъ со стороны адмиралтейства машинами къ спуску онаго корабля на воду, а какимъ образомъ, о томъ есть чертежи и описаніе.

19.

- 36) Препоручено мнѣ было осмотрѣть и помогать въ поднятіи на пьедесталь монумента Государа Петра Перваго, при Михайловскомъ замкѣ, гдѣ я нашелъ приготовленные прежде меня крѣпости къ поднятію и перенесенію той тяжести весьма недостаточны, также и въ оборотѣ монумента на весу неудобства, къ чему по предостереженію моему прибавлено множество укрѣпленій, и обороченъ монументъ по совѣту моему на землѣ; а чрезъ то поднять и поставленъ на пьедесталь благополучно, чему есть также чертежи.

20.

- 37) По Высочайшему Его Величества блаженной памяти Государа Императора Павла Петровича персональному повелѣнію посланъ я былъ обще съ господиномъ архитекторомъ Гваренгіемъ осмотрѣть примѣчаемую нѣкоторыми во время сильнаго вѣтра наклонность шпиля, имѣющагося на колокольнѣ Петропавловскаго Собора въ крѣпости; усердствуя я выполнять таковую Высочайшую волю, входилъ уже безъ господина архитектора въ фундаментальное основаніе того шпиля нѣсколько разъ и въ день тѣхія погоды влезалъ выше того мѣста, между желѣзныхъ проволокъ по курантовымъ колоколамъ и молоткамъ за неимѣніемъ тутъ лѣсницъ, по усмотрѣнію моему во основаніи подѣржили ослабленные винты, задѣлавъ разошедшіеся въ деревѣ между

- 2) О выдать 1000 р. на машину къ дѣланію телескопа, объявленный Графомъ Орловымъ Академіи Наукъ директору Демашневу, генваря 5 дня, 1774 года.
- 3) О выдать на модель моста 1000 р., объявленный генераль поручикомъ Потемкинымъ 1775 года.
- 4) О выдать на ту же модель 2000 р., объявленный Свѣтлѣйшимъ Княземъ Орловымъ, 16 мая, 1777 года.
- 5) О выдать 800 р. за изобрѣтенное вогнутое зеркало и другія работы, объявленный Свѣтлѣйшимъ Княземъ Орловымъ, 1779 года.
- 6) О выдать прогоновъ въ Молдавію, ѣхавшему къ Свѣтлѣйшему Князю Потемкину, объявленный графомъ Безбородко, августа 19 дня, 1791 года.
- 7) О выдать 5000 р. въ награжденіе за первый опытъ машиннаго судна, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, ноября 10 дня, 1782 года.
- 8) О выдать 4000 р. за разныя машины, объявленный Графомъ Безбородко, іюня 3 дня, 1786 года.
- 9) О выдать за дѣло опытовъ разныхъ 2000 р., объявленный Графомъ Безбородко, іюля 23 дня, 1790 года.
- 10) О повелѣніи содержать зеркальные фонари, изобретенные Кулибинымъ, при дворцѣ придворному столарю, объявленный Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Козодавцевымъ, по писму его.
- 11) О выдать 2000 р. въ награжденіе за опытъ оптического фейерверка, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, 22 числа іюля, 1791 года.
- 12) О выдать 1200 р. на переправленіе часовъ съ павлиномъ, объявленный Статсъ-Секретаремъ Поповымъ апрѣля 3 дня, 1792 года.
- 13) О выдать за Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина 4729 р. 95 к. по счету послѣ его кончины 1792 года.
- 14) О постановленіи модели моста въ саду Таврическаго дворца, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, по писму его 22 числа мая, 1793 года.

- 15) О припечатаніи на естампѣ моста Высочайшаго имени Государа Императора Павла I, объявленный по повеленію Его Величества чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, марта 9 дня, 1799 года.
- 16) Между тѣмъ по повелѣнію Великия Екатерины, велѣно было имѣть въ готовности нѣсколько зеркальныхъ фонарей, что объявлено было писмомъ отъ Статсъ-Секретаря Турчанинова, 13 сентября 1783 года.
- 17) По Высочайшему повелѣнію Государа Императора Александра Павловича о выдачѣ 6080 р. 25 к. за здѣланіе пробнаго машиннаго судна и за другіе принадлежащія къ тому по счету издержки, объявленный кабинету письмомъ Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова 22 генваря, 1807 года.

А всѣхъ вообще 22 указа о немъ Кулибинъ было о разныхъ милостяхъ съ 1769 по 1807 годъ, въ продолженіи 38 лѣтъ времени.

О успѣхахъ же его службы было напечатано и опубликовано въ Россійскихъ и иностранныхъ газетахъ во всей Европѣ въ разныхъ годахъ три раза, о чемъ значитъ въ вышеписанномъ реэстрѣ его изобрѣтеній подробно.

Имѣетъ онъ честь быть членомъ въ вольномъ Экономическомъ Обществѣ, подъ Высочайшимъ Государа Императора покровительствомъ состоящимъ, на что имѣетъ и дипломъ отъ онаго общества.

Сколько случаевъ имѣлъ счастье механикъ Кулибинъ быть представляемъ персонально и говорить съ Монархами по дѣламъ разныхъ его изобрѣтеній.

ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ:

- 1) Въ Нижнемъ Новѣгородѣ съ неотдѣланными часами, имѣющими фигуру яйца.
- 2) Въ Санкт-Петербургѣ съ отдѣланными оными часами во дворцѣ зимнемъ.

- 3) Съ Електрифоромъ въ Царскомъ селѣ во дворцѣ.
- 4) Съ первымъ зеркальнымъ фонаремъ въ эрмитажѣ.
- 5) Съ малымъ фонаремъ, въ зимнемъ дворцѣ.
- 6) Съ зеркальными же фонарями въ Царскосельскомъ дворцѣ, для онаго дворца.
- 7) По персональному же повелѣнію дѣлалъ приборы къ окнамъ въ Царскомъ Селѣ.
- 8) Показывалъ движимую картину огнедышущей горы во дворцѣ зимнемъ.
- 9) Благодарилъ за пожалованіе на голубой лентѣ золотой медали, въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ.
- 10) Показывалъ гору со стеклянными каскадами воображаемой воды, въ комнатахъ Князя Потемкина.
- 11) Показывалъ оптической нескораемый фейерверкъ въ Царскомъ Селѣ на колонадѣ.
- 12) Благодарилъ за пожалованіе 1200 р. въ годъ жалованья въ Таврическомъ дворцѣ.
- 13) Показывалъ Швецкому Королю реченный фейерверкъ въ Высочайшемъ Ея Величества присудствіи, въ Таврическомъ дворцѣ.
- 14) Юня 27 дня 1795 года поставлялъ и показывалъ телескопъ въ Царскомъ Селѣ во дворцѣ, въ который изволила смотрѣть Ея Величество на лунное тѣло.
- 15) Юня 29, въ тотже телескопъ смотрѣть изволила въ томже дворцѣ на лугу.
- 16) Юля 2, въ третій смотрѣть изволила на лунное тѣло въ телескопъ.
- 17) Юля 4, паки изволила смотрѣть въ телескопъ на луну.
- 18) Юля 5, еще изволила смотрѣть въ телескопъ на луну.
- 19) Юля 7, 6-й разъ изволила Ея Величество смотрѣть въ телескопъ на лунное тѣло.
- 20) Благодарилъ въ Царскомъ же Селѣ за пожалованіе золотой табатерки.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ:

- 1) Въ зимнемъ дворцѣ въ кабинетѣ Его Величество изволилъ повелѣть исправить Петропавловской колокольной шпиль.
- 2) Въ Михайловскомъ замкѣ благодарилъ за пожалованіе по 1200 р. на содержаніе часовъ въ зимнемъ дворцѣ, марта 5 дня, 1801 года.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ:

- 1) Марта 15 числа, 1801 году, имѣлъ счастье всеподданнѣйше поздравить съ возшествіемъ на Императорскій Престолъ, при чемъ Всемилостивѣйше изволилъ дважды поцѣловать во уста, что происходило въ эрмитажѣ.
 - 2) Августа 28 дня, 1801 года, на Каменномъ островѣ во дворцѣ благодарилъ Государя Императора за Всемилостивѣйшее пожалованіе по 3000 р. въ годъ пенсіона и за оплату 6000 р. долговъ.
-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

КРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ Протоіерея Родіона Путятіна. Изданіе 10-е. Москва. Въ типографіи А. Семена. 188 и 3 стран., въ 8 долю.

Нѣтъ нужды говорить о поученіяхъ о. протоіерея Родіона Путятіна: ихъ знаютъ всѣ — и образованные и необразованные, и грамотные и даже безграмотные. Въ нихъ каждое слово къ сердцу, каждое выраженіе проникнуто глубокимъ чувствомъ, и кажется вамъ какъ будто такъ просто, такъ обыкновенно, но оно глубоко западаетъ въ ваше сердце, потому что само оно вышло изъ глубины сердца и согрѣто истинной христіанской любовью. По прочтеніи этихъ поученій на сердцѣ становится такъ легко, какъ будто съ этого только времени разрѣшена для васъ вся великая задача жизни, и вы спрашиваете себя: о чемъ же тосковать, чѣмъ огорчаться истинному христіанину? Онъ живетъ не для себя, — онъ долженъ быть весь въ Богѣ, и нѣтъ страданій для ходящихъ въ Богѣ! — Проповѣднику все даетъ предметъ для поученія. Всякій простой примѣръ, согрѣтый его теплымъ словомъ, у него становится выше самой высокой мірской мудрости. Приведемъ конецъ поученія въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы и въ великую субботу.

«Хотите ли, слушатели, на опытъ видѣть, что радость и печаль равно Богу пріятны? Выслушайте слѣдующее происшествіе. Два инока, однажды вышедъ изъ своего монастыря, впали въ тяжкій грѣхъ. И святые падаютъ; но они скоро встаютъ. И сіи иноки скоро одумались; тотчасъ возвратились въ свою обитель, и открыли грѣхъ настоятелю. Настоятель по обыкновенію положилъ имъ приличное наказаніе, именно такое: они нѣсколько времени должны были прожить въ разныхъ кельяхъ, никуда не выходя и питаясь хлѣбомъ и водою. Когда они такъ прожили положенное время, настоятелю монастыря было свыше открыто во снѣ, что согрѣшившимъ инокамъ все прощено. Настоятель на слѣдующій день велѣлъ освободить ихъ изъ заключенія. И вотъ они явились къ нему; но

какая чудная разность была между ними! Одинъ изъ нихъ былъ свѣжъ и полонъ лицомъ, какъ будто онъ питался самою вкусною пищею; другой, напротивъ, былъ сухъ и слабъ, какъ будто онъ цѣлый годъ ничего не ѣлъ. Удивляясь такой разности, настоятель спросилъ перваго: что ты дѣлалъ въ своемъ заключеніи? Я, отвѣчалъ онъ, день и ночь радовался и благодарилъ Бога, что Онъ не далъ мнѣ погибнуть во грѣхъ, а сподобилъ раскаяться. А ты что дѣлалъ?—спросилъ другаго. А я, отвѣчалъ тотъ, непрестанно все плакалъ о своемъ грѣхъ и просилъ у Бога прощенія.

«И такъ вотъ какъ: одинъ радовался, другой плакалъ, а оба получили равное отъ Бога прощеніе. Значить и радость Богу пріятна, когда человекъ радуется тому, чему должно, и печаль Ему пріятна, когда человекъ печалится ради Бога и о томъ, о чемъ слѣдуетъ печалиться.

«Такъ, слушатели, и въ нынѣшній день, и во всякое время, если хотите радоваться, — радуйтесь, если хотите плакать, — плачьте: только и нынѣ и всегда радуйтесь о Господѣ, а плачьте о своихъ грѣхахъ.»

Вотъ начало поученія въ день Св. Пасхи, на текстъ:

Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси.

«И такъ не мы одни празднуемъ нынѣшній день: и на небѣ нынѣ праздникъ. Не мы одни славимъ воскресшаго Христа: и Ангелы на небеси поютъ Его воскресеніе. *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси.*

«Что же Ангеламъ? І. Христосъ не для нихъ сходилъ на землю, не за нихъ страдалъ, не за нихъ умеръ, не для нихъ и воскресъ: почему же они поютъ Его воскресеніе? — Потому и поютъ, что они Ангелы, существа добрыя. Вотъ злые духи не станутъ нынѣ пѣть; для нихъ всякая духовная радость нестерпима; для нихъ мученіе, когда другіе блаженствуютъ. — Таково ужъ свойство злыхъ. Но не таковы Ангелы на небеси. Они всегда радуются, когда другіе наслаждаются радостями; кто ни получи благодѣяніе отъ Бога, они торжествуютъ, какъ будто сами получили это благодѣяніе. Такимъ образомъ Ангелы на небеси нынѣ радуются потому, что мы веселимся, — торжествуютъ потому, что у насъ нынѣ торжество.»

Послѣ этихъ словъ сравненіе людей съ ангелами и злыми духами вамъ само собой приходитъ уже на мысль и много думъ пробуждается въ васъ.

Отъ всего сердца радуемся успѣху этихъ поученій — перловъ нашей духовной литературы, — радуемся также, что нынѣ появля-

ются и другіе проповѣдники съ такимъ же духомъ, — и отъ души желаемъ, чтобъ такіе образцы преимущественно представляемы были для подражанія воспитанникамъ семинарій.

КАТХИЗИЧЕСКІЯ ВЕСЕЛЫЯ, говоренныя священникомъ *Юанномъ Яхонтовымъ*. Выпускъ второй. Спб. Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1853. Стран. 94, въ 8-ю долю.

Это новый вкладъ въ сокровищницу нашей духовной литературы. Изложеніе вѣчныхъ истинъ религіи написано языкомъ простымъ, легкимъ, понятнымъ для каждаго, и мѣстами съ глубокимъ богословскимъ взглядомъ. Но главное достоинство книги въ нашихъ глазахъ — ясность изложенія: ибо имъ достигается высокая цель — принести пользу тому классу читателей, для котораго недоступны учебныя заведенія. Подобная книга будетъ ихъ Богословіемъ.

Содержаніе третьяго отдѣла, составляющаго этотъ выпускъ — обитованія, прообразы и пророчества Вѣтнаго Завѣта.

ПОЛНАЯ ГИГИЕНА ВОЛОСЪ на головѣ и бородѣ, основанная на новѣйшихъ физиологическихъ и медицинскихъ открытіяхъ, показывающая вѣрныя средства для рощенія волосъ, остановленія паденія ихъ и сѣденія, и для воспроизведенія волосъ на черепахъ самыхъ лысыхъ. Возрожденіе чернаго цвѣта сѣдыхъ волосъ, посредствомъ пищи и питья; этотъ способъ исключаетъ всякое наружное крашеніе и равнымъ образомъ чернить рыжіе волосы. Сочиненіе доктора *Дебэ*. Перев. съ французскаго *А. С.* Москва. Въ типографіи В. Готье. 1853.

Рекомендуемъ это издѣліе, не смотря на безграмотность заглавія, лучшее изъ подобныхъ издѣлій, тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Кромѣ притязаній на ученое сочиненіе, въ немъ разбросано много любопытныхъ свѣдѣній о модѣ на прически и стрижку волосъ у народовъ разныхъ націй и сословій, древнихъ и средневѣковыхъ.

ДВИЖУЩИЕСЯ СТОЛЫ, ПУСТЯЧЕКЪ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, сочиненіе *Н. В. Сушкова*. Москва. 1853.

Кому не извѣстно, что движеніе столовъ, шляпъ, ключей и проч. занимало почти всѣхъ жителей нашей столицы цѣлую весну? Одни

вѣрили, другіе не вѣрили этой вновь замѣченной силѣ, и въ каждой партіи, а особенно при столкновении вѣрующихъ съ невѣрующими, бывало много смѣшного и оригинальнаго. Остроумный водевилецъ нашель бы на этомъ полѣ богатые матерьялы для своего легкаго, шутиваго пера. На этомъ-то полѣ Н. В. Сушковъ далъ волю своему драматическому таланту.

Содержаніе пустячка слѣдующее: Антонъ Богдановичъ Пробкинъ, учитель уезднаго училища, имѣетъ отъ первой супруги своей законную дочь Настю, а отъ второй, находящейся въ живыхъ,—четырехъ дѣвочекъ: Сашу, Пашу, Машу и Дашу. Настя представляются два жениха, почетный гражданинъ Осипъ Ильичъ Коврижка и ставной приставъ Сила Львовичъ Ардатовъ. Пробкинъ вѣритъ въ силу электрическихъ токовъ, и дѣлаетъ испытаніе надъ женихами. Сначала ему кажется, что Коврижка долженъ быть его зятемъ, а потомъ уездный лекарь Шафгаузъ новымъ опытомъ убѣждаетъ его, что жениться на Настѣ долженъ Ардатовъ.

О характеръ дѣйствующихъ лицъ мы не можемъ ничего сказать положительнаго потому, что, не смотря на то, что прочли пустячекъ три (!) раза, характеровъ этихъ не угадали. Можетъ быть, впрочемъ, и то, что дѣйствующія лица въ пустячкахъ могутъ обойтись и безъ характеровъ.

Пустячекъ Н. В. Сушкова по наружной формѣ имѣетъ видъ комедіи съ куплетами. Куплеты въ комедіи и водевилѣ то же, что лучшіе цвѣтки въ цвѣтникахъ. Вотъ образчики куплетовъ пустячка:

Капитолина Ѳ.

Куда какъ, право, стали милы
Мужчины наши на-подъ-рядъ:
На опыты и трудъ и силы
И умъ свой тратить не впадаютъ.

Чтобы не разставить въ послѣднихъ двухъ строчкахъ знаковъ препинанія не впадаютъ, авторъ ихъ вовсе выпустилъ и предоставилъ читателю догадываться о томъ, что и на что тратить мужчины. Далѣе:

Бывало женщину честили,
Теперь насъ цѣнять, не честили;
Бывало головы кружили,
А нынче такъ столы кружатъ!

Первые двѣ строчки рѣшительно непонятны; слова: цѣнять и честили, употреблены не въ настоящемъ ихъ смыслѣ. Въ двухъ послѣднихъ строчкахъ тоже не поймешь, кто кружилъ головы и кто кружитъ столы. Далѣе:

ПРОБКИНЪ.

Бывало, женоушка иная
Сидитъ у мужа за ключемъ—(не подъ ключемъ ли?)

ШАФГАУЗЪ.

Зато, посмышленей, другая
Вертитъ, что ключъ твой, муженькомъ.

Какъ видимъ, тутъ смыслъ принесенъ въ жертву игрѣ словъ, потому что ключъ можетъ вертѣться, а не вертѣть. И какая послѣдовательность мысли, какъ кстати слова Пробкина и возраженія Шафгауза!

КАПИТОЛИНА О.

(очень кстати).

Да если мужъ, весь день ни съ мѣста,
Корпятъ, какъ сидѣнь, надъ столомъ,
Иль вонъ, какъ дочь твоя, невеста,
Весь день съ утра вертитъ ключемъ.

ПРОБКИНЪ.

Да на ключъ она гадаеть.

ШАФГАУЗЪ.

Гадали жь прежде на бобахъ.
Ключъ этотъ тайны отпираетъ:
Что магнетизма въ женихахъ,
Что электричества?

ПРОБКИНЪ.

Да, милый!

Уравновѣсить силы.... токъ—
Установить....

КАПИТОЛИНА.

Что въ васъ за силы?
Вашъ токъ—пустыхъ рѣчей потокъ.

Остальные куплеты не лучше приведеннаго нами: въ нихъ точно также выпущенъ смыслъ или для краткости, или для рѣимы, или для соблюденія мѣры стиха; а иногда и ради остраго слова, какъ напр.

Не возму на умъ, хоть и Наумъ.

КРИТИКА.

Меня не только цѣпью вашей,
Цѣпами вамъ не повернуть.

Эти крошки стоять ломтя.

Настя (*рыдал*).

Коврижки не хочу. (Надо замѣтить, что Коврижка—женихъ).

Много можно бы еще сдѣлать подобныхъ выписокъ, но мы и такъ уже боимся, что заняли слишкомъ долго читателя рецензій пустячка, котораго нельзя даже назвать забавнымъ.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ БОТАНИКИ, или уроки, содержащiе въ себѣ анатомію, физиологію и классификацію растений. Выбраны изъ новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ сочинителей А. Божановымъ, съ 200 полиטיפажными рисунками. Москва. 1853 года, въ 2-хъ частяхъ, 514 стр.

«Выбирая изъ новѣйшихъ сочиненій матеріалы для начальныхъ основаній Ботаники, говоритъ авторъ (Предисл. 1 стр.), я старался изложить ихъ самымъ простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, чтобъ читатель, какого бы онъ ни былъ возраста и пола, могъ понимать изложеніе науки безъ сторонней помощи. По этому я сократилъ нѣсколько число терминовъ и изъ выбранныхъ излагалъ самые простые, и проч. и проч. — Далѣе (4 стран. Пред.) авторъ говоритъ, что, предназначая свое сочиненіе для начинающихъ изучать ботанику, онъ старался сообщить имъ только первоначальныя понятія, изложить главныя основанія науки, поселить любовь къ ней, дать вѣрный взглядъ не столько на частности, сколько на общность ея, съ тѣмъ, чтобы желающій учиться могъ идти далѣе, избирая болѣе пространныя и подробныя сочиненія.

Въ настоящее время появленіе подобнаго сочиненія очень важно потому, что Естественную Исторію изучаютъ въ гимназіяхъ, семинаріяхъ, женскихъ институтахъ и пансіонахъ, словомъ — во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ. Всякій учитель знаетъ, сколь трудно указать учащимся хорошее руководство по Ботаникѣ и вмѣстѣ составлять нарочито записки для сего, кои притомъ требуютъ много времени для переписки со стороны учащихся. Мы займемся теперь подробнымъ и самымъ добросовѣстнымъ разборомъ Ботаники г. Божанова, такъ какъ цѣль этой книжки очень важная, и покажемъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она условіямъ, изложеннымъ въ предисловіи.

Давъ краткое понятіе о природѣ, и показавъ, какое мѣсто занимаетъ Ботаника въ ряду естественныхъ наукъ, г. Божановъ начинаетъ органографію описаніемъ цвѣтка. Во всѣхъ по этой части русскихъ книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ, органографія начинается опи-

саніємъ клітчекъ, сосудовъ клітчатой ткани — анатомією растений, которая въ книгѣ г. Божанова поставлена послѣ описанія всѣхъ органовъ растений. — Подобное расположеніе мы находимъ довольно удачнымъ, такъ какъ книга назначается для начинающихъ знакомиться съ Ботаникою. Если бы сначала говорено было о растительныхъ тканяхъ, сосудахъ, кліточкахъ и проч., то у начинающаго при самомъ началѣ терялась бы охота заниматься изученіемъ науки столько важной. Кромѣ того, говоря о кліточкахъ и сосудахъ, нужно говорить и о тѣхъ органахъ, внутри которыхъ они находятся — о тычинкахъ, прилистникахъ, кожурѣ, околоствѣнныхъ и проч. Само собою разумѣется, что начинающій заниматься Ботаникою не пойметъ этихъ названій, потому что объ нихъ прежде не было сказано ни слова. Изучивъ же сначала органы растений и переходя потомъ къ тканямъ, учащійся не встрѣтитъ подобнаго затрудненія.

Отдѣлъ объ опыленіи растений, изложенный непосредственно послѣ описанія цвѣтка, очень удаченъ. Видно, что г. Божановъ разгадалъ приемы обхожденія съ начинающими учиться Ботаникѣ. Здѣсь, кромѣ точнаго изложенія процесса опыленія, приведено нѣсколько интересныхъ разсказовъ объ опыленіи водяныхъ ранункуловъ (*runculus aquatilis*), валлиснеріи (*vallisneria spiralis*), фисташекъ.

Что же касается обѣщанія автора изложить начальныя основанія Ботаники самымъ простымъ языкомъ, удобопонятнымъ для читателя, какого бы онъ ни былъ возраста и пола, то это обѣщаніе вообще очень мало исполнено. Страсть выражаться изысканно видна въ книгѣ г. Божанова на каждой страницѣ; наприм. на стр. 1-й читаемъ: «Разсматривая цѣпь мірозданія, нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію предметовъ творческой дѣятельности! Милліоны міровъ, милліоны существъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ являются предъ наблюдательнымъ взоромъ», и прочее. Воля ваша, г. сочинитель, если не потрудитесь объяснить, то, право, сами мы не уразумѣемъ, почему вздумалось вамъ подобный языкъ называть самымъ простымъ и удобопонятнымъ, да еще не только для каждаго пола, но и возраста. Согласитесь, что послѣ такого обѣщанія мы могли надѣяться, что вашу книгу могутъ понимать самыя дѣти и даже удобно: вѣдь по вашимъ словамъ она удобопонятна. Календарь Флоры, списанный слово въ слово изъ сочиненія Мау, вовсе не нуженъ, тѣмъ болѣе, что и г. Божановъ, слѣдуя общему заблужденію, мхи и лишай призывалъ цвѣтущими, и навязалъ на декабрь. Что касается до часовъ Флоры и Линнея, то они, хотя не совсѣмъ нужны, за то интересны.

За опыленіемъ цвѣтовъ г. Божановъ говоритъ о плодахъ и потомъ о сѣменахъ. Здѣсь все изложено кратко и ясно; память учащагося не обременяется длинною классификаціею плодовъ: г. Божановъ упомянулъ только о болѣе употребительныхъ и тѣхъ, кои нужно знать начинающему изучать Ботанику. Трактатъ о разсѣваніи сѣмянъ природою приведенъ весьма кстати и изложенъ очень просто. Мы бы имѣли здѣсь удобный случай указать на нѣкоторыя выраженія, которыхъ напыщенность бросается въ глаза, но мы уже сказали однажды о достоинствѣ языка въ цѣломъ сочиненіи.

Прозрѣніе сѣмянъ у г. Божанова объяснено подробно и удобопонятно. Кажется только напрасно введена здѣсь (71 и 72 стр. 1 части) таблица, въ которой показано время, потребное для прозрѣнія нѣкоторыхъ растений, тѣмъ болѣе, что прежде сказано было, что сѣмена различныхъ растений требуютъ и различнаго времени для прозрѣнія, а равно и сохраняютъ способность прозрѣнія различно. При объясненіи прозрѣнія растений сказано о вліяніи нарастательности воздуха, свѣта, теплоты и влаги; гораздо бы лучше вставить эти прекрасныя мысли изъ Шлейдена въ отдѣлъ о питаніи растений, въ которомъ, какъ увидимъ, не все изложено отчетливо.

Послѣ прозрѣнія слѣдуетъ ученіе о корнѣхъ. Понятіе о корнѣхъ составлено весьма хорошо; не менѣе удачно объяснено отправленіе корней въ растительномъ процессѣ и мѣста ихъ укрѣпленій, но за то отличій и подраздѣленій почти вовсе нѣтъ. Это очень важный промахъ со стороны автора. Правда, что г. Божановъ сокращалъ научныя термины съ цѣлію не обременять памяти учащагося введеніемъ многихъ наименованій, но уже онъ чрезъ чуръ сдѣлался краткимъ. Можно было бы по крайней мѣрѣ назвать корни по формѣ, положенію, массѣ; но все это, къ сожалѣнію, опущено. Причины стремленія корней къ центру земли объяснены по Діогамелю-Дютроше и изложены хорошо; но это не мѣшало бы опустить, какъ трудное для уразумѣнія начинающаго изучать Ботанику, особенно ребенка. О стеблѣ сказано прекрасно, особенно хорошо объяснены процессы выростанія деревъ односѣменодольныхъ и двусѣменодольныхъ. Здѣсь указано, какъ дерево, или вообще растеніе, развивается въ первые моменты послѣ прозрѣнія — какъ вырастаетъ въ толщину и длину, и ко всему этому приложены весьма ясныя рисунки съ подробнымъ объясненіемъ состава древесной массы: въ соединеніи съ трактатомъ о прозрѣніи сѣмянъ, эти два отдѣленія такъ удачны, что едва ли можно встрѣтить подобныя хоть въ одной изъ русскихъ книгъ.

Далѣ идутъ трактаты о почкахъ, листьяхъ, прилистникахъ, усикахъ и проч. Вездѣ видно изложеніе ясное и легкое, только не вездѣ соблюдена пропорція во взглядѣ, наприм. о почкахъ сказано очень мало, равно о прилистникахъ и шипахъ, а между тѣмъ о листьяхъ слишкомъ обширно; введено множество терминовъ. Относительно отправленія листьевъ можно замѣтить, что многія обстоятельства, которыя до сихъ поръ составляютъ предположенія въ наукѣ, у г. Божанова описаны какъ аксіомы. Но за всѣмъ тѣмъ эти трактаты не лишены интереса, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говоритъ о листьяхъ, свертывающихся передъ дождемъ, передъ ночью, и проч. и проч. Трактатъ о тайноцвѣтныхъ растеніяхъ слишкомъ коротокъ, главное понятіе дано однакожъ обо всемъ. Странно только, почему сочинителю вздумалось назвать тайнобрачныя растенія безцвѣтными растеніями. Ихъ называютъ: или безцвѣтковыми, или тайнобрачныя, или же тайноцвѣтными.

Въ главѣ о питаніи растеній опять повторено вмѣстѣ то, что было уже сказано по частямъ при каждомъ отдѣлѣ. Этотъ отдѣлъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Ботаникѣ, а между тѣмъ у г. Божанова онъ такъ коротокъ, что даетъ не болѣе, какъ только слабое понятіе о питаніи растеній. Видно, что авторъ прибѣгалъ къ помощи Шлейдена, но не захотѣлъ потрудиться передѣлать на русскій языкъ этого трактата, который бы также украсилъ сочиненіе, какъ и нѣкоторыя изъ предыдущихъ главъ. О растительныхъ тканяхъ сказано полно, отчетливо и вразумительно. Рисунки, приложенные при описаніи, весьма хороши, и нѣтъ сомнѣній, что много будутъ содѣйствовать какъ къ лучшему удобообразумію текста, такъ и къ удержанію положительной науки въ памяти учащагося. Въ слѣдъ за растительными тканями г. Божановъ поставилъ отдѣлъ объ искусственномъ размноженіи растеній. Здѣсь, сказавъ очень хорошо о разведеніи растеній отводками и черешками, переходитъ къ изложенію способовъ прививки растеній. Здѣсь сказано о разныхъ приѣмахъ прививки растеній травянистыхъ, древеснистыхъ, смолистыхъ деревьевъ и проч. и проч. Прекрасная статья, полезная, интересная, и написанная просто, но только ей мѣсто не въ Ботаникѣ, а въ садоводствѣ. Правда, что въ Ботаникѣ при изложеніи условій размноженія растеній, при описаніи растительныхъ частей, изъ коихъ могутъ вырастать растенія, нужно говорить и объ искусственномъ ихъ размноженіи, но не такъ пространно.

Въ 15 главѣ и послѣдней въ 1-й части, авторъ, опредѣливъ кратко классификацію растеній — семейства, роды, виды и проч., переходитъ къ исторіи Ботаники и выставляетъ нѣсколько именъ извѣ-

стных ученых ботаниковъ; потомъ изложилъ ключъ системы Турнефорта, Линнея и методу Жюссье. На каждую изъ этихъ системъ сдѣлалъ (по примѣру и начертанію другихъ) разборъ, похвалилъ и показалъ недостатки, объяснилъ ключъ и тѣмъ заключилъ 1 часть. Странно, почему г. Божановъ не изложилъ ключъ системы Декандала, къ которой всѣ мы такъ привыкли. Во второй части г. Божановъ общаетъ расположить всѣ растенія по методу Жюссье, называя ее общепринятою. Почему же не расположить по системѣ Декандала, которая, кажется, болѣе въ употребленіи? Впрочемъ дѣло не въ томъ, чтобы расположить растенія по той или другой системѣ, а въ вѣрности описанія, простотѣ изложенія и указанія на употребленіе. (Вторую часть разберемъ въ слѣдующій мѣсяцъ).

Съ удовольствіемъ прочитали мы Начальныя основанія Ботаники. (Это самое приличное названіе книги; добавленіе заглавія: или уроки, содержащія анатомію, физиологію и классификацію растеній, — къ ней какъ-то нейдетъ). Видно, что авторъ понимаетъ дѣло и любитъ свой предметъ, а это отъ того, что онъ изучилъ хорошо привычки начинающихъ изучать Ботанику и вполнѣ умѣлъ угодить имъ. Мы сдѣлали подробный разборъ съ тою цѣлю, что, если эта книжка скоро разойдется, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то чтобы авторъ при 2 изданіи передѣлалъ и исправилъ кое-что. Тогда онъ окажетъ большую услугу и принесетъ пользу всѣмъ заведеніямъ, въ которыхъ изучаютъ Естественную Исторію, и также родителямъ, готовящимъ дѣтей своихъ въ гимназіи, корпуса и семинаріи. Эта книга и въ ученomъ и въ нравственномъ отношеніи очень хороша; языкъ ея ясенъ и легокъ. Желательно, чтобы и вторая часть имѣла достоинства первой.

ПАСТЫРСКОВ БОГОСЛОВІЕ, сочин. Архимандрита Кирилла, Экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи. С.-Петербургъ. 1853 г.; in 8, 341 стр.

Въ послѣдніе полтора года литература наша обогатилась столь многими и столь замѣчательными сочиненіями по части Богословія, исторіи Церкви и церковнаго законовѣденія, — и притомъ всѣ эти замѣчательные труды встрѣтили въ публикѣ такое глубокое и живое сочувствіе, что одинъ этотъ фактъ уже свидѣтельствуетъ достаточно въ пользу умственнаго и нравственнаго развитія нашего русскаго общества. Въ высокой степени назидательные и ученые труды епископа рижскаго Филарета, архимандритовъ Макарія и Іоанна, читались и читаются весьма многими, сколько намъ извѣстно это по

самым простым фактам книжной торговли. Къ числу такихъ же вполне основательныхъ и полезныхъ трудовъ, могущихъ послужить для многихъ духовною пищею, принадлежитъ и трудъ архимандрита Кирилла, заглавіе котораго мы выписали вначалѣ, не смотря на свое болѣе специальное назначеніе.

Пастырское Богословіе — есть точное изложеніе обязанностей пастыря Церкви. Такимъ опредѣленіемъ уясняется и составъ Пастырскаго Богословія, а именно: «Составляя отдѣльную науку»,—говоритъ достопочтенный авторъ,—«принаровленную къ особенному служенію въ церкви и въ обществѣ, Пастырское Богословіе, прежде чѣмъ приступить собственно къ своему предмету—изложенію нравственныхъ обязанностей пастыря,—должно утвердить и раскрыть мысль о пастырскомъ служеніи, какъ служеніи особенномъ, налагающемъ потому и особенныя обязанности на лица, принимающія его. Должно, говоримъ, *утвердить* эту мысль предварительно: это необходимо для того, чтобы показать значеніе Богословія Пастырскаго, какъ отдѣльной науки, къ особенному служенію приспособленной,—чтобы, съ другой стороны дать системъ его основную мысль, которая бы обнимала собою весь составъ его.—Должно *раскрыть* эту мысль, показать самыя особенности, какими служеніе священническое отличается отъ всѣхъ другихъ служеній въ церкви и обществѣ: въ такомъ случаѣ, мысль о служеніи пастырскомъ, какъ особенномъ, утвердится еще болѣе, а, сверхъ того, въ подробномъ ученіи объ особенностяхъ этого служенія положены будутъ начала для болѣе точнаго вывода частныхъ наставленій пастырю, какія Пастырское Богословіе обязано предложить, касаясь, по возможности, всѣхъ сторонъ пастырскаго служенія. Это ученіе о служеніи пастырскомъ, какъ особенномъ служеніи, и составитъ у насъ первую часть науки».

Что касается до второй части,—то она, по начертанію достопочтеннаго автора, изображаетъ свойство и обязанности въ отношеніи къ самому себѣ пастыря, какъ лица, поставленнаго на особенное служеніе.—Третья же предлагаетъ пастырю наставленіе, какъ ему проходить обязанности своего особеннаго служенія.

СЛОВА И ВЕСЕДЫ НА ВСѢ ВОСКРЕСНЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ, СЪ ПРИСОВОКУПАНЫМЪ СЛОВЪ И ВЕСЕДЪ НА НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННЫЕ СЛУЧАИ, сказанныя Синодальнымъ членомъ Григоріемъ, Архіепискомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ.—Годъ второй. С.-Пб. 1853. Т. I.—471 стр. Т. II.—362 стран. in. 8.

Едва ли какая-либо другая Церковь, кроме Византійской, может представить такое обильное количество проповѣдей пастырей къ паствѣ, какъ наша Россійская церковь,—и едва-ли гдѣ-либо этому обилію соответствуетъ такъ полнота содержанія, простота и вмѣстѣ величіе слова. Отъ Кирилла Туровскаго до великихъ проповѣдниковъ нашего времени постоянно раздается неумолкаемо-звующій гласъ нашихъ духовныхъ пастырей.

Вотъ и еще новое сокровище духовное — въ назиданіе православному христіанамъ. — Не смѣя входить въ подробный разборъ Словъ преосвященнѣйшаго Григорія, которыхъ первый годъ былъ принятъ жаждущими спасительнаго слова съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ, мы замѣтимъ только, что простота, общедоступность и духъ истинной любви христіанской составляютъ ихъ отличительное достоинство.

О ЗАПАРНЫХЪ СИТЦЕВО-НАБИВНЫХЪ КРАСКАХЪ. Соч. *Альбова*. Москва. Въ типографіи А. Евреина. 1853 г.

Запарное производство есть изобрѣтеніе новѣйшее. Авторъ приписываетъ введеніе его французу Лосфе (Loffet). «Въ нашемъ отечествѣ», говоритъ г. Альбовъ, «ситцево-набивное запарное производство возникло не ранѣе 1830 года. Т. В. Прохоровъ первый выписалъ изъ-за границы колериста, который основательно зналъ это производство. Но вскорѣ потомъ братья Гучковы взяли первенство, какъ по количеству, такъ и по качеству вырабатываемыхъ запарныхъ ситцево-набивныхъ издѣлій, преимущественно муслинденевыхъ и чисто-шерстяныхъ, первенство, которое и остается за ними. Однакожъ нельзя не замѣтить, что В. К. Прохоровъ, молодой ученый химикъ-колеристъ, въ послѣднее время съ отличнымъ успѣхомъ и самостоятельно дѣйствуетъ на поприщѣ запарнаго ситцево-набивнаго производства». — Авторъ надѣется, что къ намъ порвѣе будутъ жаловать иностранные колеристы, безъ которыхъ, по его мнѣнію, теперь легко обойтись.

Книга г. Альбова, написанная чистымъ языкомъ и съ ясностію, необходимою для такого предмета, есть важное пріобрѣтеніе для русской литературы, которая такъ бѣдна техническими сочиненіями. Вероятно гг. фабриканты лучше насъ оцѣнятъ этотъ трудъ, который, какъ видно, стоилъ автору прилежнаго изученія и весьма многихъ собственныхъ опытовъ.

МОНОГРАФІЯ РОДИЛЬНЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ, сочиненіе доктора Теодора Гельма. Съ нѣмецкаго перевелъ докторъ медицины Александръ Никитинъ. *С.-Петербургъ. 1853. 159 стр. in 8.*

Успѣхи, сдѣланные въ патологической анатоміи, дали совершенно иное направленіе изученію болезней, которыхъ распознаваніе безъ помощи трупораззятія невозможно. Такъ, родильныя болезни, составляющія большой отдѣлъ въ терапіи, и разсматриваемыя при пособіи трупораззятія, представляются теперь вовсе въ иномъ видѣ. Рокитанскій, Скуда и другіе знаменитые врачи своими изслѣдованіями пояснили патологию и терапію родильныхъ болезней. Докторъ Гельмъ, принадлежащій также къ числу знаменитыхъ врачей, вполне воспользовался какъ всеми этими, пріобрѣтенными уже, данными науки, такъ и указаніями собственнаго опыта—и изложилъ ихъ въ своей отчетливой и вмѣстѣ сжатой монографіи. Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ своею опытностію врачей, г. Никитинъ, прекрасно перевелъ по-русски трудъ доктора Гельма, котораго появленіе на русскомъ языкѣ принесетъ, безъ всякаго сомнѣнія, большую пользу.

МАЛЕНЬКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, съ 12-ю литографированными картинками.—Переводъ съ франц. Москва. Въ тип. В. Готье. 1853. in 18, 36 стр.

Бѣдныя дѣти!—подумали мы со вздохомъ, просмотрѣвши эту книженку,—бѣдныя дѣти! за что составители разнаго хлама считаютъ васъ такими глупыми, чтобы печатать для васъ такой вздоръ, и какъ еще до сихъ поръ находятся родители, которые покупаютъ для вашего, яко бы, назиданія, и для вашего, тоже яко бы, забавленія—всѣ эти разныя книженки, переведенныя съ французскаго не русскимъ языкомъ, исполненныя грошевой и ни къ чему не прилагаемой морали. Лучше, въ тысячу разъ лучше, если вы въ свободное отъ дѣльныхъ занятій время будете играть въ разныя игры, развивающія по крайней мѣрѣ жизненную ловкость и силу, чѣмъ читать эту галиматью и разсматривать эти, вовсе не изящныя, картинки.

ЖУРНАЛИСТИКА.

СОВРЕМЕННОСТЬ. N 5, МАЙ. Въ отдѣлѣ словесности напечатана 3 часть романа г. Григоровича *Рыбаки*.

«— Полно, говорю! тутъ хлюпаньемъ ничего не возмешь! Плакалась баба на торгъ, а торгъ про то и не въдаетъ; да и въдать нѣтъ нужды! Словно и взаправду горе какое приключилось. Не на-вѣкъ расстаемся: Господь милостивъ: доживемъ, назадъ вернется,—какъ есть, настоящимъ человѣкомъ вернется; сами потомъ не нарадуемся... Ну, о чемъ плакать-то? Попривыкли! знаютъ и безъ тебя: попривыкли! не ты одна.... Слава те, Господи! наслалъ еще его къ намъ въ домъ.... Жаль, жаль, а все не какъ своего!

Такъ говорилъ Глѣбъ Савиновъ женѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда соцкаго.

Соцкій этотъ пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобъ объявить о рекрутскомъ наборѣ и сказать Глѣбу, что очередь за его семействомъ. Глѣбу следовало бы отдать Ваню, но такъ какъ своя рубашка къ телу ближе, то вмѣсто сына онъ рѣшился отправить приемыша Гришку. Вотъ какъ совѣщался онъ объ этомъ съ женой.

Разговоръ происходилъ между задними воротами и плетнемъ огорода, въ извѣстномъ проулкѣ; тутъ, кромѣ стараго рыбака и жены его, никого не было. Глѣбъ, послѣ ужина, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, и соцкій, приказалъ тотчасъ же всѣмъ ложиться спать, а самъ, подмигнувъ украдкою женѣ, отправился съ нею на совѣщаніе. На дворѣ царствовалъ совершеннѣйшій мракъ. Мѣсяцъ, подымавшійся багровымъ шаромъ въ отдаленномъ горизонтѣ, не разливалъ почти никакого свѣта: Глѣбъ и Анна съ трудомъ различали черты другъ друга. Никто, можетъ статься, не смыкалъ глазъ въ клѣтушкахъ и сѣняхъ, но со всѣмъ тѣмъ было такъ тихо, что мужъ и жена говорили шопотомъ; малѣйшая оплошность съ ихъ стороны, слово, произнесенное мало-мальски громко, легко могло возбудить подозрѣніе домашнихъ и направить ихъ къ заднимъ воротамъ, чего никакъ не хотѣлось Глѣбу.

— Какой бы онъ тамъ чужакъ ни былъ,—все одно: намъ обдѣлять его не слѣдъ; я его не обижу! продолжалъ Глѣбъ:—одно то, что сирота: ни отца, ни матери нѣту. И чужіе люди, со стороны,

такъ сиротъ уважають, а намъ и подавно не приходится оставлять его. Снарядить надо какъ слѣдуетъ; христіанскимъ дѣломъ разсуждать надо, по совѣсти, какъ слѣдуетъ! За что намъ обижать его! жилъ онъ у насъ какъ родной, какъ родного и отпустимъ; все одно, какъ своего бы отпустили, такъ, примѣрно, и его отпустимъ....

— И то, батюшка, я и сама такъ-то меречаю... О-охъ!... лепешечекъ напеку ему, сердечному... о-о охъ! заботливо прошептала тетка Анна, утирая рукавомъ слезы и вздыхая въ нѣсколько приемовъ, какъ вздыхаютъ обыкновенно бабы, которыя долго и горько плакали.

— Вотъ наша что сказать: лепешки! велика нужда ему въ твоихъ лепешкахъ! закусилъ разъ-другой—все одно, что ихъ и не было! Надо подумать о рубахахъ, а не о лепешкахъ—вотъ что!

— Вистимо, безъ холста не отпущу его, касатика, простонала тетка Анна.

— Холстъ самъ по себѣ: пойдетъ на портнянки (*). Я говорю, примѣрно, о рубахахъ. Завтра день да послѣ завтра день,—всего два дня остается: не успеете вы обшить его какъ слѣдуетъ. Отдать ему Ванюшкины рубашки, которыя залишнія....

— Куды! коротки будутъ! замѣтила старуха съ такою живостию, что мужъ принужденъ былъ шикнуть и поднять руку.

— А коротки, такъ возьмемъ у Васьки.

— А какъ же Вася-то? вѣдь онъ также дома не остается: идетъ на заработки, самому нужны, шепнула жена.

— Нѣтъ, Васька дома останется въ замѣнъ Гришки. Отпущу я его на заработки! А самому небось батрака нанимать! нѣтъ, жирно будетъ! Они и безъ того денегъ почитай-что не несутъ.... Довольно и того, коли одинъ Петрушка пойдетъ въ «рыбацкія слободы».... Ну да не объ этомъ толкъ совсѣмъ! Пойдутъ, стало быть, Васькины рубахи; а я отъ себя цѣлковица два приложу: дѣло ихнее—походное, понадобится,—сапожники купить, либо другое что, въ чемъ нужда встрѣнется.

Какъ ни переполнено было сердце старушки, какъ ни заняты были мысли ея предстоящей разлукой съ приемышемъ, къ которому привыкла она почти какъ къ родному дѣтищу, но въ эту минуту всѣ ея чувства и мысли невольно уступили мѣсто удивленію: такъ поразила ее необыкновенная щедрость Гляба. Ободренная этимъ, она сказала:

— Вотъ, батюшка, надо также и образочекъ ему дать. Дамъ я ему, сердечному, вотъ тотъ, что въ ризочкѣ-то у насъ....

(*) Куски холста, которыми обматываются носы вмѣсто носковъ.

— Что дѣло, то дѣло. Я, признаться, и самъ о томъ думалъ, перебилъ Глѣбъ:—только что вотъ тотъ, который въ ризѣ, давать не зачѣмъ; можно попростуе сыскать. Главное дѣло, было бы ему наше родительское благословеніе....

Переговоривъ еще кой о чемъ касательно Гришки, рыбакъ замѣтилъ, что время спать идти.

— Ты обогни избу да пройди въ тѣ переднія ворота, при-
молвилъ онъ:—а я пока здѣсь обожду. Вижу, смотри, не показывай, что здѣсь была, коли, по случаю, съ кѣмъ-нибудь изъ робятъ встрѣнешься.... Того и смотри, прочуяли; на слуху, того и смотри, сидятъ собаки!... Ступай!—Эхе-хе! промолвилъ старый рыбакъ, когда скрыпъ каитки возвѣстилъ, что жена была уже на дворѣ:—эх! не все, видно, леши да окуни: бываетъ такъ ину пору, что и песку съ рвки отвѣдаешь!... Жаль Гришку, добре жаль: озорливъ былъ, плутовать, да больно ловокъ за то!

Глѣбъ оглянулъ разсѣянно небо, по которому величественно всплывалъ серебрившійся теперь мѣсяцъ, перекрестился, вошелъ на дворъ, и, закутавшись въ овчину, улегся въ свои сани подъ навѣсомъ. Хотя старикъ свыкъ уже съ мыслию о необходимости разлучиться, рано или поздно, съ пріемышемъ, тѣмъ не менѣе, однакожь, заснуть онъ долго не могъ: большую часть ночи проворочался онъ съ боку на бокъ и часто такъ сильно покрывалъ, что куры и голуби, приотившіеся на окраинѣ дырявой лодки, почти надъ самой его головою, вздрагивали и поспѣшно высовывали голову изъ-подъ теплаго крыла.

Но не подозрѣвалъ старый Глѣбъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ придется перенести испытаніе, передъ которымъ настоящее его горе ровно ничего не будетъ значить! Не предвидѣлъ онъ, что ночь эта, проведенная въ тревожномъ забытіи, будетъ, сравнительно, его последнею покойною ночью!

Заря между тѣмъ, чуть чуть занимавшаяся на горизонтѣ, не предвѣщала ничего особенно печальнаго; напротивъ того, небо, въ которомъ начинали тухнуть звѣзды, было чистоты и ясности необыкновенной; слегка зарумяненное восходомъ, оно привѣтливо улыбалось и спѣшило, казалось, освободиться отъ тучъ, которыя, какъ послѣднія морщинки на повеселѣвшемъ челѣ, убѣгали къ востоку, длинными, постепенно блѣднѣющими полосками. Вся окрестность какъ словно раскрывала глаза и, приподымая освѣженный росой рѣсницы, радостнымъ взглядомъ встрѣчала весеннее утро. Надъ лугами трещалъ уже жаворонокъ... Глѣбъ, по обыкновенію своему, проснулся вмѣстѣ съ жаворонками; нѣжится да потягивается

не любилъ старикъ: онъ поспѣшно высочилъ изъ саней, проведъ широкою ладонью по лицу и волосамъ, оглянулъ небо и перекрестился.

— Создалъ Господь вѣдра.... знатное утро! сказалъ онъ, выходя за ворота и весело оглядывая Оку и дальный берегъ, только что озаренные первымъ лучемъ солнца.

Ему въ голову не приходило, что это утро, такъ радостно улыбавшееся, упадетъ тяжелымъ камнемъ на его сердце и вѣчно будетъ жить въ его памяти!»

Непріятности Глѣба начались тѣмъ, что старшіе сыновья его объявили ему, что хотѣтъ отдѣлиться и промыслятъ и торговать особнякомъ. Долго не рѣшались они объявить это строгому отцу, наконецъ рѣшились, предварительно выпивъ для смѣлости. Но они слишкомъ усилили пріемъ, и Глѣбъ съ перваго взгляду на сыновей увидѣлъ, что они пьяны. Разумѣется, онъ не поперемонился съ ними и «осыпалъ ихъ градомъ ругательствъ». Сыновья не смолчали и тутъ же объявили ему, что отходятъ отъ него. «Это обстоятельство, говоритъ г. Григоровичъ, мгновенно взорвало старика, брови его *выгнулись*, голова *гордо откинулась назадъ* (!), *губы задрожали*». Между отцомъ и сыновьями произошло такое горячее преніе, такое «*бурное васьданіе*», что женщины выбѣжали изъ избы и попрятались по чуланамъ. Въ чемъ именно состояла эта семейная сцена и въ какихъ выраженіяхъ спорили сыновья съ отцомъ, авторъ не говоритъ, не желая возмущать читателей. Глѣбъ наконецъ вышелъ изъ избы, но тутъ ожидало его еще большее горе: у него произошло объясненіе съ Ваней. Пусть судятъ сами читатели, на сколько положено *истины* какъ въ этой сценѣ, такъ и вообще въ характеръ *героя* романа Ваня

«Подойдя къ лодкамъ, Глѣбъ увидѣлъ Ваню. Тутъ только вспомнилъ старикъ, что его не было за завтракомъ.

— Гдѣ ты *шлялся*? сурово спросилъ отецъ.

Онъ остановился и, повернувшись почти спиною къ сыну, мрачно оглянулъ рѣку.

— Я здѣсь былъ все время, батюшка, кротко отвѣчалъ сынъ.

— За какою надобностію? сухо и какъ бы не думая, о чемъ говорить, перебилъ отецъ.

— Тебя ждалъ, батюшка....

Голосъ, которымъ произнесены были эти слова, прозвучалъ такою непривычною твердостью въ ушахъ Глѣба, что, не смотря на замѣшательство, въ которомъ находились его чувства и мысли, онъ невольно обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

Кроткій, спокойный видъ парня совершенно обезоружилъ отца.

— Чего тебѣ? спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ *переговорить* съ тобою, батюшка, началъ Ваня:— хотѣлъ сказать тебѣ... *ты только выслушай меня...*

— Ну, перебилъ Глѣбъ съ возраставшимъ удивленіемъ.

Годъ, безъ малаго, не могъ онъ слова добиться отъ нарня, и вотъ теперь тотъ самъ къ нему приступаетъ.

— *Выслушай меня*, батюшка, продолжалъ сынъ, тѣмъ же увѣщательнымъ, но твердымъ голосомъ:— *слова мои, можетъ стать—ся, батюшка, горькими тебѣ покажутся....* Я, батюшка, во вѣки вѣковъ не посмѣлъ бы передъ тобою слова сказать такого, да нужда, батюшка, заставила!...

— Какъ! вскричалъ отецъ, сжимая кулаки и дѣлая шагъ впередъ: — стало, они и тебя подговорили! стало, и тебѣ ни во что мое родительское проклетіе!

— Нѣтъ, батюшка, никто меня не подговаривалъ, возразилъ сынъ, не трогаясь съ мѣста: — родительское твое благословеніе мнѣ пуще дорого; безъ него, батюшка, я и жить не хочу....

— Чегожъ тебѣ? спросилъ изумленный отецъ.

— Я, батюшка, пришелъ *переговорить* съ тобою о Гришкѣ.... Батюшка! чтó ты дѣлаешь? опомнись!

Глѣбъ отступилъ шагъ назадъ и опустилъ руки: старикъ не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Зачѣмъ же ты тогда воспиталъ его? Затемъ ли помѣлъ, кормилъ, ростилъ его, чтобы потомъ за насъ, за сыновей твоихъ, отвѣтъ держалъ.... Батюшка! чтó ты хочешь дѣлать? опомнись. *Видь это выходитъ, батюшка, дѣлами добрыми торговать!* продолжалъ сынъ и лицо его при этомъ какъ словно озарилось какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, хотя осталось также кротко и спокойно.— Не бери, батюшка, тяжкаго грѣха на свою душу!.... Господь благословилъ насъ, берегъ твой домъ, далъ тебѣ достатокъ... самъ ты сколько разъ говорилъ объ этомъ!... Господь отступится отъ насъ за такое дѣло! Достатокъ твой не будетъ тогда Божьимъ благословеніемъ: все пойдетъ прахомъ, — все назадъ возьметъ! За то и берегъ Онъ насъ. Самъ же ты говоришь, что жили по правдѣ!

Глѣбъ стоялъ какъ прикованный къ землѣ и задумчиво смотрѣлъ подъ ноги: губы его были крѣпко сжаты, какъ у человека, въ душѣ котораго происходитъ сильная борьба. Слова сына, какъ крупныя капли росы, потушили, казалось, огонь, за минуту еще разжигавшій его ретивое сердце. Разлука съ пріемышемъ показалась ему, почему-то, въ эту минуту тяжелее, чѣмъ когда-нибудь.

— Какъ же быть-то? откуда жь намъ взять за него?... Я и самъ, того, думаль.... Развѣ, жеребій.... промежь нами кинуть? проговорилъ онъ наконецъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою.

Мысль эта родилась, можетъ быть, въ головѣ старика при воспоминаніи о старшихъ, непокорныхъ сыновьяхъ.

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ бросать жеребій! спокойно вымолвилъ парень:— старшіе братья женаты; ужъ лучше....такъ, безъ жеребья....

Глѣбъ поднялъ голову.

— Очередь за нами, за твоими сыновьями, продолжалъ Ваня все тѣмъ же невозмутимо-твердымъ голосомъ: — старшіе сыновья женаты.... Чтѣжь!... я, я пойду, батюшка....

Старику нешутя представилось, что младшій сынъ его рехнулся. Предшествовавшія слова молодого парня, его спокойный голосъ, а еще болѣе— спокойный видъ, убѣждали, однакожь, старика въ противномъ. «Чтѣжь бы такое значило? Ужъ не засорилъ ли парешъ дурью какою голову?... Погоди жь, я вотъ изъ тебя дурь-то вышибу!» При этой мысли Глѣбъ, которому шутить было не въ охоту, вспыхнулъ.

— Видишь ты это? крикнулъ онъ, неожиданно выступая впередъ и показывая сыну коренастый, узловатый кулакъ.

Но Ваня на волосъ не пошатнулся, не мигнулъ даже глазомъ.

— Я тебя проучу, какъ дурью-то забираться! закричалъ отецъ, сурово изгибая свои брови; — я выколочу изъ тебя дурь-то; такъ отдаю, что ты у меня на этомъ мѣствѣ трои сутокъ проваляешься! заключилъ онъ, все болѣе и болѣе разгораясь.

— Власть твоя, батюшка, сказалъ, съ самымъ кроткимъ, покорнымъ видомъ, парень: — бей меня: ты властенъ въ этомъ! А только я отъ своего слова не отступлюсь.

При этомъ гнѣвъ окончательно овладѣлъ старикомъ: онъ ринулся со всѣхъ ногъ на сына, — но, пораженный необычайнымъ спокойствіемъ, изображавшимся на лицѣ Вани, остановился какъ вкопанный.

— Бей же меня, батюшка, бей! сказалъ тогда сынъ, поспѣшно разстегивая запонку рубашки и подставляя раскрытую обнаженную грудь свою: — бей: въ этомъ ты властенъ! Легче мнѣ снести твои побои, чѣмъ видѣть тебя въ такомъ грѣхѣ.... Я, батюшка (тутъ голосъ его возвысился), — я не отступлюсь отъ своего слова: очередь за нами, за твоими сыновьями: я пойду за Гришку! охотой иду! Слово мое крѣпко; не отступлюсь я отъ него.... Развѣ убьешь меня.... а до этого Господь тебя не попуститъ!

Глѣбъ остолбенѣлъ. Лицо его побагровѣло. Крупныя капли пота выступили на лицѣ его. Не мысль о рекрутствѣ поражала старика: онѣ, какъ мы видѣли, здраво, толково разсуждалъ объ этомъ предметѣ; мысль разстаться съ Ваней, любимымъ дѣтищемъ, наконецъ, неожиданность событія потрясли старика. Такъ несбыточна казалась подобная мысль старому рыбаку, что онѣ подѣ конецъ махнулъ только рукой и сдвигалъ нѣсколько шаговъ къ рѣкѣ; но Ваня тутъ же остановилъ его. Онѣ повторилъ отцу, съ большею еще твердостью, свою рѣшимость.

Тогда между сыномъ и отцомъ началась одна изъ тягостно-раздирающихъ сценъ, похожихъ на вынужденную борьбу страстно любящихъ другъ друга противниковъ. Глѣбъ осыпалъ сына упреками, припоминалъ ему его дѣтство — онѣ ли не любилъ его, онѣ ли не лелѣялъ! — осыпалъ его за тѣмъ угрозами, грозилъ ему боями — ничто не помогало: какъ ни тяжело было сыну гнѣвить преклоннаго отца, онѣ стоялъ, однакожъ, на своемъ. Видя, что ничто не помогало, Глѣбъ рѣшился прибѣгнуть къ ласкѣ и принялся увѣщавать сына со всею нѣжностью, какая только была ему доступна. Но и это ни къ чему не послужило: сынѣ остался твердъ и рѣшимость его ни на волосъ не поколебалась. Тутъ только почувствовалъ Глѣбъ, — почувствовалъ первый разѣ въ жизни, что крѣпкія, желѣзныя мышцы его какъ словно ослабли; первый разѣ осмыслилъ онѣ старческіе года свои, первый разѣ понялъ, что силы ужѣ не тѣ стали, воля и мощь не тѣ, что въ прежніе годы! Слишкомъ много потрясеній выдержали въ этотѣ день его стариковскія жилы: на этотѣ разѣ, казалось, горе раздавило его сердце!

— Ваня! воскликнулъ старикъ, все еще не потерявшій надежды убедить сына: — Ваня! вспомни! тебя ли я не любилъ? тебя ли не отличалъ я?... Съ измалолѣтства отличалъ я тебя отъ твоихъ братьевъ!... Ты былъ моимъ любимцемъ, ненагляднымъ сыномъ моимъ! Ты моя надежда!... И ты хочешь покинуть меня своею охотой, — на старости лѣтъ покинуть хочешь! старуху свою, мать покинуть хочешь!... Ваня, вспомни.... али ты этого не знаешь?... вѣдь и братья твои насѣ покидаютъ.... Чтѣжь, какже, сиротами хочешь ты стариковъ оставить?... Опомнись! Чтѣ ты дѣлаешь?... Ваня!...

— Батюшка!... батюшка! перестань! *ты только мучишь меня!* твердилъ въ то же время сынѣ, напрягая всѣ силы своего духа, чтобы не разразиться воплемъ: — перестань!... Богѣ милостивъ!... Приду во время.... приду закрыть глаза твои.... не на вѣкъ прощаюсь.... Полно, батюшка! не гнѣви Господа Бога!... О чемъ ты сокрушаешься? Развѣ я худое дѣло какое дѣлаю? Опомнись:

развѣ я въ Сибирь за недоброе дѣло иду?... Чтѣ ты? Опомнись! иду я на службу на ратную.... иду вврой и правдой служить Царю Государю нашему.... вишь: охотой иду, самъ по себѣ.... Полно, опомнись! Не сокрушайся, не мути меня, батюшка.... Лучше ты безъ меня останься, чѣмъ увижу я тяжкій грѣхъ на душѣ твоей родительской!...

— Ну, послушай.... вотъ.... вотъ.... вотъ, чтѣ я скажу тебѣ, подхватилъ отецъ: — кинемъ жеребій, Ваня!... ну, такъ, хошь для виду кинемъ!... кому выпадетъ, пушай хоть тотъ знаетъ, по крайности, пушай знаетъ.... что ты за него пошелъ!

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ? возразилъ сынъ, качая головою: — зачѣмъ?... Ну, а какъ кому-нибудь изъ братьевъ вынется жеребій, либо Гришкѣ, вѣдь они вѣкъ мучиться будутъ, что я за нихъ иду!... Господь съ ними! пускай себѣ живутъ, ничего не вѣдая, дѣло пускай ужъ лучше будетъ закрытое!

Последнія слова сына, голосъ, какимъ были они произнесены, вырвали изъ отцовскаго сердца последнюю надежду и окончательно его сломили. Онъ закрылъ руками лицо, сдѣлавъ безнадежный жестъ и безотраднымъ взглядомъ окинулъ Оку, лодки, наконецъ домъ и площадку. Взглядъ его остановился на женѣ.... Первая мысль старушки, послѣ того, какъ прошелъ страхъ, была отыскать Ванюшу, который не пришелъ къ завтраку.

— Ступай сюда! ступай, старуха! закричалъ Глѣбъ, махая обѣими руками.

Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

— Вотъ, сказалъ Глѣбъ, уже разбитымъ голосомъ: — вотъ, продолжалъ онъ, указывая на сына: — послушай его.... послушай, коли сердце твое крѣпко....

Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ, въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ, передалъ женѣ namtrénie Вани.

— Батюшка! закричала старуха: — батюшка! помилуй!

И какъ безумная повалилась она мужу въ ноги.

— Его проси! проговорилъ Глѣбъ, захлебываясь отъ слезъ, хоть глаза его были сухи: — его проси, старуха! заключилъ онъ указывая на Ваню.

— Ваня!... батюшка!... помилуй! закричала мать, бросаясь сыну въ ноги.

Но Ваня не отвечалъ; онъ поддерживалъ только мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

Тутъ уже и самого старика слеза прошибла; онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей широкую ладонь свою на голову и произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Терпи, старая голова, въ кости скована!— При этомъ онъ провелъ ладонью по глазамъ своимъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, сказавъ: «Будь воля божія!» пошелъ быстрыми шагами по берегу, все дальше и дальше.

Мы нисколько не сомнѣваемся, что такой великодушный человекъ можетъ существовать и родиться въ простомъ народѣ, ибо русскій человекъ не разъ совершалъ подвиги и гораздо выше этихъ. Но станеть ли *простой* человекъ такъ выражаться, какъ выражается Ваня? Нѣтъ ничего труднѣе, какъ патетическія сцены между простолюдинами. У дѣйствующихъ лицъ нашихъ писателей только тогда и естественъ языкъ, когда они въ комическихъ или въ спокойныхъ положеніяхъ, но лишь дѣло коснется до пафоса, они вдругъ перерождаются и говорятъ языкомъ нашихъ журнальных ученыхъ статей. Кромѣ неестественности въ языкъ есть еще другая причина, вслѣдствіе которой Ваня вышелъ такъ безцвѣтенъ. Г-нъ Григоровичъ не позаботился объяснить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ образовался *необыкновенный* характеръ рыбака? Не могъ же онъ сдѣлаться *такимъ* отъ того только, что учился грамотѣ!

По выпровоженіи Вани изъ дома родительскаго, романъ опять идетъ ровно и естественно (это идеальное лицо все дѣло портить!). Прекрасно историческое и статистическое описаніе с. Камарѣва. Жаль, что неудачно изображеніе ярмарки: сцена кулачнаго боя и пляски слишкомъ театральны. Въ описаніи рожденія Захара (новаго работника Глѣба) много живаго истиннаго.

Въ «Критикѣ» помѣщена 2-я статья г. Гаевского о Дельвигѣ. Статья необыкновенно интересна. Вотъ это *настоящіе* матеріалы для исторіи литературы! У насъ въ послѣдніе годы стало много появляться статей, имѣющихъ цѣлью опредѣлить литературную дѣятельность русскихъ писателей, статей, носящихъ скромное названіе «матеріаловъ». Но эти статьи только по скромности ихъ авторовъ называются матеріалами, въ сущности же онѣ заключаютъ въ себѣ *разсужденія* о дѣятельности разныхъ писателей, но новыхъ матеріаловъ, бросающихъ новый свѣтъ на писателей, матеріаловъ, добытыхъ трудомъ и розыскиваніемъ, онѣ не представляютъ. Напротивъ того въ статьѣ г. Гаевского почти нѣтъ никакихъ разсужденій и субъективныхъ воззрѣній на Дельвига; она наполнена выписками изъ «Благонамѣреннаго» стихотвореній Дельвига, пропущенныхъ въ Смирдинскомъ изданіи. Самое интересное въ статьѣ г. Гаевского—описаніе

ополченія тогдашнихъ журналовъ на Дельвига и Баратынскаго. Г. Гаевскій такъ подробно описываетъ политическія выходки *Благонамѣреннаго* и *Сѣверныхъ Листковъ*, что даже не проходитъ молчаніемъ и самыхъ тонкихъ намековъ на Дельвига. Тогдашнія литературныя отношенія, особенно закулисныя, изображены у г. Гаевскаго очень живо. Переносясь въ тѣ времена, вольно подумаешь: «Свѣжо преданіе, а вѣртся съ трудомъ.»

Изъ переводныхъ статей особенно обратило наше вниманіе сочиненіе д'Израэли «Литературный характеръ или исторія генія, заимствованная изъ его собственныхъ чувствъ и признаній.» Это живая характеристика генія, составленная по наблюденіямъ надъ жизнью великихъ писателей и художниковъ.

В. А.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

HISTORIA GENERAL DE ESPAÑA,

Por don Modesto Lafuente.

До сихъ еще поръ не искоренилось между учеными Европейцами странное, исключительное мнѣніе, осуждающее Испанцевъ на крайнюю неспособность къ обработыванію исторіи. Ничего не можетъ быть обиднѣе, неосновательнѣе подобнаго приговора. Испанія напротивъ едва ли не больше всѣхъ странъ можетъ гордиться и обиліемъ и достоинствомъ своей исторической литературы. Имя *Маріана* громко говоритъ въ пользу своего народа. Не смотря на свои ошибки, Маріана останется навсегда однимъ изъ писателей, наиболѣе одареннымъ историческимъ талантомъ. На ряду съ нимъ стоятъ другія имена, не менѣе славныя въ разныхъ отрасляхъ, разработывавшія исторію своего отечества.

Историческіе труды въ Испаніи, какъ и вездѣ, могутъ быть раздѣлены на два разряда: на хроники и на исторію въ тѣсномъ смыслѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ испанской исторіи вплоть до XVI столѣтія тянется длинный, не превыжающійся рядъ летописцевъ. Выше всѣхъ ихъ стоитъ *Лопесъ де Айала* (Lopez de Ayala) съ своими знаменитыми рассказами о царствованіи донъ Педро *Правосуднаго* (don Pedro-el-Justiciero).

Съ XVI до половины XVII вѣка идетъ золотой вѣкъ испанской литературы; въ это время появляется исторія въ тѣсномъ смыслѣ. Не говоря о Маріаннѣ, укажемъ на другихъ болѣе извѣстныхъ историковъ. Таковы: *Мело*, авторъ *Исторіи возмущеній и войны въ Каталоніи при Филиппъ IV*; *Хуртадо де Мендоза*, авторъ войны съ Морисками Гренадскаго королевства; *Франсиско де Монкада*, написавшій исторію *Похода Каталонцевъ и Арагонцевъ противъ Турковъ*. Сюда же должно отнести имена *Зуниса*, *Аргенсола*, *Сандоваль* и *Геррера* (Herrera)—автора Исторіи испанскихъ завоеваній въ Индіи. О специальныхъ исторіяхъ городовъ, провинцій, нечего и говорить: ихъ не перечесть въ такомъ короткомъ очеркѣ.

Въ XVIII вѣкѣ появляется опять значительное множество историческихъ произведеній, какъ-то: *Святая Испанія* (Hispania Sacra) *Флореса*, *Критическая исторія Масдеу*, и спеціальныя труды *Кампани*, *Ховелансона*, *Кампоманеса* и проч.

Среди великаго литературнаго движенія, открывшагося въ современной Испаніи, естественно не должны были остаться въ сторонѣ и науки историческія. Во многихъ изданіяхъ, во многихъ авторахъ замѣтно стремленіе къ объясненію всеобщихъ законовъ политическаго и нравственнаго развитія человѣчества. *Тапіа* и *Моронь* начертали вѣрную исторію испанской цивилизаціи, *Пидаль*, государственный мужъ современной Испаніи, читалъ въ *Мадридскомъ Леинь* свои лекціи о томъ же предметѣ, лекціи, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не собраны и не напечатаны. *Торено* приготовилъ *Исторію Австрійскаго дома*, но ранняя смерть помѣшала ему издать ее въ свѣтъ. Генераль Санъ-Мигуэль занимается теперь изданіемъ своей *Исторіи Филиппа II*. Въ прошломъ году вышла *Исторія Кастильскихъ общинъ при Карлѣ V*, известнаго *Феррера-дель Ріо*. Нельзя не упомянуть здѣсь замѣчательныхъ собраній неизданныхъ памятниковъ, напечатанныхъ Исторической академіей и разными частными лицами. Одного только не доставало до сихъ поръ для полнаго богатства испанской исторической литературы—не доставало всеобщей исторіи Испаніи, написанной съ современной точки зрѣнія на исторію и на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдованій. До сихъ поръ Испанцы и не думали объ этомъ, какъ бы предоставляя забѣту эту иностранцамъ. Такъ *Ромей* и *Россеъ Сентъ-Илеръ* съ любовію взялись за трудное дѣло—распутать исторію Испаніи, и до сихъ поръ ревностно продолжаютъ свою работу.

Въ свою очередь, *Лафуэнте* первый изъ своей націи рѣшился пополнить этотъ недостатокъ въ собственно-національной исторіи своего отечества. До сихъ поръ вышло четыре тома его исторіи; полное сочиненіе, по всей вѣроятности, будетъ состоять изъ двѣнадцати или пятнадцати томовъ. Это будетъ, надѣмся, *полная* Исторія Испаніи. Четвертый томъ оканчивается XII-мъ столѣтіемъ.

Подобное предпріятіе вполнѣ заслуживаетъ одобренія по своей важности, и потому по причинѣ особенной трудности лично для самаго автора. До этого времени Лафуэнте былъ однимъ изъ самыхъ тонкихъ, остроумныхъ сатирическихъ писателей нынѣшней Испаніи. Прикрываясь псевдонимомъ *Fray Gerundio*, онъ долго былъ издателемъ критическаго журнала современной политики и современныхъ нравовъ. Собраніе сочиненій *Fray Gerundio* состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двадцати томовъ: *Capilladas y Disciplinazos de Fray Gerundio*, *Teatro social del siglo XIX*, *Revista Europea* и проч., и проч. Чтобы сдѣлаться строгимъ, безпристрастнымъ историкомъ, надо было ему, исправляя своими сатирами другихъ, испра-

вить нѣсколько и самого себя. И Лафуэнте не отступилъ передъ этой задачей. Его исторія отличается знаніемъ, проникательностью и безпристрастіемъ. Къ ней присоединено *предисловіе*, гдѣ вкратцѣ объяснены начала исторіи какъ науки, и широкими, мѣткими чертами показанъ ходъ испанской цивилизаціи вплоть до нашего времени. Сохранивши до сихъ поръ благородное безпристрастіе, быть можетъ, этотъ историкъ сохранить себя и отъ извѣстныхъ *прогрессивныхъ* теорій, поддавшись которымъ человѣкъ терлеть и истинное сознаніе о прошедшемъ и вѣрный взглядъ на современное ему настоящее.

Въ заключеніе скажемъ, что Исторія Лафуэнте — одинъ изъ тѣхъ добросовѣстныхъ трудовъ, которые всегда заслуживаютъ искренняго вниманія, потому что въ нихъ видно значительное изученіе своего предмета, что очень рѣдко встрѣчается въ наше время и не въ одной Испаніи.

О ГАЛЛЮСИНАЦІЯХЪ, или исторія видѣній, сновъ, восторговъ, магнетизма и ясновидѣнія, *Бріера де Буамона*. 1852.

СОКРАТОВЪ ДЕМОНЪ, *Лелю*.

ПАСКАЛЕВА ЛАДОНКА—*Лелю*. 1846.

Хотя сочиненія г. Лелю вышли въ свѣтъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они получаютъ всю свою прежнюю занимательность, лишь только вопросъ коснется до галлюцинацій; говоря объ этомъ родѣ душевнаго недуга, не возможно не обратиться къ сужденіямъ доктора-философа, который первый во Франціи обратилъ вниманіе на это странное разстройство воображенія и изъяснилъ смѣлое мнѣніе о помѣшательствѣ Сократа. Я не намѣренъ дѣлать разборъ предлагаемыхъ сочиненій, а только, при помощи документовъ и мнѣній, которые въ нихъ содержатся, заняться самымъ важнымъ вопросомъ и единственнымъ, который можетъ казаться занимательнымъ для людей свѣтскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая намъ нужда до разнообразнаго помѣшательства совершенно разстроившагося мозга и до безконечныхъ проявленій этого помѣшательства? Для насъ въ высшей степени было бы любопытно знать, въ какой мѣрѣ можетъ соединяться разсудокъ съ нѣкоторымъ затмѣніемъ и безпорядками воображенія,—однимъ словомъ, показать истинныя границы между разумомъ и безуміемъ.

И такъ, я не стану входить въ подробное разсматриваніе предметовъ, о которыхъ говоритъ г. Бріеръ де Буамонъ, ни приводить его безчисленныхъ «наблюденій», т. е. исторій болѣзней, которыя имѣютъ несомнѣнную цѣну только для ученыхъ и медиковъ; для

людей свѣтскихъ, нѣсколько хорошихъ страницъ разсуждений, истекающихъ отъ одного какого-нибудь факта, несравненно занимательнѣе тысячи подобныхъ фактовъ, которыхъ едва уловимые отбѣнки сверкаютъ передъ глазами и утомляютъ умъ. Равнымъ образомъ пропущу все, что касается до *магнетизма* въ сочиненіи г. Буамона; тутъ прежде всего надлежало бы спорить о значеніи и важности фактовъ, а это была бы слишкомъ длинная исторія; то же можно сказать и о *предчувствіяхъ*. Склонность къ суевѣрію и любовь къ чудесному такъ сильны въ человѣкѣ, что я не доверяю даже тѣмъ разсказамъ, которые подкрѣплены свидетельствами самыхъ достойныхъ уваженія лицъ. Не назову также галлюцинацію способности нѣкоторыхъ людей, при помощи необыкновеннаго напряженія ума и чрезвычайнаго усилія памяти, представлять себѣ какъ бы на яву мѣста, происшествія, или лица, которыми было поражено воображеніе. Живописца, который, посмотрѣвъ полчаса на модель, могъ, черезъ нѣсколько времени, такъ сказать, вызвать этотъ образъ и поставить его передъ собою, столь же мало можно обвинить въ галлюцинаціи, какъ и математика, который обладаетъ способностію представить внутри самаго себя всѣ элементы длиннаго и труднаго вычисленія, сообразить ихъ и рѣшить задачу. Не лѣзя причислять къ галлюцинаціямъ и произвольныхъ мечтаній, которымъ предаются восточные жители и въ продолженіе которыхъ воображеніе ихъ порождаетъ всѣ чудеса *Тысячи и одной ночи*.

Ограничивъ такимъ образомъ вопросъ о галлюцинаціяхъ, посмотримъ, совместно ли это состояніе съ здравымъ разсудкомъ, или всегда и неизбежно предполагаетъ нѣкоторую степень безумія. Вопросъ этотъ было бы очень легко рѣшить, если бы мы могли сдѣлать вѣрное и точное опредѣленіе разума; но разумъ скорѣе самъ себя чувствуетъ и сознаетъ, нежели опредѣляется. Посмотримъ же, не соприкасаются ли между собою разумъ и безуміе нѣкоторыми точками, не смѣшиваются ли они въ извѣстныхъ границахъ, или, напротивъ того, существуетъ неизмѣримая бездна между самымъ слабымъ разсудкомъ и самымъ легкимъ помѣшательствомъ?

Нѣтъ сомнѣній, что безуміе—болѣзнь ума, или его органовъ; анатомія еще не опредѣлила матеріальныхъ поврежденій, соответствующихъ различнымъ родамъ помѣшательства, но эта болѣзнь такъ же отдѣльна, такъ же своеобразна, какъ нѣкоторыя органическія поврежденія, которыя не могутъ быть смѣшаны ни съ состояніемъ здоровья, ни съ другими болѣзнями. Я въ одномъ упрекаю медиковъ, которые изучали душевныя болѣзни и писали объ нихъ: они слишкомъ мало придаютъ важности разуму, этой искрѣ божества, драго-

цѣннѣйшему дару, который созданіе получило отъ своего Создателя, единственному, который возвышаетъ человѣка надъ животными; должно сознавать, должно утверждать его дѣйствительность даже и тогда, когда онъ находится въ тѣсной связи съ немощами и недостатками нашей природы, должно—до тѣхъ поръ, пока онъ обнаруживается признакомъ, который обличаетъ его небесное происхождение,—а именно: сознаниемъ. Увы! будетъ время отрицать его существованіе, когда этотъ божественный признакъ совсѣмъ исчезнетъ. Я не хочу этимъ сказать, что исчезновеніе разума происходитъ только въ послѣднихъ предѣлахъ помѣшательства, и что бѣдные безумцы, называемые маніаками, которые помѣшаны только на одномъ пунктѣ, а на другихъ сохраняютъ все свое правильное сужденіе,—совершенно здравы умственно. Напротивъ, тутъ-то я и вижу существованіе неизмѣримой бездны между самымъ слабымъ разсудкомъ и самымъ легкимъ помѣшательствомъ. Я отвергаю мнѣніе г. Буамона, что «дѣйствія помѣшаннаго ничто иное, какъ превеличеніе недостатковъ здороваго человѣка». Если все дѣло заключается въ большей или меньшей степени, если человѣкъ здоровымъ-слящій только едва уловимою чертою отдѣляется отъ безумца, если такъ не замѣтна гравица между разумомъ и помѣшательствомъ, т. е. между человѣкомъ и животнымъ,—то что же такое разумъ? какую имѣетъ онъ цѣну и съ какого права опираемся мы на него, чтобы подняться до самыхъ возвышенныхъ соображеній и даже до мысли о Богѣ?

Но нѣтъ: если разумъ и тѣненъ, если орудія его легко могутъ разстроиться, то тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ наше удивленіе и нашу вѣру, тѣмъ не менѣе онъ достоинъ пробуждать нашу гордость, пока онъ утверждается сознаниемъ.

Напрасно вы будете сравнивать крайнюю степень страстей съ дѣйствіями помѣшательства, смѣшивать порывы гнѣва, припадки отчаянія съ необузданными движеніями маніаковъ и безумныхъ: вы никогда не усмотрите въ самыхъ сильныхъ беспорядкахъ помраченнаго ума того безсмысленнаго характера дѣйствованія, въ которомъ замѣтно совершенное отсутствіе разума; развѣ только вы остановитесь на однихъ наружныхъ признакахъ: движенія, голось, слезы и вопли могутъ быть одинаковы въ обоихъ случаяхъ; но сойдите глубже, и въ одномъ изъ нихъ вы вскорѣ усмотрите сознаніе и оцѣнку причинъ и дѣйствій, между тѣмъ какъ у другого уже погасъ свѣтильникъ, который долженъ былъ просвѣщать его разсудокъ. Состояніе безумія есть болѣзнь; это несомнѣнно, потому что безумный можетъ излечиться отъ своей болѣзни, между тѣмъ какъ здоровый человѣкъ никогда не вылечивается отъ своихъ страстей.

Много-много, если онъ успѣетъ подавить ихъ и на минуту заставить молчать.

Чрезвычайно жаль, что писатель съ такимъ твердымъ умомъ, какъ г. Лелю, вмѣсто того чтобы доказывать, что общество наше населено колеблющимися разсудками, не избралъ себѣ цѣлю обозначить твердой и рѣзкой рукою границу, которая отдѣляетъ даже колеблющійся разсудокъ отъ дѣйствительнаго, хотя и не столь опредѣленнаго, помѣшательства. Впрочемъ истина, вопреки ему самому, вылилась изъ-подъ пера его; она противорѣчитъ его системѣ, но видно, что она его сильнѣе. Дѣйствительно, не онъ ли оканчивалъ свои «Изысканія о сходствѣ безумія съ разсудкомъ» слѣдующими опредѣленіями, которыя кажутся намъ превосходными и которыя мы принимаемъ безъ малѣйшаго ограниченія:

«Признаки состоянія разумнаго, которое имѣетъ наиболѣе сродства съ помѣшательствомъ, т.-е. страсти, заключаются въ частно-нравственномъ безпорядкѣ, существующемъ при *сознаніи* лица, которое его испытываетъ, и проявляющемся слишкомъ быстрымъ соединеніемъ и слишкомъ исключительнымъ свойствомъ понятій. Признакъ же помѣшательства — нравственный безпорядокъ, болѣе или менѣе общій и сложный, существующій безъ *сознанія* со стороны лица, которое его испытываетъ, приходящій внезапно и безъ настоящей внѣшней причины и проявляющійся въ особенности заблужденіемъ въ тождествѣ и въ существованіи лицъ и вещей, короче: безпорядокъ страстей и воли безъ *сознанія* и безъ внѣшней настоящей причины, сопровождаемый неправильностію въ соединеніи чувствъ и понятій и превращеніемъ этихъ нравственныхъ проявленій въ ощущенія».

Теперь намъ остается разсмотрѣть, до какой степени нѣкоторые безпорядки нашего ума и воображенія совместны съ цѣлостію разума. и въ особенности, должно ли во всякомъ случаѣ принимать галлюцинаціи за вѣрный признакъ помѣшательства?

Извѣстно, что г. Лелю, въ своемъ «Сократовомъ демонѣ» доказываетъ, что отецъ, мученикъ и слава философіи, какъ онъ самъ его называетъ, былъ помѣшанный. — Начертавъ одну изъ прекраснѣйшихъ картинъ жизни твореній и характера Сократа, сказавъ, что «онъ свелъ на землю любомудріе небесное», онъ показываетъ намъ другую сторону его лица, — сторону человѣческую, страждущую болѣзнями и немощами, искаженную отъ жала недуга, который его гложетъ. Этотъ недугъ — безпорядокъ его ума, бредъ воображенія, которые приводятъ его въ сообщеніе съ невидимымъ духомъ, которые заставляютъ его слышать голосъ «демона», совѣтника его и путевода во всѣхъ

важныхъ случаяхъ жизни; однимъ словомъ, это галлюцинаціи, которыхъ бѣдный философъ жертва. Нѣтъ возможности оспаривать дѣйствительность этого недуга въ Сократѣ, истину видѣній, о которыхъ онъ самъ рассказываетъ и которыя засвидѣтельствованы вѣрными учениками. Невозможно также подозрѣвать и его искренности. Мы вполне разделяемъ убѣжденіе г. Лелю, который съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненіе въ обманѣ, взводимое на великихъ реформаторовъ—путеводителей и нерѣдко спасителей человечества, которые были столько же подвержены галлюцинаціямъ, какъ и самъ Сократъ: Пифагоръ, Эмпедоклъ, Магометъ, Лютеръ, Тассъ, Іоанна д'Аркъ, Паскаль и пр. Стало быть доказано, что Сократъ имѣлъ галлюцинаціи, т.-е. мечтательныя видѣнія, явленія и голоса. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ былъ помѣшанный? Но нельзя въ одно и то же время провозглашать человека свѣтильникомъ мудрости, первымъ изъ добродѣтельныхъ, и объявлять его сумасшедшимъ; не вѣрнѣ ли обратить доводъ противъ васъ самихъ и сказать: первый мудрецъ въ цѣломъ свѣтѣ имѣлъ галлюцинаціи, стало быть галлюцинаціи не всегда служатъ доказательствомъ сумасшествія, и существованіе этого нравственнаго недуга совмѣстно съ дѣйствіями высочайшаго разума.

Г. Бріеръ де Буамонъ подтверждаетъ, укрѣпляетъ это мнѣніе въ своей книгѣ, и это такая заслуга, за которую намъ слѣдуетъ быть ему благодарными.

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, куда привело бы насъ ученіе г. Лелю. На свѣтѣ столько же людей, подверженныхъ галлюцинаціи, сколько гениевъ, превосходящихъ остальное человечество; такъ что должно бы считать сумасшедшими именно всѣхъ тѣхъ, кого родъ человеческій ставитъ во главѣ своей, которымъ онъ удивляется, какъ прекраснѣйшему выраженію творенія, которыхъ избираетъ своими руководителями.

Доказательства безчисленны. Приведемъ нѣкоторые:

Одинъ знаменитый членъ академіи Наукъ страдалъ слишкомъ 30 лѣтъ самымъ страннымъ недугомъ: онъ испытывалъ самыя необузданныя движенія, видѣнія лучезарныя, пламенныя, необъятныя; иногда онъ чувствовалъ, что его быстро увлекаетъ вверхъ, внизъ, во всѣ стороны; онъ обонялъ запахъ горячій и зловонный, слышалъ то пронзительный свистъ, то гармоническіе или нестройные звуки, то человѣческіе голоса, поющіе, говоряшіе, декламирующіе; то вдругъ возникали передъ нимъ видѣнія грозныя, чудныя, непонятныя, на прим. обширный сводъ, составленный изъ безчисленныхъ человѣческихъ лицъ съ непреклоннымъ выраженіемъ, съ зловѣщимъ взоромъ, и никто никогда не называлъ г. де Савини сумасшедшимъ.

Вы скажете, что воображеніе не принимало никакого участія въ этихъ феноменахъ, и что болѣзненные ощущенія утомляли умъ, не приводя его въ заблужденіе. Это правда; но если бы больной былъ не современникъ нашъ и не членъ института, а просто крестьянинъ Севенскихъ или Вогезскихъ горъ, и жилъ въ то время, когда

всѣ вѣри и явленіямъ не здѣшняго міра, то, какъ вы думаете, не сталъ ли бы онъ твердо вѣрить дѣйствительности этихъ видѣній? Слѣдовательно, можно, ни мало не будучи сумасшедшимъ, не только быть подвержену галлюцинаціямъ, но даже вѣрить имъ, судя по степени своей образованности или понятіямъ въка.—Галлюцинаціи—сны не спящихъ людей; можно видѣть сны, не будучи безумнымъ, и даже вѣрить снамъ не считалось безуміемъ въ извѣстныхъ эпохи и теперь еще не считается у извѣстнаго класса людей. Деревенскіе жители, которые до сихъ поръ видятъ привидѣнія и вѣрятъ имъ, совсѣмъ не сумасшедшіе. Такъ, нѣкоторые оптическіе обманы были принимаемы за дѣйствительность, пока наука не открыла ихъ причины и тайны. Когда еще не подозрѣвали существованія марева, то не возможно было не вѣрить явленію городовъ, кораблей, или сражающихся, которые были въ небѣ. Сократъ былъ въ отношеніи къ духамъ и демонамъ на той же точкѣ, на которой товарищи св. Людовика были въ отношеніи дѣйствій марева: они вѣрили легионамъ всадниковъ, сходящихъ съ неба помогать имъ въ завоеванія св. земли, такъ точно, какъ Сократъ вѣрилъ и могъ вѣрить пособію посредствующаго божества или демона.

Не смотря на это, я смѣло утверждаю, что, если бы г. Лелю могъ хоть одну минуту поговорить съ великимъ философомъ даже о самомъ предметѣ его заблужденій, то нашелъ бы, что разумъ его не утратилъ ни одного изъ своихъ драгоценнѣйшихъ свойствъ, что онъ совершенно способенъ отдавать себѣ отчетъ и судить, однимъ словомъ, одаренъ полнымъ сознаніемъ самаго себя; и ему не стоило бы ни малѣйшаго труда отличить Платонова учителя отъ самаго замысловатаго жителя дома ума лишенныхъ.

Г. Лелю упрекаетъ сверхъ того Сократа въ увѣренности, что онъ дѣйствуетъ на друзей своихъ на нѣкоторомъ разстояніи и посредствомъ нѣкотораго тончайшаго вещества, какъ бы теперь выразились; но стало быть, должно считать безумными всѣхъ тѣхъ, которые въ наше время вѣрятъ чудесамъ магнетизма.

Впрочемъ, отдадимъ справедливость остроумному автору *Сократа демона*; по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ въ своихъ глубокихъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ, по мѣрѣ того, какъ философія его смягчается отъ столкновенія съ людьми, онъ какъ будто отступаетъ отъ суровости своихъ прежнихъ приговоровъ. Говоря о Паскалѣ, объ этомъ дѣятельномъ и высокомъ умѣ, заключенномъ въ слабомъ и больномъ тѣлѣ, о видѣніяхъ его и о Ладонкѣ, которую онъ носилъ въ подкладкѣ камзола со времени приключенія на Нельсонскомъ мосту, г. Лелю ограничивается самыми любопытными изысканіями о свойствахъ и причинахъ галлюцинацій знаменитаго автора *Мыслей*; по ни въ одномъ мѣствъ своего замысловатаго сочиненія не говоритъ прямо, что Паскаль былъ помѣшанъ; 15 лѣтъ тому назадъ, г. Лелю не усомнился бы написать это всѣми буквами.

Д-ръ А. А. Донне.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МАГОМЕТА

и

АРАВСКІЯ ЛЕГЕНДЫ О НИМЪ.

Mahomet et ses successeurs, par Washington Irving; 2 vol. *La vie et la religion de Magommed, telle, qu'elles sont relatées par les traditions shiites de Hydt-ul-Kuleob*, traduction du persan, par le révérend James L. Merrick, onze ans missionere en Perse; 2 vol.

Мусульманская легенда говорить, что однажды пророкъ разрезалъ луну на двѣ части, и что въ продолженіе нѣсколькихъ дней одна половина ея была спрятана въ его рукавъ. Послѣ чего онъ опять сложилъ луну, и она пошла по прежнему. Когда отложеніе Алія грозило разрушить единство мусульманскаго исповѣданія, правотѣрные приводили эту легенду, какъ символическое предзнаменованіе разъединенія религіи и того, что луна снова должна будетъ соединиться.

Рожденіе Магомета предшествовалось и сопровождалось многими чудесами. По словамъ Шіата-эль-Колеба, «въ ту ночь, когда онъ родился, въ магометанскомъ раю было воздвигнуто семьдесятъ тысячъ дворцовъ рубиновыхъ и семьдесятъ тысячъ дворцовъ жемчужныхъ, и всѣ они были названы дворцами *рожденія*. Чудовищная рыба, называемая Тамоаза, величайшая изъ всѣхъ тѣмныхъ обитателей соленыхъ водъ, рыба о семи-стахъ тысячахъ хвостахъ, носящая на своемъ хребтѣ семьсотъ тысячъ тельцовъ, изъ которыхъ каждый больше земнаго шара, каждый украшенъ семью-стами тысячами роговъ изъ чистаго изумруда, и каждый скакалъ и прыгалъ въ эту ночь на огромной массѣ, носящей его, и даже вовсе этого не чувствовавшей, Тамоаза, царица рыбъ, до того разыгралась въ минуту рожденія Магомета, что непремѣнно опрокинула бы вселенную, если бы Аллахъ не укротилъ ея восторговъ.» Пылкое воображеніе жителей Востока не довольствуется одними этими матеріальными чудесами, сопровождавшими рожденіе Магомета, но олицетворяетъ и источники его духовной силы, прибавляя, что «Творецъ облекъ его въ ризу правды, убралъ въ одежды святости, покрылъ пеленой божественнаго откоро-

венія, возложилъ на голову вѣнецъ религіознаго владычества, препоясалъ чресла поясомъ святой любви, обулъ въ сандалии смиреннаго благоговѣнія и вручилъ жезлъ—знакъ данной ему власти. Потомъ свыше раздался голосъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его. Едва минуло ему три года, какъ два небесные посланника вскрыли ему грудь, вынули его сердце и извлекли изъ него черную каплю первоначальнаго грѣха, наслѣдія нашего праотца Адама; вдохнули въ него духъ вѣры, духъ премудрости, духъ прозрѣнія будущаго, и вложили снова сердце въ свое мѣсто, а между плечъ положили печать пророчества, видимую до конца его жизни.

Магометъ, по общему преданію, родился въ 569 году христіанской эры, отъ бедуинки Халемы, которая вела кочующую жизнь въ горахъ. Лишившись матери еще въ младенчествѣ, онъ, послѣ смерти ея, воспитывался у своего дѣда, одного изъ наслѣдственныхъ стражей Каабы, главнаго храма Мекки (*). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ попалъ въ кругъ храмослужителей. Священные церемоніи и обряды, которыхъ онъ былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ, произвели неизбежное вліяніе на его умъ и расположили его къ религіознымъ думамъ. И между тѣмъ, при всѣхъ своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ служителями храма, онъ не выучился ни читать, ни писать, — и этихъ двухъ познаній не имѣлъ онъ во всю свою жизнь. Но Провидѣніе надѣлило его дарами болѣе высокими: оно дало ему умъ глубокій и созерцательный, воображеніе необъятное, силу воли непоколебимую. Магометъ не умѣлъ читать

(*) Кааба есть древнѣйшій храмъ Мекки, время сооруженія котораго терается въ первобытныхъ вѣкахъ. Еще за нѣсколько столѣтій до рожденія Магомета, когда Арабы поклонялись идоламъ, храмъ этотъ составлялъ главную ихъ святыню. Къ нему стекались на поклоненіе изъ самыхъ дальнихъ странъ, и родъ, которому ввѣрялось наслѣдственное храненіе ключа отъ этого храма, считался выше всѣхъ другихъ. Кааба имѣетъ форму продолговатую, массивную, и построена изъ огромныхъ кусковъ различнаго камня, грубо сложеннаго. Длина ея около осмнадцати шаговъ, ширина четырнадцать, вышина отъ тридцати пяти до сорока. Близъ дверей храма, подъ свѣро-западнымъ угломъ его, лежитъ тотъ знаменитый *Черный камень*, который правовѣрные любозають съ такимъ усердіемъ. Восточное преданіе говоритъ, что камень этотъ, съ самаго сотворенія міра, принесенъ и положенъ тутъ Архангеломъ Гавріиломъ; что сначала онъ былъ бѣлѣ снѣга, но грѣхи человѣческіе помрачили его и сдѣлали чернымъ. Всѣ четыре наружныя стороны Каабы завѣшены богатою черной шелковой тканью, подхваченной вверху золотыми шнурами. Ткань эта ежегодно перемѣняется: богатые вельможи Каира присылаютъ ее отъ себя въ то время, когда у мусульманъ наступаетъ пора поклоненія гробу пророка. Старую ткань разрѣзываютъ тогда на маленькіе кусочки, и продажа этихъ кусочковъ усерднымъ поклонникамъ приноситъ почти то же самое, чего стоитъ новая ткань.

въ книгахъ, но умѣлъ читать въ сердцахъ. Богомольцы, ежегодно стекающіеся въ Мекку, служили ему источникомъ познаній самыхъ изобильныхъ и самыхъ полезныхъ для его генія. Изъ этого-то источника почерпнулъ онъ ту проникающую, ту тонкую соображеній и тотъ пылкій энтузіазмъ, которые дали ему силу вызвать изъ уединенныхъ степей различныя племена своего народа, оживить ихъ своимъ вдохновеніемъ, соединить въ одно цѣлое, и водворить свою власть на такомъ пространствѣ, какого не обхватывали никогда орлы самихъ Римлянъ. Владычество исламизма, какъ извѣстно намъ, простирается отъ границъ Китая до Столповъ Геркулесовыхъ.

Между тѣмъ Магомету надобно было изучить еще многое, чего не могъ узнать онъ, постоянно оставаясь въ Меккѣ; и для изученія этого новаго свѣта ему представлялось одно средство—путешествіе съ караванами. Дядя Магомета, Абу-Галебъ, одобрилъ его желаніе путешествовать, и началъ брать его съ собой, когда еще ему не было семнадцати лѣтъ. Легенды, которыя составляютъ на Востоку любимыя бесѣды путешественниковъ, во время ихъ вечернихъ отдыховъ, вкругъ бивачныхъ огней, сильно дѣйствовали на его пылкое, молодое воображеніе. Въ особенности поразила его исторія о впадшихъ въ идолопоклонство Іудеяхъ. Этотъ разсказъ еще глубже врѣзался въ его памяти, когда ему случайно пришлось потомъ провести нѣсколько дней у несторіанскихъ монаховъ, въ Баеръ, на границахъ Сиріи. Одинъ изъ этихъ отшельниковъ, удивленный необыкновеннымъ умомъ Магомета и его вниманіемъ ко всему, что только касалось религіи, рѣшился обратить его изъ идолопоклонства. Первое свиданіе съ монахами и последующія за тѣмъ положительно направили Магомета на религіозный путь.

Впослѣдствіи, продолжая ходить съ караванами, какъ торговый коммисіонеръ и агентъ, онъ постоянно посѣщалъ характеристическіе рынки арабскіе, которые посвящены не исключительно одной торговлѣ, но гдѣ слышатся и поэтическія состязанія, и народныя разсказы и религіозныя поученія, — и все это какъ нельзя больше способствовало къ образованію любознательнаго ума и къ удовлетворенію любопытства юнаго араба, который, по неумѣнію читать, только и могъ пользоваться ученіемъ изуствнымъ. Способность его къ торговлѣ сдѣлалась извѣстной, и одна очень богатая вдова, желавшая бросить торговыхъ оборотовъ послѣ смерти мужа, и ежегодно отправлявшая караваны въ Сирію, поручила ему свои дѣла. За успѣшное и честное исполненіе ея порученій она платила ему вдвое противъ другихъ коммисіонеровъ, и кончила тѣмъ, что предложила ему свою руку, которую онъ принялъ, вѣроятно, больше изъ

благодарности, тѣмъ изъ любви, потому что вдова была старѣе его слишкомъ двадцатью годами. Жена Магомета рассказывала, что разъ, когда онъ возвращался изъ Сиріи въ Мекку, въ прекрасный солнечный день, она видѣла, какъ два ангела осыпали его своими крылами. Быть можетъ, она вѣрила въ его назначеніе столько же, сколько самъ Магометъ, увлеченный своимъ пылкимъ воображеніемъ и увлечшій вмѣстѣ съ собой и ее.

Обезпеченный богатствомъ своей жены, онъ пересталъ заботиться о торговыхъ дѣлахъ, и состояніе ея больше проиграло отъ этого союза, чѣмъ выиграло. Единственная мысль—извлечь своихъ соплеменниковъ изъ идолопоклонства, занимала его день и ночь. Его сношенія съ Иудеями и Христіянами, всегда многочисленными въ Аравіи, отторгнули его отъ прежней религіи; впечатлѣнія, запавшія въ его душу во время путешествій, постыли въ ней зерно новой вѣры; разговоры съ двоюроднымъ братомъ жены, Варакой, іудеемъ, обратившимся въ христіанство, рѣшили его окончательно. Варака переводилъ тексты Ветхаго и Новаго заветъа, и чрезвычайно былъ радъ, что нашелъ такого внимательнаго слушателя. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, отвращеніе, уже и прежде чувствуемое Магометомъ къ тремъ-стамъ шестидесяти идоламъ Каабы и къ темному фетишизму народнаго поклоненія, скоро дошло до крайности. Его геній понималъ великую истину единства Творца,—и все остальное для него ничего ужъ не значило. Соплеменники его тоже нѣкогда исповѣдывали эту истину, но она была помрачена въ глазахъ народа Сабами и Магами, изъ которыхъ первые внесли поклоненіе звѣздамъ, вторые солнцу. Магометъ явился въ свѣтъ въ эпоху ложнымъ толкованій Святаго Писанія, и притомъ все, что совершалось тогда за предѣлами Аравіи, было совершенно ему неизвѣстно. У него не было переводителя, который могъ бы ему сочувствовать, могъ бы просвѣтить его умъ въ борьбѣ съ самимъ собой, и между тѣмъ, разъ устремивъ свой взоръ отъ идолопоклонства къ истинному Творцу, онъ ужъ не хотѣлъ больше ничего видѣть, и до того углубился въ свою мысль, что наконецъ всѣ друзья и родственники начали принимать его за сумасшедшаго честолюбца. Съ каждымъ днемъ онъ уединялся все больше и больше, проводилъ цѣлыя недѣли въ пещерѣ, на горѣ Гара, въ размышленіи и молитвѣ, лежа на голой землѣ и закрывъ лице плащомъ своимъ. Одна только Кадіашъ, жена его, проникала иногда въ его уединеніе, и одна только ея любовь не измѣнялась къ нему посреди общей непріязни, которую онъ навлекъ на себя своей мечтательной, отшельнической жизнью. Разъ какъ-то, послѣ долгаго поста и молитвы, онъ сказалъ ей, что ему было чудное видѣніе,

но что онъ самъ еще не смѣетъ вѣрить тому, что ему предназначается. «Слава Аллаху!—вскричала Кадіашъ, увлеченная, можетъ быть, больше своей горячей привязанностью къ мужу, чѣмъ истиннымъ убѣжденіемъ,—слава Аллаху! съ этой минуты ты будешь для меня пророкомъ нашей земли! Потомъ, желая ободрить его еще больше, прибавила: «ты былъ всегда хорошимъ семьяниномъ, добрымъ соседомъ; ты никогда не отказывалъ бѣдному въ помощи, страннику въ гостепріимствѣ; ты всегда свято хранилъ слово, всегда и вездѣ былъ защитникомъ справедливости,—за все это Аллахъ не попуститъ тебя посрамиться передъ твоимъ племенемъ».

Вотъ что говоритъ Д. Тайлоръ, въ своей *Histoire du Mahometisme*, о видѣніяхъ Магомета: «не рѣдко встрѣчаются намъ примѣры, что воображеніе, разгоряченное мечтательностью и уединеніемъ, принимаетъ собственные свои призраки за существенность. Людямъ, превосходно организованнымъ, представлялись иногда видѣнія неизъяснимыя; даже можно сказать, что эти-то люди въ особенности и подвержены видѣніямъ призраковъ. Великанъ, предсказавшій Кромвелю его величіе, видѣніе, явившееся Цезарю въ палаткѣ Брута, были не что иное, какъ призраки ихъ слишкомъ напряженного воображенія. Вѣроятно, точно такъ же и Магометъ видѣлъ Архангела Гавріила, и чистосердечно былъ убежденъ, что назначеніе его послано ему свыше.»

Первымъ обращеннымъ Магомета была жена его,—вторымъ—его же невольникъ Зеидъ, которому онъ далъ за это свободу. Это было основаніемъ закона, принятаго впоследствии благочестивыми мусульманами—освобождать невольниковъ, обращающихся въ ихъ вѣру. Зеидъ, получившій свободу, остался тѣмъ не менѣе преданъ Магомету, такъ же, какъ были преданы ему и всѣ его приближенные. Впродолженіе трехъ лѣтъ, число приверженцевъ Магомета простиралось не далѣе сорока; между ними составилъ союзъ, и они собирались или въ жилищѣ котораго-нибудь изъ обращенныхъ, или въ уединенной пещерѣ близъ Мекки. Тамъ они молились и слушали поученія. Племя Корейшитовъ, къ которому принадлежалъ Магометъ, смотрѣло на его ученіе, какъ, на непростительное отступничество отъ древней своей идолопоклоннической религіи. Начались преслѣдованія и увѣщанія, сперва тайныя и кроткія, которыми старались удержать Магомета въ прежней его вѣрѣ, потомъ все болѣе грозныя и явныя, начавшія наконецъ возстановлять противъ него толпу. Это двойное преслѣдованіе, то направленное на нововводителя со стороны моральной, то стѣсняющее его существенно, сдѣлало сильное вліяніе на впечатлительную и симпатическую натуру Магомета. Ему было тогда не съ большимъ

сорокъ лѣтъ, но лицо его сдѣлалось блѣдно, всѣ черты приняли выраженіе какой-то одичалости; здоровье и силы его видимо слабѣли, такъ что друзья начали опасаться за жизнь его, между тѣмъ какъ враги еще утвердительно оглашали его сумасшедшимъ.

Несмотря на то, онъ все больше и больше предавался размышленіямъ, посту и молитвѣ. Наконецъ явилось ему второе видѣніе, которое, какъ говорилъ онъ, повелѣвало ему «возстать и проповѣдывать славу Божию». Онъ созвалъ свое племя и торжественно объявилъ, что посланъ возстановить единую истинную вѣру, — древнюю вѣру Адама, Ноя, Авраама, Моисея и всѣхъ следовавшихъ за тѣмъ пророковъ, и тѣмъ самымъ ниспровергнуть грубое и отвратительное идолопоклонство, въ которое впала большая часть его соплеменниковъ. При самомъ первомъ указаніи Магомета на заблужденія идолопоклонства, дядя его, Абу-Талейбъ, сынъ котораго былъ женатъ на Магометовой дочери, пришелъ противъ него въ такое ожесточеніе, что въ ту же минуту оставилъ сборище и приказалъ сыну отказаться отъ жены и отослать несчастную женщину въ домъ ея отца.

Нисколько не оскорбляясь этой обидой, а напротивъ какъ бы возвеличенный ею, нововводитель вторично пригласилъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ и сдѣлалъ имъ обѣдъ. Когда они напились и наѣлись, онъ, повторивъ имъ все то, что говорилъ уже прежде, прибавилъ: «Я не знаю ни одного человека въ цѣлой Аравіи, который бы могъ предложить вамъ вещь болѣе драгоценную той, какую я предлагаю: я хочу доставить вамъ блаженство и въ здѣшней жизни и въ будущей». Потомъ онъ выставилъ имъ въ самыхъ яркихъ очеркахъ все безуміе идолопоклонства, и обернувъ его въ смѣшную сторону, спросилъ, какую вѣру можно имѣть къ безчувственнымъ идоламъ, которые сами не имѣютъ ни дыханія жизни, ни глазъ, которыми могли бы видѣть, ни ушей, которыми могли бы слышать. Наконецъ, воодушевляясь все больше и больше, онъ вскричалъ: «есть ли между вами кто-нибудь, желающій быть моимъ визиремъ и помощникомъ, какъ Ааронъ былъ у Моисея? Молодой Али, тщетно ожидавшій нѣсколько минутъ, чтобы кто-нибудь болѣе достойный его откликнулся на этотъ призывъ, изъяснилъ наконецъ свою приверженность къ Магомету въ выраженіяхъ пылкихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ скромныхъ. Магометъ обнялъ его, прижалъ къ своему сердцу и назвалъ своимъ братомъ, своимъ вторымъ я. Большая часть собранія засмѣялась; Али былъ осыпанъ насмѣшливыми поздравленіями въ своемъ новомъ чинѣ, и насмѣшки эти сыпались и на отца его, которому говорили, что теперь онъ уже долженъ повиноваться своему сыну.

Тѣмъ не менѣе эта выходка Магомета открыла путь его ученію. Народъ началъ съ радостію принимать догматы новой вѣры; женщины, всегда готовые принять сторону преслѣдуемыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ирвингъ Вашингтонъ, становились жаркими его поклонницами. Иудеи, предпочитавшіе его ученіе идолопоклонству, тоже не возставали противъ него. Даже впоследствии, когда они увидѣли, что онъ дозволяетъ своимъ послѣдователямъ есть свинное и верблюжье мясо, они не сочли за нужное присоединиться къ его противникамъ.

Продолжая постоянно распространять свое ученіе, Магометъ, отъ времени до времени, диктовалъ его догматы, которые записывались избранными его учениками, и изъ которыхъ впоследствии составилъ Коранъ. Кажется, говоритъ докторъ Тайлоръ, что онъ никогда не имѣлъ мысли составить изъ своихъ поученій полную и послѣдовательную книгу, а диктовалъ ихъ отдѣльно, по мѣрѣ надобности и вдохновенія. Они были собраны уже послѣ его смерти; по повелѣнію Абу-Беккера, и собраны безъ всякой послѣдовательности, какъ пачка листовъ, разнесенныхъ вѣтромъ, и потомъ попавшихся въ руки человѣка совершенно безграмотнаго, сложившаго ихъ кое-какъ.

По мѣрѣ распространенія Магометова ученія, родъ Корейшитовъ, наслѣдственныхъ хранителей храма Каабы, понялъ, что ему угрожаетъ опасность. Корейшиты составили торжественную лигу, цѣлью которой было погубить ихъ врага; и чтобъ придать своему намѣренію болѣе вѣса и даже нѣкоторую святость, копію съ подписаннаго заговорщиками по этому случаю документа положили въ самомъ храмѣ. Магомету удалось открыть заговоръ; документъ, положенный въ храмъ, исчезъ, и онъ написалъ заговорщикамъ, что Господь, желая истребить доказательство ихъ преступнаго замысла, послалъ червя, который источилъ весь документъ, кромѣ того мѣста, на которомъ было начертано его имя.

Обернувъ на своихъ преслѣдователей ихъ же оружіе, онъ разстроилъ ихъ заговоръ, и впоследствии эта лига уничтожилась самою собою. Но между тѣмъ Мекка не составляла безопаснаго убѣжища для новообращенныхъ. Реформаторъ долженъ былъ распустить своихъ послѣдователей, и, какъ говорить, самъ вмѣстѣ съ ними удался въ Абиссинію, гдѣ едва могъ найти пристанище, и гдѣ скрывался до тѣхъ поръ, пока число собравшихся вкругъ него учениковъ достигло до ста. Тогда Магометъ опять возвратился въ Мекку и началъ проповѣдывать повсюду, гдѣ только встрѣчалъ слушателей. Нѣкоторые изъ его родственниковъ, оставляя въ сторонѣ его.

ученье, и помня только узы родства, свято чтимыя между Арабами, еще поддерживали своимъ покровительствомъ его личную безопасность; но послѣдователи его часто подвергались оскорбленіямъ Корейшитовъ. Когда одинъ изъ нихъ горько жаловался на обиду, нанесенную ему Корейшитами, Магометъ, вспыхнувъ, сказалъ: «Въ древнія времена вѣрующихъ раздирали на части зубьями желѣзныхъ граблей, отрубали имъ члены; они переносили всѣ муки съ терпѣніемъ и не отрекались отъ своей вѣры. Имѣйте и вы столько же мужества и терпѣнія. Кто истинно вѣруетъ, тотъ одинъ пройдетъ изъ конца въ конецъ вселенную, никого не боясь, кромѣ одного Бога».

Вотъ что рассказываетъ *Шіатъ-эль-Калебъ*, своимъ восточнымъ слогомъ и въ чисто восточной формѣ, объ одномъ оскорбленіи, нанесенномъ лично Магомету:

«Во время стеченія богомольцевъ въ Мекку, Магометъ, для ученія народа, взойшелъ на вершину горы Софатъ и началъ кричать во всеуслышаніе: «О вы, которые внимаете мнѣ, знайте, что я посланникъ Творца вселенной!» Народъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но слушалъ его молча. Магометъ перешелъ на гору Мервашъ, и три раза повторилъ тѣ же самыя слова. Тогда одинъ изъ идолопоклонниковъ, услышавъ его, бросилъ въ него камень и ранилъ имъ лучезарное чело Магомета. Другіе идолопоклонники тоже схватили камни.... но тутъ архангелъ Ибраилъ слетѣлъ къ Магомету, и онъ со слезами сказалъ ему: «Посмотри, что мой народъ со мной дѣлаетъ: онъ обвиняетъ меня во лжи и поражаетъ меня камнями.» — Дай мнѣ свою руку, сказалъ ангелъ, — и посадилъ пророка на вершинѣ горы. Подъ крымомъ его былъ небесный коверъ, украшенный жемчугомъ и рубинами; онъ раскинулъ его въ воздухъ, и коверъ покрылъ всѣ горы, окружающія Мекку. Потомъ, снова взявъ за руку Магомета, ангелъ посадилъ его на коверъ и сказалъ: «хочешь ли ты узнать, какъ Аллахъ чтитъ тебя?» — Да, отвѣчалъ Магометъ. — Въ такомъ случаѣ позови къ себѣ это дерево, сказалъ Ибраилъ. По призыву Магомета, дерево приблизилось къ нему и преклонилось передъ нимъ; потомъ, по его повелѣнію, снова возвратилось на свое мѣсто. Тутъ появился ангелъ Измаилъ, управляющій первымъ небомъ. Привѣтствуя пророка, онъ сказалъ: «Аллахъ послалъ меня для исполненія твоихъ приказаній. Если ты пожелаешь, звѣзды посыплются на твоихъ враговъ и сожгутъ ихъ». Потомъ появился ангелъ солнца и предложилъ Магомету уничтожить его враговъ, приблизивъ къ нимъ сферу, ему подвластную. Ангелъ земли предлагалъ разверзнуть нѣдра ея для поглощенія его враговъ; ангелъ горъ хотѣлъ воздвигнуть на нихъ горы; ангелъ моря просилъ позволенія потопить ихъ въ вол-

нахъ океана. Магометъ спросилъ всѣхъ этихъ ангеловъ, дѣйствительно ли посланы они охранять его; когда они отвѣчали утвердительно, онъ, обративъ лице свое къ небесамъ, сказалъ: «я не для того посланъ, чтобы судить, но принести міру прощеніе; оставьте же меня моему народу, который преслѣдуетъ меня по своему невѣжеству».

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ началъ проповѣдывать свое ученіе, и къ этому-то времени ученики его относятъ его знаменитое путешествіе на небо. Въ ихъ разсказахъ это путешествіе разцвѣчено всею яркостью красокъ восточнаго воображенія. По ихъ словамъ, путеводителемъ пророка былъ ангелъ Ибраилъ, лице котораго было бѣло какъ снѣгъ, локоны прекрасныхъ волосъ его красиво развѣвались по плечамъ; одежду его украшали десять тысячъ ароматическихъ подушечекъ, наполненныхъ мускусомъ и шафраномъ. На челѣ его были двѣ золотыя пластинки съ надписями—на одной: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога»; на другой: «Магометъ пророкъ его». Пятисотъ паръ крыльевъ осылали ангела, и каждая отдѣлялась отъ другой пространствомъ на пятисотъ лѣтъ пути. Ангелъ Ибраилъ предложилъ Магомету для путешествія на небо животное немного менѣе мула и немного больше осла. Этотъ «небесный корабль», какъ называютъ его Арабы, весь былъ украшенъ такимъ множествомъ алмазовъ, что блескъ ихъ былъ подобенъ блеску солнечныхъ лучей. Прежде всего Магометъ съ ангеломъ прибыли въ Іерусалимъ, гдѣ спустилась къ нимъ съ небесъ лучезарная лѣствица. Они начали всходить по ней, и Ибраилъ осынилъ Магомета своими крыльями, чтобы предохранить отъ всякой опасности. Такъ достигли они перваго неба, гдѣ были встрѣчены Адамомъ, человекомъ высокаго роста и съ бѣлымъ лицомъ. Потомъ увидѣли Іосифа, превосходящаго своей красотой всѣхъ другихъ людей, какъ полная луна превосходитъ звѣзды; увидѣли ангела колоссальнаго роста, одна половина тѣла котораго состояла изъ снѣга, другая изъ огня, и между тѣмъ снѣгъ не таялъ отъ огня, огонь не угасалъ отъ снѣга. Онъ провозглашалъ могучимъ голосомъ: «Святъ Господь, хранящій невредимыми противоположные элементы, изъ которыхъ состоитъ существо мое! О Ты, Который умѣлъ соединить снѣгъ съ огнемъ, сохрани единство чувствъ въ сердцахъ человеческихъ!» — «Это самый неусыпный стражъ изъ всѣхъ хранителей, посланныхъ Творцемъ его правовѣрнымъ, — замѣтилъ Ибраилъ; — со дня сотворенія міра и до настоящаго дня, онъ не престаётъ молиться о тѣхъ, которымъ посланъ въ заступники.» Наконецъ они увидѣли ангела смерти, держащаго вселенную между колынь своихъ, а въ рукахъ жребій съ надписями, которые онъ созерцалъ задумчивымъ взоромъ.

Ибраиль замѣтилъ, что должность этого ангела труднѣе и печальнѣе всѣхъ другихъ. Пророкъ спросилъ: «Къ каждому ли смертному обязанъ приближаться онъ?» — «Да, отвѣчалъ задумчивый ангелъ; въ каждомъ жилищѣ я бываю по пяти разъ въ день и осматриваю каждаго его обитателя. Когда родственники и друзья оплакиваютъ умершаго, я говорю имъ: не плачьте, потому что я буду посвятить васъ еще, и буду посвящать до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного изъ васъ». — «То, что слѣдуетъ послѣ смерти, часто бываетъ еще ужаснѣе ея, замѣтилъ Ибраиль, указавъ пророку на людей, повѣшенныхъ за ноги надъ огненными кострами; — казнь эта назначена имъ за то, прибавилъ онъ, что они, пользуясь дарами Всевышняго, Который возвелъ ихъ на степень богатства и величія, употребили ихъ во зло и совратились съ пути истины». — Далѣе ангелы сооружали дворецъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей. Пророкъ, увидѣвъ, что они оставили свою работу и стоятъ сложивъ руки, спросилъ ихъ, что это значить. — «Мы ждемъ, чтобъ издержки, которыхъ требуетъ наша работа, покрылись приношеніями, отвѣчалъ одинъ изъ ангеловъ. — Какими приношеніями? спросилъ пророкъ. — Молитвами правовѣрныхъ, отвѣчалъ ангелъ; каждый разъ, когда они перестаютъ молиться, мы перестаемъ работать». — На другой сторонѣ Магометъ увидѣлъ людей съ огромными верблюжьими губами. Ангелы обрѣзывали эти губы и бросали отрѣзанные куски мяса тѣмъ же несчастнымъ въ ротъ. — «Это тѣ, сказалъ Ибраиль, которые смѣялись надъ правовѣрными и поносили ихъ». — Люди жадные, ограбившіе сиротъ, приговорены были къ казни глотать огонь.

Самой грустной эпохой въ жизни Магомета было то время, когда онъ только что началъ открыто проповѣдывать свое ученіе, и время, послѣдовавшее за тѣмъ. Кадіашъ умерла. Корейшиты были ожесточены противъ него больше, чѣмъ когда-нибудь. Поклонники, приходившіе въ Мекку каждый годъ, и прежде уважавшіе Магомета, какъ слугителя Каабы, теперь гнушались имъ, какъ отступникомъ. Главной опорой служилъ ему дядя его, Абу-Галебъ, но и тотъ лишилъ его своего покровительства съ тѣхъ поръ, какъ онъ предложилъ и ему оставить идолопоклонство. Новообращеннымъ же опять надобно было искать для себя какое-нибудь безопасное убѣжище, но ни одинъ народъ не хотѣлъ принять ихъ.

Наконецъ въ одинъ счастливый день, когда онъ проповѣдывалъ по обыкновенію, на одной изъ горъ, окружающихъ Мекку, ему удалось привлечь къ себѣ вниманіе многихъ поклонниковъ, пришедшихъ изъ Медины, чистыхъ Арабовъ изъ племени Хозрадитовъ, которыхъ еще прежде расположили въ пользу Магомета Іудеи,

жившіе въ Мединѣ и одобравшіе его ученье уже собственно потому, что онъ проповѣдывалъ единство божества. Эти Арабы улеклись краснорѣчіемъ Магомета, и не имѣя противъ него того предубѣжденія, какое имѣли его соотечественники, приняли его ученіе. Магометъ объявилъ имъ свое желаніе отправиться съ ними въ Медину, но сверхъ всякаго чаянія получилъ въ этомъ отказъ подѣлѣмъ предлогомъ, что они ведутъ открытую войну съ другимъ племенемъ, и по этому не могутъ дать вѣрнаго убѣжища чужеземцу. Понявъ съ обыкновенной своей пронывательностью, что Хозрадиты боятся еще показать себя слишкомъ явно его приверженцами, Магометъ предложилъ имъ взять съ собой Мусу-Эбнъ-Омира, одного изъ достойнѣйшихъ и надежнѣйшихъ его учениковъ, давъ ему наставленіе разсѣивать сѣмена вѣры на этой новой почвѣ. Муса оправдалъ вполне довѣренность своего учителя и обратилъ къ нему многихъ жителей Медины. Другіе ученики Магомета, преслѣдуемые въ Меккѣ, спѣшили тоже переселяться въ гостепріимный городъ. Подвергнутые гоненію, они, сколько изъ усердія, столько же и для собственной безопасности, старались повсюду распространять и проповѣдывать новое ученіе, и наконецъ жители Медины рѣшились просить Магомета, чтобы онъ избралъ ихъ городъ своей резиденціей. Они прислали къ нему депутацію слишкомъ изъ семидесяти человекъ новообращенныхъ, которые должны были служить ему и конвоемъ. Дядя его, Али-Аббасъ, смотрѣлъ на это предложеніе какъ на глупость, но Магометъ призвалъ къ себѣ своихъ адептовъ и требовалъ отъ нихъ торжественной клятвы въ томъ, чтобы они явно отреклись отъ идоловъ, открыто приняли поклоненіе единому истинному Богу, безпрекословно повиновались ему, Магомету, охраняли и защищали его и взаимно другъ друга, какъ бы охраняли и защищали они женъ и дѣтей своихъ. Съ своей стороны онъ давалъ имъ обѣтъ быть съ ними неразлучнымъ, и быть другомъ ихъ друзей и врагомъ ихъ враговъ. Новообращенные спросили его, какую награду обѣщаетъ онъ имъ въ случаѣ, если приверженность къ нему ихъ погубитъ: «*Рай*», отвѣчалъ Магометъ, — и неохиты остались довольны.

Не смотря на то, Магометъ не побѣхалъ еще въ Медину, и отправивъ обратно присланную къ нему депутацію, самъ остался на вѣскольکو времени въ Меккѣ, все еще надѣясь обратить въ свою вѣру родныхъ своихъ. Это служить лучшимъ доказательствомъ его великодушія и любви къ роднымъ, за которую однакожъ они заплатили ему гнуснымъ заговоромъ на жизнь его. Ворвавшись ночью въ его комнату, заговорщики нашли на его постелѣ молодого Али,

завернувшись въ зеленый плащъ своего учителя, между тѣмъ какъ самъ Магометъ успѣлъ уже скрыться отъ нихъ въ жилище Абу-Беккера, а потомъ въ сопровожденіи его убѣжалъ въ одну изъ пещеръ горы Тора. И едва только они вошли въ нее, какъ услышали за собою погоню, горячо ихъ преслѣдующую. Абу-Беккеръ, не смотря на извѣстное свое мужество, со страхомъ замѣчалъ, что ихъ преслѣдуетъ многочисленная толпа, которой двое никакъ не могутъ противиться. «Насъ трое» — возразилъ Магометъ, — «потому что съ нами Богъ!...»

Сто верблюдовъ было обѣщано за голову пророка, и по этому бѣглецовъ отыскивали очень тщательно, но никакъ не могли отыскать. Арабская легенда говоритъ, что входъ въ пещеру, въ которой скрывался пророкъ, заслонился деревомъ акаціи, внезапно выросшимъ. На акаціи было голубиное гнѣздо и въ гнѣздѣ были уже яйца. Паутина тянулась отъ вѣтвей дерева къ краямъ пещеры, и служила доказательствомъ, что туда не входилъ никто. Обманутые этими признаками, Корейшиты удалились, не дѣлая поисковъ въ пещеру, и Магометъ съ своимъ будущимъ военачальникомъ могъ свободно избирать себѣ путь. Само по себѣ разумется, что они отправились въ Медину, гдѣ друзья давно уже и нетерпѣливо ожидали ихъ. Послѣ однодневнаго пути, въ продолженіе котораго имъ все еще грозила опасность и требовала отъ нихъ большой осторожности, бѣглецы прибыли наконецъ въ Кобу, отстоящую на двѣ мили отъ Медины, гдѣ не боялись уже никакихъ преслѣдованій. Тамъ они остановились и дали знать въ Медину о своемъ прибытіи. Приверженцы Магомета тотчасъ же начали стекаться толпами и рѣшились устроить ему торжественный въездъ. Въ Кобѣ Магометъ провелъ четыре дня въ отдохновеніи, потомъ въ одно утро, собравъ учениковъ своихъ на молитву и сказавъ поученіе, сѣлъ на верблюда и отправился, сопровождаемый семьюдесятью конными всадниками, составлявшими его конвой, между тѣмъ какъ ученики его попеременно держали надъ нимъ балдахинъ, сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ восторженный, вскричалъ: «о посланникъ Божій, ты долженъ войти въ Медину со знаменемъ!» и снявъ съ головы свой тюрбанъ, онъ прикрѣпилъ его къ концу копья и торжественно понесъ передъ Магометомъ. Это было то самое знамя, которое впоследствии сдѣлалось такъ знаменито и принесло Магомету столько блестящихъ побѣдъ. Новообращенные толпами выбѣгали изъ города на встрѣчу торжественному поезду, и тотъ, кто, убѣгая изъ Мекки, спасалъ свою жизнь, вступалъ въ Медину какъ триумфаторъ. Жители Медины оспаривали другъ у друга честь, кому принять его въ своемъ домѣ.

Это-то событіе называется у мусульманъ *Эзирой*, или *Бъст-вомъ изъ Медины*, и составляетъ начало ихъ лѣтосчисленія. Оно относится къ 622 году христіанской эры.

Первой мыслью Магомета по прибытіи въ Медину была мысль объ устройствѣ храма для его богослуженія, въ чемъ онъ также видѣлъ лучшее средство для соединенія учениковъ своихъ и для собственнаго на нихъ вліянія. Онъ избралъ мѣсто и началъ созидать первую мечеть. Это было зданіе обширное, но сооруженное изъ самыхъ простыхъ матеріаловъ. Крыша его была изъ пальмовыхъ листьевъ; стволы тѣхъ же пальмъ, оставленные въ натуральной корѣ своей, поддерживали ее вмѣсто колоннъ. Часть этого зданія была назначена для помѣщенія правовѣрныхъ, неимѣющихъ собственнаго приюта. Магометъ при постройкѣ его работалъ собственными руками, показывая такимъ образомъ примѣръ той простоты и того смиренія, которыми онъ отличался во всю свою жизнь. Наконецъ возникъ вопросъ, какимъ способомъ призывать правовѣрныхъ на молитву. Абдалахъ, который въ то время считался другомъ Магомета, а впоследствии сдѣлался его соперникомъ, предложилъ и ввелъ въ употребленіе призваніе словесное, произносимое громкимъ голосомъ. Съ тѣхъ поръ, и до нашихъ временъ, повсюду, гдѣ принято магометанское повѣданіе, муезины, всходя на свои минареты, сзываютъ народъ на молитву извѣстными возгласами, и путешественники, посѣщавшіе Востокъ, безъ сомнѣнія, вспоминаютъ, какъ, на утренней зарѣ или въ томительной тишинѣ знойнаго полдня, торжественно раздаются эти слова: «Богъ великъ! нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его: идите на молитву!» Повторивъ эту фразу два раза, утромъ муезинъ прибавляетъ: «Молитва лучше сна.» Во время вечерней службы новая мечеть освѣщалась пальмовыми отрубками, которые, заключая въ себѣ много смолистыхъ частей, замѣняли факелы. Магометъ, стоя подлѣ мечети и прилонясь къ одной изъ ея натуральныхъ колоннъ, поучалъ собравшійся вокругъ него народъ.

До тѣхъ поръ основаніемъ ученія его были кротость и миръ, но утвердившись въ Мединѣ, онъ отступилъ отъ этихъ началъ, увлекался, можетъ быть, такъ же какъ и многіе другіе сектаторы, тою мыслью, что такіе начала недостаточны для удержанія власти въ отношеніи политическомъ. Прежде всего онъ началъ, какъ бы въ отмщеніе врагамъ своимъ Корейшитами, посылать небольшіе отряды для нападенія на ихъ караваны въ степяхъ. Нападенія были удачны, следовательно и выгодны. Корусть начала привлекать въ ряды этихъ шаекъ все больше и больше сообщниковъ, и въ продолженіе двухъ лѣтъ войско

Магомета до того увеличилось, что могло напасть на огромный караванъ, шедшій изъ Мекки подъ охраненіемъ отряда, состоявшаго изъ девяти-сотъ пятидесяти человекъ, отлично вооруженныхъ. Дѣло предстояло не легкое, и Шейху, полководцу, нуженъ былъ весь его гений, чтобы кончить битву удачно, потому что непріатели были втрое многочисленнѣе его войска и гораздо лучше приучены къ дисциплинѣ. Какъ Наполеонъ, Магометъ рѣшился воспламенить своихъ солдатъ великостью предстоявшаго имъ подвига и увлекательными обѣщаніями. «Мечъ, сказалъ онъ, точно такъ же можетъ служить ключемъ къ небесамъ, какъ и къ аду. Тотъ, кто подыметъ его за святое дѣло, будетъ награжденъ еще въ здѣшней жизни. Каждая капля пролитой имъ крови, каждая опасность, каждый подвигъ, будутъ записываться въ великой книгѣ и сочтутся важнѣе поста и молитвы. Тотъ же, кто падетъ на полѣ битвы, получитъ отпущеніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и его ждетъ рай съ своими вѣчными радостями.»

Очень хорошо понимая, что ему надобно оправдать тѣмъ-нибудь свои военныя дѣйствія, противорѣчація первоначальному его ученію, Магометъ объявилъ, что, истощивъ всѣ средства кротости для обращенія Корейшитовъ, онъ считаетъ наконецъ себя обязаннымъ обратить ихъ силою, и, какъ бы для смягченія этихъ средствъ, сдѣлалъ нѣсколько наставленій, какъ должны поступать его солдаты во время войны. Онъ запретилъ имъ истреблять фруктовыя деревья, выбивать хлѣбъ на поляхъ, и вообще всякое разрушеніе, допускаемое войной. «Не убивайте ни одно животное, говорилъ онъ, если только не имѣете необходимости убить его для своей пищи; не отравляйте источниковъ, изъ которыхъ невѣрные черпаютъ себѣ воду, не будьте ихъ ночными убійцами. Приблизившись къ врагамъ, старайтесь прежде всего сдѣлать ихъ мусульманами, и если они согласятся, велите имъ идти въ столицу исламизма; если нѣтъ, предложите имъ условія, какъ данникамъ, и только тогда уже, когда все будетъ отвергнуто, *поражайте ихъ въ честной битвѣ*».

Подъ вліяніемъ этихъ поученій, новообращенные оказали чудеса храбрости: нападеніе на караванъ удалось на всѣхъ пунктахъ. Всю ночь, предшествовавшую битвѣ, Магометъ провелъ подъ деревомъ, молясь съ колѣнопреклоненіемъ. Когда стало разсвѣтать, отрядъ его устранился многочисленности непріателя, но онъ снова ободрилъ его, постоянно приводя стихи изъ своего Корана. «Вѣрьте, что я пошлю вамъ въ подкрѣпленіе тысячу ангеловъ, говорилъ онъ, — тысячу ангеловъ, которые выступятъ одинъ за другимъ. Побѣда дается Богомъ, а Богъ всемогущъ и справедливъ.» Атаба, начальникъ

каравана, видѣль, что битва неизбежна. Онъ велѣлъ своему сыну и своему брату надѣть шлемы и кольчуги, а самъ, для предохраненія отъ сабельныхъ ударовъ, обвязалъ свою голову двойнымъ турбаномъ, и послалъ Магомету вызовъ, чтобы онъ выслалъ изъ своихъ рядовъ такое же число противниковъ. Избегая кровопролитія, онъ хотѣлъ рѣшить битву единоборствомъ трехъ человекъ. Магометъ избралъ своего двоюроднаго брата Абдалаха-бенъ-Харта, своего дядю Хомсая, и юнаго Али, котораго онъ любилъ какъ сына. Онъ убѣждалъ ихъ положиться на помощь Божію, въ той увѣренности, что Онъ не допуститъ погаснуть свѣтильнику вѣры. Идолопоклонники были побеждены. Одинъ изъ мусульманъ, старикъ Абдалахъ, былъ раненъ смертельно. Его внесли въ палатку Магомета. «О посланникъ Божій! вскричалъ умирающій, буду ли я въ числѣ мучениковъ?»—«Да, отвѣчалъ Магометъ, глубоко огорченный,—да, и будешь первый въ семействѣ моемъ.»

Вотъ картина этой битвы, заимствованная изъ персидской рукописи:

«Евлись лично присутствовалъ подъ знаменами Корейшитовъ, и сталъ во главѣ ихъ. Увидѣвъ это, пророкъ приказалъ своимъ солдатамъ закрыть глаза и не обнажать сабель безъ его повелѣнія. Потомъ, воздвѣвъ руки къ небесамъ и преклонясь, онъ воскликнулъ: «О Аллахъ! они сражаются за вѣру Твою, и если погибнуть всѣ, то кто жъ останется на землѣ для поклоненія Тебѣ!» Тутъ пророкъ впалъ въ то безчувственное состояніе, которое обыкновенно служило признакомъ видѣній, являющихся ему изъ другаго міра. Когда онъ опомнился, потъ катился съ лучезарнаго чела его, и онъ воскликнулъ: «смотрите, вотъ Ибраилъ является на помощь къ вамъ, и за нимъ тысяча ангеловъ». Показалось черное облако, разсѣкаемое молніями, и остановилось надъ войскомъ пророка. Стукъ оружія раздавался въ этомъ облакѣ. Вождь язычниковъ, ставъ между двумя арміями, возгласилъ: «О боги! наша вѣра древняя, вѣра Магомета новая; помогите той, которая угодна вамъ!» Непріатели сошлись на рукопашный бой. Али поднималъ горсть песку и подалъ ее Магомету, который бросилъ песокъ въ лицо враговъ своихъ съ проклятіемъ. Въ ту же минуту поднялся страшный вихрь, съ силой понесъ на непріателей Магомета брошенный имъ песокъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство: каждый, кого касалась хотя одна песчинка, не возвратился живой съ поля битвы. Вождь Корейшитовъ тоже погибъ въ ней, и Магометъ, глядя на трупъ его, сказалъ: «Ты будешь наказанъ на томъ свѣтѣ за то, что называлъ меня лжецомъ, когда я проповѣдывалъ истину. Этотъ человекъ согрѣшилъ больше Фараона, прибавилъ

онъ: тотъ исповѣдывалъ единого Бога, когда море поглотило его; этотъ до послѣдняго часа призывалъ своихъ идоловъ....

Послѣ этой победы, которую мусульмане называютъ Бедерской или Бакрской, Магометъ сдвигался полнымъ властителемъ Медины. Но Евреи, которыхъ не могъ обратить онъ, мѣшали ему, и онъ, если не преслѣдовалъ ихъ открыто, такъ по крайней мѣрѣ старался унижать сколько могъ. Корейшиты, больше раздраженные, чѣмъ испуганные, нанесеннымъ имъ пораженіемъ, тоже искали только случая возобновить свои непріязненные дѣйствія, и по этому вся исторія Магомета представляетъ въ это время только непрерывный рядъ битвъ, по большой части выигранныхъ мусульманами. Между прочими битвами была кровопролитнѣе другихъ битва Ошодская, которую Магометъ тоже выигралъ, хотя и потерялъ много людей. Въ этомъ сраженіи молодой Али бился до того, что лезвие сабли его сломалось. Магометъ далъ ему свой собственный мечъ, и этимъ мечемъ визирь его «посылалъ на дно преисподней каждого, кто осмѣливался нападать на пророка». Въ рядахъ Корейшитовъ была дочь Атабаха, Хинда, которая въ насмѣшку надъ трусостью своихъ солдатъ, обратившихся въ бѣгство, начала подавать имъ сткляночку съ составомъ, употребляемымъ женщинами для крашенія рѣсницъ, называла ихъ бабами, и говорила, чтобы съ этого времени они не смѣли выдавать себя за мушницъ. Увидѣвъ тѣло своего дяди Хомсая, покрытое ранами и обезображенное, Магометъ заплакалъ и сказалъ: «Клянусь за одно это тѣло точно такъ же растерзать и обезобразить семьдесятъ тѣлъ моихъ враговъ!» Но за этимъ минутнымъ порывомъ онъ какъ будто бы слышалъ тайный голосъ, который говорилъ ему: «если ты будешь мстить, то пусть твоя месть не превосходитъ зла, которое тебѣ сдѣлали; если перенесешь зло съ терпѣніемъ, это будетъ еще лучшимъ послушаніемъ». Здѣсь видны два человѣка: одинъ, увлекающійся страстями и властью, — другой, укрощаемый голосомъ великодушія. Къ чести реформатора надобно сказать, что онъ послушалъ послѣдняго.

Мы не будемъ исчислять всѣхъ битвъ Магомета, а приведемъ лучше еще нѣсколько характеристическихъ разсказовъ о немъ древняго Востока.

Послѣ одной победы надъ Корейшитами, Фатьма, дочь Магомета и жена Али, принесла своему отцу воды, для освѣженія его послѣ усталости. Вдругъ появился на мулъ ангелъ Ибраилъ, на плечахъ котораго развѣвалась райская ткань, вышитая жемчугомъ и яхонтами. Ибраилъ, также какъ и Магометъ, былъ покрытъ пылью. Замѣтивъ это, пророкъ всталъ, и пыль исчезла отъ одного его дуно-

венія. Тогда Ибраилъ сказалъ ему: «да будетъ надъ тобой милость Аллаха! Ты обезоружилъ враговъ своихъ скорѣе, чѣмъ небесные войны, посланные тебѣ на помощь для преслѣдованія Корейшитовъ. Теперь Аллахъ повелѣваетъ тебѣ до тѣхъ поръ не творить вечерней молитвы, пока ты не вступишь во владѣнія Бенъ-Корейшитовъ (враговъ Магомета). Я пойду впереди тебя, поколеблю стѣны жилищъ ихъ, и враги твои сокрушатся отъ моей руки, какъ яичная скорлупа отъ камня, разбивающаго ее на тысячу частей». Когда мусульмане приблизились къ непріятельскому укрѣпленію, многіе изъ непріятелей начали осыпать Магомета и его армію упреками. «Вамъ ли, братьямъ ословъ и свиней, вамъ ли, поклонникамъ идоловъ, оскорблять меня? А воскликнулъ Магометъ. Взырьте мнѣ, горе тому народу, на который возстану я!»—О Магометъ, отвѣчали непріатели,—мы никогда не считали тебя зачинщикомъ кровопролитія!—При этомъ замѣчаніи пророкъ бросилъ на землю трость свою и свой плащъ; чело его вспыхнуло огнемъ стыда, и онъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ, погрузился въ размышленія.

Въ одной битвѣ Али встрѣчается съ непріятельскимъ богатыремъ, на шлемъ котораго, для защиты отъ сабельныхъ ударовъ, было толстое кольцо изъ твердаго камня. Воспѣвая героическіе гимны, противники сблизились, и Али однимъ махомъ разрубилъ и кольцо, и шлемъ, и голову своего противника, еврея Игоды. Въ другой разъ, атакуя ворота крѣпости, онъ сорвалъ ихъ съ петель, взявъ въ руки вмѣсто щита, и потомъ отбросилъ на сорокъ шаговъ. Семьдесятъ человекъ не могли поднять этихъ воротъ. Удивленный этими подвигами, Ибраилъ явился Магомету и сказалъ: «когда Всевышній повелѣлъ мнѣ истребить народъ Лота, я на одномъ перѣ крыла моего поднялъ семь городовъ этого народа такъ высоко, что жителямъ седьмаго неба стали слышны голоса въ нихъ. Ожидая дальнѣйшихъ повелѣній Всевышняго, я держалъ эти города на воздухѣ цѣлую ночь, и даже не чувствовалъ ихъ тяжести. Но теперь, когда Али, воскликнувъ: *Аллахъ Акбаръ* (Богъ великъ), поразилъ Мархаба и занесъ свой мечъ на Газема, я получилъ повелѣніе сдержатъ этотъ ударъ для того, чтобы онъ не раздвоилъ вселенной, и ударъ этотъ отозвался на моихъ крыльяхъ тяжестью семи городовъ, не смотря на то, что его удерживали еще и другіе ангелы».

Магометъ обещалъ двѣнадцать дворцовъ въ раю тому, кто побѣдитъ племя Явисовъ, и Али, принимая это предложеніе, пожелалъ узнать, какіе будутъ эти дворцы. Магометъ сказалъ, что они построены изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей на цементѣ изъ

мускуса и амбры. Дорожки вокруг нихъ усыпаны жемчугомъ и яхонтами, лужайки изъ шафрана, холмы изъ камфоры. Около каждаго дворца протекають четыре рѣки: въ одной течеть вино, въ другой медъ, въ третьей молоко, въ четвертой самая чистая вода. Берега рѣкъ осынены различными деревьями, на которыхъ висятъ грозды жемчуга и коралловъ. На берегу каждой рѣки гротъ, высѣченный изъ одной цѣльной, прозрачной жемчужины. Въ каждомъ гротѣ изумрудный тронъ, украшенный яхонтами. На каждомъ тронѣ гурія, наряженная въ семидесяти одеждахъ зеленыхъ и въ семидесяти желтыхъ, и одежды эти и самое существо гурій до того прозрачны, что сквозь нихъ виднѣть мозгъ, переливающийся въ костяхъ, какъ пламя сквозь хрустальный сосудъ (*). У каждой гуріи въ волосахъ по семидесяти буквлей, каждая буква ввѣрена попеченію служанки, и каждая служанка окуриваетъ свою буклю небесными ароматами, старающимися безъ огня».

Въ битвѣ Мотакской, Джіафаръ, знаменосецъ Магомета, потерялъ правую руку. Онъ взялъ знамя въ лѣвую, но и лѣвую ему отрубили. Тогда онъ, окровавленными култышками рукъ, спряталъ знамя на своей груди, и сохранялъ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ истекъ кровью отъ полученныхъ имъ девяти ранъ. Магометъ самъ отправился къ его женѣ объявить о его смерти. Онъ взялъ на руки его маленькаго сына, и такъ нежно и горестно началъ ласкать его, что несчастная вдова догадалась о своей горькой утратѣ. Со слезами разсказалъ Магометъ всѣ подробности смерти ея мужа, и потомъ прибавилъ: «да, онъ потерялъ обѣ руки, но въ замѣнъ за то получилъ два изумрудныя крыла, на которыхъ теперь летаетъ въ сонмѣ ангеловъ....»

Черезъ шесть лѣтъ послѣ бѣгства въ Медину, Магометъ захотѣлъ совершить путешествіе въ Мекку, въ то время, когда стекались туда богомольцы, и когда по этому случаю всякая вражда между непріязненными народами должна была прекращаться на цѣлый мѣсяцъ. Изгнанникамъ хотѣлось только взглянуть на свой прежній домашній очагъ и повидаться съ друзьями, которыхъ они такъ давно не видали. Начальникъ ихъ все однакожъ по прежнему страстно желалъ присоединить древнюю вѣру свою къ новой, и явиться въ Мекку если не разрушителемъ, такъ по крайней мѣрѣ реформаторомъ. Но вражда еще сильно кипѣла противъ него; слухъ о его прибытіи

(*) Красавицы съ такимъ прозрачнымъ тѣломъ, сквозь которое видно, *«какъ можетъ изъ косточки въ косточку переливается»*, есть и въ нашихъ народныхъ сказкахъ. Не отсюда ли взяты онѣ?

встревожил жителей Мекки, и они отправили къ нему посольство, которое должно было узнать о его настоящихъ намѣреніяхъ и принять противъ него всѣ мѣры предосторожности. Посольство было удивлено почестями, которыя воздавались Магомету. «Я представлялся, говорилъ одинъ изъ посланниковъ, — персидскому шаху и константинопольскому императору посреди всего величія ихъ дворовъ, но и они не получаютъ твоихъ почестей отъ своихъ подданныхъ, какія получаетъ Магометъ». Донесеніе пословъ еще болѣе усилило страхъ жителей Мекки, и все, на что могъ склонить ихъ Магометъ, не приступая къ осадѣ своего роднаго города, состояло только въ трактатѣ, заключенномъ на десять лѣтъ, которымъ дозволялось ему ежегодно прѣзжать въ Мекку не болѣе какъ на три дни; но со всѣмъ тѣмъ исполненіе трактата должно было начаться не прежде, какъ еще черезъ годъ.

Чтобъ утѣшить войска свои въ этой неудачѣ, онъ повелъ ихъ къ осадѣ Хайбара, города, принадлежащаго Иудеямъ, не хотѣвшимъ ему покориться. На этотъ разъ священное знамя несъ любимецъ Магомета Али, заслужившій у мусульманъ названіе *Льва Господня*. «Этотъ человекъ, говорили правовѣрные, — любитъ Бога и его пророка, и Богъ и пророкъ любятъ его». Крѣпость Хайбарская, несмотря на всю свою неприступность, была взята, и добыча утѣшила побѣдителей въ ихъ несостоявшемся путешествіи въ Мекку. Но, къ несчастію, тамъ ихъ обожаемому начальнику суждено было найти свою смерть или по крайней мѣрѣ первый зародышъ смерти. Женщина подала ему плечо баранины, отравленное ядомъ. При первомъ же кускѣ, который проглотилъ Магометъ, въ немъ родилось подозрѣніе, и онъ не сталъ больше ѣсть; но ядъ былъ такъ силенъ, что уже проглоченное имъ количество отравило его кровь и медленно повело его ко грѣбу. Одинъ изъ товарищей Магомета, съѣвши этой баранины болѣе его, умеръ тотчасъ же. Между тѣмъ Магометъ, нисколько не подозрѣвая, что и онъ отравленъ, и что печать смерти лежитъ уже и на его челѣ, возвратившись въ Медину, послалъ посольство ко многимъ сильнымъ владѣтелямъ, которымъ предложилъ принять ислаизмъ, и его, Магомета, признать послѣднимъ и величайшимъ изъ пророковъ. Хозревъ, персидскій шахъ, въ отвѣтъ на это посольство написалъ къ своему іеменскому вице-королю: «постарайся вылечить этого мединскаго сумасброда; а если ужъ это не возможно, такъ привези мнѣ его голову.» Въмѣсто того, вице-король самъ очень скоро обратился къ ислаизму, и Магометъ оставилъ ему его прежній постъ. Ираклій, императоръ константинопольскій, принялъ посольство Магомета гораздо благосклоннѣе и наградилъ

посланниковъ богатыми подарками. Вице-король египетскій, король эѳіопскій и король бахранскій сдѣлали тоже. Многіе изъ арабскихъ князей не понимали еще всей важности возрастающаго могущества Магомета.

Слѣдующій за тѣмъ годъ былъ ознаменованъ торжественнымъ путешествіемъ въ Мекку. Преданіе говоритъ, что, когда Магометъ, совершивъ поклоненіе, возвращался въ Медину, онъ непрерывно былъ останавливаемъ на пути своимъ посланниками, являвшимися къ нему со всѣхъ концовъ Аравіи, съ поздравленіями въ его побѣдахъ. Цѣлыя племена покорялись ему. Тогда онъ началъ думать о войнѣ съ иностранными державами, и объявилъ, что каждый народъ, который въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не отречется отъ идоловъ и не признаетъ истиннаго Бога, будетъ наказанъ имъ. Успѣхи его оружія вскорѣ подтверждали, что слова его не однѣ пустыя угрозы.

Но часть его приближался; онъ самъ чувствовалъ, что силы его съ каждымъ днемъ слабѣютъ, и подъ вліяніемъ этихъ-то чувствъ устроивалъ онъ последнее свое путешествіе въ Мекку, которому старался придать сколько можно больше торжественности, съ тою цѣлью, чтобъ оно на будущія времена могло служить образцомъ и правиломъ подобныхъ религіозныхъ путешествій. Сеченіе народа, вышедшаго къ нему на встрѣчу, было огромное: оно простиралось до ста четырнадцати тысячъ, какъ говорятъ нѣкоторые писатели; дѣйствительно то, что Магометъ, вступивъ въ Мекку, увидѣлъ себя еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ онъ въ Мединѣ. Онъ прошелъ по всѣмъ отдѣленіямъ храма Каабы, и, останавливаясь передъ каждымъ изъ его многочисленныхъ идоловъ, провозглашалъ: «гдѣтъ Бога, кромѣ Бога! истина явилась и поправа ложь!» Послѣ этихъ словъ ученики Магомета тотчасъ же опрокидывали идола и разбивали его.

Возвратившись изъ Мекки, онъ чувствовалъ уже приближеніе смерти, и началъ готовиться къ этому последнему путешествію въ вѣчность, со всею твердостью человека, который понимаетъ, что дѣло его совершено. Въ совѣтахъ и приказаніяхъ, которые давалъ онъ въ послѣднія минуты своимъ приближеннымъ, выражалось только одно желаніе, чтобы они поддержали и на всегда упрочили успѣхи вѣры, распространенной имъ. Приказавъ привести къ себѣ двухъ внучатъ своихъ, сыновей Алія, и единственныхъ своихъ наследниковъ по прямой линіи, онъ нѣжно ихъ обнялъ и вскричалъ: «о Господи! Тебѣ я поручаю ихъ, поручаю во славу правотѣрныхъ!» Аліи, глубоко огорченный, не отходилъ отъ постели умирающаго, который съ своей стороны изъявлялъ самую нѣжную любовь этому другу своего сердца, этому вѣрному сподвижнику. Преданіе говоритъ, что онъ умеръ, обвивъ свои руки около шеи этого достойнаго друга.

Своимъ женамъ Магометъ говорилъ: «Не раздрайте вашихъ одеждъ, не вырывайте вашихъ волосъ, не плачьте»; — а ученикамъ: «я только ухожу прежде васъ, но и вы скоро послѣдуете за мной: смерть ожидаетъ всѣхъ. Да никто изъ васъ не отложится отъ меня; моя жизнь была благомъ для васъ, благомъ будетъ и смерть». По мѣрѣ приближенія роковой минуты, мысли его все болѣе и болѣе устремлялись къ одной только религiи; онъ велѣлъ дать свободу всѣмъ своимъ невольникамъ, и раздать всѣ свои деньги бѣднымъ. Потомъ, устремивъ взоръ свой къ небу, сказалъ: «да поможетъ мнѣ Богъ въ послѣдней моей борьбѣ съ смертiю!» Аешъ, любимая жена его, желая облегчить его предсмертную агонiю, поддерживала его голову. У него для каждаго было прiятливое слово, но въ послѣднiя минуты онъ, казалось, уже весь переселился въ духовный мiръ. По временамъ онъ только обмакивалъ свои пальцы въ воду и дрожащей рукой старался прохладить свое лицо. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвiя, сказалъ прерывающимся голосомъ: «о Аллахъ! да будетъ воля твоя.... во славу твоею.... въ раю....» и его не стало.

Магометъ былъ роста средняго и очень стѣтенъ. Черты лица его были выразительны; его черные и густые волосы и борода дѣлали ихъ нѣсколько рѣзкими.

«Когда волосы его слишкомъ отросли», — говоритъ Шинтъ-Эль-Калебъ, — «онъ раздѣлялъ ихъ посрединѣ головы и распускалъ на обѣ стороны. Лицо его было чрезвычайной бѣлизны, лобъ высокій, брови тонкія и правильно согнутыя. Въ минуты гнѣва, чело его становилось грозно, и жилы на лбу напрягались какимъ-то особеннымъ образомъ. Орлиный носъ его былъ очень красивъ и пропорціоналенъ; губы тонкія; зубы чисты и ровны какъ жемчугъ; улыбка оборочала каждаго. Его широкія плечи и твердые, мускулистые члены служили признаками мужества и физической силы, — качества чрезвычайно уважаемыхъ Арабами. Руки его были нѣжны и красивы; ступни ногъ длинны и такъ высоки въ подъемѣ, что капля воды, упавшая ему на ногу, ни минуты не могла оставаться на ней. Поступь его была важна, но нисколько не обличала гордости; голову онъ всегда держалъ прямо, но безъ всякой надменности, а какъ человѣкъ, который всходитъ на гору. Говоря съ кѣмъ-нибудь, онъ смотрѣлъ на него не изкоси, а оборачивался прямо къ нему. Какая-то постоянная грусть была замѣтна на его лицѣ; постоянно онъ или дѣйствовалъ или обдумывалъ свои дѣйствiя, не терпѣвъ пустословія и говорилъ только тогда, когда надобно было говорить. Рѣчь его была проста и ясна; онъ высказывалъ свои мысли полно,

но сжато и безъ всякихъ фразъ. Въ обращеніи онъ былъ ласковъ, и никто не видалъ отъ него ни грубости, ни пренебреженія. О мелочныхъ удобствахъ жизни нисколько не заботился; въ питъи и пищѣ нисколько не былъ прихотливъ. Не заботился также онъ и о потерѣ благъ земныхъ; но если доходила до его свѣдѣнія какая-нибудь несправедливость, онъ до того воспламенялся гнѣвомъ, что никто не осмѣливался показаться на глаза до тѣхъ поръ, пока истина не получала должнаго возмездія. Вездѣ, гдѣ бы ему ни случилось быть, онъ не требовалъ для себя ни отличнаго помѣщенія, ни отличнаго почета, а напротивъ старался показывать примѣръ смиренія. Когда онъ начиналъ говорить, слушатели ловили каждое его слово съ такой жадностію, что становились безмолвны и неподвижны, какъ окаменѣлыя статуи».

Отъ пяти вещей Магометъ, какъ онъ самъ говорилъ, никогда не могъ отвыкнуть:—обѣдать и ужинать, сидя на землѣ, вмѣстѣ съ своими служителями; ѣздить верхомъ на ослѣ не въ сѣдлѣ, а на попонѣ; доить козъ собственными руками; носить шерстяную одежду и кланяться дѣтямъ. Къ привычкѣ доить козъ преданіе прибавляетъ еще, что Магометъ имѣлъ также привычку самъ чинить свою обувь; дѣйствительно, нравы его вообще были очень просты. Постелей ему обыкновенно служилъ арабскій плащъ, подушкой—кожаная наволочка, набитая сухими листьями. Однажды какъ-то его приверженцы, желая доставить ему больше спокойствія, сдѣлали для него постель мягче обыкновеннаго; на утро онъ проспалъ часть, назначенный для молитвы, и впредь запретилъ это дѣлать. Пища его обыкновенно состояла изъ финиковъ, ячменнаго хлѣба, меду и молока. Онъ самъ мелъ свою комнату, разводилъ огонь, чистилъ и чинилъ свое платье,—словомъ, былъ собственнымъ своимъ слугою. Жена его Аешъ, рассказывая о первомъ времени своего замужства, говоритъ: «продолженіе цѣлаго мѣсяца мы не разводили огня для приготовленія себѣ пищи; мы ѣли только плоды и пили одну воду.» Другая хроника прибавляетъ, что въ тѣ минуты, «когда Магометъ увлекался гнѣвомъ, потъ крупными каплями, подобно жемчугу, катился съ чела его», — и въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что страсти Магомета дѣйствительно были сильны. Его любовь къ своимъ дѣтямъ была чрезмерна, и въ послѣдствіи составила самую горькую отраву его жизни; всѣ они умерли при немъ, иныя еще въ дѣтствѣ, другія уже въ совершенномъ возрастѣ, и въ послѣднія минуты свои онъ не видалъ вокругъ себя никого изъ нихъ. Жены не только чтили, но, какъ ужъ мы сказали, почти боготворили его, и

это служить самымъ лучшимъ доказательствомъ его практическаго ума и честной жизни. Во все время его супружества съ Кадіашъ, единственной женой, въ которой онъ нашелъ истинную спутницу и истиннаго друга, Магометъ остается рѣшительно безупреченъ, — и если впоследствии нѣкоторые изъ его любимыхъ женъ, гордясь своею красотою и молодостью, спрашивали его, дѣйствительно ли Кадіашъ, о которой онъ постоянно сохранялъ самыя нѣжныя воспоминанія, была лучшей женой его, онъ отвѣчалъ: — «Да, когда я былъ бѣденъ — она обогатила меня; когда другіе обвиняли меня во лжи, — она вѣрила мнѣ; когда я былъ отвергнутъ моимъ племенемъ и цѣлымъ свѣтомъ, — она осталась мнѣ вѣрна; и чѣмъ больше несчастій претерпѣвалъ я, тѣмъ больше она меня любила.» Это служить лучшимъ доказательствомъ его чистыхъ понятій о брачномъ союзѣ.

Съ такими личными качествами, съ такою творческою силою воображенія, съ такимъ внутреннимъ чувствомъ справедливости, и наконецъ съ такимъ глубокимъ умомъ, Магометъ не могъ не замѣтить всѣхъ заблужденій идолопоклонства, унижающихъ религію его страны. Его постоянныя размышленія объ этомъ важномъ предметѣ выдвинули его понятія еще болѣе впередъ отъ запоздалыхъ понятій его племени. Онъ смотрѣлъ на народъ, какъ на ребенка, которому прежде всего нужно развитіе; народъ смотрѣлъ на него, какъ на мрачнаго энтузіаста, помѣшавшагося на честолюбіи и фанатизмѣ. Посреди этихъ враждебныхъ элементовъ долго онъ хранилъ глубокое молчаніе. Это было облако, скопляющееся на отдаленномъ горизонтѣ и вбирающее въ себя все болѣе и болѣе электричества; наконецъ въ немъ блеснулъ бѣдный лучъ молніи, отошелся глухой, едва внятный гулъ — и вслѣдъ за тѣмъ страшные удары грома покатались одинъ за другимъ. Каждый содрогнулся передъ этимъ новымъ могуществомъ; Магометъ самъ былъ удивленъ своимъ успѣхомъ.

«Когда онъ явился въ Медину, — говоритъ Ирвингъ Вашингтонъ, — онъ никакъ не предвидѣлъ того, что его тамъ ожидало. Вся цель его состояла въ томъ, чтобы воздвигнуть тамъ скромную мечеть для богослуженія, все желаніе — совершать это богослуженіе безпрепятственно.... Фанатическая ревность учениковъ его сдѣлала для него гораздо болѣе, чѣмъ всѣ его военныя познанія: она доставила ему такія победы, на которыя не могъ бы разсчитывать никакой военный гений. И между тѣмъ эти блестящія победы не возбуждали въ немъ ни той гордости, ни того тщеславія, которыми неминуемо бы увлекся каждый военачальникъ, сражающійся изъ лич-

ныхъ выгодъ. Богатыя добычи, приобретаемыя войной, служили ему только средствомъ къ распространенію вѣры и средствомъ существованія самымъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ поклонниковъ, а между тѣмъ собственная казна его часто бывала совершенно пуста.... Правда, лигатура всплывала иногда наверхъ: человѣкъ, облеченный земной властью, выказывался по временамъ въ Магомета, но первоначальное его направленіе тотчасъ же брало верхъ надъ нимъ, и онъ снова уносился своими помыслами за предѣлы здѣшняго міра».

Такова была жизнь и таковъ былъ характеръ этого необыкновеннаго человѣка, ученіе котораго распространилось въ послѣдствіи отъ береговъ Атлантическаго океана до Японіи, прошло по материкамъ Азіи и Африки, обхватило Испанію и проникло даже во Францію до сѣверной части Лоары. Могуществомъ исламизма въ Багдадѣ образовался ученый кругъ, состоящій изъ шести тысячъ учениковъ и профессоровъ; въ Каирѣ двадцать учебныхъ заведеній и библіотека, заключающая въ себѣ сто тысячъ манускриптовъ; въ Кордуѣ библіотека въ двѣсти восемьдесятъ тысячъ томовъ; въ королевствѣ Андалузскомъ болѣе семидесяти библіотекъ. Астрономія, анатомія, хирургія, химія, ботаника, — однимъ словомъ, всѣ отрасли наукъ и искусствъ подвинулись въ этомъ магометанскомъ мірѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, и составляли въ ту эпоху чистую собственность послѣдователей исламизма.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНІЧНЫЯ.

Уздечка на заносливыхъ журналистовъ. — Изустные журналы. — Теорія молвы. — Что такое журнальные толки. — Европа *à vol d'oiseau*. — Финансы Англіи. — Парламентъ. — Лордъ Кларендонъ и его племянница. — Музыка не по нотамъ. — Рѣчь лорда Абердина. — Важная новость изъ Парижа. — Мадридъ. — Римъ. — Ганноверъ. — Берлинъ. — Дѣла на Востокъ. — Осеннее лѣто въ Парижѣ. — Версаль и Сен-жерменскій дворецъ. — Праздникъ въ Сев-Клу. — Игра на биржѣ и домашній преферансъ. — Поздравленіе къ-статіи. — Чудакъ. — Лихорадочная жизнь. — Новый графъ Сень-Жерменъ. — Завѣтная тайна. — Развязка. — Грусть любовницы. — Таковъ свѣтъ.

Парижскіе журналисты не совсѣмъ довольны закономъ, стѣснившимъ ихъ обычное празднословіе; но какъ эта мѣра не могла имѣть вліянія на свободу молвы, то журнальные толки перешли въ область изустной полемики, и теперь рассказываютъ то, что прежде писали. Понятно, что теперь вы услышите много странныхъ мнѣній, много искаженныхъ фактовъ, и наконецъ перестанете вѣрить и основательнымъ слухамъ; которые, если бы были помѣщены въ журналѣ, казались бы вамъ несомнѣнно достоверными. Но можетъ ли быть иначе? На каждомъ публичномъ изданіи, по мнѣнію большинства читателей, лежитъ нравственная, а вмѣстѣ и матеріальная отвѣтственность за достоверность обнародуемыхъ извѣстій, за основательность мнѣній, за вѣрный взглядъ на положеніе дѣлъ. Недобросовѣстность и заблужденіе или ошибка со стороны издателя журнала влекутъ за собою, какъ многіе полагаютъ, весьма невыгодныя послѣдствія: упадокъ общественнаго довѣрія и убыль подписчиковъ. Разскашки — другое дѣло: они не боятся этой отвѣтственности, и часто говорятъ, что попало, лишь бы поговорить, только бы, хотя на время, занять мѣсто на первомъ планѣ картины; а разскащикъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда найдетъ слушателей по себѣ. Такъ думаютъ многіе, но какъ жестоко они ошибаются! Журналъ — тотъ же разскащикъ и часто разскащикъ пристрастный. Мѣры правительства въ настоящемъ случаѣ были вынуждены пристрастными, а иногда и злонамѣренными статьями публицистовъ. Во Франціи, болѣе нежели гдѣ-нибудь, общественнымъ мнѣніемъ

управляютъ журналы, а журналами руководить духъ партій; что же бы вышло, если бы этимъ ораторамъ позволено было вводить *вырующіе* въ заблужденіе искуснымъ изложеніемъ безвыходныхъ утопій? Слова—не газета: они не могутъ имѣть той всенародности, какъ листокъ журнала, и не всѣ разскащики обладаютъ даромъ слова, силою убѣжденія. Со словъ поплинѣ не берутъ, говорятъ по-ловица, и жалко, что этого русскаго каламбура нельзя перевести въ назиданіе парижскимъ уличнымъ витіямъ. Эти разскащики—пренн-тересная личность. Зная, какъ мало въ наше время доверяютъ слухамъ, они стараются придать вѣроятіе своимъ новостямъ извѣстною фразою: «я это слышалъ отъ челоѣвка, занимающаго значительное мѣсто при дворѣ,—отъ члена кабинета,—отъ вельможи, живущаго въ кругу дипломатическаго корпуса, гдѣ политическая стратегія—не тайна, и проч. и проч.». Какъ будто придворные, министры и дипломаты такъ словоохотны, что готовы каждому выболтать все, что имъ извѣстно. И чего не знаютъ эти ораторы! Если новость не занимательна, они украшаютъ ее фантастическими подробностями, такъ что въ этомъ хаосѣ обстановки и не отроешь сущности дѣла, и фактъ вовсе не важный принимаетъ другое значеніе, другой характеръ. Вотъ какъ составляются слухи, которыми, къ-несчастью, и не въ одной Франціи—много вѣры....

Взглянемъ на Европу *à vol d'oiseau*:

Англія занята своими финансами. Новая система нашла много приверженцевъ, но какъ нововведеніе встрѣтила и оппозицію. Парламентъ собирается судить и рядить о важныхъ европейскихъ вопросахъ, но кабинетъ не торопится предлагать ихъ на разсмотрѣніе парламента. Лордъ Кларендонъ, недовольный тѣмъ, что его племянница не была приглашена на придворные балы, пишетъ ноты, (вѣроятно желая, чтобы танцовали подъ его музыку), которыя, впрочемъ, не помѣшали веселымъ праздникамъ.—Три члена англійскаго кабинета подали въ отставку, но прошенія ихъ не приняты. Это гг. Кіюфъ (Keogh), генеральный рекетмейстеръ Ирландіи, Седлейръ, одинъ изъ лордовъ казначейства, и Моссель, членъ кабинета. Поводомъ ихъ неудовольствія было выраженіе въ рѣчи лорда Абердина, который сказалъ, что католическая партія, руководствуемая постороннимъ вліяніемъ, постоянно домогалась власти и посягала на свободы государства. Объясненіе лорда Абердина устранило недоразумѣнія.—Въ Парижѣ важная новость: присоединеніи министерства просвѣщенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ, (къ которому еще прежде присоединено министерство полиціи); въ Мадридѣ преобразование кабинета, по случаю отставки г. Бермудецъ де Кастро; въ Римѣ празднуютъ вось-

мую годовщину вступленія на престолъ папы Піа IX (17 іюня); Ганноверскій сеймъ не соглашается на многія статьи конституціонной реформы, что повлечетъ за собою преобразованіе кабинета и внимательство Германскаго сейма. Въ Берлинѣ носятя слухи, что члены совѣта не согласны въ мнѣніяхъ, относительно введенія въ исполненіе закона о новомъ учрежденіи перовъ. Многіе полагають, что *Первая Палата* могла бы оставаться на прежнемъ положеніи еще съ годъ времени. — Вотъ краткій обзоръ настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ, не говоря о дѣлахъ на Востокъ, о которыхъ иностранные журналы толкують каждый по своему, и которыя намъ Русскимъ ближе, чѣмъ имъ, известны.

Впрочемъ, не только политическій отдѣлъ иностранныхъ журналовъ, но и другіе, даже ихъ фельетоны, съ нѣкотораго времени очень опустѣли. Занимательныхъ новостей мало.

Въ Парижѣ жалуются на лето, (хотя за глаза ни о комъ не слѣдуетъ говорить дурно). Въ Парижѣ и времена года вертятся не хуже столовъ и шляпъ. Въ половинѣ іюня Парижане не знали, весна у нихъ, или осень — Жители раздѣлялись на двѣ партіи, *надовѣрчивыхъ* и *недовѣрчивыхъ*, точно какъ на биржѣ дѣлятся теперь спекулянты на вѣрующихъ и невѣрующихъ въ *повышеніе* курса общественныхъ фондовъ. На бульварахъ встрѣчаете вы два рода гуляющихъ: убѣжденных въ повышеніи барометра и ожидающихъ пониженія. Одни наряжаются въ теплыя пальто, въ ваточные капоты, въ бархатныя шляпки; другіе ходятъ въ открытыхъ жилетахъ, въ легкихъ сюртукахъ, въ кисейныхъ платьяхъ и въ креповыхъ шляпкахъ. Кажется, что и атмосферическіе и биржевые спекулянты, вѣрующіе въ повышеніе ргути и фондовъ, не будутъ въ накладѣ: и торичеллевскій и биржевой барометры предвѣщаютъ вѣдро.

А между тѣмъ Парижане хмурятся и начинаютъ роптать, придираясь къ непогодѣ потому, что у нихъ пасмурно на сердцѣ. Надъ ихъ видимымъ и воображаемымъ горизонтомъ носятя тучи. Вотъ уже конецъ іюня, а Парижъ сидѣла сидѣть въ Парижѣ, не смѣя выглануть за заставы. Версальскіе сельскіе праздники — плохая приманка, хотя этотъ древній городъ и не падить ничего для забавы прихотливыхъ горожанъ. Напрасно разстилаетъ онъ для пріѣзжихъ зеленые дуга своихъ садовъ, напрасно рисуетъ въ воздухѣ волшебные узоры струями своихъ волшебныхъ фонтановъ, даетъ каждую недѣлю конскія ристанія, отворилъ двери своего замѣчательнаго музея, — Парижанъ нѣтъ какъ нѣтъ, — и всему виною непостоянная, или правильнѣе, постоянно дурная погода. А вѣдь въ Версали теперь выставка цвѣтовъ, и устрояются два театра. Сосѣдство и сельскія красоты

Сень-Жерменскаго дворца также не мало вредять великолѣпной природѣ городка Лудовика XIV. Это соперничество двухъ сосѣдей существуетъ издавна. Сень-Жерменскій дворецъ не такъ великолѣпенъ, но лѣса его обширнѣе, терраса его — ландшафтъ, и у ногъ его есть прекрасный бассейнъ, не хуже гидравлическихъ чудесъ его соперника; мы говоримъ о рѣкѣ Сень, на которой вскорѣ начнутъ регаты, не смотря на атмосферическую сумятицу нашего лѣта.

Это плаксивое лѣто помышало и празднику въ Сень-Клу, данному въ честь принца Генуэзскаго, и безжалостно измѣнило программу предположенныхъ увеселеній. Кадрили въ костюмахъ не рѣшились начать свои танцы въ саду, такъ роскошно для этого алюминованномъ, и провели вечеръ въ душныхъ залахъ дворца. Роскошь убранства и нарядовъ представляла обворожительное зрѣлище. Множество иностранокъ на этомъ балѣ были представительницами всего прекраснаго и изящнаго въ Европѣ. На этомъ конгрессѣ красавицы англичанки первенствовали; это былъ живой *Keepsake*. Францужепки не завидовали, впрочемъ, красотѣ своихъ сосѣдокъ: у нихъ есть своего рода красота, въ которой имъ нѣтъ соперницъ, — это любезность.

Въ гостинныхъ разсказываютъ презабавное происшествіе. Герой разсказа — супругъ, обогатившійся игрою на биржѣ, но проигравшійся въ домашній преферансъ (*preference*). Говорятъ, что онъ намѣренъ искутъ по суду удовлетворенія за свою обиду. Пока производилось слѣдствіе, оскорбленный мужъ хлопоталъ, чтобы виновная жена его была арестована. Однажды, ожидалъ онъ въ пріемной залѣ какого-то вельможи, обѣщавшаго помочь его горю. Съ нимъ вмѣстѣ дожидались нѣсколько просителей, которымъ случившееся съ бѣднымъ супругомъ было извѣстно, но тамъ же былъ одинъ изъ его знакомыхъ, который ничего не зналъ о его несчастіи. Этотъ знакомецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ обязательныхъ людей, которые принимаютъ живое участіе и въ радостяхъ, и въ горѣ своихъ знакомыхъ. Вельможа-покровитель, выходя изъ кабинета, сказалъ своему *protegé*: «дѣло рѣшено; все исполнилось по вашему желанію». Мстительный мужъ осыпалъ своего покровителя выраженіями благодарности. Пріятелю его вообразилось, что онъ получилъ хорошее мѣсто, или другую значительную милость, и какъ только вельможа вышелъ изъ пріемной, онъ бросился въ объятія злополучнаго супруга, восклицая: «очень радъ, другъ любезный, поздравляю, да и быть иначе не могло, я это предвидѣлъ, вы вполне это заслуживаете; искренно радуюсь и отъ души васъ поздравляю». Присутствующіе хохотали; пристыженный мужъ вырывался изъ объятій неслоснаго друга, но тотъ продолжалъ обнимать его, приговаривая:

«это не трудно было предвидѣть тому, кто зналъ ваши и жены вашей связи въ высшемъ кругу».

Ненастная погода доставила Парижанамъ и другую маленькую *recreation*: на дняхъ умеръ отъ простуды замѣчательный чудакъ, о странностяхъ котораго толкуютъ теперь во всѣхъ парижскихъ гостиныхъ. Стоить разсказать объ этомъ оригиналѣ.

Графъ Генрихъ *** жилъ лѣтъ двадцать въ Парижѣ, посѣщая высшій кругъ тамошняго общества. Образъ его жизни отличался замѣчательною странностію. Изъ трехъ дней два проводилъ онъ на дачѣ и одинъ въ столицѣ, во всякое время года. Гдѣ была эта дача? никто не зналъ. Графъ говорилъ, что загородный домъ его въ департаментѣ Сены и Марны, и ограничивался этимъ указаніемъ, не объясняя, гдѣ именно. Цѣлый департаментъ! Не угодно ли отыскать!...

Носились слухи, что онъ женился на богатой, старой англичанкѣ и держалъ ее въ деревнѣ, стыдясь вывозить съ собою; а чтобы удержать ее тамъ, вынужденъ посвящать ей треть своего времени. Другіе говорили, что онъ самъ богатъ и не нуждался ни въ старой англичанкѣ, ни въ старухахъ другихъ націй, чтобы поправить свои обстоятельства.

Когда его спрашивали о причинѣ этой хронической сельской трехдневной лихорадки, онъ отвѣчалъ лаконически, что онъ занятъ изслѣдованіемъ очень важнаго ученаго вопроса—и только. Что это была за ученая задача? облагороженіе металловъ? вѣчное движеніе? сгущеніе газовъ? это было столько же извѣстно, какъ и географическое положеніе его дачи. Словомъ, графъ, его дача и лихорадочный образъ его жизни, въ теченіе двадцати лѣтъ оставались неразгаданной загадкой.

Въ Парижѣ нанималъ онъ прекрасный домъ, тотъ самый, въ которомъ умерла въ 1803 году знаменитая трагическая актриса г-жа Клеронъ, начавшая свое драматическое поприще оперною пѣвицею и покинувшая сцену съ досады, что ее посадили на время въ крѣпость. Въ этомъ домѣ заготовляла она свои записки, которыя написалъ потомъ г. Этьенъ, впоследствии членъ академіи и перь,—тогда безвѣстный писатель, занимавшій антресоль надъ покоями знаменитой артистки.

Графъ жилъ въ бель-этажѣ—официально, но, что оставалось для всѣхъ тайною, онъ занималъ также антресоль, въ которомъ нѣкогда помещался г. Этьенъ. Этотъ антресоль — былъ дачею графа;—тамъ онъ былъ въ департаментѣ Сены и Марны; въ бель-этажѣ онъ былъ въ Парижѣ.

Но прежде нежели мы откроемъ завѣтную тайну графа, пого-

воримъ о его парижской жизни, о его періодическихъ набѣгахъ на столицу, гдѣ онъ, какъ метеоръ, появлялся, чтобы исчезнуть.

Лѣтъ за восемь передъ смертію, графъ вошелъ въ короткую связь съ маркизой ***, и связь эта въ теченіе восьми лѣтъ не прерывалась. Маркиза была вдова, молода, прекрасна, богата, умна, образована, словомъ—обладала всѣмъ, съ чѣмъ такъ легко, такъ хорошо жить на свѣтѣ. Чрезъ два дня въ третій графъ являлся къ ней;—въ это утро она никого больше не принимала. Во всѣ восемь лѣтъ, онъ ни разу у ней не обѣдалъ; предъ обѣдомъ онъ утѣжалъ и по вечерамъ часто встрѣчался съ нею въ свѣтѣ.

Графу было съ небольшимъ лѣтъ за сорокъ: онъ сердился, кто почиталъ его старте, и самодовольно улыбался, когда его находили моложе. Онъ занимательно рассказывалъ анекдоты о дворѣ Марин-Антуанетты, анекдоты, переданные ему очевидцемъ,—отцемъ графа, который былъ пажемъ короля Людовика XVI. Но мы еще ничего не сказали о наружности графа.

Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, имѣлъ прекрасные черные глаза на выкатъ и густые каштановые волосы, ровные, бѣлые какъ жемчугъ зубы, красивую руку, а въ движеніяхъ его замѣтна была граціозная небрежность человѣка, который никогда не торопится. Онъ не слѣдовалъ рабски модѣ, но былъ всегда одѣтъ шеголевато и съ фанатическою опрятностію. Разговоры его были остроумны и занимательны, и на вечерахъ около него часто собирался кружокъ слушателей; но едва время подходило къ полночи, онъ раскланивался и утѣжалъ въ департаментъ Сены и Марны, не докончивъ иногда увлекательнаго разсказа. Привыкшіе къ этимъ странностямъ его знакомые пожимали плечами и прощались съ нимъ на два дня.

Послѣ его отъѣзда, обществомъ овладѣвала на нѣсколько минутъ какая-то тоска, какое-то уныніе, которые оставлялъ по себѣ покойный Калиостро. Разъ одна молодая дама, видѣвшая его въ первый разъ, сказала, когда онъ оставилъ общество: «если бы онъ не уѣхалъ, я бы съ вами простилась; мнѣ было дурно, я задыхалась, я была подъ вліяніемъ страннаго, неизъяснимаго чувства; мнѣ было тѣсно съ графомъ въ одной гостиной».

Но пора кончить. Графъ умеръ, и племянникъ его, наследникъ имѣнію графа, пріѣхалъ изъ Нанса, чтобы присутствовать при вскрытіи духовнаго завѣщанія. Изъ этого документа узнали наконецъ лѣта графа;—ему было 73 года!...

Семдесятъ три года—вотъ слово загадки, вотъ тайна, вотъ причина искусственной поддѣльной жизни графа.

Графъ никогда не уѣзжалъ изъ Парижа. Время его отсутствія изъ столицы, когда его почитали на дачѣ, онъ проводилъ въ покояхъ своего антресоля. Тамъ была его больница, тамъ онъ лечился отъ старости. Вечеромъ, въ день его свѣтской жизни, при выходѣ изъ послѣдней гостиниой его многочисленныхъ знакомыхъ, два вѣрные ему лакея сажали его въ спокойное лондо и отвозили въ недоступный для свѣта антресоль. Его переносили туда бережно, какъ ломкую вещь, какъ хрупкій фарфоръ. Искусный врачъ принималъ его подъ свое попеченіе и въ теченіе двухъ дней затворничества укрѣплялъ жизненные силы графа на тяжкій подвигъ третьяго дня. Старика сажали въ крѣпительную ванну, натирали спиртами, эссенціями, давали лекарства и придавали ему на двадцать четыре часа поддѣльную молодость, искусственныя силы. Столъ его составляли экстракты изъ самыхъ питательныхъ припасовъ; эти экстракты въ маломъ объемѣ и въ формѣ удобоваримыхъ желе, эссенцій и жидкихъ наваровъ, заключали въ себѣ самыя подкрѣпляющія начала. Температура воздуха въ этомъ запасномъ магазинѣ здоровья и молодости установлялась по термометру, соображаясь съ порою года и гигиеническою потребностію пациента. Свѣтъ въ комнатѣ умирался столами, стукъ заглушался коврами, всякій запахъ устранился вентиляторами, всѣ чувства отдыхали, чтобы изостриться для третьяго дня. Наука не щадила ничего, чтобы занять дряхлому старику на одинъ день энергію юности. На третій день, съ ранняго утра начинались приготовленія къ выѣзду. Сначала въ комнату постепенно впускали свѣтъ, чтобы приучить глаза больнаго къ блеску дня; освѣжали воздухъ, уравнивая температуру его съ температурою вѣншей атмосферы; звуки жизни постепенно усиливались около него, приучая его слухъ къ городскому шуму; наконецъ приступали къ туалету. Камердинеръ умывалъ его, брилъ, вкладывалъ искусственныя зубы, надѣвалъ парикъ, образецъ искусства, обманывавшій самыхъ подозрительныхъ наблюдателей. Пройдя сквозь всѣ косметическія мытарства, графъ надѣвалъ эластическій корсетъ, прикладывалъ искусственныя икры, округлости ноги и бедра, похищенныя лѣтами, выпивалъ ложку элексира, придающаго блескъ его томнымъ глазамъ, и совершенно преобразованный, съ возобновленными силами, отправлялся къ маркизѣ, а отъ нея въ модныя гостиныя свѣта, гдѣ, на костыляхъ врачебныхъ пособій, бодро игралъ роль сорокалѣтняго дѣнди.

Это было нѣсколько часовъ свѣтской жизни, или просто—жизни. Съ дорогою тростью въ рукахъ, съ сигарой во рту, графъ катался съ бульвара къ *благородному* предместью, оттуда въ оперу, изъ оперы на раутъ. Являясь въ свѣтъ такъ рѣдко, онъ старался

какъ можно болѣе быть видимъ. Придайте этому возрожденію неизнеможенный умъ и память любезника прошлаго вѣка, и вы поймете эффектъ комедіи, которая ввела въ заблужденіе маркизу и восемь лѣтъ сряду оставалась для нея безъ развязки.

Графъ умеръ отъ простуды. Играя роль угодника прекрасному полу, онъ принадлежалъ къ кавалькадѣ рѣзвыхъ амазонокъ и отправился съ ними довольно далеко за городъ верхомъ. Къ вечеру набѣжали тучи, пошелъ дождь, подулъ холодный вѣтеръ. Графъ простудился, и въ тотъ же день докторъ изъявилъ опасенія за его жизнь. Сдѣлали консилиумъ. Молва разнесла тайну графа, и онъ, дней пять своей болѣзни, смѣялся надъ своей мистификаціей вмѣстѣ съ ея жертвами. На шестой день онъ умеръ, оставя своему наследнику 130,000 фр. годоваго дохода. Маркиза чрезвычайно огорчена, не смертію графа, а тѣмъ, что онъ такъ долго ее дурачилъ.—Видите ли, говоритъ она своимъ знакомымъ, какъ часто свѣтъ ошибается? Никто не хотѣлъ вѣрить, что связь моя съ графомъ только дружеская; надѣюсь, что теперь всѣ этому повѣрять:—въ 73 года нельзя быть любовникомъ.—И ея знакомые, убѣждаясь словами маркизы, начинаютъ вѣрить—что и 73 лѣтъ можно быть любовникомъ. Таковъ свѣтъ!.....

Я. П.—Г.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛЬСКІЯ СВАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

І. ВРЕМЯ СВАДЬБЪ, ВЫВОДЪ НЕВѢСТЫ, СВАТОВОСТВО И ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

Въ Архангельской губерніи, начиная съ марта мѣсяца и по самый декабрь, очень мало бываетъ свадебъ у поселянъ, особенно въ уѣздахъ: Архангельскомъ, Холмогорскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ. Если и случаются, то развѣ по какимъ-нибудь семейнымъ обстоятельствамъ, не терпящимъ отлагательства, и то безъ веселыхъ пирушекъ, безъ излишнихъ приготовленій, или, какъ выражаются сами крестьяне, *скороспѣлки*. Отъ чего же въ такое продолжительное время года не многіе изъ холостяковъ рѣшаются запастись женой молодой, доброй, хозяйкой домовитой?

Между простымъ народомъ издавна существуетъ повѣрье, что тотъ не можетъ быть счастливъ въ жизни, кто вступаетъ въ супружество въ апрѣль и май мѣсяцахъ. Въ нашей приполюсной губерніи съ наступленіемъ апрѣля обыкновенно начинается сильная оттепель; вслѣдъ за ней открывается повсемѣстная распутица, изъ чего старые люди и выводятъ: «коли на улицѣ распута, быть свадьбѣ безпутой», т. е. несчастливой. Не менѣе того и самые старики опаснымъ считаютъ май мѣсяцъ. Кажется, самое слово «май» навѣваетъ на нихъ какой-то паническій страхъ и грозитъ чѣмъ-то недобрымъ. «Вѣкъ будешь маяться, коли женишься въ май», такъ уговариваетъ отецъ сына, когда въ немъ западетъ сильная охота жениться! «Въ май жениться—съ женой позориться». Въ теченіе слѣдующихъ пяти

(*) Русская свадьба со всеми ея пѣснями должна замѣнить намъ Илиаду и Одиссею—изъ древнѣйшаго періода нашей жизни. До всѣхъ человѣческихъ струнъ въ сердца мужчинъ и женщинъ коснулись русскія свадебныя пѣсни. Ихъ надо, разумеется, прежде всего собрать, потомъ разобрать, выбрать лучшіе варианты и составить наконецъ стройное цѣлое, которое сдѣлается въѣздомъ и украшеніемъ русской словесности. Благодаримъ автора за этотъ богатый матеріалъ. Спѣша сообщить его читателямъ, мы не могли дать ему въ журналѣ болѣе виднаго мѣста только по типографскимъ неудобствамъ и изобилію матеріаловъ. Ред.

мѣсяцевъ народъ Архангельской губерніи бываетъ до крайности озабоченъ и утомленъ работами то домашними, то сторонними, такъ что о женитьбѣ почти некогда и подумать. Возьмемъ, напри- мѣръ, жителей Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ. — Лишь только вскрыется вода, какъ большая часть изъ нихъ пускается на судахъ далеко въ море, на рыбные промыслы, откуда, съ полнымъ грузомъ сельдей, пикшуевъ, трески, палтосины и семги приходятъ къ сентябрю мѣсяцу прямо въ Архангельскъ для продажи своей добычи; а по домамъ — на родину возвращаются не ранѣе, какъ уже по послѣднему осеннему пути, передъ самымъ замерзаніемъ рѣкъ. Изъ жителей прочихъ уѣздовъ, пожилые домохозяева занимаются домашними, полевыми работами, посѣвомъ и уборкою хлѣба, сѣнокосомъ, смолокурениемъ, выдѣлкою кирпича и глиняной посуды; ихъ дѣти — здоровые, взрослые парни — сплавкою къ Архангельску дровъ, корабельнаго и строеваго лѣсу, камня, извести, смолы, скота и хлѣба; а многіе изъ нихъ уходятъ въ С.-Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ съ открытія навигаціи до самой зимы проживаютъ въ рабочихъ артеляхъ. Судите же теперь, когда тутъ жениться, и кому? Даже, ноябрь и большая часть декабря проходятъ въ постѣ; остается великое межго- вѣнье (1), (то-есть великое заговѣнье). Къ этому времени, всѣ семей- ства бываютъ въ-скопѣ. Получивъ дуванъ (2), молодые артельщики (3) ве- село возвращаются домой изъ Архангельска, а щеголеватые бурлаки изъ С.-Петербурга. И вотъ съ Рождества Христова и до Великаго поста, хотя и не много времени, но за то сколько бываетъ свадебъ! Вамъ безпрестанно слышится звонъ колокольчиковъ, то и дѣло, что встре- чаются свадебные повзды. И не удивительно! Тутъ у мужичковъ свои расчеты: во все продолженіе года они никогда не бываютъ столько свободны отъ работъ и такъ денежны, какъ въ январь и февраль мѣсяцахъ. Слѣдовательно, въ это время повеселиться и попраздновать они больше имѣютъ возможности, нежели когда-ни- будь. А русскій любить ужъ дѣлать, такъ дѣлать, гулять, такъ гулять; былъ бы только случай, для него все равно: хоть съ радо- сти, хоть съ горя. — Но гдѣ же удастся старикамъ нашимъ столько попить, молодцамъ и краснымъ дѣвушкамъ повеселиться, какъ не на пирушкахъ свадебныхъ? Вѣстимо, что и въ-старь при такихъ случаяхъ любили покуликать; почему же и намъ не вспомнить

(1) Время между Филиновымъ и Великимъ постами называется межговеѣньемъ.

(2) Дуванъ — заработныя деньги: дуванъ не былъ, значитъ еще деньги не раздѣлены.

(3) Артельщики и бурлаки вообще имѣютъ одинаковое значеніе, т. е. рабочіе; собственно же бурлаками называютъ однихъ петербургскихъ артельщиковъ; она имѣютъ преимущество.

обычай своих предков? Притомъ, вѣдь и грѣшно быть на свадьбѣ, а не быть пьяну. Пожалуй, чего добраго, тотчасъ разнесется молва, что или женихъ пришелся не по нраву, или невеста не поглянулась. А это вѣдь не шутка!... И такъ, чтобы доказать противное, всякій у насъ долженъ быть веселъ, и веселъ до нелзя.

Нѣсколько разъ мнѣ случалось быть на пирушкахъ свадебныхъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ: это довольно познакомило меня съ обыкновеніями деревенскими; а добрыя старушки доставили мнѣ возможность собрать пѣсни и плачи, которыя, съ незапамятныхъ временъ, нарочно кѣмъ-то сложены, и по нынѣ передаются устно, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не красно, но подробно могу пересказать все, отъ начала до конца. Начнемъ съ выбора невесты.

О Филиповкахъ (*), когда вечера и ночи бываютъ такъ мрачны и продолжительны, а дни такъ коротки и печальны, сельскія дѣвушки, окончивъ домашнія занятія, берутъ свои прялки и собираются для веселья въ одинъ домъ, который теплѣе и удобнѣе прочихъ; туда же, въ видѣ дозора, приходятъ матери, а вслѣдъ за ними и старушки-бабушки, каждая со своей работой. Не пройдетъ и получаса, какъ изба становится полнымъ-полна. Старушки усаживаются въ печномъ углу, а дѣвушки занимаютъ мѣста по лавкамъ; лучина, ярко-пылающая въ свѣтильнѣ, разливаетъ свѣтъ на всю избу. Дѣвушки, сидя за прялками, или поютъ веселыя пѣсни, или гадаютъ о своихъ суженыхъ, или слушаютъ дивные разсказы старушекъ.

Не подумайте, что молодцы наши въ это время остаются затворниками и что имъ не дозволяется посѣщать веселыя бесѣды дѣвушекъ. Благодаря образованности и чистотѣ русскихъ нравовъ, изъ этихъ бесѣдъ ни одинъ добрый человѣкъ не исключается; входъ открытъ всякому. Хозяинъ и хозяйка каждого встрѣчаютъ съ низкимъ поклономъ и привѣтомъ, приговаривая: добро пожаловать! просимъ милости! просимъ—ста садиться! Вслѣдствіе такого радушія, не успѣвъ еще пробить шести часовъ, какъ молодые парни цѣлою ватагою входятъ въ домъ собранія. Помолясь иконамъ и раскланявшись съ хозяиномъ и хозяйкой, они безъ дальней церемоніи садятся подлѣ красавицъ. Пѣсни на время прекращаются, каждая дѣвушка стыдится быть первою зачинщицею; нѣсколько минутъ продолжается между ними шопотъ и споръ; но мало-по-малу начинаютъ возвышаться нѣжные голоса, молодцы дру-

(*) Филиповками называется постъ предъ Р. Христовымъ.

жно подхватываютъ, и веселый стройный хоръ снова раздается во всеуслышаніе. Сначала все идетъ чинно и хорошо; но потомъ молодежь наша начинаетъ подпучивать падъ красавицами; иной порветъ нитку, другой кинетъ веретено въ печной уголь, третій подожжетъ кудельку, и что еще? вѣдь бываютъ же такіе смѣльчаки,—легко молвить! иной, будтобы поправляя горящую лучину, гаситъ ее.—Старушки смотрять, смотрять, да и не вытерпятъ, разсердятся, но гнѣвъ ихъ проходитъ скоро; миръ и порядокъ восстанавливается снова; молодцы, какъ ни въ чемъ не бывало, смиренно садятся къ этимъ брюзгливымъ крикуньямъ, и, въ угодность имъ, слушаютъ назидательные рассказы о бываломъ, только изрѣдка посматривая на ненаглядныхъ.

Съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ оканчивается бесѣда, и веселое общество расходится по домамъ, не рѣдко чувствуя новыя, до того неизвѣстныя, ощущенія въ сердцѣ. Такъ проходитъ осеннее время, и такъ усаждается общая скука!

Но вотъ наступаютъ Святки, а съ ними болѣе веселыя бесѣды и игрища. Молодцы цѣлыя ночи прогуливаютъ на пролетъ. То и дѣло, что изъ села въ село перекатываются, отыскивая свою суженую, свою ряженую. Все это дѣлается скоро; тутъ не думу тяжкую думать, не кличь скликать! Разъ посмотрѣлъ, другой поговорилъ, третій русскую прошелъ,—дѣвица приглянулась, полюбилась, и вотъ уже на другой день парень проситъ у родителей благословенія жениться, и плетъ за сватьей. За сватьей же дѣло не станетъ; этотъ народъ вездѣ одинаковъ; одно слово—и она готова отправиться хоть въ полночь. Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву является сватья, т. е. старушка словоохотная, всѣми уважаемая и знающая свои дѣла не хуже инаго маклера. Охотно выслушавъ порученіе, она, съ дозволенія родителей, беретъ у жениха руку, молится святымъ иконамъ и отправляется въ домъ невесты.

Сотворю судьбу-жалобу
Я на сватью лукавую,
На змѣю семиглавую.
Все ходила ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ,
Не путемъ, не дорогою,
Все тропами собачьими,
Хоботами змѣиными;
Колотилась помалешеньку,
Говорила потихошеньку,

Говорила—все обманывала,
Чужу сторону нахваливала.

Съ перваго взгляда хозяйнѣ и хозяйка могутъ догадаться, что это не простая какая-нибудь гостыя. Переступивъ черезъ порогъ избы, сватья прокрадывается къ печкѣ, и въ какое бы ни было время года, хотя бы самая печка эта дышала крещенскими морозами, она грѣетъ свои руки, въ той увѣренности, что иначе не быть добру; потомъ выступаетъ на средину избы, молится святымъ иконамъ и кланяется хозяевамъ. Сметливая хозяйка усаживаетъ неожиданную гостыю на лавку и начинаетъ съ нею разговоръ. Бесѣдуя то о томъ, то о другомъ, сватья поменьку наводитъ рѣчь на жениховъ и на невестъ, а наконецъ объясняетъ и цѣль своего прихода. «У васъ, споже (1), есть товаръ, а у меня купецъ». Тутъ она открываетъ имя и фамилию жениха. «Ужъ што за молодець!» продолжаетъ она, «умной, смышленной, умѣетъ денежку нажить! А сколько «пахатной земли, сѣнокосу; сколько рогатаго скота, лошадей, овецъ! «а платья-то! а посуды-то!... ну, слышь, домъ, какъ полная цыца (2). «Ужъ цѣмъ-то Богъ не благословилъ его! Сецины довольно (3). Ссестлива и таланиста (4) будѣ доць ваша, коли достанется такой мужъ, ужъ нечего похаять (5)! Есть-то невестъ, да ему, вишь, далась (6) ваша доцька, ни жить, ни быть безъ ней не можѣ (7), ужъ ладно ли съ нимъ? словно кто-нибудь приговорилъ» и проч. и проч. Мало ли чего при этакихъ случаяхъ бываетъ наговорено и небывалого! Какъ быть? сватьѣ извинительно, если и погрѣшить, т. е. прибавить что-нибудь лишнее на счетъ жениха. Хорошо быть у старушекъ деревенскихъ въ милости: уста ихъ медъ точать; но и не возрадуютесь, если разладите съ ними: тогда прощай доброе имя; ихъ языкъ на каждомъ шагу будетъ разить васъ злословіемъ. Но обратимся къ дѣлу. Съ примѣтнымъ удовольствіемъ родители, выслушавъ похвалы и предложеніе словоохотной сватьи, благодарятъ за сдѣланную имъ честь, и послѣ угощенія хлѣбомъ-солью провожаютъ ее съ низкими поклонами, прося дня на три или на четыре отсрочки.

У насъ между простымъ народомъ и по нынѣ не вошло въ обыкновеніе, чтобы спрашивать дочерей, согласны ли онѣ идти въ замужство за того-то? или нравится ли имъ такой-то? Вопросъ этотъ считается слишкомъ труднымъ и неудоборѣшимымъ для мо-

(1) Спозже вмѣсто госпожа. (2) Вообще въ Архангельской губерніи вмѣсто лотеры ч производятъ ц. (3) Сецины—вмѣсто всякой-всячины. (4) Таланиста—благополучна. (5) Похаять—осудить. (6) Далась—прилюбилась, поглянулась, понравилась. (7) Не може—не можетъ.

лодыхъ дѣвушекъ; а потому родители предоставляютъ выборъ жениховъ собственно самимъ себѣ, своей опытной предусмотрительности и благоразумію. Бѣдная дѣвушка не знаетъ и не должна знать объ участи своей дотолѣ, пока не объявятъ ей, что она засватана. Въслѣдствіе этого-то обычая, родители, по отбытіи сватъ, отправляютъ дочь свою въ другую, соседнюю деревню, будто бы погостить, а сами втихомолку сзываютъ къ себѣ родственниковъ для совѣщанія, или, какъ говорятъ, *на думу*: вѣдь—умъ хорошо, а два лучше. Не долго продолжается дума эта, если женихъ изъ ближайшихъ деревень, и слѣдовательно уже извѣстный; наскоро перетолковавъ обо всемъ, что у него было, что есть и что будетъ, совѣтъ рѣшаетъ единогласно: или отказать жениху подѣ благовидною причиною, или *приказать*, то-есть изъяснить согласіе на сдѣланное предложеніе; о чемъ на третій день и объявляется сватѣ, съ которой, помолясь Богу, бьютъ по рукамъ; а она спѣшитъ радостную вѣсть сообщить жениху. Но если женихъ изъ другаго какого-либо села, и состояніе его неизвѣстно родителямъ невесты,—въ такомъ случаѣ они стараются изъ-подъ руки развѣдать объ немъ между соседями и знакомыми. Если всѣ собранныя вѣсти благопріятствуютъ жениху, то родители хотъ и соглашаются на предложеніе, или, какъ они говорятъ, *полагаются на слово*, однако, все еще какъ бы не доверяя слухамъ, отецъ невесты, съ родственниками и ближними своими, отправляется на третій день въ домъ жениха, чтобы собственными глазами видѣть его житье-бытье. Не вѣрь, говорятъ, и брату родному, а вѣрь своему глазу кривому. Всѣ лица, участвующія въ повзѣдѣ, называются позориле (*). Но какъ это обыкновеніе, особенно существующее въ Холмогорскомъ уѣздѣ, извѣстно уже каждому, то и бѣдный женихъ изыскиваетъ всѣ возможныя средства на первый разъ показать себя съ хорошей стороны. Онъ заблаговременно готовится встрѣтить гостей, будто бы неожиданныхъ; въ мірѣ не безъ добрыхъ людей; на этотъ случай домъ недостаточнаго жениха всегда наполняется пожитками соседей, и вы найдете у него не только то, что полезно и нужно для крестьянскаго быта, но и то, что вполне выказываетъ зажиточнаго крестьянина. У него и закромы ломятся отъ хлѣба, и скотина разнаго рода тѣснится въ хлѣвахъ; а о мѣдной и оловянной посудѣ и говорить нечего! Посмотрите, въ какомъ множествѣ и порядкѣ она разставлена по полкамъ! — Вотъ и самоваръ на лавкѣ! Какъ онъ дуется, гордятся, надмеваются: словно въ мирской избѣ писарь! Угостить ли не чѣмъ? Конечно, по скорости вре-

(*) То же что и зрители.

мени пива достать негдѣ, но за то водка льется съ избыткомъ: добрые сосѣди всего охотнѣе ссужаютъ деньгами на этотъ предметъ. Послѣ этого, что жъ еще остается дѣлать обманутымъ позорнымъ нашимъ?... Видя во всемъ изобиліе и довольство, они наконецъ изъясняютъ полное согласіе на сдѣланное предложеніе. За стаканами вина, которые то и дѣло что осушаются и наполняются снова, — съ обѣихъ сторонъ дѣлается условіе о времени, когда быть малому смотрѣнію, по нашему—сговору, большому смотрѣнію или дѣвичнику, и наконецъ — свадьбѣ. Напраздновавшись до нельзя, гости поздно вечеромъ отправляются домой. Молодецкій свистъ, веселыя пѣсни, охриплые крики издали подають дѣвушкѣ вѣсть, что она уже засватана; а по пріѣздѣ отецъ открываетъ дочери имя и фамилію жениха. Какъ часто случается, что выборъ жениха, сдѣланный родителями, падаетъ не на желаннаго, не на того, кого юная дѣвица втайнѣ любить о комъ мыслить, и къ кому стремится душа ея! Сколько при такой неожиданной вѣсти проливается слезъ, и слезъ горячихъ! Не смотря на то, родительская воля все остается непремѣнною. *Дай Богъ, чтобы день плакать, а вѣкъ радоваться! Вдѣ суженаго и конемъ не объѣдешь!* Такъ утѣшаютъ отецъ и мать плачущую дочь, утирая кулакомъ собственныя свои слезы; и дѣвушка, смотря на плачущихъ родителей, наконецъ безусловно покоряется судьбѣ своей.

Недѣля или двѣ — проходятъ въ притотавленіяхъ къ свадьбѣ. Въ это время родители жениха и невесты варятъ пиво, ѣздятъ въ городъ или на посады за разными покупками; а дѣвушки между тѣмъ каждый день собираются къ невестѣ, шьютъ приданое, и, для развлечения ея, поютъ свадебныя пѣсни, изъ которыхъ здѣсь помѣщая только двѣ, а прочія будутъ показаны далѣе.

1.

Н е в ѣ с т ь .

Что съ тобой, мила подруженька,
 Что случилось ненастное?
 Отъ чего ты, лебедь бѣлая,
 Опустила ясны оченьки,
 Приклонила буйну голову,
 Распустила косу русую
 И грустна сидишь, не радости...
 — Не вините меня, милыя,
 Не журите, подруженьки,
 Меня горькую кручинную....

Ахъ! могу ли я веселой быть,
 Оставляя домъ родительской,
 Выходя за мужъ неволею,
 Не своею вѣдь охотою,
 По приказу только батюшки,
 Исполняя волю матушки,
 Государыни-кормилицы.
 Я должна скоро отправиться
 На сторонку незнакомую
 Къ свекру старому, бурливому,
 И къ свекровкѣ—ужъ не матушкѣ:
 Тамъ житье будетъ не дѣвичье,
 Не такое, какъ у матушки,
 У роднаго сударь-батюшки.
 Я должна буду младешенька
 Вставать рано до заутрени
 И работать до полуночи,
 Изнуряти тѣло бѣлое
 И теряти красу дѣвичью,
 Угождаючи немилому
 Мужу буйному ретивому (*).
 Не позволять мнѣ, младешенькой,
 Въ хороводахъ веселитися
 Съ молодцами порезвитися.
 Я сидѣть буду затворницей,
 Словно старица злосчастная,
 Тоской лютою убитая,
 Въ кельѣ скучной одиначонька,
 Вспоминая житье прежнее,
 Проклинаючи замужество.

2.

Ж е н и х у.

Какъ изъ устья осиноваго—эхе.
 Изъ рѣки изъ рябиновыя—эхе.
 Выплываетъ чернѣный корабль;—эхе.
 На корабликъ немножко людей—эхе.
 Всего семеро рабочихъ гребцей—эхе.
 Всѣхъ гребцей—удалыхъ молодцев—эхе.

 (*) Вспыльчивый.

Восьмой былъ кормищичекъ—эхе.
 Девятой былъ носничекъ—эхе.
 Десятой—добрь, удалой молодецъ—эхе.
 Молодецъ, первобрачной князь—эхе.
 Што Петръ, сударь, Ивановичъ—эхе. (1)
 Онъ по караблю похаживаетъ—эхе.
 По напестечкамъ погуливаетъ—эхе.
 Во карманъ руки покладываетъ—эхе.
 Дорогой гребень выдергиваетъ—эхе.
 Русы кудри расчесываетъ—эхе.
 На проборъ кудри приглаживаетъ—эхе.
 Волось къ волосу прикладываетъ—эхе.
 Волосинку къ волосиночкѣ—эхе.
 Што на всякой волосиночкѣ—эхе.
 Поскаченныя жемчужинки;—эхе.
 Калену стрѣлу натягиваетъ—эхе.
 Самъ стрѣлѣ приговариваетъ:—эхе.
 Ужъ ты, стрѣлка, ты стрѣлка мол- эхе.
 Калена стрѣла муравенная—эхе.
 Полети моя каленая стрѣла—эхе.
 Высоко по поднебесью—эхе.
 Далеко во чистое поле—эхе;
 Ты подстрѣвь, моя каленая стрѣла,—эхе.
 Ясна сокола на возлетѣ,—эхе.
 Свру утицу на заводѣ,—эхе.
 Красну дѣвицу въ высокомъ терему;—эхе.
 Красна дѣвица, невеста моя,—эхе.
 Што по имени Анна душа—эхе. (2)
 Изъ отечества Ивановна свѣтъ—эхе.

II. МАЛОВЪ СМОТРАНИКЪ ИЛИ СТОБОРЪ.

Не сама я снаряжалася,
 Наряжали подруженьки;
 Выводилъ меня батюшко,
 Среди горницы высокія,
 Передъ чудны святы образы:
 Приказалъ мнѣ помолитися,
 На всѣ стороны поклонитися.

Въ назначенный по условію день отъ невесты посылаются со-
зыватьщики ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ—просить на

(1) Имя жениха. (2) Имя невесты.

смотрясь. Герольды эти, съ палками въ рукахъ переходя отъ одного дома къ другому, стучать въ стѣны, и первому появившемуся въ окнѣ кричать, что у такой-то малое смотрянье. По такому позыву всѣ дѣвицы, молодыя женщины и родственники, нарядившись въ праздничное платье, въ полдень собираются въ домъ невесты, и, въ ожиданіи жениха, разными веселыми разговорами стараются разсѣять грусть ея. Наступаетъ вечеръ, и женихъ, въ сопровожденіи родителей, тысяцкаго, сваты, шаферовъ и родственниковъ, собравшихся по приглашенію въ домъ его, отправляется къ суженой. Заслышавъ звонъ колокольчиковъ, отецъ, мать и родные невесты спѣшатъ на встрѣчу жениху; послѣ низкихъ поклоновъ и взаимныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, женихъ со всеми поѣзжанами входитъ въ домъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ на каждомъ порогѣ; вступивъ въ горницу, онъ молится святымъ иконамъ и раскланивается на всѣ четыре стороны, потомъ садится за столъ, убранный со всею роскошью деревенскою. Отецъ и мать невесты, начиная съ перваго и до послѣдняго ребенка, подчуютъ дорогихъ гостей и гостюшекъ. Стаканы зелена вина то и дѣло переходятъ изъ рукъ въ руки. Принявъ стаканъ, каждый долженъ, если не выпить, то по крайней мѣрѣ прикусать, а когда прикушаетъ, просятъ еще: *любя ради податься*, то-есть еще нѣсколько разъ хлѣбнуть изъ стаканчика. Между тѣмъ какъ хозяйка обносятъ гостей виномъ, подружки-дѣвушки въ другой комнатѣ, или чуланѣ, наряжаютъ невесту. Такъ проходитъ часъ и болѣе, а родители все не выводятъ невесты, не смотря на многократныя настоянія тысяцкаго; наконецъ растворяется дверь—и юная невеста, сопровождаемая дѣвушками, является вслѣдъ за отцемъ своимъ. Какая тихая и благородная походка!... *Красна дѣвушка идетъ, словно павушка плыветъ* (*). Какъ хорошъ дѣвственный нарядъ невесты! Жемчужная повязка красуется на головѣ ея; жемчужныя нити обвиваютъ бѣлую, какъ снѣгъ, шею; русская изъ бѣлаго коленкора полу-рубашка съ пышными рукавами прикрываетъ отъ нескромныхъ взоровъ округлости формъ созрѣвшей красавицы; на рукахъ шелковыя перчатки, перевязанныя у самыхъ локтей алыми лентами; парчевый полушубокъ, голубая штофная или изъ малиноваго бархату юбка, обшитые вокругъ широкимъ хазомъ золотымъ, — обрисовываютъ дѣвственный станъ ея; длинная шелковая коса роскошно разстилается по трубчатому полушубку и оканчивается бантомъ изъ алыхъ лентъ. Съ потупленными внизъ глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, не-

(*) Вечеринечная пѣсня.

ста останавливается на срединѣ комнаты. Она крестъ-отъ кладетъ по писанному, а поклонъ-отъ ведётъ по учёному (*). Между тѣмъ какъ все обращается въ зрѣніе и слухъ, стыдливая дѣва съ глубокимъ благоговѣніемъ кладетъ предъ иконами три поясныхъ поклона, и съ милою застѣнчивостію, скромно, почтительно раскланивается на всѣ четыре стороны; потомъ, опустивъ стыдливый взоръ, безмолвно стоитъ въ ожиданіи рѣшительнаго отзыва.... «Люба ли вамъ дочь моя?» спрашиваетъ отецъ, обращаясь къ жениху. Женихъ отвѣчаетъ: «люба».... Признаюсь, никогда дѣвушка не бываетъ такъ прелестна, какъ въ эту минуту; какъ хорошо, какъ мило она себя держитъ! И кто бы, смотря на нее, не сказалъ, что она любя... Послѣ этого отзыва, женихъ выходитъ изъ-за стола и становится по правую руку невесты. Здѣсь начинается трогательное зрѣлище—благословеніе отъ будущаго тестя и тещи. Взоры всѣхъ обращаются то на жениха, то на невесту; отецъ съ иконою въ рукахъ, а мать съ хлѣбомъ и солью, становятся противъ нихъ; и юная чета съ христіанскимъ смиреніемъ, совершивъ три земныхъ поклона, преклоняетъ колѣна свои для принятія благословенія. Сначала отецъ, поднявъ икону, полагаетъ ее на голову жениха крестообразно; а потомъ и мать на головѣ его дѣлаетъ хлѣбомъ и солью то же знаменіе креста. Точно такимъ же порядкомъ благословляютъ и дочь-невесту, конечно, не безъ пролитія слезъ горячихъ! Въ эту минуту, кто въ тайнѣ сердца не пожелаетъ имъ благополучія и счастливой жизни!.... По совершеніи благочестиваго обряда, женихъ садится на свое мѣсто, а невеста подходитъ къ столу и здоровается со всеми родственниками его. Потомъ она беретъ поднось съ стаканомъ, и, съ перваго до послѣдняго, каждому подноситъ водку, которую отецъ то и дѣло что наливаетъ. Между тѣмъ дѣвушки и женщины поютъ пѣсни тонкими голосами.

П ѣ с н и.

1.

Не были вѣтры,
Не были вѣтры—
Навѣяли.

Нежданные гости,
Нежданные гости
Наѣхали.

Подлюмили,
Подлюмили

(*) Изъ пѣсни Русскаго винограда.

Сѣни новыя,
Сѣни кошесчатыя.

Разступили,
Разступили
Чару золоту,
Чару серебряную.

Разгнѣвали,
Разгнѣвали
Красну дѣвицу-душу
Зарученную.

Расплакалася,
Расплакалася
Красна дѣвица-душа
Зарученная,
Што по имени Марья (1),
По имени Марья
Андреевна.

Мнѣ по тѣмъ сѣнямъ,
Мнѣ по тѣмъ сѣнямъ
Не гуливати.

Мнѣ изъ этой чары,
Мнѣ изъ этой чары
Не кушивати.

Мнѣ въ этой горницѣ
Мнѣ въ этой горницѣ
Не сиживати.

Возговоришь,
Возговоришь
Первобрачный князь,

По имени Иванъ (2),
По имени Иванъ

Сударь Андреевичъ:
Не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи,
Княжна молода
Зарученная.

Я тебѣ сострою,
Я тебѣ сострою

(1) Имя невесты. (2) Имя жениха.

Съни новыя,
Съни кошесчатыя.

Я эту чару,
Я эту чару
Самъ солю
Лучше батюшковой,
Краше матушкиной.
Я тебѣ солю,
Я тебѣ солю
Чару золоту,
Чару съ яхонтами.

2.

Не отъ вѣтра отъ вихоря,
Не отъ Божьей отъ милости (1)
Вереюшки пошаталися,
Воротѣчка растворялися;
Не слыхала душа-дѣвица,
Какъ бояра на дворъ въѣхали,
Потѣжана на широкій дворъ,
Только узрѣла, увидѣла,
Какъ князь-то вошелъ въ горницу,
Первобрачный во свѣтлую;
Она увидѣла, заплакала,
Подломились ноги рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Наклонилася головушка,
Во слезахъ-то слово молвила:
«Вонъ (2) идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплести русу косу,
Вонъ идетъ погубить красоту!
Какъ проговорить князь молодой,
Отвѣчаетъ первобрачный князь:
Что не я разоритель твой,
Что не я погубитель твой;
Разоритель твой—батюшко,
Погубительница—матушка;

(1) Божьей милостію у насъ называется гроза громъ съ молніей: «ну, какал
сегодня поднимается Божья милость».

(2) Вонъ вместо воть.

Расплететь косу сватьяшка,
 То крестовая матушка;
 Потеряют красу друженьки,
 То родимые братьяца.

3.

Што ты, што ты, сине море,
 Што стоишь—не колеблешься?
 Што ты, што ты, младъ сырой дубъ,
 Што стоишь—не качаешься?
 Што ты, што ты, красна дѣвица,
 Што стоишь—не разсмѣхнешься?
 Ужь вы, милы подруженьки,
 Мнѣ чему есть разсмѣяться,
 При которыя радости?
 Много, много у сыра дуба,
 Много листьа зеленаго;
 Только нѣтъ у сыра дуба,
 Нѣту самой вершиночки,
 Позолоченой маковки.
 Много, много у красной дѣвицы,
 Много роду и племени,
 Много есть честныхъ родителей,
 Много милыхъ подружечекъ;
 Только нѣтъ у красной дѣвицы,
 Нѣтъ родителя батюшки (или матушки)
 Что при нынѣшнемъ времени,
 При сегодняшнемъ вечерѣ,
 При тоскѣ, при кручинушкѣ.
 Снарядить меня есть кому,
 Благословить меня не кому;
 Благословлялъ молодешеньку
 Нареченный мой батюшка,
 То родимый мой брателко
 Свѣтъ (имя) сударь (и отечество).

Пѣсня эта поется, когда у невесты нѣтъ отца или матери.

4.

Эта ягода сладка,
 Земляника хороша.
 Почему она сладка,

Почему хороша?
 Потому она сладка,
 Потому хороша,—
 На угорышкѣ росла,
 Противъ солнышка цвѣла
 На восточной сторонѣ.
 Эта дѣвица статна,
 Душа красна хороша,
 Красна дѣвица (имя-рекѣ)
 Свѣтъ (по отечеству) душа.
 Почему она статна?
 Почему хороша?
 Она у батюшка росла,
 Во высокомъ терему,
 Она у матушки сидѣла
 Въ шитомъ браномъ пологу (*),
 Она у братицей жила
 Въ новой горницѣ,
 За двѣнадцатю замками
 На кроватущкѣ спала,
 Десятью богатырями
 Охраняема была.
 Ее батюшко будилъ,
 И не могъ разбудить;
 Ее матушка будила,
 Не могла разбудить;
 Ея суженой пришелъ,
 Всѣ замки разломалъ,
 Сторожей размѣталъ,—
 Всѣ дѣвицу доступалъ.

5.

Была винная рѣченька,
 Сахариная источипка;
 Што по сахару рѣка течетъ,
 По изюму разливается,
 Далеко она во садъ прошла,
 Далеко во зеленой протекла.
 Было умное дитятко,

(*) За занавѣсами.

У родителя, у батюшка,
 Было умное, разумное,
 Тихо, кроткое, смиренное,
 Да какъ (имя и отечество)
 Душа красная дѣвица;
 Она ходила, показивала,
 Она гуляла, погуливала
 Изъ высока нова терема во садъ,
 Што изъ саду во бѣлой шатерьъ,
 Изъ шатра зашла во горницу
 Къ удалому добру молодцу,
 Да ко князю первобрачному,
 Што (имя и отечество жениха),
 Она будила побуживала:
 Ужъ ты встань, душа умной мой,
 Пробудись, душа разумной мой,
 Да (имя и отечество жениха),
 Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть,
 И не чаю, кофе кушати;
 Я пришла разгулятися,
 Во таблени (*) играть, въ шахматы,
 И во всѣ игры нѣмецкія.
 Обыграла красна дѣвица-душа
 Удалаго добраго молодца,
 Што (имя и отечество жениха);
 Насмѣялась красна дѣвица-душа
 Надъ удалымъ добрымъ молодецъ;
 Проигралъ доброй молодецъ-соколъ,
 Со правой руки значень перстень,
 Со любимаго мизинчика.

6.

Што на тихой на заводи,
 На тихой лебединья,
 Не была лебедь кикала
 И не ясному соколу,
 Не куна жалобилася,
 Что не черному соболю;
 Жалобилася, плакала.
 То сестра брату милому,

(*) Таблени назывались шашки.

Брату милому, любимому.
Ужъ ты, братецъ, ты, братецъ мой,
Удалой доброй молодець,
Доступи, сударь, братецъ мой,
До снарядна дубова стола,
И до скатерти берчатая,
И до кушанья сахарнаго,
До питья винограднаго,
До родителя батюшка,
До родимыя матушки;
Уговаривай, братецъ мой,
Ты родителя батюшку
И родимую матушку:
За чѣмъ рано воскресились
На меня молодешеньку,
На мою буйну голову,
На мою лъвью красоту?
Всѣ подружки красуются,
Одна я не красуюся.
Не кладу судьбы, жалобы,
На родителя батюшка,
На сударыню матушку;
Сотворю судьбу, жалобу,
Я на сватью лукавую,
На лукавую, вилавую,
На змѣю семиглавую.
Она ходила ко батюшкѣ
Не путемъ, не дорогою,
Все тропами собачьими,
Хоботами змѣиными;
Кодотилась помалешеньку,
Говорила потихошеньку,
Говорила—все обманывала,
Чужу сторону выхваливала,
Что чужа дальна сторона
Вся изюмомъ насыана,
Виноградомъ загорожена,
И медами поливана
И парчею покрывана.
Я сама знаю, въдаю,
Молода догадалася,

Что чужа дальна сторона
 Всюду горемъ настына
 И печалью загорожена,
 И слезами поливана,
 И тоскою покрывана,
 Что тоскою кручиною.
 Тамъ сѣры волки сбѣгаются,
 Черны вороны слетаются,
 Добры люди не съѣзжаются.

Обнеся всѣхъ гостей и гостюшекъ, сосѣдовъ и сосѣдокъ, невѣста раскланивается, и, прикрывъ лице платочкомъ, уходитъ къ своимъ подружкамъ въ другую комнату (если она есть), или за перегородку; тамъ она начинаетъ плакать тонкимъ, нѣжнымъ голосомъ, принаравливаясь къ протяжному, заунывному пѣнію прочихъ.

П л а ч и.

1.

Благословлялъ меня милосердый
 Чуднымъ образомъ Господнимъ,
 Мой крута гора высокая,
 Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
 Мой родитель батюшко,
 Что по имени (такой-то),
 По отечеству (такой-то);
 Паче злѣ того тошнѣ,—
 Впереди меня благословлялъ онъ
 Чужа не вѣдущаго чловѣка,
 Со чужой дальней сторонушки;
 Што еще того тошнѣ
 Ретивому моему сердечку:
 Благословляла меня милосердая,
 Въ день—денна моя печальница,
 Въ ночь—ночная богомольщица,
 То родитель моя матушка,
 Што по имени (такая-то)
 Изъ отечества (такая-то)
 Бѣлымъ хлѣбомъ и солью:
 Съ незнакомымъ добрымъ молодцемъ,
 На чужую дальну сторону,
 На злодѣйку незнакомую,
 Что въ семью несогласную.

2.

Не позазрите, не подивуйте,
Всѣ честны мои родители,
Мои возлюбленны подружечки,
Порядны, ближни сосѣдушки,
Што хорошо я снарядилася
Въ цвѣтно платьѣ драгоцѣнное,
Въ дорогую дѣвью красоту,
Во нарядной, ненаглядной
Скатна жемчуга повязкѣ —
Со хазомъ изъ красна золота;
Што не въ пору, не въ время,
По закаты красна солнышка,
При потухшей зарѣ вечерня,
Призаснули люди добрые,
Призамолкли птицы небесныя,
Приходилъ ко мнѣ батюшко
Со грозою великою,
Приказалъ мнѣ-ка батюшко
Встать съ тѣсовыя кровати,
Со пуховыя постели,
На бѣло вельѣ умыться,
Хорошо сварядитися,
Причесати буйну голову,
Заплести косу трубчатую;
У меня въ это времечко
Подломились ноги рѣзвыя,
Опустились руки бѣдыя,
Приуныло ретиво сердце,
Помутились очи ясныя,
Покатались горючи слезы.
Не сама я снаряжалася, —
Наряжали подруженьки.
Выводилъ меня батюшко,
Што по имени (такой-то)
Изъ отечества (такой-то)
Среди горницы высокія,
Среди свѣтлыя свѣтлицы;
Становилъ меня батюшко
Передъ чудны святы образы,

Приказалъ мнѣ помолитися,
На всѣ стороны поклонитися.

3.

Все прошло время, прокатилось,
Красно времячко миновалось,
Соколомъ время пролетѣло,
Золотымъ кольцомъ укатилось,
У меня младой-младешенькой;
Какъ росла я, красовалася
У честныхъ своихъ родителей,
Што у батюшки, у матушки,
Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ,
Я по часту забавлялася
Со милыми подружками,
Душа-красными дѣвцами,
Я не знала, млада, не вѣдала
Ни тоски, ни кручинушки,
Какъ дошло, докатилось
Пора, времячко злосчастное
До меня бѣдной младешенькой:
Заручилъ меня батюшка,
Свѣтъ родимая матушка,
За чужаго чужанина,
На чужую дальну сторону;
Што не чато (1), не вѣдано,—
Мнѣ пришло время разстатися,
Со родителемъ батюшкой,
Со родимою матушкой,
Со всѣмъ родомъ и племенемъ,
Со милыми подружками,
Со моимъ дѣвичьимъ теремомъ,
Со моею свѣтлой свѣтлицей,
Съ житьемъ дѣвичьимъ безпечальнымъ,
Безпечальнымъ, забудущимъ (2).

Въ этотъ вечеръ женихъ и родные его угощаются ужиномъ не роскошнымъ, но сытнымъ и здоровымъ. Русскіе издавна славятся хлѣбосольствомъ; особенно въ свадебную пору—столы ломятся отъ яствъ. Конечно, вы не пайдете у нихъ сахарныхъ мороженыхъ,

(1) Не думано. (2) Незабвеннымъ.

пудинговъ, котлетовъ, бламанже, бисквитовъ, кремовъ, жие и другихъ какихъ-либо сластей. Благодареніе Богу! городская роскошь еще не проникнула въ мирныя жилища поселянъ нашихъ. Да и можетъ ли все это удовлетворить, насытить мужичка, который любить поѣсть, и поѣсть сытно? Ему потребна пища простая, но сочная, питательная, твердая! Поэтому и на пирушкахъ свадебныхъ столы заставляются кушаньями, ничѣмъ не приправленными. Кулебаки съ палтосиной, семгой, свежей рыбой; жаркое изъ рыбъ, изъ баранины и птицъ; продолговатые пироги изъ крупы въ ячменныхъ коркахъ, пироги со пшеномъ въ бѣломъ тѣстѣ; большіе круглые пироги съ черникой или малиной, вотъ и все!... Но всего этого на столъ бываетъ въ большомъ количествѣ. Гости не требуютъ дорогихъ заморскихъ винъ: хорошее пѣнное вино, молодое русское пиво, они ставятъ выше всѣхъ напитковъ въ свѣтъ. Передъ каждымъ блюдомъ, то отецъ, то мать, то братья невесты подчуютъ гостей водкою и пивомъ: любо смотреть, какъ всѣ пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ. Потъ градомъ льется по лицамъ ихъ; здоровый румянецъ съ каждымъ стаканомъ болѣе и болѣе разыгрывается на щекахъ. Бесѣда оживляется, веселый говоръ становится громче и громче. Наконецъ всѣ довольны!... и ужинъ заключается низкими поклонами хозяина и хозяйки.

Послѣ ужина гости подходятъ къ невестѣ, и когда начинаютъ съ нею прощаться, она плачетъ, принаравливаясь къ пѣнію своихъ подружекъ.

4.

Не поззрите, не подивуйте,
Госпожи, жены, боярыни,
И вдовы благочестивыя,
Что я плакать не умѣю,
Причитать-то (1) не гораздна (2);
Хоть ходила млада кручинная
По веселымъ смотрѣнъцамъ,
По крѣпкимъ рукобильцамъ,
По слезливымъ по свадебкамъ;
Не сбирала млада кручинная,
Ничего на умъ на разумъ свой:
Я не чала млада, не вѣдала,

(1) Причитать значить выражать свои печальныя чувства словами.

(2) Негораздожна значить не мастерица или неопытна.

Надъ собой тоски кручинушки,
 Злой великія невзгодушки (1),
 Какъ дошла, докатилася
 До меня младою кручинушка!

Вслѣдъ за гостями идетъ прощаться и женихъ; увидѣвъ его, неvěста плачетъ, а двѣушки поютъ:

5.

Не раздавайтесь, не разступайтесь,
 Всѣ честны мои родители
 И возлюбленны подружечки;
 Не допускайте до злосчастной
 Чужа странна чуженина,
 Удалаго добра молодца!
 Што (имя и отечество).

Не смотря на такое странное пѣніе, женихъ на прощанье цѣлуетъ неvěсту, и даритъ ей нѣсколько денегъ на бѣлила и румяна. Въ то время, какъ женихъ прощается со всеми родными ея, неvěста продолжаетъ плакать:

6.

Приходилъ ко мнѣ чуждъ господинъ,
 Посрамилъ мою головушку,
 Пристыдилъ мое бѣлое лице,
 Избезчестилъ дѣвичью красоту,
 При честныхъ моихъ родителейъ,
 При возлюбленныхъ подружечкахъ;
 Подарилъ меня чуждъ чуженинъ,
 Што безчестнымъ краснымъ золотомъ,
 Приговаривалъ чуждъ чуженинъ:
 Вотъ тебѣ, красна дѣвица-душа,
 На пригожія румяна и на бѣлыя бѣлила.
 Ужъ какъ я млада кручинная,
 Я у батюшки, у матушки,
 Не бѣдна была, не ужадна
 Золотой казны безчестныя.

Звонъ колокольчиковъ, лай встревоженныхъ собакъ, громкія пѣсни, раздающіяся по деревнѣ, докладываютъ престарѣлымъ домохозяевамъ, что смотрѣнье уже кончилось. Проводивъ гостей, неvě-

(1) Невзгоды—бѣды.

ста и девушки на-скоро переодѣваются въ обыкновенные наряды;
во время приготовленія ужина, невеста падаетъ къ ногамъ родителей, и при пѣніи подружекъ плачетъ:

7.

Ужь вы свѣтъ мои милосердые,
Два желанныхъ, сердобольныхъ!
Мой крута гора высокая,
Крѣпка стѣна бѣлокаменная,
Ты родитель мой батюшко!
Днемъ денна моя печальница,
Въ ночь ночная богомольщица,
Ты родима моя матушка!
Я спрошу у васъ, желанные,
Со горячими слезами,
Ужь скажите, не утайте мнѣ,
Вы на што да прогнѣвились
На меня младу кручинную?
Што вы вздумали, изволили
Выдавать меня, избывати,
На чужую дальну сторону,
На злодѣйку незнакомую,
За несвѣдуща челоуѣка,
Въ чужой домъ незнакомый,
Темну жиру невеселую,
Въ большу семью несогласную?
Вѣдь-то я вамъ, милосердые,
Надоѣла, напрокутила,
Хлѣба-соли много скушала,
Много платья приносила,
Бѣлыхъ половъ притоптала;
Вѣдь-то я вамъ, милосердые,
Не слуга была, не замѣньщица;
Избываете меня, родители,
Какъ лиху траву съ чиста поля,
Какъ люта звѣря изъ темныхъ лѣсовъ;
Хоть изъ глазъ меня избудете,
Не избыть вамъ, милосердые,
Изъ желанна ретива сердца;
Послѣ дочери злосчастныя

Не два мѣсяца освѣтять вамъ,
Не два солнышка огрѣють васъ.

8.

Потеряла млада кручинная
Всю вольную дѣвью волюшку,
Все житье мое безпечальное;
Вспоману млада кручинная,
На чужой, дальней сторонущѣ,
Мою прежнюю дѣвью нѣгу,
Все житье-бытье безпечальное;
Какъ во ту пору, во то время
Помутятся очи ясныя,
Прокатятся слезы горькія,
Што по бѣду лицу блѣдному,
По лицу истомленному.

Родители, сами въ свою очередь наплакавшись надъ дочерью, стоящею предъ ними на колѣняхъ, поднимають ее, и вмѣстѣ съ прочими дѣвушками идутъ ужинать. Только въ домъ жениха остатльное время ночи проходить въ шумной пирушкѣ. Гости по прїѣздѣ отъ невесты снова начинаютъ пить, пѣть и веселиться. Такъ бываетъ въ селеніяхъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ малое смотрѣніе называется зарученьемъ или рукобитьемъ. На это рукобитье прїѣзжаетъ женихъ, съ нимъ священникъ съ женою, діаконъ, дьячекъ, передовъзжіе (1), родные жениха, и многія другія свадебныя лица. Въ числѣ ихъ вы легко замѣтите человека съ угрюмымъ лицомъ и сердитымъ взглядомъ; ему больше всѣхъ кланяются, и усерднѣе всѣхъ угощаютъ. Кто это? спросите вы. Это знахарь (2), то-есть старикъ, который слыветъ въ селеніи колдуномъ; его всегда берутъ будто бы для охраненія свадебниковъ, особенно жениха и невесты, отъ порчи; кромѣ подарковъ, этому старику платятъ деньги, когда свадьба благополучно кончится и когда между молодою четою будетъ совѣтъ и любовь.

По прїѣздѣ гостей, въ другой комнатѣ или клѣткѣ невеста наряжается въ праздничный сарафанъ, то-есть въ штофникъ или камлотноикъ. На голову накладываютъ узорчатый вѣнокъ, унизанный жемчугомъ, бисеромъ и другими разноцвѣтными камнями; чтобы

(1) Шафера или дружки. (2) Если знахарь хромъ, либо горбатъ, или одноглазый, то его еще болѣе уважають, полагая, что заговоры его могутъ сильно действовать.

придать лицу болѣе красоты, она натирается бѣлилами и румянами; на руки надѣваютъ изъ краснаго сукна рукавицы, хотя бы и въ лѣтнее время, а на ноги коты (*) съ опушками изъ сукна краснаго жъ цвѣта. Въ этомъ нарядѣ, отецъ, становя на средину избы невесту, отъ стыда и робости прикрывающую лице свое рукавицею, спрашиваетъ гостей: любя ли? и ему отвѣчаютъ: любя! Тогда родители ея бьютъ по рукамъ со священникомъ, тысяцкимъ, отцемъ и матерью жениха. Послѣ сего женихъ выходитъ изъ-за стола, становится подлѣ невесты, наливаетъ вино и пиво въ стаканы, а невеста подноситъ гостямъ. Обнеся всѣхъ, женихъ отходитъ на свое мѣсто, а невесту уводятъ въ уголь къ дѣвушкамъ, гдѣ мать обвязываетъ вѣнокъ ея большимъ платкомъ, который закрываетъ лице въ видѣ вуаля. Это значить невесту закрыть; въ такомъ видѣ она ходитъ до самаго вѣнца. Между тѣмъ какъ гости ужинаютъ, что Богъ послалъ,—невеста громкимъ голосомъ начинаетъ плакать, при пѣніи плачей и прочихъ дѣвешекъ:

9. О т ц у.

Не выкатайся, схожо солнышко,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго;
Не проглядывай, свѣтель мѣсяць,
Изъ-за горъ крутыхъ, высокихъ;
Ужъ ты, схожо мое солнышко,
Мой крута гора высокая,
Крѣпка стѣна блокаменна,
Мой родимой батюшко,
Што (имя и отечество)!
Не ставай ты, схожо солнышко,
Среди высока терема
Што на рѣзвья ноженьки;
Не знимай своей правой руки
Выше своего величества,

(*) Коты—тупоносые, широкіе башмаки изъ черной простой кожи; въ каждый котъ легко могутъ поместиться обѣ ножки городской барышни.

1 примѣчаніе. Въ уѣздѣ Шенкурскомъ не каждая женщина или дѣвушка знаетъ свадебныя пѣсни; поэтому отецъ невесты долженъ ѣхать иногда въ другое село, верстъ за двадцать и далѣе, чтобы сыскать тамъ женщину пѣвунью, которая и слышетъ между народами плачей. Безъ плачей ни одна свадьба не бываетъ тамъ.

2 примѣчаніе. Только въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ женщины и дѣвушки поютъ и плачутъ тонкими голосами; а въ прочихъ уѣздахъ толстыми, подобно мужинамъ.

Выше буйной головушки;
 Ты не ксти (1) да лица бѣлаго
 Передъ Господомъ Богомъ;
 Не подходи ты, схожо солнышко,
 Ко снаряду дубову столу;
 Не протягивай правой руки
 Черезъ сахарныя кушанья,
 Ты не бей рука объ руку
 Со духовнымъ со батюшкомъ;
 Ты не бей-ко рука объ руку
 Что со бѣльшимъ со сватовцомъ,
 Со чужимъ чужениномъ;
 Не закладывай правой руки,
 Не въ селѣ, не въ деревнѣ,
 Не въ рубль, не въ полтинъ,
 Не въ зѣлотой гривнѣ;
 Тѣ (2) не выкупить правѣй руки
 Не селомъ, не деревней;
 Тѣ не выкупить правѣй руки
 Не рублемъ, не полтиной.
 Выкупать буде (3) права рука
 Моей буйной головушкой,
 Оприщенной (4) дѣвѣй красотой.

10. М а т е р и.

Ты денна моя печальница,
 И ночная богомольщица,
 Вѣкова моя сухотница,
 Ты родимая матушка!
 Не отходи, моя кормилица,
 Отъ кирпичнаго шесточка,
 Не становись, моя кормилица,
 Среди вѣсока терема
 На свои рѣзвыя ножки;
 Не поднимай ты бѣлой рученьки
 Выше свѣбего величества,
 Выше умной головушки;
 Ты не ксти-ко лица бѣлаго

(1) Не крестись (2) Тѣ—тебѣ (3) Буде—вмѣсто будеть (4) Оприщенной—одной только,—оприщонно его—кромѣ его.

Передъ Господомъ Богомъ;
 Не подходи, моя кормилица,
 Ко снарягну дубову́ столу,
 Не протягивай правдой руки
 Черезъ сахарныя кушанья,
 Ты не бей-ко рука объ руку
 Со духовнымъ со батюшкомъ,
 Со чужимъ чужениномъ;
 Не закладывай правдой руки
 Не въ сѣль, не въ деревнѣ,
 Не въ рубль, не въ полтинѣ,
 Што не въ золотой гривнѣ;
 Тѣ не выкупить правдой руки
 Не селомъ, не деревней;
 Тѣ не выкупить правдой руки
 Не рублемъ, не полтиной.
 Выкупать буде права рука
 Моей буйной головушкой,
 Опришѣнной дѣвѣй красотою.

Почти то же самое поютъ, когда невѣста плачетъ матери крестной, братьямъ и сестрамъ. Послѣ ужина женихъ и гости уѣзжаютъ, и... въ домъ становится тихо. Начиная съ рукобитья до самаго дѣвичника, сосѣдки-дѣвушки каждодневно собираются къ невѣстѣ съ своими пальцами. Вышивая то бумагою, то шелкомъ разные узоры на бѣлыхъ полотенцахъ, назначенныхъ въ подарки родственникамъ жениха, онѣ поютъ свадебныя пѣсни; а закрытая невѣста, сидя между двумя подругами, праворучницею и лѣворучницею, плачетъ, отъ чего это время и называется у нихъ *плаканьемъ*. При входѣ посторонняго человѣка въ избу, невѣста встаетъ съ своего мѣста и съ воплемъ бросается къ ногамъ его, потомъ поднимается и обвими руками крѣпко обхватываетъ его за шею, продолжая плакать; а прочія поютъ, на примѣръ, молодому, не женатому мужчине:

11.

Какъ изъ загорья-горья,
 Вѣтерокъ попыхаетъ;
 Да изъ заморья-морья
 Чернѣнъ корабль выбѣгаетъ;
 Выбѣгалъ чернѣнъ корабль
 Изъ-за синяго моря,

О двѣнадцати парусахъ
 О тринадцати ярусахъ;
 Тонки парусы полѣтныи,
 Всѣ отуги шелковыя,
 Знамена (1) Государевы.
 Выходилъ чернѣнь корабль
 Изъ-за синяго моря;
 Подходилъ чернѣнь корабль
 Подъ (такую-то) (2) славну волость;
 Подбѣгалъ чернѣнь корабль
 Подъ крутѣ горѣ высокую,
 Ко святой Божьей церкви;
 Вымощали съ корабля
 Славны мосты калиновы;
 Разстилали по мостикамъ
 Всѣ ковры семишелковые;
 Выходилъ со корабля
 Удамый, добрый мѡлодецъ;
 Какъ садился добрый мѡлодецъ
 На кѡмонь (3) добрую лошадь;
 Онъ повхалъ, добрый мѡлодецъ,
 На крутѣ горѣ высокую
 Ко (такой-то) (4) славной волости;
 А о ту порѣ, о то время
 У меня ли красной дѣвицы
 Тихой дѣвѣй дѣвичничекъ,
 Да слезливо плаканьеце.
 Сдивовались люди добрые
 Удамому дѡбру мѡлодцу:
 Это чей-то добрый мѡлодецъ?....
 Онъ по платью по цвѣтному
 Сынь купца—гостя торговаго;
 Онъ по низкимъ поклопечкамъ
 Сынь попѣ—отца духовнаго;
 Онъ по ласковымъ словечушкамъ
 Сынь крестьянина богатаго.
 Ты послушай, добрый мѡлодецъ,

(1) Флаги. (2) Хотя подъ Усть-важку. (3) Кѡмонь значить конь. Древнее слово, известное изъ Слова о полку Игоревѣ—тамъ есть: *воротили въ кѡмоней*, и проч. (4) Хотя ко Усть-важской славной волости.

Што я стану говорить тобѣ:
Тѣ не дай Боже жениться
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческою дочерью
Много денегъ и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тобѣ:
Говорить я стану сказывать,
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Нетяглы (1), не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны (2);
Тѣ не дай Боже жениться
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочеръ:
Со поповской славной дочерью
Много данья и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тобѣ,
Говорить я стану сказывать,
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже жениться
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочеръ:
Со крестьянскою-то дочерью
Много данья и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Што крестьянскія-то дочери,
Всѣ тяглы и работливы,
Ткать и прясть онѣ гораздны,
Шолкомъ шить мастерицы.

(1) Тяглы значить сильныя, работающія. (2) Невскусны.

Парень не долго позволяеть давить себя за шею; онъ собирается съ силами и усаживаетъ невѣсту на лавку, а за добрый пріемъ дарить пятакъ или гривну; невѣста, опустивъ деньги въ братыню или чашку, стоящую въ колынахъ у праворучницы, вторично встаетъ, кланяется ему и плачетъ при пѣніи прочихъ:

12.

Тѣ спасибо, добрый мѡлодецъ,
 На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
 Щто на златъ, на сѣребръ,
 И на царскомъ на имени;
 (1) Тѣ подай Боже корминицу
 Царску службу сослужити,
 Золоту казну получить!

Послѣ этого дѣвица, сидящая по лѣвую руку невѣсты, подчуетъ гостя пивомъ.

Подобный пріемъ бываетъ и старому и малому; разность только въ однихъ припѣвахъ. Невѣста плачетъ такъ много и такъ громко, что въ послѣдствіи совершенно теряетъ голосъ; равной участи подвергается и плача, не смотря на то, что хозяева не забываютъ подкрѣплять ее и виномъ и пивомъ.

III. ВОДЯШОВ СМОТРАТЕЦЪ, ИЛИ ДАВЯШНИКЪ.

Поиграйте вы, дѣвушки,
 Поиграйте, голубушки,
 Въ свою волю у батюшки,
 Въ полной нѣгѣ у матушки;
 Не равно замужъ выйдется,
 Не равенъ чортъ навернется,
 Не равенъ накачается!
 Либо старо одушливое,
 Либо младо недужливое,
 Либо въ ровню—упрямчивое....
 У меня младоу.... старой мужъ,—
 Онъ ворчитъ и журитъ и бранитъ,
 Разувать, раздѣвать мнѣ велитъ,
 Балахонъ съ плечъ стягивати,
 Съ ногъ подвязки отвязывати;
 У меня ручки блявенькія,

(1) Это поютъ, если мужчина служить въ какомъ-либо мірскомъ выборѣ: десятскимъ, выборнымъ, старостой или писаремъ.

Не того я поля ягода цвѣла,
 Не такого отца дочерью слыла,
 Не така меня мать родила,—
 Штобъ тебя старика раздѣвать,
 Раздѣвать, разувать, цѣловать (1).

Непримѣтно проходить время въ хлопотахъ и суетахъ свадебныхъ. Едва-едва успеешь около себя осмотрѣться, одуматься, какъ уже и большое смотрѣнье надъ головою. Въ селеніяхъ уѣзда Шенкурскаго, не могу сказать, во всѣхъ-ли, но въ Устьважскомъ, Березницкомъ, Пяндскомъ и Осиновскомъ, гдѣ я нѣсколько разъ самъ былъ очевидцемъ, на это смотрѣнье, или, по тамошнему, на дѣвичникъ, невеста сама зазываетъ гостей. Въ вѣнокъ съ распущеннымъ по лицу платкомъ, она, въ сопровожденіи дѣвушекъ и плачей, ходитъ по селенію, и, начиная съ священническаго дома, останавливается предъ окнами каждаго дома, гдѣ живутъ родственники ея или знакомые, кланяется и горько плачетъ, а прочія поютъ,—если у дома священническаго, то:

13.

Ты духовный батюшко,
 Да (имя) свѣтъ (отечество)!
 Ты гости—да ко мнѣ жалуй-ко
 На честной мой дѣвишничекъ,
 На слезное плаканьеце,
 Со духовною матушкой
 Да какъ (имя и отечество)
 Со всима дѣтьми любезными
 И всемъ домомъ благодатнымъ,
 У моихъ честныхъ родителей
 Хлѣба-соли покушати,
 Што въ послѣдній разъ, остановишнѣй—
 При дѣвицъ душъ красной,
 При отлетной бѣлой лебеди!

Переходя отъ дома священника къ другому, третьему и т. д., она вездѣ плачетъ и кланяется, а дѣвушки поютъ ту-же пѣсню, начиная ее—если у дома дяди: *ты родимой дялюшка!*—если у дома крестной матери: *ты крестова матушка!* и пр. и пр.

Въ уѣздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ на большое смотрѣнье зазываютъ съ обѣихъ сторонъ дружки. А невеста съ дѣвуш-

(1) Пѣсня хороводная; ее поютъ въ дѣтніе храмовые праздники на луту въ главномъ хороводѣ, составляющемся только изъ взрослыхъ дѣвицъ и молодыхъ людей, разодѣтыхъ въ лучшіе наряды.

ками и женщинами накануне смотрѣнья ходить въ церковь; тамъ, съ благоговѣніемъ предстоя у подножія алтаря Господня, молить Чистѣйшую Отроковицу, да благословить союзъ ея. Въ этой молитвѣ принимаютъ живѣйшее участіе всѣ окружающія невесту. Не за себя онѣ молятся, но за свою подругу. Исполнивъ христіанскій долгъ, невеста съ душевнымъ спокойствіемъ возвращается въ домъ. Но если невеста—сирота,—не имѣетъ отца или матери, въ такомъ случаѣ изъ церкви прямо идетъ на могилу родительскую. Здѣсь-то вы увидите трогательную картину!.... Между скромными памятниками, безмолвно охраняющими тихій сонъ мертвецовъ,—бѣдная дѣвушка бѣжитъ съ распростертыми руками обнять, облобызать холодную глыбу земли; она повергается на колѣна и испускаетъ пронзительный вопль, сопровождаемый заунывнымъ пѣніемъ подругъ:

14.

Потяните, потяните, (поютъ онѣ)
 Стопка буйные вѣтры!
 Вы раздуйте, размечите
 Всѣ желтыя пески сыпучіе!
 Разступися мать сыра-земля!
 Раскройся гробова доска!
 Ты раскройся, размахнися,
 Бѣлой саванъ полотняной!
 Отнимитесь, руки бѣлыя,
 Отъ желанна ретива сердца!
 Ты вставай—ко, солнце красное,—
 Отъ крѣпка сна пробудися,
 Ты родитель мой батюшка! (*)
 Я пришла къ тебѣ злосчастная
 За родительскимъ благословеніемъ,
 Ужъ въ послѣдній разъ, останешней—
 Душей красной дѣвицею,
 Младой отческой дочерью;
 Твое родительское благословеніе
 Ты дай мнѣ, солнце красное,
 Какъ меня бѣдну злосчастную
 Сохранить оно, помилуетъ,
 На чужой дальней сторонкѣ,

(*) Та же плачь и матери; только вмѣсто *родитель батюшка*, приплакиваютъ: *ты родима матушка!*

Въ чужомъ домѣ незнакомомъ,
 За чужимъ за чужениномъ,
 Въ темной жирѣ (1) не веселой.

Послѣ этого невѣсту, растроганную до глубины души, отводятъ домой; но и тамъ представится вамъ не менѣе печальное зрѣлище. Подойдя къ вышедшей на встрѣчу матери, невѣста падаетъ къ ногамъ ея, и, обливаясь горькими слезами, плачетъ на-взрыдъ, при пѣніи:

15.

Ужъ ты свѣтъ моя милосердая!
 Въ день-денной—моя печальщица,
 Въ ночь-ночную—богомольщица,
 Ты родитель мой матушка!
 Я ходила, бѣдна, злосчастливая,
 Со любезными подружками
 Дупца красными дѣвками,
 На прекрасно наше буюво (2),
 Къ Божьей церкви православной;
 Я будила бѣдна, злосчастливая,
 Круту гору, высокую,
 Крѣпку стѣну, бѣлокаменну,
 Свѣтъ родителя батюшка.
 Я просила, бѣдна, злосчастливая,
 Его родительскаго благословенія
 Ужъ въ послѣдній разъ, останешній!
 Не промолвилъ солнце красное,
 Свѣтъ родитель мой батюшка,
 Ни единого словечушка
 Со мною бѣдной, горегорькой. (3)

Бѣдная мать, невѣста и прочіе дѣти, схватившись вмѣстѣ руками, наполняютъ громкими рыданіями воздухъ, и тѣмъ самымъ заглушаютъ жалобное пѣніе. — Уже изнемогшихъ отъ горести, родные уводятъ въ избу, и своею нѣжною заботливостію возстановляютъ спокойствіе духа....

- (1) Жира значить жирѣ. (2) Площадь, окружающая церковь. «Пойдемъ играть на буюво», т. е. къ церкви или на церковный лугъ.
 (3) Такъ же плачетъ она и предъ отцемъ, если не имѣетъ матери, съ тою только разницею, что приплакиваетъ: *ужъ ты, свѣтъ мой милосердый, мой крута гора высокая, крѣпка стѣна бѣлокаменна, ты, родитель мой, батюшко!*

Собравшись по возможности съ силами, каждый принимается за дѣло, — кто чистить посуду, кто моетъ полы, кто стряпаетъ, кто варить, кто жарить; одна невѣста остается ничѣмъ не занята, печальна, безмолвна — долго сидитъ, склоня свою голову на грудь. Уже подъ вечеръ, когда изготавится баня, она, по принятому обыкновенію, идетъ съ подружками мыться; въ это время мать *рядитъ коробью*, т. е. укладываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, нѣсколько кусковъ холста, полотна, и все, что по возможности заготовлено въ приданое за дочерью-невѣстой. Такъ проходитъ день отъ утра до вечера! Наступаетъ ночь — и все погружается въ сонъ.... Рано пробужаются жители околodka; но раньше всѣхъ вспыхиваетъ огонекъ въ домѣ невѣсты. Еще за долго до появленія утренней зари въ немъ все семейство поднимается на ноги; вездѣ движеніе и примѣрная дѣятельность! Опять у каждого полны руки дѣла! И не удивительно: у невѣсты на большомъ смотрѣннѣ бываетъ множество гостей. Родители ея, по старинному обычаю, въ этотъ день радятъ два вечернихъ стола, — одинъ ужинъ для мужчинъ и женщинъ, а другой — прощальный, для всѣхъ дѣвицъ. Сколько же пужно приготовить всякой всячины, чтобы угостить всѣхъ хлѣбомъ-солью по-русски, или, какъ говорятъ, *на славу*? — Самый бѣдный на этотъ разъ займетъ, но не ударитъ себя лицомъ въ грязь. Сиротамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ оказываютъ пособіе добрые зажиточные сосѣди, или родственники, кто чѣмъ можетъ; *вѣдь голенькой—охъ! а по голенькомъ Богъ!*.... Къ половинѣ дня оканчиваются всѣ домашнія приготовленія, сколько бы многосложны ни были, и русская теплая изба принимаетъ на себя видъ праздничный, чистый, опрятный. Накрывается для жениха длинный отъ стѣны до стѣны столъ; хозяйинъ и хозяйка чинно разставляютъ на немъ разныя яства и напитки. Вскорѣ одна за другою начинаютъ сходиться, то женщины, то дѣвушки, одѣтыя уже во все, что есть лучшаго. Невѣста въ повязкѣ на головѣ, но въ полу-праздничной одеждѣ, встрѣчаетъ каждую гостью на срединѣ избы, или на крыльцѣ, если время стоитъ теплое, и, кланяясь, приплакиваетъ: а) въ уѣздѣ Шенкурскомъ, на прим. матери крестной, (по тамошнему божаткѣ):

16.

Это, слава Тебѣ, Господи,
 Слава Господу Богу!
 Не вода стала сливатися,
 Стали родители сбиратися;
 Што идетъ-то ко мнѣ, жалуешь,

Святъ крестовая матушка;
Ты любя ходила, матушка,
Во кумы во крестовыя;
Ты любя держала, матушка,
Меня крестовую дочушку;
Снаряжайся-ко, кормилица,
Въ посаженыя сватьюшки;
Ты была, моя корминица,
Ко мнѣ ласкова, приветлива;
Не оставь меня, корминица,
Што при нынѣшнемъ времени;
Спроводи меня, корминица,
На чужую дальну сторону.

17. Молодиць.

Што не лебедь бѣлая
Черезъ поле летѣла,
Она правымъ крылышкомъ
Себѣ путь устилала,
Она лѣвымъ крылышкомъ
Со травы росу сбивала.
Какъ отъ той-то бѣлой лебеди
Всѣ поля забывали,
И луга зазеленѣли.
Тѣ не быть да бѣлой лебедью,
Молодой быть молодежию,
Старопрежняя подружка!
Ино (такая-то — имя и отечество),
Ты скажи мнѣ-ка, голубушка,
Скажи сущую правду;
Не давнѣо вѣдь время дѣлалось (1),
Не въ кою пору забыти;
Выдавали тя родители
На чужу дальну сторону;
Тебѣ выбрали родители
Житѣ, мѣсто, богатство,
Мужа ласкова, смышленого;
Ужъ скажи мнѣ-ка, подруженька,
Какъ въ первыжды приходила ты

(1) Было.

На чужую дальну сторону?
 Какъ свою-ту приносила ты,
 Тамъ на плечахъ буйну голову?
 Ты которою рученькой
 Впереди дверь отворяла?
 Ты которою ноженькой
 Черезъ порогъ переступала?
 Ты которому святителю
 Напередъ-то помолилася?
 Ты кому челомъ ударила,
 Али старому, аль малому?
 Или середовому? (1)
 Какъ отвѣтъ держать подруженька:
 Отпирала правой рученькой,
 Выступала правой ноженькой
 Впереди челомъ ударила
 Богоданному батюшку;
 Другоредъ (2) челомъ ударила
 Богоданной матушкѣ;
 Въ третьиредъ челомъ ударила
 Богоданнымъ деверьцамъ,
 Оposлѣ челомъ ударила
 Богоданнымъ золовушкамъ.

18. Священнику.

Это слава Тебѣ, Господи,
 Слава Господу Богу!
 Какъ идетъ-то ко мнѣ, жалуешь,
 Да духовный мой батюшко,
 Со духовной со матушкой
 Со всѣмъ дѣтьми любезныма,
 Со всѣмъ да со церковники—
 Грамотѣями духовныма,
 На слезливый дѣвишничекъ.
 Благослови-ко меня, батюшко,
 На чужую дальну сторону.

Плачь молодому мужчинѣ уже помѣщенъ мною подъ N 11-мъ.
 Надобно замѣтить, что въ уѣздѣ Шенкурскомъ на дѣвичникъ

(1) Пожилому. (2) Другоредъ — другой разъ.

не бывает ни женихъ, ни родственники его. А потому невѣста до самаго ужина тѣмъ и занимается, что плачетъ каждому приходящему.

б) Въ Ненокоцкомъ посадѣ Архангельскаго уѣзда невѣста при встрѣчѣ дѣвушекъ и женщинъ плачетъ такъ:

19.

Я кого да млада ўзрѣла,
Я кого млада усмотрѣла
Сквозе туманны очи ясныя,
Сквозь марево Господне!
Свою любезную подружечку (1),
Што богату, именитую,
Отъ бѣлыхъ лебедей отмѣнитую,
Да какъ (имя и отечество дѣвушки).
Не позазри, лебедь бѣлая,
Моя возлюбленна подруженька,
Што тебя млада я встрѣтила,
Не дошедъ двора широкаго,
Не на новыхъ сѣняхъ косесчатыхъ!
Хоть я встрѣтила кручинная
Во родительскомъ благословеньѣ,
Во батюшковомъ строеньѣ,
Среди горницы высокой,
Подъ косесчатымъ окошкомъ;
Ты начаешься (2), лебедь бѣлая!
Што горда я стала, спѣсивая?
Меня спѣсь, гордость одолѣла,
Словно богатство я получила,
Будто имѣнье себѣ великое?
Не начайся, лебедь бѣлая,
Моя возлюбленна подруженька!
Не богатство я получила;
Изняла младу, издѣла (3)
Зла невольная кручина,
Злы горючія слезы;
Меня той тоской надѣлили—
Мой родитель батюшко,
Моя родимая матушка,
Единоутробные братьница,

(1) Тетушку, сестрицу, или нарядную сосѣдушку. (2) Думаешь. (3) Обезси.ш.из.

Весь родъ мой и племя.
 Они придумали, пригадали
 Отдавать меня, отдаляти
 На чужую дальну сторону.—
 Бью челомъ, низко покланяюся,
 Моя возлюбленна подруженька,
 Чту на хлѣбъ да на соли,
 Я по-часту къ вамъ ходила,
 Все по долгу я гостѣла;
 У тебя, моя подруженька,
 Мнѣ любима была гозебка,
 Часто было перепутьеце.

с.) Въ Холмогорскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ:

20.

Приходи да ко мнѣ жалуй-ко,
 Моя милая сосѣдушка,
 Супротивна моя сестрица,
 Задушевная подружечка,
 Свѣтъ Анна Ивановна (1),
 Золота верба кудрявая!
 Какъ съ тобой мы красовались,
 У своихъ честныхъ родителей,
 Какъ съ тобой мы любовались
 Житьемъ дѣвнымъ безпечальнымъ,
 Безпечальнымъ, скоролетнымъ.
 Прокатилось время красное,
 Мнѣ пришла пора разстатися,
 Со всемъ родомъ распрощатися.—
 Приношу мою благодарность
 За твою любовь крѣпкую,
 Любовь крѣпкую, неизмѣнную.

Когда уже соберутся всѣ родные и ближніе, невѣста становится за столъ, и до пріѣзда жениха, въ кругу подрушекъ своихъ плачетъ:

21.

Благослови-ко меня, батюшко (1),
 За столы стать за дубовые,
 Што за сахарныя кушанья,

(1) Имя и отчество дѣвушки. (2) Если нѣтъ отца, плачетъ: матушка.

За питья разноликий,
 Красной дѣвицѣ поплакати!
 Ужь я стану млада кручинная
 На свои рѣзвыя пожешки;
 Я откину руку правую
 Со большимъ платомъ шелковымъ
 Што отъ блѣдна лица бѣлаго;
 Я открою очи ясныя,
 Обозрю всѣ свѣтлы горницы,
 Всечестныхъ моихъ родителей.
 Еще всѣ ли мои родители
 Собрались сюда, пожаловали?

Здѣсь она оплакиваетъ всѣхъ отсутствующихъ родителей и
 родственниковъ своихъ. (Если нѣтъ отца роднаго или крестнаго, —
 плачетъ такъ:)

Я не вижу, бѣдна, злосчастная,
 Своей стѣны бѣлокаменной,
 И крутой горы высокой,
 Моего ласкова, привѣтлива,
 Свѣтъ родителя батюшка.

(Если нѣтъ матери родной или крестной):

Я не вижу бѣдна, злосчастная,
 Въ день—денной моей печальщицы,
 Въ ночь—ночной да богомольщицы,
 Свѣтъ родительницы матушки,
 И желанной, сердобольной.

(Если нѣтъ брата, дяди, или другихъ родственниковъ):

Я не вижу млада, кручинная,
 Приближенныхъ своихъ сродниковъ,
 Единоутробнаго брателка,
 Ненаглядна ясна сокола.

Или:

Моего родимаго дядюшки,
 Двоюродной моей тетюшки. —
 и проч. и проч.

Она называетъ каждого по имени и по отчеству; даѣе про-
 должаетъ:

Сидите вы, были лебеди,
 Мои возлюбленны подружечки,
 Вдоль по брусчатымъ лавочкамъ,

Подъ косесчатымъ окошечкомъ;
 Приоткройте-ка околѣнку,
 Посмотрите-ка на улочку;
 Вы послушайте, бѣлы лебеди,
 Што на широкой-то улицѣ
 Нѣтъ-ли топоту лошадинаго,
 Нѣтъ ли посвисту молодецкаго?
 Ужъ не ѣдетъ-ли мой батюшко, (или брателко, или дядюшка)?
 Што изъ дальней пути-дорожечки?

(Если нѣтъ матери):

Вы послушайте, мои голубушки,
 Што на широкой-то улицѣ,
 Не кикаетъ-ли лебедь бѣлая?
 Не журчить ли струя тихая?
 Не бѣжитъ ли красна шляпочка?
 Не несетъ ли ко мнѣ матушки (или тетушки)?
 Вѣдь-то мнѣ бѣдной, злосчастной,
 Хоть и ждать, да не дождаться
 Моего родителя батюшка,
 (Или родительницы матушки),
 (Единоутробнаго брателка),
 (Моей родимой тетушки);
 Какъ изъ той пути-дорожечки
 Нѣтъ ни вѣсти, ни павѣсти,
 Скорописчатою грамотки.
 Ужъ не слышитъ ретиво сердце,
 И не видать очи ясныя,
 Што у насъ да учинилось,
 Въ нашемъ домѣ благодатномъ,
 Въ свѣтлыхъ горницахъ высокихъ!....
 Кабы былъ у меня батюшко (или матушка),
 Пожалѣлъ бы молодешеньку;
 Онъ не отдалъ бы въ замужество
 На чужую дальню сторону.

(Если брата нѣтъ или дяди, то плачетъ):

Кабы былъ у меня брателко,
 Заступился бы за бѣдную,
 Поканался (1) бы родителямъ:
 Не давать меня въ замужество

(1) Канаться — убедительно просить.

Што не въ полномъ цвѣтѣ, возрастѣ

И незрѣлыхъ лѣтахъ дѣвичьихъ.

Оплакавъ умершихъ родственниковъ, невѣста съ дѣвушками-подругами уходитъ въ другой покой наряжаться; а прочія, для развлечения общей скуки, поютъ, въ ожиданіи жениха, пѣсню:

7.

Пѣснѣ.

Долго, долго соколъ не бывалъ;—рано, рано, ранешенько,
 Долго, долго ясенъ не бывалъ;—рано, рано, ранешенько (1).
 Долго, долго Иванъ (2) не бывалъ;
 Долго, долго Андреичъ не бывалъ.
 Какъ сказали (такой-то) во царевъ кабакъ,
 Во царевъ кабакъ, зелено вино пѣть,
 Зелено вино пѣть, безъ пробуду спать,
 Безъ пробуду спать—не разбудится.
 Какъ мало по малу пришла вѣсть на дворъ,
 Пришла вѣсть на дворъ, вѣстка радостная,
 Вѣстка радостная, къ тестю батюшку,
 Къ тестю батюшку, тещѣ матушкѣ
 Што ѣдетъ Иванъ съ каменной Москвы,
 Съ каменной Москвы, славной ярманки,
 Какъ конь-то подъ нимъ въ полтора́ста рублей,
 Уборъ на конѣ во пятьсотъ рублей;
 Молодецъ-отъ сидитъ-то—цѣны ему нѣтъ;
 Потому цѣны нѣтъ,—первообрачный князь.
 Становилъ онъ коня противъ тестева двора,
 Противъ тестева двора, противъ батюшкина.
 Онъ ударилъ копьемъ во широки ворота;
 Онъ вскричалъ, сзычалъ громкимъ голо́сомъ:
 Ужъ вы, ой еси, мамушки, нянюшки,
 Вы хорошія архангельскія дѣвушки!
 Вы сходите-ка, понавѣдайтесь:
 Еще спать ли, не спать ли моя Анна душа (3),
 Еще спать ли, не спать моя Федоровна?
 Какъ отвѣтъ держать мамушки, нянюшки—
 Што сегодня наша Анна всю ночь не спала,
 Всю ночь не спала, все уборъ рядила,
 Все уборъ рядила и коверъ вышила,
 Што этотъ уборъ будетъ коню красота,
 Што этотъ коверъ—молодцу похвальба.

(1) Это повторяется послѣ каждого стиха. (2) Имя жениха. (3) Имя невѣсты.

На большое смотрѣнье женихъ, со своей стороны, приглашаетъ не только родственниковъ, но и всѣхъ знакомыхъ своихъ. Мужчины и женщины заблаговременно собираются къ нему, чтобы общимъ поѣздомъ отправиться къ невѣстѣ. Всѣ гости по свадебному наряжаются какъ можно лучше: мужчины въ модныхъ картузахъ, въ суконныхъ сибиркахъ, въ плисовыхъ кафтанахъ съ серебряными напередѣ схватами, въ капотахъ (1) и лисьихъ шубахъ. Молодыя женщины въ собольихъ чебакахъ, жемчужныхъ сережкахъ и перлахъ, въ бархатныхъ или парчевыхъ епанечкахъ и штофныхъ юбкахъ, обшитыхъ по подолу широкимъ золотымъ или серебрянымъ газомъ; а пожилыя?... да! и старушки въ этихъ случаяхъ также любятъ прищегольнуть,—и онѣ являются въ разшитыхъ золотомъ поvoyнникахъ, въ штофныхъ съ серебряными пуговицами шубейкахъ и гридетуровыхъ или камлотовыхъ сарафанахъ. Чтобы впоследствии не возникло между гостями, а особенно между ихъ женами, какихъ-нибудь неудовольствій и пересудовъ, родители жениха предварительно назначаютъ, съ общаго, впрочемъ, согласія, кому послѣ кого должно сидѣть за столомъ у невѣсты, — обыкновенно предоставляя высшія мѣста ближайшимъ роднымъ. Предосторожность эта, конечно, кажется странною; впрочемъ она наблюдается не только въ здѣшнихъ селахъ, но и въ городахъ, между купеческими и мѣщанскими домами, и, конечно, не бесполезна; я не говорю о мужчинахъ: они не взыскательны; но обойти мѣстомъ какую-нибудь женщину, особливо дорѣдную купчиху, — это явная обида; ни за что не простятъ вамъ такого оскорбленія, и во всю жизнь будутъ упрекать, что *звали на честь, а посадили на печь!*

Передъ самымъ отъѣздомъ гости, выпивъ по рюмкѣ водки, садятся всѣ: тысячкой, женихъ и его родители, за столъ, на которомъ поставлены большой черный хлѣбъ съ солонкою, полною соли, а прочіе, кто куда. И какъ у насъ на святой Руси издавна ведется не пачинать никакого дѣла, не помолясь прежде Богу и не призвавъ Его на помощь, (за что и Богъ видимо помогаетъ Русскимъ); то и женихъ и всѣ гости его, вставъ со своихъ мѣстъ, прежде исполняютъ эту святую обязанность, т. е. молятся Богу, или, какъ говорятъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, — *кладутъ начало*, и потомъ отправляются къ невѣстѣ, иногда саяхъ на десяти, а не рѣдко на двадцати и болѣе....

Вдуть, вдуть! раздается наконецъ громкій крикъ ребятишекъ, толпящихся около дома невѣсты. Родители и родственники ея спѣ-

(1) Верхняя суконная одежда, похожая на шинель безъ капшона, — чуйка.

шать встрѣтить дорогихъ гостей. Длинный повоздъ останавливается у крыльца, мушны и женщины выходятъ изъ саней; отряхнувъ съ себя иней, здороваются съ хозяиномъ и хозяйкой. Потомъ поднимаются на сѣни; здѣсь, при свѣтѣ одной или двухъ горящихъ свѣчъ, они осматриваютъ другъ друга съ ногъ до головы, охорашиваются, и, перекрестясь, вступаютъ въ горницу. Какъ водится, поклонясь на всѣ стороны, они садятся за столъ; а женщины, или пѣсенницы, стоящія въ меньшомъ углу,—поютъ пѣсно:

8.

Поступаетъ первобрачный князь
Со родителемъ батюшкомъ,
Со родимою матушкой,
Со своимъ большимъ тысяцкимъ,
Двумя дружками хоробрыми ⁽¹⁾,
Двумя братьями названными,
Со всема поѣзжанами.
Становится князь молодой
За снрядны дубовые столы,
Что за сахарны кушанья,
За питья разноличныя;
Онъ бьетъ челомъ, низко кланяется,
Низко кланяется на всѣ стороны,
Какъ на перву-то сторону —
То княгинину батюшку,
На другую-то сторону —
То княгининой матушкѣ,
На третью-то сторону —
То княгининымъ братицамъ,
На четвертую сторону —
То княгининымъ сестрицамъ;
Еще въ лишицу кланяется—
То княгининымъ подружечкамъ.
Онъ кличетъ княжну молоду:
Ты катись, катись, ягода,
Ты сладка виноградная,
Ты княжна первобрачная;
Ты катись, катись, злечень перстены!
Какъ отвѣтъ держить княжна молода:
Кабы я была ягода—

(1) Хоробрый—сильный, храбрый.

У тебя на честномъ пиру была,
 На тарелкѣ серебряныя;
 Кабы я была злаченъ перстень,
 На твоей бы правой рученькѣ была.

Между тѣмъ, смѣтливый хозяинъ подчуетъ гостей и гостюшекъ водкою и пивомъ; а ласковая хозяйка, кланяясь каждому, приговариваетъ: просимъ принять да выкушать!... съ дорожки! пора стоить холодная! и проч.

Вскорѣ выходитъ невеста; дѣвушки-подружки сопровождаютъ ее;—всѣ онѣ хороши, всѣ бѣлы, всѣ румяны! одна другой лучше, одна другой пригляднѣе; но невеста краше всѣхъ; въ дѣвственномъ нарядѣ, она свѣтла, какъ майское утро. Одявая подругу, дѣвушки не упускаютъ изъ виду ничего, что бы могло придать ей болѣе красоты и привлекательности. Чего не дала природа, то онѣ со всею изысканностію стараются замѣнить искусствомъ. Какъ и на маломъ смотрѣньи, невеста останавливается по срединѣ горницы, съ такимъ же умиленіемъ кладетъ три поясныхъ поклона предъ иконами, также низко кланяется на всѣ стороны. Стаканъ снова наполняется водкою, и невеста, съ поклономъ низкимъ, привѣтливымъ, подноситъ его каждому, по старшинству, которое во всякомъ случаѣ у русскихъ наблюдается строго. — Подъ конецъ этой церемоніи, изъ общаго круга выходитъ женихъ, беретъ невесту за руку и садится съ нею за столъ.

По причинѣ тѣсноты и усилившагося жару, дѣвушки въ это время уходятъ въ другую комнату или на повѣтъ;—тамъ съ холодными парнями онѣ поютъ пѣсни, играютъ въ застѣнокъ и пляшутъ; а гости начинаютъ ужинать. Въмѣсто музыки во все продолженіе стола женщины поютъ разныя свадебныя пѣсни.

9. Женихъ.

Ай у князя, князя,
 Ай у молодого,
 На его-то буйной главѣ
 Золотыя были кудри,
 Золотыя, завитыя.
 Завивались его кудри,
 Заплетались его русы
 Кругомъ золота колечка,
 Кругомъ серебряна пруточка;
 Что по тѣмъ-то его кудрямъ,
 Что по тѣмъ-то его русымъ,

По его цветному платью,
Тесть ласковый любить,
За дубовый столъ сажаетъ,
Своей лошадыю даруетъ;
Какъ эти дары зятю
Не по сердцу приходили,
Не по норову, обычью,
Не по нраву молодецкому;
Съ лавки зять не встаетъ
Тестю шапки не снимаетъ;
Какъ теща зятя любить,
Своей дочерью даруетъ,
Своей дочерью любимой;
Какъ тѣ дары зятю
По сердцу приходили;
За тѣ дары любимы
Зять съ лавки встаетъ,
Съ главы шапку снимаетъ,
Тещѣ кланяется.

10.

Свекру, свекровь и семейству ихъ.

Ужъ ты мать моя, матушка,
Моя мать государыня,
Ужъ ты сядемъ-ка, матушка,
Противъ столика на лавочку,
Подъ кошесчато окошечко,
Разсуди, споже матушка,
Какъ ночесь мнѣ младешенькой
Поспалося малешенько,
Страшенъ сонъ во снѣ видѣлся:
Какъ на нашей-то улицѣ
Стоить пустая хоромина,
Она пуста, не покрытая;
Какъ у этой хоромины
Углы прочь отвалилися,
А во той во хороминѣ
На печицѣ котище лежитъ,
Ходить по полу гусына,
А по лавкамъ лебеди,
По окошкамъ голубушки,

За столомъ сидитъ ясный соколъ;
 Разсуди мнѣ-ка, матушка,
 Растолкуй этотъ страшный сонъ!
 Коли ты не разсудишь сна,
 Я сама узнаю, свѣдаю,
 Молода догадаюся:—
 Вѣдь пустая-то хоромина—
 Чужа дальна сторонущка,
 И злодѣйка, незнакомая;
 Углы прочь отвалилися,—
 По бревну раскатилися —
 Отъ меня отступилися
 Всѣ честны мои родители;
 На печицѣ котище лежитъ —
 Богоданной мой батюшко (свекоръ),
 Ходить по полу гусына—
 Богоданная матушка (свекровка),
 Што по лавочкамъ лебеди—
 Богоданные братьяца (деверья),
 На окошкахъ голубушки —
 Богоданные сестрицы (золовки),
 За столомъ сидитъ ясный соколъ—
 Это мой видно суженой,
 Это мой видно ряженой;
 Удалой доброй молодець
 Што (такой-то по имени и отечеству).

11. Невѣстѣ.

Хитерь, мудерь (такой-то) ⁽¹⁾ господинъ,
 Хитерь, мудерь сударь (по отечеству),
 Хитрѣе, мудрѣе его не было!
 Ходилъ въ торги, закупалъ шелки,
 Закупалъ шелки, все шамахинскіе,
 Шамахинскіе шелки, все разнообразные.
 Онъ плелъ колыбель изъ семи шелковъ,
 Изъ семи шелковъ — шамахинскихъ все.
 Онъ повѣсилъ колыбельюшку на улицѣ,
 Што на улочкѣ на широкія,
 На дорожечкѣ на проѣзжія,

(1) Имя жениха.

Противъ тестева двора, противъ матушкина.
Онъ вскричалъ, взговорилъ громкимъ голосомъ:
Ужъ вы гой еси ребята, дружки въжливые,
Два брателка, два названные,
Два молодца отобранные!
Вы качните колыбелюшку повыше всѣхъ,
Штобы мнѣ-ка увидѣть подальше всѣхъ;
Штобы мнѣ-ка увидѣть свою суженую,
Штобы мнѣ упримѣтить свою ряженую;
Еще што же моя сужена подбываетъ?
Еще что же моя ряжена поряживаетъ?
Она золотомъ шьетъ, жемчугомъ садить,
Съ руки на руку колечко перекидываетъ,
Что на звончатыхъ гусельцахъ поигрываетъ.
Тихимъ голосомъ своимъ приговариваетъ:
Водою ли, водою ли ко двору приду?
Павою ли, павою ли я во дворъ зайду?...
Въ стни новыя влечу я перепелочкой,
Въ новы горницы зайду я молодицею,
Къ своему мужу вступлю я хозяйшккой.

12. Жениху.

Во теремъ гусли стояли,
Во высокомъ звончаты стояли,
Не кому во тѣ гусли играти,
Во звончаты потышатися,
(Такого-то—имя жениха) въ домъ не случилось,
(По отечеству) дома нѣту;
Нѣтъ его тамъ, онъ у тестя,
У ласковыя здѣсь у тещи,
Сидить за дубовыми столами,
За берчатыми скатертями,
Онъ сахарны яствы вкушаетъ,
Сладкими медами запиваетъ,
Невѣсту свою звеличиваетъ:
Ты душечка (имя невѣсты),
Мое сердце (отечество ея),
Безъ тебя мнѣ-ка хлѣбъ-соль не вѣся,
Безъ тебя сладки меды не пьются.
Какъ зять со двора увѣзжаетъ,
Ай теща ему наказуетъ:

Ужь зять ты мой, зятюшка любезной,
 Ты гость дорогой, небывалой,
 Садись на коня — не шатайся,
 Повдешь домой — не валяйся,
 Ко двору-то прѣдешь — не ломайся.
 Надъ моею ты дочкой не чванься;
 Вѣдь мое-то дитя неучено,¹
 Твонхъ порововъ, обычей не знаетъ;
 Она годъ поживетъ — все узнаетъ,
 А другой проведетъ — все сповѣдаетъ.

13. Н е в ѣ с т ь .

Полькомъ, полькомъ, полечкомъ,
 Уторена дорожка конечкомъ,
 Устлана широка ковричкомъ;
 Еще кто эту дорожку уторилъ,
 Еще кто эту широку устилалъ?
 Уторилъ дорожку Петръ господинъ (1),
 Устилалъ широку Федоровичъ,
 Все ѣзжучи къ Марьѣ (2) своей,
 Все ходючи къ Ивановѣ,
 Дороги подарки пошучи:
 Што первой подарокъ — пряничекъ,
 Второй подарокъ — бѣлъ-сахаръ;
 Третей подарокъ — самъ на дворъ.
 Вы сборы, сборы Марьюшкины,
 Велики сборы Ивановины!
 Собирала Марья всѣхъ подругъ,
 Ивановна всѣхъ милыхъ,
 Садил подружекъ всѣхъ за столъ,
 А сама садилась выше всѣхъ;
 Клонила голову ниже всѣхъ,
 Думала думу крѣпче всѣхъ;
 Вы подружки, голубушки мои!
 Вы придумайте мнѣ, пригадайте мнѣ:
 Еще какъ мнѣ идти во чужіе люди,
 Какъ будетъ звать мнѣ люта свекра?
 Батюшкомъ назвать мнѣ не хочется,
 Свекромъ назвать, — онъ осердится.

(1) Имя жениха. (2) Имя невесты.

Еще какъ будетъ звать мнѣ люту свекровь?
 Матушкой назвать мнѣ не хочется,
 Свекровью назвать—она осердится....
 Убавлю спѣсивства, гордости,
 Прибавлю смиренства, кротости,—
 Назову я свекра батюшкомъ,
 Назову свекровку матушкой,
 Я за то отъ нихъ не буду бранена;
 За то ласково словечко получу.

14. Жениху и Невѣстѣ.

Какъ леталъ, леталъ соколъ,—ой рано, рано, (1)
 Какъ леталъ, леталъ, ясенъ,
 Онъ по вѣснѣ по горамъ,
 По дремучимъ по лѣсамъ,
 Какъ искалъ, искалъ соколъ
 Соколиное гнѣздо,
 Соколяночку себѣ
 Сизоперчатую,
 Златокрыльчатую.
 Какъ схватилъ, схватилъ соколъ
 Соколяночку свою,
 За правое за крыло.
 Какъ взмолилась соколянка
 Сизу ясну соколу:
 Отпусти меня, соколъ,
 Отпусти меня, ясенъ,
 На мою сторону,
 Въ свое теплое гнѣздо.
 Какъ возговорить соколъ,
 Какъ возговорить ясенъ:
 Я тогда тебя спущу,
 Когда перья ощиплю,
 Право крылышко сломяю.
 Ужъ какъ тѣдилъ, тѣдилъ Петръ,
 Тѣдилъ Федоровичъ,
 Онъ по вѣснѣ по морямъ,
 По русскимъ городамъ,
 Какъ искалъ, искалъ Петръ

(1) Припѣвъ: ой рано, рано, — послѣ каждого стиха.

Себѣ суженую,
 Себѣ ряженую,
 Какъ нашель, нашель Петръ
 Себѣ суженую,
 Себѣ ряженую
 Во (такой-то) волости,
 У Ивана (1) во дому,
 Душу Марью свою,
 Свѣтъ Ивановну,
 Онъ бралъ ее за руку,
 За значены за перстни.
 Какъ возговорить Марья,
 Свою рѣчь держитъ Иванова:
 Отпусти меня, Петръ,
 Спусти, Ѳедоровичъ,
 На родиму сторону,
 Къ моему батюшку,
 Къ моей матушкѣ;
 Какъ отвѣтъ держитъ Петръ,
 Отвѣчаетъ господинъ:
 Я тогда тебя спущу,
 Какъ въ Божью церковь свожу,
 Золотой вѣнецъ приму.

15. Тысяцкому и женатымъ мужчинамъ.

Во горницѣ во новой,
 во новой;
 Во свѣтлицѣ высокой,
 высокой,
 Стоять столы дубовы,
 дубовы;
 На столахъ ковры шелковы,
 шелковы;
 На коврахъ—чара золота,
 золота,
 Полна меду налита,
 налита;
 Ай кто чару наливаль,
 наливаль?

(1) Имя тестя.

Золотую дополнялъ,
 дополнялъ?
 Наливалъ чару (такой-то) господинъ, (1)
 господинъ,
 Дополнялъ чару (отечество) соколъ,
 (такой-то)—соколъ; (2)
 Онъ по горницъ поспѣшалъ,
 поспѣшалъ,
 До умныя доступалъ,
 доступалъ,
 До разумныя доходилъ,
 доходилъ,
 Чару меду подносилъ,
 подносилъ;
 Ай (такая-то) (3) другъ моя,
 другъ моя;
 (Такая-то) (4) сердце мое,
 сердце мое!
 Скажи, любишь-ли меня,
 любишь-ли меня?
 Прими чару отъ меня,
 отъ меня!
 Выпей чару всю до дна,
 всю до дна;
 Спороди сына молодца,
 молодца,
 Станомъ, возрастомъ въ меня,
 возрастомъ въ меня,
 Бѣлымъ личикомъ въ себя,
 личикомъ въ себя,
 Очи въ ясна сокола,
 въ ясна сокола,
 Брови въ черна соболя,
 соболя!

16. Гость-вдова съ дѣтьми.

Чья это нива, 2.
 Нива безъ огорода?
 Чей высокъ теремъ, 2.

(1) Имя того, кому поютъ пѣсню. (2) Отечество того, кому пѣсню поютъ. (3) Хоть Аннушка, имя жены его. (4) Хоть Ивановна, отчество жены.

Безъ верху построень?
 Чьи новы сѣни, 2.
 Сѣни безъ подволоки?
 Чья кунья шуба, 2.
 Шуба безъ поволоки?
 Чей зраченъ (1) перстень, 2.
 Безъ позолоты?
 Чья вдова бѣдна, 2.
 Молода овдовѣла?
 Чьи малы дѣти, 2.
 Безъ батюшки остались?
 Отвѣтъ держать бѣдна, 2.
 Вдова молодая,
 Што по имени (такая-то), 2.
 По отечеству (такая-то):
 Моя эта нива, 2.
 Нива безъ огорода!
 Мой высокъ теремъ, 2.
 Теремъ безъ верху построень!
 Мои новы сѣни, 2.
 Сѣни безъ подволоки!
 Моя кунья шуба, 2.
 Шуба безъ поволоки!
 Мой зраченъ перстень, 2.
 Перстень безъ позолоты!
 Я вдова бѣдна, 2.
 Молода овдовѣла!
 Мои малы дѣти—2.
 Безъ батюшки остались!

17. С в а т ь я .

Сватья на свадьбу спѣшила,
 На мутовкѣ рубашку сушила,
 На порогъ повойникъ катала
 На дорогъ его надѣвала.
 Вы вставайте, подружечки!
 Уливайте, сердечныя,
 Круту гору высокую!
 Не сойти бы, не съѣхати

(1) Блестящій.

Моей непріятельницѣ,
Што злодѣйкѣ, сватьѣ бѣльшій,
Лукавой и вилавой змѣи;
Трясло-бы ты, сватьюшка,
Трясло бы ты, отрясывало,
На полати съ печи сбрасывало;
Знобило бы ты, сватьюшка,
Подъ семью бы тулупами,
Подъ восьмой одѣвальнойницей;
Кабы тебѣ, сватьюшка,
На печи у трубы угорѣть,
Кабы тебѣ, сватьюшка,
У насъ пивомъ заливаться,
А виномъ захлебнуться,
Пирогомъ заколотися,
Кабы тебѣ, сватьюшка,
Въ омутъ опрокинуться,
Рука и нога изломать,
Хребетная кость надломить,
Кабы шея выставити,
За велику твою выслугу,
Што высватать пожаловала
Нашу милую подружечку,
Душу красную дѣвушку.

19. Дружкамъ.

Какъ во садѣ, во саду, — да эхе!
Во зеленомъ во саду, — да эхе!
Што подѣ яблонью кровать, — да эхе!
Подѣ зеленой тесовая, — да эхе!
На кровать-то перина, — эхе!
На перинушкѣ зголовье, — эхе!
На зголовьѣ одѣяло — эхе!
Черна соболя сибирскъ, — эхе!
Тутъ лежить, почиваетъ — эхе!
Добръ удалой молодецъ, — да эхе!
Первобрачной князь, — да эхе!
Што по имени (такой-то), — да эхе!
По отечеству (такой-то); — да эхе!
Ужъ какъ ходять кругъ кровати, — эхе!
Слуги вѣрные его, — да эхе!

Дружки храбрые, — да эхе!
 Дружки вѣжливые, — да эхе!
 Дружки очесливые, — да эхе!
 Што по имени (такой-то), — эхе!
 По отечеству (такой-то), — эхе!
 Што по имени (такой-то), — эхе!
 По отечеству (такой-то), — эхе!
 Разувають, раздѣвають, — эхе!
 Спать укладываютъ, — да эхе!
 Приговариваютъ, — да эхе!
 Ужъ ты спи, молодець, — да эхе!
 Первобрачный князь, — да эхе!
 Князь молоденькой, — да эхе!
 Князь хорошенькой, — да эхе!
 Князь учтивенькой, — да эхе!
 Ненаглядненькой, — да эхе!

19. Имъ же.

Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
 Друженьки вѣжливые, дружки привѣтливые.
 Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
 Какъ на друженькахъ сибирки изъ нѣмецкаго сукна.
 Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
 Какъ на друженькахъ жилеты рыта бархата.
 Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
 Што на друженькахъ-то галстуки отласные.
 Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
 Што на друженькакъ штаны да чернописовые.
 Друженьки хорошіе...!
 Какъ на друженькахъ рубашечки полѣтняныя.
 Друженьки хорошіе...!
 Што на друженькахъ сапожки сафьяновые;
 Друженьки хорошіе!...
 Што на друженькахъ перчатки бѣлолайковыя,
 Друженьки хорошіе...!
 Какъ на дружкахъ картузы всѣ изъ сибирскаго бобра,
 Друженьки хорошіе...!
 Какъ у дружекъ во карманахъ итальянскіе платки,
 Друженьки хорошіе!...
 Дружки вѣжливые, дружки привѣтливые,

Дружки очесливые, дружки хорообрые,
 Дружки ласковые, дружки догадливые,
 Што по имени Иванъ сударь Захаровичъ!
 Што по имени Андрей сударь Андреевичъ!

20. Ты сяцком у.

У Иванова (1) двора стоять трои ворота.

Дымно, дымно въ полѣ, чадно, чадно въ чистомъ.
 Какъ во первы-то ворота скорой гонецъ проскакалъ.
 Дымно, дымно въ полѣ....

Во вторыя-то ворота соколъ пролеталъ.
 Дымно, дымно въ полѣ....

Въ третьи-то ворота Иванъ проѣзжалъ.
 Дымно, дымно въ полѣ....

(Такая-то) (2) его на крыльцъ стояла,
 Дымно, дымно въ полѣ....

На крыльцъ она стояла, своимъ вѣеромъ махала,—
 Дымно, дымно въ полѣ....

Все вѣеромъ махала, звонкимъ голосомъ кричала—
 Дымно, дымно въ полѣ....

Ты, Иванъ господинъ! воротись, другъ, назадъ!
 Дымно, дымно въ полѣ....

Воротись, другъ, назадъ, я тѣ радость скажу!
 Дымно, дымно въ полѣ....

Тебѣ радость скажу, я тѣ сына рожу.
 Дымно, дымно въ полѣ....

Я для сына твоего не ворочаюсь назадъ—
 Дымно, дымно въ полѣ....

Сыно-тѣ у меня вѣдь домашній гость.
 Дымно, дымно въ полѣ....

Ты Иванъ господинъ, да воротись, другъ, назадъ—
 Дымно, дымно въ полѣ....

Воротись, другъ, назадъ, я тѣ радость скажу—
 Дымно, дымно въ полѣ....

Я тѣ радость скажу, тебѣ дочь рожу.
 Дымно, дымно въ полѣ....

Какъ для дочери-то я ворочуся домой!
 Дымно, дымно въ полѣ....

Воспою, вскармлю, ее за-мужъ отдамъ,
 Дымно, дымно въ полѣ....

(1) Имя тысяцкаго. (2) Имя жены тысяцкаго.

Ее за-мужъ отдамъ, буду дѣдушкою.

Дымно, дымно въ полѣ; чадно, чадно въ чистомъ.

21. Вслѣмъ вообще гостямъ.

Кушайте, гости, не стыдитесь!
 Рушайте гуся, не студите!
 Нашей подружки не томите,
 Нашей зарученой не трудите;
 Безъ того наша подружка утомилась,
 Безъ того ужъ зарученна утрудилась.
 Уней рѣзвыя ноги подломились,
 Уней бѣлыя руки опустились,
 Горючія слезы прокатились;
 На полатахъ молодцы приспотѣли,
 Бѣлы фанзовы рубашки подпотѣли,
 Золотые галуночки потемнили.

Исключая жениха, каждый по окончаніи пѣсни встаетъ на ноги, кланяется пѣсенницамъ, и въ знакъ благодарности посылаетъ имъ чрезъ дружекъ гривенникъ или четвертачекъ, а богатый бурлачекъ и полтинничекъ.

Послѣ стола женихъ тотчасъ уѣзжаетъ домой со своими гостями. Спроводивъ его, хозяйинъ и хозяйка снова накрываютъ ужинъ, за которымъ невеста въ послѣдній разъ угощаетъ своихъ подружекъ хлѣбомъ-солью.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ, когда соберутъ ужинъ, невеста прежде становится за столъ одна и плачетъ отцу, при пѣніи прочихъ:

22.

Ужъ ты схожо мое солнышко,
 Мой родимой сударь батюшко!
 Подойди ты, схожо солнышко,
 Ко снарядну дубову столу;
 Ужъ ты стань, да схоже солнышко,
 Ко мнѣ поблизу близко;
 Расскажи мнѣ, схоже солнышко,
 Всѣхъ честныхъ моихъ родителей,
 Да которыхъ мнѣ-ка слѣдъ (1) изъ нихъ
 Садить по правую рученьку,
 Да которыхъ мнѣ-ка надобно
 Садить по лѣвую рученьку?

(1) Слѣдъ, вмѣсто слѣдуетъ, употребляется напр. не слѣдъ такъ дѣлать.

Ужъ ты чадо, чадо милое,
Мое дитятко любимое!
Што со батюшкову сторону,
Тѣ большіе изъ родителей;
Што со матушкину сторону,
То честны изъ родителей;
Ты со батюшкову сторону
Сади по праву рученьку;
А со матушкину сторону—
Тѣхъ по лѣвую рученьку!

При этихъ словахъ она обращается къ дѣвушкамъ-праворучницамъ и плачетъ:

23.

Золота верба кудрявая,
Душа красная дѣвица,
Моя родимая сестрица!
Да што (имя и отечество),
Тебѣ честь, мѣсто, голубушка,
Сидѣть по правую рученьку!

Далѣе къ лѣворучницамъ:

Золота верба, кудрявая,
Супротивная сестрица,
Да што (имя и отечество),
Тебѣ честь, мѣсто, голубушка
Сидѣть по лѣвую рученьку!

Такимъ образомъ она продолжаетъ плакать и кланяться дѣвушкамъ, пока всѣ усядутся за столъ. Въ другихъ убѣздахъ этого не водится; только невѣста, подѣ конецъ ужина, беретъ поднось съ двумя стаканами, наливаетъ пивомъ и проситъ попарно выпить каждую изъ подружекъ своихъ. Двѣ дѣвушки, принявъ по стакану, встаютъ, кланяются и пьютъ, а прочія поютъ: *Спаси Господи люди Твоя* и проч. Въ заключеніе всего праворучница и лѣворучница наполняютъ стаканъ тѣмъ же пивомъ, и подносятъ самой невѣстѣ отъ имени всѣхъ дѣвицъ. Тоже «*Спаси Господи!*» громко раздается не только въ горнице, но и во всемъ домѣ. Такъ оканчивается дѣвичій прощальный ужинъ!

По выходѣ изъ-за стола, невѣста падаетъ къ ногамъ родителей и плачетъ:

24.

Слава Господу Богу,
 И Христу, Царю Небесному!
 Отпила млада, откушала,
 Я въ послѣдній разъ, останешній,
 Душей красною дѣвицею,
 Младой отческою дочерью,
 У честныхъ своихъ родителей,
 Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ,
 Въ свѣтлыхъ горницахъ высокихъ,
 Во своей дѣвѣй свѣтлицѣ,
 Со милыми подружечками!
 Низко быю челомъ, покланяюся
 Двумъ сердечнымъ доброхотамъ
 Я на бѣломъ хлѣбъ на-соли,
 На сахарныхъ разныхъ кушаньяхъ,
 И на питьяхъ разноличныхъ,
 Хоть сидѣла, млада, кручинная,
 За снаряднымъ дубовымъ столомъ;
 Не пило съ мнѣ-ка, не кушалось.
 Напитали меня милосердые
 Неутолимыми слезами,
 Злой великою тоскою.
 Мнѣ пришла тоска кручинушка
 Не отъ Господа Бога,
 Отъ завистливаго челоуѣка,
 Отъ злодѣйки сваты большія,
 Отъ лукавой и вилавой.
 Позавидовала лукавая
 Ни зрадству (1), ни дорѣдству,
 Не драгоценному платью;
 Позавидовала лукавая
 Житію дѣвѣю безпечальному,
 Безпечальному, забудущему.

Послѣ этого трогательнаго плача подружки уводятъ невесту
 въ особую горницу, и стараются успокоить ее. Такъ какъ дневныя
 хлопоты и усердное угощеніе склоняють каждаго ко сну, то и онѣ,
 послушныя этому влеченію, скоро всѣ бросаются въ объятія Морееа.

А. ЖАРАВОУЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

(1) Красота, зрѣлость.

НАКОТОРЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ГОРОДѢ БОРИСОГЛѢБСКѢ — НА Р. ВОРОНѢ; ТАМБОВ. ГУБ.

Борисоглѣбскъ, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ въ Тамбовской губерніи, по прежнимъ опредѣленіямъ астрономовъ находится подъ $51^{\circ} 50'$, сѣвер. широты и $60^{\circ} 47'$, восточ. долготы (Энциклопед. Лексиконъ изд. 1836 г.), по Академич. календарю: подъ $51^{\circ} 43'$, сѣв. шир. и $59^{\circ} 15'$, вос. долг., а по новѣйшимъ измѣреніямъ: подъ $51^{\circ} 21'$, $56''$, 7 сѣв. шир. (у ген. Воронченко) и $51^{\circ} 21'$, $54''$, 5 (у подпол. Лемма), и подъ $11^{\circ} 44'$, $24''$, 3 долготы Пулковской обсерваторіи (по г. Воронченко) и по другому подъ $11^{\circ} 44'$, $20''$, 85 (у г. Лемма); по этимъ разнообразнымъ опредѣленіямъ трудно сказать, которое вѣрнѣе, но по видимому слѣдуетъ признать одно изъ послѣднихъ (г. Воронченко) болѣе основательнымъ и правильнымъ. — Топографическое положеніе города представляется въ такомъ видѣ: р. *Ворона*, берущая свое начало изъ Чембарскаго у. Пензенской губерніи, и пересѣкающая Кирсановскій съ Борисоглѣбскимъ уѣзды, на протяженіи около 400 верстъ протекаетъ подъ самымъ г. Борисоглѣбскомъ, съ правой стороны его, и, здѣсь раздѣляясь на два рукава, ниже города соединяется въ 4-хъ верстахъ съ р. *Хопромъ*; по самому же направленію обонхъ рѣкъ и возвышенію береговъ ихъ, кажется, что р. Хоперь впадаетъ въ р. Ворону, такъ какъ и начало свое берутъ они почти въ одномъ мѣстѣ (*); — почему не точнѣе ли будетъ въ географіяхъ писать, что Хоперь, соединясь съ Вороною, образуетъ одну рѣку, которая (назвать ее какимъ-нибудь именемъ) впадаетъ въ р. Донъ. — По Книгѣ Б. чертежу, составленной въ 1626 году, гор. Борисоглѣбскъ не значится, но нашъ исторіографъ Карамзинъ полагаетъ, что карта эта сочинена была при Царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ (1584—1598 г.), потому что въ ней находятся города: Курскъ, Воронежъ и др., построенные въ то время, а нѣтъ новѣйшихъ городовъ, основанныхъ Годуновымъ, какъ-то: Борисова на Сѣверномъ Донцѣ и Царево-Борисова на Протвѣ; по воцареніи Михаила Θεодоровича вѣрно было карту ту возобновить, означивъ въ ней отъ Москвы города рязанскіе, сѣверскіе и польскіе, и отъ г. Ливень до Перекопи; при Царѣ же Θεодорѣ Алексѣевичѣ карта пересоставлена

(*) По Книгѣ *Большаго чертежа* изданія 1838 г. на 48 стр. сказано: а съ правой стороны отъ верху р. *Ломовой* вытекла рѣка, (но не поименована, кака, а должно быть *Ворона*) и пала въ р. Хоперь, а р. Хоперь вытекла отъ верху р. *Ланкододы*, которая впадала въ р. Суру. — До соединенія Хопра съ Вороною, первый принимаетъ только двѣ рѣчки: *Сердобу* съ лѣвой и *Карай* съ правой стороны, а Ворона — пять рѣчекъ: *Панду*, *Алабушку*, *Грибановку* и др. менѣе значительныя. — *Примѣч. автора.*

вновь съ дополненіемъ по тогдашнему состоянію Россіи, и къ обѣмъ картамъ было написано «Описаніе». — Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ г. Соколовъ, вѣроятно, полагаясь на Экономическія примѣчанія къ плану Борисоглѣбскаго уѣзда, относитъ время основанія Борисоглѣбска къ царствованію Алексѣя Михайловича, который будто приказалъ здѣсь выстроить бревенчатую крѣпость съ валомъ и ровомъ для прикрытія внутреннихъ областей Россіи со стороны при-донскихъ степей отъ набѣговъ казаковъ и Татаръ; въ Экономическомъ примѣчаніи еще сказано, что Петръ Великій предъ началомъ 1-й Азовской войны повелѣлъ обнести Борисоглѣбскъ деревяннымъ обрубомъ съ навѣсами и башнями, тоже отъ нападений Татаръ; наконецъ въ Русской Исторіи (*), изданія 1840 г. IV ч. на 163 страницѣ, вѣрно ошибкою, сказано, что г. Борисоглѣбскъ основанъ Екатериною Великою въ числѣ другихъ 200 городовъ.

Изъ летописей извѣстно, что во время царствованія Іоанна IV Грознаго и сына его Θεодора учреждены были на Юго-Востокъ по границамъ Волжскихъ и Донскихъ степей *дѣль линіи* укрѣпленій, или *Украинскихъ городовъ* для защиты Московскаго государства отъ вторженія Татаръ (Крымскихъ). Въ этихъ пограничныхъ—сторожевыхъ городкахъ сосредоточивались войска изъ *дѣтей боярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей, пищальниковъ, воротниковъ* (сторожей при воротахъ) и друг. служилыхъ людей разнаго званія; изъ укрѣпленій же такихъ посылались въ степи особые отряды или *станицы* для развѣдыванія и извѣщенія о врагахъ; почему между жилыми городами въ разныхъ степныхъ мѣстахъ были еще земляные валы, въ лѣсахъ дѣлались засѣки и завалы, а въ рѣкахъ честики или заколы (сваи, колья), и колоды или деревья, сваленныя съ береговъ въ воду со всѣми вѣтвями. Въ укрѣпленныхъ городкахъ были воеводы и осадные годовы, подъ начальствомъ коихъ состояли всѣхъ разрядовъ нижніе воинскіе чины, которые дѣлились на *городовыхъ и полевыхъ, сторожевыхъ и станичныхъ*. Когда правительство увидѣло, что содержаніе въ этихъ крайнихъ городахъ войскъ очень обременительно отъ того, что нужно было снабжать всѣ такіе пункты укрѣпленій продовольствіемъ, то вмѣсто этого признало за лучшее раздѣлять служилымъ людямъ земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они расположены были для обереженія Россіи отъ внезапныхъ набѣговъ степныхъ хищниковъ. Такимъ образомъ по всей Украинѣ (границѣ, крайней чертѣ государства) служилые люди поселились отдѣльными *слободами*, чрезъ что и произошли названія пригородныхъ предмѣстій или

(*) Профессора Устрялова.

слободъ, а именно: *пушкарскихъ, стрѣleckихъ, казачьихъ* (или Донскихъ), *станичныхъ, солдатскихъ* и проч., а защитники предѣловъ Россіи (боярскіе дѣти и проч. служилые люди), занявшись обработкою жалованныхъ земель, составили особое сословіе—*однодворцевъ*, каковое названіе произошло отъ способа взиманія податей и солдатъ—*съ дворовъ* (съ cadaго двора или семейства). — Къ числу этихъ украинскихъ сторожевыхъ городковъ, по всему вѣроятію, принадлежалъ и г. Борисоглѣбскъ, (*) какъ на то указываетъ самое мѣстоположеніе города, построеннаго около слиянія двухъ рѣкъ, между двумя оврагами, впадающими въ протокъ рѣки Вороны, въ соседствѣ Донскихъ степей (кои не болѣе 20 верстъ отъ города); старожилы еще помнятъ, что городъ былъ весь окруженъ лѣсомъ, и устроена была деревянная крѣпость съ 5 башнями и 4 воротами, окопанная землянымъ валомъ, противъ же города на правомъ высокомъ берегу Вороны существуетъ доннынъ густой и высокій корабельный лѣсъ; наконецъ и названіе прилежащихъ къ городу 3-хъ слободъ: *солдатской, станичной и приворотничей*, объясняетъ, что они образовались изъ тѣхъ служилыхъ людей, кои оберегали предѣлы Россіи и потомъ обращены въ *однодворцевъ*, къ сословію которыхъ принадлежать и утратившіе дворянство, не служившіе нигдѣ дѣти и внуки благородныхъ лицъ, древнихъ бояръ.

О послѣдующихъ судьбахъ Борисоглѣбска, отъ основанія его до царствованія Петра В., мы не можемъ сказать ничего замѣчательнаго, ибо не имѣемъ для того никакихъ достовѣрныхъ данныхъ, ни изустныхъ преданій, ни письменныхъ матеріаловъ; но въ 1709-мъ году по росписанію губерній Борисоглѣбскъ означенъ въ числѣ городовъ Азовской губерніи, стоящимъ *на рѣкѣ Хопрѣ*, что географически неправильно; по новому же раздѣленію губерній 1719 года Б. показанъ имѣющимъ 604 двора и состоящимъ въ провинціи Тамбовской; въ 1732 году состоялся указъ о нерубкѣ по рѣкамъ Донцу, Воронежу и Воронѣ лѣсу, годнаго для судостроенія; очень вѣроятно, что отъ Борисоглѣбска былъ сплавленъ въ кр. Азовъ заготовляемый для корабельнаго дѣла лѣсъ и малые суда, (изъ Теллермановской роши) (**). Въ 1745 году по росписанію губерній Б. вмѣстѣ съ *Хоперскою крѣпостію* (Новохоперскъ отъ Б. въ 40 верстахъ по проселочной

(*) Не Годуновымъ ли велѣно было заложить г. Борисоглѣбскъ, какъ и др. города съ именемъ этого государя; или же городъ названъ въ память Бориса и Глѣба, благовѣрныхъ князей, изъ коихъ одинъ убитъ въ степяхъ на югъ отъ Б. (на р. Ахтубѣ въ Саратовской губерніи). *Лст.*

(**) Этотъ лѣсъ хотя и подлѣ Борисоглѣбска, но числится Новохоперскаго уѣзда Воронеж. губерніи.

дорогѣ) числился въ Тамбов. провинціи Воронежской губер.; по табели же 1766 г. значился въ пров. Воронежской и въ немъ съ уѣздомъ считалось 6,862 души муж. пола. Въ 1779 г. съ учрежденіемъ Тамбов. намѣстничества, г. Б. вошелъ вмѣстѣ съ прочими городами, нынѣ находящимися въ Тамбовской губерніи, въ составъ этой области, и тогда же утвержденъ штатъ ея, а 17 декабря того года указомъ повелѣно къ названію Борисоглѣбска прибавить имя рѣки Вороны, на коей онъ стоитъ, для отличія отъ другихъ соименныхъ городовъ. Въ 1781 г. утверждены гербы городовъ Тамбовской губ., и Борисоглѣбскъ получилъ слѣдующій: «въ голубомъ подѣ пять завязанныхъ мѣшковъ съ хлѣбомъ»,—какъ уѣздъ самый плодороднѣйшій во всей губерніи; въ 1782 г. утверждены планы городовъ Тамбовской губерніи; но послѣ большаго пожара, истребившаго почти весь Борисоглѣбскъ въ 1805 году, вновь подтвержденъ планъ для Борисоглѣбска съ раздѣленіемъ его на 32 квартала.

Изъ дѣлъ Уѣзднаго Суда, оставшихся отъ пожара, видно, что въ г. Борисоглѣбскѣ строились барки въ 1772 году и слѣдующихъ; изъ указовъ Воеводской канцеляріи отъ конторъ Таганрогскаго порта и Новопавловскаго адмиралтейства, полученныхъ въ 1777 году, видно, что въ Борисоглѣбскѣ и Новохоперскѣ строились морскія суда и хранились деньги на корабельныя постройки для Азовской флотиліи; съ 1801 по 1806 годъ здѣсь находилась команда морскихъ солдатъ и мастеровъ подѣ начальствомъ генерала Кусакова. Въ настоящемъ столѣтіи сплавъ барокъ съ хлѣбомъ и лѣсомъ сталъ развиваться съ 1840 года, когда отправлено было только 2 барки въ Ростовъ на Дону; въ 1845 году ихъ было снаряжено уже 12, въ 1846 г. 17, съ грузомъ до 100 тысячъ руб. сереб. изъ льнянаго сѣмени и др. продуктовъ, также изъ бондарныхъ матеріаловъ и дровъ; въ 1847 и 1848 г. по 10 барокъ, а въ 1849 г. только 8 б. по случаю неурожаевъ; въ 1850 г. до 30 барокъ, въ 1851 г. 13, тоже по худому урожаю, въ 1852 г. до 50 барокъ съ грузомъ до 400 т. руб. сереб., а въ настоящемъ году это последнее число, какъ надобно думать, еще увеличится, по той причинѣ, что будетъ поставка казеннаго провіанта въ ростовскіе магазѣны.

Величина барокъ не равномерна: отъ 40 до 50 аршинъ въ длину и отъ 12 до 15 арш. въ ширину и отъ 3 до 4 арш. въ высоту; такія барки поднимаютъ грузу отъ 15 до 20 т. пудовъ каждая. Матеріалъ для постройки барокъ сначала брали преимущественно изъ лѣса гр. Кушелевыхъ (близъ города Борисоглѣбска въ 5 верстахъ), проданнаго купцу Хрѣнникову, гдѣ произрастаетъ дубъ и осина, но съ 1849 года стали привозить сосновый лѣсъ изъ дачи

С. Хрѣновой (Бобровскаго увзда), отстоящей отъ г. Борисоглѣбска въ 130 верстахъ. По расчету торговцевъ, строящихъ барки, выгоднѣе ихъ дѣлать изъ сосны, такъ какъ онѣ прочнѣе, легче и скорѣе продаются въ Ростовѣ, нежели осиновыя, кои нейдутъ никуда кромѣ дровъ, а сосновыя барочныя доски употребляются на разныя строенія и огороды. Съ 1851 года нашли средство еще сходнѣе пріобрѣтать готовыя барки изъ Саратова, куда на нихъ привозятъ разную кладь изъ верхнихъ пристаней, и по выгрузкѣ ея продаются не дорогою цѣною; почему, разобравъ такую барку, можно ее перевозить удобно и дешево на волахъ въ г. Борисоглѣбскъ и здѣсь опять выстроить для нагрузки вновь, чрезъ что барка обходится почти вдвое дешевле, нежели осиновая изъ здѣшняго лѣса, а въ продажѣ все-таки пойдетъ въ Ростовѣ дороже послѣдней.

Впродолженіе всего времени съ открытія судоходства по р. Воронѣ, только въ 1848 году четыре барки за мелководьемъ остановились на половинѣ пути, а крушеній и не было ни одного разу. Кромѣ мѣстныхъ выгодъ, причиною увеличенія сплава барокъ послужило еще то, что нагружаемыя въ г. Балашевѣ барки, идущія по р. Хопру почти мимо Борисоглѣбска (въ 3—4 верстахъ), встрѣчаютъ выше соединенія той рѣки съ Вороною препятствія: большія мельничныя плотины, на которыхъ не одинъ разъ уже останавливались и повреждались барки; почему балашевскіе купцы также признаютъ за лучшее строить и нагружать барки въ г. Борисоглѣбскѣ. Кромѣ здѣшнихъ и балашевскихъ купцовъ пріѣзжаютъ въ нашъ городъ Армяне и Греки изъ Нахичевани и Таганрога для закупки туземныхъ продуктовъ и сплавовъ внизъ къ Ростову.

Вотъ бѣглый историко-статистическій очеркъ судоходства по рр. Воронѣ и Хопру отъ г. Борисоглѣбска. Изъ этихъ немногихъ данныхъ можно уже составить заключеніе, что со временемъ нашъ городъ изъ захолустья и незначительнаго—станетъ на ряду съ важными и замѣчательными городами Россіи: торговля и промышленность вообще составляетъ могущественнаго двигателя, возстановляя города и селенія изъ мрака неизвѣстности!

По 8-й ревизіи (1834 г.) въ городѣ Борисоглѣбскѣ состояло 1570 городскихъ обывателей, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (1836 г.) показано здѣсь жителей обоюго пола 4,419 душъ, въ томъ числѣ 2,203 муж. и 2,216 жен. пола; по 9 же народной переписи оказалось въ Борисоглѣбскѣ горожанъ: 3,367 мужскаго и 3,440 жен. пола, въ томъ числѣ купцовъ 1,105 муж. и 1,015 жен., кои представляютъ болѣе 150 капиталовъ ежегодно при взносѣ гильдейскихъ

пошлингъ; въ означенномъ изчисленіи не полагаются: дворяне, духовные, разночинцы и иногородные временно-жительствоющіе.

Въ г. Борисоглѣбскѣ находится: 4 церкви, изъ коихъ 3 каменные, одна изъ нихъ не совсѣмъ отстроенная, а 4-я кладбищенская — деревянная; 2 училища — уѣздное и приходское, присутственных мѣста, тѣ же, какъ и въ другихъ городахъ, не имѣютъ еще, кромѣ Думы и Магистрата, казеннаго помѣщенія; каменныхъ домовъ въ городѣ не болѣе 10, а больше такихъ, гдѣ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный. Ярмарки здѣсь бываютъ 8 іюля и 22 октября не весьма значительныя. Лавокъ каменныхъ 10, деревянныхъ до 15 мелочныхъ; салотопенныхъ заводовъ 12, моекъ 6, прочихъ заведеній по малому числу, ничѣмъ незамѣчательныхъ. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ г. Соколовъ говоритъ, что въ Борисоглѣбскѣ съ успѣхомъ занимаются садоводствомъ, тогда какъ эта отрасль домоводства въ самомъ бѣдномъ положеніи: здѣсь и садовъ порядочныхъ нѣтъ; также несправедливо, что будто въ Борисоглѣбскѣ вытапливается до 150 т. пудовъ сала, тогда какъ его не бываетъ въ лучший годъ и далеко до 100 т. пудовъ. — Вотъ бѣглый очеркъ Борисоглѣбска, составленный на основаніи самыхъ скудныхъ фактовъ, какіе только нашлись.

И. КОЗЛОВЪ.

Январь, 1853 года.

ИЗЪ ХАРЬКОВА. Обыкновенно, когда не о чемъ говорить, или когда не знаютъ, чѣмъ начать и поддержать разговоръ, то начинаютъ самымъ простымъ образомъ, самымъ простымъ вопросомъ: какова погода? и потомъ продолжаютъ: да! очень хороша! Этимъ же самымъ и я начну свое письмо, не потому впрочемъ, что не о чемъ поговорить мнѣ съ вами, читатель, — нѣтъ! у меня подъ рукою довольно матеріаловъ и различныхъ новостей, — но потому, что съ погоды какъ-то лучше завязывается разговоръ. — И такъ въ Харьковѣ, который, по выраженію одного писателя, не знаю впрочемъ какого, лѣтомъ представляетъ собою песочницу, а осенью чернилицу, — въ этомъ-то странномъ Харьковѣ погода теперь довольно сносная, т. е. не слишкомъ грязно, и не слишкомъ пыльно; дожди перепадаютъ, особенно въ послѣднее время, довольно часто, все зеленѣетъ, солнце величаво катится на порою безоблачномъ небѣ, а ночью луна (какъ же забыть луну?) освѣщаетъ серебристымъ свѣтомъ успокоившійся городъ. — Какая чудная картина! — восклицаешь, глядя на блѣдную спутницу земли, — какая тихая, лунная ночь! Италия, настоящая Италия! Впрочемъ, эта Италия оказывается иногда

черезчуръ ужъ русскою и дарить насъ для разнообразія то пылью, то бурей: недавно еще была довольно сильная буря, отъ которой пострадали крыши и стѣны многихъ домовъ и церквей.

И такъ, погода въ Харьковѣ довольно сносна, хотя и непостоянна! Но постоянны ли сами жители Харькова, постоянны ли они всегда въ своихъ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ? Нѣтъ! Кажется, погода и Харьковцы заключили между собою нынѣшней весной тѣсный союзъ, и вотъ вамъ доказательства: погода то дождлива, то пыльна, то гремить громъ, то ввѣтъ чудною прохлагою тихая, безоблачная ночь, — и жители Харькова то гонятся за однимъ, то покидаютъ его и обращаются къ другому. Около рождественскихъ сватокъ всѣхъ Харьковцевъ сильно занимала превосходная труппа Раппо; не много послѣ и даже при самомъ Раппо — различныя новыя польки — Раппо-полька, Гамбургъ-полька и Ванька-Танька; потомъ занимала всѣхъ весна, надежды на будущее хорошее лѣто, на тихую дачную жизнь, которая и у насъ, подобно Петербургу, развивается съ быстротой, — занимали толки о модахъ, гуляньяхъ и готовящихся увеселеніяхъ, и наконецъ въ настоящее время сильно занимаетъ Харьковъ — одѣ, прошедшая ярмарка, Контскій, Мартини и пр., и пр...

«Одѣ! Что такое одѣ? Каковъ одѣ? Дѣлали ли вы одѣ? Кто его выдумалъ? Батюшка! горю желаніемъ посмотрѣть одѣ! Вы, кажется, мастеръ въ одѣ!» вотъ восклицанія, замѣнившія теперь у насъ обыкновенныя: добро пожаловать! мое почтеніе! какъ ваше здоровье? и какова погода? — Вотъ восклицанія, поминутно летящія изъ устъ пожилой помѣщицы, тощаго чиновника и 16-лѣтней блондинки, съ томными глазами, полными непроницаемой грусти и ода! Вотъ восклицанія, безъ которыхъ рѣшительно нельзя теперь обойтись! Нѣтъ ни одной гостини, гдѣ бы не толковали объ одѣ, нѣтъ ни одного стола, который бы не подвергался дѣйствію ода, и нѣтъ пары человѣческихъ рукъ, которая бы не производила этого дѣйствія. Вслѣдствіе этого носыпались со всѣхъ сторонъ остроты, каламбуры и анекдоты, гдѣ главную роль играетъ тотъ же самый одѣ; одѣ принялъ какое-то таинственное значеніе, выстроилъ для себя треножникъ, и съ большою важностію, подобно древнимъ оракуламъ, началъ давать поклонникамъ своимъ разнообразныя отвѣты на заданные вопросы. — Иногда, впрочемъ, одѣ ошибался и несъ ужасную чепуху! Но какъ же не сбѣгаться съ толпу при множествѣ вопросовъ, летящихъ со всѣхъ сторонъ? Для примѣра позвольте представить вамъ одну сцену. — Нѣсколько человѣкъ производили опыты надъ одомъ и задавали различныя вопросы, на которые онъ отвѣчалъ довольно

удовлетворительно. Наконецъ одинъ господинъ, который вообще слыветъ за остряка, началъ такую рѣчь:

— Скажи мнѣ, душенька одѣ, долго ли мнѣ остается жить на свѣтѣ?

Всѣ замолчали и приготовились къ грозному отвѣту; но напрасно! Одѣ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Тогда тотъ же господинъ опять началъ:

— Чтожъ? Неужели мнѣ сейчасъ умереть! Не хорошо! Скажи, по крайней мѣрѣ, одѣ, сколько минутъ осталось мнѣ до смерти?

Всѣ опять приготовились къ отвѣту, и одѣ отвѣчалъ:—одну!

— Не хорошо! воскликнулъ записной острякъ; надо хоть въ послѣдній разъ выпить!—И взявши рюмку, онъ поднялъ ее вверхъ, и сказалъ: «прощайте, господа! Мои дни сочтены! Пью за ваше здоровье и за здоровье прорицателя ода!—И онъ выпилъ.

Но прошла минута, двѣ, три — а записной острякъ шутилъ и не думалъ умирать. Одѣ ошибся!!!

Не смотря на это, одѣ все еще имѣеть многочисленныхъ приверженцевъ, которые всевозможными способами стараются восхвалять его силу и таланты. Конечно, есть и такіе злые умы, которые смотрятъ на всѣ проказы ода съ предубѣжденіемъ и говорятъ: это пустяки! — но такихъ умовъ мало. — Да! одѣ произвелъ на Харьковъ магическое дѣйствіе, — онъ его закружилъ, завертелъ и выказалъ надъ нимъ вполнѣ свою силу. Но надолго ли? Нѣтъ! Харьковцы непостоянны! Одѣ уже блѣднѣетъ, забывается и уступаетъ мѣсто другимъ новинкамъ!

Съ перваго числа началась у насъ Троицкая ярмарка. Еще и прежде этого замѣтно было усиливающееся движеніе, шумъ и крикъ по улицамъ, скрипъ телегъ, нагроможденныхъ шерстью; но съ перваго числа все это приняло огромные размѣры, начали появляться помѣщики—и ярмарка открылась. Она шла довольно удачно, шерсти было много и раскупалась скоро и по значительной дѣнѣ (по 7 р., 7, 25 к. и 7, 50 к. с. за пудъ не мытой).—Но вотъ прекратилась ярмарка, шерсть продана, и помѣщики отправляются утромъ въ магазины и лавки, а вечеромъ—въ театръ, концерты или садъ. — Что касается до магазиновъ, то особенное движеніе замѣтно было около магазиновъ Жантиля, Томасенъ, Раппель, Губина и другихъ обитателей Московской улицы, увѣшанной безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ вывѣсокъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ стѣнъ, дверей и оконъ и оклеенной большими и малыми объявленіями и афишами, извѣщающими почтеннѣйшую публику о различныхъ фокусахъ, концертахъ и спектакляхъ. — Кстати о спектакляхъ!

На Харьковской сценѣ въ настоящее время мало замѣчательнаго; актеры всѣ прежніе, за исключеніемъ г-на и г-жи Швапъ, прибывшихъ къ намъ изъ Воронежа, и г-жи Кутузовой; пьесы тоже идутъ знакомыя и большею частію дюжинныя водевили, только въ послѣднее время сыгранъ былъ въ пользу Благотворительнаго общества *Денщикъ* г-на Кукольника. — Но Боже! я и забылъ! Недавно явился къ намъ *Жанъ Мартини* съ сыномъ, и теперь тѣшатъ публику различными фокусъ-покусами, въ числѣ которыхъ на каждомъ представленіи главную роль играетъ и пресловутая поистощившая бутылка! Да! Мартини мастеръ на фокусы, и нѣкоторые его штуки дѣйствительно замѣчательны, хотя дебютъ его былъ очень страненъ. Господину Мартини вздумалось показать себя въ первый разъ публикѣ въ университетскомъ саду подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ предварительныхъ объявленій и притомъ безмездно! Конечно, выказывать свое искусство среди зелѣющихъ кустовъ, въ толпѣ немногочисленной публики, гдѣ поминутно шныряли мальчишки, — выказывать свое искусство съ такою филантропическою цѣлью, — конечно, все это ново, оригинально; но для чего прибѣгалъ къ этому Мартини, или, какъ онъ самъ себя называетъ, натуральный Боско, — не знаю! Впрочемъ, первый дебютъ г-на Мартини не совсѣмъ испортилъ дѣло, чему доказательствомъ служатъ послѣдующія представленія его въ театрѣ, представленія, избобляющія въ Мартини довольно ловкости, званія дѣла и даже таланта. Недавно былъ (14 іюня) его бенефисъ, на которомъ, кромѣ собственныхъ штукъ и фокусовъ Мартини, актерами Харьковской театральной дирекціи были разыграны два харьковскія же произведенія, два водевила *г-на Вейнберга*, именно: *Харьковскій силачъ, или Раппо въ провинціи*, и *Полтинникъ, или два жетона, шутка безъ сюжета*, водев. въ 1 дѣйствіи. — Что мнѣ сказать объ этихъ двухъ водевилахъ? Какъ не пожалѣть послѣ этого о такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ *г-нъ Вейнбергъ*, съ такимъ талантомъ, съ такими способностями и такъ во зло употребляющими ихъ? Что такое *Харьковскій силачъ*? Слабый фарсъ съ нѣсколькими вздорными куплетами, и больше ничего! Зачѣмъ онъ написанъ? Неужели только для того, чтобы быть вызваннымъ публикой? Напрасно и писать съ такою цѣлью! *Полтинникъ*, произведеніе вполне охарактеризованное самимъ авторомъ названіемъ — *шутка безъ сюжета*, также плохъ, какъ и *Харьковскій силачъ*! Да! жаль, что *г-нъ Вейнбергъ* употребляетъ свои способности на такія мелочи! Вообще надо замѣтить, что онъ мастеръ переводить, владѣетъ хорошимъ стихомъ, — но писать оригинальныя произведенія, кажется, не въ его духѣ, чему доказа-

тельствомъ служить упомянутые нами водевили. — Но да не оскорбится г-нъ Вейнбергъ нашими справедливыми замѣчаніями, потому что ими мы хотѣли только выразить то уваженіе, которое мы питаемъ къ его таланту! Вотъ, кажется, и всѣ новости по части сценической! Но есть еще концерты и другія увеселенія! Что касается до концертовъ, то болѣе другихъ замѣчательны были два концерта *А. Контскаго*: — одинъ, данный имъ въ домѣ Дворянскаго собранія, а другой—въ театрѣ, гдѣ публики было гораздо больше, чѣмъ на первомъ. — Контскій былъ принятъ хорошо, но все не такъ, какъ принимали его при первомъ посѣщеніи имъ Харькова. — Въ одно время съ Контскимъ пріѣзжалъ также скрипачъ Кременецкій, и далъ всего только одинъ концертъ; были и другіе артисты въ различныхъ родахъ,—были и уѣхали, не произведя большого впечатлѣнія на Харьковъ.

Въ заключеніе позвольте упомянуть объ одной ученой новости. Недавно въ одной изъ университетскихъ аудиторій происходило защищеніе диссертации: *«О пользѣ бумажныхъ денегъ и о введеніи ихъ въ Россію»*, написанной исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора магистромъ *Клобуцкимъ* съ цѣлю полученія степени доктора политическихъ наукъ. — Прежде всего былъ прочтенъ деканомъ юридическаго факультета Ал. Вас. Куницынымъ краткій очеркъ дѣятельности соискателя на поприщѣ наукъ, за этимъ послѣдовала рѣчь самого соискателя, заключающая въ себѣ бѣглый обзоръ содержанія диссертации, и наконецъ начался собственно диспутъ. — Одинъ изъ двухъ оппонентовъ, ординарный профессоръ по предмету Римскаго права, г-нъ Мицкевичъ, прежде всего высказалъ въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ тѣ условія, которыя, обыкновенно, требуются отъ диссертации на докторскую степень, потомъ перешелъ къ самой диссертации г-на Клобуцкаго и разобралъ ея основанія болѣе общно, не касаясь частныхъ. Между тѣмъ другой оппонентъ, ординарный профессоръ Платоновъ, обращалъ болѣе вниманія на частности и разбиралъ диссертацию, такъ сказать, переходя отъ одной страницы къ другой.

А. Ж. ПОНЪ.

Харьковъ, іюня 17-го.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Г. ВИННЕРТА И ДВѢЩИ ЛУЦІИ.

Очень недавно читатели наши видѣли на страницахъ Москвитянина имя учредителя Тиволи, такъ часто теперь повторяемое въ Москвѣ, но мы не лишнимъ считаемъ сказать объ немъ еще нѣсколько словъ, потому что у Раппо всегда найдется что-нибудь новое, о чемъ можно поговорить.

Самая главная новость въ его Тиволи есть—воздушныя путешествія, которыхъ совершено, въ теченіе очень немногихъ дней, уже четыре. Мы опишемъ здѣсь предпоследнее путешествіе, доставившее столько удовольствія посѣтителемъ Тиволи, и сопровождавшееся самой благопріятной погодой. Вечеръ 14 іюня былъ одинъ изъ рѣдкихъ вечеровъ нашего лѣта. Публики собралось столько, что, потерявши кого-нибудь въ саду, уже нельзя было сыскать. И вотъ приблизилась ожидаемая минута....

Сколько разъ видѣли мы подобныя путешествія, и всякій разъ волновались однимъ и тѣмъ же чувствомъ пріятнаго страха, смѣшаннаго съ любопытствомъ; всякій разъ сердце билось и замирало, когда наступалъ послѣдній мигъ пребыванія на землѣ этого летучаго исполнина, готоваго поднять на своихъ могучихъ крыльяхъ того, кто отважился къ нему прицѣпиться. То же было и на этотъ разъ.

Въ 7 часовъ шаръ уже наполнился совѣмъ и рвался въ воздухъ, но толпившійся на подмосткахъ народъ удерживалъ его, схватясь за веревки корзинки.

Вотъ смѣлый воздухоплаватель ведетъ за руку двѣщцу Луцію, которая рѣшилась летѣть вмѣстѣ съ нимъ; они весело кланяются публикѣ, прощаясь съ нею; цвѣты и букеты сыплются имъ въ путь,—и вотъ они оба въ корзинкѣ подъ шаромъ. Смотрите на нихъ, одинъ мигъ—и вы уже не разглядите ихъ лицъ: такъ они будутъ далеко въ воздухѣ!—И этотъ мигъ насталъ. Гремѣть рукоплесканія, сердца замерли.... и вонъ они, бывшіе сію минуту между нами, уже качаются далеко въ голубомъ небѣ, и нѣтъ средствъ остановить ихъ быстрого полета! уходитъ и уходитъ въ облака могучій

Орель; только видно, какъ вбьютъ флаги.... Но вотъ ужъ и ихъ не стало видно, а только зыблетсяверху какая-то полосатая точка.... Публика оставила садъ г. Тургенева, гдѣ пускали аэростатъ, и наполнила садъ Тиволи; всѣ скамьи, всѣ стулья — заняты въ минуту; тысячи чашекъ разсыпались по столамъ; всѣ пьютъ чай; пошелъ веселый говоръ и шумъ. Оркестръ Сакса (добрый, изобрѣтательный Саксъ) сыгралъ нѣсколько любимыхъ публикой пьесъ, — и началось другое воздушное путешествіе, г-жи Левекъ, на высоко-натянутомъ канатѣ, — путешествіе не менѣе отважное, какъ и то.... Bravo, г-нъ Вейнертъ! Брависсимо, его спутница! Молодецъ г-жа Левекъ!

Послѣ ея путешествія открылись представленія въ циркъ, почти тѣ же, о которыхъ мы уже говорили въ прошломъ году, только съ участіемъ новоприглашенныхъ персонажей: вольтижеровъ, Зигриста, отличающагося комическимъ талантомъ; Дени, вольтижера-пластика; Отто Веле, который разыгрываетъ на лошади разныя сцены, и г-жи Зигристъ, граціозной наездницы. — За тѣмъ слѣдовали представленія физико-механика и чревовѣщателя Франгопуло, который, послѣ Индѣйскихъ магическихъ фокусовъ, поетъ соловьемъ, звенитъ жаворонкомъ, пилитъ пилой, жужжитъ мухой — и мало ли что еще дѣлаетъ онъ своимъ хитрымъ горломъ, едва ли уступаая Герману, первому хитрецу въ этомъ родѣ.

На Большомъ театрѣ Раппо также участвуютъ новыя лица, въ числѣ которыхъ особенно замѣтенъ Шумагъ, гимнастикъ съ самыми разнообразными талантами; но тамъ же и прежніе гимнастики, и тѣ же атлетическія игры, извѣстный уже нашимъ читателемъ изъ прежнихъ статей о Тиволи, и все тотъ же единственный красавецъ-гимнастикъ, Францъ Раппо, которому мы никогда не перестанемъ удивляться и не устанемъ рукоплескать!...

Публика оставалась въ саду почти до часа ночи. Въ 12 часовъ было получено первое извѣстіе о воздухоплавателяхъ: г. Вейнертъ опустился въ 25 верстахъ отъ Москвы по Троицкой дорогѣ, высадилъ свою спутницу, и передалъ попеченію подѣхавшихъ верховыхъ, а самъ снова поднялся вверхъ и полетѣлъ дальше....

Вообще можно сказать, что Тиволи Раппо въ настоящее время побѣдило всѣ гулянья, и нигдѣ не собирается столько публики, какъ у Раппо, и нельзя не повторить ему вновь и вновь наше искреннее московское спасибо.

В.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРѢЖЕНІЯ.

Всеобщее вниманіе въ Вѣнѣ занято теперь открытіемъ такъ называемаго самопечатанія (*Naturselbstdruck*). Для типографа и натуралиста, промышленника и художника оно имѣетъ одинаково важное значеніе, предлагая средство — воспроизводить цѣлые гербаріи или любыя образчики кружевъ, тканей, растений и т. д., какими-бы возвышеніями или углубленіями они ни были испещрены, самымъ простымъ и вмѣстѣ скорымъ способомъ. Слава этого открытія принадлежитъ Императорско-Австрійской типографіи, а именно директору ея г-ну *Ауеру* и фактору г-ну *Воррингу*. Г. Ауеръ читалъ первое донесеніе объ этомъ въ математическо-натуральномъ классѣ Императорской Вѣнской Академіи наукъ, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ столько-же великолѣпныя, сколько и замѣчательныя иллюстраціи и оттиски ископаемыхъ, минераловъ, тканей, растений и т. п., которые были отпечатаны въ придворной типографіи по новому способу, и встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Слѣдующимъ образомъ объясняетъ онъ способъ произведенія, въ нѣсколько секундъ и безъ большихъ издержекъ, вѣрнаго изображенія какого-нибудь оригинала на печатной доскѣ, безъ помощи живописца или гравера:

«Данный оригиналъ: растеніе-ли, цвѣтокъ, насѣкомое, ткань, словомъ, что бы то ни было, слѣдуетъ положить между мѣдною и свинцовою досками и пропустить его между двумя вальцами или цилиндрами, плотно между собою на свинцовой доскѣ свищенными: отъ пропуска между этими цилиндрами оттискъ даннаго предмета обозначится до послѣдней черты, до тончайшей подробности.

«Наложивъ на эту, вытиснутую такимъ образомъ, свинцовую плитку краски, какъ это дѣлается при обыкновенной гравюрѣ, на мѣди, можно получать, при каждомъ оттискѣ, поразительно-сходныя копіи съ даннаго предмета, наведенныя красками.

«При надобности въ большомъ количествѣ этихъ оттисковъ, котораго невосможно было бы спастись съ одной и той-же плитки или клише (по причинѣ мягкости свинца), можно перевести это изобра-

жепіе, оттиснутое показаннымъ способомъ, на стереотипныя доски, или воспроизвести его посредствомъ гальванизма на болѣе твердомъ металлѣ, съ котораго потомъ производится печатаніе экземпляровъ въ какомъ угодно числѣ.

«Если предметъ, предназначенный для оттиска, слишкомъ неженъ и не вынесетъ указаннаго сжиманія безъ обезображенія, тогда намазываютъ его разведеннымъ растворомъ гуттаперчи, и, покрывъ потомъ осадкомъ серебрянаго раствора, употребляютъ приготовленную такимъ образомъ гуттаперчевую форму въ видѣ матрицы, для снимка съ нея потомъ гальванопластическихъ клише или формъ для оттисковъ».

Въ Персіи совершилось событіе, которое такъ замѣчательно и котораго послѣдствія могутъ быть такъ значительны, что подробности, сообщенныя непосредственными свидѣтелями онаго, чрезвычайно интересны. Мы говоримъ о совершенномъ разрушеніи города Шираза отъ страшнаго землетрясенія, случившагося въ ночь съ 21 на 22 апрѣля.—Одинъ изъ чиновниковъ Русской Императорской миссіи получилъ по сему предмету слѣдующее письмо ота шведскаго медика Фагергрена (Fagergren), состоящаго въ персидской службѣ и находящагося въ Ширазѣ.

«На свѣтѣ бываетъ много событій», пишетъ г. Фагергрень отъ 1 $\frac{1}{2}$ мая, «которыя, увидѣвъ разъ, нельзя потомъ никогда забыть: онѣ врѣзываются въ нашей памяти со всѣми своими ужасами и бѣдствіями, и хотя время проходитъ и обстоятельства измѣняются, но онѣ все-таки не изглаживаются изъ воспоминаній. Мнѣ много случалось видѣть подобныхъ событій, и я сохранилъ ихъ всѣ въ моей памяти,—но такого страшнаго, такого исполненнаго несчастій и ужаса, какое случилось здѣсь 22 апрѣля (4 мая) за часъ до разсвѣта, я не видалъ, и надѣюсь, что Господь избавитъ меня впредь отъ подобнаго зрѣлища. Я увѣренъ, что еще до полученія письма моего вы знаете уже, что городъ Ширазъ болѣе не существуетъ, что онъ былъ ниспровергнутъ и разрушенъ землетрясеніемъ помянутаго числа. Земля доселѣ еще не перестала колебаться, и одинъ лишь Богъ знаетъ, когда бѣдственные симптомы прекратятся. Я не въ силахъ описать ужасъ перваго удара, продолжавшагося цѣлыхъ пять минутъ. Всѣ жители погружены были въ крѣпкій сонъ, отъ котораго были пробуждены шумомъ гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ ударъ грома, и массами камней, которые посыпались къ нимъ въ комнаты. Первою мыслию моею было спастись бѣгствомъ, и мнѣ посчастливилось со всѣми моими домашними добраться до середины двора, въ ту минуту, какъ съ трескомъ повалились стѣны зданія, и домъ палъ въ

развалины. Когда взошло солнце, тогда лишь обнаружились всѣ несчастія, причиненныя этимъ феноменомъ. Куда взоры ни обращались, всюду встрѣчали они разрушенные дома, наполненные камнями улицы и обвязанные веревками и тряпьемъ трупы, нагруженные на спины носильщиковъ, выносившихъ ихъ за городскія стѣны. Но что болѣе всего поселяло ужасъ въ сердце человека, это было зрѣлище оторванныхъ членовъ отъ человѣческихъ тѣлъ, видѣвшихся изъ-подъ развалинъ стѣнъ, и толпы несчастныхъ родителей, мужей, женъ и дѣтей, силившихся извлечь задавленныхъ наружу и рывшихъ землю зубами, руками, ногтями. Но изъ нѣсколькихъ тысячъ жертвъ лишь весьма немногихъ удалось извлечь на свѣтъ съ остатками жизни. Подобныя сцены продолжались цѣлыхъ пять дней, и въ это время было насчитано *болѣе 12,000 труповъ*; оставшіеся въ живыхъ начали помышлять о себѣ только на третій день послѣ этого событія: на развалинахъ своихъ бывшихъ жилищъ они разбивали крошечныя палатки и балаганы и тамъ собирали небольшое количество своего прежняго достоянія, которое имъ удавалось отрывать изъ-подъ стѣнъ. На четвертый день появились внутри и внѣ города разбойники, которые начали грабить оставшихся живыми безпріютныхъ и беззащитныхъ бѣдняковъ. Эти грабежи продолжались три дня; наконецъ ширазскому беглербеги удалось подождать конецъ этому новому несчастію, которое, впрочемъ, замѣнилось другимъ, гораздо болѣе крупнымъ бѣдствіемъ: начали открыто и повсюду говорить, что шахъ умеръ, а такой слухъ былъ достаточно, чтобы распространить грабежъ и убійство по всей провинціи. Земля по сию пору не перестала еще колебаться; каждый день здѣсь случается по три и по четыре удара, которые часто бываютъ до того сильны, что разрушаютъ уцѣлѣвшія отъ паденія стѣны. Я самъ, хотя и спасъ себя и женъ жизнь, но лишился рѣшительно всего, что ни накопилъ со дня моего пріѣзда въ Персію. Три мѣсяца тому назадъ я купилъ себѣ здѣсь небольшой домикъ, а теперь отъ него осталась лишь куча праху».

Несчастія, разразившіяся надъ Персією, не ограничились однимъ Ширазомъ: въ Фарсъ и Ферейдунскомъ магаллѣ исфаганской провинціи появилась саранча; въ самомъ Исфаганѣ совершенно высохла единственная рѣка Заендерудъ; въ Иракъ, Ездъ и Мазандеранъ выпадъ опустошительный градъ; въ Савъ, Кумъ и Верашианъ червь повѣлъ всѣ посѣвы, и кромѣ того въ Ездской провинціи наводненія уничтожили всѣ плантаціи опиума и табаку. (*Газета «Кавказъ»*).

Въ Journal de Constantinople сообщаютъ содержаніе двухъ султанскихъ фирмановъ, изданныхъ 11-го минувшаго мая (29-го

апрѣля ст. ст.) относительно Святыхъ мѣстъ. Въ первомъ изъ этихъ фирмановъ объявлено, что передача Латинамъ, по повелѣнію Порты, ключа отъ Вилееской церкви, даетъ имъ только право проходить чрезъ эту церковь, не предоставляя вовсе права, котораго они не имѣли и которое искони принадлежало Грекамъ, совершать въ ней богослуженіе; вслѣдствіе того и смотрителемъ входа въ эту церковь остается, по прежнему, греческій священникъ. Въ замѣнъ исчезнувшей, въ 1847-мъ г., звѣзды надъ пещерою въ Вилееской церкви, сооружена вновь такая-же, по повелѣнію Султана, безъ предоставленія какому-либо изъ христіанскихъ исповѣданій новыхъ правъ по этому предмету. Право поклоненія гробу Пресвятыя Дѣвы предоставлено христіанамъ всѣхъ исповѣданій, съ тѣмъ только, чтобы ежедневно, ранѣе всѣхъ, съ восходомъ солнца могли тамъ совершать надлежащее богослуженіе Греки, за ними Армяне, и потомъ уже Латины, съ опредѣленіемъ полуторачасоваго времени для каждаго богослуженія. Два сада, прилегающіе къ латинскому монастырю въ Вилеесѣ, останутся, по прежнему, подъ надзоромъ Грековъ и Латиновъ, сохраняющихъ равное право пользованія ими. Вообще относительно къ Святыхъ мѣстамъ, находящимся въ Іерусалимѣ во владѣніи различныхъ христіанскихъ исповѣданій, предписано симъ фирманомъ сохранить прежнее положеніе дѣлъ (*statu quo*) и никому не предоставлено новыхъ правъ. Во второмъ фирманѣ объявлено о возложеніи на особую комиссію въ Іерусалимѣ порученія возобновить, на счетъ турецкаго правительства, куполь надъ храмомъ Гроба Господня, въ прежнее его видѣ, безъ всякихъ измѣненій, съ предоставленіемъ патриарху греческому наблюденія за точнымъ исполненіемъ сего порученія; сверхъ того предписано закрыть стѣнами окна, продоланныя изъ сосѣднихъ мусульманскихъ жилищъ во внутренность сего храма.

Въ Лондонѣ живетъ теперь князь *Комнень*, объявляющій себя претендентомъ на константинопольскій престолъ, по происхожденію въ прямой линіи отъ восточныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Трѣбизондѣ до 1562-го года. Отецъ его Дмитрій Комнень признанъ былъ во Франціи, при Лудовикѣ XVI-мъ, парламентскимъ актомъ 1782-го г., прямымъ потомкомъ императорской фамиліи Комненовъ, служилъ въ арміи принца Конде, потомъ получалъ отъ Наполеона и при Бурбонахъ пенсію въ 4,000 фр. и умеръ въ 1821-мъ году, въ чинѣ французскаго генераль-маіора, 71-го года отъ роду.

J. de C.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛЬСКІЯ СВАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

IV. ДЕНЬ ВРАКА.

За рученькой, за быстрою
Кимвалики бьютъ;
Меня ли молодешеньку
Къ вѣнчанію ведутъ. —
Женихъ ведетъ за рученьку,
Другой — за другу,
Третій стоитъ — слезы ронять:
Любилъ дѣвицу.... не взялъ.
Досталася любезная
Иному, не мнѣ. —

Народная пѣсня.

Не долго почиваетъ юная невѣста въ последнюю ночь своей дѣвичьей жизни. Пѣніе пѣтуха, двукратно повторенное, далеко отгоняетъ сонъ отъ глазъ ея. — Утренняя заря встрѣчаетъ скромную дѣву, уже молящуюся предъ святою иконою. — Въ третій разъ кричитъ пѣтухъ, и невѣста оканчиваетъ свою пламенную молитву. — Въ повязкѣ, но въ ситцевомъ или кумачномъ сарафанѣ, она становится съ двумя дѣвицами за небольшою столику, покрытый бѣлою салфеткою, и начинаетъ плакать, кланяясь и всплескивая руками.

П л а ч и.

25

Вамъ пора ужъ, бѣлы лебеди,
Отъ крѣпка сна пробуждаться.
Высоко взошло красно солнышко;
Обогрѣли лучи яркіе
Всю землю свято-русскую,
Всю вѣру православную,
Нашъ батюшковъ широкій дворъ,
Нашъ матушкинъ высокъ терѣмъ!

Я спала, млада, кручинная,
На тесовыя кровати,
На пуховыя постели,
Со любезными подружками,
Съ душа-красными дѣвцами. —
Я ждала, млада, кручинная,
Поутру ранняго буженья
Отъ денной своей печальницы,
Отъ ночной богомольщицы,
Што родимой моей матушки.
Не могла, млада дожидатися,
Поутру ранняго буженья!
Еще ходить милосердая
Все окольными дорогами;
Приговариваетъ милосердая:
Пускай спать мое сердечное,
Въ послѣдній разъ, останешній,
Во родительскомъ теремъ, —
Душой красною дѣвицею;
Навстается, лебедь бѣлая,
На чужой дальней сторонущкѣ,
Въ чужомъ домѣ незнакомомъ.
Тамъ намается, голубушка,
Надъ тяжелою работою. —
Я вставала, млада, кручинная,
Со тесовыя кровати,
Со пуховыя постели;
Умывалась, млада, кручинная,
Ключевою водой, холодною;
Утиралась, млада, кручинная,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцомъ;
Одѣвалась, млада, кручинная,
Въ свое цвѣтное платье,
Въ дорогую дѣвью красоту —
Во повязку скатна жемчуга;
Становилась, млада, кручинная,
Передъ чудны свѣты образы;
Я молилась, млада, кручинная,
Свѣту—Господу Богу,
Пресвятой Богородицѣ,
Своему Ангелу Хранителю.

Я первой поклонъ положила
За Царя Благочестиваго;
Я второй поклонъ положила
За Царицу Благовѣрную;
Я третій поклонъ положила
За весь домъ Ихъ благодатный;
Я четвертый поклонъ положила
За честныхъ своихъ родителей,
Всѣхъ возлюбленныхъ подружекъ:
Я еще поклонъ положила
За себя младѣ кручинную.
Становилась младѣ, кручинная,
За сварадны дубовы столы;
Я откинула, младѣ, кручинная,
Слѣзень платъ со лица благо;
Обозрѣла младѣ, кручинная,
По всей свѣтлыя свѣтлицъ,
По столовой новой горницъ,
По честнымъ своимъ родителямъ.
Они ходятъ милосердые,
Все крутятъ, меня снаряжаютъ,
Со пуховою постелью,
И житьемъ-бытьемъ, богатствомъ,
На чужую дальну сторону.

26. Матери (*).

Ужъ ты, свѣтъ милосердая,
Въ день—денна моя печальщица,
И ночная богомольщица, —
О судариня матушка;
Доступи, моя судариня,
До нарядна дубова стола,
До меня, младой, кручинныя,
Одинокой твоей дочери, —
Ко отъѣзжей красной дѣвицъ.
Не убойся, моя судариня,
Меня младой, кручинныя!
Отъ твоей-то бѣдной дочери

(*) Когда у невѣсты нѣтъ матери, тогда этотъ плачь поютъ ближайшей родственницъ, занимающей мѣсто матери.

Вѣдь не зима студить холодная
 Со крещенскими морозами;
 Не огонь со пламенъ пышетъ.
 Ты вздыми, моя милосердая,
 Свою правую рученьку
 На мою-то буйну голову,
 На любезну дѣвью красоту.
 Отняла, моя судариня,
 Всю волю мою волю,
 Всю прежнюю нѣгу
 И гульбы и проклады.
 Ужъ сними съ меня, судариня
 Дорогую дѣвью красоту, —
 То повязку скатна жемчуга,
 Со хазомъ изъ красна золота.

При произношеніи послѣднихъ словъ, мать подходит къ не-
 вѣстѣ, снимаетъ съ головы ея повязку и кладетъ предъ нею на столъ;
 невѣста, обвившись руками около шеи своей матери, продолжаетъ
 плакать:

27.

Ужъ ты свѣтъ, моя милосердая,
 Моя родимая матушка!
 Еще какъ да поднялися
 Твои бывлыя рученьки
 На мою буйну головушку, —
 Дорогую снять дѣвью красоту?
 Не убоялась милосердая
 Моего страху великаго;
 Ты сняла бы, милосердая,
 Съ плечъ дочернюю головушку.

Потомъ плачетъ надъ своей повязкой:

28.

Насмотритесь, очи ясныя,
 На дорогую дѣвью красоту
 Въ послѣдній разъ, останешній,
 Душой красною дѣвицею.
 Я возму свою дѣвью красоту
 Што на правую на рученьку;
 Я прижму да дѣвью красоту

Ко позблomu сердечушку;
 Не огрветъ ли моя красота
 Дѣвѣй груди лебединья?
 Хоть и грветъ дѣвья красота,—
 Ужъ не по старому, не по прежнему.

Далѣе она, обратясь къ дѣвушкамъ—сестрѣ или родственницѣ,
 плачетъ:

29.

Подойди ко мнѣ, бѣлая лебедь,
 Единоутробная сестрица,
 Душа (имя и отчество).
 Оставляю тебѣ, желанная,
 Дорогую дѣвью красоту,
 Што повязку скатна жемчуга.

При этихъ словахъ накладываетъ на сестру повязку, и продолжаетъ:

30.

Ты красуйся, лебедь бѣлая,
 Въ дорогой дѣвѣй красотѣ,
 Што повязку скатна жемчуга!
 Ты носи ее, лебедь бѣлая,
 По честнымъ Владычнымъ праздникамъ;
 Береги ей, лебедь бѣлая,
 Отъ злодѣйки сватѣи большія,
 Злозавистнаго челоуѣка.

Снявъ съ сестры повязку, невѣста опять накладываетъ ее на свою голову и плачетъ:

31.

Мнѣ позволь ты, лебедь бѣлая,
 Три часа покрасоватися:
 Первой часъ покрасоватися—
 Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ;
 Второй часъ покрасоватися—
 Во пути да во дорожечкѣ;
 Третій часъ покрасоватися—
 Въ Божьей церквѣ православной!
 Отошлю тебѣ, лебедь бѣлая,
 Со надежнымъ челоуѣкомъ,

Со крестовой своей матушкой.
 Вспоминай ты, лебедь бвлая,
 Свою любиму сѣстрицу,—
 Меня бѣдную, злосчастную,
 Душу красную дѣвицу,
 Младу отческую дочь.

32.

На широкой-то улицѣ
 Бѣлой свѣтъ разсвѣтается,
 Дѣвѣй вѣкъ коротается,
 Бабья старость приближается.
 Дорогая дѣвья красота
 Въ двадцать лѣтъ меня не состарила.
 Какъ срамна бабья шамшурница (1)
 Въ три часа меня состарить всю,
 Въ два часа да напрокучить мнѣ.

Плачь надъ красотою невѣсты уѣзда Шенкурскаго.

33.

Ужъ ты, схожо мое солнышко,
 Мой родимой сударь-батюшко;
 Подойди-ка, сударь-батюшко,
 Ко мнѣ поблизку близко.
 Ты послушай, споже батюшко,
 Што я стану говорить тебѣ;
 Говорить я стану, сказывать
 Сущу истинную правду:
 Хошь вамъ жаловать, корминицы,
 Не нажаловати будѣ;
 Хошь вамъ миловать, корминицы,—
 Не отмиловати будѣ;
 Суха дерева завершиста
 Вамъ не отростити будѣ;
 Што коня да сухопараго
 Вамъ не откормити будѣ;
 И меня ужъ красну дѣвицу
 Вамъ не воротити будѣ.—
 Ты, родима моя матушка,
 Въ ночь—ночная богомольщица,

(1) Исподница, свѣрь которой накладывается кокошникъ на голову.

Вькова моя сухотница,
 Подойди, моя корминица,
 Ко столу, да ко снаряжному;
 Ты стой, постой, корминица,
 Ужь постой передо мною;
 Ты пристой—ка ноги рѣзвыя
 Што ко полу ко дубовому;
 Присуши ты руки былыя
 Ко ретивому сердечку;
 Пригляди ты очи ясныя
 На свою дочь любимую;
 Не верба стоять, шатается,
 До земли наклоняется,—
 Твоя дочь поклоняется,
 Все горемъ убивается,
 Съ красотою разстается.

Въ этотъ день родственники дѣлають невестѣ разные *приносы*: кто пряникъ, кто башмаки или платочекъ, кто ленточку, кто сережки или перчатки.—А въ уѣздѣ Шенкурскомъ приносятъ хлѣбъ-соль, т.-е. блюдо пироговъ, или стопу сочной, кулебяку или большой продолговатый хлѣбъ, называемый *челпачъ* (1).—За все это невеста благодарить каждого слѣдующимъ плачемъ:

34.

Приношу мою благодарность
 Я на хлѣбъ-на соли,
 На честныхъ твоихъ подарочкахъ,
 Мой любезный сударь-дядюшка,
 Да (имя) споже (отчество).

Въ девятомъ часу утра прѣзжаютъ къ невестѣ дружки съ поклономъ отъ имени жениха и съ подарками. «Челомъ здорово!» приветствуютъ они: «бачко, мамка, княгиня первобрачна! нашъ князь первобрачный остался въ добромъ здоровьѣ съ отцемъ и съ матерью, съ тысяцкимъ, со сватьушкой, съ крестовой матушкой, со всѣмъ родомъ и племенемъ, съ дружками молодцами, ясными соколами, съ красными дѣвицами, пирожными мастерицами, горшечными пагубницами. Нашъ князь стоитъ въ чистомъ полѣ, подъ бѣлымъ

(1) *Челпачъ* въ Шенкурскомъ уѣздѣ называется большой продолговатый хлѣбъ; его пекутъ изъ пшеничной или ржаной муки на молокѣ о Св. Пасхѣ и къ свадьбамъ.

шатромъ, подперся острымъ копьемъ; велѣлъ про твое здоровье спросить, а про свое сказать; затѣмъ поклонъ воздать; желаетъ тебѣ въ ясны очи видѣть!» (1) Тутъ они подносятъ невѣстѣ пріяникъ съ кольцомъ. Принявъ дары, невѣста, въ знакъ уваженія, приподнимаетъ ихъ на голову и потомъ кладетъ на столъ.—Въ это время дѣвушки, сидящія около нея по обѣ стороны, перевязываютъ у дружекъ правыя руки, повыше локтей, одна бантомъ изъ ленты голубой, а другая изъ алой. Молодцы наши, въ знакъ признательности, неожиданно отдариваютъ красавицъ жаркимъ поцѣлуемъ, и, раскланявшись, отъѣзжаютъ обратно къ жениху.

Около десяти или одиннадцати часовъ пріѣзжаетъ за невѣстою женихъ съ друзьями, тысяцкимъ и родственниками своими. При входѣ его въ домъ невѣста въ послѣдній разъ плачетъ:

Плачь 35.

Къ намъ наѣхали, пріѣхали
Живы, скорые разлучники,
Мнѣ-ка не дали разлучники
Свѣту блага обогрѣти;
Меня не дали разлучники
Красну солнцу обогрѣти;
Еще не дали разлучники
Съ родомъ-племенемъ проститися.

Съ этими словами уводятъ ее въ особый покой и наряжаютъ къ вѣнцу. Женихъ въ ожиданіи невѣсты садится за столъ, держа шапку или картузь въ рукѣ, а женщины поютъ пѣсню:

Пѣсня 22.

Ужъ што вы, болра,
Не бѣлы пришли?
Черны, какъ вороны,
Широки борода;
Сходите въ кузницы,
Скуйте топоры,
Бѣжите во темны лѣса,
Нарубите осиннику,
Нажгите пепелу,
Сварите щелоку,
Умойте головы;

(1) Привѣтствіе это большею частію замѣняется началомъ и концемъ; да и то ничего не услышишь, потому что въ это время еще продолжаютъ плакать.

Купите бороны,
Разчешите бороны.

Пословица говорить: *что городъ, то цоревъ; что деревня то обычай!*... Въ селенияхъ уѣзда Шенкурскаго, опять не могу сказать, во всѣхъ ли, родители, увидѣвъ поѣздъ жениха, тотчасъ запирають ворота дома, а невеста между тѣмъ реветъ на весь окологородъ, при громкомъ пѣніи окружающихъ ее:

П л а ч ь 36.

Нагнали скоры гонцы
Съ чуже-дальней сторонушки,
Со чужой, дальней сторонушки,
Што со службы со царскія,
Што изъ грозной государевой.
Они правять челобитьицѣ (1)
Отъ родимаго брателка.
Принимаите челобитьицѣ
Вы на бѣлыя рученьки;
Прижимаите челобитьицѣ
Ко ретивому сердечку;
Выздымаите челобитьицѣ
На свою буйну голову;
Вы берите челобитчиковъ
За ихъ правыя рученьки;
Посадите челобитчиковъ
За сварядны дубовы столы;
Принесите пива пьянаго
И крѣпка вина зеленого.
Вы дарите челобитчиковъ
Шито-бранными платочками;
Я для нихъ шила и ладила
Тонки бѣлыя ширинки.
Какъ сказали люди добрые
И порядныя сосѣдушки:
Нагнали-то скоры гонцы
Со чужой дальней сторонушки;
Ужъ какъ правять челобитьицѣ
Не отъ брателка родимаго,
Што отъ злаго чуженина.

(1) Поклонъ.

Ужь ты, схожо мое солнышко,
 Мой родитель, сударь-батюшко;
 Ты бросай да челобитьице
 На сыру землю холодную;
 Затопчи ты челобитьице
 Подъ свои мощныя ноги;
 Принесите вы скорымъ гонцамъ
 Изъ болоть воды ржавыя;
 Вы гоните скорыхъ гонцовъ
 Изъ высока нова терема.

На сильный стукъ тысяцкаго одинъ изъ родственниковъ не-
 вѣсты подходитъ къ воротамъ и спрашиваетъ: «*Кунами ли богаты?
 ногами ли доступны до нашего дитяти?*» (1) «*Кунами, богаты
 и ногами доступны до вашего дитяти!*» смѣло отвѣчаетъ тысяц-
 кій, разглаживая свою бороду. Тогда растворяются ворота, и женихъ
 со всеми потѣзжанами, подъ охраненіемъ какого-либо калеки-зна-
 харя, входитъ въ избу. А невѣста въ послѣдній разъ плачетъ что
 есть мочи:

П л а ч ь 37.

Запустили живу рѣзлуку
 Въ нову свѣтлую горницу;
 Разлучить та меня рѣзлука,
 Со родимымъ съ батюшкой;
 Разлучить та меня рѣзлука
 Со родимой матушкой,
 Со всемъ родомъ и племенемъ,
 Со любезными подружками,
 Съ дорогой-то дѣвѣй крѣсотою.

Этими словами она оканчиваетъ продолжительный и много-
 трудный свой подвигъ, извѣстный подъ именемъ *плаканья*. Вотъ
 и пѣсня, которую поютъ женщины толстыми голосами, когда
 невѣста уходитъ въ кѣль одѣваться къ вѣнцу:

23.

Какъ въ лѣсъ тетѣры,
 Все чухари;
 У (такого) (2) потѣзжане
 Всѣ дураки;

(1) Значить: богатствомъ или силою хотите взять нашу невѣсту?

(2) Имя жениха,—положимъ хоть у Ивана.

Они въ избу идуть,
Столбу кланяются,
Не здороваются.
Столбу бьютъ челомя,
Будто тестю поклонъ;
Бьютъ ступъ челомя,
Будто тещъ поклонъ;
Песту бьютъ челомя,
Будто шурина поклонъ;
Бьютъ лопатъ челомя,
Будто свойкъ поклонъ;
Въ большой уголъ глядятъ,
Бошки пива хотятъ;
Они на грядку глядятъ,
Словно острейка (1) хотятъ.
Сказали: у (такого-то) (2)
Потъжане бодры;
Еще чортъ не бодры, —
У нихъ носы одни;
Сказали—на потъжанахъ
Все кафтаны модны;
Еще чортъ не модны —
Лишь заплаты одни;
Сказали—на потъжанахъ
Кушаки шелковы;
Еще чортъ не шелковы, —
Лишь рямки-то одни;
Сказали—у потъжанъ
Изъ бобровъ картузы;
Еще чортъ не картузы, —
Лишь поскоры (3) одни;
Сказали—у потъжанъ
Рукавицы новы;
Еще чортъ не новы, —
Лишь затылки одни;
Сказали—у потъжанъ
Сапоги-то смазны;
Еще чортъ не смазны, —
Закаблучья одни,

(1) Ощипанное березовое полѣно. (2) Имя жениха. (3) Подкладки.

И то—не свои,
 Въ людяхъ выпрошены,
 Въ людяхъ вытщены,
 Што на той сторонѣ
 Знать на Васеньгъ (1).
 Сказали—у поѣзжанъ
 Будто кони горды;
 Еще чортъ не горды,—
 Только рѣбра одни;
 Какъ сказали—на коняхъ
 Хомуты шелковы;
 Еще чортъ шелковы,—
 Лишь дерева одни.
 Сказали: у поѣзжанъ—
 Будто сани модны;
 Еще чортъ не модны,—
 Лишь полозья одни.
 Сказали—у (такого-то),
 Будто сватья баска (2);
 Еще чортъ не баска,—
 Какъ корова бѣра (3),
 Будто въ лѣсъ была,
 У медвѣдя драна,
 Прицарапаная.
 Ужъ сказали: у сваты
 На головушкѣ модно;
 Ино чортъ не модно,—
 Кзкъ воронье гнѣздо.

Не въ однихъ только описываемыхъ мною уѣздахъ, но и во всей Архангельской губерніи, къ вѣнцу одѣваютъ невѣсту какъ можно лучше, въ самые дорогіе, свѣтлые наряды. Самъ отецъ выводитъ ее въ горницу и передаетъ жениху. Принявъ за руку невѣсту, прикрывшую лице свое платкомъ, женихъ садится съ нею за столъ, а дѣвушки поютъ:

24.

Золото съ золотомъ свивалось,
 Жемчужина съ жемчужиной скаталась,

(1) Васеньга, самое бѣднѣйшее село Шенкурскаго уѣзда, находящееся въ лѣсу.

(2) Нарядна. (3) Буряя, рыжая.

Какъ наше красно золото получше,
 Какъ наше было серебро почище,
 Нашъ скатень жемчугъ покрупнѣе.
 Какъ наша-то невѣста понаряднѣ,
 Какъ наша зарученна поприсяднѣ,
 Буде наша невѣста не нарядна,
 Буде наша подружка не присядна;
 Пошто вы за ней прѣзжали?
 Сперва семь сватовей присылали,
 Семеры полозья притерли,
 Семь лошадей притомили,
 Все нашу подружку доступали.

Во время этой пѣсни дружки подчуютъ дѣвушекъ и женщинъ свадебнымъ, т.-е. орѣхами, закусками или баранками; въ отдаленныхъ же отъ городовъ селахъ, за неимѣніемъ пряниковъ и орѣховъ, *раздаютъ сочни* (1).

Наступаетъ торжественная, но вмѣстѣ и горестная минута, въ которую родители должны навсегда вѣрить дочь свою, можетъ быть, единственный плодъ многолѣтняго супружества и заботъ, чуждымъ, едва, едва извѣстнымъ людямъ. — «*Господи благослови! Дай Господи во святъ часъ!*» произносить тысяцкій, и всѣ присутствующіе встаютъ съ мѣстъ своихъ, молятся Богу, Подателю благъ, и въ ту же минуту выходятъ изъ-за стола. Женихъ съ невѣстою останавливаются на срединѣ горницы; къ нимъ подходятъ родители невѣсты: отецъ со святою иконою, а мать, держа на рукахъ *банникъ* (2). Начинается благословеніе. — Юная чета троекратно повергается предъ образомъ Божіей Матери, каждый разъ налагая на себя знаменіе креста. — Первый благословляется женихъ, за нимъ невѣста. Плачущая дѣва съ глубокимъ благоговѣніемъ становится на колѣни предъ родителями своими, и, сложя руки на груди, въ послѣдній разъ принимаетъ благословеніе. — Потомъ.... зарыдавъ громко, она падаетъ къ ногамъ ихъ; стенанія отца и вопли матери, доселѣ таившіеся въ душѣ ихъ, вырываются изъ

(1) *Сочни* готовятъ изъ ячменной муки, густо замѣшанной на водѣ. — Когда ихъ испекутъ, тогда намазываютъ съ одной стороны коровьимъ масломъ. — Сочни всегда бываютъ круглые.

(2) *Банникъ* — хлѣбъ, зашитый въ бѣлую скатерть вмѣстѣ съ жареною птицею, солянкою и двумя столовыми приборами: парю тарелокъ, ложекъ, ножи-ковъ и вилокъ. — Банникомъ называется потому, что молодые расшиваютъ и ѣдятъ весь этотъ припасъ, по выходѣ въ первый разъ изъ банн.

стѣсненной груди. — Родители поднимаютъ дочь-невѣсту, заключаютъ въ свои объятія и нѣжными поцѣлуями стараются успокоить ее, сами не менѣе нуждаясь въ утѣшеніи. Далѣе, она переходитъ изъ объятій въ объятія своихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ и подругъ; вездѣ тотъ же плачь, тѣ же рыданія и слезы!

Протившись со всѣми, невѣста еще разъ останавливается, еще разъ смотритъ на всѣхъ дорогихъ, милыхъ ея сердцу; потомъ, прекрестившись, закрываетъ лице свое платкомъ. — Въ ту же минуту надѣваютъ на нее теплую епанечку или шубу, чтобы защитить отъ холода во время вѣзды. — Первые выходятъ изъ горницы дружки, — одинъ неся на рукахъ икону, а другой — банникъ. — За ними тысяцкій съ женихомъ, тутъ *подъѣмничная сватья* (1) съ невѣстой, кланяясь объ, то на право, то на лѣво; далѣе *проводники* (2) и *кручельщицы* (3). Отецъ, мать, родные и ближніе, всѣ подружки дѣвушки провожаютъ невѣсту на улицу. Плачь, благословенія и молитвы сопровождаютъ ее! Пока подводятъ лошадей и усаживаютъ свадебниковъ, дѣвушки поютъ звонкими голосами:

25.

Мы тебѣ, подружка, накажемъ,
Ты нашего совѣта послушай:
Какъ пріѣдешь ко Божіей Церкви,
Какъ будешь законъ Божій примати,
Какъ станешь золотой вѣнецъ держати,
Не давайся у вѣнца цѣловати, —
Либо низкій поклонъ поклонися,
Либо на сторону отвернися,
Либо шелковымъ платочкомъ прикройся.

Когда же тронется повѣздъ, дѣвушки, разставаясь съ своей подругою (4), наполняютъ воздухъ печальнымъ пѣніемъ:

26.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Тутъ летитъ стадо сѣрыхъ гусей,

(1) *Сватьей подъѣмничною* называется или крестовая мать невѣсты или ближайшая родственница ея, всегда женщина.

(2) Дружки со стороны невѣсты, холостые родные или двоюродные братья.

(3) Женщины, которыя должны наряжать невѣсту на свой манеръ, т. е. въ повойникъ.

(4) Въ Архангельской губ. дѣвушки не вѣзятъ за невѣстою въ церковь; только въ однихъ городахъ провожаютъ ее къ вѣнцу.

А другое бывлыхъ лебедей;
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.
Приставала лебедь бялая
Что ко стаду сврыхъ гусей;
Не умѣла лебедь бялая
По мелкимъ ручьямъ плавати,
По гусиному кикати.
Ее стали гуси щипати,
Бѣла лебедь стала тигати
Лебединымъ тонкимъ голосомъ:
Не щиплите вы, свры гуси,—
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своею охотою,—
Занесло меня погодою,
Злой великою невздою.
Отставала душа (такая-то) (1),
Отставала свѣтъ (по отечеству)
Прочь отъ роду и племени,
Отъ своихъ милыхъ подружечекъ;
Приставала наша (такая-то)
Къ незнакомому роду племени,
Ко чужимъ, честнымъ родителямъ.
Не умѣла свѣтъ (по отечеству)
На головушкѣ поправить,
На свекровушку уладити;
Люди начали журить ее,
Стала (такая-то) плакати
Жалобнѣшенькимъ голосомъ:
Не браните вы, чужи люди,—
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею доброй волею,—
Завезли меня добры кони
На чужую дальню сторону,
Въ вашу землю незнакомую,
Отъ честныхъ моихъ родителей
И возлюбленныхъ подружечекъ.

Проводивъ невѣсту, родители въ то же время отправляютъ въ домъ жениха ближнюю родственницу свою, называемую *запостель-*

(1) Имя невѣсты.

ною сватьею, потому что подъ ея надзоромъ препровождаются постель и все приданое, а дѣвушки остаются въ домѣ невесты до самаго обѣда; онѣ играютъ на повѣти съ молодыми парнями, бѣгаютъ въ тройкахъ и поютъ разныя хороводныя пѣсни. Послѣ обѣда всѣ расходятся по домамъ, въ ожиданіи другой свадьбы, въ чемъ и не ошибаются большою частію. Въ Архангельской губерніи много бываетъ примѣровъ: пока дѣвушка гоститъ и веселится у невесты, въ то время родители засватываютъ ее самое; и, лишь только возвратится отъ своей подружки, бѣдненькой, какъ снѣгъ на голову, объявляютъ, что она сама невеста. И вотъ для одной горе, а для прочихъ дѣвушекъ опять праздникъ!... Чтò нужды, хотя между ними одною красавицею будетъ меньше! На этомъ праздникѣ, разумѣется, успѣетъ попить и наша молодая чета; вѣдь не вездѣ же такой строгій обычай, какъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ молодая всѣ первыя шесть недѣль сидитъ дома затворницею и никому постороннему не кажется. Но довольно объ этомъ! Юная чета наша въ церкви; поспѣшимъ туда же за брачующимися и мы.

По окончаніи священнаго обряда вѣнчанія, сваты отводятъ новобрачную на церковную паперть и садятъ на лавку. Тутъ подходятъ *кручельщицы*, снимаютъ съ головы ея жемчужную повязку, которую, для возвращенія по принадлежности, предоставляютъ крестовой матери; потомъ расплетаютъ дѣвичью косу, и, раздѣливъ волосы на двѣ равныя части, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыми и обвиваютъ голову наподобіе вѣнка. Мѣсто повязки застываетъ женскій повойникъ; сверхъ него повязывается розовая косынка или платокъ шелковой. Наконецъ заплакавшуюся новобрачную притираютъ бѣлками и румянами. Нарядивъ такимъ образомъ, подвѣнчаная сватья представляетъ ее молодому супругу, который вмѣстѣ и отправляется въ домъ своихъ родителей; вслѣдъ за ними туда же ѣдетъ и прочая толпа свадебниковъ.

• Разумѣется, домъ жениха давно уже наполненъ *зрителями*, — родными и ближними. Пестрая толпа мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и ребятъ тѣснится на улицѣ. Взоры всѣхъ устремлены въ одну сторону, откуда ждутъ новобрачныхъ. Въ поморскихъ селеніяхъ, какъ скоро свадебный поѣздъ остановится у дома, гдѣ живутъ родители жениха, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ салютуютъ новобрачныхъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами. То же самое случалось видать мнѣ въ уѣздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ, но только на богатыхъ свадьбахъ. Бываетъ ли такъ и у бѣдныхъ? Объ этомъ ничего навѣрное сказать не могу. У крыльца дома хоръ изъ бабъ и дѣвокъ привѣтствуетъ новобрачныхъ пѣніемъ:

27.

На горѣ, на высокія,—ой вью, ой вью, еслю!
 На красы, на великія,—ой вью, ой вью, еслю! (*)
 Стоитъ храмъ бѣлокаменной;
 Во томъ храмѣ бѣлокаменномъ
 Какъ вѣнчались два отрока,
 Младой отрокъ съ отрочицею,
 Молодецъ со дѣвицею,
 Красенъ князь со княгинею.
 Какъ проговорить княжна молода
 Тихимъ жалобнымъ голосомъ:
 Ужъ ты, сватьюшка, сватьюшка!
 Ты крестова моя матушка!
 Мнѣ открой покрывалышко,
 Покрывалышка немножечко.
 Мнѣ не столь бы тошнеченько
 Во святой церкви стоячи,
 Законъ Божій примаючи,
 Золотой вѣнецъ дѣржучи,
 Чудѣвъ крестъ плѣлючи.
 Вы попы, отцы духовные,
 И причетники церковные!
 Напишите-ка грамотку
 Не перомъ, не чернилами,
 Не на бѣлой бумажечкѣ,—
 Что по рытому бархату,
 Аравійскимъ, краснымъ золотомъ.
 Отошлите вы грамотку
 Ко родителю батюшкѣ,
 Осударинѣ матушкѣ.
 Благодарствую батюшко,
 Осудариня матушка!
 Что вспоили вы, миловали,
 Воскормили, пожаловали,
 Меня красную дѣвицу
 До бѣльшого возрасту
 И до полного разума,
 До моего суженаго,

(*) Припѣвъ: ой вью, ой вью, еслю! — послѣ каждаго стиха.

До мѣго ряженато,
Удала, дѣбра мѣлодца.

28.

Кругомъ, кругомъ
Солнце катилось;
Рядомъ, рядомъ
Лебеди летять;
Полкомъ, полкомъ
Бѣара ѣдутъ;
Бережно везуть
Нашу Аннушку (1),
Бережнѣ того
Нашу Ивановну;
Часто Андрей-то (2)
Припадываетъ,
По ѡтчеству Ивановичъ
Выспрашиваетъ:
Душечка Аннушка,
Сердце мое!
Што въ даръ везешь
Моему батюшкѣ?
Отвѣтъ держить
Анна Ивановна:
Я, сударь, везу
Твоему батюшкѣ:
Сорокъ соболей,
Сорокъ сибирскихъ;
Тѣмъ хочу дарить
Твоего батюшку,
По имени Ивана
Андреевича.
Это, спже Анна,
Не правда твоя!
Ты небѣль говоришь,
Мое сердце гнѣвишь!

29.

Со угѣръ, со угѣръ
Вѣтры тянуть;
Со терѣмъ, со терѣмъ
Свѣкоръ смотреть;

(1) Имя невесты. (2) Имя жениха.

Самъ про себя
Разговариваетъ:
Хороша была Анна
Дѣвицею;
Лучше, краше того
Молодицею.

30.

Андрей-отъ ѣдетъ съ суженой, съ суженой,
Ивановичъ ѣдетъ съ рлженой, съ рлженой,
Съ своей суженой Анной Ивановной.

Въ свняхъ встрѣчаютъ новобрачныхъ двѣ ближайшія родственницы съ пряникомъ въ рукахъ, поднятымъ вверхъ; въ горницахъ свекоръ и свекровь принимаютъ новобрачныхъ дѣтей своихъ съ иконою и хлѣбомъ съ солью. Послѣ благословенія и обычныхъ поздравленій, тысяцкій, новобрачные и сватья становятся за столъ, еще до пріѣзда приготовленный и уставленный различными яствами. — Изба биткомъ набита народомъ. Всякой встрѣчный и поперечный, старый и малый, тѣснится, чтобы посмотреть на молодую чету. — Также какъ у невесты, и здѣсь дружки со стороны жениха раздаютъ свадебное: женщинамъ и ребятамъ — калачи и закуски, а мужчинамъ выставляютъ на повѣтъ бочку пива, иногда двѣ и болѣе, смотря по состоянію жениха. — Въ уѣздѣ Шенкурскомъ, въ извѣстныхъ мѣстечкахъ, сверхъ пива, мужиковъ угощаютъ нюхательнымъ табакомъ, который тамъ въ большомъ употребленіи и не рѣдко играетъ важную роль въ случаѣ недостатка въ немъ. Передотѣжіе, или, по нашему, дружки, заблаговременно насыпаютъ табакомъ два бычачьихъ рога, и стуча объ стѣну избы, кричатъ: *отъ туре маревъ* (*), *отъ нашего первобрачнаго быччеломъ!*

Мущины, не только пожилые и старые, но и молодые, спѣшать на этотъ призывъ, предупреждая другъ друга. Каждый, получившій добрую щепоть табаку, отходитъ на свое мѣсто, сморкается и преусердно трудится надъ своею порціею... не рѣдко даже до слезъ.

Вскорѣ толпа постороннихъ зрителей выходитъ на улицу, и съ громкими пѣснями, пройдя нѣсколько разъ по околodку, расходится по домамъ. — Между тѣмъ какъ дружки заботятся объ угощеніи зрителей, подвѣнчанная сватья, или, какъ называютъ въ другихъ гу-

(*) *Отъ туре марева* значитъ — съ Турецкаго моря гостинецъ, или: изъ Туречины, изъ бычачьихъ роговъ заморскими гостиницами отъ нашего первобрачнаго кланлемся.

берніяхъ, посаженная мать невѣсты раскрываетъ коробъ, полный разныхъ ситцевъ, платочковъ, лентъ, жилеточныхъ матерій и штонныхъ скройковъ на повойники. — Начиная со свекра и свекрови, она дарить родственниковъ и родственницъ жениха, то тѣмъ, то другимъ, смотря по назначенію.

Вотъ и пѣсня, которую поютъ женки во время раздачи даровъ:

31.

Вы гдѣ гусли были?
 Вы гдѣ побывали?
 Гдѣ спали, ночевали?
 Мы были у княгини,
 Побывали у первобрачной.
 Еще што княгиня дѣлать?
 Во гусли играетъ,
 Дары снаряжаетъ.
 Она плачетъ, возрыдаетъ,
 Къ дарамъ причитаетъ:
 Ужъ вы дары, мои дары,
 Тонки, бѣлы, полотняны!
 Не годъ я васъ прjala,
 Не годъ сподобляла,
 Пришло тако время,—
 Всъ въ часъ раскроила,
 Въ другой раздарила:
 Какъ батюшку-свекру
 Рубашку, порточки,
 Жилетку, платочикъ;
 Матушкѣ-свекровъ
 Рубашку, повойникъ;
 Деверьямъ-соколямъ
 Всѣмъ по платочку;
 Золовкамъ-сестрицамъ
 По алой косынкѣ.

Въ уездѣ Шенкурскомъ свекру и свекровъ дарятъ по рубашкѣ, знахарю нѣсколько аршинъ холста; прочимъ родственникамъ и священнику подають бѣлыя полотенцы (утиральники), вышитыя по концамъ разноцвѣтными шелковыми или бумажными узорами. Обдаливъ всѣхъ, сватья вмѣстѣ съ новобрачными кланяется и просить *не погнѣваться, не посудить на честныхъ подаркахъ*.

Послѣ этого начинается обѣдъ, называемый иначе *княжинъ столъ*. Много бываетъ обоего пола гостей у жениха; но все лица

новья, почти незнакомыя, чуждыя для новобрачной.—Съ ея же стороны одна сватья, въ этотъ день неотлучно находящаяся при ней, и еще нѣсколько проводниковъ. Къ нимъ-то по временамъ обращается робкая красавица; на нихъ-то иногда отдыхаетъ усталый, потупленный взоръ ея!—Обѣдъ бываетъ очень продолжителенъ. За столомъ всего бываетъ вдоволь, и пива крѣпкаго, и вина зеленого. Каждое блюдо начинается попойкою. Стаканы съ водкой, *братыня* (1) съ пивомъ, то и дѣло обходятъ гостей. Исключая новобрачныхъ (2), всѣ пьютъ и ѣдятъ. Русскій мужичекъ никогда отъ хлѣба-соли не отказывается; за то и самъ любить угостить друга и недруга. А на свадьбѣ какъ не попить! какъ не выпить за здоровье молодыхъ! Тысяцкій тотчасъ замѣтитъ, если кто станетъ отнѣкиваться. *«А што, не пьется? не вино ли стало горько?»* — *«Горько! горько!»* кричатъ подвеселившіеся гости. *«Ну, такъ надо подсластить»*, продолжаетъ тысяцкій,—и сказано—сдѣлано. Новобрачный, покраснѣвъ до ушей, встаетъ, и въ ту же минуту цѣлуетъ свою стыдливую подругу. Послѣ этого опять всѣ пьютъ, приговаривая: *«топерь сладко!»* Часто повторяется эта выходка. Житель сѣвера, на котораго не дѣйствуетъ ни буря, ни холодъ, никакая непогода,—короче, нашъ архангельскій богатырь, сколь ни крѣпко сложенъ, не можетъ устоять противу винной стихіи. Трезвый, онъ всегда чѣмъ-то озабоченъ, молчаливъ,—не скоро добьешься слова; но лишь только подгуляетъ порядкомъ, то дѣлается веселъ и разговорчивъ до упаду. Не даромъ сказано: *вино веселитъ сердце человека, вино развязываетъ языкъ*. Изъ этого можете себѣ представить, что и бесѣда пирующихъ, въ началѣ тихая, пріятная и веселая, впоследствии дѣлается шумною, смѣшною, даже несносною. Всѣ говорятъ, вѣвъ кричатъ, но слушать нечего, да и не кому.

Въ уздѣхъ Шенкурскомъ, подъ конецъ обѣда, свекровь подаетъ на столъ большой горшокъ каши, приготовленной изъ ячменной крупы на молоко. Какъ тучный трактирщикъ, горшокъ этотъ тихо двигается вдоль по столу, отъ одного десятка гостей къ другому,

(1) Братыня или ендова—большая мѣдная чаша съ носкомъ, обѣ стороны которой выжжены оловомъ. О праздникахъ, или на свадьбахъ, хозяинъ, наполнивъ братыню пивомъ, прежде откупиваетъ изъ нея самъ, а потомъ уже подаетъ ее первому гостю; первый гость, послѣ порядочнаго приѣма, передаетъ ее другому, другой третьему; такимъ образомъ она переходитъ изъ рукъ въ руки, и всѣ гости пьютъ какъ братья. То же дѣлаетъ и хозяйка съ гостынями.

(2) Новобрачные ничего не пьютъ и не ѣдятъ за обѣдомъ, а закусываютъ послѣ на подкѣтъ.

и такъ далѣе. Когда всѣ гости удовольствуются, тысяцкій беретъ горшокъ и бросаетъ его на печь; бѣдняжка ударяется объ стѣну и съ трескомъ разлетается въ дребезги.

Послѣ стола новобрачные отходятъ изъ подклѣтъ, т.-е. въ спальную комнату, куда сопровождаютъ ихъ всѣ, кто только въ состояніи подняться на ноги и тащиться въ-слѣдъ. Здѣсь, пока новобрачные подчюютъ гостей, священникъ, діаконъ и прочіе поютъ духовные гимны: богородичны, задостойники и тропари. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ обыкновенія приглашать священно-церковно-служителей, священный хоръ замѣняется большею частію пьяными бабами, а духовные гимны—непристойными, безнравственными пѣснями, о которыхъ неприлично упоминать здѣсь. Мушны и женщины, выпивъ отъ молодой четы по рюмкѣ вина и по стакану пива, раскланиваются и снова возвращаются къ прежнему пиршеству. Одна сватья остается при новобрачныхъ въ спальнѣ. Закусивъ кое-чего, юные супруги начинаютъ снимать праздничные наряды; сватья служить новобрачной; новобрачная въ свою очередь стыдливо преклоняется предъ своимъ супругомъ, и, въ знакъ покорности, снимаетъ съ ногъ его сапоги. Эта милая услужливость тутъ же награждается серебрянымъ рублемъ или полтинникомъ, выкатившимся изъ сапога, при разуваніи правой ноги. Тутъ сватья прощается съ ними, и вскорѣ по выходѣ уѣзжаетъ съ проводниками домой.

Въ поморскихъ уѣздахъ, послѣ разуванія сватья подводятъ новобрачную къ супругу и заставляютъ ее проситься въ товарищи. «Возьми меня въ товарищю» (называя супруга по имени и отчеству), кланяясь, едва слышнымъ голосомъ, говоритъ стыдливая красавица. «Радъ товарищю!» отвѣчаетъ супругъ, и принимаетъ ее на брачное ложе.... Тогда уже оставляетъ ихъ сватья.

Долго пируетъ шумная толпа празднующихъ. Наконецъ опьянные разъѣзжаются по домамъ; а совершенно опьянѣлые тутъ же засыпаютъ,—кто какъ и кто гдѣ можетъ.

На другое утро еще до свѣту поднимаются гости: головная боль докладываетъ имъ, что ее нужно прогнать тѣмъ же лекарствомъ, отъ котораго наканунѣ эта боль получила свое начало. *Клинь выбивается клиномъ.* Такъ и дѣлаютъ Заботливый хозяинъ съ братынею кипяченаго пива (1) и съ сулеею вина суетится около страдающихъ гостей; усердно онъ служитъ имъ и еще усерднѣе

(1) Чтобы пиво сильнѣе дѣйствовало на похмелье, мужики опускаютъ въ братню нѣсколько раскаленныхъ камушковъ, и пьютъ, коль скоро пиво закипитъ ключемъ.

своей буйной головою, тоже отуманенной от похмеля. — Чѣмъ свѣтъ къ молодымъ притѣзжаютъ дружки; за ними тысяцкій съ женою, за тысяцкимъ и прочіе свадебники. При поздравленіи молодыхъ съ добрымъ утромъ, деревенскіе доки-говоруны не упускаютъ вернуть словца два-три такихъ, отъ которыхъ новобрачная не рѣдко вспыхиваетъ живымъ румянцемъ и скромно опускаетъ свои глазки. Наконецъ является подвѣнчная сватья съ блинами. Молодые, подкрѣпивъ себя лакомыми гостинцами, начинаютъ наряжаться. Въ это время лукавая сватья непримѣтно растираетъ нѣсколько кусочковъ бѣлилъ и врасплохъ мажетъ ими сначала тысяцкаго, потомъ дружекъ, а послѣдніе прочихъ гостей. Такимъ образомъ шутка эта, сопровождаемая громкимъ хохотомъ, распространяется на всѣхъ. Каждый вновь прибывшій, едва успѣетъ поздороваться съ молодыми супругами, какъ невидимая рука чертитъ на лицѣ его разные іероглифы, то красною, то бѣлою красками. Странное обыкновение это существуетъ во всей Архангельской губерніи. Чтѣ оно значить? «*Не знаемъ*» — отвѣтить вамъ: «*вишь у насъ искони такъ водится; вѣдь-то такъ надо!*»

Спустя часъ или два, шутка эта прекращается; та же сватья кладетъ на столъ нѣсколько бумажекъ съ притираниями, и, кланяясь, проситъ: «*на бѣло умыться, хорошо снарядиться во бѣлыя бѣлины, во красныя румяны!*» Тогда гости и гостыни принимаются умывать свои замазанные лица, причесываются и наскоро оправляются. Въ полдень притѣзжаютъ родители новобрачной. ея родные и ближніе. Молодые супруги съ свѣтлымъ лицомъ, старше хозяева съ патриархальнымъ радушіемъ встрѣчаютъ новую родню.

Послѣ длинныхъ съ обѣихъ сторонъ поздравленій, всѣ садятся за столъ, и начинается обѣдъ. День этотъ проходитъ такъ же весело, какъ и первый. Гости разѣзжаются уже въ глубокую полночь.

На третій день молодые ходятъ въ баню, которую приготовляютъ для нихъ дружки. По выходѣ изъ бани, сватья разшиваетъ такъ-называемый *блиникъ*, вынимаетъ изъ столъ хлѣбъ и жареную птицу; къ этому обыкновению присоединяются штофъ водки и разные остатки отъ двухдневныхъ обѣдовъ.... Всѣ завтракаютъ. — А на обѣдѣ, или, какъ говорятъ въ уѣздѣ Архангельскомъ — *на блины*, въ Холмогорскомъ — *на гозьбу*, въ Шенкурскомъ — *на хлѣбины*, и по поморью — *на горячіе*, — вдутъ къ родителямъ невесты. Весь околodокъ сбѣгается посмотреть на молодыхъ, когда лошади остановятся у дома тестя и тещи. Родители съ распростертыми объятіями спѣшатъ на встрѣчу дочери и богоданнаго сына, супруга ея; хлопчутъ около свекра и свекрови; ласковы и внимательны къ каж-

дому изъ гостей. Послѣ жаркихъ привѣтствій всѣ заходятъ въ домъ и вскорѣ садятся за столъ. Обѣдъ также бываетъ праздничный. Хозяева стараются уподивать гостей, что называется, до самаго нельзя. Теща то и дѣло проситъ: *«подайтесь еще! (1) еще покушайте»*. Весело пируютъ старики, когда молодые супруги дышать радостію и удовольствіемъ. У тещи на такой великой радости ушки пляшутъ. «Дай-то имъ Господи совѣтъ да любовь», шепчетъ про себя старушка:—«вѣдь на этомъ, говорятъ, свѣтъ стоитъ!» Уже поздно вечеромъ молодые и гости уѣзжаютъ домой, чѣмъ и оканчиваются свадебныя пирушки.

Послѣ всего этого, какъ я сказалъ выше, въ уѣздѣ Шенкурскомъ, молодая хозяйка въ первыя шесть недѣль, какъ затворница, никуда не выходитъ; но въ прочихъ уѣздахъ Архангельской губерніи молодые супруги ѣздятъ по свадьбамъ, по гостямъ, а обѣ масленицы каждый день гуляютъ въ обозахъ и катаются на горахъ. Такъ проводятъ они время! Но скоро проходитъ медовый мѣсяцъ для счастливыхъ супруговъ. Наступаетъ великій постъ,—и бурлаки женатые и холостые отправляются цѣлыми толпами въ Петербургъ и въ другіе города, какъ говорится, *добывать денежку*. Молодые жены ихъ остаются дома подъ строгимъ надзоромъ свекра и свекрови—людей старыхъ, нерѣдко своенравныхъ и капризныхъ. Разлука эта надолго помрачаетъ свѣтлые дни молодыхъ супруговъ глубокою печалью. Много бываетъ выронено слезъ на прощаньи. Тяжело время одиночества; *скучно жить съ милымъ въ разлукѣ!* За то сколько бываетъ радостей, когда, послѣ осьми или девяти мѣсяцевъ, молодые мужья возвращаются домой въ добромъ здоровьи, съ порядочнымъ запасомъ денегъ и съ разными обновками для молодыхъ женъ своихъ! Впрочемъ это дѣло извѣстное; здѣсь нечего распространяться. Моя тема кончена. Что зналъ и вѣдалъ, то и высказалъ о свадебныхъ обыкновеніяхъ, которыя существуютъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ Архангельской губерніи. Пусть не взыщутъ съ меня, если чего я и не досказалъ. Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. Многимъ, быть можетъ, покажется рассказъ мой и скучнымъ и сухимъ,—но зато онъ вѣренъ, въ чемъ ссылаюсь на села: Вознесенское уѣзда Архангельскаго, Куростовское—Холмогорскаго и Устьяжское—Шенкурскаго, гдѣ собраны мною всѣ эти свѣдѣнія.

А. ЖАРАВОВЪ.

Архангельскъ. 11 апр. 1853 г.

(1) *Подайтесь, т.-е. прикушайте, попейте водки изъ стакана.*

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПѢСНИ

КРЕСТЬЯНЪ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИ.

I. ОБРЯДЫ.

Свадебные обряды крестьянъ состоятъ въ особаго рода церемоніяхъ.

Отецъ и мать жениха, навѣдавшись чрезъ нарочно посланнаго—свата, сходатая, или свахи о согласіи известнаго лица выдать дочь свою за ихъ сына, идутъ съ сыномъ своимъ—женихомъ въ домъ пареченной невесты съ хлѣбомъ-солью и виномъ; взойшедъ въ избу и помолившись Богу, кланяются хозяину со всеми домашними, желая здоровья. Хозяинъ дома, отвѣчая имъ тѣмъ же, спрашиваетъ ихъ: «что вамъ, добрые люди, надобно?» — «У васъ есть, мы слышали, — отвѣчаютъ отецъ и мать жениха, — товаръ, а у насъ на вашъ товаръ есть купецъ—добрый молодецъ». Хозяинъ дома отвѣчаетъ: «прошу покорно, добрые люди: намъ того и надобно. Хоша товаръ свой не продаемъ, но и такъ не отдаемъ, а можетъ, слово молвить, другъ другу полюбимся; прошу покорно, небывалые гости, добрые люди».

И небывалые гости усаживаются кругомъ стола: отецъ и мать жениха на коникъ въ переднемъ углу, женихъ на лавкѣ, и слѣдуетъ угощеніе. За тѣмъ со стороны жениха идетъ рѣчь объ уговорномъ, т.-е. приданомъ невесты. Уговорное состоятъ должно въ томъ, что отецъ и мать обязаны дать невестѣ шубу овчинную, зипунъ, сапоги и что придется по согласію денегъ. Во все это время дѣвицы-подруги поютъ величальныя пѣсни — величаютъ жениха, невесту и всѣхъ родныхъ. На слѣдующій день отецъ, мать и родные невесты идутъ въ домъ жениха для угощенія; это покрестьянски называется: смотреть колушки, т.-е. домъ и домашнее заведеніе жениха. Такъ бываетъ всегда, хотя бы невеста была не вдалекѣ отъ жениха. Въ это время назначаются дни для сговора и дѣвичника. На дѣвичникъ и сговоръ старые и молодые пьютъ, веселятся, а дѣвицы поютъ пѣсни. При томъ замѣтить надобно, что у здѣшнихъ крестьянъ во все время свадьбы не бываетъ никакихъ музыкальных орудій.

Въ назначенный день для свадьбы женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невесты съ особенно-устроеною для нея повозкою; съ нимъ дружка

въ одной и той же повозкѣ, впереди его поѣздъ, т.-е. поѣзжане — товарищи жениха, — это передовой отрядъ молодаго князя жениха со княжною невестою. Лѣтомъ всѣ они въ красныхъ рубашкахъ, осенью — кафтаныхъ, зимою — шубахъ новыхъ, въ шляпахъ, перевязанныхъ красными лентами; лошади подъ ними съ погремущками; гривы и хвосты лошадей перевязаны въ пучки красными лентами. Должность этого передоваго отряда — сопровождать молодаго князя со княгинею отъ дома жениха до дома невесты, отъ дома невесты до церкви; а оттуда до дома жениха. Чѣмъ женихъ богаче, тѣмъ и поѣздъ его пышнѣе, шумнѣе. Въ этотъ послѣдній разъ, когда женихъ прѣзжаетъ съ поѣздомъ въ домъ невесты, она сидитъ за столомъ на лавкѣ, наклонившись головою на хлѣбъ, лежащій на столѣ; подъ нею овсянный снопъ, накрытый овчиною навыворотъ шубою; подлѣ нея сваха. Женихъ, взошедъ въ избу, помолвившись Богу, кланяется на обѣ стороны, потомъ подходитъ къ невестѣ, беретъ ее за голову, поднимаетъ голову, цѣлуется съ нею три раза и садится съ боку ея; за нимъ садится за столъ весь поѣздъ, и слѣдуетъ угошеніе отъ невесты. Послѣ того весь поѣздъ сопровождаетъ, какъ и до дома невесты и въ томъ же порядкѣ, жениха и невесту до церкви. Невѣста ѣдетъ въ особенной повозкѣ со свахою; послѣ поезда впереди, женихъ вслѣдъ за нею, съ нимъ дружка. Когда поездъ съ невестою и женихомъ прѣдетъ къ церкви, то дружка, высадивши молодыхъ и взявши ихъ за правыя руки, вводитъ въ церковь. Въ это время у жениха на правой рукѣ длинное до земли полотенце, у невесты красный платокъ, на головѣ у ней бѣлое кисейное полотенце, закрывающее все лице. Въ такомъ нарядѣ невеста бываетъ во все время совершенія брака. По окончаніи вѣнчанія невеста убирается въ обычный молодымъ женщинамъ головной нарядъ. Во время убранства молодой князь стоитъ подлѣ молодой княгини; послѣ сего молодые слушаютъ молебень. Послѣ того поѣздъ съ молодыми отъ церкви слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ до дома жениха.

Когда молодые въѣзжаютъ на дворъ, дружка обсыпаетъ ихъ, въ знакъ будущаго благополучія и довольства, овсомъ, а отецъ и мать молодаго ожидаютъ молодыхъ въ дверяхъ дома: отецъ держитъ образъ, мать хлѣбъ-соль. Молодые, помолвившись три раза въ землю предъ образомъ, цѣлуютъ образъ, мать и отца, входятъ въ домъ и усаживаются за столомъ на вывороченной шубѣ. Вслѣдъ за этимъ начинается поздравленіе хозяина дома съ молодыми и обѣдъ. На слѣдующій день бываетъ въ домѣ жениха обѣдъ, называемый княжой. Послѣ княжаго обѣда молодая даритъ свою новую родню: кого рубахою, кого наручникомъ, кого ширинкою. Дружка, поднося

при этомъ кому слѣдуетъ отъ имени молодыхъ вино, приговариваетъ: «Молодой князь со княгиней даруетъ даромъ, да не даромъ: имъ на мѣстѣ на новѣ много надобно: на шилица, на мылица, на бутылица, на тенцы, веретенцы.»

Весь этотъ обрядъ называется покрестьянски поцѣловки, потому что каждый, принимая отъ молодой подносимый даръ и отдавая за оный, цѣлуетъ молодаго и молодую.

На слѣдующій день послѣ обѣда княжаго происходитъ пиршество въ домѣ отца молодой. Это называется отводами, и тѣмъ оканчиваются всѣ свадебные обряды.

II. ПѢСНИ.

1. Послѣ сговора.

I.

Скуковалася кукушечка за селомъ;
И восплакалася (имя невесты) за столомъ:
Не милостивъ осударь мой батюшка до мене,
Отдаетъ мене молоденьку отъ себе.
Остаются мои цвѣтики у батюшки,
Остаются алые у родимаго,
Осударь ты мой, батюшка родимой!
Вставай же ты равенько,
Поливай мои цвѣты алые частенько—
Утренними, вечерними зарями,
А ты, моя матушка, слезами.

2.

Кукушечка рябая,
Что летишь—не кукуешь,
По волѣ не тужишь,—
По теплomu лѣту,
По зеленому лѣсу?
Ты (такая-то) что сидишь—не плачешь,
По волѣ не тужишь,—
По волѣ по батюшкиной,
По нѣгѣ по матушкиной?
Все тебѣ минется:
И батюшкина волька,
И матушкина нѣжка!

3.

Гой ты, мой гоголочикъ,
 Бываль ли ты на моръ,
 Видалъ ли тамъ гоголку?
 Ну мнѣ на моръ не бывать,
 Какъ гоголку тамъ не видать?
 Она изъ луга въ лугъ перелетала,
 Шелковая травка зашумѣла,
 Золотая головушка прояснѣлась.
 Кудрявый, щеглеватый (имя жениха)
 Бываль ли ты (имя жениха) во тестя,
 Бываль ли ты (имя жениха) во тещи,
 Видалъ ли ты (такую-то—имя невесты)?
 Какъ мнѣ во тестя не бывать,
 Какъ мнѣ (имя невесты) не видать?
 Она съ терема во стѣни переходила,
 Свое цвѣтное платье переносила;
 Золотая цѣпочка прозвѣтѣла,
 На головушкѣ платочекъ прояснѣлся!

4.

Промежъ горъ по каменьямъ
 Винный ручей течетъ,
 По этому ручеечку
 Дивный гоголь плыветъ
 И съ дивною гоголкою.
 И къ этому ручеечку
 Съѣзжались бояре,
 Дивовалися гоголочку
 И дивной гоголушкѣ.
 Князья и бояре,
 Чему вы дивитесь?
 Поглядите въ поле—
 Дивнѣй того вѣдетъ:
 Дивный гоголочикъ—что (имя жениха),
 Дивная гоголушка—что (имя невесты).

2) Когда отправляются на дѣвичникъ:

Давно гостей ждали,
 Давно поджидали!

Кунами дворъ устилали,
Лисицами крыли,
Бобрами опушали.

3) На дѣвичникѣ.

1.

Растопилася банюшка,
Разгорѣлася каменка,
Разсыпался бѣлъ ясемень жемчугъ
По атласу, по бархату,
По серебрянному блюдецку.
Погляди-ка (няя невѣсты),
По твоимъ подруженькамъ:
У твоихъ подруженекъ
Головушки гладкія,
Косы русыя дробныя,
Въ косахъ ленты алыя,
А къ твоей головушкѣ
Бѣлъ снѣжекъ припадаетъ,
Косу русую съдастъ.

2.

Перепелка, перепелка молодая,
Куда ты летала?
Ой люли (2), я летала (2),
Я летала, я летала
Во зеленый садъ, виноградъ,
Ой люли (2), виноградъ (2),
Обивала, обивала
Золотыя крыльца-корыльцы,
Ой люли (2), корыльцы (2).
Что не ластка (2) прилетала
Она вѣстку (2) приносила,
Ой люли (2), приносила (2),
Она вѣстку, она вѣстку,
Она вѣсточку (2) слезовую,
Ой люли (2), слезовую (2),
Марьюшка по снѣношкамъ,
По снѣношкамъ ходила,
Ой люли (2) ходила (2);
Она батюшку будила:

Встань, батюшка (2), проснися,
 Ой люли (2), проснися (2),
 Встань, родименькой,
 Встань, родименькой, проснися,
 Ой люли (2), проснися (2),
 Что не годъ мнѣ (2)
 У тебя годовати,
 Ой люли (2), годовати (2),
 Не недвѣлку (2)
 Ночевати,
 Ой люли (2), ночевати (2),
 Одну ночку (2)
 Ночевати,
 Ой люли (2), ночевати (2),
 И таё мнѣ (2)
 Въ слезахъ не видати,
 Ой люли (2), не видати (2);
 Мнѣ (такому-то—ими жениха)
 Коверъ вышивати, лошадей одѣвати,
 Ой люли (2), одѣвати (2).

4) Когда женихъ подъѣзжаетъ съ поѣздомъ ко двору невесты
и она сидитъ за столомъ:

1.

Садилася галушка
 Высоко на ракиту;
 Хотѣла галушка
 Ракиту сломать;
 Сломить не сломила,
 Только наклонила.
 Садилася невеста
 Высоко подъ свѣтые;
 Хотѣла батюшку развеселить;
 Но не развеселила,
 А—разслезила.

2.

Заря-ль моя красная зорюшка (имя невесты),
 Зарею городъ обошла,
 Вдарила тучею въ ворота,
 Пустила силенъ дождь по двору,

Сама подплыла утицею,
 А свла за столomъ соколомъ,
 Махнула рукавомъ на теремъ.
 Вы раздайтесь, бояре,
 Разступитесь, господа!
 Чемъ меня батюшка жалуетъ:
 Не большимъ даромъ — теремомъ;
 А матушка — вѣковымъ даромъ женихомъ (имя его).

3.

На дворъ дождь, дождь силенъ поливаетъ,
 Ой люли, поливаетъ.
 Больши того буря хоромы ломаетъ,
 Ой люли, ломаетъ.
 Потому по дождичку (имя невесты) гуляетъ,
 Ой люли, гуляетъ.
 Она ходитъ, горюетъ,
 Ой люли, горюетъ:
 Куда же отъ дождичка мнѣ съ горя дѣваться,
 Ой люли, дѣваться?
 И отъ буйнаго вѣтра,
 Ой люли, отъ буйнаго вѣтра?
 И я кинуся, брошуся къ батюшкѣ на сѣни,
 Ой люли, на сѣни,
 И къ матушкѣ во теремъ,
 Ой люли, во теремъ.
 А тамъ-то мнѣ не мѣсто, не помѣстье,
 Ой люли, не помѣстье.
 Хлѣба-соли много, привѣта нѣту,
 Ой люли, нѣту.
 И я кинуся, брошуся къ жениху на колѣни,
 Ой люли, на колѣни;
 Тамъ-то мнѣ мѣсто, тамъ-то мнѣ помѣстье,
 Ой люли, помѣстье,
 Хлѣба-соли мало, привѣту мнѣ много,..
 Ой люли, много,
 Отъ свекора и свекрови,
 Ой люли, свекрови!

5) Когда женихъ подъѣзжаетъ къ невестининому дому съ пѣздомъ.

1.

Подплывали лебеди
 Подъ крутые берега;

Подъѣзжалъ (имя жениха)
 Подъ тестевъ дворъ, подъ село,
 Подъ тещины подъ новы сѣни,
 Подъ невѣстинъ высокъ теремъ.
 Посмотри (имя невѣсты):
 Чтѣ это за дымы задымилися?
 Это дымы NN } (имя жениха).
 Это полки NN }
 Какъ восплакалась (имя невѣсты):
 Осударь ты мой батюшка,
 Осударыня ты моя матушка,
 И братцы мои родиные,
 Попечальтесь обо мнѣ!
 Замечите дубьемъ поле,
 Застружите стругомъ рѣку,
 Защитите щитомъ ворота;
 Не пускайте войны на дворъ,
 Не отдавайте меня въ полонъ.
 Сестрица наша (имя невѣсты),
 Знать, не замечать дубьемъ поле
 И не застружить стругомъ рѣку,
 Не защититъ щитомъ ворота.
 Знать, быть войнѣ на дворъ,
 Знать, быть тебѣ въ полонъ
 У свекора на дворъ,
 У свекрови въ теремъ,
 У жениха на рукѣ.

2.

Приступили, приступили бояре къ воротамъ,
 Растворили, растворили ворота на пяты,
 Положили, положили сѣны каменные,
 Разложили съ переходомъ.
 Выломали, вытоптали весь зеленый садъ,
 Выпужали, выстращали соловья въ саду.
 Какъ востужится, восплачется (имя невѣсты):
 Свѣтъ вы, мои сѣни, сѣни новыя,
 Сѣни новыя (2) съ переходами,
 Жалко мнѣ (2) батюшкинъ садъ,
 Жалтъѣ того (2) соловья въ саду,
 Онъ-то меня (2) рано пробуждаѣ.

Н (имя жениха) говорить сударь Н (отчество его);
Не плачь не тужи (имя невесты),
Поживемъ, наживемъ стни новыя,
Наживемъ (2) съ переходами,
Наживемъ (2) свой зеленый садъ.
И я-то у тебя, какъ соловей въ саду,
Повсегда тебя буду рано будить:
Вставай рано (2) поутру:
Люди прядуть, лишь початки гудуть,
А тебя на нихъ лишь завидки берутъ.

6) *Когда съѣзжаются со двора съ невестою къ вѣнцу.*

Жарко каменю самоцвѣтному
Въ горахъ лежать противъ солнушка,
Грубно животу матернему:
Милое чадо изъ-за стола ведутъ,
Шитое, браное все за нею несутъ,
Кованы сундуки черезъ руки даютъ,
И милое чадо изъ за-столя ведутъ.
Невѣста сидючи осердилась,
Двинула ключи вдоль по столу:
Примите ключи батюшкины,
Я теперь у батюшки не ключница;
Буду ключница у свекора у батюшки,
У свекрови у матушки.
А радостно животу свекровьному:
Милое чадо на подворье везуть,
Шитое, браное все за нею несутъ,
Кованы сундуки черезъ руки подаютъ.

7) *Когда отъ вѣнчанія подъѣзжаютъ къ дому жениха.*

Встрѣвай, мати, сына;
'Твой сынъ соколъ ѣдетъ
Перемѣнушку везетъ:
Перемѣну молодую,
Перемѣнныя ручки,
Въ полъ работницу
Въ домъ куковницу.
Дѣтүшки, батюшки,
Работайте, не гуляйте.

8) Когда молодые слезать съ повозки.

Сказали милымъ-милешенькѣ,
 Ахъ (имя невесты) великимъ-великопенькѣ.
 Она по двору прошла—
 Весь дворъ осветила,
 На сѣни ступила—
 Всѣ сѣни поломила.

Н. Г. Ъ.

Новосиль, Тул. губ.
 1852 года, августа 25.

ЛЕТОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Закладъ. — Предчувствіе В. А. Каратыгина. — Кто занялъ роли В. Самойловой? — Дебютанты и гости. — Г. Лескій съ дочерью. — Максимовъ. — Щепкинъ. — Г-жи Шубертъ, Гольцъ. — Бенефисы «Кораблекрушители». — Драма не драма, комедія не комедія. — Литературные похитители. — Появленіе г. Яковлева въ роли Гюго Бидермана. — День памяти покойнаго трагика. — Отъездъ русскихъ артистовъ за границу.

На похоронахъ старѣйшины русскихъ артистовъ, Я. Г. Брянскаго, къ не менѣе старой Еленѣ Ивановнѣ Гусевой подошелъ актеръ И. И. С.

«Ну, Елена Ивановна, теперь видно наша очередь!»

— Врешь ты, любезный, можетъ быть, твоя очередь, а не моя еще! отвѣчала г-жа Гусева.

— А не хочешь ли загадать?

«Давай.»

Завязываютъ узелъ на кончикѣ платка, складываютъ этотъ узелъ съ другимъ концомъ, и вотъ два одинаковые кончика высулись изъ сжатой руки И. И. С. — Онъ дернулъ за кончикъ, за другой дернула Елена Ивановна — и узелокъ очутился у ней.

Черезъ недѣлю — она играла роль няни въ извѣстной «Русской свадьбѣ», почувствовала вдругъ дурноту и упала. Ее подняли, посадили въ кресло.... Но уже было всекончено. Она сказала только: «простите, друзья, умираю», и — артистки не стало.

На впечатлительную натуру нашего знаменитаго трагика, В. А. Каратыгина, глубоко подѣйствовала внезапная кончина Гусевой. Густыя толпы народа провожали тѣло любимаго, высокопочитаемаго ими артиста, изъ Благовѣщенской церкви на Смоленское кладбище. Не богатая колесница поддерживала гробъ покойнаго

артиста, не шестерка траурных лошадей тащила колесницу.... а несли его, и донесли до могилы руки почитателей таланта усопшаго.... руки, некогда так громко, въ пылу восторга, приветствовавшія появленіе на сценѣ талантливаго трагика.

Но мои позднія сожалѣнія и сътованія о недавнихъ утратахъ петербургскаго театра не прибавятъ ничего къ памяти усопшихъ. И такъ, оставимъ ихъ поживать въ мирѣ; а сами воротимся къ живымъ.

Новый 1853—54 театральный годъ открылся 19 апрѣля представлѣніемъ «Браслета», комедіи барона Э. Корфа, гдѣ вмѣсто г-жи Самойловой явилась г-жа Жулева. Не думайте, чтобъ я сталъ сравнивать между собой двухъ равно талантливыхъ и любимыхъ артистокъ; роль молодой жены въ «Браслетѣ» такъ незначительна, что исполненіе ея не требуетъ ни большаго старанія, ни большаго таланта. Подождемъ появленія г-жи Жулевой въ роли Самойловой 2-й, болѣе трудной, но напередъ увѣрены, что г. Жулева не уронитъ себя, чему доказательствомъ служатъ съ успѣхомъ выполненныя ею роли Агнесы въ «Жизни игрока», Офеліи въ «Гамлетѣ» и друг. Соперницей г-жи Жулевой является г-жа Читау, получившая извѣстность по своей роли въ комедіи «Не въ свои сани не садись». Она играла вмѣсто В. Самойловой, въ «Русской свадьбѣ», и имѣла успѣхъ. Впрочемъ, роль невесты такая не значительная и плачущая, что дарованіе артистки совершенно пропадаетъ незамѣченнымъ. Кромѣ Жулевой и Читау, въ роляхъ Самойловой появились г-жа Голцъ (объ ней мы скажемъ ниже) и г-жа Н. Самойлова 2-я въ роли Офеліи (впрочемъ, только въ отрывкѣ изъ Гамлета).

За «Браслетомъ» слѣдовалъ «Харьковскій женихъ»; въ немъ играли роли г-жа Ленская и г. М. Максимовъ.—Первая уже гостить у насъ вѣсяща четыре. Первый дебютъ ея былъ въ роли Маріи въ драмѣ «Материнское благословеніе». Дебютъ вышелъ полуудачный; роль Маріи—не ея ампуа, но въ этой роли—она была неизмѣримо выше виленской актрисы, г-жи Котовской, которая, не смотря на похвалы, разсыпанныя ей г. Э. Б., въ роли Маріи была.... но изъ приличія я умолчу объ этомъ.—Г. Максимовъ, молодой провинціальный актеръ на роли молодыхъ повѣсь—актеръ не безъ дарованія, привычный къ сценѣ, развязный, — не съ сильнымъ, но съ приятнымъ голосомъ. — Г-жа Ленская и г. Максимовъ имѣютъ большое сходство по своей игрѣ: оба они молоды, ловки на сценѣ,

и оба симпатизируютъ своимъ ролямъ. Въ «Харьковскомъ женихѣ» оба они имѣли успѣхъ и были вызваны нѣсколько разъ.

Шестаго мая появился г. Ленскій въ роли Хлестакова въ «Ревизорѣ»; 21-го—Щепкинъ въ «Матростѣ». Последний, по прежнему, былъ радушно принятъ, но, вѣроятно, торопясь къ отъѣзду за границу—онъ появился на сценѣ только 4 раза: въ «Матростѣ», въ «Москаль-Чаривникѣ» и въ «Скупомъ рыцарѣ» 2 раза.

Заговоривъ объ артистахъ прїѣзжихъ, скажемъ нѣсколько словъ еще о двухъ артисткахъ: г-жѣ Гольцъ и Шубертъ. Первая—дебютировала въ роли княгини въ «Странной ночи». Читаетъ она прекрасно, но вслѣдствіе своей молодости и непривычки къ сценѣ, ей чего-то не достаетъ. Со временемъ она обвѣщаетъ сдѣлаться актрисою замѣчательною. Г-жа Шубертъ (урожд. Куликова), сестра г-жи Орловой, также актриса старательная и съ талантомъ. Къ сожалѣнію, голосъ ея чрезвычайно слабъ. — Вотъ вамъ отчетъ о дебютантахъ и гостяхъ; перехожу теперь къ бенефисамъ и къ новымъ пьесамъ.

Бенефисовъ было четыре. Начнемъ по порядку: бенефисъ Петрова (артиста русской оперной труппы) замѣчателенъ по успѣшному дебюту г-жи Леоновой въ роли Вани въ «Жизни за Царя». Г-жа Леонова, сдѣлавшаяся любимицею русской публики за пѣніе русскихъ пѣсень въ дивертисментахъ и въ «Русской свадьбѣ», до сихъ поръ не появлялась ни въ одной изъ серьезныхъ ролей. Первый дебютъ ея оправдалъ надежды и ожиданія любителей русской оперы.

Бенефисъ режиссера Краюшкина,—возобновившаго въ свой бенефисъ четыре старыхъ пьесы, между ними и «Страшныхъ Керугальскихъ рыбаковъ-кораблекрушителей», вѣроятно, забывъ, что эти рыбки сами ужъ давно потерпѣли крушеніе.

Другой режиссеръ г. Алекинъ далъ въ свой бенефисъ двѣ новыя пьесы: Драму — нѣсколько не похожую на драму, «Любовь артиста», гдѣ играть роль опіумъ. Въ Москвѣ эта мнимая драма была уже играна, только не знаю, имѣла-ли успѣхъ. — «Любовь» написана авторомъ «Лекаря», покойнымъ Вонлярярскимъ, что и заставляетъ удивляться крайней пошлости этой драмы. — За драмой шла комедія, также не похожая на комедію, — «Долгъ красенъ платежемъ», въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. К—ва. Вѣроятно, авторъ, не имѣя охоты написать куплеты для своей пьесы, чтобъ сдѣлать ее настоящимъ водевилемъ, далъ ей названіе комедіи. — Увольняю себя отъ разсказа содержанія этой комедіи, — скажу только одно, что, будъ

эта пьеса покороче, съ хорошо-написанными куплетами, она имѣла-бы успѣхъ. Въ настоящемъ видѣ — она «ни пава, ни ворона», и въ репертуаръ не останется.

Последній бенефисъ въ маѣ былъ г. Славина. Въ немъ данъ былъ отрывокъ изъ траги-комедіи Ченстона, «Скупой рыцарь», не въ переводѣ, а въ сочиненіи Пушкина. Скупого рыцаря игралъ Щепкинъ. Въ прошломъ году эту роль занималъ В. А. Каратыгинъ. Въ игрѣ Щепкина больше правды.

Въ 1851 или 52 году Леонъ Гозланъ написалъ пьесу «*Dieu merci le couvert est mis*», съ оговоркою, что сюжетъ этой пьесы заимствованъ съ русскаго. Мы, не найдя въ русскомъ репертуарѣ пьесы содержаніемъ похожей на пьесу Л. Гозлана, посмѣялись надъ французскимъ писателемъ, тѣмъ дѣло и кончилось. — Вдругъ является та же пьеса (съ другою обстановкою), но уже сочиненіе нѣмецкаго драматурга Бенедига, — я говорю про «Упрямство и настойчивость». Одинъ русскій фельетонистъ ухватился за представившійся ему случай уколоть Французовъ, и прямо объявилъ, что Леонъ Гозланъ похитилъ свой сюжетъ у нѣмецкаго писателя. Но мнѣ кажется, что Леонъ Гозланъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, и скорѣй Бенедигъ воспользовался его пьесою, чему доказательствомъ служить и то, что въ русской литературѣ точно существуетъ рассказъ «Доля казака» Луганскаго, содержаніемъ своимъ совершенно схожій съ пьесами Гозлана и Бенедига, слѣдовательно Гозланъ нисколько не лгалъ и не хвасталъ, объявивъ, что сюжетъ его комедіи взятъ съ русскаго. — Что объявилъ г. Бенедигъ при изданіи или при постановкѣ на сцену своей комедіи — намъ неизвѣстно. Незвѣстно также и время появленія комедіи г. Бенедига, а это рѣшило-бы споръ скорѣй и вѣрнѣй (*).

Въ перечисленіи дебютаптовъ мы забыли упомянуть о дебютѣ г. Яковлева въ роли Гюго Бидермана, въ драмѣ Полеваго «Смерть или честь». По этому дебюту вы можете заключить, что г. Яковлевъ готовится занять роли трагика. — По первому дебюту судить объ актерѣ трудно: къ первому дебюту актеръ приготавливается чуть-ли не за годъ; совѣты опытныхъ товарищей, желаніе не ударить въ грязь лицомъ, все это дѣлаетъ первый дебютъ всякаго актера довольно удачнымъ. Одна бездарность измѣняетъ этому правилу. — Дебютъ г. Яковлева былъ не только удаченъ, но блестящъ. — Его наградили рукоплесканіями, и, какъ мы замѣтили, онъ артистъ не

(*) Въ июлѣ 1847 г. одобрена къ представленію комедія Бенедикса (а не Бенедига), подъ заглавіемъ: «*Eigensinn*».

безталантливый,—и при стараніи пойдетъ далеко. Ктому же онъ еще молодъ, не привыкъ къ сценѣ (два года на провинціальной сценѣ едва ли большой срокъ образованія трагика). Желаемъ ему отъ души успѣха; со смертію г. Каратыгина и съ утратою г-жи Самойловой—русская драма осиротѣла.

21 мая данъ былъ спектакль въ память покойнаго трагика. Сборъ съ этого спектакля пожертвованъ г-жею Каратыгиною въ пользу бѣдныхъ. Не смотря на теплый, свѣтлый вечеръ, публики собралось много. Стихотворенію г. Бенедиктова «Его не стало!» прочитанному г. Максимовымъ, рукоплескали съ одушевленіемъ, какъ во время оно, при появленіи любимаго трагика на сценѣ любимаго имъ театра.

Черезъ пять дней мы простились въ «Лекаръ» съ г. В. Самойловымъ, отъѣзжающимъ, на время, за границу. Счастливаго пути русскимъ артистамъ Щепкину и Самойлову; дай Богъ, чтобъ они запаслись здоровьемъ въ чужихъ краяхъ и возвратились къ намъ счастливыми и довольными.

з въ.

О ДВУХЪ НЕИЗСЛАДОВАННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ДРЕВНОСТИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. Сибирскія древности важны для ученаго свѣта почти столько же, какъ древности Рима и Греціи. Это единственные памятники, свидѣтельствующіе о существованіи въ сей странѣ народовъ, исчезнувшихъ съ лица земли безъ всякихъ историческихъ объ нихъ воспоминаній. Древности эти въ нѣкоторомъ отношеніи подобны тамошнимъ рудникамъ: чѣмъ болѣе въ нихъ углубляемся, тѣмъ большія открываемъ сокровища. Памятникъ временъ Чингисъ-Хана, недавно объясненный г. Шмидтомъ, можетъ служить тому доказательствомъ.

Этотъ-то послѣдній памятникъ заставляетъ обратить особенное вниманіе и на слѣдующія древности, находящіяся въ соседственномъ краю съ тѣмъ, гдѣ оный былъ открытъ.

Первыя изъ этихъ древностей существуютъ при рѣчкѣ Иркутъ, въ 25 верстахъ отъ Тункинской крѣпости, и состоятъ изъ остатковъ стѣнъ и насыпей отъ нѣкоторыхъ зданій, называемыхъ Бурятами *Монголь-Шибетъ*, т.-е. монгольская крѣпость. Остатки главной стѣны во время осмотра ихъ имѣли еще вышины до 3 и толщины до 1½ аршинъ, образуя полукружіе до 50 сажень въ поперечникъ, коего концы примыкались къ горѣ, подобно прочимъ стѣнамъ, тутъ же одна къ другой весьма близко расположеннымъ. Близъ стѣнъ

видны были также двѣ печныя трубы и обвалившійся сводъ. Вероятно, въ насыпяхъ сохраняются какіе-нибудь предметы, любопытные и могущіе служить къ нѣкоторому поясненію самыхъ развалинъ.

Второй памятникъ древности составляютъ находящіеся на утесистомъ лѣвомъ берегу рѣки Теси, близъ Барлуцкой слободы и въ одной верстѣ отъ деревни Скорописной, изображенія многихъ людей въ монгольской одеждѣ, стоящихъ рядомъ, также лошадей и рогатаго скота. Всѣ оныя начертаны краскою, похожею на желѣзную охру. Памятники сего рода открыты и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Многіе образцы ихъ сообщены въ Сибирскомъ Вѣстникѣ. Можетъ быть, эти грубыя изображенія видимыхъ предметовъ произведены были съ тою же цѣлю, какую приписываетъ имъ Лагонтанъ у канадскихъ дикарей. Въ такомъ случаѣ, какую драгоценность составили бы оныя для исторіи!

На томъ же берегу Теси находились и надписи, частію уже, отмытыя водою и частію сами по себѣ обвалившіяся. Отъ существованія ихъ, вѣроятно, утесъ сей и близъ онаго лежащая деревня получили названіе *Скорописныхъ*. **СПАСКІЙ.**

СТАРОМАНЫЧСКІЯ И ГРУЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ГРЯЗИ ВЪ ЗЕМЛѢ ВОЙСКА ДОНСКАГО. Въ землѣ Войска Донскаго, въ первомъ Донскомъ округѣ, въ Задонской его сторонѣ, находятся, какъ извѣстно, соляныя озера: Староманычское, Грузское и много другихъ, на которыхъ садится соль. Озера эти съ нѣкотораго времени получили еще новое важное значеніе: ихъ начали употреблять для пользованія больныхъ, одержимыхъ различными застарѣлыми и не уступающими фармацевтическимъ средствамъ болѣзнями, и результатъ леченія, въ теченіе трехъ курсовъ, превзошелъ всѣ наши ожиданія. Одинъ курсъ леченія, въ 1850 году, производился на Староманычскомъ, а два послѣднихъ—на Грузскомъ озерѣ. Для пользованія больныхъ употребляется грязь и соленая сгущенная озерная вода, подъ названіемъ ропы. Онѣ оказались весьма полезными: въ застарѣлыхъ ревматизмахъ и ломотѣ, въ золотухѣ—въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ, въ сведеніи членовъ, и проч. и проч.

Отъ многихъ изъ болѣзней больные или получали облегченіе, или совершенно выздоравливали въ самое короткое время, будучи до того лечимы всевозможными фармацевтическими средствами, безъ всякой пользы.

Курсъ пользованія начинается съ 20 іюня и продолжается до послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца. Чѣмъ жарче, суше и постояннѣе стоитъ погода, тѣмъ успѣхи леченія благопріятнѣе.

Заведеніе для пользованія устраивается при *Грузскомъ озерѣ*, которое находится на юго-востокъ въ 250 верстахъ отъ г. Новочеркасска, въ степяхъ Манычскихъ, получившихъ это названіе отъ рѣки Маныча, въ которой вода тоже соленая.

Разными путями можно достигнуть отъ г. Новочеркасска до Грузскаго озера, но самая лучшая дорога на Аксайскую станицу, по такъ называемому соляному тракту, — ровная, укатанная, продолженная вѣзъ помѣщичьихъ зимовниковъ, въ которыхъ можно имѣть удобные ночлеги. По сіе время не было другого средства достигнуть Грузскаго озера, какъ только на своихъ лошадяхъ, или на наемныхъ, — такъ называемыхъ *долгихъ*; однакожъ мѣстное начальство намѣрено предпринять мѣры для облегченія сообщеній на будущее время. Самое озеро, хотя лежитъ въ странѣ дикой, не заселенной, но во время курсовъ леченія мѣсто это оживляется прибывающимъ народомъ для ломки и набиранія соли и разнаго званія солено-промышленниками; впрочемъ окрестность его не лишена пріятныхъ видовъ. Небольшая возвышенность (*), на пространствѣ одной версты, усянная растительностію, свойственною южному краю, отдѣляетъ отъ него другое очаровательное озеро, подъ названіемъ Гудило (**), образовавшееся въ плоскомъ бассейнѣ, на самомъ теченіи рѣки Маныча; ширина его отъ 5—9, а длина болѣе 30 верстъ; берега его съ сѣверной стороны вышиною до 20 сажень, утесистые, наподобіе морскихъ; грунтъ ихъ глинистый, рыхлый, пронизанный соляными жилами. Видъ на озеро съ этой стороны превосходный: зоркій глазъ можетъ видѣть противоположный берегъ, составляющій границу Ставропольской губерніи; заглядѣвши на это озеро, забываешь о *Манычскихъ* степяхъ, а переносишься мыслію къ Азовскому морю, съ которымъ оно сходствуетъ. Упомянутая возвышенность, раздѣляющая Грузское озеро отъ озера Гудила, и живописный берегъ сего послѣдняго были любимымъ мѣстомъ прогулокъ посѣтителей.

(*) Вообще въ этомъ краѣ ощущается недостатокъ прѣсной воды, и въ окрестности соляныхъ озеръ скудная растительность; но на этой возвышенности, особенно въ дождливое лѣто, открывается много мочевины и родниковъ съ прѣсною водою.

(**) Гудиломъ оно названо потому, что во время вѣтра покрывается волнами и шумитъ, наподобіе моря.

При самомъ Грузскомъ озерѣ разводится садъ для гулянья, и получено Высочайшее разрѣшеніе на постройку церкви. Многіе изъ посѣтителей, въ благодарность за избавленіе отъ болѣзней, которыя считались неизлечимыми, сдѣлали пожертвованія, и въ нынѣшнее лѣто имѣеть начаться постройка храма.

Между тѣмъ, по распоряженію начальства, устроено уже довольно значительное количество нумеровъ (сухихъ и опрятныхъ домиковъ) для помѣщенія посѣтителей, и приняты мѣры для заготовленія нужнаго для нихъ продовольствія; не забыто тоже о фуражѣ для лошадей и о прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ при пользованіи,—такъ что въ прошлыхъ курсахъ, больные, имѣя все необходимое, проводили время весело и весьма остались довольны леченіемъ.

Ежегодно на курсъ командировается туда опытный по этой части и весьма рачительный врачъ.

Химическій анализъ минеральныхъ грязей и соленой озерной воды, т.-е. ропы, въ которыхъ производится купанье, сдѣланъ профессоромъ Харьковскаго университета, статскимъ совѣтникомъ Гордѣнко.

По свойству составныхъ частей упомянутыхъ минеральныхъ грязей и соляной озерной воды, можно судить о пользѣ, какую принесутъ онѣ въ застарѣлыхъ и не уступающихъ фармацевтическимъ средствамъ болѣзняхъ, — что и подтвердилось уже на самомъ дѣлѣ во время прошлыхъ курсовъ. Г. профессоръ Гордѣнко, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 8 марта 1852 года, выражается слѣдующимъ образомъ: «Воды ваши совершенно могутъ замѣнить Славянскія соляныя озера для купанья. Грязь столько же будетъ полезна, какъ и Сакскія грязи въ Крыму».

Въ теченіе курса назначалось большею частію 12—14—16 грязныхъ ваннъ, которыхъ температура доходила до +40° Реомюра. Послѣ же, для уменьшенія излишняго раздраженія кожи и большой ея чувствительности, назначались ропныя ванны,—сперва изъ подогрѣтой воды, постепенно понижаемой въ температурѣ до натуральной озерной, которой назначеніе у насъ совершенно тождественно съ морской водою въ Крыму, по окончаніи курса въ Сакскомъ озерѣ; и успѣхъ леченія, какъ уже сказано выше, такъ былъ превосходенъ, что прибывшіе на озеро на двухъ костыляхъ часто подъ конецъ курса прохаживались съ помощію одной палки, въ теченіе же зимы избавлялись окончательно отъ болѣзни, а весною какъ бы совершенно перерождались и не имѣли уже никакой надобности въ механической подпорѣ. Особенно отличное и скорое ихъ дѣйствіе было

на больныхъ золотушныхъ: не было ни одного почти примѣра изъ этого рода болѣзней, который бы не уступилъ одному курсу леченія. Сверхъ того, купанье въ озерной водѣ оказалось весьма полезнымъ въ хроническомъ катарральномъ пораженіи слизистой перепонки легкихъ и мокротномъ удушьи, равно въ удушьи и хроническомъ кашлѣ, зависящемъ отъ начинающагося туберкулезнаго процесса въ легкихъ, золотушнаго свойства. Самое даже пребываніе такого рода больныхъ вблизи озеръ, гдѣ воздухъ напитанъ соляными испареніями, оказалось, по нашимъ замѣчаніямъ, весьма полезнымъ.

Въ пользу противоміазматическаго свойства этого воздуха говорить то, что во время свирѣпствовавшей на Дону холерной эпидеміи въ 1847 и 1848 годахъ, изъ числа почти 5000 людей, занимавшихся въ то время ломкою и выгрузкою соли, — на всѣхъ озерахъ, по донесенію смотрителя соляныхъ озеръ, г. полковника Михайлова, при всѣхъ несыгодныхъ условіяхъ для жизни не было ни одного холернаго случая, и въ теченіе прошлыхъ трехъ курсовъ, когда повсемѣстно въ землѣ Войска Донскаго свирѣпствовала перемежающаяся лихорадка, изъ такого же почти числа рабочихъ замѣчено было въ теченіе всего времени едва нѣсколько примѣровъ перемежающихся лихорадокъ, да и тѣ, безъ сомнѣнія, произошли отъ неумѣреннаго употребленія арбузовъ и дынь, которые подвозятся промышленниками изъ ближайшихъ зимовниковъ.

Сверхъ этого, въ землѣ Войска Донскаго въ недавнее время открытъ еще сѣрный источникъ, который, по химическимъ своимъ составнымъ частямъ, не уступаетъ сѣрнощелочнымъ Кавказскимъ водамъ. Анализъ надъ нимъ произведенъ тоже профессоромъ Харьковскаго университета, статскимъ совѣтникомъ Гордѣенко. Этотъ источникъ лежитъ въ 85 верстахъ отъ г. Новочеркаска, на юго-востокъ, въ 12 верстахъ отъ селенія Орловки, на рѣкѣ Салѣ, въ Балкѣ Сатковкѣ. Вода въ немъ чистая, прозрачная и холодная, въ +14° Реомюра, имѣетъ запахъ гнилыхъ яицъ, отъ чего въ простонародіи именуется *вонючкою*; работающими въ полѣ людьми употребляется она для питья и приготовленія пищи.

По неустройству помѣщеній для посѣтителей, хотя мало еще имѣемъ опытовъ относительно цѣлительнаго ея дѣйствія на болѣзни, но и эти немногіе опыты поразительны.

(Изъ Ставр. Губ. Вѣд., изъ статьи г. Пучневскаго).

СКОРОХОДЪ МАРУСА. — Въ Радомысльскомъ уѣздѣ (Кіевской губерніи), въ селеніи Гуменинкѣ, проживаетъ крестьянинъ Тимофей

Маруся, принадлежащій къ имѣнію тамошняго уезднаго предводителя дворянства Богдановича. Онъ одаренъ отъ природы скороходствомъ, и до 40 лѣтъ своей жизни бѣгалъ 10 и болѣе верстъ въ часъ, не чувствуя никогда усталости. Однажды Маруся былъ посланъ съ письмомъ за 200 верстъ, и возвратился домой ровно въ три дня, неся на спинѣ мѣрку ячменя и десять кусковъ ржаного хлѣба, которыми его снабдили при полученіи отвѣта. Въ другой разъ посланъ былъ за 60 верстъ съ письмомъ, въ 7 часовъ утра, и возвратился въ тотъ же день вечеромъ, въ 7 часовъ. Въ третій разъ посланъ былъ отвести собаку за 60 верстъ; собака, пробѣжавши двадцать верстъ, устала и легла; тогда Маруся взялъ ее на руки и принесть въ назначенное мѣсто, а вечеромъ былъ уже дома. Большее разстояніе скороходъ проходить лѣтомъ и въ хорошую погоду, но и зимой онъ замедляетъ нѣсколькими часами. Теперь Марусъ болѣе 50 лѣтъ; но когда посылаютъ его изъ с. Гуменникъ въ г. Радомысль, остающій въ 25 верстахъ, въ 7 часовъ утра, онъ возвращается въ 12 часу въ полдень. Если Марусъ скажутъ: «скорый!» тогда едва ли можно догнать его и на верховой лошади, конечно, на большомъ разстояніи. Плату за ходьбу скороходъ беретъ самую незначительную: злотъ и хлѣба на дорогу. Никогда не видали его дорогой, чтобъ онъ когда-нибудь прислалъ отдохнуть, или просилъ себя подвезти, хотя нѣкоторые въ уѣздѣ нарочно его испытывали изъ любопытства. Бѣтъ онъ на бѣгу, развѣ остановится напиться воды у рѣчки или ручейка. Маруся зимой и лѣтомъ ходитъ босой, даже еслибъ былъ и морозъ. Бѣжитъ бокомъ, подскакивая, какъ будто для легкости однимъ плечомъ разсѣкаетъ воздухъ; а сапоги несетъ въ рукахъ. Чтобъ увидѣть, какъ скороходъ скачетъ, для этого надобно гдѣ-нибудь спрятаться, а то, если онъ увидитъ, то тотчасъ пойдетъ только скорымъ шагомъ, опасаясь, какъ онъ говоритъ, чтобъ злые глаза не «напрочили его», т.-е. не сглазили. Росту Маруся средняго, бѣлокуръ, худощавъ, ноги имѣетъ тонкія и жиливатыя. Маруся не любитъ заниматься мужскими работами. Онъ отлично прядетъ, любитъ готовить кушанья, печь хлѣбъ, мыть бѣлье. Теперь онъ вдовъ, имѣетъ взрослыхъ дочерей, которыя столько же неклюжи и неповоротливы, сколько отецъ ловокъ и легокъ. (*Курск. Губ. Вѣд.*).

ИЗЪ ОДЕССЫ. Въ ночь съ четверга на пятницу, т.-е. съ 18 на 19 іюня, замѣчено здѣсь странное явленіе. Въ 20 минутъ перваго часа по полуночи раздался въ воздухъ чрезвычайно сильный ударъ съ раскатомъ, болѣе похожій на грохотъ отдаленнаго выстрѣла, нежели

на громовый ударъ; небо въ это время было совершенно ясно и погода тихая. Бывшіе на улицѣ ясно услышали, что окна въ домахъ сильно задрожали и что собаки залаяли; бывшіе въ домахъ испуганы были сильнымъ потрясеніемъ дверей и оконъ, какъ будто бы кто ломился въ нихъ снаружи; люстры и лампы въ покояхъ, гдѣ открыты были или открылись окна или двери наружу, закачались; на нѣкоторыхъ приморскихъ дачахъ замѣтили, что земля по обрывамъ нѣсколько осыпалась; многіе приняли наружный гулъ за грохотъ быстро ѣдущихъ тяжелыхъ экипажей. Вообще это явленіе, кажется, явственнѣе ощущено было въ частяхъ города ближайшихъ къ морю; на разстояніи верстъ 20-ти отъ города оно не было замѣчено. При этомъ никто, сколько намъ извѣстно, не ощутилъ сотрясенія земли: по-видимому, явленіе это было не *землетрясеніемъ*, а внезапнымъ *сотрясеніемъ воздуха*, отъ нарушенія равновѣсія въ нижнихъ слояхъ атмосферы, происшедшаго отъ неизвѣстной намъ причины.

ИЗЪ СТАВРОПОЛЯ. (Ясновидѣніе движущихся столовъ.)
Лучше поздно, чѣмъ никогда. Сообщимъ еще извѣстіе о *модномъ феноменѣ* изъ 23 нумера Ставропольскихъ Губ. Вѣдомостей. Не удивительно, что и у насъ скоро появятся *стукалы*. Но какъ хотите, такъ и судите: мы много говорили о столахъ и стукалахъ,—всякія разсужденія послѣ всего, что было сказано нами и другими, были бы лишними; выписываемъ статью буквально:

«Въ послѣдніе два—три мѣсяца о движеніи столовъ, шляпъ, тарелокъ, колецъ и проч., такъ много было писано и говорено, что наконецъ оно признано двомъ обыкновеннымъ и малозанимательнымъ; но вотъ новый замѣчательный фактъ по этому предмету, не описанный доселѣ въ извѣстныхъ намъ журналахъ и газетахъ, а съ 26 мая сдѣлавшійся извѣстнымъ мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ (*).

Посреди комнаты или зала, вокругъ маленькаго, круглаго, лакированнаго столика о трехъ ножкахъ стали четверо мужчинъ средняго возраста, положивши слегка на доску стола свои руки такъ, что большой палецъ лѣвой руки каждого изъ нихъ находился на большомъ пальцѣ правой руки, а мизинецъ правой руки на мизинцѣ лѣвой руки другаго, близъ стоящаго. Производившіе опытъ, кромѣ ручнаго сообщенія, не имѣли никакого соприкосновенія между

(*) А именно: профессору Ставропольской семинаріи Цареградскому, смотрителю здѣшнихъ духовныхъ училищъ Акимову, агроному Добровольскому и другимъ.

собою и съ прочими лицами, бывшими въ залѣ, въпрочемъ общій разговоръ не прекращался. Черезъ 13 минутъ столъ началъ наклоняться на одну сторону, и вскорѣ за тѣмъ, держась на двухъ ножкахъ, наклонился такъ, что край его доски былъ вершковъ на пять отъ пола. Это однообразное движеніе стола наконецъ намъ наскучило; мы хотѣли, чтобы онъ поднялся и двигался другими ножками, и тотчасъ столъ принялъ прежнее положеніе, потомъ, поднимаясь то на одну, то на другую ножку, сталъ качаться и за тѣмъ на одной ножкѣ вертѣться коловратно; при этомъ мы захотѣли, чтобы онъ двигался въ другую комнату—гостиную, и вскорѣ столъ, переступая на двухъ ножкахъ, подобно шаткой походкѣ людской, побрелъ по сказанному нами направленію; приказали ему вернуться назадъ, и онъ повиновался. За тѣмъ намъ вздумалось спросить у него: которое сегодня число? Столъ, приподнимаясь и опускаясь одною ножкою, ударилъ ею объ полъ 26 разъ; которое число по новому стилю?—ударилъ 7 разъ; который мѣсяць?—5 разъ; на вопросъ: сколько такому-то изъ насъ лѣтъ?—послѣдовало точъ-въ-точъ столько ударовъ, сколько этому лицу лѣтъ отъ роду; спросили: сколько стульевъ въ этой комнатѣ? отвѣтъ былъ вѣренъ, равно какъ и на многіе другіе предложенные вопросы. Послѣ этого, оставивши столъ въ покоѣ минутъ на пять, каждый изъ насъ порознь подходилъ къ нему, клалъ объ руки на его доску, дѣлалъ тѣ же и другіе вопросы, и столъ удачно отвѣчалъ своимъ постукиваніемъ. Опыты эти повторены на другой и въ послѣдующіе дни мужчинами и дамами, и всегда постоянно съ тѣми же результатами. Впрочемъ, движенія стола скорѣе и сильнѣе происходили отъ прикосновенія къ нему мужчинъ средняго возраста съ цвѣтущимъ и прочнымъ здоровьемъ.

Эти странныя и загадочныя явленія, невольно заставляющія призадуматься и натуралиста, и философа, и скептика, конечно, повѣдутъ къ новымъ открытіямъ, примѣненіямъ, изобрѣтеніямъ какихъ-либо движущихся цилиндровъ, круговъ и стеклянныхъ треножниковъ, породятъ много электро и животнo-магнитическихъ, оденческихъ и другихъ фантастическихъ гипотезъ; но пока объ этомъ судить да гадаютъ, мы скажемъ только, что движенія стола происходятъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ непрерывнаго тока нервной силы особъ, соприкасающихся своими пальцами и передающихъ оную предмету неодушевленному; при чемъ особы эти, по мѣрѣ упражненія въ такихъ опытахъ, неминуемо должны физически ослабвѣвать, что было всегда нами замѣчаемо; кромѣ того, при этомъ должны переходить отъ одного человѣка къ другому нервныя разстройства или болѣз-

ни; впрочемъ, можетъ ли это быть или нѣтъ,—доказывать не беремся, но советуемъ оставить эту неразгаданную игру столами, шашками и пр., если не съ цѣлью сохранить свои силы, здоровье и спокойствіе духа, то по крайней мѣрѣ съ цѣлью сберечь драгоценное намъ время, которое многими изъ насъ можетъ быть употреблено на другія болѣе полезныя занятія (*).

Штабъ-лекаръ Миняевъ.»

(*) «Намъ известно, что подобныя опыты съ небольшими столами производились на дняхъ и въ другомъ обществѣ нашего города, и показали тѣ же изумительныя явленія ясновидѣнія стола.» *Примѣч. редакц. Вѣдомостей.*

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА КОКОРЕВА.

И. Т. Кокоревъ былъ сынъ вольноотпущеннаго, и получилъ образованіе сперва въ уѣздномъ училищѣ, потомъ во второй московской гимназій, изъ которой вышелъ изъ 5-го класса, по несостоятельности внести въ гильдію опредѣленной суммы, чтобъ получить увольненіе отъ общества. Братья его, умершіе въ молодости, платили въ гильдію съ купеческаго капитала, и онъ, вмѣстѣ съ ними, причислялся къ званію купеческихъ дѣтей, а по смерти ихъ былъ причисленъ къ московскому мѣщанскому обществу. Въ школѣ онъ отличался прилежаніемъ, необыкновенно быстрыми успѣхами и кроткимъ поведеніемъ, и былъ любимъ всѣми, какъ товарищами, такъ и наставниками, изъ которыхъ многіе обращали на него особенное вниманіе и полагали большія надежды. Такъ (къ-сожалѣнію, намъ неизвѣстны имена ихъ) учитель уѣзднаго училища ходатайствовалъ передъ директоромъ гимназій о принятіи Кокорева въ гимназію, и онъ, при содѣйствіи директора, принятъ былъ во второй классъ уже послѣ экзаменовъ, на которыхъ по чему-то не успѣлъ явиться.

Изъ этого видно, что покойный Кокоревъ обязанъ развитіемъ своего таланта единственно самому себѣ, своей натурѣ, а не образованію, которое было незначительно, и даже можно бы было сказать — не жизни, кругъ которой, бѣдняки по состоянію, избранный впрочемъ имъ совершенно добровольно, былъ тѣсенъ и душенъ и скорѣе могъ бы противодействовать его развитію, если бѣ покойный менѣе сочувствовалъ ему. Напротивъ, этотъ тѣсный кругъ былъ и мученіемъ его и пищею его таланта. Случайно встрѣтившись съ какимъ-нибудь ремесленникомъ, покойный всегда дружелюбно сходился съ нимъ, вступалъ въ длинный разговоръ, разспрашивалъ съ любовью всѣхъ подробностяхъ его жизни, задумывался надъ нею, если она была горька, и страдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ вполне былъ прежде человекомъ, чѣмъ писателемъ. Онъ былъ одаренъ отъ природы большими практическимъ тактомъ, русскою смѣтливостію и трудо-

любимъ, но натура его была чисто непосредственная, рефлексія (*) въ ней вовсе не было. Впродолженіе всего довольно долгаго знакомства со мною я ни разу не слышалъ отъ него даже въ литературныхъ бесѣдахъ ни одного выраженія въ родѣ нѣмецкихъ эстетикъ и философій, ни одной сухой мысли. Во взглядѣ на жизнь—то же, и въ высшей степени. Это, быть можетъ, было причиною и его преждевременной смерти. Рефлексія, не вѣрно и даже въ злую сторону направленная, покрывая на время истину мракомъ эгоизма и изгоняя мысль свѣтлую, но томительную, для личности часто бываетъ спасительна: она даетъ свободно перевести духъ глубоко-чувствующему, усталому отъ своихъ стаданій, не находящему исхода своей широкой любви, сердцу. Тяжко-грустное впечатлѣніе производятъ слѣдующія строки, думы его Саввушки, послѣ разныхъ проносившихся передъ нимъ въ «распивочной» безотрадныхъ видѣній, — особенно соединяясь съ свѣжимъ впечатлѣніемъ грустной утраты его автора:

«Вѣдь тоже была молода, можетъ быть и собой не дурна, наряжалась барышней, въ шляпкахъ щеголяла, а объ этакомъ мѣствѣ и подумать боялась.... Чай, были отецъ съ матерью, родные какіе-нибудь, и за-мужъ снаряжали. Чего жъ они смотрѣли?... А можетъ «статься, выросла одна-одинехонька, негдѣ было приютиться сиротѣ... Спросить бы у ней.... Не скажетъ. Вишь чтѣ стала теперь: одинъ «образъ человѣческій, и то не полный.... Отчего же это?»

«Но вопросъ этотъ остался не рѣшеннымъ; не помогли ему даже и приемы свѣжаго напитка,—и опять забродила въ головѣ «жажда веселья, какъ было за нѣсколько минутъ тому....»

Полная самоотверженность, горячее, тоскливое состраданіе страданію и нравственнымъ недугамъ другихъ—вотъ мысль его жизни и его произведеній.

Литературное поприще покойный И. Т. Кокоревъ началъ очень рано, 16—19-ти лѣтъ, мелкими статейками въ Живописномъ Обозрѣніи и другихъ сборникахъ. Для Живописнаго Обозрѣнія онъ занимался сперва у А. А. Стойковича исправленіемъ языка нѣкоторыхъ статей. Потомъ стали появляться очерки и мелочи съ его именемъ въ Москвитянинѣ. Въ последнее время онъ помѣщалъ свои очерки въ Моск. Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. Лучшее произведеніе его — «Саввушка», напечатанное въ прошедшемъ году въ Москвитянинѣ,

(*) Да простить намъ покойникъ это ненавистное ему слово, котораго онъ терпѣть не могъ уже потому только, что оно не русское, и котораго мы не умѣемъ вполне замѣнить никакимъ русскимъ.

можетъ быть, не доношенное, нѣсколько не отвлеченное, но высокое по идеѣ, гдѣ уже ясно высказались направленіе его таланта и его личность. Онъ называлъ это задушевнымъ своимъ произведеніемъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ свѣжесть и дѣятельность чувства и мысли.

Покойный жилъ въ бѣдности, отчасти потому, что требованій отъ жизни для себя собственно у него не было никакихъ, кромѣ самыхъ крайнихъ потребностей. Былъ религіозенъ; въ разговорѣ со всѣми былъ простъ до крайней степени, но благороденъ, и всякая претензія блеснуть въ разговорѣ или выставить свою личность возбуждала его негодованіе, на сколько можно было возбудить его въ этой добрейшей душѣ. Это негодованіе онъ часто, не въ обиду, и высказывалъ своимъ короткимъ пріятелямъ названіемъ лорда, маркиза, дэнди, джентльмена, ваше сіятельство. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь даже за глаза отозвался объ комъ дурно, развѣ когда вполне былъ убѣжденъ въ сознательномъ или намеренномъ злѣ чьего-нибудь поступка или характера, и въ справедливости своего замѣчанія, всегда беззлобнаго. Но литературныя произведенія цѣнилъ строго и имѣлъ очень вѣрный, хотя часто и безотчетный, критическій тактъ. Онъ никогда не высказалъ ни одной жалобы на свою жизнь, всегда склоненъ былъ къ самообвиненію, и страдалъ отъ своихъ такъ своеобразныхъ думъ глухо, но тѣмъ глубже. Чтобы не встрѣчать столкновеній, оскорбительныхъ для самолюбія, на сколько его есть врожденнаго во всякомъ, даже самомъ самоотверженномъ человѣкѣ,—для самолюбія мысли, убѣжденій и вѣрованій, онъ какъ будто чуждался и избѣгалъ знакомствъ съ людьми, не сочувствующими ему, и даже вообще съ людьми не изъ избранной имъ сферы, и ему какъ будто было лучше между страдающими, между самопроизвольными, но тѣмъ болѣе несчастными, слабыми паріями, надъ которыми онъ такъ глубоко и грустно задумывался, чѣмъ между всѣми — или самодовольными, или жалующимися на жизнь и страданія отъ неудовлетворяемаго эгоизма, не смотря иногда на пресыщеніе, или отъ скуки бездѣйствія, и никогда не выдавшими и не понимающими истинныхъ страданій. Въ такихъ эгоистическихъ личностяхъ онъ никакъ, кажется, не могъ отыскать того значенія, какое находили въ нихъ, и тѣмъ менѣе сочувствовать имъ, начиная съ лучшаго литературнаго ихъ отраженія, «Героя нашего времени». Эгоистическая сторона ихъ не могла внушить его самоотверженной натурѣ вѣры въ искренность и высокіе ихъ стремленій. Любилъ воспоминанія своего дѣтства,—какъ его провожала изъ гимназій послѣ классовъ толпа товарищей, любившихъ его и заимствовавшихъ

отъ него познаніями, какъ ему пріятно было, когда, по чьей-то рекомендаціи, гр. Е. П. Ростопчина отдавала ему переписывать свои стихотворенія и хвалила его за знаніе правописанія. Всегда имѣлъ при себѣ книжку, въ которую вписывалъ мимолетныя мысли и выраженія, случайно подслушанныя, характеризующія какое-нибудь сословіе или личность. Заботился о чистотѣ русскаго языка, и терпѣть не могъ употребленія въ немъ иностранныхъ словъ.

Въ последнее время онъ какъ-то особенно упалъ духомъ. Разъ, когда онъ шелъ улицей, съ нимъ случился ударъ. Бывшіе съ нимъ подняли его, и онъ, видимо слабѣя здоровьемъ, не поспѣшилъ послѣ этого лечиться. Около этого же времени потерялъ весьма значительную по его состоянію сумму денегъ, и не думалъ искать ихъ;—а когда ихъ возвратилъ ему совершенно посторонній человекъ, который могъ бы и утаить,—и не требуя никакого вознагражденія, въ немъ не обнаружилось никакого особеннаго внутренняго движенія ни отъ честности возвратившаго, ни радости отъ возвращенія суммы, отъ которой почти зависѣла участь его семейства.

Умеръ отъ тифа, на 28 году отъ рожденія. Не задолго до кончины у него былъ бредъ, въ которомъ онъ сперва сердился на неправильный взглядъ литературы на жизнь, и говорилъ, что въ литературѣ все ложь: ясно, что и въ это время въ броженіи мыслей взяла въ немъ перевѣсъ его заветная идея; потомъ рассказывалъ, какъ онъ будто бы путешествовалъ ко святымъ мѣстамъ. Скончался тихо, одиноко, въ Екатерининской больницѣ. При кончинѣ его, когда онъ почти уже не говорилъ, и когда разнесшійся по комнатѣ могильный запахъ мошуса правдиво уже высказалъ мнѣніе доктора, случился съ нимъ одинъ его короткій знакомый. Умиравшій какъ будто обрадовался его приходу и около часа не выпускалъ его руки изъ своей. Этотъ знакомый рассказывалъ нѣкоторымъ, что покойникъ за нѣсколько часовъ до смерти, когда не могъ уже говорить, улыбался,—но послѣ сознался, что отъ волненія не помнитъ, действительно ли улыбался, или ему такъ представилось почему-то или даже снилось это; но это все равно: стало быть, трудно представить покойнаго при кончинѣ иначе, какъ улыбающимся: онъ едва ли могъ много жалѣть о жизни *для себя*, а мы должны и будемъ жалѣть объ утратѣ его: еслибъ, при другихъ условіяхъ, натура его вынесла и окрѣпла въ жизни, то и этотъ, не только самый гуманный, но и вѣрный, свѣтлый взглядъ, сталъ бы не такъ болѣзненъ, и нашелъ бы пищу таланту, и многое литература потеряла въ немъ невозвратно. Передъ кончиной, когда еще можно

было разслушать нѣсколько словъ, покойникъ прошепталъ: «все отъ своей глупости». Не было ли это позднимъ сознаниемъ въ излишнемъ перевѣсѣ чувства и впечатлительности надъ размышленіемъ, въ излишнемъ увлеченіи своей идеею?...

При похоровахъ память его почтили своимъ присутствіемъ нѣкоторые изъ профессоровъ и ученыхъ. Похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, такъ элегически описанномъ имъ въ «Саввушкѣ». Вѣроятно, не одинъ изъ Москвичей, посещающихъ это «тихое жилище смерти, однимъ только валомъ отдѣляемое отъ поля разгульнаго веселья» Марьиной рощи, съ грустной думой остановится на могилѣ того, кто ничего не требовалъ отъ жизни для себя, и не взялъ съ нея никакой части своей доли.

Миръ праху твоему, благороднѣйшая, самоотверженнѣйшая личность! Да сойдетъ твой духъ любви къ ближнему на каждого двятеля на литературномъ поприщѣ! Прими горячую слезу отъ друзей и всѣхъ знавшихъ тебя, и прости, если, можетъ быть, поздно оцѣнили тебя, или если не поняли тебя!

Престарѣлые родители покойника остались въ крайней бѣдности и требуютъ помощи.

Сочиненія Ивана Тимофеевича, правда, не всѣ, давно уже начаты печатаніемъ, но почему-то остановились. Вѣроятно, всѣ они скоро выйдутъ въ свѣтъ. Предметъ ихъ — Москва и московская жизнь и народность: покойный всю жизнь провелъ въ Москвѣ, и къ ней была въ немъ особенная любовь и даже пристрастіе своего рода. По новому началу, внесенному въ литературу, и по самой высокой добросовѣстности на службѣ ея, онъ долженъ занять свое мѣсто въ ея исторіи.

В. ДЕМЬЯНЬЕВЪ.

27 іюня.

ОРУЖІЕ НА ВЫСТАВКѢ МАПУФАКТУРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ МОСКВѢ (1853 ГОДА).

Посѣтителей выставки въ нынѣшнемъ году, какъ и всегда и на всякой выставкѣ, можно раздѣлить на нѣсколько классовъ сообразно цѣлямъ ихъ посѣщенія. Одни, — и это самая большая часть, — идутъ на выставку изъ одного желанія посмотреть, какъ украшены товарами залы собранія, поболтать съ встрѣтившимися знакомыми и имѣть право сказать, что они были на выставкѣ. Многіе даже ограничиваются только двумя послѣдними побужденіями. Другіе идутъ, воодушевленные чувствомъ патріотизма, съ благородною надеждою и увѣренностію, что найдутъ ясныя доказательства

усовершенствованія отечественной мануфактуры; а нѣкоторые, заинтересованные лично какою-нибудь одною отраслью мануфактуры, сосредоточиваютъ главное свое вниманіе на произведеніяхъ именно этой отрасли.

Какъ охотникъ, я не могъ не остановиться въ томъ залѣ собранія, гдѣ расположено оружіе, не могъ не повторить нѣсколько разъ моихъ посѣщеній выставки, съ цѣлію внимательно вглядѣться въ представленныя издѣлія и подѣлиться моими впечатлѣніями съ собратами по любимому занятію.

Въ оружейной комнатѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе оружія, представленныя съ трехъ казенныхъ заводовъ: Тульскаго, Ижевскаго и Свстрорѣцкаго. Отъ каждаго изъ этихъ заводовъ представлено по одному ружью пѣхотному, казачьему, драгунскому, и по два солдатскихъ пистолета. Сверхъ того отъ образцовой оружейной мастерской при Свстрорѣцкомъ заводѣ представлены ударное ружье пѣхотное и казачье съ кинжалнымъ штыкомъ, офицерскіе пистолеты, пѣхотный, кавалерійскій и казачій карабины и штуцера; всѣ эти издѣлія съ принадлежащими къ нимъ лекалами и повѣрительными инструментами.

Успѣхъ и значительное усовершенствованіе въ выработкѣ оружія на казенныхъ заводахъ бросаются въ глаза даже самаго поверхностнаго наблюдателя. Чистота отдѣлки, математическая вѣрность каждой части и легкость оружія, ясно доказываютъ, что послѣднія десять лѣтъ не даромъ утрачены для ружейной мануфактуры въ Россіи.—Легкость оружія такъ замѣчательна, что я приведу для доказательства весь его. Пѣхотное солдатское ружье, вѣсившее прежде осьмнадцать фунтовъ, вѣситъ теперь только одиннадцать фунтовъ шесть золотниковъ, а ружье драгунское только девять фунтовъ четыре золотника.—Да это не строевыя, а охотничьи ружья; кому не извѣстно, что двухствольныя ружья нѣкоторыхъ англійскихъ мастеровъ вѣсятъ болѣе?—Важнѣйшее усовершенствованіе военныхъ оружія въ послѣднее время состоитъ безспорно въ замѣнѣ кремневаго замка замкомъ ударнымъ; но объ этомъ улучшеніи было уже много говорено, и оно, состоя въ большой быстротѣ выстрѣла и въ безопасности отъ осѣчки, слишкомъ очевидно.

Изобрѣтеніе металлическихъ лекалъ или формъ и повѣрительныхъ инструментовъ, которые, хотя существовали и прежде, но дѣлались изъ дерева и были далеко не такъ вѣрны, имѣетъ важное и чрезвычайно полезное приложеніе. Теперь на всѣхъ ружейныхъ заводахъ поѣтимъ лекаламъ дѣлаются одинаковыя составныя части ружья, такъ что, если взять по ружью съ каждаго завода, разобрать ихъ и перемѣшать составныя ихъ части, то сборка ихъ вновь не представитъ ни малѣйшаго затрудненія. Замокъ тульскаго ружья придется какъ разъ къ ружью ижевскому; винты, антапки ружья свстрорѣцкаго придутся совершенно къ тульскому, и такъ далѣе.

Офицерскіе пистолеты сдѣланы такъ чисто и щеголевато, что ихъ можно назвать предметами роскоши.

Короткіе карбины и штуцера отличаются, кромѣ отчетливой отдылки, далекимъ боемъ. Бой этотъ съ перваго взгляда кажется даже невѣроятнымъ. Весь стволъ имѣетъ не болѣе полуаршина длины, а несетъ коническую пулю на четыреста шаговъ.

Ружья собственно охотничьи были представлены тульскими ружейниками Гольтяковыми, и московскими: Шишковыми и Артари Колумбомъ. Первыми, кромѣ ружей, представлены два штуцера и пара пистолетовъ, а послѣдними—двухствольный штуцеръ, пара пистолетовъ и солдатское ружье новаго изобрѣтенія.

Прежде чѣмъ буду говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ мастеровъ, скажу два слова о русскихъ охотничьихъ ружьяхъ вообще. Не смотря на всю очень понятную любовь можно всему отечественному, на все горячее желаніе избѣжать въ употребленіи не необходимого иностраннаго, я сознаюсь, что я еще не доволенъ нашими охотничьими ружьями. Отдѣльныя части ружья дѣлаются у насъ превосходно. Стволы чисто и плотно спаяны, достаточно выверены, бытье удовлетворительно. Замки не тяжелы на взводахъ; легки на спускахъ и разбиваютъ аккуратно пистоны. Ложи дѣлаются изъ прекраснаго, игристаго дерева, всѣ вещи врѣзаются въ нихъ плотно и отчетливо. Рѣзба или порѣзка на вещахъ доходить иногда до художественности. Но когда взглянешь на ружье, составленное изъ всѣхъ этихъ превосходныхъ частей, то невольно сознаешься, что въ немъ чего-то недостаетъ. При болѣе внимательномъ наблюденіи заметишь, что недостатокъ этотъ состоитъ въ отсутствіи своего собственнаго отличительнаго характера, составляющаго какъ бы гармонію частей въ цѣломъ. Недостаетъ въ нашихъ ружьяхъ того, что при взглядѣ на ружье англійское заставитъ сейчасъ же отличить его отъ ружья французскаго, шведскаго и на оборотъ, нѣтъ въ нихъ того, что называютъ французы *l'ensemble*.

Между ружьями, представленными на нынѣшнюю выставку, были ружья очень цѣнныя. Такъ напр. Петръ Гольтяковъ представилъ ружье съ двумя парами стволовъ, оцѣненное въ триста рублей серебромъ; Иванъ Гольтяковъ двухствольное ружье, оцѣненное въ двѣсти пятьдесятъ рублей серебромъ. Объ этихъ ружьяхъ можно повторить именно все то, что я сказалъ выше, прибавивъ, что въ нихъ гораздо болѣе труда, чѣмъ отъ этого труда пользы. Прибавленіе это относится преимущественно къ рѣзбѣ на ружейныхъ принадлежностяхъ. Долго и внимательно трудился рѣзчикъ надъ этой работой, стараясь представить рѣзбу самую мелкую и отчетливую. Рѣзба вышла въ самомъ дѣлѣ мелка, пожалуй и отчетлива, но плохая награда мастеру, если ему скажутъ: да это вовсе лишнее. А между тѣмъ, вѣроятно, эта мелкая, трудная работа была одною изъ причинъ высокой цѣны этихъ ружей.—Говоря о наружной отдылкѣ ружья, нельзя не обратить вниманія на лакъ, которымъ покрываютъ стволы. Крытіе лакомъ до сихъ поръ еще не удается нашимъ ружейникамъ. Они думаютъ, что достоинство лака въ густотѣ его, и чѣмъ темнѣе выходитъ онъ на стволѣ, тѣмъ лучше; между тѣмъ какъ это наобо-

ротъ. Чемъ нѣжнѣе и тоньше лакъ, тѣмъ яснѣе виденъ рисунокъ ствольнаго желѣза, а видѣть этотъ рисунокъ и убѣждаться, что стволы краснаго желѣза—не малое удовольствіе охотнику.—Что касается до боя этихъ ружей, то, имѣвъ случай присутствовать при пробѣ оныхъ, могу сказать, что они удовлетворительны для ружья охотничьяго вообще, но не для ружья тысячнаго. Конечно, можно смѣло идти въ поле съ ружьемъ, которое на пятьдесятъ шаговъ приноситъ девяносто и сто дробинъ 8-го N въ листъ бумаги; но заплатить за него триста или двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ едва ли кто согласится. Остальныя ружья Гольтяковыхъ менѣе дороги; назначенныя цѣны были: сто двадцать пять, семьдесятъ пять и шестьдесятъ рублей; одно ружье было даже въ двадцать восемь рублей. Последнее было куплено въ первый день открытія выставки.

Штуцера Николая и Ивана Гольтяковыхъ отдѣланы щеголевато, что же касается до силы и вѣрности боя ихъ, то сказать объ этомъ нельзя ничего утвердительнаго. На пробѣ, по неизмѣнно надежныхъ стрѣлковъ пулею, стрѣляли только на сто шаговъ и въ мишень большаго размера.

Иваномъ же Гольтяковымъ представлены были пистолеты въ ящикѣ, съ полнымъ приборомъ. Пистолеты эти не были вынесены на пробу; но вполне изящная отдѣлка ихъ, отчетливая оконченность каждой части прибора, заслужили общую похвалу посѣтителей выставки.

Московскій ружейникъ Шишковъ представилъ на выставку два двухствольныхъ ружья, одно крытое лакомъ, оцѣненное въ тридцать пять рублей серебромъ, другое въ натуральномъ видѣ ствольнаго желѣза, оцѣненное въ восемьдесятъ рублей серебромъ. Оба ружья, въ особенности последнее, отдѣланы чисто, стволы посажены и сплочены вѣрно. замки имѣютъ прочныя и легкія пружины, порезка довольно изящна, бой обоихъ ружей тоже удовлетворителенъ. Прочитавши эти строки, конечно, не всякій пойметъ, почему всѣ знающіе толкъ въ оружіи и имѣющіе понятіе о способахъ и условіяхъ его производства, отдавали ружьямъ Шишкова преимущество передъ всѣми остальными ружьями, бывшими на выставкѣ. Чтобы сдѣлать это предпочтеніе общепонятнымъ, скажу слѣдующее:

Ружья Гольтяковыхъ дѣлались въ Тулѣ, гдѣ находится до десяти тысячъ ружейниковъ,—четыре тысячи работаютъ постоянно на заводѣ, остальные занимаются по домамъ. Для болѣе легкой трудъ дѣлится между послѣдними такимъ образомъ, что одинъ занимается замками, другой рѣзкою, третій ложами, четвертый вывѣркою стволовъ, и т. д. Занимаясь постоянно только одною этою частію, мастеръ достигаетъ въ ней значительной степени совершенства; а это облегчаетъ замѣчательно трудъ того, кто ружье собираетъ. Онъ знаетъ, гдѣ добыть лучшую ложу, гдѣ взять превосходные замки, кому отдать вывѣрить и довести стволы, кого заставить сдѣлать порезку. Московскому же ружейнику эти удобства неизвѣстны. Ружье отъ начала до конца дѣлается въ одной собственной мастер-

ской его; а между тѣмъ имѣть по каждой части ружья отличнаго мастера онъ не имѣетъ средствъ; при современной дешевизнѣ иностранныхъ фабричныхъ ружей, ему едва ли придется продать три или четыре ружья своей работы въ годъ. Вотъ основанія, по которымъ каждый добросовѣстный цѣнитель труда въ его проявленіи, согласится, что заслуга московскаго ружейника достойна гораздо большаго вниманія и сильнѣйшаго поощренія, чѣмъ заслуга ружейника тульскаго.

Другой московскій ружейникъ Колумбъ-Артари представилъ двухствольное ружье, двухствольный штуцеръ, пару пистолетовъ съ приборомъ въ ящикъ и солдатское ружье новаго изобрѣтенія. Представленное ружье уже много стрѣляло и не имѣетъ того доска, который имѣютъ обыкновенно всѣ вещи, представленныя на выставку. Какъ охотникъ, я помирился бы съ этимъ недостаткомъ, если бы хозяинъ ружья доказалъ, что оно выкупаетъ его замѣчательнымъ боемъ: но ни ружье это, ни штуцеръ, ни пистолеты не были вынесены на пробу. Штуцеръ отдалъ довольно просто; для избѣжанія остѣчекъ у каждой камеры сдѣлано по двѣ шпильки подъ пистоны. Пистолеты возбудили бы, можетъ быть, болѣе сочувствія въ наблюдатель, если бы назначенная цѣна имъ была сколько-нибудь соразмѣрна ихъ достоинству. Колумбъ-Артари оцѣнилъ ихъ въ триста рублей серебромъ, — цѣна необъятная; такъ дорого не цѣнять своихъ пистолетовъ ни Ленажъ, ни Девичъ, ни другія знаменитости между ружейными мастерами.

Что жъ касается до солдатскаго ружья новаго изобрѣтенія, то о немъ можно сказать только то, что въ немъ не видно ничего новаго. Заряжаніе со стороны камеры введено уже давно: оно извѣстно намъ со временъ Роберта и было усовершенствовано впоследствии Леоше и др. Едва ли эта система заряданій можетъ быть удобна для солдата. Мнѣ удалось видѣть въ кievскомъ арсеналѣ крѣпостныя ружья этой системы, но слышно, что правительство нашло уже ихъ неудобными, и они будутъ передѣланы на обыкновенныя ударныя ружья.

Были обещаны для нынѣшней выставки ружья варшавскаго мастера Беккера; получена даже фактура этого ружейника, но ружья къ выставкѣ не успѣли. Многіе жалѣли объ этомъ, потому что Беккеръ работаетъ хорошо, и, вѣроятно, представилъ бы ружья замѣчательныя.

В. В.

ГАЛЬВАНИЧЕСКАЯ БАТАРЕЯ ДОКТОРА БЫЛЯВСКАГО.

Между физическими инструментами, бывшими на послѣдней выставкѣ, обратила на себя общее вниманіе Электро-гальвано-магнитная батарея (multiplier electro-galvanicus) доктора Былявскаго.

Батарея эта устроена такъ, что при небольшихъ затруженіяхъ и издержкахъ, употребляемыхъ на заряданіе ея, производится высшая степень силы и доставляется возможность пользоваться ею

по произволу. Она состоитъ изъ VI паръ спиральныхъ цилиндровъ (катушекъ), обвитыхъ изолированной проволокою, въ концы помѣщены проволоки изъ мягкаго желѣза по 57 паръ въ каждой парѣ, и приводится въ дѣйствіе однимъ элементомъ, состоящимъ изъ цинка и мѣди. Спиральные цилиндры, составляющіе батарею, умножаютъ силу элемента, которая на основаніи закона объ индукціи, выведеннаго знаменитымъ англійскимъ физикомъ докторомъ Фарадѣ, обуславливается тѣмъ, что каждый оборотъ въ спирали равняется по объему одному элементу гальваническаго столба. А какъ на основаніи закона Фарадѣ, въ каждой парѣ цилиндровъ въ батарею, устроенной г-мъ Бѣлявскимъ, содержится 832 оборота равныхъ умножающемуся въ нихъ силою такою же (832) числу элементовъ гальваническаго столба, то и понятно, что, желая замѣнить ее элементами гальваническаго столба, необходимо будетъ устроить гальваническій столбъ изъ 2,496 элементовъ (паръ), равныхъ объему проволоки, употребленной для обивки цилиндровъ въ батарею г. Бѣлявскаго.

Желая устроить гальваническую батарею еще съ большею силою на основаніи изложенныхъ правилъ, нужно только прибавить величину цилиндровъ, или умножить число оныхъ, и тогда можно достигнуть предѣловъ возможной силы.

Элементъ въ описанной нами батарее приводится въ дѣйствіе растворомъ поваренной соли и мѣднаго купороса, не отдѣляетъ непризнанныхъ для здоровья газовъ и дѣйствуетъ около трехъ дней безъ возобновленія. Матеріалъ для заряда батарей ничтожной цѣнности.—12 к. сер. въ сутки.

Въ батарейномъ ящикѣ помѣщенъ механизмъ, приводящій токи въ прерывистое состояніе, необходимое для врачебнаго употребленія.

Несложность и удобство этой батареи вполне удовлетворяютъ давно высказанному желанію ученыхъ: «необходимо пополнить чувствуемый физиками и врачами недостатокъ въ малосложныхъ гальваническихъ аппаратахъ съ большею силою.» Выполнивъ по возможности общее желаніе устроенною по изложенному описанію электро-гальвано-магнитною батареею, г. Бѣлявскій поставилъ ее на московскую публичную выставку 1853 года, съ тою цѣлю, чтобы открытіе свое, польза котораго подтвердилась опытомъ, сдѣлать народнымъ и общепользнымъ.

Правила и законы, на основаніи которыхъ устроена эта электро-гальвано-магнитная батарея, подробно изложены во II отдѣлѣ изданной имъ же Монографіи объ электро-гальвано-магнитномъ леченіи, Москва, 1853 года.

С М Ъ С Ъ.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

Воспитательный домъ въ Лондонѣ.

Статья Диккенса.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, мнѣ попалась печатная бумага такого содержанія: « » дня « » мѣсяца, принять младенецъ, т. е. день, мѣсяцъ и имя ребенка въ *пробль*.

Я узналъ, что эта принятая форма соединяется съ исторіею болѣе нежели 20,000 *безымянныхъ* дѣтей, и это побудило меня къ розысканіямъ, которыхъ результатъ я хочу сообщить читателю. Главное жилище *безымянныхъ* дѣтей, изъ котораго и выпущенъ небольшой документъ, возбуждавшій мое любопытство, это — лондонскій Воспитательный домъ. Не угодно ли посѣтить со мною пріютъ малютокъ, которыхъ мірской стыдъ посылаетъ сюда подъ завѣсою неизвѣстности.

Это благотворительное заведеніе есть домъ, существующій на самомъ дѣлѣ, а не въ *пробль* только; онъ не представляется жилищемъ темнымъ, уединеннымъ, мрачнымъ; это зданіе покойное, обширное, съ удобными помѣщеніями, лежащее посреди хорошаго воздуха, хотя и находится только въ 10-ти минутахъ разстоянія отъ Темплъ-Бара. Оно стоитъ на принадлежащей ему землѣ и можетъ любоваться своими освѣнными арками, зеленою муравою своихъ лужаекъ, своими прекрасными, могучими деревьями. Позади главнаго зданія — превосходная сажалка; вблизи его, нѣтъ нескромныхъ окошекъ, которыя отворялись бы на его фасадъ; вѣтеръ свободно ходитъ вокругъ его ограды, вѣтеръ, который Богъ соразмѣряетъ со слабостію маленькихъ барашковъ, лишенныхъ шерсти. Однимъ словомъ, видъ этаго зданія таковъ, что онъ какъ-будто осуществляетъ въ архитектурѣ олицетвореніе тѣхъ добрыхъ горожанъ стариннаго покроя, которые, съ пріятною величавостію, на-

слаждаются благосостояніемъ, доставляемымъ постояннымъ доходомъ съ денегъ, положенныхъ въ банкъ. Должность директоровъ заведенія, пользующихся достаточною властію, считается въ числѣ почетныхъ; обширныя залы его обиты столярною работою; имена благотворителей образуютъ на нихъ надписи, формою и величиною напоминающія тѣ, которыя мы видимъ на скрижаляхъ заповѣдей; широкія его лѣстницы снабжены балюстрадами такими прочными, какія могли бы построить слоны, если бы слоны сдѣлались архитекторами; этѣ лѣстницы ведутъ не только въ длинныя столовыя, въ длинныя дортуары, въ длинныя прачешныя, въ длинныя классныя залы для *бѣзвимянныхъ* дѣтей, но еще въ другіе покои, съ дверьми, снабженными портьерками и съ теплыми коврами на паркетъ, въ покои, украшенные картинами первѣйшихъ англійскихъ живописцевъ. Въ залахъ Воспитательнаго дома замѣчательное образцовое произведеніе Гогарта *«Гвардія короля Георга, отправляющаяся въ походъ въ Финчлейскую долину.»* Неллеръ, Ренольдъ, Генъсборо увѣковѣчили на полотнѣ лица покровителей и вкладчиковъ заведенія. Даже добрый герцогъ Кембриджскій, въ полномъ масонскомъ костюмѣ, удостоиваетъ служить живописною загадкою надъ каминомъ, въ столовой того отдѣленія младшихъ дѣтей, которыя уже довольно взрослые, чтобы обѣдать за столомъ.

Воспитательный домъ былъ въкогда колыбелью королевской академіи живописи и ваянія, и она имѣла въ немъ свои первыя заведенія. Въ церкви заведенія находится органъ—благородный даръ музыканта Генделя; его безсмертная ораторія *Мессія*, сочиненная для питомцевъ заведенія и исполненная въ ихъ пользу, принесла имъ 10 т. ф. стерлинговъ. Подъ покровительство великаго художника, воскресная служба и теперь еще совершается со всеми красотами духовной музыки, но безъ всякихъ театралныхъ аффектацій, введенныхъ въ другихъ мѣстахъ безвкусіемъ различныхъ сектъ, кончающихся на измѣ и происходящихъ отъ англиканизма. Тамъ также можете выслушать одного изъ самыхъ лучшихъ теперешнихъ проповѣдниковъ.... одного изъ благоразумнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ истолкователей Св. Писанія.

Когда все это пришло мнѣ на память, то во мнѣ все больше и больше разгоралось любопытство знать исторію *Воспитательнаго дома*. Вотъ она. Въ 1722 году отъ Р. Х. (прежде этого года и во всю блаженную старину, которая продолжалась со времени царствованія папы Иннокенія III, Англія была слишкомъ занята, чтобы

сколько-нибудь позаботиться о бѣдныхъ найденышахъ), въ 1722 г. или около того, жилъ-былъ въ Лондонѣ достойный морякъ, по имени Томасъ Корама. Хотя капитанъ Корама и разбогатѣлъ въ американскихъ колоніяхъ, хотя онъ и видѣлъ ужасныя вещи на своемъ вѣку, но воротился въ Англію со всею врожденною нежностью своего сердца. Онъ удалился въ Родершда, чтобы тамъ, какъ настоящему англійскому моряку, свободно наслаждаться видомъ Темзы. Вотъ, на него такъ грустно подѣйствовало то, что онъ безпрестанно встрѣчалъ *бесшумныхъ* дѣтей, однихъ живыхъ, другихъ уже умершихъ, кинутихъ на дорогъ, по которой онъ ходилъ изъ Родершда на доки и биржу и возвращался съ биржи и доковъ въ Родершда, съ старымъ товарищемъ шкиперомъ, который обыкновенно самъ напрашивался къ его столу; на него, говорю я, это зрѣлище сдѣлало такое тягостное впечатлѣніе, что онъ рѣшился пособить горю. Вотъ онъ и взялся за дѣло съ твердостью и постоянствомъ чловѣка, который плавалъ со всеми возможными вѣтрами. Однакожъ онъ и не подозрѣвалъ, какими терпіями наполненъ новый путь, на который онъ вступалъ; онъ и не подозрѣвалъ, что самая добродѣтель находить иногда страшныя препятствія при совершеніи добра, о которомъ мечтаетъ. Капитанъ не унывалъ; онъ умѣлъ давать возраженія и на хорошія причины, которыя ему представляли, равно какъ и на дурныя, и, наконецъ, собралъ по подпискѣ довольно значительную сумму, чтобы положить основаніе заведенію для призрѣнія бѣдныхъ подкидышей и для пріобрѣтенія участка земли въ 56 десят., что стоило 550 ф. стерл. Если онъ и не подозрѣвалъ, сколько встрѣтится ему затрудненій при достиженіи цѣли, то вѣроятно столько же мало подозрѣвалъ и то, что наступитъ время, когда цѣна этаго участка увеличится въ такой пропорціи, что доходы съ него будутъ равняться всей его первоначальной цѣнности; не менѣе того, это сущая правда: до такой степени земли въ Лондонѣ вдругъ возвысились.

Десять лѣтъ послѣ того, какъ добрый капитанъ Корама былъ такъ глубоко тронутъ *выставкою* дѣтей живыхъ, или умершихъ, которыхъ встрѣчалъ въ своей ежедневной прогулкѣ, одинъ флигель теперешняго зданія былъ воздвигнутъ и отдѣланъ окончательно. Первые 20 *бесшумныхъ* дѣтей были въ немъ приняты и водворены. Въ это время, особа, приносившая ребенка, должна была соображаться съ слѣдующими наставленіями: »Войдите въ наружныя сѣни и позвоните; не уходите прежде, нежели примутъ отъ васъ

ребенка (больныхъ дѣтей не принимали), и подождите, чтобы вамъ объявили о его принятіи. Особамъ, приносящимъ дѣтей, не будутъ дѣлать никакихъ вопросовъ и ни одинъ изъ служителей заведенія не станетъ стараться узнавать, кто онъ такіа, подъ опасеніемъ лишиться мѣста.» Сверхъ того каждому ребенку должно было привязывать знакъ, или отмѣтку, по которой, со временемъ, можно было бы узнать его, если бы родные вздумали его потребовать. Большая часть этихъ знаковъ состояла изъ маленькихъ монетъ, или половинокъ монетъ, другую половинку которыхъ, безъ сомнѣнія, родители берегли у себя. Иногда монету замѣняли старымъ шелковымъ кошелькомъ, иногда просто бумажкою съ стихами, приколотою къ пеленкамъ бѣднаго ребенка; одного принесли съ лоттерейнымъ билетомъ. Лѣтописи заведенія не говорятъ, выигралъ ли онъ, или нѣтъ. Вѣроятно, если бы выигралъ, то это обстоятельство осталось бы въ памяти. Во всякомъ случаѣ, съ страннымъ счастіемъ являлся бѣдный сирота.

По мѣрѣ того, какъ заведеніе дѣлалось извѣстнымъ, число кандидатовъ на поступленіе возрастало въ огромныхъ размѣрахъ. Наружныя сѣни были осаждаемы женщинами, которыя царапались и дрались между собою, кому изъ нихъ ухватиться за снурокъ колокола и зазвонить прежде. Въ этихъ битвахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, сила рѣшала первенство. Чтобы положить конецъ подобнымъ сценамъ, ввѣрили судьбу назначеніе маленькихъ кандидатовъ. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ открытія заведенія, директоры его сочли за нужное обратиться къ правительству для полученія пособія. Это пособие было оказано съ такою щедростію, что, казалось, отнынѣ Воспитательный домъ уже не долженъ былъ никому отказывать. Учредили отдѣленія въ провинціяхъ; вывѣсили за двери корзину, и предупредили публику, что стануть принимать всѣхъ дѣтей не старѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Слѣдствіемъ объявленія было то, что 9-го іюня 1756 года, въ первый день этого необдуманнаго распоряженія, корзина у дверей наполнялась и опоражнивалась 117 разъ сряду. Впослѣдствіи матери, въ полной мѣрѣ въ состояніи кормить новорожденныхъ, и безчеловѣчные отцы (которые, сами того не зная, подражали Жанъ-Жаку Руссо) тысячами наполняли корзину заведенія. Чтò покажется невѣроятнымъ, и чтò, къ несчастью, слишкомъ достоверно, то при этомъ возникла новая промышленность, отрасль разнощиковъ, перевозящихъ свои товары изъ города въ городъ: появились разношники подкидышей; они брались перевозить по столѣку-то

за штуку, изъ всѣхъ частей Англіи, дѣтей, которыхъ родители, виновные или несчастные, назначали въ Воспитательный домъ.

Одинъ изъ этихъ извозчиковъ везъ пятерыхъ дѣтей, каждаго въ особой корзинкѣ; дорогою онъ заснулъ, а можетъ быть и напился пьянъ. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что изъ 5-хъ дѣтей, трое умерло. Другому поручили 8 человекъ. Семеро изъ нихъ умерло прежде, нежели онъ доѣхалъ до Лондона, а осмой остался въ живыхъ только благодаря привязанности матери, которая пѣшкомъ послѣдовала за повозкою, чтобы пещись о своемъ ребенкѣ и не дать ему умереть съ голода. Наконецъ, третій объявилъ себя перевозчикомъ дѣтей, обзаведясь лошадыю и двумя корзинками, и горько жаловался на подрывъ, который дѣлалъ ему одинъ изъ его товарищей. »Онъ вырываетъ у меня хлѣбъ изо-рту, сбавляя цѣну съ перевоза, говорилъ онъ; прежде, чѣмъ этотъ зловредный человекъ взялся за дѣла, я зарабатывалъ по 8-ми гиней съ каждаго ребенка, (я обыкновенно набиралъ ребятъ въ Йоркшейръ); на этой недѣлѣ я принужденъ везти ихъ за 6-ть гиней; на слѣдующей буду возить за 3; вотъ какимъ образомъ соперничество разрушаетъ торговлю». Къ-несчастью, извозчики не всегда довольствовались платою за перевозъ: они обирали у дѣтей пеленки и бѣлье, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ дадутъ другія въ Воспитательномъ домѣ; счастливы были еще тѣ изъ малютокъ, которые получали отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, какія-нибудь тряпки, въ замѣну рубашки, свивальниковъ и пр., что самая холодная мать непременно даетъ ребенку, даже покидая его на состраданіе общества.

Между прочими преданіями Воспитательнаго дома рассказываютъ, что одинъ богатый банкиръ, который провелъ первое дѣтство въ приютѣ, основанномъ добрымъ капитаномъ, полюбопытствовалъ узнать свое происхожденіе, и посмотрѣвъ въ спискахъ приемышей, могъ найти въ нихъ только то, что онъ былъ вынутъ изъ корзинки нагой. Три года съ половиною продолжалась эта система. Въ это время 15,000 дѣтей перешло черезъ корзину Воспитательнаго дома; но отъ трудности продовольствовать такое огромное число дѣтей и отъ недостатка предосторожностей, которыми необходимо окружать новорожденныхъ, изъ 15 т. осталось въ живыхъ и было отдано въ ученье разнымъ мастерствамъ только 4 тысячи. Наконецъ, по тщательномъ разсмотрѣніи, система была подвергнута осужденію. При этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать сожалѣнію и безпокойству, которыя

испыталь Г. Корама. Увы! этотъ англійскій Винцентъ-де-Поль, пожертвовавшій на доброе дѣло все свое достояніе, умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ такой бѣдности, что должно было сдѣлать подписку, чтобы нѣсколько обезпечить отъ тяжкихъ нуждъ его старость. О, если здѣсь, на землѣ, добрый капитанъ претерпѣлъ горестное кораблекрушеніе, то нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, по ту сторону гроба, онъ прямо присталъ къ пристани спасенія, гдѣ ожидали его сотни питомцевъ, причисленныхъ къ сонму ангельскому.

Неизвѣстно, кто былъ творцемъ новой системы. Но такъ какъ заведеніе впало въ такую же бѣдность, какъ и его основатель, то нѣкто, одаренный умомъ столько же смѣлымъ, сколько изобрѣтательнымъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобы, въ теченіе извѣстнаго времени, принимать только тѣхъ дѣтей, которые будутъ приносимы подъ зѣвсою тайны, съ банковской ассигнаціею въ 100 фр. стерлин. Совѣтъ заведенія принялъ эту мысль, и, должно сознаться, — она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Но въ 1801-мъ г. нашли, что въ такомъ способѣ приѣма было ужъ слишкомъ сильное отклоненіе отъ первоначальной мысли основателя. Условіе банковской ассигнаціи было уничтожено и приняты нынѣшнія правила. Какія это правила? Чтобы лучше ознакомить съ ними читателей, я разскажу, что происходило во время моего посѣщенія.

Двѣ матери, одна послѣ другой, при мнѣ принесли своихъ новорожденныхъ. Каждая изъ нихъ сначала позвонила у двери, и придверникъ выдалъ ей печатный образецъ просьбы, написанный на имя директоровъ заведенія. Никакая просьба не принимается, если она не написана и не подписана въ комнатѣ придверника; всякое предварительное сообщеніе матери съ чиновниками заведенія запрещается. Дитя должно быть перворожденное; оказывается предпочтеніе матери, которая можетъ предъявить письменное обѣщаніе взять ее въ замужство, или доказать, что она была жертвою какого-нибудь другаго обмана. Должно, чтобы она никогда не жила вмѣстѣ съ отцемъ своего ребенка. Эти исключенія (которые подають поводъ къ тщательному изслѣдованію) имѣють двоякую цѣль—возвращеніе матери обществу и заботы о нуждахъ ребенка.

Такъ какъ положенныя условія были выполнены, къ полному удовольствію начальства заведенія, то обѣ матери принесли своихъ дѣтей и получили въ замѣну, приведенную уже мною вкратцѣ, бумагу. Вотъ ея содержаніе:

»Благотворительное заведение для прокормленія и воспитанія дѣтей, подкинутыхъ и оставленныхъ,—день (въ пробѣ), мѣсяцъ (въ проб.), годъ (въ проб.), — приняло младенца (въ проб.). Подпись секретаря (въ проб.) NB. Сохраняйте какъ можно тщательнѣе эту бумагу, чтобы представлять ее, когда придете навѣстить ребенка (что можно дѣлать каждый понедѣльникъ отъ 10 ч. до 4-хъ), и также въ томъ случаѣ, если бы захотѣли взять его обратнокъ.

Съ этою бумагою матери удалились, и мы увидели двухъ младенцевъ. Это были — мальчикъ и дѣвочка. Клочекъ пергамена съ № 20,563 былъ нашитъ на плечъ мальчика; на плечъ дѣвочки № 20,564. Эти нумера предполагаютъ довольно значительное число приѣмовъ; не извѣстно только, къ какому времени учрежденія должно отнести № 1. Для принятія послѣ-прибывшихъ призвали двухъ кормилицъ, уроженокъ графства Кентскаго, гдѣ заведеніе имѣетъ особенное вѣдомство. Кормилицы немедленно отнесли будущихъ своихъ питомцевъ въ церковь, для совершенія надъ ними св. крещенія. Тамъ мы нашли эконома, бабушку, учителя и надзирательницу надъ кормилицами: они призваны были служить восприѣмниками маленькимъ христіанамъ, для которыхъ должны заступитъ отсутствующее и неизвѣстное семейство.

Священникъ совершилъ обрядъ крещенія со всевозможнымъ благоговѣніемъ, и двое *безымянныхъ* получили наконецъ имя во св. крещеніи.

Эти имена были поводомъ къ маленькимъ затрудненіямъ въ исторіи заведенія. При крещеніи 20-ти первыхъ дѣтей, принятыхъ Воспитательнымъ домомъ, знатнѣйшія лица Англіи—герцогъ Бедфордскій, герцогъ и герцогиня Ричмондскіе, графиня Пемброкская, и проч. удостоили служить восприѣмниками маленькимъ христіанамъ и дать имъ свои собственныя имена. Этотъ высокій примѣръ нашель множество подражателей. Между англійскою знатью вошло въ моду крестить *безымянныхъ* дѣтей, и въ церковныхъ спискахъ заведенія находимъ мы самыя аристократическія имена Великобританіи. Наконецъ, сословіе англійскихъ перовъ истощило свой календарь. Тогда охотно стали давать питомцамъ имена знаменитыхъ въ исторіи лицъ. Я приглашаю здѣсь нашего антикварія *Марка-Антонія* Лауэля, или всякаго другаго издателя археологическихъ сборниковъ, чтобы они взяли на себя трудъ произвести генеалогическія изслѣдованія о происхожденіи болѣе или менѣе неизвѣстныхъ *тесокъ*, которыхъ заведеніе дало Виклифу, Латимеру, Чосеру, Шекспиру, Мильтону, Бэкону,

Кромвелю, Гампдену, Гогарту или Микель-Анджело. Имена литературныхъ и политическихъ знаменитостей истощились, подобно именамъ перовъ и историческихъ лицъ, и тогда должно было прибѣгнуть къ романамъ. Вотъ отъ чего такъ размножились служанки, которыхъ зовутъ Софья, Кларисса, Флора, и честные ремесленники, называемые Томомъ, Эдуардомъ, Гомфри, въ честь Софїи Уэстернъ, Флоры Макъ-Иворъ, Томъ Джонса, Эдуарда Уэверлея, Чарльса Грандиссона и Гомфри Клиппера. Наконецъ, начальники и директоры заведенія вынуждены были ограничиться своими собственными именами, и раздавали ихъ съ щедростію, которую нѣкоторые изъ нихъ тѣсокъ, войдя въ лѣта, употребили во зло и надѣлали имъ непріятныхъ исторій, отыскивая родственниковъ съ ними связей.

Теперешній обычай состоитъ въ томъ, чтобы приготовить заранее списки именъ, взятыхъ на удачу въ адресъ-календарь. Когда двухъ принятыхъ младенцевъ окрестили, то кормилицы увели ихъ съ собою на родину, давъ росписку въ полученіи ребенка и нѣкотораго количества бѣлья.

Надзирательница сдѣлала имъ наставленіе и вручила имъ по экземпляру слѣдующаго документа: »Этотъ ребенокъ, записанный въ книгу Воспитательнаго дома, подъ *такимъ-то №*, поручается тебѣ начальствомъ заведенія, которое надѣется, что ты своими объ немъ попеченіями заслужишь одобреніе мѣстнаго надзирателя. Тебѣ станутъ давать на содержаніе упомянутаго ребенка по 6-ти пенсовъ на день, и эту сумму тебѣ будутъ выдавать въ первое число каждаго мѣсяца за весь протекшій мѣсяцъ. Если ты прокормишь упомянутаго ребенка до истеченія одного года и будешь имѣть объ немъ всѣ нужныя попеченія, то, въ это время, получишь, по представленію мѣстнаго надзирателя, въ награду 25 шиллинговъ.

»На одежду ребенка, по истеченіи года, будешь брать деньгами:

Между 1-мъ и 2-мъ годомъ 15 шилл.

Между 3-мъ и 4-мъ — 17 —

Между 4-мъ и 5-мъ — 18 —

»На подъемъ и путевыя издержки до Лондона, когда придешь за ребенкомъ, получишь отъ надзирателя 2 шиллинга; за мѣсто будетъ заплачено начальствомъ заведенія.

»Тщательно сохраняй эту бумагу и привози ее всякій разъ, когда потребуютъ ребенка въ Воспитательный домъ, или когда возьмутъ его отъ тебя обратно; предписывается неотмѣнно, чтобы № ре-

бенка всегда былъ при немъ. Еслижъ опустишь эту предосторожность, у тебя отнимутъ питомца.»

Когда дѣти подростутъ и начинаютъ ходить, ихъ берутъ въ Воспитательный домъ и помѣщаютъ въ школу, въ отдѣленіе дѣтей одного съ ними возраста. Я полюбопытствовалъ осмотрѣть классы, и мы нашли около сотни мальчиковъ и дѣвочекъ, сидящихъ на полу, гдѣ они образовали нѣчто въ родѣ квадратовъ, которыми располагаются цѣтники. Учители ходили между рядами дѣтей, разсыпая между ними азбуки и таблицу умноженія. Внезапное появленіе секретаря и надзирательницы, которые провожали меня, разсвѣло, какъ будто волшебствомъ, квадраты одушевленнаго цѣтника. Молодые растенія вдругъ поскакали съ мѣстъ съ провзительнымъ крикомъ: ура! Одни бросились въ объятія надзирательницы, другіе кидались подъ ноги секретарю, съ плѣнительною доверчивостію. Что касается до меня, то, кромѣ нѣсколькихъ крошечныхъ рученокъ, которыя теребили фалды моего фрака, кромѣ нѣсколькихъ едва замѣтныхъ пальчушекъ, которые тихонько щипали меня за ноги, кромѣ похищенія моей шляпы, подъ которой исчезъ ребенокъ, надѣвший ее на голову и вѣроятно полагавшій себя навсегда лишеннымъ свѣта.... моя величественная особа возбудила очень мало вниманія.

На одномъ концѣ залы поставлены амфитеатромъ лавки, назначенныя для маленькихъ учениковъ. Онѣ служатъ также для помѣщенія оркестра духовыхъ инструментовъ, въ которомъ участвуютъ старшіе воспитанники заведенія. Эти юные музыканты, числомъ около 30-ти, именно въ эту минуту вошли въ залу; занявъ свои мѣста, они начали исполнять трудную итальянскую пьесу съ такою точностію и такимъ одушевленіемъ, что не удивительно, если судьи, болѣе меня опытные, поздравляли ихъ учителя въ письмахъ, которыя онъ сообщилъ намъ; эти свидетельства были подписаны сеньоромъ Костою, удивительнымъ художникомъ, и г-мъ Годфри, капельмейстеромъ гвардейскихъ полковъ Его Величества. Офенклендъ издавалъ звуки необъятной обширности и богатой модуляціи въ рукахъ маленькаго музыканта, который ростомъ былъ не выше инструмента, на которомъ игралъ. Особенно поразили насъ нѣкоторые мѣста изъ Генделевой *«Аллилуйя»*, и голоса *бѣзглагольныхъ* дѣтей показались намъ столько же полными и звучными, какъ голоса общества *кузнецовъ — тактовъ* Бельпера, подъ руководствомъ г. Шуля. Прослушавъ *«Аллилуйя»*, мы дали доказательства

нашей щедрости младшей части слушателей, столько же внимательной къ музыкѣ, какъ и мы, раздавъ имъ множество игрушекъ, которыя за ничтожную цѣну дѣлаютъ счастье этого возраста. Мы сами были счастливы, видя, какъ эти маленькіе человечки сильно били въ крошечные барабанчики, дули въ крошечныя трубы, или охотничьи рога (не смотря на то, что эти трубы и рога не издавали никакого звука); другіе размахивали крошечными деревянными саблями; третьи приводили въ движеніе пѣхотные и конныя полки, которымъ никогда не суждено нарушить политическаго равновѣсія Европы своими маневрами; наконецъ, еще другіе вынимали животныхъ изъ Ноева ковчега, или пускали по паркету паровозы, съ которыми никогда не бываетъ взрыва. Имъ позволили наслаждаться нѣсколько времени этими неожиданными подарками, и игры прекратились только при появленіи священника заведенія. Онъ пришелъ за однимъ изъ *большихъ* учениковъ, за первымъ кларнетистомъ въ оркестръ, которому исполнилось 14 лѣтъ отъ роду. Въ 14-ть лѣтъ, никакъ не позже, воспитанники оставляютъ заведеніе, чтобы избрать какое-нибудь ремесло. Первый кларнетистъ долженъ былъ въ этотъ самый день начать свое ученіе у типографа-автографировщика. Священникъ дружески положилъ ему руку на плечо и увелъ его съ собою, чтобы снабдить его нѣсколькими добрыми советами касательно будущихъ его обязанностей. Но кромѣ изустныхъ увещаній, всѣ дѣти, выходящія изъ заведенія, получаютъ письменное наставленіе слѣдующаго содержанія:

»Ты отданъ въ ученіе начальствомъ Воспитательнаго дома. Ты былъ принятъ въ заведеніе маленькимъ, беззащитнымъ, покинутымъ на произволъ судьбы, нищимъ, сиротою. Милосердіе вскормило тебя, одѣло, научило; это все такія благодѣянія, въ которыхъ нуждаются и которыхъ не имѣютъ многіе.

»Тебя учили бояться и любить Бога, быть честнымъ, бережливымъ, трудолюбивымъ, расторопнымъ. Если ты хочешь заслужить успѣхъ въ этомъ свѣтѣ и блага въ будущемъ, то помни, чему тебя учили. Ты долженъ вести себя честно и справедливо, быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ желаніяхъ, оказывать всѣмъ уваженіе, но въ особенности твоему хозяину и его семейству. и исполнять всѣ его законныя приказанія со вниманіемъ и усердіемъ, съ пріятнымъ и кроткимъ видомъ. Когда ты будешь въ свѣтѣ, то тебѣ могутъ встрѣтиться различныя искушенія; но удаляйся, бѣги отъ нихъ, во что бы то ни стало. Говори всегда истину. Когда

тебѣ случится сдѣлать что-нибудь достойное порицанія, то чисто-сердечнымъ признаніемъ ты можешь заслужить прощеніе гораздо легче, нежели увеличивая свой проступокъ упорною ложью, которая при томъ подвергнула бы тебя строжайшему наказанію. Ложь начало всякаго зла; человекъ, который навѣкъ во лжи, не заслуживаетъ болѣе ни вѣры, ни уваженія, ни довѣренности.

»Не стыдись того, что ты былъ воспитанъ въ благотворительномъ заведеніи. Сознаваясь въ этомъ громко и говори, что ты былъ принятъ и воспитанъ тамъ дѣйствіемъ особенной отеческой благодати Всемогущаго. Благодари Его за то отъ всего сердца.

»Не забывай ежедневной молитвы; будь усерденъ къ божественной службѣ. Удаляйся игры, божбы и всякихъ непохвальныхъ рѣчей. Такимъ образомъ благословеніе Божіе опустится на труды твои и ты будешь счастливъ. Иначе ты навлечешь на себя печаль, стыдъ и бѣдность.

»NB. Каждый годъ, въ праздникъ Пасхи, когда ты предъявишь свидѣтельство о хорошемъ поведеніи за протекшій годъ, комитетъ заведенія выдастъ тебѣ награду, соразмѣрную со временемъ, проведеннымъ въ ученъ; а при концѣ ученя, представя свидѣтельство за все протекшее время, ты получишь право на сумму 5 гиней, или другую меньшую, по усмотрѣнію комитета.»

Мы осмотрѣли классы, дортуары, кухню, прачешную, буфетъ, лаваретъ; присутствовали при обѣдѣ 400 воспитанниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (это дѣйствіе совершается въ заведеніи съ истинно-военною точностію), но тутъ не замѣтили значительной разницы отъ общаго устройства всѣхъ благотворительныхъ заведеній.

Послѣ обѣда мальчиковъ созвали звукомъ трубы на дворъ заведенія, гдѣ они дѣлали военныя экзерциціи, и они исполнили ихъ къ величайшему удовольствію сержанта, который ихъ учить; онъ сказалъ намъ на ухо, что самая пѣшая гвардія не лучше маршируетъ. Я думалъ тогда, что узналъ всю исторію *бѣглыхъ* дѣтей, и хотѣлъ уже удалиться, совершенно довольный всѣмъ видѣннымъ, какъ вдругъ изъ комнатъ придверника вышла женщина, очень прилично одѣтая; она пошла сказать секретарю, что «Джое пріѣхалъ на австральскія рудокопни; — Джое прислалъ ей банковый билетъ въ 10 ф. стерл.; — Джое надѣялся въ скоромъ времени прислать такой же билетъ заведенію въ знакъ своей почтительной признательности; — Джое въ непродолжительномъ времени долженъ былъ переслать достаточную сумму, чтобы она могла къ нему пріѣхать (это была жена Джое) съ своимъ сыномъ и двумя дочерьми.

Но старшая ихъ дочь вошла уже въ совершенныя лѣта и, имѣя свою волю, отказывалась вѣдать съ матерью и сестрами, потому что дала обѣщаніе въ нѣжной привязанности молодому рѣзчику, который не носилъ имени Джое. Признаюсь, во мнѣ пробудилось сильное любопытство узнать, кто такой былъ Джое,—тѣмъ болѣе, что мистриссъ Джое, казалось, была въ восторгѣ отъ того, что могла говорить о своемъ мужѣ.

Я легко получилъ изъясненіе этой маленькой домашней исторіи. Въ заведеніи существуетъ капиталъ, изъ котораго, по усмотрѣнію начальства, выдаютъ иногда заимообразно пособіе воспитанникамъ, покинувшимъ заведеніе.

Джое, подобно другимъ своимъ товарищамъ, не разъ обращался къ банку Воспитательнаго дома, хотя и вышелъ изъ заведенія въ ранней юности, чтобы вступить юнгою на одинъ изъ кораблей Нельсонова флота. Джое отвѣдалъ въ жизни удачу и горе, но всегда честно платилъ свои денежныя обязательства; за то еще разъ ссудили его деньгами, когда онъ рѣшился отправиться въ Австралію отыскивать золотыя рудники. На этотъ разъ счастье, казалось, улыбнулось ему. Радость мистриссъ Джое была заразительна; мы выразили ей все удовольствіе, которое причиняло намъ счастье Джое, и наше желаніе, чтобы онъ могъ собрать довольно золота для себя, для мистриссъ Джое, ихъ сына, двухъ дочерей и рѣзчика. Это желаніе повторяемъ мы еще разъ; дай Боже, чтобы, при нашемъ вторичномъ посѣщеніи, мы нашли имя Джое между именами благотворителей, которые отвѣчали и отвѣчаютъ на великодушный вызовъ капитана Корама; дай Боже, чтобы *бесгиманныя* дѣти приветствовали на панеляхъ столовой его имя, съ слѣдующимъ прибавленіемъ:

»Джое.... 500 ф. стерл.«

Таково убежище, которымъ найденыши обязаны доброму капитану (да благословить Богъ его память). Тутъ получаютъ они имя и воспитаніе и дѣлаются полезными членами общества.

Воспитательный домъ теперь богатое заведеніе.

Пусть тѣ, которые прочли насъ съ нѣкоторымъ участіемъ, какъ мы, посѣтятъ заведеніе въ воскресенье послѣ обѣдни. Мы думаемъ, что, подобно намъ, они останутся довольны видомъ, пищею и помѣщеніемъ дѣтей. Быть можетъ и имъ, какъ намъ, покажется, что чиновникъ, который присутствуетъ при обѣдѣ, могъ бы имѣть наружность менѣе суровую. Видя его такимъ важнымъ, мы невольно спрашивали себя, не отниметъ ли онъ аппетита у своихъ невинныхъ го-

стей. Онъ ударяетъ также по столу молотомъ съ такою торжественностію, что напомнилъ намъ стукъ молотка у двери Донъ - Жуана, когда къ нему приходитъ каменная статуя командора. Это слишкомъ печальный сигналъ для молитвъ передъ начатиємъ и по окончаніи дѣтскаго обѣда.

Прибавимъ, что должностей начальниковъ не добиваются здѣсь избирательными интригами, какъ въ большей части благотворительныхъ заведеній нашего времени. Эти домогательства постыдны, особенно, когда поразудишь, что дѣло идетъ о собственности бѣдныхъ, и что тѣ, которые являются такими смиренными и льстивыми, чтобы заслужить честь оффиціального мѣста начальника, подвергаютъ себя эпиграммѣ, которую Жильблязъ обращаетъ къ начальникамъ мадридскихъ больницъ: »Синьоръ Мануель Ордоннець, господинъ мой, человекъ глубокой набожности.... говорятъ, что въ молодости, имѣя въ виду только пользу бѣдныхъ, онъ пекся объ нихъ съ неутомимымъ усердіемъ. Какая благодать! радъя о дѣлахъ бѣдныхъ, онъ обдѣлалъ также и свои собственные».

Посѣщеніе парижскаго Воспитательнаго дома.

Справедливо превозносятъ понятливость парижскихъ извозчиковъ; когда они не понимаютъ васъ съ одного слова, то это значитъ просто, что они не хотятъ васъ понять. На дняхъ одинъ англичанинъ, который слишкомъ плотно пообедалъ и хотѣлъ движеніемъ облегчить пищевареніе, садится въ фіакръ: — куда прикажете, сударь? спрашиваетъ Автомедонъ. »Къ чорту!« отвѣчаетъ джентльменъ. Минуту спустя карета катилась; черезъ пол-часа остановилась на углу улицы. »Какой №, сударь?« спрашиваетъ кучеръ черезъ плечо своего съдока. Джентльменъ смотритъ въ дверцы и видитъ на стѣнѣ надпись: *Адская улица*.

Я вспомнилъ про этотъ анекдотъ вчера, приказавъ отвезти себя въ эту же самую *Адскую улицу*, гдѣ изъ всѣхъ столичныхъ улицъ лучше можно видѣть небо; тутъ находится обсерваторія, которой восточный фасадъ считается широтою Парижа. Въ одной изъ залъ этого великолѣпнаго зданія ученые начертили также и меридіанъ его. Тутъ телескопы для изученія звѣздъ, анеометръ для означенія направленія вѣтра, плевіометръ для измѣренія количества дождя, которое падаетъ ежегодно; зала, которая можетъ вмѣстить въ себя до 600 человекъ и гдѣ г. Араго читаетъ свои лекціи, наконецъ прекрасная бібліотека, содержащая 45 т. томовъ.

Но сегодня я пріѣхалъ въ Адскую улицу не для того, чтобы осматривать обсерваторію, хотя экипажъ мой остановился почти на-противъ этого зданія, подъ небольшимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, который развѣвается на концѣ остроконечнаго шеста и служитъ вывѣскою четырехъ-угольному отверстию, продланному въ стѣнѣ. Отверстіе, шириною около 20 вершковъ, вмѣщаетъ въ себѣ круглый черный ящикъ; это-то, что называютъ *in tour* (воротъ, оборотный ящикъ) для принятія подкидышей.

Такъ какъ заведеніе всегда отворено для публики, то я позвонилъ у главныхъ воротъ, и когда они отворились, хотѣлъ изяснить причину моего посѣщенія; но привратникъ, съ быстротою французскаго ума, угадалъ мое желаніе, прежде нежели я раскрылъ ротъ, и попросилъ меня войти въ его комнату и присѣсть на лавку; потомъ позвонилъ самъ и прибавилъ, что сей-часъ придутъ и покажутъ мнѣ все, что есть замѣчательнаго въ заведеніи.

Въ комнату привратника сидѣла сестра милосердія, чисто одѣтая, съ скромною и пріятливою наружностію и смиренно занятая штопаніемъ чулковъ. Вскорѣ, по лѣвую руку отъ меня, отворилась дверь, и я увидѣлъ почтенную женщину, которая, не входя въ комнату, сдѣлала мнѣ знакъ за нею слѣдовать. Лишь только я переступилъ за порогъ, какъ очутился на обширномъ четверугольномъ дворѣ, нѣкогда принадлежавшемъ монастырю ораторіанцевъ и окруженномъ зданіями нынѣшняго заведенія. Въ центрѣ фасада трехъ-этажнаго дома блистали башенные часы—эмблема порядка и правильности, которую можно видѣть на всѣхъ парижскихъ общественныхъ зданіяхъ.

Въ лѣвомъ флигелѣ, на двухъ параллельныхъ дверяхъ были надписи: «*контора*», «*казначейство*». Въ правомъ находилась церковь съ двумя рядами оконъ.

20-тъ лѣтъ тому назадъ, во Франціи считалось не менѣе 296 Воспитательныхъ домовъ, гдѣ, безъ малѣйшихъ предварительныхъ справокъ, принимали бѣдныхъ дѣтей, не рѣдко носимыхъ по улицамъ въ плетенкѣ комиссіонера, которому поручено было собирать ихъ. Въ 1832 году необыкновенная смертность, замѣченная между найденышами, и другія, равно важныя причины, заставили огривичить пріемъ. Потребовали, чтобы не приносили ни одного ребенка безъ свидѣтельства объ его «оставленіи», подписаннаго полицейскимъ чиновникомъ, который имѣлъ позволеніе пожурить мать, или другую

особу, покидающую ребенка, но не имѣлъ права отказать въ свѣдѣтельствѣ, котораго отъ него требовали. Это ограниченіе уменьшило число пріютовъ для подкидышей до 152-хъ; но оно такъ было противно общему мнѣнію, что въ 1848 году, изъ 55 генеральныхъ совѣтовъ 44 подали голосъ за уничтоженіе мѣры. Вслѣдствіе этого теперь дѣтей опять кладутъ въ *вороты* (*tour*), какъ до 1833 г. Заведеніе не только обязано принимать дѣтей всѣхъ матерей, которыя объявляютъ невозможность держать ихъ у себя; но сверхъ того постановленіемъ присваиваетъ право поступленія въ заведеніе сиротамъ (отъ 12 до 14 лѣтъ) и дѣтямъ всякой особы, которая можетъ доказать недостаточность способовъ прокормить ихъ.

Здоровыхъ дѣтей, почти немедленно по принятіи, разсылаютъ по деревнямъ и раздаютъ женщинамъ, которыя обязываются кормить ихъ за 4 франка въ мѣсяцъ; эта сумма постепенно возвышается до 8 фр., если дѣти подростутъ у нея въ домѣ. Известно, что не разъ молодая мать, покинувши свое дитя, обращается въ Воспитательный домъ, въ который она его помѣстила, съ просьбою—дать ей питомца, и въ надеждѣ,—быть можетъ, сама того не зная,—подражать матери Моисея и заставить публичное милосердіе играть роль дочери Фараона.

Я уже имѣлъ нѣкоторое понятіе объ этихъ подробностяхъ, когда послѣдовалъ за своею путеводительницею; она ввела меня въ обширную и длинную залу, называемую *ясли* (*la crèche*). Тамъ, какъ я и ожидалъ, увидалъ я, прежде всего, голову ребенка, которая качалась на-право и на-лѣво въ рукахъ женщины; потомъ рядомъ съ нею 15 другихъ малютокъ, которые, подобно первому, вертели головами, или спали на рукахъ 15 поселянокъ, спокойно сидящихъ на стульяхъ. Причина этого почти безпрестаннаго волненія состояла въ томъ, что одна голова дѣтей оставалась свободною, между тѣмъ какъ все тѣло ихъ было стануто пеленками и увито свивальниками, какъ мумія, или какъ вѣтвь дерева, сжатая своею корою. Многія изъ крестьянокъ показались мнѣ довольно пожилыми, и могли быть бабушками своихъ питомцевъ, поэтому я ни мало не удивился воплямъ и крику дѣтей. Однажды, музыка казалась мнѣ болѣе шумною, нежели сколько должно было ожидать отъ числа пѣвцовъ; вскорѣ я открылъ тому причину, замѣтивъ хоръ, сначала для меня невидимый, который находился въ нѣкоторомъ родѣ корыта или колоды на оконечности линіи и состоялъ изъ 12 ребенковъ въ черныхъ шапочкахъ; этимъ малюткамъ не было еще недѣли, и они плотно ле-

жали одинъ возлѣ другаго , какъ клавиши на фортепіано! Какіе фортепіаны!

Никогда еще не случилось мнѣ видѣть такого множества дурныхъ дѣтскихъ лицъ, смуглыхъ, красныхъ, темныхъ, и которыя всѣ вѣсть не только кричали, но дѣлали невообразимыя гримасы, какъ-будто бы ротъ ихъ на мѣсто молока, въ которомъ они нуждались, наполненъ былъ ревенемъ, ялапомъ, алоемъ, горчицею, однимъ словомъ, всеми возможными аптекарскими снадобьями. Кажется, не было ни малѣйшей надежды успокоить ихъ; просто, было отъ чего придти въ отчаяніе. Когда начиналъ одинъ, другіе немедленно подхватывали, и т. д. Если же, на минуту, они умолкали, какъ ураганъ передъ новымъ и сильнѣйшимъ порывомъ, то въ этихъ маленькихъ существахъ, вынужденныхъ къ краткому промежутку молчанія недостаткомъ дыханія, проглядывало такое горестное выраженіе, что я весь былъ проникнутъ жалостію. Увы! я одинъ испытывалъ чувство состраданія и обращалъ на нихъ вниманіе. Каждая изъ 16 кормилицъ занималась только своимъ питомцемъ и старалась усыпить его, раскачивая то на право, то на лѣво, то взадъ, то впередъ.

Моя путеводительница, которая никакъ не могла понять, что такое меня тутъ удерживало, нѣсколько разъ покушалась увести меня далѣе, чтобы показать мнѣ то, что, по ея мнѣнію, было несравненно занимательнѣе; но не смотря на ея повторенныя убѣжденія, я оставался погруженнымъ въ это зрѣлище до тѣхъ поръ, пока наконецъ, оторвавшись отъ созерцанія 12 кандидатовъ на пищу, я сдѣлалъ послѣдній вопросъ касательно клочка бумажки, приштаго къ шапочкѣ каждаго ребенка. Это былъ №, подъ которымъ онъ записанъ въ реэстрахъ заведенія. Тутъ же упомянуть день, или ночь, и часъ его прибытія. Слишкомъ часто случается, что этимъ числомъ и ограничивается все, что только извѣстно изъ жизни маленькихъ несчастливцевъ.

Паркетъ комнаты, по которой я проходилъ, былъ такъ хорошо натертъ, что я едва не упалъ, хотя у меня не было на рукахъ ребенка. Стараясь возстановить равновѣсіе, я увидалъ, что нахожусь среди цѣлаго сонма дѣтей. Дѣйствительно, я насчиталъ тутъ не менѣе 120 желѣзныхъ колыбелей, которыя всѣ были заняты. Возлѣ колыбелей я замѣтилъ множество женщинъ, которыя держали рожки, назначенныя замѣнить для питомцевъ материнскую грудь. На концѣ возвышалось изваянное изображеніе Того, Кто сказалъ: »Sinite parvulos venire ad me«

потомъ путеводительница моя провела меня въ залу, гдѣ на одной сторонѣ находился рядъ колыбелей, а на другой рядъ кроватей для кормилицъ. За этой слѣдовала еще комната, въ которой было только 38 колыбелей. Я стоялъ уже на порогѣ, когда провожавшая меня женщина сказала мнѣ, что тутъ лежали дѣти, страдавшія всякаго рода глазными болѣзнями. При этомъ извѣщеніи я поскорѣй воротился назадъ и не хотѣлъ войти *). Потомъ, не изыясняя причины моего страха, съ большою храбростію перешелъ черезъ длинную лазаретную залу, наполненную колыбелями съ голубыми занавѣсками, гдѣ всѣ малютки лежали въ кори. Но пусть успокоится читатель; я не стану описывать непріятнаго концерта чиханій, кашля, пронзительныхъ, или хриплыхъ воплей, которые меня тутъ привѣтствовали.

Изъ оконъ этой залы я замѣтилъ еще два флигеля, которые также надѣялся осматривать; но моя вожатая сказала, что они предоставлены взрослымъ дѣтямъ и что туда не водятъ посѣтителей. Въ замѣну, она не безъ гордости показала мнѣ прачешную, сушильную, скотный дворъ, обширные сады и сарай съ 30-ю желтыми омнибусами, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься до 16-ти кормилицъ (именно то число женщинъ, которое я видѣлъ въ залѣ, и которыя ожидали часа отъѣзда). Въ этихъ омнибусахъ отвозятъ ихъ на станцію желѣзной дороги, откуда онѣ возвращаются къ себѣ, каждая съ полученнымъ ею питомцемъ.

Я узналъ, что заведеніе въ 1851 г. приняло около 5 т. дѣтей, не считая 1500, принадлежащихъ женщинамъ, принужденнымъ лечь въ больницу, гдѣ онѣ не могли кормить дѣтей своихъ, взятыхъ на это время въ заведеніе. Пять тысячъ дѣтей, принятые окончательно, кормятся и воспитываются на счетъ заведенія до 21 года, если до тѣхъ поръ не поступили въ ученіе или не пристроились какимъ-нибудь другимъ образомъ. Кромѣ необходимаго числа прислуги и кормилицъ, тутъ находятся 34 сестры милосердія, три монаха изъ христіанскихъ школъ и главный надзиратель. Весь расходъ заведенія простирается до 1,318,118 ф. р. (Отчетъ 1848 года). Посѣщеніе мое окончилось тѣмъ, съ чего должно бы начаться, — съ вѣрота (tour). Сперва мнѣ представилась только небольшая черная доска,

*) Сиръ Фр. Гадъ пріѣзжалъ въ Парижъ совѣтоваться съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ парижскихъ главныхъ врачей.

но обернувши ее *), я увидѣлъ подушку, набитую соломой и покрытую полинялою зеленою матеріею. Эта подушка возбуждала во мнѣ движеніе глубокаго и горестнаго умиленія. Какъ! здѣсь, на этомъ логовищѣ парижскія матери кладутъ ребенка, съ которымъ на вѣки расстаются. Найдется ли какая мать, изъ самаго низкаго разряда тварей, въ которой подобное дѣйствіе не возмутило бы всѣхъ чувствъ! И вотъ все, что придумало просвѣщеніе, приходящее на помощь несчастнымъ, которымъ стыдъ или нищета запрещаютъ сознаться въ священномъ званіи матери. Для извѣщенія дежурнаго чиновника звонятъ, положивъ ребенка въ ворѣтъ; но иногда присутствіе его возвышается одними воплями. Понятно, что много матерей не имѣютъ силъ позвонить. Наконецъ, какимъ бы образомъ ребенокъ ни вступилъ въ заведеніе, но главное сдѣлано. Онъ принять.... Его вынимаютъ изъ вѣрота, привязываютъ ему №, и утромъ на другой день крещеніе даетъ ему имя.

(*A faggot of French Sticks*).

Этѣ двѣ статьи, касающіяся предметовъ такой высокой занимательности во всѣхъ отношеніяхъ, въ религіозномъ, нравственномъ и статистическомъ, принадлежатъ двумъ англійскимъ писателямъ: первая — знаменитому Диккенсу, вторая — сэръ Френсисъ Гэду, который недавно путешествовалъ по Франціи. Читая эти два небольшіе очерка, невольно переносишься въ умъ къ великолѣпному заведенію въ томъ же родѣ, заведенію, которымъ Царское милосердіе одарило наше отечество!.... Сколько глубокихъ чувствъ и сколько разнообразныхъ, богатыхъ мыслей пробуждаетъ подобное сближеніе! Одна цѣль, одно божественное вдохновеніе руководило основателей, но какая разница, — во 1-хъ, въ самой исходной точкѣ, въ образѣ основанія! Во Франціи, мужъ святой жизни, тронутый воплями *сиротъ съ минуты рожденія*, — уноситъ ихъ подъ полой собственнорасе и звуками сердечнаго краснорѣчія пробуждаетъ жалость и сочувствіе въ сердцахъ благородныхъ дамъ, изъ которыхъ однѣ, безупречныя въ жизни и совѣсти, другія, можетъ быть, тайно укоряемыя внутреннимъ чувствомъ при видѣ несчастныхъ заброшенныхъ малютокъ, — спѣшатъ добровольными приношеніями способствовать ихъ спасенію. Въ Англіи — странное явленіе! — также

*) *En tournant*, откуда *tour*.

человѣкъ одинокій и безсемеинный, но грубый, суровый по наружности, морякъ, испытанный всеми превратностями судьбы, закаленный въ буряхъ и опытахъ жизни, въ свои праздныя прогулки по берегу рѣвки умиляется надъ судьбою брошенныхъ на погибель созданий! У насъ же не нужно было раздаваться голосу святаго мужа, чтобы возбуждать частныхъ людей къ состраданію и пожертвованіямъ; — у насъ примѣръ жалости и благотворительности сошелъ свыше! Первая державная Жена огромнаго государства, мать безчисленныхъ подданныхъ, обожающихъ ее, сама кладетъ основаніе этому истинному приюту высокой благотворительности, и съ щедростію Царицы, равно какъ и съ заботливостію матери, отсыпаетъ часть своихъ сокровищъ на обезпеченіе — не только нуждъ, но и всѣхъ прихотей дѣтства, но и всей будущей судьбы питомцевъ. За то, если мы видимъ такую разницу въ основаніи и въ средствахъ, такая разница и въ исполненіи, и въ образѣ управленія и ходѣ дѣлъ! Какой громадный объемъ приняло это заведеніе! Какъ процвѣло, и въ какихъ широкихъ, гигантскихъ размѣрахъ раскинулось это колоссальное заведеніе Россійскаго Императорскаго Воспитательнаго Дома! это въ-ковое дерево, подобное чудовищнымъ африканскимъ бобабамъ, далеко раскинувшимъ мощныя вѣтви, шириною и толщиною подобныя первоначальному стволу, дерево, подъ тѣнь котораго прибѣгаютъ и укрываются множество поколѣній! Какъ жаль, что лица, имѣющія въ рукахъ всѣ матеріалы касательно этого единственнаго въ мірѣ заведенія, всѣ способы и средства употребить ихъ въ дѣло, и нужныя дарованія, чтобы соединить ихъ въ одно цѣлое необыкновенной занимательности, не воспользуются ими и не подарятъ публикѣ и потомству письменный памятникъ для изображенія гигантскаго памятника, достойнаго высокой души Монархини, его основавшей! Какой живой, глубокой и необъятный интересъ имѣло бы для всѣхъ Русскихъ и даже для иностранцевъ подобное произведеніе, когда уже съ участіемъ и удовольствіемъ читаютъ иностранныя статьи, касающіяся до заведеній, которыя въ сравненіи съ нашимъ Воспитательнымъ домомъ то же, что маякъ на скалѣ съ пламенемъ, поддерживаемымъ невѣрною рукою человѣка, передъ великолѣпнымъ свѣтиломъ, стройно совершающимъ свое теченіе въ небѣ, гдѣ оно поставлено рукою Вседержителя!

Для дополненія этихъ двухъ отрывковъ о предметѣ, котораго занимательность, повторяемъ, кажется намъ неистощимою, приве-

десть пѣсколько строкъ изъ статьи, напечатанной въ судебной газетѣ г. Карменемъ въ защиту *воротовъ* (*tours*).

Онъ называетъ вопросъ о воротахъ (*tours*) *католическимъ*, бывая, что добрый капитанъ Корама былъ протестантъ, а другіе, еще высочайшіе образцы благотворительности — православные. Мы, не причастные духу сектъ и партій, приводя его слова, назовемъ его просто *религіознымъ*.

»Вопросъ о воротахъ (*des tours*) — религіозный, говорятъ онъ, потому, что это—учрежденіе, пользующееся всею любовью народа, учрежденіе полное милосердія, любви, преданности, безкорыстное, таинственное, и потому, что оно такъ хорошо удовлетворяетъ всѣмъ пѣжимъ и сокрытымъ чувствамъ души. Онъ религіозный потому, что, за долго до св. Винцента де Поля, и еще въ 422 г., соборы Арльскій и Ванзонскій разрѣшили класть въ церквахъ новорожденныхъ и предписали церковникамъ принимать ихъ. Онъ религіозный потому, что св. Винцентъ де Поль давалъ ангельскихъ сестеръ милосердія матерямъ дѣтямъ, которыя не знали своихъ матерей. Онъ религіозный въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ язычника ребенокъ былъ ничто иное, какъ вещь; въ глазахъ новѣйшихъ материалистовъ, ребенокъ — цифра; но передъ очами вѣры ребенокъ есть созданіе Божіе, носящее Его благословеніе. Онъ религіозный (католическій) потому, что монахини, которыхъ нѣтъ у протестантовъ, принимаютъ на свои материнскія руки плачущихъ дѣтей, — монахини, которыя женщины, и женщины снисходительныя и скромныя, — понимаете ли вы? для того, чтобы скрыть стыдъ матерей, — а не большіе и маленькіе чиновники, которые, конечно, дѣлаютъ, что могутъ, но которые ничего не разумѣютъ ни въ материнскомъ чувствѣ, ни въ новорожденныхъ, ни въ стыдѣ, ни въ тайнѣ. Онъ религіозный, потому, что съ закрытіемъ воротовъ размножится подкидываніе, дѣтоубійство, т.-е. смерть безъ разрѣшенія, между тѣмъ какъ пріемъ въ Воспитательный домъ новорожденныхъ ведетъ за собою немедленное отправленіе таинства св. крещенія. Онъ религіозный, потому, что лучше, чтобы заведеніе однажды, случайно, приняло (большое несчастье!) законнорожденного ребенка, порученнаго его милосердію нищетою, или заблужденіемъ матери въ отчаяніи, нежели подавать поводъ къ ужасному преступленію и сраму истребленія младенцевъ въ чревѣ матерей. Онъ религіозный, потому, что, что вы ни дѣлаете со всѣми прекрасными вашими и административными мѣрами, одна вѣра науче-

ніемъ и милосердіемъ можетъ уменьшить слишкомъ большое число незаконныхъ дѣтей: наученіемъ, врачуя испорченность ума и сердца, и милосердіемъ, умилая богатыхъ надъ нищею бѣдныхъ. Наконецъ — онъ религіозный, и это такъ справедливо, что нѣтъ во Франціи священника, который не противился бы уничтоженію вѣротовъ, — потому что, если ихъ уничтожить, то должно будетъ оставить дѣтей на попеченіе незамужнихъ матерей ихъ. Не понятно ли, что тогда произойдетъ? Что такія матери, воспитывая дѣтей своихъ, сообщать имъ-то именно ту религію, которую сами исповѣдуютъ, т.-е. не научать никакой вѣрѣ, никакимъ правиламъ, и обрекутъ ихъ съ младенчества на жизнь безпорядка и безславія....

Заклучимъ эти слова повтореніемъ желанія нашего, чтобы люди, способные къ тому по своему положенію, вліянію и дарованіямъ, сами, или выбравъ людей достойныхъ замѣнить ихъ, посвятили, съ любовію и желаніемъ добра, свои труды вопросу, который занимаетъ теперь всю Европу и который заслуживаетъ возбудить участіе во всякомъ человѣкѣ, одаренномъ чувствомъ и мыслію.

1853 года, іюня 8-го. Москва.

ЕЩЕ ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Самому мнѣ удивительно, что я, школьный учитель небольшого уѣзднаго городка, учитель, не издавшій даже ни одной хрестоматіи, и следовательно человѣкъ не имѣющій никакого авторитета ни въ литературномъ, ни въ ученомъ мірѣ, рѣшаюсь замѣчать ошибки *противъ правилъ* русскаго языка, *встрѣчаемыя*.... ух! страшно и подумать! въ нашихъ журналахъ, въ этихъ представителяхъ всей нашей литературы!....

Найдутся, или покрайней мѣрѣ могутъ найдтись — люди, которые мнѣ скажутъ — или покрайней мѣрѣ могутъ сказать, — что самъ я и въ самомъ началѣ моего листка, *направленного*.... опять ошибка: листокъ не можетъ быть *направлень*.... *возстающаго* — листокъ не можетъ *возставать*.... *пишущагося* — листокъ не можетъ писаться, а его кто-нибудь пишетъ.... и такъ просто: моего листка (это и правильнѣе и короче) сдѣлалъ уже двѣ ошибки *въ*

русскомъ языкѣ: 1) мнѣ могутъ замѣтить, что ошибку дѣлають *въ чемъ-нибудь*, а не *противъ чего-нибудь*, и что слѣдовательно мнѣ надобно было сказать: рѣшаюсь замѣчать ошибки не *противъ* правилъ русскаго языка, а *въ* правилахъ русскаго языка. Я такъ и думалъ сказать, я даже долго думалъ надъ этимъ оборотомъ, (не объ этомъ ли оборотѣ?); но если бы я сказалъ: рѣшаюсь замѣчать ошибки *въ* правилахъ русскаго языка, тогда бы этотъ оборотъ могъ имѣть такой смыслъ, что я какъ будто бы замѣчаю ошибки, *сущестующія* или *вкрапившіяся* въ правила русскаго языка, — и это, по моему мнѣнію, выходило бы еще неправильнѣе уже по самой двусмысленности фразы. Я рѣшился выбрать изъ двухъ золъ меньшее. 2) Мнѣ могутъ замѣтить, что, говоря объ ошибкахъ представителей, нельзя сказать: ошибки, *встрѣчающіяся въ* представителяхъ, а надобно говорить: у представителей; что, слѣдовательно, сказавъ: ошибки, *вотрѣчающіеся въ* нашихъ журналахъ, *въ* этихъ представителяхъ нашей литературы,—я сказалъ неправильно, и что надобно было бы сказать: ошибки, *встрѣчающіяся въ* нашихъ журналахъ, *у* этихъ представителей и проч. Я знаю, что есть *пуристы* удивительно придирчивые!....

Но перейдемъ къ журналамъ и ихъ ошибкамъ, которыя гораздо важнѣе моихъ, т. е. важнѣе не въ томъ смыслѣ, что журналы дѣлають ошибки болѣе важныя, чѣмъ дѣлаю я, но важнѣе по послѣдствіямъ.

Прежде мнѣ казалось, что противъ журналовъ, которые издаются въ столицахъ, и въ которыхъ участвуютъ все наши литературныя и ученые знаменитости, нашему брату

Какъ можно смѣть

Свое сужденіе имѣть!

Въ этомъ мнѣніи еще больше поддерживалъ меня нашъ уездный казначей, который, пополамъ съ судьей, прежде выписывалъ Московскія Вѣдомости и Библіотеку для Чтенія, потомъ Московскія Вѣдомости и Отечественныя Записки, а теперь выписываетъ Московскія Вѣдомости и Современникъ. Какъ литературный дилетантъ, какъ человекъ, идущій рука объ руку съ нашей журналистикой, казначей считается у насъ въ городѣ литературнымъ оракуломъ. Чувствуя свое превосходство по этой части надъ всеми своими согражданами, онъ, разумется, очень любитъ поговорить о литературѣ, любитъ поставить въ тупикъ своимъ литературнымъ вопро-

сомъ, своимъ смѣлымъ мнѣніемъ, своимъ полнымъ одобреніемъ всякому нововведенію, не разбирая даже слишкомъ строго, худо ли, хорошо ли оно.

Когда еще казначей получалъ Библіотеку для Чтенія, онъ однажды поподчивалъ меня табакомъ и потомъ спросилъ очень значительно:—

— А чего вы это понюхали?

— Разумѣется табаку, отвѣчалъ я, поглядывая на него съ удивленіемъ.

— Табаку.... табаку.... повторилъ казначей; отчего же не табака? Вѣдь мѣстоименія: *кого*, *чего*, кажется, требуютъ родительнаго падежа, а не дательнаго, — следовательно надобно говорить табака, а не табаку.

— Нѣтъ правила безъ исключенія, замѣтилъ я.

— Такъ вы считаете это только исключеніемъ, а не общимъ правиломъ? спросилъ казначей засмѣявшись.

— Конечно.

— Хорошо! хорошо! продолжалъ онъ съ какимъ-то внутреннимъ торжествомъ; а подлѣ чего. на примѣръ, стоятъ вотъ эти дрожки?— Изъ окна былъ виденъ заборъ, подлѣ него стояли дрожки.

— Подлѣ забора, отвѣчалъ я.

— А нѣтъ подлѣ забору, возразилъ казначей.

— Почему же это!

— Да потому же, почему вы сей-часъ сказали табаку, а не табака.

— Но ужъ я вамъ замѣтилъ, что это исключеніе.

— А я вамъ говорю, что это вовсе не исключеніе, а общее правило: эти дрожки стоятъ подлѣ забору, а не подлѣ забора; вонъ священникъ идетъ изъ собору, а не изъ собора; вонъ судья выходитъ изъ своего дому, а не изъ своего дома.

— Но откуда жъ вы взяли эти правила? спросилъ я засмѣявшись въ свою очередь; изъ какой грамматики?

— Изъ грамматики! отвѣчалъ казначей съ презрѣніемъ: стану я брать правила изъ вашихъ грамматикъ! Вотъ откуда надобно брать вамъ правила, господа узданные педагоги, прибавилъ онъ, ударивъ рукой по толстой книжкѣ Библіотеки для Чтенія. Согласитесь, что тѣ, которые издають этотъ журналъ, знаютъ больше нашего.

Тутъ онъ раскрылъ книжку Библіотеки, и не больше какъ на одной страницѣ указалъ мнѣ покрайней мѣрѣ десять примѣровъ употребленія дательнаго падежа вмѣсто родительнаго.

Противъ такого авторитета, какимъ пользовалась тогда Библиотека, спорить было нельзя. Черезъ недѣлю весь нашъ городъ и писалъ и говорилъ по новому правилу, а я ввелъ его въ мой учебный курсъ.

Послѣ, когда уже казначей получалъ Отечественныя Записки, онъ вдругъ озадачилъ меня слѣдующимъ вопросомъ: скажите-ка мнѣ, какіе есть въ Петербургѣ театры?

Я назвалъ ему Большой театръ, Михайловскій, Александринскій.

— Большой и Михайловскій театръ дѣйствительно есть въ Петербургѣ, отвѣчалъ онъ, но Александринскаго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! развѣ онъ сгорѣлъ?

— Да развѣ то, чего нѣтъ, можетъ сгорѣть? спросилъ казначей въ свою очередь. Александринскаго театра въ Петербургѣ нѣтъ, да никогда и не бывало.

Я смотрѣлъ на него во все глаза.

— Не понимаете?

— Рѣшительно не понимаю.

— Александринскаго театра нѣтъ, сударь, въ Петербургѣ, а есть театръ Александринскій.

Я все еще ничего не понималъ.

— Да знаете ли вы, продолжалъ казначей, не давая мнѣ опомниться отъ моего изумленія, что въ Петербургѣ даже вовсе нѣтъ петербургскихъ театровъ?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я, совершенно ставъ въ тупикъ.

— Въ Петербургѣ, сударь, есть театры только петербургскіе, но никакъ не петербургскіе.

Казначей раскрылъ книжку Отечественныхъ Записокъ, и я долженъ былъ сознаться, что Александринскій театръ дѣйствительно надобно называть Александринскимъ, а вмѣсто петербургскаго говорить петербургскій.

И въ нарѣчій нашего города, и въ моемъ учебномъ курсѣ опять послѣдовали измѣненія. Я такъ же безпрекословно повиновался журналамъ, какъ и нашъ казначей.

Такъ шло долго, шло именно до тѣхъ поръ, пока наконецъ г. Покровскій своимъ «Памятнымъ Листкомъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ» не доказалъ мнѣ, что и въ провинціи можно писать очень дѣльные замѣчанія на слогъ столичныхъ журналовъ. Отдавая полную справедливость этимъ замѣчаніямъ, я однакожъ нахожу въ нихъ два недостатка: 1) иногда г. Покровскій доводитъ свой пуризмъ до излишества, а крайности, какъ извѣстно, вредны во всемъ. 2) За-

мѣчая *ошибки въ русскомъ языкѣ, встрѣчаемыя въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей*, г. Покровскій говоритъ объ ошибкахъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ русскихъ журналахъ, кромѣ Москвитянина.

Вотъ образчикъ черезъ-чуръ строгаго пуризма г. Покровскаго:
 «*Чувство, чувствованіе*. Вотъ два слова, говоритъ онъ, которыя у насъ ошибочно смѣшиваютъ между собою *). Объяснимъ значеніе того и другаго. — Чувствъ у насъ, какъ извѣстно, пять. Вотъ только въ отношеніи къ нимъ и употребляется слово *чувство*, т. е. тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи. Вездѣ же, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*. Такимъ образомъ: «это человекъ съ *чувствомъ*; она говоритъ, играетъ съ *чувствомъ*» — фразы фальшивыя, и должно выражаться: это человекъ съ *чувствованіемъ*; она говоритъ, играетъ съ *чувствованіемъ*» (Москвит. № 24 1852 года, отд. VIII, стран. 207 и 208).

Мы постоянно говоримъ и пишемъ: «это человекъ съ *чувствомъ*; она говоритъ, играетъ, поетъ съ *чувствомъ*», — и каждый изъ насъ очень хорошо понимаетъ, что здѣсь слово *чувство* означаетъ чувство душевное и сердечное, а никакъ не физическое; зачѣмъ же намъ стѣснять смыслъ этаго слова и замѣнять его другимъ, т. е. *чувствованіемъ*, которое и болѣе растянуто и болѣе тяжело? Еслибы кто-нибудь сказалъ въ порядочномъ обществѣ: «это человекъ съ *чувствованіемъ*», она поетъ съ большимъ *чувствованіемъ*» — тотъ бы непремѣнно или разсмѣшилъ всѣхъ, или заставилъ бы подумать, что самъ онъ говоритъ съ насмѣшкою. Если бы кто-нибудь написалъ то же самое — его слогъ сильно бы отозвался слогомъ семидесятихъ годовъ. Да и на какомъ же основаніи г. Покровскій утверждаетъ, что слово *чувство* употребляется только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи, а вездѣ, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*? Если я, напримѣръ, чувствую горечь во рту, мнѣ кажется, что гораздо правильнѣе называть это ощущеніе *чувствованіемъ* горечи во рту, чѣмъ *чувствомъ* горечи во рту, — а это *чувствованіе* вовсе не сердечное и не душевное. Я, по моему крайнему уразумѣнію, думаю, что слово *чувство* выражаетъ всякое чувство, данное природою какъ тѣлу нашему, такъ

*) Если ужъ пошло на пуризмъ, такъ и здѣсь слова: *между собою* употреблены неправильно: *между собою* можно только смѣшиваться; но если смѣшивается какія-нибудь вещи третье лицо, такъ ужъ смѣшивается *ихъ одну съ другою*, а никакъ не *между собою*, потому что само оно, т. е. третье лицо, въ эту смѣсь не мѣшается.

и душѣ, на примѣръ: чувство слуха, чувство осязанія, чувство любви, ненависти, раскаянія и т. д.; а слово *чувствованіе* выражаетъ ощущенія, получаемыя нами отъ вліянія на насъ постороннихъ предметовъ, на примѣръ: чувствованіе ушиба, тепла, холода и т. д.; следовательно г. Покровскій, раздѣляя эти слова между собою, далъ имъ въ своемъ раздѣленіи совершенно превратный смыслъ.

Прошу у читателей извиненія за этотъ длинный *трактатъ* о словахъ: *чувство* и *чувствованіе*, напоминающій, — замѣчу мимоходомъ, — знаменитый трактатъ о *пискаряхъ* знаменитаго члена Пиквикскаго клуба, и съ тѣмъ вмѣстѣ спѣшу прибавить, что всѣ остальные замѣтки г-на Покровскаго, напечатанныя въ той же книгѣ Москвитянина, совершенно справедливы и дѣльны какъ нельзя больше.

Теперь перейду къ другому недостатку «Памятнаго Листка», къ тому, что въ немъ г. Покровскій не указываетъ ни на одну ошибку писателей, помѣщающихъ свои статьи въ Москвитянина. Между тѣмъ какъ самъ редакторъ его въ примѣчаніи своемъ къ одному изъ «Листковъ» г-на Покровскаго говоритъ вотъ что:

«Авторъ обещалъ доставлять намъ ежемѣсячно по подобному листку.—Мы просимъ его не исключать отнюдь изъ своей рецензій Москвитянина, потому что сознаемъ у себя ошибокъ не менѣе другихъ журналовъ, хотя стараемся избѣгать ихъ. Большинство литературное, надо признаться, ослабло въ знаніи русскаго языка, и печатая по двѣ книги въ мѣсяцъ, мудро исправитъ все, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ мы не имѣемъ даже права. Авторы *irascibile genus*!» (Москвит. № 24, 1852 г., отд. VIII, стр. 209).

Вслѣдствіе этого-то вызова, доказывающаго вполне благонамѣренность и безпристрастіе почтеннаго редактора Москвитянина, я и рѣшился сдѣлать то, чего не сдѣлалъ до сихъ поръ г. Покровскій, т. е. замѣтить нѣкоторыя ошибки, попавшіяся мнѣ въ Москвитянина, и послать мою статью въ тотъ же самый журналъ.

Тотъ, кто будетъ отыскивать ошибки съ увеличительнымъ стекломъ придирчивой критики, можетъ всегда и вездѣ найти ихъ многое множество. Я нисколько не старался отыскать побольше ошибокъ въ Москвитянинѣ; даже и теперь, когда я пишу мою статью, я никакъ не намѣренъ принимать на себя этотъ трудъ, а замѣчу только тѣ ошибки, которыя сами собой попались мнѣ на глаза, при самомъ бѣгломъ просмотрѣ нѣкоторыхъ книжекъ, и которыя остались у меня въ памяти. Поэтому замѣтки мои будутъ коротки и нисколько не послѣдовательны.

Неправильная разстановка словъ. »Кратковременное австрійское владычество надъ Неаполитанскимъ королевствомъ началось и кончилось въ такой промежутокъ времени, въ который австрійская администрація *только* существовала *даже* относительно собственной Австріи (Москвит. 1852 г., № 24, Горцы Аbruццо, стран. 183). Въ этой фразѣ слова: *только* и *даже*, поставленные не на мѣстѣ, совершенно затемняютъ смыслъ. Перенесите ихъ такъ: »Австрійская администрація существовала *только* относительно *даже* собственной Австріи», и тогда смыслъ будетъ понятенъ.

Напоминаютъ, похожи. Иногда эти слова неправильно употребляютъ одно вмѣсто другаго. Вотъ примѣръ: »за то они сражались съ мужествомъ древней Италіи, которое посреди малодушія новой *напоминаетъ* памятники, увезенные изъ Греціи для украшенія англійскихъ парковъ. Эти памятники сохранили свое изящество; но кругомъ ихъ нѣтъ ничего греческаго ни въ людяхъ, ни въ вещахъ, ни въ цвѣтѣ неба.« (Тамъ же). Если бы здѣсь вмѣсто: *напоминаетъ памятники*, было сказано: *похоже на памятники*, тогда вся фраза была бы очень ясна, между тѣмъ какъ теперь надобно добираться до ея смысла, не говоря ужъ о той непріятной *какофоніи*, которая происходитъ отъ столкновенія словъ: *напоминаютъ памятники*.

Я могъ бы изъ той же статьи привести еще въ примѣръ чистой бессмыслицы слѣдующую фразу: »тѣ и другіе, принявши имя абруццкихъ горцевъ, сохранили враждебное чувство къ городамъ, способъ постройки бѣдный и ломкій« (?), но подобные промахи я готовъ скорѣй приписать корректорскому недосмотру, чѣмъ невѣденію писавшаго статью и недосмотру редакціи.

Плеоназмы. »Но за то всѣ, рѣшительно всѣ и всегда, понесутъ въ самихъ себѣ *утѣшительную отраду*« (Москвит. 1853 г., № 3, концертъ и балъ съ сюрпризами, стр. 89). Когда я показалъ эту фразу нашему казначею, онъ нашелъ, что тутъ есть нѣкоторая игра словъ, т. е., что вмѣсто *утѣшительной отрады*, можно сказать *отрадное утѣшеніе*—и смыслъ фразы нисколько отъ того не измѣнится. Онъ нашелъ, что это очень хорошо, но я съ нимъ не совсемъ согласенъ, и по моему мнѣнію, это ужъ еще больше непростительный плеоназмъ, чѣмъ *врожденные инстинкты*, о которыхъ говорить г. Покровскій въ одномъ изъ своихъ листковъ.

Короткій, сухой. »Постараемся хотя въ немногихъ словахъ, въ *сухомъ* очеркѣ, передать нашимъ читателямъ программу концерта

и проч.—»(та же статья, стр. 90). Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: въ *короткомъ* очеркѣ,—потому что стоитъ ли стараться о томъ, чтобы передать какое бы то ни было извѣстіе въ *сухомъ* очеркѣ? А если бы автору и дѣйствительно пришла такая мысль, такъ едва ли читатели скажутъ за нее спасибо.

Если бы я былъ критикъ придирчивый, я могъ бы (въ той же статьѣ, стр. 91) придаться еще къ слѣдующей фразѣ: »послѣ этого начался балъ; *на немъ* играли тѣ же три оркестра *музыкантовъ*, что были и въ утреннемъ концертѣ.« Во-первыхъ, я бы сказалъ, что балъ не инструментъ, и слѣдовательно *на немъ* играть нельзя; во-вторыхъ, что, если сказано: три оркестра, такъ ужъ не надобно было прибавлять: *музыкантовъ*, потому что оркестры рѣшительно не могутъ состояться ни изъ какихъ другихъ людей, кромѣ музыкантовъ; въ-третьихъ, что вмѣсто: *что были* и въ утреннемъ концертѣ,—надобно бы сказать: *которые играли* и въ утреннемъ концертѣ.... Все это я могъ бы сказать, но я поставилъ себя за правило къ подобнымъ вещамъ не придираться. Замѣьте, что я вовсе не педантъ, хотя и школьный учитель.

Вещь вмѣсто дѣйствія. »Не любопытно ли, напр., описаніе трудностей, которыя должно было преодолѣть, для осуществленія баснословнаго *предпріятія*, называемаго тоннелемъ?» (Москвит. № 5, 1853 г. Реценз. Живописный Сборникъ, стр. 13). Предпріятіе не можетъ называться ни тоннелемъ, ни домомъ, ни мостомъ, точно такъ же, какъ ни тоннель, ни домъ, ни мостъ не могутъ называться предпріятіями. Предпріятіемъ можетъ быть названа только *постройка* и того, и другаго, и третьяго,—и если бы авторъ сказалъ: для осуществленія такого баснословнаго предпріятія, какъ постройка (или, пожалуй, устройство) тоннеля, тогда бы онъ сказалъ правильно.

Недожелезки. »Герцогъ Бургундскій былъ вызванъ Бедфордомъ изъ Фландріи ободрять и защищать Парижъ съ Англичанами.« (Москв. № 5 1853 г., Иоанна д'Аркъ, стр. 32). По смыслу фразы можно подумать, что герцогъ Бургундскій былъ вызванъ ободрять и защищать Парижъ, *и съ тѣмъ вмѣстѣ* защищать и ободрять *Англичанъ*, которые находились въ немъ. А въ самомъ-то дѣлѣ, онъ былъ вызванъ для того, чтобы *вмѣстѣ съ Англичанами* ободрять и защищать Парижъ. Слѣдовательно такъ бы и надобно было сказать.

Ошибки, которыя можно назвать большими неловкостями. »Здѣсь ему (Карлу V) должно было провести три зимнихъ мѣсяца,

пока монастырь сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія къ принятію его; потому что самое неограниченное могущество, если бы Карлъ еще обладалъ имъ, не устояло бы, быть можетъ, противъ испанской медленности» (Москвит. № 7, 1853. Карлъ V въ монастырѣ стр. 88). *Устоять и не устоять* можетъ только то, на что нападаютъ. Испанская медленность вовсе не нападала на Карла V, а только истощала его терпѣніе, — слѣдовательно и надобно бы сказать, что все *прежнее неограниченное могущество Карла едва ли могло бы подвинуть испанскую медленность*.

»Книжка очень не безполезна, какъ *имѣющая предметомъ* одну изъ важнѣйшихъ частей гігіены, и написанная *авторитетомъ* по этой отрасли медицины. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ ней глава, *излагающая* общія правила глазной діэтетики.» (Москв. № 7, 1853. Критика, стр. 87). *Какъ имѣющая предметомъ* — неловко. *Написанная авторитетомъ* — еще больше не ловко: авторитетъ можно имѣть, можно его пріобрести, можно имъ пользоваться, но быть авторитетомъ человѣку (хотя бы и доктору), точно такъ же нельзя, какъ нельзя предпріятію быть тоннелемъ. *Глава, излагающая* — опять неловко: въ главѣ можно изложить все, что угодно, но сама глава изложить ничего не можетъ. Вообще вся эта фраза очень *неловко* составлена.

Нѣтъ, я рѣшительно не созданъ критикомъ, и въ особенности критикомъ мелочей! У меня нѣтъ для этого ни нужной копотливости, ни терпѣнія. Оттого-то я и дѣлалъ скачки отъ 24 кн. Москвитян. 1852, прямо къ 3-й 1853, отъ 3-й къ 5-й, отъ 5-й къ 7-й; просто, я дѣлалъ критическія *salto mortalis* для того только, чтобы поскорѣе кончить мою статью, которая смертельно мнѣ надоела. И если я написалъ эту статью, то потому только, что мнѣ очень грустно видѣть въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, и при томъ въ журналѣ, который по преимуществу долженъ бы былъ отличаться чистотой русскаго языка, ошибки подобныя тѣмъ, какія я замѣтилъ.

Если статья моя будетъ напечатана, я изъясняю полную мою готовность сообщать въ Москвитянинъ мои замѣтки и о другихъ журналахъ (само по себѣ разумѣется русскіхъ), получаемыхъ въ нашемъ городѣ. Только повторю опять: *микроскопическая* критика не по мнѣ; я чувствую призваніе къ критикѣ.... этакъ, знаете, *широкой, размашистой*, какъ говорить нашъ казначей, всегда говорящій языкомъ современности.

Городъ Горшковъ, 30-го апрѣля 1853 года.

АНЕКДОТЪ О БОГДАНОВИЧѢ.

Богдановичамъ послѣ родителей осталось наследство небольшое.

Исполить Федоровичъ отказался отъ своей части въ пользу сестеръ, а себѣ взялъ только одного дворового мальчика, Павла, который съ тѣхъ поръ и находился при немъ, исправляя должность камердинера. Онъ самъ училъ мальчика грамотѣ, привыкъ къ нему, и обходился съ нимъ какъ съ роднымъ. Случилось Богдановичу въ то время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ и служилъ въ Архивѣ, получить откуда-то или скопить 1600 рублей. Одинъ пріятель Павловъ, также чей-то дворовый человекъ, услышавъ объ этой суммѣ, подговорилъ молодаго и легковѣрнаго Павла украсть ее, а послѣ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ самъ онъ, принявшись за такую же операцію около своего господина, попался, и разсказалъ весь свой умыселъ.

Господинъ отправился къ Богдановичу.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, сказалъ онъ, — а Павелъ стоялъ тутъ же.

— Что прикажете ?

— Мнѣ нужно поговорить наединѣ.

— При этомъ человекъ вы можете говорить все, что угодно; это мой близкій.

— Нѣтъ, — я прошу васъ выслать его.

— Пожалуй! Что вы желаете?

— Увѣрены ли вы въ вашемъ человекѣ?

— Какъ въ себѣ самомъ.

— Онъ собирался украсть ваши деньги и бѣжать съ моимъ человекомъ, котораго я поймалъ, и получилъ это признаніе.

Богдановичъ изумился. Распростившись съ неизвѣстнымъ, онъ призвалъ къ себѣ виноватаго.

— Паша! не обидѣлъ ли я тебя ?

— Помилуйте, я вами всегда доволенъ.

— Но я замѣчаю, что ты становишься не доволенъ мною.

— Никакъ нѣтъ-съ, ничего.

Богдановичъ не сказалъ больше ни слова, отправился въ Гражданскую Палату, написалъ отпускную, засвидѣтельствовалъ ее, и, воротясь домой, позвалъ Павла.

— Вотъ тебѣ отпускная! Зачѣмъ ты хотѣлъ уйти отъ меня тайкомъ. Вѣдь ты погибъ бы. Товарищъ твой плутъ выманилъ бы у

тебя деньги, и ты остался бы ни съ чѣмъ. Тебѣ надо было сказать мнѣ просто, что не хочешь жить у меня. Я не стану держать тебя по неволѣ. Вотъ тебѣ половина моихъ денегъ.

— Батюшка! виновать, простите! закричалъ Павелъ и повалился ему въ ноги. Я останусь и у васъ на вѣки.

— Пожалуй, сказалъ Богдановичъ, останься, но если ты соскучишься у меня, захочешь уйти, то вотъ отпускная будетъ лежать здѣсь за зеркаломъ. Ты можешь взять ее всегда, только пожалуйста не бери всѣхъ денегъ, а оставь мнѣ половину.

Этотъ Павелъ оставался при Ипполитѣ Федоровичѣ до его кончины, и рассказывалъ самъ объ этомъ происшествіи въ Курскѣ Михаилу Семеновичу Щепкину, отъ котораго я слышалъ этотъ анекдотъ уже лѣтъ десять назадъ, а теперь записалъ, чтобъ сохранить драгоценную черту добродушія въ знаменитомъ нашемъ авторѣ Душеники.

Р. С. Щепкинъ засталъ въ Курскѣ Богдановича, который ѣзжалъ въ домъ графа Волькенштейна, увидѣлъ его, еще мальчика, за книгами, погладилъ по головѣ, велѣлъ ходить къ себѣ за книгами, и, получая ихъ назадъ, всегда разспрашивалъ объ ихъ содержаніи. М. П.

НОВОЕ СВѢДѢНІЕ О ДѢВУЦѢ ЛУПОЛОВОЙ.

(письмо къ редактору).

М. Г. М. П. Прочитавъ въ 10-й книжкѣ Москвитинина нынѣшняго 1853 г. статью о дѣвицѣ Луполовой, долгомъ считаю сообщить вамъ слѣдующее свѣдѣніе, найденное мною въ бумагахъ покойнаго О. П. Козодавлева, и, по мнѣнію моему, составляющее фактъ достовѣрный.

«1798 года іюля 20-го дня, Высочайше подтвержденъ докладъ Правительствующаго Сената о лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и ссылкѣ на житье въ Сибирь отставнаго прапорщика Григорья *Луполова*, за сдѣланныя имъ разныя кражи и за покровительство ворами. Онъ сосланъ былъ Тобольской губерніи въ Ишимскій округъ. Жена его и дочь за нимъ туда же слѣдовали. Дочь сія, по имени Прасковья, услышавъ, что многіе, одной участи съ отцомъ ея подвергнувшіеся, получили Всемилостивѣйшее отъ Государя Императора Александра I-го прощеніе, рѣшилась, изъ дѣтской горяч-

ности къ отцу своему, предпринять подвигъ сколько трудный, столько же опасный.—Безъ всякой помощи отъ родителей, по перетерпѣнн пѣвѣроятныхъ затрудненій, пришла она пѣшкомъ, въ 1804 году, изъ Тобольска въ С.-Петербургъ, пройдя около 4000 верстъ. Дорогою узнала она о добродѣтеляхъ и христіанской любви къ немущимъ покойной княгини Дарьи Александровны Трубецкой, и потому, тотчасъ по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ, дѣвица Луполова къ ней явилась. Княгиня Трубецкая, принявъ участіе въ ея бѣдствіяхъ, рекомендовала ея сенатору Козодавлеву, который, взявъ отъ нея просьбу о исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго прощенія отцу ея, представилъ оную въ Коммиссію пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, коей онъ былъ членомъ. Коммиссія, разсмотрѣвъ дѣло о Григорѣ Луполовѣ, хотя и нашла, что онъ былъ справедливо обвиненъ, но при томъ, уважая старость его лѣтъ и что его жена и дочь вмѣстѣ съ нимъ терпѣли несчастье, а послѣдняя оказала столь рѣдкій подвигъ дѣтской любви, всеподданнѣйше представила Всемилостивѣйшему Государю Императору благоусмотрѣнію, мнѣніе свое по сему предмету, состоящее въ томъ, чтобы Луполова, отца просительницы, возвратитъ на прежнее жилище, не возвращая ни чиновъ, ни дворянства. Въ 27 день декабря 1804 г. докладъ Коммиссіи Высочайше конфирмованъ. — Дѣвица Луполова похвальнымъ поступкомъ своимъ обратила на себя сверхъ возвращенія отца ея милосердное воззрѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ, тѣмъ, что Государь Императоръ пожаловалъ ей 2000 рублей, Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна 500 руб., и Императрица Марія Федоровна единовременно 300 руб., да ежегодной пенсіи по 100 рублей. Вся сіи деньги положены въ ломбардъ; а она сама по общему пошла въ монастырь и находится нынѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ Новгородской епархіи.»

Въ *Сѣверной Почтѣ* 1810 года (къ сожалѣнію я не отмѣтилъ у себя нумера) помѣщено было нижеслѣдующее извѣстіе изъ Новгорода, отъ 14-го января 1810 года:

»Въ прошедшемъ мѣсяцѣ скончалась здѣсь дѣвица Прасковья Луполова. 6 лѣтъ тому назадъ пришла она пѣшкомъ изъ Тобольска въ С.-Петербургъ, пройдя около 4000 верстъ, сопровождаемая одною бѣдностію и состраданіемъ челоѣчества; пришла повергнуться къ Престолу и просить о помилованіи отца своего, сосланнаго въ Сибирь въ 1798 году, по лишеніи дворянскаго достоинства, за нѣкоторое преступленіе. Еще въ юныхъ лѣтахъ жизни постигъ ее съ

матерью несчастный жребій родителя , которому она изъ дѣтской горячности послѣдовала и въ самое заточеніе. Желаніе быть избавительницею отца , возрастаая купно съ ея лѣтами, заставило ее наконецъ совершить толикій подвигъ , не взирая на все препятствія и трудности столь дальняго пути , но полагаясь во всемъ на Провидѣніе Божіе.—По прибытіи въ С.-Петербургъ она нашла пристанище въ домѣ одной госпожи , которая повсюду славилась христіанскою любовію. Сія, принавъ участіе въ ея бѣдствіяхъ, препроводила ее къ одному сенатору, присутствующему въ Коммисіи о пересмотрѣ прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, который взялъ отъ нея просьбу о исходатайствованіи прощенія отцу ея, и представилъ оную на благоразсмотрѣніе своихъ сочленовъ. Государь, по докладу Коммисіи, узнавъ о похвальномъ поступкѣ дѣвицы Луполовой, въ воздаяніе за ея подвигъ облегчилъ участь отца ея освобожденіемъ его изъ ссылки, а ей пожаловалъ 2000 рублей. Еще получила она милости и отъ всей Императорской Фамиліи. Сверхъ того не малую сумму приобрѣла она отъ благотворительности частныхъ особъ, что вмѣстѣ составило нарочитый капиталъ, который обезпечилъ ее на всю жизнь. — Совершивъ съ желаемымъ успѣхомъ толь чрезвычайный подвигъ (предпріятіе), она немедленно обратилась къ исполненію обѣта, даннаго ею предъ Богомъ , прежде нежели отправилась она изъ Сибири, посвятить жизнь свою вѣчному уединенію, и въ мирной обители молиться непрестанно Господу. Она избрала для сего въ здѣшней епархіи Десятинскій дѣвичій монастырь, гдѣ нынѣ и окончилось странствованіе ея жизни.

Изъ свидѣній этихъ видно:

- 1) Что Луполову звали *Прасковья*.
- 2) Что путешествіе ея изъ Сибири въ С.-Петербургъ происходило въ 1804 году.
- 3) Что она умерла въ декабрь 1809 года.
- 4) Что Елисавета Лупалова, скончавшаяся 11-го мая 1802 года и погребенная въ Новгородскомъ Десятинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, есть лице, не имѣющее ничего общаго съ Прасковьею Луполовою, подвигъ которой послужилъ сюжетомъ для извѣстнаго романа г-жи Коттень.

Примите, М. Г., и проч.

С.-Петербургъ, 5-го іюня 1853 года.

Р. С. Оба эти свидѣнія служили покойному Д. Н. Бантышъ-Каменскому матеріалами для составленія краткой біографіи Луполовой. См. *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли*, М. 1836 г. Ч. III. стр. 222—224. — Замѣчательно, что оба лица: Прасковья Луполова и Елисавета Лупалова, похоронены въ одномъ и томъ же монастырѣ.

О ТОНКОШЕРСТНЫХЪ И ПУШНЫХЪ КОЗАХЪ.

Въ 9 № Сѣверной Почты (старой петербургской газеты) 1819 года было помѣщено письмо изъ Маріуполя, что туда пригнаны французомъ Жубертомъ кашмирскія козы въ числѣ 1,300 головъ; это извѣстіе надѣлало въ то время много шума и встревожило петербургскихъ купцовъ азіатцевъ, торгующихъ персидскими шьялами и др. издѣліями изъ пуху козь; но въ 11 № той же газеты и того же года напечатанъ отзывъ одного персіянина о томъ, что сообщенныя маріупольскимъ корреспондентомъ свидѣнія не должны быть справедливы, ибо г. Жубертъ не могъ такъ скоро (въ 5 мѣсяцевъ) съездить и привести стадо настоящихъ козь изъ *Чантанскаго кочевья* Кабулистана, куда въ оба пути потребно времени болѣе года, да и названіе козь *ицапами* также не тибетское и не персидское, а киргизское и значить по-русски *матка*. Наконецъ въ 22 и 33 №№ Сѣверн. Почты того же самаго года послѣдовали донесенія (официально) отъ г. еоодосійскаго градоначальника Энгеля къ г. министру Внутр. Дѣлъ, что г. Жубертъ, по собственному сознанію, дѣйствительно не былъ ни въ Кашмирѣ, ни въ Тибетѣ, а пригнанное имъ въ г. Маріуполь стадо козь купилъ у Калмыковъ и Киргизовъ и никогда не называлъ ихъ ицапами, но зоветъ просто козами; по всей вѣроятности, первоначальное извѣстіе о козахъ, приведенныхъ г. Жубертомъ, сообщено было петербургской газетѣ частнымъ лицомъ, малосвѣдующимъ, или желавшимъ подшутить надъ г. Жубертомъ.

Въ 14 № Земледѣльческой газеты 1850 года, г. Стевень (нынѣ умершій), инспекторъ сельск. хозяйства Южн. Россіи, говоря объ *ангорскихъ козахъ*, между прочимъ упоминаетъ, что кашмирскія или тибетскія козы, водящіяся въ горахъ Средней Азіи, еще ни-

гдѣ въ Европѣ не разведены, а лѣтъ 30 тому назадъ, посланный отъ французскаго правительства для доставки такихъ козъ во Францію, вмѣсто ихъ закупилъ у кочующихъ въ Заволжскихъ степяхъ Калмыковъ тамошнихъ козъ и отвезъ ихъ во Францію, гдѣ онѣ найдены гораздо богаче пухомъ, нежели туземныя; и дѣйствительно, пухъ этотъ скупается и нынѣ у кочевыхъ инородцевъ и доставляется на Нижегородскую ярмарку и во Москву. Къ этому г. Стевень присовокупилъ, что ангорская коза, имѣя белую, тонко-длинную и блестяще-волнистую шерсть, а равно и пухъ очень мягкій, можетъ быть разводима съ успѣхомъ въ степяхъ южнаго края имперіи, только холоду она не любить, тогда какъ тибетскія козы съ густымъ пухомъ лучше могутъ выдержатъ нашъ климатъ. А я съ своей стороны прибавлю, что даже въ нашихъ мѣстахъ водятся козы особой отъ простыхъ породы и называются въ просторѣчьи *ангала* (т. е. ангорская), вѣроятно помѣсь отъ извѣстныхъ козъ, выведенныхъ въ Россію, ибо имѣетъ въ своей шерсти и пухъ нѣкоторыя описанныя выше качества, только, разумеется, гораздо ниже достоинствомъ.

Въ 1844 годахъ, состоя въ военной службѣ, я лично видѣлъ въ имѣніи майора Абрамова (вскорѣ умершаго) Ростов. уѣзда Екатеринослав. губ., козъ шерсти подобной той, какая описана г. Стевеномъ, но ~~я~~ помню, какъ онѣ назывались владѣльцемъ, только кажется, что покойный майоръ говорилъ, будто бы козы эти пригнаны изъ-за Кавказа, но откуда именно, не упоминалъ; объ успѣхѣ же разведенія и выгодахъ отъ этихъ козъ я ничего не могу сказать, потому что въ то время мнѣ было не до этого, когда мысли были заняты иными предметами и некогда было разспрашивать о томъ г. Абрамова. Теперь же, поселившись въ деревнѣ и полюбивъ вполне хозяйство, я съ особеннымъ удовольствіемъ занимаюсь теоретически и практически этою новою наукою, читая всѣ любопытныя по сему предмету изданія и испытывая все полезное; такъ мнѣ было весьма пріятно узнать изъ библиографическаго отдѣла Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономич. Общества 1851 года № 8-го, стран. 76 — 78, что у г. Абрамова (сына покойнаго майора), мною видѣнныя козы — изъ породы *кашмирскихъ*, куплены въ 1828 году у французскаго фабриканта, который выписывалъ значительное стадо этихъ драгоценныхъ животныхъ въ Марсель, но по полученіи первой партіи козъ, доставленной ему въ.

Таганрогъ, нашелъ, что покупка и доставка кашмировъ обошлась ему очень дорого, почему и счёлъ нужнымъ другую партію продать, поручивъ это своему комиссіонеру, по привозѣ остальныхъ козъ въ Таганрогъ. Узнавъ о томъ, покойный маіоръ Абрамовъ не упустилъ случая и вмѣстѣ съ другими купилъ довольное число кашмировъ, для разведенія коихъ ему и предоставлена была тогда же степь въ 500 десятинъ близъ Мариуполя въ Александровскомъ уездѣ; но по разнымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, особенно отъ смертности, умершій отецъ г. Абрамова не успѣлъ очень размножить стадо свое, а съ 1844 года, по вступленіи въ управленіе имѣніемъ сына маіора Абрамова, послѣдній довелъ число ихъ до 513 головъ, изъ чего теперь и продаетъ соседнимъ хозяевамъ, кои также и прежде занимались разведеніемъ у себя тибетокъ, но большею частію неудачно; къ сему г. Абрамовъ (сынъ) присовокупляетъ, что козы эти боятся дождя и холоду, но въ нисходящихъ поколѣніяхъ, какъ замѣчено имъ, онѣ лучше выдерживаютъ погоды неблагоприятныя, нежели тѣ, кои первоначально были пригнаты изъ Кашмира.

Послѣ такихъ подробныхъ свѣдѣній, нельзя не удивляться, какъ покойный Стевенъ, будучи инспекторомъ сельс. хоз. въ томъ (южномъ) краѣ, не зналъ о существованіи и долготѣнѣмъ разведеніи кашмирскихъ козъ близъ г. Таганрога; при чемъ, возникаетъ вопросъ: въ какомъ именно году выписывались кашмирскія козы во Францію, или это было дважды: въ 1818 и 1828 годахъ, быть можетъ въ 1-й разъ ограничились покупкою калмыцкихъ козъ, а въ другой отправлялись чрезъ Кавказъ до становищъ Индѣйскихъ номадовъ (Афгановъ), имѣющихъ превосходныя стада тѣхъ дорогихъ животныхъ; каковой выводъ большихъ партій составляетъ замѣчательный подвигъ со стороны марсельскаго фабриканта и стоилъ огромныхъ издержекъ. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ знающихъ объ этомъ предметѣ разрѣшитъ вопросы наши, столь интересные для каждаго хозяина, потому что эта отрасль скотоводства могла бы приносить существенныя выгоды земледѣльцамъ, не менѣе, если не болѣе даже, чѣмъ разведеніе испанскихъ овецъ-мериносовъ, и тѣмъ болѣе еще, что намъ русскимъ доступнѣе пріобрѣтеніе и доставка тибетскихъ козъ, нежели кому-нибудь другимъ европейцамъ.

Х. КОЗЛОВЪ.

С М Ъ С Ь.

РАСТРЕАДОРЪ *)

СЦЕНЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ МЕКСИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(ГАБРИЭЛЯ ФЕРРИ).

1. Хорошенькая сигарица.

Въ 1814 году, въ прекрасное лѣтнее утро, по дорогѣ къ Пү-куаро, небольшому городу мексиканскаго штата Вальядолидъ, по-свистывая, ѣхалъ верхомъ путешественникъ.

Не смотря на немилосердыя припорыванья, лошадь шла почти шагомъ. Наконецъ стали ему показываться на горизонтѣ дома, освѣщенные лучами солнца. Судя по изнуренной лошади и запыленному платью всадника, можно было догадаться, что они провели ужъ нѣсколько дней въ дорогѣ, торопясь куда-то. Всадникъ былъ человекъ молодыхъ лѣтъ, высокаго роста и крѣпкаго сложенія; онъ могъ бы быть очень красивымъ мужчиной, если бы только густыя, черныя какъ смоль брови не придавали его лицу чего-то зловѣщаго, что служить отпечаткомъ настоящей воинственной храбрости. Всадникъ этотъ съ гордой осанкой былъ никто иной, какъ знаменитый Берренко. Много лѣтъ спустя послѣ этого, во время моего путешествія къ берегамъ Тихаго Океана, мнѣ случилось найти у него гостепріимный кровъ и узнать его приключенія, которыя постараюсь теперь разсказать вкратцѣ. Разсказъ этотъ представляетъ намъ войну за независимость Мексики, дошедшую до самыхъ критическихъ минутъ. Берренко носилъ тогда свое на-

*) Искатель слѣдовъ, отъ испанскаго глагола: *rastrear* — идти по слѣдамъ.

стоящее имя — Луціано Гомбоа, и былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ мексиканской арміи,

Небольшой городъ Пѹкуаро, къ которому подъѣзжалъ Берренко, привлекалъ въ тотъ самый 1814 годъ по разнымъ причинамъ вниманіе Мексиканцевъ и Испанцевъ. Сюда отступилъ, послѣ кровопролитной схватки съ королевскими войсками, братъ генерала дона Игнатія Рахона, донъ Рамонъ, съ сотнею человекъ, успѣвшихъ уйти съ поля битвы; но странно, что съ того самаго времени, какъ донъ Рамонъ вступилъ съ своей маленькой арміей въ Пѹкуаро, самый слѣдъ его исчезъ; никто не могъ сказать, чтобы онъ ушелъ изъ Пѹкуаро, и между тѣмъ никакъ не было видно, чтобы онъ находился тамъ. Вѣроятно онъ не останавливался въ Пѹкуаро, а *только прошелъ* черезъ него тайкомъ, незамѣтно для жителей; но куда же онъ дѣвался? Вопросъ этотъ одинаково занималъ всѣхъ, какъ мексиканскихъ *guerrilleros*, такъ и испанскихъ генераловъ, но болѣе всѣхъ мучилъ дона Игнатія Рахона. Желая соединиться съ братомъ своимъ донъ Рамономъ, донъ Игнатій напрасно разсылалъ въ продолженіе мѣсяца по всему штату Санъ-Луи-Потоци своихъ курьеровъ для отысканія его; наконецъ Берренко, въ свою очередь, взялся отыскать убѣжище арміи, такъ странно вдругъ исчезнувшей. По этому порученію и ѣхалъ онъ въ Пѹкуаро, завидя уже первые дома города и торопя измученную лошадь, боясь опоздать или встрѣтить какую-нибудь задержку.

Берренко радовался уже окончанію своего путешествія; но развѣившіеся въ концѣ долины значки испанскихъ улановъ Наваррскаго полка, которыя онъ случайно увидѣлъ, вдругъ перемѣнили ходъ его мыслей. Уланы ѣхали на встрѣчу ему, и онъ, очень опасаясь подобной встрѣчи. На дорогѣ подлѣ него въ то время стоялъ огромный дубъ съ сгнившимъ уже отъ древности стволомъ; широкія вѣтви его клонились къ подошвѣ скалъ, верхушка которыхъ, возвышаясь постепенно, составляла довольно высокій холмъ. Воображенію его представилось, какъ хорошо красовался бы онъ на дубовомъ сучкѣ, и это еще увеличило его безпокойство. Вдругъ Берренко замѣтилъ плющъ такой же старый, какъ и дубъ; плющъ этотъ закрывалъ снача цѣлую сторону ствола, потомъ опускался внизъ широкимъ темно-зеленымъ занавѣсомъ, складки котораго приходились такъ, что закрывали отверстіе скалы. По какому-то внезапному внушенію, слѣзъ онъ съ лошади, подналъ плющевую драпировку и вскрикнувъ отъ радости: этотъ

занавѣсь закрывалъ входъ въ темный гротъ, куда могла свободно пройти лошадь. Онъ рѣшился ввести туда за собой свою лошадь и спрятаться. Для него это было дѣломъ одной минуты. Между тѣмъ, едва онъ успѣлъ войти въ гротъ, какъ началъ въ томъ раскаяваться. Страшный, непонятный шумъ раздавался во внутренности подземелья. Густая темнота развернула передъ нимъ свою непроницаемую завѣсу, и только одинъ лучъ свѣта, проскользавшій сквозь листья плюща, доходилъ до него. Ему казалось, чтоп осреди этого густого мрака раздается какой-то глухой гулъ словно шелестъ крыльевъ огромнаго вампира, или тяжелый, мѣрный шумъ сильнаго дыханія какого-нибудь громаднаго звѣря. Находясь такимъ образомъ между двухъ опасностей, всадникъ стоялъ какъ вкопанный, боясь шевельнуться и съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда можно будетъ ему выйти изъ грота.

Къ несчастію, эта минута довольно долго не приходила: испанскіе уланы расположились отдыхать подлѣ дуба, и теперь двойной страхъ овладѣлъ имъ, — шумъ голосовъ смѣшивался съ странными звуками подземелья. Берренко боялся двинуться съ мѣста. Цѣлый часъ почти пребылъ онъ въ такомъ состояніи, пока не послышался ему дикій, пронзительный ревъ. Всадникъ бросился вонъ изъ грота, рывась лучше попасться въ руки непріятеля, нежели оставаться еще въ гротѣ, гдѣ, казалось, находились какіе-то ужасные звѣри. Дорога была ужъ свободна, и Берренко могъ опять продолжать свой путь. Менѣе чѣмъ въ два часа добрался онъ до Пѹкуаро, и тогда только вздохнулъ свободнѣе; но ему предстояла новая встрѣча.

Проезжая по главной улицѣ Пѹкуаро, guerrillero увидѣлъ молодую дѣвушку, которая сидѣла, скрестивши ноги по мексиканскому обычаю на цыновкѣ у крыльца одного дома, отдѣленнаго отъ другихъ рядомъ большинхъ садовъ, и свертывала табакъ. Бѣлая бумажная вуаль (tapados) съ голубыми полосками изящно покрывала ея голову, граціозный овалъ ея лица и плечи. Молодая дѣвушка бросила быстрый взглядъ на всадника и тотчасъ же опустила его внизъ, какъ только тотъ началъ разсматривать ее. Берренко ничего больше не могъ разглядѣть въ ней, какъ только черные волосы, которые двумя округленными связками лежали на лбу ея, гладкомъ и чистомъ какъ слоновою кость. Двѣ маленькія голыя ножки виднѣлись изъ-подъ платья; изъ гебого ея выказывались двѣ бѣлыя миниатюрныя ручки; живые, проворные пальцы ихъ съ очаровательно ловкостью свертывали табакъ.

— Клянусь небомъ! проговорилъ молодой человѣкъ самъ про себя, мнѣ много кой-чего надо передать этой дѣвушкѣ.

Видно было, что застенчивость не составляла главного недостатка всадника; онъ ловко взявъ шляпу въ руки и зазвенѣвъ шпорами о бока своего коня, и тотъ, послушный своему хозяину, сдѣлалъ одинъ изъ красивѣйшихъ прыжковъ и сталъ какъ вкопанный подлѣ крыльца. Это было сдѣлано такъ проворно, неожиданно, и при томъ такъ близко отъ молодой дѣвушки, что она не могла удержаться отъ невольнаго вскрика и рѣзкаго движенія. Ребозо ея спустилось сперва на плечи, потомъ съ плечъ къ ногамъ на тростниковую цыновку. Берренко увидѣлъ тогда прелесть ея фигуры и чудное очертаніе плечъ ослѣпительной близины; и ловкій молодой человѣкъ, который не за долго передъ тѣмъ хотѣлъ сказать много кой-чего дѣвушкѣ, не могъ теперь вымолвить ни одного слова; словно пораженный внезапнымъ свѣтомъ, безмолвно глядѣлъ онъ на нее. И только тогда, какъ прекрасная мексиканка съ инстинктивною живостью набросила опять на себя гебозо и закрыла имъ все, что на мигу оставалось обнаженнымъ, онъ могъ заговорить съ ней.

— Извините, *señorita*, сказалъ онъ, извините, что испугалъ васъ; но мнѣ нужно было обезпokoить васъ однимъ вопросомъ: нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь гостиницы для путешественниковъ, и отъ души былъ бы радъ, если бы не нашлось ни одной.

— Это почему, синьйоръ? спросила молодая дѣвушка.

— Потому что тогда я попрошу васъ оказать мнѣ свое гостепріимство.

— Конечно! возразила она, гордо взглянувъ на него. Съ чего вы взяли, что мать моя приметъ къ себѣ такого гостя, какъ вы? Если хотите, такъ въ двухъ шагахъ отсюда есть гостиница.

Молодая дѣвушка встала, положивши въ мѣшокъ своего гебозо свернутый ею табакъ, и исчезла за дверью съ граціозной горделивою поступью, которая выказывала какъ пельзя лучше тонкій ея станъ.

— *Saramba!* бѣда мнѣ, если донъ Рамона нѣтъ въ Пукуаро! проговорилъ молодой человѣкъ самъ про себя: тогда я, можетъ быть, никогда не отыщу его; а теперь никакъ не рѣшусь выѣхать изъ этого города, въ которомъ находится такое прекрасное и юное созданіе.

Встревоженный этой встрѣчею, пріѣхалъ онъ къ гостиницѣ. Помѣстившись въ ней, онъ сталъ однакожъ стараться думать о взятѣ имъ на себя порученіи; но чтобъ кончить его успѣшнѣе, нужно

было держать себя осторожно. Пукуаро, какъ видно было, не стояла за независимость, и подлѣ него стояли лагеремъ отряды испанскаго войска. Берренко придумывалъ средства, которые бы онъ могъ употребить для полученія нужныхъ ему свѣдѣній такъ, чтобъ чрезъ то нисколько не повредить ни донъ Рамону, ни себя.

Закусивши въ гостинницѣ, Берренко прежде всего старался найти предлогъ къ свиданію съ молодой дѣвушкой. Онъ рѣшился открыть ей цѣль своего путешествія. По этому отправился онъ къ ея дому, находившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостинницы. Къ досадѣ его, кругомъ все было заперто, и какъ онъ ни стучалъ въ дверь, собака одна отвѣчала ему лаемъ. Припужденный на этотъ день отказаться отъ своего намѣренія, пошелъ онъ въ *neveria*, въ надеждѣ услышать какія-нибудь свѣдѣнія о донъ Рамонѣ между тамошними посѣтителемъ. Вечеръ былъ жаркій, народу въ кофейной была пропасть. Берренко сѣлъ, вслушиваясь въ разговоръ, который шелъ у нѣсколькихъ лицъ, сидѣвшихъ подлѣ него. На этотъ разъ онъ не былъ вполне обманутъ надеждой; толковали о дѣлахъ того времени и имя донъ Рамона скорѣе иронически, чѣмъ съ негодованіемъ, было произнесено нѣсколько разъ.

Одинъ только человѣкъ изъ всего множества народу, находившагося въ кофейной, казалось, нисколько не интересовался тѣмъ, что такъ сильно занимало всѣхъ. Костюмомъ онъ ни въ чемъ не отличался отъ прочихъ; лица его не лѣзя было разглядѣть въ темной внутренности кофейной, и притомъ длинныя космы волосъ, будто вѣтви ивы послѣ грозы, свѣшивались у него съ головы, и закрывали почти все лицо. По временамъ только Берренко встрѣчалъ устремленный на него проникающій взоръ незнакомца.

— Такъ развѣ донъ Рамонъ былъ здѣсь? спросилъ Берренко съ любопытствомъ одного изъ толпы, который произнесъ имя *guerrillero*. Прежде нежели Берренко получилъ отвѣтъ, незнакомецъ взглянулъ на него съ ироническимъ презрѣніемъ; потомъ всталъ, заплатилъ хозяину и вышелъ изъ *neveria*.

— Конечно, было Берренко въ отвѣтъ; и въ церкви есть люди, которые, если бы захотѣли, могли бы сказать, что теперь стало съ тѣмъ, кто поругался надъ могилами.

Поругался надъ могилами! разрушилъ ихъ! это было открытіемъ весьма страннымъ для Берренко. Онъ рѣшился разузнать объ немъ подробнѣе; для этого онъ долженъ былъ, какъ сказали ему, обратиться къ служителямъ церкви. Вечеромъ отправился онъ къ церкви,

и у паперти встрѣтился съ прекрасной молодой дѣвушкой, которая, какъ легкій призракъ, пронеслась мимо его. Онъ тотчасъ же узналъ ее. Она выходила изъ церкви, и Берренко со всей ловкостью своей предложилъ ей на концѣ своего пальца святой воды, сказавъ ей тихимъ, страстнымъ голосомъ:

— Счастливы глаза, которымъ въ день два раза пришлось видѣть васъ! и я благодаренъ небу, что встрѣтилъ васъ въ другой разъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла и ничего не отвѣчала; но пожилая женщина, которая шла позади ея, взялась отвѣтить за нее.

— Ваше блаженство, синьоръ,—блаженство эгониста, сказала она хриплымъ голосомъ; никто не раздѣляетъ его съ вами. Сдѣлайте милость, учтивый и любезный синьоръ, ступайте своей дорогой.

— Извините за вопросъ, почтенная синьора, возразилъ Берренко: можете ли вы мнѣ сообщить что-нибудь о донѣ-Рамонѣ?

— Убирайтесь къ чорту вмѣстѣ съ донѣ Рамономъ, сердито отвѣчала мать, уводя дочь; что намъ за дѣло до мятежниковъ.

Берренко, не очень смутившись словами старухи, продолжалъ все смотреть на прелестную мексиканку, которая была уже далеко и наконецъ скрылась совсѣмъ изъ виду. Онъ призадумался тогда объ исполненіи возложеннаго на него порученія, все-таки не переставая мечтать о прекрасной мексиканкѣ. Открывшаяся передъ нимъ картина вскорѣ поразила его и разсѣяла его любовныя мечты. Когда онъ вошелъ въ церковь, тамъ было почти темно; сумерки едва освѣщали внутренность алтаря, изъ котораго понесся сильный смрадъ. Онъ подошелъ ближе къ алтарю, и хорошо теперь понималъ намеки, которыя слышалъ въ кофейной. Огромныя каменные плиты были сняты съ гробницъ и лежали, однѣ разбитыя въ куски, другія цѣльныя, подлѣ могилъ, которыя пѣкогда онъ покрывали. Все-таки не могъ онъ совершенно объяснить себѣ цѣли подобнаго посмѣянія надъ святыней, и искалъ взоромъ вокругъ себя живое существо, которое могъ бы разспросить объ этомъ. Въ церкви совсѣмъ стемнѣло; эти открытыя гробницы, куда не смѣлъ онъ заглянуть, боясь увидѣть отвратительныя трупы, поздній часъ и смрадный запахъ—все это наводило на него какой-то невольный страхъ. Вскорѣ показалось ему, что изъ одной могилы поднялся словно человѣческій образъ или, скорѣе, тѣнь мертвеца, и вмѣсто невольнаго страха пробудилось въ немъ совсѣмъ противоположное волненіе.

Хотя Беррендо былъ человекъ не трусливый, не трепеталъ ни передъ живыми, ни передъ мертвыми; но какъ теперь онъ былъ весь подъ вліаніемъ идей, которыя преимущественно овладѣли имъ, то не могъ удержаться отъ перваго движенія испуга, за которое пришлось ему горько поплатиться: насмѣшливый хохотъ раздался по церкви. Оскорбленный, бросился онъ къ тому, кто такъ простодушно потѣшался надъ нимъ; тѣнь обозначилась тогда яснѣе, — и что же! онъ увидѣлъ того самаго незнакомца, котораго встрѣтилъ утромъ въ кофейной. Единственный глазъ его, — незнакомецъ былъ кривъ, — блестялъ еще огнемъ ироніи, которую Беррендо привелось ужъ разъ замѣтить въ немъ. Длинные его волосы, совсѣмъ откинутые за уши, оставляли открытыми славный лобъ и рѣзко выразительное лицо, ротъ и глазъ, отражавшіе въ себѣ хитрость и вмѣстѣ спокойную твердость; цвѣтъ его до того былъ смуглъ, что не возможно было повѣрить, чтобы онъ принадлежалъ къ бывшей породѣ. Словомъ, между человекомъ, котораго Беррендо недавно, видѣлъ, и тѣмъ, который теперь внезапно явился передъ нимъ, контрастъ былъ такъ же поразителенъ, какъ между дикимъ индѣйцемъ, и городскимъ индѣйцемъ.

— Кто ты такой? спросилъ его со гнѣвомъ молодой человекъ.

— Вотъ въ чемъ мы и разнимся-то другъ отъ друга, спокойно отвѣчалъ незнакомецъ; вы не знаете меня, а я васъ знаю: вы приятель донъ Рамона Рахона и отыскиваете слѣдъ его, но безъ всякаго успѣха.

— Кто это вамъ сказалъ? съ горячностью возразилъ Беррендо, раздраженный тѣмъ, что догадались объ его тайнѣ.

Ваше дурно скрытое равнодушіе, — для меня покрайней мѣрѣ, — во время толковъ, бывшихъ сегодня въ кофейной о донъ Рамонѣ. Теперь еще болѣе убѣждаюсь въ мѣткости своихъ догадокъ: на лицѣ вашемъ ясно написано для меня принужденіе, которое вы дѣлаете надъ собой; и я знаю хорошо, зачѣмъ вы пришли сюда: вамъ, конечно, сказали, что только здѣсь вы найдете людей, которые, если захотятъ, могутъ сказать вамъ, гдѣ тотъ, котораго вы ищете. Такъ вотъ они, эти люди, видите, вотъ они, — это мертвые тѣла, разрытыя могилы которыхъ передъ вами. Гдѣ же вамъ вопрошать ихъ, когда вы ничего не могли выпытать у живыхъ.

Эти странные слова, важно произнесенныя, привли Берренко въ большое недоумѣніе. Онъ не зналъ, какъ ему быть, — скрыть что ли истину отъ незнакомца, или довериться ему. Онъ рѣшился на последнее, и открылъ ему истинную цѣль своихъ розысковъ.

— Ну скажите теперь, сказалъ онъ незнакомцу: а вамъ мертвые открыли ли то, чего я не могъ добиться отъ живыхъ?

— Да, отвѣчалъ улыбаясь незнакомецъ. А то я былъ бы недостойнъ той обязанности, которая возложена на меня, и вмѣстѣ имени, которое ношу, если бы не умѣлъ находить слѣды тѣхъ, которыхъ разыскиваю по разнымъ отпечаткамъ, оставляемымъ ими послѣ себя на землѣ. Спуститесь по моему примѣру въ какую-нибудь могилу, и не такъ давно еще потревоженная вокругъ груды костей каменная земля скажетъ вамъ, за чѣмъ приходилъ сюда донъ Рамонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пылая мщеніемъ, партизанъ всячески старался поднять на Испанію враговъ ея и добыть, гдѣ только можно, средства для уничтоженія ея; онъ проникъ даже въ эти склепы за селитрой, которой много здѣсь отъ подземельной сырости.

— Такъ что жъ! сказалъ Берренко; развѣ вы по этому знаете, гдѣ находится донъ Рамонъ и какимъ образомъ могъ онъ такъ таинственно исчезнуть съ своей арміей?

— Конечно. О чемъ долженъ онъ теперь больше всего заботиться, когда ужъ потревожилъ покой мертвыхъ? Кажется, о приобрѣтеніи селитры для пороха и о надежномъ убѣжищѣ.

Берренко убѣдился, по видимому, по крайней мѣрѣ въ справедливости этой догадки.

— Вчера, продолжалъ незнакомецъ, когда я отыскивалъ въ полѣ слѣдъ донъ Рамона, по порученію,—но это должно остаться между нами,—брата его, донъ Игнатія, послышался мнѣ глухой шумъ въ родѣ того, какой происходитъ обыкновенно въ жерлѣ кратера; потомъ увидалъ легкій дымъ, подымавшійся изъ-за холма. Я думалъ, что этотъ глухой гулъ происходилъ отъ отдаленнаго марша какого-нибудь отряда испанской кавалеріи, выступавшей изъ Пүкуаро, а дымъ—отъ огня, разведеннаго какимъ-нибудь пастухомъ-невидимкой; но разрытая земля въ этихъ склепахъ навела вскорѣ меня на истину. Подземный этотъ гулъ раздается вслѣдствіе пребыванія подъ холмомъ людей; дымъ же, который я приписалъ сперва огню пастуха, выходитъ, разумѣется, изъ земли чрезъ какія-нибудь скважины. Да, донъ Рамонъ вѣроятно занятъ въ этой пещерѣ разработкой се-

литры, которую нашелъ тамъ: я готовъ подтвердить это клятвой, хотя и не видѣлъ на этомъ холмѣ никакого признака подземельнаго входа; но я найду его.

Берренко былъ сильно пораженъ проницательностью незнакомца, тотчасъ вспомнивъ пещеру, входъ въ которую онъ открылъ случайно; и вмѣстѣ съ удивленіемъ глубокая симпатія пробудилась въ сердцѣ молодаго человека къ этому незнакомцу, съ которымъ сошелся онъ такъ случайно.

— *A fé de caballero!* воскликнулъ Берренко, протягивая руку незнакомцу; я буду счастливъ, если позволите быть мнѣ другомъ такого человека, какъ вы; меня зовутъ Луціано Гамбоа. А васъ какъ?

— Андре Тапіа; но это имя для меня почти не существуетъ; я отвыкъ отъ него; а обыкновенно зовутъ меня *Искателемъ слѣдовъ*, хотя, признаться, я въ сердцѣ человека такъ же вѣрно могу читать сокровенныя его думы, какъ на влажной или сырой землѣ, на травѣ луговъ или на мхѣ лѣсномъ находить оставленные на нихъ кѣмъ-нибудь слѣды.—Потомъ прибавилъ, словно желая показать Берренко свою проницательность:— Чтѣ новаго хотите вы мнѣ сказать?

— Чтѣ догадки ваши справедливы, по крайней мѣрѣ, касательно существованія неподалеку отсюда пещеры. Сегодня утромъ я ее открылъ случайно, и, если вамъ угодно, мы сей-часъ къ ней отправимся.

— Нѣтъ, сказалъ Андре, сегодня вечеромъ мнѣ некогда, но завтра пріѣзжайте *верхомъ, пожалуйста* къ воротамъ Пѣкуаро; я буду тамъ.

Послѣ этого, новые друзья пожали другъ другу руки и разстались. Берренко спать не хотѣлось, и чтобы убить какъ-нибудь время, онъ пошелъ въ цирюльню.

Въ то время какъ цирюльникъ занимался завивкой черныхъ его усовъ, онъ увидѣлъ на стѣнѣ мандолину, у которой были почти всѣ струны.

— Санъйоръ цирюльникъ, сказалъ онъ, мнѣ нужно бы вашей мандолины пынче вечеромъ на нѣсколько часовъ; не можете ли вы мнѣ ее одолжить? я, конечно, при этомъ дамъ вамъ подѣ залогъ вещь поцѣннѣе вашей мандолины.

— Какую? спросилъ цирюльникъ.

Берренко показалъ ему длинную шпагу съ серебрянымъ ефесомъ, превосходной работы, и бросилъ ее на стулъ.

— А, сеньйоръ! сказалъ цирюльникъ, положи шпагу въ сторону, я бы вамъ даже безъ залога съ удовольствіемъ одолжилъ этой ман-долины, которая впрочемъ для меня дороже всякихъ денегъ.

Берренко взялъ инструментъ, спряталъ его подъ плащъ и вышелъ изъ цирюльни, давъ слово зайти на другой день.

II. Пещера подлѣ Пукуаро.

Въ этотъ самый вечеръ, около десятого часа, все спало въ городкѣ Пукуаро, за исключеніемъ немногихъ, и между прочими не спала также молодая и прекрасная дѣвушка и мать ея. Они сидѣли вдвоемъ въ одной изъ комнатъ ихъ дома, которая выходившей въ обширный садъ, въ которомъ роскошно росъ гранатникъ и миртъ. Въ этотъ садъ легко можно было проникнуть черезъ плетень, устроенный изъ молодаго кактуса. Плетень этотъ шелъ отъ улицы по обѣимъ сторонамъ домика. Снаружи, съ улицы, все было заперто, дверь и ставни.

Глава семейства, мужъ старухи и отецъ молодой довушки, находился въ то время въ штатѣ Оахака и служилъ въ мексиканской арміи подъ предводительствомъ генерала Терана; жена его и дочь жили продажею *cigarregas*. Хотя старуха и показала Берренко, котораго она не знала, такъ много презрѣнія, когда тотъ спросилъ ее о мятежникѣ донѣ Рамонѣ; но это со стороны ея было не больше какъ хитрость, которую употребила она для осторожности. Мать и дочь разговаривали между собой, и въ то же время работали *cigarregas*. Разговоръ принялъ извѣстный оборотъ, который отчасти оправдываетъ испанскую пословицу: *toda vieja es alcahueta*, и которую можно услышать въ Мексикѣ даже и въ хорошемъ обществѣ. Воображая, что никто не можетъ ихъ слышать, мать говорила дочери:

— Ну! Лусъ, скажи, правду ли я тебѣ говорила, что привлекать къ себѣ мужчинъ презрѣніемъ и надмѣнностью гораздо лучше и надежнѣе, нежели сладкими улыбками и вѣжными взглядами? Вотъ ужъ въ продолженіе двухъ дней ты поймала двухъ мужчинъ въ сѣти, разставленныя гордостью и дикостью обращенія. Они думали увидать въ тебѣ слабую женщину, а между тѣмъ ты теперь можешь выбирать изъ нихъ любого себѣ въ супруги.

— Маменька, вы думаете, что эти два иностранца....

— Ну чтожъ такое, что я это думаю! Это зависитъ чисто отъ тебя, потому что ты приворожила обоихъ дикимъ дѣвственнымъ видомъ, который ты принимала по моему совѣту въ обращеніи съ ними. Разнаго рода приманки какъ словами, такъ и поступками, и потомъ привлекательныя улыбки и пылающіе глазки предоставъ женщинамъ безобразнымъ; имъ все это необходимо, чтобы разгорячать сердца мужчинъ, которымъ онъ собственно навѣваютъ одинъ холодъ. Повѣрь, другъ мой, что мужчины потому любятъ и уважаютъ женщинъ, какъ ты, что такіа женщины, кажется имъ, сами влюблены въ себя. Да, у насъ были бы два проводника, два путевыхъ товарища до Техуакана, гдѣ твой отецъ ждетъ насъ каждый день, если бы ты только захотѣла этого. Что, какъ тебѣ кажется, вѣдь они для защиты готовы будутъ послужить намъ своей могучей рукой и мужественной душой?

— Дѣйствительно, они должны быть оба очень храбры, и, какъ видно, свыклись ужъ съ опасностями войны; но какъ быть? Въ случаѣ, если я окажу предпочтеніе одному изъ нихъ, другой непременно придетъ въ отчаяніе, и тогда вмѣсто двухъ защитниковъ у насъ останется одинъ.

— Э, милая моя! въ томъ-то и сила, что, оставаясь равнодушною къ обоимъ, прельщая ихъ надеждою, что предпочтеніе будетъ отважнѣйшему изъ нихъ, подстрекая попеременно самолюбіе каждаго изъ нихъ, то одобряя одного, которому ты выказала презрѣніе, то презирая другаго, котораго недавно ободрила, ты можешь ихъ такимъ образомъ увлечь за собой на край свѣта, и развѣ ужъ тамъ своимъ выборомъ вздумаешь осчастливить кого-нибудь изъ нихъ.

— Какъ! неужели вы думаете, это такъ легко сдѣлать, сказала дочь со вздохомъ; а мнѣ кажется, что, когда сердце мое заговоритъ въ пользу одного изъ нихъ, невозможно, чтобы глаза мои и губы стали говорить противное.

— Ну, пожалуй, если хочешь, выбирай себѣ любаго по сердцу, только не мѣшай дѣло какъ мнѣ вести съ ними, слѣдуетъ. Молодой человекъ, что встрѣтили мы вечеромъ сегодня, съ черными бровями, съ глазами, сверкающими огнемъ....

— А у донъ-Андре въ одномъ глазѣ, который остался у него, гораздо больше жизни, нежели у молодаго человека въ его двухъ глазахъ, и эта рана вмѣсто глаза не говоритъ ли въ пользу его храбрости? По моему, онъ долженъ гордиться этой царапиной.

— Это такъ. Единственный глазъ его удивительно проницателенъ: ничто, кажется, не ускользнетъ отъ него. Замѣтила ты наемни , какъ скоро догадался онъ, что мы во глубинѣ души давали обѣтъ всячески способствовать возстанію ?

— Его проницательность, догадливость и храбрость должны ручаться за безопасность той, которую онъ любилъ ?

— Г-мъ.... Прозорливость эта, правда , хороша въ женихъ , но въ мужъ она не годится.

Разговоръ былъ прекращенъ раздавшимися въ тишинѣ ночи отдаленными звуками мандолины; вскорѣ потомъ кто-то запѣлъ на улицѣ не совсѣмъ гармоническимъ, а скорѣй мужественнымъ голосомъ слѣдующій куплетъ:

Luz divina de los ojos
Que me tienen cautivo
Que si vieras los des pojos
De mi corazon vivo.....

(Божественный свѣтъ очей , меня плѣвившихъ , — что , если бы вы видѣли страданія этого истерзаннаго сердца....)

— Каковы стихи-то ! сказала старуха , словно ихъ еще нѣтъ въ печати. Лусъ, вѣдь это твое имя и для тебя вѣдь поются эти стихи, а знаешь ли, чей это голосъ? молодого человека съ черными бровями.

— Лучше бы, если бъ пѣлъ не онъ, а Андре, сказала дочь.

— Да что жъ такое? Одному вручи сердце , а другому отдайся слухомъ.

И объ женщины ожидали продолженія куплета; но пѣвецъ ждалъ одобренія своимъ любовнымъ стансамъ. Ничто однакожъ не нарушало глубокой тишины. Онъ не упалъ духомъ , — черезъ нѣсколько минутъ голосъ снова раздался, и ужъ этотъ разъ въ саду , куда пѣвецъ перелѣзъ, должно быть, черезъ плетень. Но не успѣлъ онъ кончить куплета , какъ послышался звукъ обнаженной шпаги и вслѣдъ за тѣмъ посыпались угрозы.

— Господи! никакъ они биться хотятъ! закричала испугавшаяся старуха; обнажили ужъ шпаги; ну, прощай наши защитники!

Но Берренко попался въ располхъ, — шпаги при немъ не было , она осталась въ цирюльнѣ , и онъ долженъ былъ отдаться въ руки противника своего Андре , который , забравшись прежде его въ садъ, слышалъ почти весь разговоръ матери съ дочерью.

— Остановитесь, синьйоры! воскликнула мать; дочь моя никому изъ васъ не дала права биться за нее; а впоследствии заслужить которому-нибудь эту честь зависить отъ васъ.

Послѣ этого неожиданнаго ободренія, угрозы обонихъ противниковъ стихли. — Подойдите сюда къ окошку, продолжала старуха; примите отъ матери, дорожащей честью дочери, доказательство самой безкорыстной преданности. Подойдите сюда, со шпагами въ ножнахъ и безъ вражды на сердцѣ и на губахъ; не то дочь моя и я сочтемъ васъ взроломными рыцарями.

Андре и Берренко подошли вмѣстѣ къ окошку, съ шляпами въ рукахъ. Двѣ смоляныя свѣчки, находившіяся въ комнатѣ, освѣтили ихъ физиономіи. Андре, казалось, забылъ о ссорѣ, упоенный признаніемъ, сорвавшимся съ устъ молодой дѣвушки. Берренко стоялъ съ увѣренностью, которую внушало ему чувство собственного достоинства. Тогда мать такъ ловко вклеила въ разговоръ обѣщаніе смягчить дикій нравъ дочери и грусть вдовы и сироты по главѣ семейства; такъ ярко выставила передъ глазами любезныхъ молодцовъ надежду на сладостное вознагражденіе, что каждый изъ нихъ, вполне увѣренный въ приобритеніи его, далъ обѣщаніе матери и дочери сопутствовать имъ хоть на край свѣта. Между тѣмъ старуха, зная, что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, назначила на третій день путешествіе свое въ Техуаканъ. Послѣ этого они отправились по домамъ.

— Видишь ли, Лусъ, сказала, торжествуя, мать, успѣхъ зависить отъ того, какимъ образомъ возьмешься за дѣло, и я сегодня связала опять сердца двухъ мужчинъ, которыми ты можешь отнынѣ располагать по произволу.

Старуха была права. На другой день, на рассвѣтъ, Андре и Берренко, какъ это было между ними условлено, отправились къ пещерѣ и ѣхали все время такъ миролюбиво, словно у нихъ наканунѣ между собою ничего не было. Пріѣхавши къ пещерѣ, они привязали лошадей къ дубу, который закрывалъ входъ. Драпировка изъ плюща колыбалась въ томъ же видѣ, какъ оставилъ ее вчера Берренко; но это только такъ казалось для близорукаго. Опытный же глазъ искателя слѣдовъ сейчасъ увидѣлъ по едва замѣтно перемѣнымъ листьямъ, что драпировка нѣсколько разъ поднималась отъ безпрестанной ходьбы въ пещеру и изъ пещеры. Прежде нежели они вошли въ нее, Берренко спросилъ у *растреадора*, есть ли у него свой лозунгъ, кромѣ его, потому что неловко было бы въ

агентахъ донъ Рамона возбуждать напрасное подозрѣніе. Тапіа утѣрилъ его, что имѣеть свой лозунгъ, и они взошли смѣло въ гротъ, но подвигались впередъ осторожно, не зная сами еще, съ кѣмъ имъ придется имѣть дѣло.

Едва прошли они нѣсколько шаговъ ощупью, (драпировка изъ плюща едва пропускала свѣтъ), какъ поразилъ ихъ какой-то странный шумъ. Въ этомъ неопредѣленномъ шумѣ выдавался и звукъ человѣческихъ голосовъ. Вскорѣ впрочемъ поняли они причину этого шума. Пройдя узенькій проходъ, который велъ къ самой обширной части подземелья, они остановились, пораженные странной картиной. Огонь, разведенный въ огромныхъ печахъ, освѣщалъ безчисленное множество высокѣхъ колоннъ, образовавшихся подъ гранитнымъ сводомъ необъятнаго пространства отъ сильнаго натиска пробиравшейся въ пещеру воды. Отсвѣтъ огня освѣщалъ множество суетившагося народа, множество длинныхъ, узкихъ потоковъ расплавленного металла, которые струились изъ горнилъ, и наконецъ, въ самой дали, лошадей, привязанныхъ къ стѣнамъ, осѣдланныхъ, взнузданныхъ, вполне приготовленныхъ для ѣзды на всякій случай.

— Ну что? воскликнулъ искатель слѣдовъ, не говорилъ я вамъ, что здѣсь скрывается донъ Рамонъ? Конечно, не Испанцамъ же скрываться внутри земли, чтобы выливать тамъ пушки. Проникнуть въ могилы, чтобы добыть оттуда селитры, могъ только человекъ, довольно закаленный въ борьбѣ, каковъ донъ-Рамонъ.

Берренко ничего не могъ отвѣчать на это замѣчаніе. Казалось, иначе никакъ нельзя было объяснить внезапное исчезновеніе донъ Рамона. Вскорѣ оба посѣтителя были окружены мятежниками, которые бросились къ нимъ на встрѣчу.

— Представьте насъ донъ Рамону, сказалъ Тапіа.

— Мы не знаемъ никакого донъ Рамона! воскликнулъ одинъ изъ работниковъ.

— И сколько я вижу, вы не знаете также Андре, искателя слѣдовъ, потому что думаете морочить его. Донъ Рамонъ здѣсь, и мнѣ нужно ему кое-что сообщить по порученію генерала донъ Игнатія, сказалъ смѣло *растрeadоръ*, нисколько не боясь западни, которую думали ему разставить. Увидя проходившаго мимо его въ это время какого-то офицера, Тапіа воскликнулъ:

— Свнѣйоръ донъ Рамонъ, посланному вашего брата нужно васъ видѣть.

— Я не знаю, любезный, кто ты такой, а ты показываешь, словно знаешь меня? возразилъ офицеръ.

— Вы меня не знаете! Я тотъ, который умѣлъ бы узнать двухъ братьевъ, хотя бы они были меньше схожи другъ съ другомъ, нежели вы съ вашимъ братомъ, отвѣчалъ Андре улыбаясь, и вы перестанете сомнѣваться во мнѣ, когда я, по порученію вашего брата, скажу вамъ одно слово и при томъ на ухо, чтобъ никто не могъ услышать его.

Искатель слѣдовъ нагнулся къ уху офицера и прошепталъ такъ, что никто не могъ его слышать, нѣсколько словъ, которыя страшно взволновали офицера.

— Такъ, хорошо, сказалъ онъ лаконически, человекъ этотъ изъ числа нашихъ.

Берренко признался, что, хотя онъ коротко зналъ донъ Игнатія, но никогда не счелъ бы донъ Рамона по лицу за его брата; и это обстоятельство раскрыло передъ нимъ еще больше проницательность Андре.

Оба посланные отъ генерала Игнатія были приняты какъ нельзя болѣе дружески, и имъ сообщили всѣ происшествія, вслѣдствіе которыхъ случилось внезапное исчезновіе донъ Рамона. Мѣсяцъ тому назадъ, въ пещеръ находились одни звѣри осужденные жить во мракѣ. Случай привелъ къ этому убѣжищу одного солдата, находившагося подъ начальствомъ донъ Рамона. Страшный гулъ, раздававшійся внутри, испугалъ его и заставилъ, какъ и Берренко, выбѣжать оттуда. Когда узналъ объ этомъ открытіи донъ Рамонъ, то рѣшился проложить, во чтобы то ни стало, удобные ходы въ эту пещеру, гдѣ въ изобиліи находилась селитра, въ которой онъ очень нуждался. Взявши съ собой нѣсколько человекъ, снабженныхъ факелами и топорами, отправился онъ во внутренность пещеры. Едва только съѣхали они нѣсколько шаговъ, какъ цѣлая сплошная масса летучихъ мышей, испуганныхъ непривычнымъ для нихъ свѣтомъ, устремилась на факелы и потушила ихъ, но не совсемъ, такъ, что можно было мѣстами разглядѣть удивительную коловладу сталактитовъ изъ черной селитры. Для людей, отыскивавшихъ повсюду матеріалъ, необходимый для дѣланія пороха, это было, просто, благодѣяніемъ Провидѣнія. Однакожъ, какъ оказалось, нельзя было уничтожить эти природныя пластры; они, безъ сомнѣнія, поддерживали сводъ пещеры, и донъ Рамонъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. На землѣ кучами лежалъ навозъ; донъ Рамонъ велѣлъ полить

его варомъ, смѣшаннымъ съ сѣрой, и потомъ зажечь. Въ продолженіе пятнадцати дней, пламя истребило всѣхъ скрывавшихся въ пещерѣ звѣрей, и, когда потушили огонь, предприимчивый партизанъ увидѣлъ надежное убѣжище, гдѣ могли свободно расположиться двѣ тысячи людей, и гдѣ земля, пропитанная селитрой, могла въ изобиліи снабдить его самыми нужными веществами для фабрикаціи пушечнаго пороха. Сооружены были въ скоромъ времени четыре плавиельныя печи и приведены въ дѣйствіе; подѣланы формы для литья пушекъ; Андре и Берренко явились въ пещеру въ то самое время, когда донъ Рамонъ натолкнулся на новыя вещества, сохранявшіяся въ нѣдрахъ земли. Донъ Рамонъ всячески старался приманить къ себѣ въ службу сперва Андре, потомъ Берренко; но ни тотъ, ни другой не согласился, подѣ предлогомъ, что, по приказанію генерала донъ Игнатія, они должны теперь, не медля нисколько, явиться къ нему.

Еще до заката солнца успѣли они прибыть въ Пукуаро, и остатокъ дня посвящали приготовленіямъ къ путешествію. Денегъ при нихъ оказалось достаточно. Не условившись ни въ чемъ заранѣе, на другой день утромъ оба они пріѣхали къ знакомому имъ домику. Привели они съ собой каждый по отличной лошади для матери и дочери. Старуха не могла пожаловаться на невѣжливость своихъ спутниковъ; она благодарила ихъ за вниманіе. Дочь же, какъ ни старалась, не была въ состояніи держать себя сообразно наставленіямъ матери, не могла придать себѣ гордой, суровой осанки; покрывшіяся румянцемъ щеки и глаза, изнуренные пріятнымъ томленіемъ зародившейся въ груди ея любви, ясно говорили о неспособности ея къ той роли, на которую мать думала ее поставить.

Какъ только явились всадники съ лошадьми, мать обратилась къ ней съ торжествующимъ видомъ; а она, несчастная, смущенная взглядомъ матери, только и сдѣлала, что опустила на лицо свое *rebozo*. Отъ взора Андре не ускользнула эта нѣмая сцена, и хотя бы искателю слѣдовъ и не пришлось подслушать сокровенныя чувства матери и дочери, во все-таки смущеніе дѣвушки не могло бы остаться незамѣтнымъ для проницательнаго его глаза.

Положено было, что поочередно изъ четырехъ лошадей двѣ должны отдыхать во время пути. Когда обѣ женщины, съ помощію услужливыхъ кавалеровъ, помѣстились на сѣдлахъ, старуха, обратясь къ нимъ, сказала:

— Теперь на вашей ответственности лежитъ жизнь и честь двухъ женщинъ.

— Провалиться бы тебѣ въ первую на дорогѣ пропасть, проклятая старуха! проговорилъ сквозь зубы Берренко, крутя отъ досады усы.

И поѣздъ тронулся.

III. Ночной косоць.

Въ тѣ времена подобное путешествіе изъ Пукуаро, находящагося въ штатѣ Вальядолидъ, въ Техуаканъ, городъ штата Оахака, составляло довольно продолжительный и притомъ опасный переѣздъ; а въ особенности не легко было проѣхать разстояніе болѣе чѣмъ въ двѣсти льѣ, лежащее между этими городами, въ компаніи женщинъ или съ тюками товаровъ. Каждый вооруженный мексиканецъ, какъ мятежникъ, рисковалъ быть повышеннымъ Испанцами, безъ всякаго суда, на первомъ попавшемся на дорогѣ деревѣ; а мирнымъ путешественникамъ, погонщикамъ лошаковъ, торговцамъ, предстояли разнаго рода напасти. Особенно страдала отъ Испанцевъ въ то время провинція Оахака, богатая отъ торговли, которую вела она съ Пуэблой и другими городами. А испанскіе конвои только увеличивали эти гнусныя злоупотребленія. Каждая трапещя, каждая крѣпостца дѣлались заставами для сбора пошлины. Тамъ не только платили, смотря по капризу начальниковъ, огромныя суммы денегъ, но казалось даже, что воскресъ прежній феодализмъ съ своими безразсудными правами. Начальники грабили путешественниковъ и позволяли то же дѣлать своимъ солдатамъ. Самую же гнусную подать приходилось платить женщинамъ.

Чтобы не натолкнуться на испанскіе посты, путешественники нѣсколько разъ принуждены были дѣлать большіе объѣзды. И не будь съ ними Андре, врядъ ли бы они довхали даже до границъ штата Оахака, гдѣ находились самыя опасныя испанскіе посты. Къ счастью, искатель слѣдовъ былъ уроженецъ этого самаго штата, и ему знакомы были малѣйшія тропинки въ лѣсахъ и горахъ. Во все время путешествія старуха мастерски ухаживала за двумя кавалерами, и въ каждомъ попеременно возбуждала надежду на паграду. Лусъ, съ своей стороны, никакъ не могла приспособить себя къ той роли, о которой не переставала напоминать ей мать; природа въ ней взяла свое: все время была она скромна и застын-

чива, и не помоги Андре случай узнать тайну ея сердца, онъ не могъ бы въ ней подсмотреть той страсти, которую она питала къ нему. Скромная гордость молодой дѣвушки была завлекательнѣе всякаго утонченнаго кокетства; восторгъ двухъ вздыхателей увеличился, и Берренко былъ вполне увѣренъ, что растопчетъ въ прахъ своего соперника. Вскорѣ два чрезвычайные случая нарушили полное согласіе между путешественниками; эти два случая рѣшили участь Андре и приготовили ужасную развязку сентиментальнаго романа, прологъ котораго открылся въ Пукуаро.

Для бѣльшей безопасности путешественники наши находились въ дорогѣ только ночью. Обыкновенно, они отправлялись въ путь въ сумерки и останавливались на разсвѣтъ, и солнце встрѣчало ихъ пріютившихся гдѣ-нибудь въ одинокой хижинѣ, заставленной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, или въ какомъ безплодномъ, дикомъ мѣстѣ, вдали отъ дорогъ. Почти подлѣзая уже къ Техуакану, они остановились ночью у одного индѣйца, чтобы дать лошадямъ по порціи маису, и, поужинавши, отправиться опять въ дорогу. Андре и Берренко суетились ужъ на дворъ съ лошадьми, какъ приближала къ нимъ мать Лусъ, вся въ испугѣ, и объявила имъ, что, такъ какъ не далеко до Текуахана, то ужъ лучше до слѣдующаго дня отложить конецъ путешествія.

— А почему этакъ? спросилъ ее изумленный искатель слѣдовъ.

— Почему? возразила старуха, перекрестившись. А вотъ индѣецъ, у котораго мы остановились, видѣлъ прошлую ночь ночнаго косца, и говорить, что мы непременно при лунѣ встрѣтимъ его въ полѣ съ огромными ножницами, которыми онъ коситъ *альфальфу* (люцерну). Право, увѣряю васъ, продолжала испуганная старуха, если я увижу его, то умру со страха.

— Ну что жъ такое, если мы его и увидимъ! сказалъ Андре; ночной косецъ никого не трогаетъ. Въ случаѣ, если лошадь устанетъ, то очень пріятно даже будетъ, что онъ потрудился накосить люцерны. Опасности, стало быть, никакой нѣтъ; ночныя встрѣчи мнѣ не страшны; но за денныя я не ручаюсь вамъ.

Эти слова успокоили старуху, и путешественники отправились къ послѣднему этапу.

Взрваніе въ ночнаго косца составляетъ одинъ изъ крѣпко-закоренныхъ предразсудковъ штата Оахаки. Въ тамошнемъ народѣ ходитъ молва, что въ началѣ победы, обезславленной множествомъ жестокостей, одинъ испанскій воинъ, который прославился безпо-

щадною ненавистью къ Индѣйцамъ, встрѣтилъ разъ одного изъ нихъ въ полѣ, косищаго люцерну. Испанецъ ѣхалъ на отличной, горячей, но уже изнуренной лошади, которую гналъ въ галопъ, и, проѣзжая мимо косца, закричалъ ему:

— Эй! послушай! Когда я доѣду до Оахаки, если буду продолжать ѣхать тѣмъ же маршемъ?

— Никогда! отвѣчалъ индѣецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, проѣхавши нѣсколько шаговъ, лошадь его, надорвавшись отъ усталости, упала. Всадникъ, не понявшій, вѣроятно, индѣйца, который хотѣлъ сказать, что онъ никогда не доѣдетъ на той лошади, по крайней мѣрѣ, если не перестанетъ ее такъ надирать, вообразилъ, что его лошадь околдовали, бросился въ бѣшенствѣ на индѣйца и убилъ его. Это злодѣйство довершило всѣ несправедливости Испанцевъ. Въ тотъ же самый вечеръ исчезъ онъ, осужденный, — какъ говорятъ Индѣйцы, желая эгимъ поразить своихъ непріятелей, — вѣчно косить люцерну. Около цѣлаго часа ѣхали наши путешественники, не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Глубокая тишина царствовала кругомъ. Оба путеводителя съ восторгомъ вкушали, кромѣ упоенія, которое имѣютъ въ себѣ ясныя ночи въ прекрасныхъ странахъ, невыразимое наслажденіе любоваться обожаемымъ существомъ. Слегка наклоненная къ седлу, поблѣднѣвшая отъ усталости и тщательно окутанная своимъ *reboso*, подобно цвѣтку дурмана (*datura*), спрятавшемуся къ ночи въ свою чашечку, Луся казалась задумчивою больше обыкновеннаго. Подобно нѣкоторымъ цвѣткамъ, которые съ приближеніемъ грозы опускаются къ землѣ на своихъ тонкихъ стебляхъ, она, казалось, предчувствовала, что въ эту ночь должна рѣшиться ея судьба. Наконецъ, по прошествіи двухъ часовъ, кавалькада должна была бросить оковы дорожки, по которымъ пробиралась до тѣхъ поръ для минованія испанскихъ этаповъ. Выѣхавши на большую дорогу, ведущую къ Техуакану, путешественники увидѣли огни, сверкавшіе вдали по обширной равнинѣ, и вскорѣ могли разглядѣть людей, бѣгавшихъ въ разныя стороны съ озабоченнымъ видомъ, и лошаковъ, съ спутанными передними ногами, прыгавшихъ при свѣтѣ разведеннаго огня, который освѣщалъ палатки и разбросанные по землѣ тюки товаровъ. Путешественники по этимъ признакамъ тотчасъ догадались, что это долженъ быть раздыхъ погонщиковъ лошаковъ, и осторожно приблизились къ нимъ, думая разспросить ихъ о дорогѣ къ Техуакану, откуда, вѣроятно, выбыли тѣ въ то же самое утро. Нѣкоторые изъ нихъ зашивали тюки

большая часть которыхъ была распорота, выказывая упрятанный въ нихъ товаръ. Между ними особенно отличался одинъ человекъ, который съ отчаяніемъ глядѣлъ на эти раззоренные тюки. Должно быть, это самъ хозяинъ товара.

— Позвольте узнать, вы теперь изъ Техуакана? спросилъ его искатель слѣдовъ.

— *Rayo de Dios!* воскликнулъ онъ; хорошо бы было, еслибъ оттуда! Честный генералъ Теранъ вѣроятно не ограбилъ бы меня, какъ....

— Не бойтесь, продолжайте! какъ эти роялисты, враги наши.

— Какъ эти разбойники Испанцы, продолжалъ погонщикъ лошаковъ (*arriero*). Мало было имъ, что взяли по 5 піастровъ съ головы лошака, всего почти 200 *duros*; вздумали совершенно раззорить меня; изъ каждаго тюка повытаскали по образчику всякой матеріи. Покарай ихъ небо; они въ конецъ раззорили меня своей алчностью!

И несчастный сталъ вздыхать и стонать пуще прежняго; но вскоре успокоился и воскликнулъ, сжавши кулаки: — Ахъ, если бы небо послало мнѣ теперь двухъ или трехъ человекъ изъ этой шайки грабителей по большимъ дорогамъ, все равно, офицеровъ ли, или солдатъ, — какъ бы я заставилъ ихъ поплатиться мнѣ за все!

Едва успѣлъ онъ кончить эти слова, какъ раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой.

— Что такое? спросилъ *arriero*.

— Пистолетные выстрѣлы, отвѣчалъ Берренко, посмотрите, небо услышало васъ, посылаетъ вамъ на мщеніе испанскаго драгуна.

Погонщикъ лошаковъ, казалось, не совсѣмъ-то былъ радъ, что желаніе его такъ скоро исполнилось.

— Послушайте, сказалъ онъ, обратясь къ Андре и Берренко, неужели вы допустите убить человека, совсѣмъ уже ограбленнаго?

Оба пріятеля обнажили свои шпаги при приближеніи къ нимъ солдата; но вскоре должны были опять вложить ихъ въ ножны. Всадникъ былъ раненъ въ голову и едва сидѣлъ на сѣдлѣ, а лошадь несла его. Подъѣзжая къ путешественникамъ, драгунъ свалился съ лошади и остался недвижимъ. Берренко взялъ его лошадь.

— Возьмите ее себѣ, сказалъ онъ погонщику: хоть и ничтожное, но все-таки составитъ вамъ вознагражденіе.

— Сохрани меня Богъ! возразилъ погонщикъ лошаковъ.

Между тѣмъ, искатель слѣдовъ, приставивши кулакъ къ единственному глазу, чтобы лучше сосредоточить лучъ зрѣнія, смотрѣлъ

въ даль, но за темнотою ничего не могъ разглядѣть; однако жъ догадливость его совершенно проникла и за темноту.

— Оба эти пистолетные выстрѣла, сказалъ онъ, были сдѣланы однимъ и тѣмъ же человекомъ, потому что звукъ ихъ одинаковъ, пистолеты были заряжены одной и той же рукой и одинаковой мѣрой пороху. Всадники эти должны быть съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; потому что при несчастномъ, который упалъ съ лошади, два пистолета въ чушкахъ; впрочемъ я слышу только стукъ саблей. Вотъ слышно, кто-то вызываетъ о помощи: это иностранецъ, котораго, вѣроятно, хотятъ взять живаго и стараются обезоружить.

Слухъ Беррендо далеко не былъ такъ тонокъ, какъ у Андре. До него не доходилъ ни стукъ сабель, ни крикъ человека, молящаго о помощи, и пока онъ оставался въ нерѣшимости, что ему дѣлать, Андре полетѣлъ галопомъ по направленію крика, который слышался ему. Лушь смотрѣла на все это неподвижная и блѣдная, какъ мраморная статуя. Беррендо, желая тоже блеснуть отвагою передъ своей повелительницею, устремился было вслѣдъ за Андре; но раздражительные крики старухи остановили его.

— *Maria santissima!* воскликнула она, что жъ, вы насъ однихъ оставите?

Беррендо остался. Иностранецъ между тѣмъ, какъ ни старались солдаты заложить ему ротъ, продолжалъ вызывать о помощи. Андре прищипорилъ лошадь и поскакалъ еще скорѣе. Къ счастью его, мѣсто было песчаное: топотъ лошадиный не могъ выдать его непріятелю. Вскорѣ онъ увидѣлъ трехъ драгуновъ, собравшихся подлѣ какого-то человека, лежавшаго на землѣ, которому старались они зажать ротъ и связать руки и ноги. Андре, немедля нисколько, бросился на нихъ. Они до того оторопѣли, что не скоро рѣшились защищаться. Искатель слѣдовъ не хотѣлъ разсуждать, правы ли они или нѣтъ; достаточно было и того, что онъ видѣлъ передъ собою трехъ испанскихъ драгуновъ, своихъ непріятелей, и несчастнаго человека, изнемогающаго отъ неровной борьбы. Съ двухъ выстрѣловъ убилъ онъ двухъ изъ нихъ наповалъ; теперь оставалось раздѣлываться съ третьимъ; но, или этотъ испанецъ посовѣстился отстаивать гнусное дѣло, или по природѣ ужъ не терпѣлъ никакихъ объясненій, только поскакалъ какъ сумашедшій, и такъ безпощадно дѣйствовалъ шпорами, что чрезъ минуту скрылся изъ виду.

Андре, оставшись побѣдителемъ, поспѣвшимъ освободить иностранца отъ веревокъ, которыми опутали его; лошадь его, проколота

ишагою, какъ быкъ въ циркъ послѣ нанесеннаго ему *матадора* удара лежала на песокъ. Поймавши лошадь одного изъ драгуновъ, Андре подалъ ее иностранцу, который черезъ силу устылся на нее. Когда они вдвоемъ возвратились, Лусъ шептала пламенную молитву благодарности. Погонщикъ лошаковъ, не смотря на сильное желаніе мщенія, дрожалъ отъ страха, когда увидѣлъ его осущевленнымъ. Въ то время еще такъ страшно гремѣло имя Испанца для большей части Креоловъ, что всѣ люди, бывшіе при погонщикъ лошаковъ, не понимали, какимъ это образомъ Андре посмѣлъ напасть на солдатъ вице-короля. И потому погонщикъ лошаковъ, испугавшись, что, пожалуй, обвинять его въ участіи, со слезами умолялъ путешественниковъ ухать поскорѣе отъ него. Арріеро не могъ сообщать никакихъ свѣдѣній объ освобожденіи иностранца, а Андре ничего не стоило согласиться на просьбу этого труса, который въ состояніи былъ скорѣе обличить его, нежели благодарить за мщеніе. Искатель слѣдовъ поѣхалъ впередъ, а за нимъ послѣдовали и прочіе спутники, къ которымъ присоединился иностранецъ. Путешественникъ этотъ былъ англичанинъ и пазывался Робинсономъ. — Очень благодаренъ вами! сказалъ онъ Андре: вы оказали вашей страны и генералу Терапу такую важную услугу, о какой, можетъ быть, и не воображаете.

Послѣ этой благодарности, выраженной непонятными словами, иностранецъ совершенно погрузился въ самого себя. Пробѣжавши нѣсколько льѣ, путешественники стали ужъ различать, при свѣтѣ луны, дома Техуакана, какъ искатель слѣдовъ указалъ имъ картину, отъ которой пробѣжала у нихъ дрожь по тѣлу.

Въ сосѣднемъ съ дорогою полѣ, роскошно покрытомъ *альфальфой*, на которое луна отбрасывала тѣнь отъ оливковыхъ деревьевъ, стоялъ пагнувшись какой-то человекъ и косилъ или хотѣлъ показывать, что косить люцерну. Изъ сѣраго войлока шляпа, съ широкими, поднятыми къверху полями и съ длиннымъ перомъ съ боку, скрывала отъ постороннихъ черты его лица; рубашка съ широкими оборками на рукавахъ и коротенькіе панталоны доставляли косцу сходство съ портретами лицъ временъ завоеванія, оставленными испанскимъ живописцемъ Мурильо. Ноги его закрыты были люцерной, и потому не видать было, есть ли у него, какъ у лицъ на тѣхъ старинныхъ портретахъ, бродкивы изъ кордовской кожи. Впрочемъ путешественники такъ сильно были встревожены этимъ явленіемъ, что не могли хорошенько рассмотреть косца. Два острія огромныхъ

пожниці открывались и закрывались безъ малѣйшаго шума, блестя при свѣтѣ луны; потомъ, когда скошенная люцерна упала къ его ногамъ, онъ, казалось, рылся въ карманъ и послѣ того описывалъ рукой въ воздухѣ вокругъ себя таинственный полукругъ; потомъ опять принимался за пожницы, и снова скошенная альфафа ложилась на землю къ его ногамъ.

Бронзовое лицо искателя слѣдовъ, казалось, покрылось на минуту блѣдностью; но раздувшіеся ноздри и огонь, сверкнувшій изъ его единственнаго глаза, показывали, что, если страхъ и овладѣлъ имъ, то по крайней мѣрѣ не вслѣдствіе недостаточности его непогрѣшимой проникаемости: эта минута нерѣшимости или, какъ казалось, страха, была вслѣдствіе того, что онъ старался разпознать, что за человѣкъ ночной косецъ и что бы могло заставить его прибѣгнуть къ подобной шалости.

— Боже мой! вѣдь это ночной косецъ! прошептала старуха.

— О! выговорилъ англичанинъ, который не понималъ старуху.

Искатель слѣдовъ покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ; слѣдавши только знакъ путешественникамъ, 'чтобъ они не трогались съ мѣста, онъ слѣзъ потихоньку съ лошади и отдалъ ее Беррендо.

— Что вы хотите дѣлать? спросила его испугавшаяся Лусъ.

— Гдѣсь! было ей отвѣтомъ, при чемъ Андре бросилъ на нее взглядъ, который говорилъ, что даже видъ сверхъестественнаго существа не испугаетъ его; потомъ, согнувшись, пошелъ вдоль кустарника, росшаго подлѣ дороги. Наконецъ очутился онъ на такомъ мѣстѣ, что могъ выпрямиться. Дорога выходила ложбиной, а двѣ платформы, которыя находились на обонхъ концахъ дороги, приходились совершенно въ уровень съ головами путешественниковъ. Такимъ образомъ, они могли видѣть почти все, что происходило на каждомъ скатѣ, и притомъ такъ, что при нѣкоторой осторожности сами никѣмъ не могли быть замѣчены.

Въ то время какъ Андре остановился за кустами и разглядывалъ косца своимъ проникающимъ глазомъ, тотъ пересталъ косить, а водилъ рукой по воздуху надъ скошенной имъ травой. Тогда слышно стало, что онъ пѣлъ пѣсню, но смысла которой никакъ нельзя было понять, — вѣроятно, какую-нибудь пѣсню не здѣшняго міра. Потомъ Андре вдругъ исчезъ; въ то же самое время дерево и тѣнь, лежавшая отъ него, совершенно скрыли косца отъ взоровъ путешествен-

никовъ. Луна освѣщала только пустое, совсѣмъ выкошенное поле *альфальфы*.

Англичанинъ, которому не была извѣстна легенда о ночномъ косцѣ, очень спокойно ждалъ возвращенія Андре, который вскорѣ явился мѣрнымъ шагомъ и съ задумчивымъ лицомъ, и взялъ свою лошадь у Беррендо.

— Глупо я сдѣлалъ, что не взялъ съ собой карабина; но впрочемъ знаю, что мнѣ теперь нужно сдѣлать, сказалъ онъ.

— Къ чему послужать пули противъ призрака? возразилъ ему Беррендо. Развѣ вы не замѣтили, какъ онъ исчезъ, не смотря на всю предосторожность и ловкость вашу при подходѣ къ нему?

— Да, если бы только время мнѣ позволяло, такъ, будь хоть самъ духъ воздуха, я сумѣлъ бы найти его по слѣду; но оставаться здѣсь не возможно: чрезъ это несчастіе успѣтъ ойти до гавани. Видите ли, сейчасъ покажутся передъ нами колокольни Техуакана.

Андре сѣлъ на лошадь, и путешественники поѣхали теперь довольно скоро, чтобы наверстать потерянное время. Растрeadоръ молчалъ, и, казалось, глубоко былъ погруженъ въ самого себя.

Вы, стало быть, не вѣруете въ ночнаго косца? спросила Лусъ, прерывая его размышленія.

— Этотъ косецъ, такъ же существо, какъ и мы, изъ тѣла и костей; лошади, видѣвшіе его, нисколько не пугались, что бываетъ съ ними, какъ говорятъ, при видѣ пришлеца съ того свѣта. Но что онъ дѣлалъ?

— Ахъ, Господи, да онъ косилъ! возразилъ Беррендо, онъ за грѣхи свои осужденъ на эту вѣчную казнь. Замѣтили ли вы на немъ шляпу съ длиннымъ перомъ, какая была въ ходу лѣтъ триста тому назадъ въ Испаніи?

— Это не больше какъ роль, уверяю васъ, а когда играютъ какую-нибудь роль, всегда прежде всего заботятся пріискать соответствующій ей костюмъ; но къ чему ведетъ эта комедія? этого-то я и добиваюсь. Настоящій индѣйскій косецъ не надѣлъ бы этой шляпы даже и въ эту ночную пору; а этотъ разсчитываетъ, стало быть, обмануть или напугать кого-нибудь, продолжалъ Андре; потомъ, все усиливаясь донскаться этой, по видимому, неразрѣшимой загадки, воскликнулъ наконецъ съ глубокимъ сознаниемъ своей проникательности: — я узнаю, что дѣлалъ этотъ человекъ или, пожалуй, призракъ! Вы чрезъ часъ будете въ безопасности — въ Техуаканѣ; а я тамъ буду чрезъ два часа послѣ васъ.

И не слушая увещаній двухъ женщинъ и Беррендо, которые продолжали увѣрять, что ночной косецъ существо не здѣшняго міра, Андре повернулъ лошадь и поскакалъ во весь духъ по возвратному пути, и вскорѣ опять исчезъ, подобно древнимъ странствующимъ рыцарямъ, которые, пылая горделивымъ желаніемъ доказать свое необузданное мужество въ глазахъ своей возлюбленной, безъ всякаго раздумья бросались въ самыя страшныя приключенія.

Беррендо, англичанинъ Робинсонъ и обѣ женщины подъѣзжали ужъ къ самому городу, воображая себя внѣ всякой опасности, какъ выѣхавшіе изъ города къ нимъ на встрѣчу всадники, челоѣкъ около двадцати, загородили имъ дорогу. Ужъ начало разсвѣтать, и по свѣтамъ, которыя везли съ собой всадники, можно было догадаться, что они отпраѣлялись за фуражемъ. Начальникъ отряда окликнулъ путешественниковъ. Лошадь драгуна, которая была подъ англичаниномъ, послужила передъ офицеромъ подтвержденіемъ справедливости свѣдѣній, которыя Беррендо сообщалъ ему.

Послѣ этой встрѣчи путешественники не долго ѣхали; благополучно достигли они первыхъ домовъ Техуакана, гдѣ мы ихъ на время и оставимъ. А между тѣмъ, теперь сперва познакомимся съ англійскимъ путешественникомъ, а потомъ отправимся вслѣдъ за нимъ къ генералу Терану. Вильямъ Робинсонъ былъ владѣлецъ огромнаго груза оружія, находившагося на кораблѣ, который стоялъ у береговъ рѣки Гоазасоалось. Рѣшившись продать драгоценный грузъ первому встрѣчному покупателю, не разбирая, кто онъ такой, испанецъ или мятежникъ, англичанинъ напалъ на испанскаго командира, который согласился на его предложеніе, сначала условившись на наличныя деньги, а потомъ просилъ отдать въ кредитъ. Но подъ конецъ придумалъ еще болѣе выгодное для себя средство — просто по праву сильнаго завладѣть этимъ грузомъ оружія. На первой уговоръ англичанинъ очень польстился, второй нѣсколько встревожилъ его, и наконецъ противъ третьяго онъ совершенно возсталъ. Испанецъ объявилъ ему рѣшительно, что, если онъ не передастъ ему, по подлинному акту, всего своего груза, то на вѣки долженъ будетъ проститься съ свободой; при чемъ, смѣясь, замѣтилъ ему, что самаго корабля не тронетъ, что онъ можетъ еще остаться послѣ того вполне счастливымъ челоѣкомъ. И несчастный, по приказанію командира, былъ посаженъ въ крѣпость Вильгасъ. Возненавидя роалистовъ, онъ сталъ помышлять о Теранѣ, и подкупилъ караульных крѣпости; но когда онъ выѣхалъ изъ крѣпости и запла-

тить имъ за побѣгъ деньги, они вздумали опять воротить его въ крѣпость, и конечно успѣли бы въ этомъ, еслибъ только на ту пору не подоспѣлъ къ нему Андре.

Не смотря на внезапное обогащеніе свое, генераль Теранъ принималъ каждого во всякое время дня и ночи. Пріѣхавшій въ гостиницу (*posada*), англичанинъ поспѣшилъ только перекусить кое-чего, и когда труба заиграла здрю, онъ отправился ко дворцу и немедленно былъ допущенъ внутрь. Тамъ онъ увидѣлъ молодаго чело-вѣка, лицо котораго выражало вмѣстѣ знатность, привѣтливость и самый живой умъ. Это былъ генераль донъ Мануэль де-Мьеръ Теранъ. Какъ видно было, денная его работа уже началась: онъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами и географическими картами. Начальникъ Мексиканцовъ былъ тогда при деньгахъ и съ радостью принялъ предложеніе Робинсона продать ему драгоценный грузъ оружія. Въ то время, какъ онъ договаривался съ англичаниномъ о цѣнѣ, страшный шумъ поднялся на площади, гдѣ за недостаткомъ казармъ расположены были лагерьмъ два полка. Генераль подошелъ къ окну.

— А! это фуражиры наши возвращаются съ добычей; да нынѣшній разъ они забрали еще больше вчерашняго; но что это за чело-вѣкъ съ ними?

Это, ваше превосходительство, сказалъ ему англичанинъ, Андре Тапіа, искатель слѣдовъ. Этотъ самый освободилъ меня отъ испанцевъ, и если вы побѣдите съ помощію оружія, которое я вамъ доставлю, вы будете обязаны собственно этому чело-вѣку.

Андре размахивалъ руками и говорилъ съ жаромъ, а толпа на его слова отвѣчала смѣхомъ. — Если вашему превосходительству угодно будетъ выслушать его, воскликнулъ Робинсонъ, я увѣренъ, что вы съ нимъ согласитесь.

— А *ver* (увидимъ), сказалъ генераль и приказалъ привести къ себѣ Андре. Тотъ, вошедши, обратился къ Терану съ слѣдующими рѣшительными словами:

— Не угодно ли будетъ вашему превосходительству отдать приказаніе сжечь какъ можно скорѣе весь привезенный фуражъ?

— Зачѣмъ же?

— Потому что враги наши употребляютъ всякаго рода средства для нашей гибели. Вотъ теперь они воспользовались однимъ изъ закоренныхъ предразсудковъ цѣлой нашей провинціи, чтобы отрав-

лять фуражъ, который накошеть, всякій въ томъ увѣренъ, ночнымъ косцемъ, и свойства котораго никто не подозреваетъ. За этотъ фуражъ мы заплатимся, я васъ увѣряю, лошадьми цѣлаго полка.

Андре, казалось, былъ вполне увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ. И потому генераль отдавъ приказаніе спрятать на время фуражъ, боясь такъ дорого заплатить за него, и на пробу отпустить его какой-нибудь негодной лошади. Немедленно было приступлено къ исполненію приказанія генерала.

— Такъ, сказалъ Берренко Андре, когда они остались вдвоемъ, этотъ ночной косецъ....

— Былъ не больше какъ жалкій человекъ, который исполнялъ предписанную ему роль, но который не въ силахъ былъ бороться со мной.

— Да что, онъ признался что ли вамъ, что въ этомъ фуражѣ есть отравы?

— Нѣтъ, онъ мнѣ объ этомъ ни слова не сказалъ; у насъ разговоръ былъ только о прекрасной погодѣ и послѣднихъ дождяхъ, отвѣчалъ Андре, разнуздывая лошадь.

— И для васъ это было достаточно, чтобы....

— Да что жъ! Я угадалъ мысль многихъ изъ нѣсколькихъ словъ, которыя онъ мнѣ сказалъ. Я могъ нѣсколько времени наблюдать за нимъ такъ, что онъ меня не замѣчалъ, а когда я подъѣхалъ къ нему, я уже зналъ, что мнѣ следовало сдѣлать — Послушай, любезный, сказалъ я ему, я посланъ чрезвычайнымъ курьеромъ къ коменданту крѣпости Вильгасъ съ важнымъ извѣстіемъ; лошадь моя измучилась, и одна охапка люцерны укрѣпить ее; иначе я долженъ буду пріѣхать къ крѣпости ночью, и она будетъ взята. Я предугадывалъ его отвѣтъ; онъ мнѣ сказалъ, что лошадь моя скорѣе доѣдетъ до крѣпости, если поѣсть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что.... потому что та люцерна свежа и влажна отъ ночной росы. — Хорошо, отвѣтилъ я ему; я возьму у тебя твою дурацкую шапку. — Съ этими словами я сорвалъ съ его головы маскарадную шляпу, и когда онъ послѣ остолебнѣнія пришелъ въ себя, я ужъ скакалъ убѣдить васъ, что ночной косецъ простой человекъ, нанятый нашими врагами отравлять соседнія намъ поля *альфальфы*. Вотъ черезъ полчаса пойдемте поглядѣть лошадь, накормленную его люцерной.

Слова искателя следовъ вполне оправдались на дѣлѣ. Несчастное животное не замедлило вслѣдствіе яду издохнуть въ судорогахъ, и огромный огонь, разведенный на площади, истребилъ вскорѣ до чиста весь фуражъ, который, безъ внимательства Андре, былъ бы очень губителенъ для кавалеріи Терана.

IV. Рѣка Плаха-Виценте.

Пріѣхавши наконецъ, послѣ столькихъ приключеній, въ Техуаканъ, напрасно воображали Андре и Беррендо мирно продолжать борьбу, предметомъ которой была Лусъ. Дней черезъ восемь послѣ пріѣзда ихъ въ Техуаканъ, они находились,—но въ этотъ разъ ужъ одни,—ль за шестьдесятъ отъ города, на границѣ двухъ штатовъ—Оахаки и Вера-Круцъ.

Погода была дождливая, и страна, по которой они ѣхали, представляла самый унылый и странный видъ. Съ одной изъ высочайшихъ оконечностей хребта Мадре, съ горы Рабонъ, стремится несметное множество потоковъ, которые потомъ сливаются въ одну массу, разливающуюся наконецъ на двѣнадцать отдѣльныхъ рѣкъ, и почетнѣйшее мѣсто въ этой великолѣпной связкѣ рѣкъ занимаетъ рѣка Плаха-Виценте.

Потоки эти отъ непрерывныхъ сильныхъ дождей вырвались изъ береговъ, затопили страну и превратили ее въ обширное озеро мутной воды, на поверхности котораго выказывались, какъ корабли, верхнія части затопленныхъ зданій.

Посреди узкихъ полосъ земли, оставшихся на поверхности этого огромнаго озера въ видѣ искусно расположеннаго шоссе, лошади обонихъ авантюристовъ, завязнувши по груди въ тинѣ, съ трудомъ подвигались впередъ. По ихъ слѣдамъ, почти за полмили отъ нихъ, ѣхалъ отрядъ изъ четырехъ-сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ генерала Терана. Они пробирались къ рѣкѣ Плаха-Виценте, а потомъ къ рѣкѣ Гоазакоалькосъ, гдѣ находился корабль съ богатымъ грузомъ оружія, купленнымъ Тераномъ у Робинсона. Оба проводника, и въ особенности Андре, ѣхали въ мрачномъ уныніи, вполне соответствующемъ виду мѣстности и непріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ они находились.

— Хорошо бы, если бы мои предвидѣнія не сбылись, сказалъ Андре, окинувъ грустнымъ взоромъ поля, опустошенныя водою, и чтобы съ нами не случилось того же, что съ лошадейю испанца, ко-

торая потому не достигла цѣли своего путешествія , что всадникъ сначала слишкомъ сильно гналъ ее!

— Я то же этого боюсь, подхватилъ немнѣе грустно Берренко.

— Эта страна мнѣ совершенно незнакома, продолжалъ искатель слѣдовъ; я говорилъ объ этомъ генералу, но онъ и слышать про это не хотѣлъ; а все-таки, случись, что я какъ-нибудь собою съ дороги или наѣду на непріятеля, не разузнавши его попытокъ напасть на насъ, я никакъ не переживу тогда этого позора. Хотя бы онъ отсрочилъ эту экспедицію до окончанія дождей.

— Вы сами виноваты, что онъ взялъ насъ своими проводниками, возразилъ Берренко: не отправился мы въ ту ночь изъ хижины индейца, въ которой хотѣли осгаться переночевать, боясь встрѣтить почпаго козда, вы тогда не оказали бы генералу такой важной услуги, не спасли бы его кавалерін; вы тогда не оказали бы ему еще важнѣйшей услуги, — не дать Испанцамъ завладѣть грузомъ оружія. И тогда его превосходительство не зналъ бы ни о вашей проникаемости, ни о вашей храбрости; уѣзжая изъ Техуакана, мы избавились бы тогда.... Но кстати скажу вамъ, продолжалъ Берренко, словно пришла ему въ голову какая-то внезапная мысль, должно быть, и за мной видать какое-нибудь достоинство; но, кажется, я не былъ такъ счастливъ, чтобъ могъ оказать его превосходительству хоть какую-нибудь услугу. За что же онъ удостоилъ меня своего лестнаго разговора, и сказалъ, что, если я хочу вамъ сопутствовать, то могу ѣхать съ вами, а въ противномъ случаѣ не могу оставаться въ Техуаканѣ.

— Послушайте, возразилъ ему важно искатель слѣдовъ: ваша честь погибла бы въ неровной борьбѣ; я позаботился поддержать эту вашу честь. Да какъ можно допустить, вамъ остаться одному подлѣ прелестной Лусъ; противная сторона при чемъ бы осталась? Вотъ я и уравнивалъ съ обѣихъ сторонъ шансы, и, благодаря моей неотступной просьбѣ, вы находитесь теперь подлѣ меня въ качествѣ втораго проводника.

— Какая удивительная симпатія существуетъ между нами! возразилъ ему не менѣе важно Берренко. Видите ли, если бы я не вознесъ до облаковъ вашего несравненнаго достоинства, какъ проводника, вы вѣроятно теперь были бы еще въ Техуаканѣ.

Помѣнявшись признаніями другъ съ другомъ, оба соперника замолкли; но взоры ихъ враждебно встрѣтились между собою. Вскорѣ очутились они на оконечности скалы, откуда дорога спускалась къ равнинѣ, или, вѣрнѣе, къ тинистому озеру, образовавшемуся отъ

наводненія. Это озеро затопило цѣлый городъ. Находясь на возвышенности, оба проводника могли вполне обозрѣть странную картину, открывшуюся ихъ глазамъ.

— Странное дѣло! сказалъ Берренко: я предлагалъ, что городъ теперь долженъ быть въ страшномъ отчаяніи.

— Напротивъ, возразилъ Андре, время наводненія здѣсь самое веселое: тогда собственно бывають здѣсь всѣ торжества и увеселенія.

Множество лодокъ разной величины, пироги, пересѣкало желтоватую поверхность озера по всѣмъ направленіямъ. Звукъ колокольчиковъ, какъ и всегда, разносился по городу, а черезъ отворенныя двери церквей видно было, какъ входили пироги внутрь ихъ и останавливались передъ алтаремъ. Черезъ одинъ входъ тихо проскальзывала лодка, вся обвѣшенная чернымъ сукномъ, съ покойникомъ, котораго везла она къ послѣднему человѣческому жилищу; у другаго же входа видѣлась тоже лодка, но только вся украшенная огнями и павильонами и наполненная молодыми дѣвушками, съ цвѣточными вѣнками на головахъ; дѣвушки съ пѣснями провожали въ церковь невѣсту. На верху террасъ, гдѣ вѣтеръ раскачивалъ повѣшенныя койки, нѣкоторые оставшіеся дома жители радостно кивали головами своимъ знакомымъ, носившимся на лодкахъ по поверхности озера; другіе, свѣсивши ноги наружу, сидѣли на окнахъ и удияли на дворъ и въ комнатахъ нижняго этажа рыбу, которая искала себѣ тамъ въ застоявшейся водѣ убѣжища отъ сильнаго напора разлившихся изъ береговъ рѣкъ. Иногда среди лодокъ вдругъ выказывались вѣтвистые рога оленя, котораго порывистое теченіе воды увлекло за собой изъ лѣсной чащи, или попадались испуганные кабаны, выставившіе наружу свои рыла. Словомъ, казалось, природа измѣнила своему порядку.

Оба проводника должны были сдѣлать большой объездъ, чтобъ не попасть въ эту затопленную равнину. Къ счастью, Андре успѣлъ понабравъ кой-какихъ свѣдѣній о дорогѣ къ рѣкѣ Плаха-Виценте отъ индѣйцевъ, мелькавшихъ съ помощью широкихъ бревенъ по тинистой странѣ. Но все-таки очень трудно было подвигаться впередъ по этимъ топкимъ мѣстамъ: не видать было ни дорогъ, ни тропинокъ. Самъ Андре, какъ гончая, у которой вдругъ пропало обоняніе отъ росы или отъ большой сухости, не зналъ, какой стороны держаться. То же самое было и съ кавалерій, съ трудомъ тащившейся по слѣдамъ проводниковъ. Передовымъ лошадямъ приходилось ступать по довольно твердой землѣ; но послѣ нихъ эта земля

обращалась въ страшное мѣсиво , такъ что прочія лошади съ трудомъ ужъ тащились по этимъ болотистымъ лужамъ и часто совершенно вязли въ нихъ. По полученнымъ искателемъ слѣдовъ свѣдѣніямъ, нужно было ѣхать къ востоку; но непроходимыя болота не позволяли держаться означеннаго направленія: слѣдовало бы просто повернуть назадъ, но народъ и безъ того ужъ упалъ духомъ. Беррендо, погрузившись въ раздумье, ѣхалъ подлѣ искателя слѣдовъ, который съ мрачнымъ видомъ подвигался впередъ. Вдругъ чуткое ухо Андре услышало глухой и мѣрный отдаленный шумъ какой-то рѣки, которой нельзя было видѣть за плотною стѣною лѣса.

— Теперь не далеко отъ насъ рѣка, сказалъ онъ; но какая рѣка—Богъ знаетъ! нужно поразузнать объ этомъ. Отправимтесь—ка вмѣстѣ, а то пожалуй стану говорить, что Богъ лишилъ меня той вѣрной догадливости, которою я ужъ очень гордился.

Оба проводника добрались вскорѣ до какой-то рѣки; но объѣзжать въ сторону, который имъ нужно было слѣзать, не позволялъ имъ рѣшить, казалъ это именно рѣка. Беррендо увѣрялъ, что это должна быть Плаха-Виценте; Андре не соглашался и подтверждалъ, что это Рио-Біанко. Во всякомъ случаѣ, теперь нужно было отыскать переходъ. Рѣка эта протекала между высокихъ скалъ, и отъ того, не смотря на ясный день, казалась черною; утесистые берега ея, отстоящіе другъ отъ друга слишкомъ на 40 футовъ, возвышались съ каждой стороны въ видъ зубчатыхъ стѣнъ и роскошно были усажены великолѣпными деревьями; пѣніе разныхъ птицъ, скрывавшихся въ вѣтвяхъ деревьевъ, мѣшалось съ ревомъ рѣки, а сосѣдніе лѣса откликались на эту смѣсь гармоническимъ эхомъ.

— Видите, сказалъ Андре, эта рѣка никакъ не можетъ быть Плаха-Виценте, потому что ничто не обнаруживаетъ здѣсь присутствія человека.

— Во всякомъ случаѣ, отвѣтилъ Беррендо, прежде чѣмъ пустимся мы въ дальнѣйшія разысканія, благоразумнѣе будетъ захватить съ собою нѣсколько человекъ.

— Отправляйтесь за ними, а я между тѣмъ пошлю въ это время перехода, отвѣтилъ Андре.

Беррендо чрезъ нѣсколько времени воротился на то мѣсто, гдѣ оставилъ своего товарища. Онъ привелъ съ собою человекъ шесть всадниковъ, менѣе другихъ измученныхъ, и шесть пѣшеходовъ съ топорами. Андре не было ужъ тамъ; но Беррендо услышалъ его голосъ и вскорѣ присоединился къ нему. Андре указалъ ему на мѣсто, гдѣ берего-

выя скалы склонялись надъ водой и сближались другъ съ другомъ вершинами. Индѣйцы перекинули съ одного берега на другой одинъ изъ тѣхъ деревянныхъ мостовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ Мексикѣ. Связанныя ремнями доски, повѣшенныя на лѣнахъ, прикрышенныхъ къ деревьямъ, составляли надъ рѣкой мостъ, черезъ который съ трудомъ могли пройти два человека рядомъ, конечно мостъ довольно шаткій отъ гибкости лѣанъ, на которыхъ онъ висѣлъ, но прочный на столько, чтобъ выдержать переходъ легкой артиллеріи; отряду генерала Терана случилось ужъ нѣсколько разъ переходить черезъ подобныя мосты и безъ всякаго затрудненія.

— Слава Богу, сказалъ Берренко; но знайте, Андре, что нынѣшній день отрядъ ужъ дальше не пойдетъ, а станетъ отдыхать, потому что какъ лошади, такъ и люди совершенно измучились, и я сейчасъ слышалъ, что генералъ созвалъ военный совѣтъ, чтобъ разсудить, благоразумно ли углубляться по вашимъ слѣдамъ все больше и больше въ этотъ лабиринтъ лѣсовъ и затопленныхъ мѣстъ.

— Такъ генералъ ужъ не доверяетъ мнѣ! воскликнулъ живо Андре.

— Совсѣмъ нѣтъ; но только всѣ увѣряютъ, что ваша проницательность нынѣшній разъ погрѣшила, потому что вотъ эту рѣку вы принимаете за Плаха-Виценте. Но въ честности, правдивости вашей никто не сомнѣвается.

— Конечно, это справедливо, возразилъ съ мрачнымъ видомъ искатель слѣдовъ. Но въ случаѣ чего-нибудь я съумѣю умереть, чтобъ очистить имя свое отъ незаслуженнаго поношенія.

Оставя двѣнадцать человекъ конвойныхъ у моста, искатель слѣдовъ и Берренко перешли чрезъ него на другой берегъ, желая поразузнать мѣстность. Отрядъ былъ въ самомъ дѣлѣ въ жалкомъ состояніи: солдаты до того упали духомъ, до того утомились переходомъ по тинистой странѣ, что внезапное нападеніе могло быть гибелью экспедиціи. На другомъ берегу оба проводника нашли ту же тишину, ту же пустынность, какъ и на противоположномъ берегу. Въ продолженіе часа обѣгали они равнины, пролѣски и лѣса, и ничего не могли отыскать, кромѣ ослиныхъ слѣдовъ. Вѣроятно, индѣйцы пригоняли сюда ословъ, чтобы перетаскивать на нихъ сухой лѣсъ, который они продавали по деревнямъ. И точно, вскоре увидѣли они индѣйца съ его женой, гнавшихъ передъ собой нѣсколько ословъ, навьюченныхъ хворостомъ.

— Эй! послушай-ка, закричалъ Берренко индѣйцу, что, правда ли, что вонъ та рѣка Рио-Бланко?

Индеецъ улыбулся какъ человекъ, который видитъ, что его хотятъ завлечь въ сѣти, и ничего не отвѣтилъ.

— Да что, отвѣтишь ли ты мнѣ, скотина?

— Вашему синьйорству извѣстно очень хорошо, что до Рио-Бланко отсюда слишкомъ шесть лѣтъ, а что это Плаха-Виценте.

Андре какъ громомъ поразило въ самое сердце. Въ первый разъ въ жизни пришлось ему — непогрѣшному въ своихъ предположеніяхъ—обмануться; но онъ принялъ доказательство своего заблужденія все съ тѣмъ же мрачнымъ, по видимому, спокойнымъ видомъ, которому онъ только едва замѣтно измѣнилъ въ то время, какъ Беррендо объявилъ ему, что увѣренность въ его даръ нѣсколько поколебалось въ войскѣ.

— Вернемтесь-ка въ лагерь, сказалъ онъ; я попрошу генерала, чтобъ онъ сыскалъ себѣ проводника посчастливѣе и поискуснѣ меня.

— Но честнѣе васъ ужъ не найти ему! воскликнулъ Беррендо.

— Можетъ быть; но одной честности недостаточно для хорошаго проводника. Еще счастье мое, что это заблужденіе не могло очернить меня, потому что мы вне всякой опасности.

Въ ту самую минуту случай еще разъ посмѣялся надъ словами Андре: шумъ ружейной стрѣльбы дошелъ до слуха обонхъ проводниковъ; искатель слѣдовъ поблѣднѣлъ; Беррендо хотѣлъ броситься въ ту сторону, откуда слышалась стрѣльба, но Андре ухватилъ его крѣпко за руку и сталъ вслушиваться.

— А, стрѣльба эта происходитъ на мосту! воскликнулъ онъ. Беррендо, именемъ матери вашей умоляю васъ, очистите имя мое отъ подозрѣнія въ измѣнѣ.

Потомъ Андре зарядилъ свой карабинъ и пустился бѣгать по всѣмъ сторонамъ съ такою быстротою, что Беррендо едва поспѣвалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ добѣжали они до мѣста схватки. Къ счастью, двѣнадцать человекъ, поставленныхъ у моста для охраненія его, перешли черезъ него, и на противоположномъ-то берегу вели неровную борьбу съ двадцатью людьми изъ авангарда испанскаго войска, находившагося подъ командой генерала Топете. Впослѣдствіи узнали, что этотъ испанскій генералъ шелъ на встрѣчу отряду Терана съ семью-стами человекъ войска; нѣсколько труповъ валялось ужъ на землѣ, и мексиканскіе солдаты начали отступать къ мѣсту, какъ оба проводника, прокравшись вдоль по берегу, втерлись въ ихъ ряды. Одушевленные ихъ присутствіемъ, мексиканцы остановились и храбро вступили опять въ бой; но сверхъ

всякаго ожиданія замѣтили не вдалекѣ отъ нихъ приближавшіеся передовые отряды многочисленной испанской колонны.

— Здѣсь суждено намъ умереть, сказалъ съ жаромъ Андре Беррендо, по крайней мѣрѣ мнѣ. Если Испанцы завладѣютъ мостомъ, по погибла честь моя, а вмѣстѣ съ ней и генераль Теранъ; прикажите отступать.

Беррендо, не понимая намѣренія искателя слѣдовъ, исполнилъ его желаніе.

— Къ мосту, къ мосту! закричалъ онъ.

Солдаты повиновались, и вскорѣ всѣ очутились на мосту, образовавши изъ себя укрѣпленіе для отраженія непріятеля.

Нѣсколько испанцевъ также успѣло взойти на мостъ, который колебался отъ продолжавшейся борьбы. Андре схватилъ тогда у одного изъ солдатъ топоръ, и Беррендо понялъ, но ужъ очень поздно, чтобъ остановить Андре, какое было его намѣреніе, когда онъ сказалъ, что здѣсь имъ суждено умереть. Вмѣсто того чтобъ дѣйствовать топоромъ противъ непріятеля, Андре, какъ бѣшеный, рубилъ лѣаны, поддерживавшія мостъ. Къ счастью, гибкость скрученныхъ лѣанъ не позволила ему скоро привести въ исполненіе своего намѣренія: какъ онъ ни ударялъ по нимъ топоромъ, никакъ не могъ ихъ разрубить: топоръ отскакивалъ отъ нихъ. Беррендо хотѣлъ было помѣшать усиліямъ искателя слѣдовъ; но въ то же время онъ долженъ былъ защищаться отъ испанскаго солдата, напавшаго на него. Пользуясь свободой, Андре напалъ на мостъ съ другой стороны. Онъ рубилъ ремни, которые связывали мостъ поперекъ, и Беррендо почувствовалъ, какъ онъ началъ подаваться подъ его ногами. Освободившись кое-какъ отъ своего противника, онъ закричалъ Андре, чтобъ пощадилъ его; но было поздно. Послѣдній ударъ топора разрубилъ послѣдній ремень, сдерживавшій соединенныя доски. Тотчасъ же мостъ обрушился, и всѣ, другъ и недругъ — полетѣли съ высоты футовъ въ тридцать и упали въ мрачныя воды Плаха-Винcente. Беррендо одинъ сохранилъ довольно спокойствія духа; онъ крепко ухватился за одну изъ лѣанъ, виствшихъ надъ рѣкой. Находясь между водой и небомъ, безъ всякой надежды на помощь, онъ провелъ такъ нѣсколько секундъ въ ужасномъ отчаяніи; а потомъ вскорѣ, пущенная съ другаго берега пуля повредила ему плечо, и руки его выпустили лѣану, на которой онъ висѣлъ. Когда онъ всплылъ, не смотря на свое израженное тѣло, со дна рѣки на поверхность, открывшійся его глазамъ видъ поразилъ его. Кругомъ его царство-

вала мертвая тишина; рѣка казалась темною отъ свода остроконечныхъ скалъ, между которыми она тихо пробиралась. На двухъ берегахъ не видать было ни одного мѣста, къ которому можно бы было подплыть. Не смотря на то, онъ все-таки продолжалъ плыть по теченію воды, пока изнеможенный, лишенный послѣднихъ силъ, началъ опять уходить ко дну. Однакожъ чувство самосохраненія не оставило его совсѣмъ, и онъ вскорѣ замѣтилъ, что его послѣднія, инстинктивные усилія привели его къ одному изъ береговъ. Тогда, совсѣмъ лишенный чувствъ, упалъ онъ на землю.

Прошло нѣсколько часовъ, Берренко все лежалъ безъ чувствъ. Съ закатомъ дня глубокая тишина нарушена была голосами, раздавшимися въ окрестныхъ лѣсахъ, за тишиной жаркаго дня наступилъ вечерній шумъ, и въ то же время, какъ эта безжизненная пустыня стала оживать, сердце Берренко тоже забилося жизнью. Наконецъ, въ сумерки, онъ открылъ глаза, и страшная боля дала ему почувствовать, что онъ еще живъ. Тогда онъ замѣтилъ, что лежалъ на песчаномъ берегу, который узкой полосой извивался у подошвы скалъ. Не далеко отъ него лежали два какихъ-то трупа, вѣроятно выброшенные рѣкою на берегъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ повернулся и издалъ пронзительный, ужасный крикъ, повторенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ эхомъ. Берренко узналъ въ немъ голосъ искателя слѣдовъ.

— Андре, вы ли это? воскликнулъ онъ, между тѣмъ какъ крикъ все еще раздавался въ глубинѣ его сердца.

— А! это вы, Луціано. Хвала Господу, возразилъ Андре, подойдите ко мнѣ, дайте мнѣ ощупать вашу руку.

Берренко, какъ могъ, дотащился до него, между тѣмъ какъ Андре разставлялъ свои руки, словно старался обнять какой-нибудь невидимый предметъ.

— Вы развѣ меня не видите? воскликнулъ Берренко, и прежде нежели получилъ отъ него отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто единственнаго глаза у него была кровавая рана: несчастный совершенно ослѣпъ.

— Мнѣ не видать больше ни свѣта дневнаго, ни Лусъ, которая меня любила, и ничего изъ творенія Божьяго, возразилъ Андре голосомъ, разбитымъ отъ горести; но къ счастью, прибавилъ онъ, Господь прислалъ васъ ко мнѣ.

Странные мысли явились вдругъ въ головѣ Берренко. Имя Лусъ, произнесенное Андре, напомнило ему въ одно время и прекрасную

его повелительницу и опаснаго его соперника, и онъ почувствовалъ въ глубинѣ сердца и радость, и состраданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ.

— Я отнесу васъ въ лагерь, сказалъ онъ; тамъ какъ нельзя лучше будутъ за вами ухаживать, и, можетъ быть, есть еще надежда, что вы выздоровѣете.

Андре обратился къ Беррендо лицомъ, обезображеннымъ кинжаломъ. — О, Луціано! воскликнулъ онъ, я совсѣмъ не на то рассчитывалъ, позвавши васъ къ себѣ. Я рассчитывалъ на вашу кинжалъ, чтобъ вы избавили меня отъ жизни, которая тяготитъ меня. Убейте меня, Луціано. Сжальтесь надо мной, убейте меня!

— Никогда! ни за что! возразилъ Беррендо; но Андре возобновилъ свои требованія болѣе умоляющимъ голосомъ, и Беррендо почувствовалъ, что борьба противъ этой высшей воли умирающаго становилась невозможною: въ ту самую минуту, какъ на словахъ онъ отказывался исполнить просьбу искателя слѣдовъ, рука его судорожно нанесла въ сердце Андре два удара кинжаломъ. И несчастный испустилъ послѣдній духъ, не пронаесши ни одного слова, но съ улыбкой благодарности Беррендо.

На другой день Беррендо былъ въ состояніи отправиться въ лагерь генерала Терана, и вмѣстѣ съ отрядомъ возвратился опять въ Техуаканъ. Прибывши туда, онъ поспѣшилъ сообщить Лусъ о смерти Андре; онъ осмѣлился даже гордиться той ужасной услугой, какую ему оказалъ. Проклітія, которыя молодая дѣвушка послала на его голову за это извѣстіе, горькія слезы, которыя она при этомъ пролила, показали ему то, о чемъ бы ему слѣдовало пораньше догадаться, — что Лусъ никогда его не любила. — Такъ Богъ съ вами, жертвуйте собой для своихъ пріятелей, сказалъ самъ про себя Беррендо, оставляя Техуаканъ. Мнѣ теперь остается заключить себя въ какой-нибудь монастырь.

Однако Беррендо не поспѣшилъ привести въ исполненіе этого благочестиваго намѣренія, и вмѣсто монастыря очутился на службѣ у страшнаго Гоцеа *el Capador*. Онъ участвовалъ во всѣхъ его главныхъ походахъ и былъ у него однимъ изъ лучшихъ солдатомъ. Когда же наступилъ миръ послѣ этой войны съ Испаніею, онъ поселился въ лѣсахъ Санъ-Бласа, помянавши жизнь гвиральероса на жизни охотника.

ДЕНЬ ЛУДОВИКА XIV.

Одинъ придворный, имѣвшій право говорить довольно откровенно съ дочерью Лудовика XVI, сдѣлалъ ей вопросъ: котораго изъ своихъ предковъ, царствовавшихъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, т.-е. начиная съ Лудовика XV и до Генриха IV, больше любить она по родству и крови, и котораго больше уважаетъ по чувству національной гордости.—По родству мнѣ ближе всѣхъ Лудовикъ XV, отвѣчала принцесса: онъ мой прадѣдъ, и о немъ дошло до меня много фамилныхъ преданій отъ людей, которые его еще помнили.— А Лудовикъ XIV?—О, Лудовикъ XIV принадлежитъ не одной нашей фамиліи; этотъ великій король принадлежитъ цѣлой Франціи.

Каждый, кто знаетъ исторію Франціи, знаетъ и исторію Лудовика XIV, но не многимъ, можетъ быть, известны подробности его всѣдневной жизни и тотъ строгій, неизмѣнный порядокъ, который онъ соблюдалъ въ своихъ занятіяхъ. Требуя многого отъ другихъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ и цѣнить заслуги, и желая, чтобъ ему угождали, онъ умѣлъ и самъ внушить къ себѣ самую восторженную привязанность. Онъ писалъ къ Кольберу: »берегите ваше здоровье, которое нужно для всѣхъ насъ. Я этого требую именемъ моей къ вамъ дружбы и довѣренности.« Къ г-ну Монтозье: »вы радуетесь успешному ходу дѣлъ моихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщаете мнѣ пріятныя извѣстія о моемъ сынѣ: только одни вы могли мнѣ доставить вдругъ два такіа удовольствія. Да заплатитъ вамъ Богъ тѣмъ же.« Къ герцогу Вандомскому: »я не знаю, кто больше радъ вашимъ удачамъ, вы или я, потому что оба мы равно любимъ Францію.« Наконецъ, онъ писалъ въ запискахъ, составленныхъ имъ для своего сына: »Опытъ доказалъ намъ, что ничто такъ не утомляетъ и не разслабляетъ, какъ совершенная праздность. Поэтому и надобно намъ привыкать къ ежедневной работѣ, къ занятіямъ долгимъ, постояннымъ и правильнымъ. Для трудовъ царствуемъ мы, и только посредствомъ трудовъ можемъ царствовать.«

Здѣсь увидимъ мы, какъ работалъ Лудовикъ XIV и какъ были раздѣлены всѣ часы его.

Перенесемся въ Версальскій дворецъ, — не въ тотъ, какимъ мы видимъ его послѣ передѣлокъ Лудовика XV и Лудовика XVI,—но въ прежній Версальскій дворецъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его расположилъ Мансаръ, и въ которомъ такъ долго жилъ Лудовикъ XIV

Церковь, Геркулесова зала, шесть другихъ залъ, слѣдующихъ за ней, большая галлерей и галлерей l'Oeil de-Bœuf, комната короля и два кабинета, въ которыхъ собирався совѣтъ, остались почти неизмѣнны. За этими парадными покоями, наполненными всегда теми лицами, которыя составляли общество короля, такъ сказать, внѣ общества, были его жилыя комнаты, которыя выдавались на мраморный дворъ; комнаты королевы къ сторонѣ оранжерей; г-жи Меньтенонъ тоже на мраморный дворъ, по продолженію королевскихъ комнатъ. Дофинъ или Monseigneur, какъ его тогда называли, часто жилъ въ Медонѣ; королевскій братъ или Monsieur, въ Сень-Клу, герцогъ Шартрскій по большей части въ Парижѣ; герцогъ Бургонскій и его братья, военные сановники, знатные придворные и придворный штатъ въ замкѣ; канцлеръ, министры и министерство, которыя тогда были не многочисленны, помѣщались около дворца.

Тамъ кипѣла вся государственная жизнь и дѣятельность: надежды, опасенія, расчеты, всѣ страсти, какія только могутъ волновать людей, сосредоточивались на этомъ небольшомъ пространствѣ.

Вилларъ съ береговъ Рейна, герцогъ Вандомскій изъ Альманзы, Расинъ изъ Otel de Bourgogne, Фенелонъ изъ-подъ сѣни своихъ епископальныхъ башенъ, Филиппъ Орлеанскій изъ среды своей безпорядочной жизни — всѣ стремились своими мыслями къ этому маленькому мраморному двору, на который смотрѣла г-жа Меньтенонъ, по которому посланники проходили съ уваженіемъ, и въ самой тишинѣ котораго какъ бы чувствовалось присутствіе великаго короля.

Утромъ этотъ дворъ былъ совершенно пустъ, да и ни въ какое время дня чрезъ него не проходилъ никто, кромѣ принцевъ и знатнѣйшихъ вельможъ. Три внутреннихъ лѣстницы и два внутреннихъ двора служили для входа и выхода всей прислуги. Около девяти часовъ утра, въ королевскомъ отдѣленіи начинали слышаться легкіе шаги. Первый камердинеръ, почевавшій всегда въ спальнѣ короля и въ ногахъ его кровати, вставалъ, выходилъ, одѣвался въ другой комнату, и потомъ опять возвращался въ спальню, чтобъ открыть три ея окна, обращенныя на мраморный дворъ. Вслѣдъ за нимъ входила въ спальню сгорбленная старушка, поднимала занавѣсы кровати, будила короля и нѣжно цѣловала его въ голову. Эго была кормилица Лудовика XIV; пока она была жива, она никому не уступала своего права будить короля и слышать прежде всѣхъ его утренній привѣтъ. Онъ давно уже былъ великій король, онъ ужь самъ начиналъ старѣться, но кормилица все еще называла его *моя*

сынъ Людовикъ и пеклась о немъ съ заботливостью нѣжной матери. Эти утреннія минуты были ея счастьемъ и славой, и до самаго конца ея долгой жизни Людовикъ XIV принималъ ея простыя ласки, напоминавшія ему ласки родной матери, съ самой искренней признательностью.

Тотчасъ послѣ кормилицы входили Monseigneur, Monsieur и герцогъ Бургонскій или герцогъ Беррійскій, передъ которыми растворяли обѣ половинки дверей. Потомъ, уже въ одну половинку, входили другіе принцы, оберъ-камергеръ, первый камеръ-юнкеръ королевской комнаты, нѣкоторые важныя должностныя лица и комнатные служители. Король прочитывалъ въ постелѣ краткую молитву, потомъ вставалъ, и, выходя изъ алькова, садился около камина. Пока его одѣвали, мундшенкъ подавалъ ему на золотомъ поднось бульонъ или стаканъ шалфею, которые составляли весь его завтракъ. Между тѣмъ къ главнымъ подъездамъ безпрестанно подъѣзжали экипажи, и комната короля, въ которую не входили, а, такъ сказать, пропалзывали, все болѣе и болѣе наполнялась. За дверью тоже стояла толпа придворныхъ, ожидавшихъ въ свою очередь пропуска. *) Швейцаръ, стоявшій у подъезда, обязанъ былъ узнавать имя и званіе каждаго пріѣзжавшаго. Отъ времени до времени онъ передавалъ эти имена швейцару внутреннихъ комнатъ, тотъ оберъ-камергеру, а оберъ-камергеръ докладывалъ королю, который очень любилъ видѣть около себя какъ можно болѣе придворныхъ, спѣшившихъ наперерывъ присутствовать при его туалетѣ. Онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ ихъ имена, состоянія, связи, поведеніе, и, при случаѣ, умѣлъ намекнуть, что ему все это очень хорошо известно. Фамиллярность, которую позволялъ себѣ въ это время король съ своими придворными, не только не уменьшала къ нему того уваженія, которое онъ внушалъ къ себѣ своими великими дѣлами, своимъ величественнымъ видомъ и своимъ увлекательнымъ обращеніемъ, но напротивъ приводила всѣхъ въ восторгъ, доходявшій почти до какого-то обожанія, — и надобно замѣтить, что Людовикъ XIV очень любилъ возбуждать къ себѣ подобныя чувства въ окружавшей его толпѣ.

*) Votte paresse, enfin, me scandalise,
 Ma muse, obéissez moi:
 Il faut ce matin, sans remise,
 Aller au lever du Roi. (Посланіе Мольера къ его музѣ).

Изъ числа всѣхъ этихъ вельможъ и принцевъ, одинъ только человекъ, въ военномъ мундирѣ, очень незначительной наружности и съ самыми простыми ухватками, пользовался исключительнымъ правомъ входить въ комнату короля, когда ему вздумается и даже безъ доклада. Для этого человека, всегда скромнаго и почтительнаго, но между тѣмъ очень свободнаго въ обращеніи съ королемъ, у Людовика XIV былъ и какой-то особо-привѣтливый взглядъ и какой-то особо-привѣтливый разговоръ. Г. де-Шампи, такъ звали его, былъ чѣмъ-то въ родѣ выслужившагося офицера, сдѣлавшагося потомъ генералъ-квартирмейстеромъ, другомъ Тюреня, другомъ Лувуа и почти другомъ самаго короля. Это былъ тотъ человекъ, котораго черезъ два часа послѣ смерти Лувуа король назначилъ военнымъ министромъ, и который отказался отъ этой должности для того только, чтобы не лишить куска хлѣба г-на Барбье, видѣвшаго въ ней все отцовское наслѣдіе. Отказъ очень замѣчательный; но его дѣлаетъ еще болѣе замѣчательнымъ то, что де-Шампи никогда объ этомъ не говорилъ ни самому Барбье, ни кому-либо другому, и что этотъ удивительный поступокъ сдѣлался извѣстенъ тогда только, когда Людовикъ XIV объявилъ, что онъ удивленъ.

Въ обыкновенные дни одежда короля была очень проста. Вся пара одинакаго цвѣта; — кафтанъ безъ шитья, или почти безъ шитья, съ золотыми пуговицами; голубая лента и шпага. Одѣвшись, онъ отдавалъ приказанія, чему быть въ тотъ день, и потомъ тотчасъ же выходилъ въ залу совѣта, гдѣ его дожидались министры. Три раза въ недѣлю собирался государственный совѣтъ; два раза совѣтъ по отдѣленію финансовъ; каждыя пятнадцать дней разсматривались депеши и частныя дѣла, и каждыя пятнадцать дней дѣла религіозныя. Канцлеръ, четыре статсъ-секретаря, управлявшіе министерствами, и государственный контролеръ составляли тогда всѣ государственныя власти. Посреди залы совѣта стоялъ простой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Король садился къ концу стола, по правую его сторону сынъ, по лѣвую внучекъ; потомъ канцлеръ, если онъ уже былъ министръ, и г. Бовилье, когда онъ сдѣлался министромъ; далѣе статсъ-секретари, которые должны были участвовать въ засѣданіи, и наконецъ государственный контролеръ, если онъ уже былъ статсъ-секретарь. За каждымъ министромъ вносили дѣла въ двухъ или трехъ, черныхъ или красныхъ, бархатныхъ портфеляхъ. Тотъ, кому приходила очередь докладывать, подавалъ бумаги канцлеру, а канцлеръ клалъ ихъ передъ королемъ. Такимъ образомъ совѣтъ про-

должался три часа, посвященныхъ труду самому внимательному, разсужденіямъ важнымъ и глубокимъ.

И въ этой залѣ, очень просто убранной, на этомъ столѣ, не измѣнявшемъ своей наружности даже и въ торжественные дни, совершались всѣ тѣ великія предначертанія, посредствомъ которыхъ былъ созданъ во Франціи флотъ, устроена армія, развита торговля, возстановленъ порядокъ въ государственномъ управленіи, поправлены финансы, поощрены науки и искусства, и наконецъ цѣлое государство возведено на ту степень европейскаго величія, какимъ оно пользуется теперь. Не угодно ли вамъ представить себѣ эту залу совѣта въ двѣ совершенно различныя эпохи долгаго царствованія Лудовика XIV, на примѣръ, въ 1670 и въ 1712 годахъ?

Въ 1670 году Версаль еще не была въ полномъ своемъ блескѣ и король еще не совершилъ всѣхъ своихъ побѣдъ, но Версаль уже становилась на степень своего величія, и Лудовикъ XIV внушалъ къ себѣ уваженіе цѣлой Европѣ. Вотъ пробило девять часовъ, и придверники провозглашаютъ о пріѣздѣ министровъ. Прежде всѣхъ и точнѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, является Кольберъ; онъ идетъ скорыми шагами, съ видомъ озабоченнымъ; онъ бросаетъ кругомъ проницательный взглядъ, и, проходя мимо придворныхъ, отдѣляется отъ нихъ самыми коротенькими привѣтствіями: *Serviteur, monsieur, serviteur*. Онъ входитъ, садится, разстегиваетъ свой портфель, и еще прежде чѣмъ успѣваетъ вынуть бумаги, уже начинаетъ докладъ. За нимъ входитъ Ліоннъ, маленькій, сухощавый, съ улыбающимися глазами, съ принужденными поклонами и съ самой холодной вѣжливостью. Со временъ кардинала Мазарини и до временъ де-Торси, никто лучше его не сумѣлъ написать депеши, сохраняя въ ней интересы государства и достоинство своего короля. Летелье и Лувуа являются вмѣстѣ; отецъ важный, осторожный, едва ступающій, говорящій медленно и бросающій кругомъ недоверчивые взгляды; сынъ, поражающій блескомъ своей одежды, своего ума, своего языка, и далеко превышающій своими способностями всѣхъ другихъ, кромѣ Кольбера, который былъ такъ же, какъ онъ, великъ въ великихъ предпріятіяхъ, не упуская съ тѣмъ вмѣстѣ изъ вида и самыхъ мелкихъ подробностей. Канцлеръ Сегюръ пріѣзжалъ въ совѣтъ не всякій день, а только въ дни торжественныхъ аудіенцій. Старость таготѣла надъ нимъ; вліяніе его на дѣла слабѣло. Онъ это чувствовалъ и скорбѣлъ. Впрочемъ его и вообще не столько просла-

вили долговременные государственные труды, сколько посвященія Корнеля и надгробная рѣчь Боссюэта.

Черезъ сорокъ лѣтъ, изъ всѣхъ этихъ лицъ остался только одинъ король, но и надъ нимъ въ то время отяготели уже лѣта и несчастья; Франція, которую онъ создалъ, уже не была больше его современницей; г-жа Меньтенонъ надѣдала ему своей вѣчной скукой и неудовольствіями, и съ грустью заставляла его вспоминать о г-жѣ Лавальеръ и своей прежней славѣ.

Война почти проникла въ предѣлы государства, Францію постигла бѣдность, смерть постучалась у всѣхъ дверей королевскаго дома, бѣдствія грозили со всѣхъ сторонъ, и надобно было отвращать ихъ. Въ залѣ совѣта еще засѣдаетъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ король, но подлѣ него, на стулѣ, занимаемомъ нѣкогда Сегюромъ и Понтшартренемъ, сидитъ уже Вуазень, старикъ, который по милости своей жены и г-жи Меньтенонъ, изъ должности управляющаго губерніей попалъ вдругъ и въ канцлеры и въ военные министры. За нимъ слѣдуютъ герцогъ Бургонскій, де-Бовилье и де-Торси. Первый знатный вельможа, человекъ добросовѣстный, суетливый, болѣе опытный, чѣмъ способный, *потлющій чернилами*, какъ говоритъ Сень-Симонъ, когда его сбивали въ какомъ-нибудь преніи, что съ нимъ довольно часто случалось, и наконецъ, въ отношеніи къ себѣ, возлагавшій всѣ свои надежды на будущее царствованіе. Де-Торси, по своему уму, глубокимъ познаніемъ и твердому характеру, былъ едва ли не лучший министръ иностранныхъ дѣлъ изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. По другую сторону помѣщается Демаре, государственный контролеръ, человекъ угрюмый, съ смѣлымъ взглядомъ и твердымъ голосомъ, — однимъ словомъ, настоящій государственный контролеръ, — и у него много работы, много изобрѣтательности, много присутствія духа. Его дядя, Кольберъ, положилъ основаніе величію государства, Демаре умѣлъ поддерживать его во время упадка. Когда каждый потерялъ бы всякую надежду, только онъ да Вилларъ помогали королю спасти Францію, клонящуюся къ разрушенію. Это была самая несчастная эпоха царствованія Лудовика XIV, но и въ это время онъ еще превосходно умѣлъ выбирать людей, если только въ этомъ случаѣ не руководствовался ничьимъ мнѣніемъ, кромѣ собственнаго.

Но вотъ всѣ портфели министровъ просмотрѣны; король встаетъ, въ дверяхъ показывается караульный капитанъ; по галлереймъ про-

носятся легкій шопоть; часовые заняли свои мѣста въ церкви; дежурный священникъ уже въ олтарѣ: король идетъ къ обѣднѣ, которую онъ слушаетъ всякій день.

Во время шествія въ церковь, онъ отдаетъ приказанія начальникамъ гвардіи, мушкатеровъ, кавалеріи, о смотрахъ и парадахъ; нѣкоторые министры слѣдуютъ за нимъ, оканчивая трактатъ о какомъ-нибудь дѣлѣ. Принцы идутъ впереди, и помѣщаются вмѣстѣ съ нимъ на хорахъ. Богослуженіе совершается и слушается въ самомъ строгомъ чинѣ, сообразно съ теми религіозными правилами, которыя были внушены Людовику XIV королевой Анной Австрійской, его матерью. Только въ дни торжественные или въ дни причащенія король сходилъ съ хоровъ въ церковь. Тогда онъ являлся обыкновенно въ кавалерской одеждѣ ордена Святаго Духа, и всѣ бриліанты, принадлежащіе французской коронѣ, блистали на его кавалерской цѣпи, на эфесѣ шпаги, на парчевой мантии. По сторонамъ его стояли кардиналы, епископы, принцы, маршалы Франціи. Дамы и придворные наполняли хоры. Взглянувъ на ослѣпительное великолѣпіе, окружающее этого короля, на всѣ знаменитости, столпившіяся вкругъ него какъ бы для приданія еще большаго блеска его величію, вспомнивъ всѣ его побѣды, всѣ гигантскія постройки, которыми онъ украсилъ Францію,—кто бы не подумалъ, что его собственная голова закружится наконецъ въ чадѣ этой славы? Но Людовикъ XIV зналъ настоящую цѣну славы, зналъ, что ей есть начало, есть и конецъ, и, стоя передъ олтаремъ, онъ не возносился гордыней, а напротивъ смирялся сердцемъ. Въ его «Наставленіи Дофиню»*) есть такіе слова, отъ которыхъ не отказались бы ни Боссюэтъ, ни Массильонъ, и эти слова были написаны имъ въ дни его молодости и славы.

Мольеръ, Боало, Ла-Брюйеръ, Тальеманъ очень хорошо знакомятъ насъ съ обыкновеніями того времени. Послѣ обѣдни, пока король, медленно проходя по заламъ и галлерей и обращая вниманіе на каждаго, кто тутъ былъ, отправлялся къ Дофиню, г-жѣ Монтеспанъ или г-жѣ Менльтенонъ, накрывали столъ. Главный Метръ-д-отель, съ жезломъ въ рукѣ, являлся въ дверяхъ и докладывалъ, что *кушанье поставлено*. Рѣдко и даже очень рѣдко Людовикъ XIV обѣдалъ съ обществомъ. Послѣ смерти королевы онъ обѣдалъ всегда одинъ, въ своей комнатѣ, на небольшомъ столѣ, подлѣ середняго окна. Въ ар-

*) Instruction pour M-r le Dauphin, année 1661, page 137 et suivantes.

мнѣ онъ любилъ приглашать къ своему столу; въ дни назначенные для охоты, приглашалъ нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ, и исключительно только дамъ; но въ Версали и въ обыкновенные дни никому изъ принцевъ, ни дѣтямъ его, ни даже самому Дофину, не приходило и въ мысль сѣсть съ нимъ за столъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ онъ допускалъ только для своего брата, Филиппа Орлеанскаго, къ которому, не смотря на всю ограниченность ума этого принца, сохранялъ всегда самую нѣжную привязанность, и для котораго готовъ былъ сдѣлать все, чѣмъ только могъ хотя сколько-нибудь возвысить его въ глазахъ своего двора.

Столъ накрытъ; вся дежурная прислуга, начиная отъ священника до мундшенка, окружаетъ королевскія кресла; король умываетъ руки и садится за столъ. Его братъ, съ шляпой подъ мышкой, стоитъ въ амбразурѣ окна. *Mon frère*, говорилъ иногда король, не хотите ли вы со мной обѣдать?—Если Государю угодно будетъ сдѣлать мнѣ эту честь, отвѣчалъ обыкновенно принцъ. Король приказывалъ подать стулъ. Опускная половинка стола поднималась, въ минуту являлся приборъ, принцъ садился, и по знаку Лудовика XIV вся прислуга удалялась въ конецъ комнаты. Братья оставались почти совершенно одни; это уже были не король и принцъ, а сыновья Анны Австрійской, занятые частнымъ, откровеннымъ, семейнымъ разговоромъ,—то непринужденно веселые, то непритворно растроганные. Маркизь де-Ливри, первый метръ-д-отель Лудовика XIV, говорить, что онъ самъ слышалъ, какъ въ подобныя минуты въ разговорѣ двухъ братьевъ исчезалъ весь обыкновенный церемонный тонъ. Но едва только обѣдъ кончился—и это недолгое равенство исчезло. Принцъ вставалъ первый. Офиціантъ принималъ у него салфетку, другой подавалъ ему королевскую шляпу и перчатки, которые принцъ въ свою очередь подавалъ, съ глубокимъ поклономъ, королю. Этотъ почтительный поклонъ, этотъ снова начавшійся этикетъ возстановляли прежній порядокъ: принцъ опять становился принцемъ, король королемъ. За тѣмъ, по прочтеніи священникомъ благодарственной молитвы, королевскій братъ возвращался въ Сенъ-Клау, а король переодевался и отправлялся на прогулку—или верхомъ, или въ экипажъ, или пѣшкомъ въ паркъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда выходилъ съ тою цѣлью, чтобъ осмотрѣть всѣ перемѣны и улучшенія, которыя тамъ производились. Иногда онъ бралъ съ собой на эти прогулки кого-нибудь изъ приближенныхъ, какъ наприм. герцога Ларошезуко, который въ продолженіе сорока лѣтъ

безсмынно занималъ должность главного смотрителя надъ его гардеробомъ; или Бовилле, бывшего министромъ безъ министерства; иногда Кольбера или Лувуа, которые одинъ послѣ другаго были начальниками строительной части. Съ Монсаромъ и Ленотромъ, которые имѣли къ нему всегда свободный доступъ, онъ осматривалъ ихъ работы въ Версали, Трианонъ, Марли; свѣрялъ ихъ планы съ мѣстностью, отдавалъ имъ свои приказанія. И говорилъ ли онъ съ своимъ садовникомъ и каменщикомъ, какъ называли себя не безъ гордости Ленотръ и Монсаръ, съ армейскимъ ли офицеромъ, съ деревенскимъ ли помѣщикомъ или наконецъ съ самымъ знатнымъ вельможей,—онъ позволялъ каждому высказаться вполне, каждому отвѣчалъ скоро, коротко, рѣшительно, но всегда милостиво и даже вѣжливо. Если онъ выезжалъ въ экипажъ, то по большей части въ колясочкѣ, которою самъ управлялъ. Такія прогулки бывали довольно продолжительны; онъ провѣзжалъ по рощицамъ, насаженнымъ для дѣвицы Лавальеръ, по перспективамъ, украшеннымъ бронзами и мраморами, посреди которыхъ блистала г-жа Монтеспанъ, — и быть можетъ, вспоминалъ прелестные стихи Корнеля и великолѣпные праздники, которыми некогда распорядилась г-жа Сент-Этьенъ.

По возвращеніи съ прогулки, разъ въ недѣлю младшій статсъ-секретарь подавалъ ему тетрадь, которую онъ тотчасъ же просматривалъ самъ. Это были извлечения и выписки изъ просьбъ и жалобъ, поданныхъ на имя короля, по заведенному имъ же самому порядку. Каждый повѣдѣльникъ у входа въ большую галлерей ставилъ столъ и придвигали къ нему королевскія кресла. По правую сторону креселъ становился одинъ изъ статсъ-секретарей, позади его два докладчика. Впродолженіе цѣлаго утра входъ въ галлерей былъ открытъ для всехъ, и каждому, кто только имѣлъ надобность подать какую бы то ни было бумагу самому королю, стоило только войти въ галлерей и положить ее на столъ, обозначивъ свое имя и мѣсто жительства. Докладчики составляли изъ нея экстрактъ, статсъ-секретарь подавалъ его королю, а король, прочитавъ, или тотчасъ же писалъ резолюцію на полъ, или, если бумага требовала какихъ-нибудь поясненій и справокъ, приказывалъ подать себѣ дополнительный рапортъ, который министры непременно обязаны были представить ему не позднѣе недѣльнаго срока. Это прекрасное учрежденіе, введенное Людовикомъ XIV, вмѣстѣ съ нимъ и прекратилось.

Въ прочіе дни король, по возвращеніи съ прогулки, отправлялся къ г-жѣ Меньтенонъ. Потомъ часа четыре или пять спова посвящалось работѣ, докладамъ и аудіенціямъ, король по большей части стоялъ, опираясь рукою о бильяръ или столъ, очень внимательно выслушивалъ тѣхъ, которые въ это время къ нему допускались, и никакъ не спѣшилъ сокращать объясненій, если видѣлъ, что эти объясненія могутъ принести пользу или доставить удовольствіе лицамъ, съ нимъ говорящимъ. Самъ Сень-Симонъ, который не щадитъ ни тѣхъ, кого онъ любитъ, ни тѣхъ, кого онъ боится, который клеветаетъ на всѣхъ съ жаромъ и увлеченіемъ истины, самъ герцогъ Сень-Симонъ, этотъ честолюбецъ, смѣявшійся надъ честолюбіемъ другихъ, а между тѣмъ гордившійся своимъ герцогскимъ титуломъ больше чѣмъ кто-нибудь, и воображавшій, что онъ своимъ присутствіемъ дѣлаетъ честь Версальскому двору, этотъ чудакъ ничѣмъ недовольный,—не только отдаетъ полную справедливость кротости и разсудительности короля, но таетъ отъ его милостиваго обращенія, отъ его отечески привѣтливаго взора *); ищетъ случая, на большихъ и малыхъ выходахъ, обратить на себя его вниманіе и изъясняетъ ему свою преданность въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ и теперь еще, по прошествіи полутора ста лѣтъ, замѣтно, какъ терялся онъ передъ величіемъ Лудовика XIV **).

За аудіенціями слѣдовало опять разсматриваніе бумагъ, но уже отдѣльно по одному какому-нибудь министерству общія приказанія дополнялись подробностями и исполнялась нѣкоторая переписка. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ царствованія Лудовика XIV, г-жа Меньтенонъ добилаь того, что постоянно присутствовала при этихъ засѣданіяхъ, и наконецъ совсѣмъ перенесла ихъ въ свои комнаты. Тамъ король садился по одну сторону камина, между тѣмъ какъ г-жа Меньтенонъ сидѣла по другую, призывалъ къ себѣ министра и начиналъ съ нимъ работать, какъ-будто бы они были одни, въ его

*) Saint-Simon, tome VIII, chap. IV, page 337.

**) Je suppliai le Roi... de croire que personne ne lui était plus dévoué que moi... plus persuadé que nos dignités émanaient de la sienne, nos personnes remplies de ses bienfaits, et qu'il était comme bienfaiteur et comme Roi de nous tous, despotiquement le maître de nos dignités, de les abaisser, de les élever, d'en faire comme d'une chose sienne et absolument dans sa main.

(Saint-Simon, tome IV, page 126 et suiv.)

кабинетѣ. Только иногда, и какъ бы изъ одной вѣжливости, онъ останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ и просилъ мнѣнія г-жи Меньтенсъ. Но не здѣсь было настоящее ея вліяніе на дѣла. Утромъ, пока еще не вставалъ король, она ужъ успѣвала поговорить съ нѣкоторыми статсъ-секретарями, разспросить ихъ, назначить дѣла для доклада и изложить о томъ или другомъ свое мнѣніе. Министры не передавали этихъ утреннихъ разговоровъ королю, боясь оскорбить его, но между тѣмъ объ этомъ зналъ весь дворъ. Они и сами оскорблялись вѣжательствомъ фаворитки въ свои дѣла, но не смѣли ей противиться, зная очень хорошо, что она никогда ничего не забываетъ. Демаре пробовалъ однакожъ нѣсколько разъ уклоняться отъ ея разспросовъ, но напрасно, и только у одного де-Торси доставало столько твердости, что отъ него она не могла узнать ни о чемъ. Онъ слишкомъ уважалъ короля, и никакъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ его, распоряжался политическими дѣлами Франціи. Поэтому все, что дѣлалось въ министерствѣ де-Торси, постоянно носило на себѣ характеръ того величія и той національной гордости, которыми преимущественно отличилось царствованіе Лудовика XIV. Съ де-Торси онъ писалъ къ герцогу Савойскому: «ваша свѣтлость! такъ какъ честь, союзъ и обязательство подписанное вашей рукой, между нами уже ничего не значать, то для объясненія вамъ моихъ намѣреній и вашихъ обязанностей, я посылаю мою армію и съ ней герцога Вандомскаго: они дадутъ вамъ двадцать четыре часа на размышленіе.» *) Къ Филиппу V: «когда государь поставленъ въ необходимость или защищать свою корону, или отказаться отъ нея, онъ долженъ, сынъ мой, скорѣе разстаться съ жизнью, чѣмъ съ ней.» **) Очень понятно, что г-жа Меньтенонъ старалась всѣми силами удалить этого министра, но онъ былъ племянникъ Кольбера. Лудовикъ XIV самъ, такъ сказать, образовалъ его, зная, что на него вполне могъ положиться, и г-жа Меньтенонъ въ этомъ случаѣ хлопотала напрасно.

За этой работой часто заставляли короля сумерки. Зажигали свѣчи въ люстрахъ, въ канделябрахъ, въ подсвѣчникахъ; всѣ отдѣленія дворца освѣщались, но это не прерывало занятій, если они не были еще кончены. Въ парадномъ отдѣленіи начиналась уже комедія или

*) Лудовикъ XIV къ герцогу Савойскому Виктору Амеде, 17 сентября 1703.

**) Луд. XIV къ Филиппу V, 16 ноября 1705.

начинался съездъ на вѣчеръ. Итальянскую комедію рѣдко давали на придворномъ театрѣ, но по большей части комедію французскую: *Скупую*, *Ирока*, *Мъщанина въ дворянствѣ*, и т. д., игранная труппой Мольера. На придворные вечера собирались ежедневно за-просто, и въ нихъ принималъ участіе весь дворъ. Играли, говорили, иногда партія триктрака или реверси прерывалась какой-нибудь музыкальной пьесой; иногда, въ дни болѣе счастливыя, т.-е. когда король бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ устраивалъ лотереи, въ которыя принцессы и придворныя дамы выигрывали мебель, богатая ткани и драгоценныя вещи. Самъ Лудовикъ XIV игралъ только на бильярдѣ и игралъ превосходно. Подъ старость онъ уже мало принималъ участія въ общихъ удовольствіяхъ. Заботы о дѣлахъ, грустные мысли, овладѣвшія имъ подъ конецъ жизни, и совершенное одиночество сердца, не находившаго вокругъ себя привязанности истинной, придали его отъ природы важному характеру еще болѣе мрачности. Между тѣмъ какъ все вокругъ его блистало, веселилось, наряжалось, влюблялось, кипѣло жизнью и радостью, онъ былъ постоянно занятъ своимъ ежедневнымъ тяжкимъ трудомъ. Богъ не допустилъ его видѣть свое королевство въ такомъ положеніи, чтобы *«каждый его подданный былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи и благосостояніи.»*^{*)} Но онъ вдохнулъ въ него то высокое сознаніе своихъ обязанностей, которое заставляло его смотреть на своихъ подданныхъ, *«какъ на свое самое лучшее богатство,»* и посвящать имъ все свои труды, все свои силы, всю свою жизнь.

Въ десять часовъ король оставлялъ наконецъ свою работу и выходилъ ужинать за параднымъ столомъ. Всѣ принцы и принцессы, которые только были въ Версали, садились съ нимъ за столъ. Нѣсколько герцогинь, въ парадныхъ платьяхъ, занимали свои табуреты, поставленные кругомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Далеѣ нѣкоторыя придворныя дамы и кавалеры стояли прямо противъ короля; всѣ важныя чиновники и прислуга за королевскими креслами. Передняя часть залы всегда бывала наполнена многочисленной толпой. Каждый старался быть замѣченнымъ, обратить на себя взоръ короля, услышать отъ него хотя одно слово. Ужинъ постоянно былъ изобиліемъ и роскошью, король величественъ, снисходителенъ, пріятливъ. Онъ охотно говорилъ, очень внимательно слушалъ и не пропускалъ

*) *Qui fut assuré de son bien être et de sa subsistance.* Instruction pour M. Le Dauphin, année 1661, page 155.

случая подзываетъ къ себѣ всѣхъ, которые пользовались нѣкоторымъ его благоволеніемъ. Иногда кто-нибудь изъ приближенныхъ наклонился къ его уху, чтобы разсказать какую-нибудь исторію, которую онъ очень любилъ узнавать прежде другихъ; иногда министръ спѣшилъ ему сообщить о полученіи какой-нибудь важной депеши или важной новости, не терпящихъ отлагательства. Часто также во время ужина придворный оркестръ игралъ какую-нибудь симфонію. Людовикъ XIV любилъ музыку точно такъ же, какъ любилъ всѣ изящныя искусства; но концертъ кончался скоро, ужинъ тоже бывалъ непродолжителенъ. Вставъ изъ-за стола, король почти-тельно кланялся дамамъ и уходилъ въ большой кабинетъ, находившійся позади залы совѣта. Король садился въ большомъ мѣстѣ; подле него королевскій братъ и потомъ принцессы по старшинству. Доинъ и прочіе принцы стояли; въ концѣ комнаты стоялъ еще дежурный камергеръ или камеръ-юнкеръ, и позади всѣхъ М-г Д'Антенъ^{*)}, который въ продолженіе многихъ лѣтъ едва-едва удостоивался наконецъ позволенія втираться въ кружокъ своихъ братьевъ и сестеръ. Тамъ начинался разговоръ если не вполне фамиліарный, такъ по крайней мѣрѣ фамиліальный. Королевскій братъ разсказывалъ разный вздоръ; герцогиня Бургонская проказничала; принцевъ журили, если они немощно легкомысленно вели себя въ свѣтъ; герцогъ Менскій смѣялся, а герцогъ Орлеанскій очень бы скучалъ, если бы только смѣлъ скучать. Полчаса посвящалось этому семейному сборищу, послѣ чего король уходилъ въ свою спальню. За нимъ выходили десять или двѣнадцать человекъ, безъ шума садились въ свои кареты, ожидающія ихъ у подъезда, и безъ шума отъезжали прочь, отправляясь въ Парижъ или Сень-Клу. Дамы, помѣщавшіяся во дворцѣ, спѣшили расходиться по своимъ комнатамъ и сбросить съ себя свои парадныя платья, свой важный видъ и всю тягость церемоніала. Внизу лѣстницъ и у всѣхъ входовъ во дворецъ, часовымъ отдавали ночной пароль. А между тѣмъ король, поласкавъ своихъ любимыхъ собакъ, выслушавъ нѣсколько вопросовъ и отдавъ приказъ караульнымъ, скрывался въ альковъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ, оставленнымъ ему его матерью.

Этотъ постоянно заведенный порядокъ, который охота или путешествіе нарушали только на самое короткое время, оставался не-

^{*)} Сынъ г-жи Монтеспанъ, братъ герцога Менскаго и графа Тулузскаго, и принцессы и герцогини Орлеанскихъ.

измѣннымъ въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. И это правильное распредѣленіе времени, которое въ молодости неспріятно ограничиваетъ жизнь, но напротивъ подъ старость дѣлаетъ ее какъ будто бы продолжительнѣе, много принесло пользы и славы Людовику XIV.

Два раза однакожь отступалъ онъ отъ этого порядка самопронзательно. Въ 1681 году герцогъ Мантуанскій находился подъ покровительствомъ Франціи, а между тѣмъ Генуэзская республика, въ то время могущественная и почти самодержавная, безпрерывно тревожила границы герцогства. Тунисъ и Триполь тоже поставили себя противъ Франціи въ такое положеніе, что Дюкенъ готовился бомбардировать ихъ. Начались переговоры, и открылось, что ихъ снабдила оружіемъ тоже Генуэзская республика. Наконецъ Испанія и Австрія, угрожавшія возобновить войну съ Франціей, просили союза и вспоможенія республики, и сенатъ приказалъ вооружить свои галлеры для присоединенія ихъ къ испанскому флоту. Людовикъ XIV написалъ генуэзскому сенату, чтобы онъ прекратилъ вооруженіе и сохранилъ нейтралитетъ; но сенатъ вместо всякаго отвѣта послалъ свои галеры въ Испанію. Французскій флотъ находился въ то время въ Тулонѣ, гдѣ былъ и Дюкенъ, который прислалъ курьера съ этимъ извѣстіемъ къ министру морскаго вѣдомства Сеньеле. Министръ получилъ извѣстіе на разсвѣтъ. Въ продолженіе пяти часовъ онъ сдѣлалъ всѣ предварительныя распоряженія, послалъ офицеровъ въ Тулонъ и Марсель, и потомъ, въ полдень, вошелъ къ королю, который уже сѣлъ за столъ. Приказавъ прочесть себѣ депешу, Людовикъ XIV не ограничился однимъ общимъ приказаніемъ, но самъ составилъ и подписалъ самыя подробныя наставленія своему флоту, Дюкеню и самому г-ну Сеньеле. Ему принесли карту и книгу, которая должна была служить журналомъ наступающихъ морскихъ дѣйствій; на первой онъ отмѣчалъ своей рукой всѣ пункты атаки, во второй самъ выставилъ число на первомъ листѣ. Потомъ были позваны Лувуа съ Сень-Пуанемъ, которымъ тоже приказано было разослать отъ себя курьеровъ. Въ половинѣ четвертаго министры вышли изъ кабинета, а въ четыре часа король, съ балкона, уже приветствовалъ рукой Сеньеле, который проскакалъ мимо его верхомъ, въ сопровожденіи трехъ-сотъ молодыхъ дворянъ, отправлявшихся вмѣстѣ съ нимъ въ Тулонъ волонтерами. Черезъ пять дней Сеньеле пріѣхалъ въ Тулонъ; въ тотъ же вечеръ сѣлъ на корабль Дюкена, и на третій день явился передъ

Генуей. Четырнадцать тысячъ человекъ начали громить ея дворцы и опустошать предмѣстiя. Черезъ мѣсяцъ Сеньеле возвратился. Генуа покорилась, миръ между Франціей и Германіей возстановился, и въ годовщину появленiя французскаго флота передъ Генуей, дожъ и съ нимъ вмѣстѣ четыре сенатора преклонили колѣна передъ трономъ Людовика XIV, отдавая тѣмъ должную дань величію Франціи.

Въ другой разъ отступленіе Людовика XIV отъ обыкновеннаго дневнаго порядка произошло совсѣмъ отъ другихъ обстоятельствъ и носило на себѣ совершенно иной характеръ. Двадцать пять лѣтъ протекло послѣ описанныхъ нами событiй. Французская корона, казалось, была покрыта траурнымъ крепомъ. Справедливая и законная война за наслѣдіе испанскаго престола обратилась во вредъ самой же Франціи; государство разрушалось; народъ бѣдствовалъ, границы были открыты со всѣхъ сторонъ; Туръ, Дуэ, Бетунъ были въ рукахъ непріятелей, побѣдоносныя знамена которыхъ развѣвались уже только за шесть переходовъ отъ Версаля. Король скорбѣлъ и о бѣдствiяхъ своего народа, и объ опасностяхъ, угрожавшихъ государству, но онъ былъ твердъ и надѣялся еще на Бога и на людей. Въ одинъ день, а именно 6-го iюня 1710 года, де Торси, по выходѣ изъ совѣта, приблизился къ королю и сообщилъ ему о смерти кармелитки, сестры милосердія, Луизы, что прежде была дѣвица де-Лавальеръ. Король вскрикнулъ, началъ было расспрашивать, но тотчасъ же умолкъ и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно. Потомъ онъ вошелъ въ церковь, и долго, и горячо молился. Возвращаясь оттуда, онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, ни на кого не обращалъ вниманiя и не пошелъ къ г-жѣ Меньтенонъ, хотя это было самое то время, въ которое онъ обыкновенно посѣщалъ ее. Подали обѣдъ, но онъ не сѣлъ за него, а приказалъ заложить свою маленькую коляску, и послѣ долгой и уединенной прогулки опять остался одинъ въ своей комнатѣ. Принцесса Конти, единственная дочь г-жи де-Лавальеръ, отправилась въ Парижъ. Она возвратилась поздно, въ отчаянiи, въ слезахъ, и вбѣжала прямо къ королю. Никто не смѣлъ ни остановить ее, ни предупредить короля. Онъ ее дожидался, вѣжно прижалъ къ своему сердцу—и крупныя слезы покатались изъ глазъ его. Двадцать лѣтъ, не произносилъ онъ имени г-жи де-Лавальеръ, но сколько разъ, можетъ быть, въ тихіе часы грусти, мысли его переносились къ прежнимъ блестящимъ празднествамъ Версаля, или въ монастырь улицы Св. Іакова?.... Наступилъ вечеръ, король вышелъ къ ужину только на одну ми-

нута и тотчасъ же опять удался. Въмѣсто того, чтобъ войти въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно собирался семейный кружокъ, онъ прошелъ въ свою комнату съ одной принцессою Конти. Когда онъ отпустилъ ее, никто изъ приближенныхъ, никто изъ должностныхъ лицъ не входилъ къ нему ни для присутствія при его раздѣваньи, ни для принятія отъ него приказаній. Только до утра онъ былъ свободенъ грустить и молиться: завтра опять должны были начаться его строгія, обычныя занятія. Каждый зналъ это, и никто не смѣлъ нарушить его спокойствія, потревожить его печаль....

ОТВѢТЪ НА »ЗАМѢТКИ ПОСТОРОННЯГО.«

(См. С.-П.-бургскія Вѣдом. 1853 г. № 135. Фельет., стр. 553).

Начавъ писать и печатать свои *»Памятные листки* ошибокъ въ русскомъ языкѣ и другихъ несообразностей, встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей (см. Москвитянинъ 1852 и 1853), съ одною цѣлію принести пользу русскому языку, и, какъ не принадлежащій ни къ какой литературной партіи, подвергавъ разсмотрѣнію статьи всѣхъ, безъ разбора, русскихъ литературныхъ журналовъ и газетъ, издаваемыхъ частными лицами, — я, конечно, долженъ былъ впасть въ немилость у этихъ изданій. Тѣмъ не менѣе, одушевляемый увѣренностію въ правотѣ своего дѣла, вооруженный добросовѣстностію, и при помощи нѣкоторыхъ знаній, приобретенныхъ ученіемъ и опытомъ, я продолжаю, и, если Богу угодно, буду продолжать идти своимъ путемъ.

Такимъ образомъ, возстаніе на меня *»С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»* и *»Отечественныхъ Записокъ»* (см. Май 1853. Смѣсь, стр. 83). весьма естественно. Удивительно только то, что отражаемые ими на подвигъ этотъ раторборцы не наблюдаютъ никакой послѣдовательности въ своихъ возраженіяхъ, выхватываютъ изъ разныхъ *»Листковъ»* моихъ фразы, относящіяся къ совершенно несходнымъ между собою предметамъ, соединяютъ эти обрывки въ одно цѣлое, и, вооружаясь такими, своего издѣлія, фразами, взводятъ на меня ни въ чемъ. Страннѣе же всего то, что критики эти почти вовсе не разсматриваютъ, справедливы, или нѣтъ, мои замѣчанія, что, существенно, и составляетъ ихъ обязанность въ настоящемъ случаѣ, а изъ множества *»Листковъ»* моихъ выкапываютъ какую-нибудь обмолвку

или печатку, и потомъ прибѣгаютъ къ нимъ въ продолженіе всей своей статьи. — Впрочемъ, чему тутъ удивляться? такова тактика всѣхъ *слабыхъ* противниковъ.

Не такъ поступилъ бы *настоящій* критикъ,—критикъ, не лишенный сознанія своей силы. Онъ рассмотрѣлъ бы, пусть хотя одинъ, мой «Листокъ», но рассмотрѣлъ бы его *весь, отъ начала до конца*, показалъ бы его недостатки, но не утаилъ бы и того, что въ немъ есть хорошаго и полезнаго, и, взвѣсивъ то и другое, сдѣлалъ бы безпристрастный выводъ. — За такой разборъ были бы благодарны критику всѣ читатели и, особенно, я.

Высказавъ откровенно свои мысли, приступаю къ рассмотрѣнію «Замѣтокъ Посторонняго».

Г. Посторонній начинаетъ такъ: «въ нѣкоторыхъ поръ въ «Москвитинѣ» печатаются статьи подъ заглавіемъ: *Памятный листокъ*, и пр. Авторъ этихъ статей, г. Покровский (изъ Новгорода), горько сътуя на русскую литературу и на искаженіе русскаго языка, принявъ на себя трудъ исправлять ошибки, встрѣчающіяся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно петербургскихъ), разъяснить значеніе нѣкоторыхъ словъ, понимаемыхъ превратно, опредѣлить каждому изъ этихъ словъ свое мѣсто (,) и научить Петербургскихъ бельетристовъ *правильному* правописанію» (г. Покровский учить и *правильному* правописанію). Составитель «Листковъ» знаетъ цѣну своимъ полезнымъ трудамъ (,) и отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «я не пишу своихъ «Листковъ» на одинъ текущій мигъ, а *думаю*, что можетъ быть они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріаловъ для теоріи языка. Уже одна *неправильная* конструкція этой фразы можетъ отчасти свидѣтельствовать, какъ легко отыскивать ошибки въ чужихъ сочиненіяхъ—и какъ трудно избѣгать ихъ въ своихъ собственныхъ статьяхъ.»

А вотъ мои слова: «.... я, въ *Листкахъ* своихъ стараюсь представлять не однѣ ошибки и поправки ихъ, но иногда и наблюденія надъ сущностью языка, разъясняя, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, значеніе иныхъ словъ, понимаемыхъ нынѣ многими совершенно превратно, и такимъ образомъ опредѣляя тѣмъ словамъ, каждому свое мѣсто. Я не пишу своихъ *Листковъ* на одинъ текущій мигъ, а *думаю*, что можетъ быть они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріаловъ для теоріи языка.» (Это сказано въ выноскѣ).

Говорится ли у меня что я *взялъ на себя обязанность* разъяснять значеніе словъ, и каждому изъ нихъ опредѣлять свое мѣсто? Я ска-

заль только: *стараюсь* дѣлать это, и то *иногда*, что совсѣмъ другое. Что же касается до приписываемаго мнѣ желанія, *научить петербургскихъ бельетристовъ правильному правописанію*, то объ этомъ въ выноскѣ моей нѣтъ и помину.—Спрашиваю, позволено ли искажать слова другаго, а особенно влагать въ уста его то, чего онъ вовсе не говорилъ. Какъ называются такіа дѣйствія — разсудять читатели.

Правда, у меня, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, чрезъ двѣнадцать страницъ послѣ упомянутой выноски, находится слѣдующая замѣтка:—*»Покрайней мѣрь»* (С.-Пет. Вѣд. 1853. № 50, стр. 199). На какомъ основаніи *по* пишутъ въ этомъ словѣ слитно съ *крайней*, неизвестно; кажется, слова *покрайней* нѣтъ; правильное правописаніе велить писать: *по крайней мѣрь*. —Что же, не справедлива моя замѣтка? О! критикъ молчитъ объ этомъ, а прививъ къ словамъ моимъ: *правильное правописаніе*, свои дополненія, составляетъ изъ нихъ фразу по своему произволу, и, включивъ ее въ означенную мою выноску, приписываетъ всю эту саодѣльщину мнѣ. Нечего сказать, добросовѣстно! И вотъ, ухватившись за слова: *правильное правописаніе*, г. критикъ потомъ безпрестанно поражаетъ меня ими, какъ оружіемъ всесильнымъ. — Напрасно, г. критикъ! Оружіе ваше можетъ тотчасъ переломиться. Прислушайтесь. Правописаніе есть такая же часть грамматики, какъ словопроизведеніе, словосочиненіе, словопроизношеніе, и если можно выражаться: правильное словопроизведеніе, правильное словосочиненіе, правильное словопроизношеніе,—въ чемъ, разумѣется, никто спорить не будетъ, то почему же не писать: правильное правописаніе?—И такъ, г. критикъ, ваше могущественное оружіе разбилось въ дребезги, и я не буду болѣе обращаться на него вниманія.

Далѣе, въ моей фразѣ: «я не пишу своихъ *»Листковъ»* на одинъ текущій мигъ, а думаю, что, можетъ быть, они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріаловъ языка,»—конструкція признана неправильною, но безъ всякихъ доказательствъ.

Г. критикъ продолжаетъ: «но г. Покровский дѣлаетъ еще и не такіе грамматическіе промахи. Онъ говоритъ, что теперь грамматика ни по чемъ, и какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія, пишетъ: «часто читаешь такіа фразы, гдѣ дѣпричастіе придаточнаго предложенія выражаетъ дѣйствіе не того лица или предмета, которое есть подлежащее главнаго предположенія, а другаго.»—И не совѣстно находить важный грамматическій промахъ тамъ, гдѣ его и не бывало? Все дѣло,

какъ всякій видитъ, въ томъ, что слова: *или предмета*, по опискѣ, не отдѣлены скобками.

Потомъ приведенъ пунктъ мой: »двѣ коротенькія фразы, изъ которыхъ въ каждой по три значительныхъ разнаго рода ошибокъ.« Въмѣсто ожидаемаго разсмотрѣнія, справедлива, или нѣтъ, моя замѣтка, тутъ находится только мелочная привязка къ словамъ: »по три значительныхъ разнаго рода ошибокъ.« А промахъ тутъ весь въ томъ, что, послѣ *по три*, я, или корректоръ, забыли поставить *запятую*, или *тире*; у меня *ошибокъ* отнесено не къ *по три*, а къ подразумеваемому глаголу *находится*, т.-е. находится ошибокъ, въ каждой фразѣ, по три.

Что касается до фразы моей: »Всѣ лица должно было назвать или именами г-дъ актеровъ, или именами представляемыхъ ими ролей,«—то я и теперь, оставаясь при этомъ же мнѣніи, не постигаю, что есть ошибочнаго въ словахъ: »именами представляемыхъ ими ролей,« которыя г. Посторонній только подчеркнул, не сказавъ, въ чемъ тутъ неправильность.

»Кажется, говорить г. критикъ, выписанныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобъ дать читателямъ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ самъ г. Покровскій содѣйствуетъ искаженію отечественнаго языка.«

Достаточно!!! О, конечно! И это, какъ нельзя лучше, видно изъ слѣдующаго: ни одна изъ замѣтокъ моихъ не только не опровергнута, но и не разсмотрѣна, выраженія мои искажены самовольными передѣлками, выхваченныя изъ разныхъ пунктовъ моихъ мѣста соединены въ одно цѣлое, которое приписано мнѣ, найдены двѣ-три опечатки или описки. Чего же болѣе?

Но вотъ наконецъ г. Посторонній вздумалъ посмотреть, какъ я поправляю чужія ошибки. Послѣдуемъ за нимъ.

»Въ № 49 »Свѣ. Пчелы« 1853 года, говорить онъ, г. Покровскій отъи(ы)скалъ фразу: »всѣмъ извѣстно, до какой степени В. М. Кажинскій довелъ оркестръ Александринскаго театра,« и говорить, что фѣльтетонистъ долженъ былъ выразиться слѣдующимъ образомъ: до какой высокой степени усовершенствованія довелъ, и проч. Дѣйствительно, фѣльтетонистъ »Свѣ. Пчелы« выразился неправильно; но поправка, сдѣланная г. Покровскимъ, еще болѣе запутываетъ неясную фразу: вмѣсто слова *совершенство*, авторъ »Листковъ« ввелъ въ нее слово *усовершенствованіе*; а это не одно и то же.«

Видите, замѣтка-то моя и правильна; да зачѣмъ я въ поправкѣ своей употребилъ не слово *совершенство*, а *усовершенствованіе*. А

вотъ зачѣмъ: г. Кажинскій не могъ довести оркестра ни до какой степени совершенства, во-первыхъ, потому, что совершенство не имѣетъ степеней, во-вторыхъ, потому, что человеку доступно только усовершенствованіе, а не совершенство. Понятно ли теперь? — И то, правда сказать, — г. Посторонній привыкъ слышать: степень совершенства; а на что ему разбирать значеніе словъ? — Притомъ, онъ еще болѣе запутываетъ неясности, а кто хорошо пишетъ по-русски, тотъ скажетъ: еще болѣе затемняетъ.

»Въ № 43 той же газеты,—сказано далѣе,— г. Покровскій прочелъ слѣдующее: «Музыка, слышанная издали или вблизи, производитъ совершенно другое впечатлѣніе,» и прибавляетъ: «Фраза совершенно неправильная. Скажите: музыка, слышимая нами издали, производитъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое бываетъ отъ ней, когда она раздается вблизи насъ, — и будетъ понятно и складно.» Нѣтъ, не будетъ. Во-первыхъ (,) фраза, составленная г. Покровскимъ, чрезвычайно растянута, а во-вторыхъ (,) по-русски не говорится: впечатлѣніе, какое бываетъ отъ ней.»

Не говорится? а почему?—это опять тайна, но не русской грамматики, а собственной грамматики г. Посторонняго. Какъ легко возражать такимъ образомъ. Не говорится—да и кончено.—Потомъ: фраза моя не растянута (замѣьте еще: чрезвычайно (?) растянута), а такова, какою ей слѣдуетъ быть. Да вѣдь и краткость только тогда хороша, когда она не затемняетъ смысла, не нарушаетъ правильности; во фразѣ же «Свѣ. Пчелы» и темнота и неправильность; а мой оборотъ рѣчи ясенъ и правиленъ. На чьей сторонѣ преимуществъ?

Пунктъ отъ словъ: «печатки въ родѣ: не возможно,» до словъ: «слишкомъ крайней, неизвѣстно,» заключаетъ въ себѣ одно только мелочное разглагольствіе, и приводитъ единственно къ тому выводу, что невозможно и по крайней мѣрѣ остаются, согласно моему мнѣнію, ошибки.

»Въ № 17 Санкти. Вѣд., — продолжаетъ г. критикъ, — г. Покровскій прочелъ фразу: «А вѣдь кончится бѣгъ, и она (толпа) равнодушно разбредется по домамъ, и не помянетъ о бѣгѣ до слѣдующаго раза.» Изъ объясненія г. Покровскаго видно, что вмѣсто слова помянетъ здѣсь слѣдовало бы употребить — какъ бы вы думали, какое слово?—упомянуть! По его мнѣнію, помянуть есть однократное отъ помянуть и значить: совершить поминованіе; упомянуть есть однократное отъ упомянуть, и значить напомнить, привести что, сказать, написать о чемъ. Скажите, пожалуйста,

что это за *однократное*, о которомъ въ объясненіи г. Покровскаго говорится два раза? По справкѣ съ грамматикой оказывается, что это *однократный* видъ глагола!!! ...а.

Что прикажете мнѣ отвѣчать на такое голословіе, кромѣ того, что я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи? А объясненія слову *однократное* только г. Постороннему понадобилось искать въ грамматикѣ; всякій тотчасъ видѣлъ, что это есть *однократное видоизмѣненіе* глагола.

Вмѣсто: »у одного этотъ капиталъ *больше*, у другого *меньше*» (№ 52 »Св. Пчелы» 1858) (,) г. Покровскій советуетъ писать на чистомъ Русскомъ языкѣ: *«капитала этого, у одного больше, у другого меньше.* — Почему же, спросите вы, надо непременно писать такъ, а не иначе? Потому-что больше и меньше, не *что*, а *чего*», отвѣчаетъ г. Покровскій. Такимъ образомъ, слѣдую его совету, надо будетъ писать: *одного корабля больше, другую меньше* (*одинъ корабль больше, другой меньше* — неправильно, по крайней мѣрѣ по мнѣнію г. Покровскаго; не забудьте: больше и меньше не *что*, а *чего*). Такъ хорошо знакомъ г. Покровскій съ духомъ Русскаго языка!

И такъ: *«капитала этого у одного больше, у другого меньше»* не по-русски; а: »У одного *капиталъ* этотъ больше, у другого меньше» правильнѣе? Премудро! — Нѣтъ, г. критикъ, вы заблуждаетесь: *больше и меньше* здѣсь *нарѣчія* количества, и требуютъ послѣ себя *родительнаго падежа*. Но кто же, кромѣ васъ, выведетъ изъ того заключеніе, что, на основаніи моихъ словъ, должно, вмѣсто: *одинъ корабль больше, другой меньше*, писать: *одного корабля больше, другую меньше*? Въ представленномъ мною примѣрѣ рѣчь идетъ о количествѣ находящагося у извѣстныхъ лицъ капитала, а въ приведенномъ вами — просто о величинѣ корабля. Въ первомъ случаѣ, какъ я уже и сказалъ, *больше и меньше* нарѣчія; въ последнемъ — замѣняютъ прилагательныя: *большій, меньшій*.

Послѣ того, г. критикъ, сказавъ, что въ моихъ »Листкахъ» находится много *поправокъ*, вводящихъ въ языкъ новыя *ошибки*, говорить въ подтвержденіе того: »по мнѣнію г. Покровскаго, *надежда* есть *ограда*» (въ рукописи моей было: *отрада*), *услажденіе жизни*; безъ надежды человекъ былъ бы несчастное созданіе, и слѣдовательно, прилагательное *коварная*, ни въ какомъ случаѣ, несовмѣстимо съ нею.» (Въ № 73 С.-П.-бургскихъ Вѣд. 1853 г., есть выраженіе *коварная надежда*). — »*Прискучить* — слово неупотреб-

тельное въ хорошемъ слогѣ.» — «Вмѣсто *рубашка*, въ фельетонахъ приличнѣе употреблять слово *сорочка*.» — Опроверженіе этого ограничивается словами: «кто бы это подумалъ!» вопросительными и удивительными знаками и подчеркиваньями. — Дѣло!

По поводу замѣтки моей о томъ, что слово *болѣнь* въ Отеч. Зап. неправильно написано *болѣнь*; потому что оно имѣетъ корень своимъ не *болѣнь*, а *болъ*, — г. Посторонній, написавъ и самъ *болѣнь*, восклицаетъ только, что мнѣ не слѣдовало указывать на корни *болъ* и *болѣнь*, по той причинѣ, что *болѣнь* есть прилагательное спрягаемаго окончанія отъ склоняемаго *больной*.

На корни: *болъ* и *болѣнь* я указалъ потому, что кто пишетъ, какъ «Отеч. Зап.», — *болѣнь*, тотъ считаетъ корнемъ этого слова *болѣнь*.

Я замѣтилъ, что слово *чувство* должно употреблять только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи, вездѣ же, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*; и что потому надо говорить, не: это человекъ съ *чувствомъ*, а: это человекъ съ *чувствованіемъ*; не: она играетъ съ *чувствомъ*, а: она играетъ съ *чувствованіемъ*. Противъ этого, г. Посторонній, вѣрно не придумавшій отъ себя ничего, говоритъ только, что фразы въ родѣ: у ней много *чувствованія*, онъ говорить съ *чувствованіемъ*, не встрѣчаются у Карамзина, Жуковского, Пушкина. Можетъ быть; но это не мѣшаетъ моей замѣткѣ быть справедливою. И опять прежняя недобросовѣстная замашка — смѣшивать въ одну рѣчь отрывки изъ разныхъ мѣстъ. Слова мои: «то ли завѣщали писателямъ учителя наши въ дѣлѣ изящной словесности: Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ? Загляните въ ихъ повѣствовательныя произведенія,» и проч., г. критикъ ставитъ вслѣдъ за моею замѣткой о словахъ: *чувство* и *чувствованіе*, и торжественно восклицаетъ: «да, загляните въ ихъ произведенія — ручаюсь, вы не встрѣтите въ нихъ ни одной фразы въ родѣ слѣдующихъ: у ней много *чувствованія*, онъ говорить съ *чувствованіемъ*,» и проч., и проч., умышленно давая тѣмъ знать, будто я самъ себя опровергаю. Между тѣмъ, все это есть *изобрѣтеніе* г. Посторонняго: мое истолкованіе словъ: *чувство* и *чувствованіе* помѣщено въ «Москвитинѣ» 1852 г.; а фраза о Карамзинѣ, и пр. — въ 10 книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ, и написана совсѣмъ по другому поводу. Вотъ она:

«Изящная словесность, долженствующая обращаться въ сферѣ прекраснаго, благороднаго, честнаго, возвышеннаго, нравственнаго, чис-

того, совратилась съ пути своего подъ перомъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей романовъ, повѣстей и разсказовъ. Она стала пресмыкаться по грязнымъ закоулкамъ, переполнилась нечистотами и пошлостями, начала говорить языкомъ базаровъ и харчевень; словомъ, изъ очаровательной феи преобразилась въ безчинную торговку.

»То ли завѣщали писателямъ учителя наши въ дѣлѣ изящной словесности: Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ? Загляните въ ихъ повѣствовательныя произведенія. Тамъ преобладаетъ не грубая тѣлесность, а проявленіе духовной стороны чловѣка; нѣтъ отвратительныхъ сценъ и картинъ; на все, гдѣ проглядываетъ чловѣческая слабость, накинута дымка; все свѣжо и дѣвственно, какъ только что распустившаяся роза, ото всего вѣетъ ароматомъ; языкъ правильный, чистый, благозвучный, благородный.«

Посудите, есть ли какая-нибудь связь между этимъ мѣстомъ и разборомъ словъ: *чувство* и *чувствованіе*?

О *реальности*, и пр., опять голословіе, на которое отвѣта не даютъ.

Г. Посторонній не разъ огорчается тѣмъ, что я не разсматриваю статей »Москвитянина.« Такое огорченіе странно, смѣшно и даже неблаговидно. Что обязываетъ меня разсматривать *непремѣнно* тотъ или другой журналъ? Почему, въ выборѣ предметовъ для своихъ разборовъ, долженъ я руководствоваться программой г. Посторонняго? Неужели, отъ того, что »Москвитянинъ« примкнетъ, въ моихъ »Листкахъ,« къ строю петербургскихъ изданій, симъ послѣднимъ будетъ легче, и ошибки ихъ въ русскомъ языкѣ сдѣлаются рвчью правильной, искаженія языка обратятся въ усовершенствованія его, ложныя мысли явятся истинами?

Впрочемъ, почему бы г. критику не заняться и самому »Москвитяниномъ?« А на моихъ рукахъ и безъ того уже довольно газетъ и журналовъ.

Тѣмъ и оканчиваю я разсмотрѣніе »Замѣтокъ Посторонняго;« но какая и кому польза отъ разбора подобныхъ статей?

Такихъ ли критикъ ожидалъ я? Съ горестію обращаю взоръ назадъ, на время, принесенное мною въ жертву написанію отвѣта на »Замѣтки Посторонняго,« время, истанно, убитое. Дѣйствительно, представили ли эти »замѣтки« хоть тѣнь правильного воззрѣнія на духъ русскаго языка; разъяснили ли онъ, ужъ не говорю сторону, а хоть черту теоріи языка; было ли чему поучиться изъ нихъ и мнѣ,

и, вообще, читателямъ? Къ сожалѣнію, ничего этого нѣтъ и въ поминѣ.—А въ критикахъ-то съ этими условіями и нуждаемся мы.

Но Богъ не безъ милости; будемъ надѣяться, что дождемся и *добрыхъ* замѣчаній; а «Замѣтки Посторонняго» не повели ни къ какому послѣдствію; следовательно, и вывода нѣтъ никакого. Дѣло находится еще въ томъ же положеніи, въ какомъ оно и было. Вся существенная часть моихъ «Листковъ» остается еще неприкосновенною.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Новгородъ. 2-го Іюля 1853.

СРЕДСТВО ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛИ. Горе, горе зубнымъ врачамъ! Радость зубнымъ страдалцамъ! Нѣтъ болѣе зубной боли! Не нужны поддѣльные зубы, и потомство удивится и не повѣритъ, что былъ у предковъ варварскій обычай дергать зубы. Вотъ что прочли мы въ Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ:

«Я самъ испыталъ зубную боль; и кто только страдалъ ею, тотъ можетъ судить, какъ она невыносима. Перебравши всѣ средства, предлагаемыя мнѣ, наконецъ остановился я на одномъ, которое мнѣ помогло, и я предлагалъ его страдавшимъ этою болѣзнію, и всѣ получали выздоровленіе. Они передавали объ этомъ средствѣ другимъ, а потомъ ко мнѣ стали за нимъ относиться многіе, и всѣ оставались за него благодарными: рѣдко кто совершенно не выздоравливалъ, но облегченіе получали всѣ безъ исключенія.

«Вотъ это средство: взять на 10 коп. сер. бакаутова дерева, два стручка перца, на 15 коп. сер. кокиларнаго спирта, полиштова пѣннаго вина и два золотника табака махорки въ листьяхъ; все это смѣшать и поставить въ теплое мѣсто, сутокъ на пять; больной долженъ взять этой жидкости въ ротъ четверть рюмки и продержать ее на больной сторонѣ, конечно не глотать, столько минутъ, сколько будетъ въ состояніи, и выплеснуть; отъ повторенія этого въ два раза, совершенно избавляются отъ болѣзни. Остаюсь въ надеждѣ, что каждый больной зубами, испытавши это средство, скажетъ мнѣ спасибо.» А. П.

Всужь сердце радуется за такое открытіе, хотя самихъ насъ и избавилъ Богъ отъ этого бича рода человѣческаго.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. При образованіи этнографическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предположено было учредить музей отечественной Этнографіи. Это предположеніе отчасти уже осуществилось. Какъ Члены Общества, такъ и постороннія лица изъ разныхъ мѣстъ Россіи доставляли Обществу народныя одежды, домашнюю утварь, оружіе, и тѣмъ уже положили основаніе музея.

Одну изъ существенныхъ частей этнографическаго собранія и библиотеки долженъ составить сборникъ этнографическихъ рисунковъ. Нужно собрать и хранить, какъ матеріалъ народоописаній, изображенія народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это особенно своевременно теперь, когда такъ разнообразно развивается изученіе русскаго народнаго быта.

Предполагая, нынѣ приступить къ собранію такихъ рисунковъ, Общество обращается съ просьбою о содѣйствіи ко всемъ желающимъ участвовать въ этомъ предпріятіи. Оно приглашаетъ г-дъ художниковъ, учителей рисованія, любителей, всехъ имѣющихъ къ тому возможность и способы, доставлять Обществу рисунки лицъ, одѣждъ обыкновенныхъ и употребляемыхъ въ особенныхъ случаяхъ, (наприм. праздникахъ), жилищъ и дворовъ, домашней утвари, упряжи, оружія, орудій, музыкальныхъ инструментовъ, даже изображеній самыхъ обрядовъ, игръ и занятій народовъ и племенъ, населяющихъ Россію.

Но для того, чтобы придать этимъ рисункамъ единообразіе и значеніе матеріаловъ для науки, Общество желало бы, чтобы при составленіи рисунковъ были соблюдены нѣкоторыя условія:

1) *Вѣрность* въ изображеніяхъ, особенно лицъ разныхъ народовъ и племенъ. Желательно, чтобы на рисункахъ изображались портреты, сдѣланные съ натуры и по возможности съ такихъ людей, у которыхъ соединяются черты и признаки, отличающіе одно племя отъ другаго. Иногда въ лицахъ людей, обитающихъ въ известной мѣстности, даже въ небольшомъ околodкѣ, замѣчаются особенности, резко отличающія ихъ отъ сосѣдей, тоже имѣющихъ свое опредѣленное полчице. Не только въ чертахъ и выраженіи лица, въ цвѣтѣ кожи, волосъ, глазъ и т. п., но во всемъ складѣ и посадкѣ челоуѣка, въ общей осанкѣ его и движеніяхъ, можно подмѣтить различіе между жителями разныхъ мѣстъ Россіи. Приведемъ примѣръ, замѣченный опытнымъ наблюдателями: Бѣлоруссъ почти

всегда держать голову нѣсколько на сторону; обитатель горъ имѣть привычку стоять подбоченившись, обыкновенно подпираясь одною рукою и слегка наклонивъ туловище, въ вольной постановкѣ всего тѣла; Великоруссъ также иногда подбоченится, но иначе, не такъ непринужденно: онъ приложитъ одну или обѣ руки къ бокамъ, не подпираясь ими. Такія черты желательно бы видѣть переданными въ рисункахъ съ возможною выразительностію. Хорошо, если съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ соблюдены также изящество и вкусъ; но прежде всего должно имѣть въ виду не столько красоту изображеній и картинность положеній и группъ, сколько истину и вѣрность природы.

2) Чѣмъ рисунки будутъ *подробнѣе*, тѣмъ болѣе они будутъ полезны. Если кто предположитъ срисовать костюмъ, то можетъ представить его съ разныхъ сторонъ; если онъ сложный, то отдѣльныя части его, головной уборъ, обувь, украшеніе, могутъ быть, по усмотрѣнію, изображены особо. То же относится и къ женщинамъ: и здѣсь хорошо бы передать сначала общій видъ, потомъ частности: убранство, утварь, рѣзбу, украшенія и т. п.

3) Рисунки должны быть сдѣланы на бумагѣ, въ форматъ полулиста, и непременно раскрашены.

4) Необходимо означать мѣсто, то-есть городъ или селеніе, гдѣ сняты рисунки, и присовокуплять мѣстные названія всѣхъ изображаемыхъ предметовъ.

Общество съ благодарностію приняло бы также изображенія лицъ въ видѣ небольшихъ куколъ, изъ чего бы эти куклы сдѣланы ни были, но, если можно, въ одеждахъ изъ тѣхъ же матерій, какъ и настоящее народное платье, равнымъ образомъ и небольшія модели построекъ, домашней утвари, орудій и другихъ принадлежностей народнаго быта.

Въ заключеніе долгомъ считается извѣстить, что, на основаніи § 15 Устава Географическаго Общества, оно пользуется правомъ безденежной пересылки по почтѣ, и что посылки должны быть надписываемы: въ *С.-Петербургъ, въ Императорское Русское Географическое Общество (на Мойкѣ, въ домъ Пуштина.)*

М О Д Ы.

— Простота въ нарядѣ рѣшительно не въ модѣ; чѣмъ болѣе украшеній всякаго рода, оборокъ, кружева, лентъ, цвѣтовъ, тѣмъ нарядъ считается изящнѣе. Шляпки въ особенности совершенно исчезаютъ подъ огромными гирляндами, букетами и волнами кружевъ. Часть, начиная отъ самаго края полей шляпки, усыивается мелкими бантиками, постепенно увеличивающимися къ тульѣ, гдѣ они принимаютъ огромные размѣры; кончики ихъ упадаютъ граціозно на шею.

— Прозрачныя соломенныя и волосяныя шляпы въ большомъ употребленіи. Онѣ дѣлаются на шелковомъ подбоя, на которомъ образуютъ легкую сѣтку. Для молодой дѣвицы нѣтъ ничего лучше такой шляпы, на бывомъ подбоя съ букетомъ подснежниковъ и такой же гирляндой подъ полями. Прибавьте къ этому голубое тафтаное платье съ крупными бѣлыми клетками, мантилью изъ бѣлой индѣйской кисеи, съ фестонированными оборками, и у васъ будетъ прелестный туалетъ для прогулки или утренняго визита.

— Бастовыхъ цѣльныхъ шляпъ не много; большею частью баста употребляется полосками на тафтанья или креповыя шляпы, гдѣ она образуетъ затѣливые фестоны. Къ такимъ шляпамъ нѣтъ ничего лучше легкаго завитаго перушка, приколотата аграфомъ изъ соломки или бантикомъ лентъ подъ цвѣтъ подбоя; подъ полями марабу съ усиками изъ басты.

— Носать много бѣлыхъ канзу, съ цвѣтными юбками. Онѣ дѣлаются прямыя спереди, подъ горло со складочками и прошивками; рукава широкіе, собранные на обшивку.

— Платья дѣлаются до сихъ поръ съ вырѣзками и съ басками; лучшая отдыжка—ленты; аграмантъ употребляется только на великолѣпныхъ шелковыхъ матеріяхъ.

— Съ такою формою платьевъ необходимы, конечно, воротнички и шемизетки, которыя нынѣ убираются множествомъ кружева, гипюру, бантиками узенькихъ лентъ и проч. — Подрукавники должны

II.

быть въ *pendant* шемизетки. Ихъ теперь болѣе носятъ широкіе, на обшивку, нежели *pagodes*.

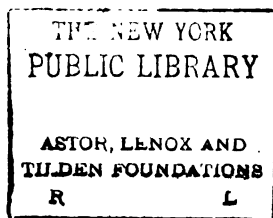
— Кисейныя платья, особливо изъ шелковой кисеи, очень красивы; онѣ дѣлаются, съ затканными оборками шине тѣновыми, *escorrais* и т. д. Эти платья убираются бантами модныхъ пестрыхъ лентъ.

— Для жаровъ мы видѣли много пеньюаровъ изъ суроваго батисту, шитыхъ вокругъ гладью бѣлой бумагой; къ этимъ пеньюарамъ сдѣланы были одинаковыя мантильи, также шитыя и фесто-нированные. Тальма перехватываетъ поясъ, фесто-нированный изъ той же матеріи.

— При этомъ изящномъ неглиже необходима, конечно, нансуковаго манишка и подрукавники, шитые гладью, и такой же чепчикъ.

Описаніе картинки.

— Платье шелковое, отдѣланное лентами и кружевомъ; воротничекъ *mousquetaire* и подрукавники кружевные; шляпа изъ лентъ и бѣлой блонды съ марабу на поляхъ и внутри.

Опечатка. Въ 13 номерѣ въ отдѣлѣ Журналистики, на стр. 18. строкъ 2, вмѣсто *политическія* надо читать *полемическія*.

Печатать позволено. Москва. Июля 17-го дня 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, Готье и Стиллановой.

